

**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Институт человека**

**Факультет журналистики
Факультет психологии
Философский факультет**

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ МЕДИАПСИХОЛОГИИ

Москва, 2011

ББК 76.0;88.4;87

ЧЗ9

Ответственные редакторы:

профессор, доктор филологических наук *Е. Л. Вартанова*;
профессор, доктор психологических наук,
член-корреспондент РАО *Ю. П. Зинченко*;
профессор, доктор философских наук,
член-корреспондент РАН *В. В. Миронов*.

Научные редакторы:

профессор, доктор психологических наук,
член-корреспондент РАН *В. Ф. Петренко*;
доктор филологических наук,
кандидат психологических наук *Е. Е. Пронина*.

ЧЗ9 **Человек как субъект и объект медиапсихологии.** – М.: МГУ
имени М. В. Ломоносова / Ин-т человека; Изд-во Моск. ун-та,
2011. – 824 с.

ISBN 978-5-211-06224-5

Медиапсихология – молодая наука, возникшая в цифровую эру как отражение нового витка развития информационных технологий массовой коммуникации и формирования новой парадигмы науки, которой становятся доступны нелокальные объекты. В монографии факты, феномены и фантомы массовой коммуникации рассматриваются специалистами разных областей фундаментальной науки и практики – психологами, психотерапевтами, журналистами, филологами, лингвистами и философами, – в единстве и многообразии ракурсов. Книга адресована журналистам, психологам, философам, исследователям массовой коммуникации, а также всем, кому интересна медиапсихология.

ISBN 978-5-211-06224-5

© МГУ имени М. В. Ломоносова /
Ин-т человека, 2011

Содержание

Предисловие ректора Московского университета В. А. Садовниченко	7
--	---

Раздел I. Медиа в пространстве информационно-коммуникационных технологий

<i>Вартанова Е. Л.</i> Человек и цифровая революция в СМИ: вызовы и проблемы	11
<i>Миронов В. В.</i> Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры	39
<i>Зинченко Ю. П.</i> Виртуальная реальность в экспериментальной психологии: к вопросу о методологии	58
<i>Засурский Я. Н.</i> Все начинается с контента	76
<i>Асмолов А. Г., Асмолов Г. А.</i> От Мы-медиа к Я-медиа: поиск себя в мире информации	86
<i>Пронина Е. Е.</i> Категории медиапсихологии: факты, феномены, фантомы	105
<i>Матвеева Л. В.</i> Актуальные проблемы медиапсихологии.....	151
<i>Петренко В. Ф.</i> Истина и правда публичного слова	169

Раздел II. Человек информационной эры

Вартанова Е. Л.

От человека социального – к человеку медийному?
К вопросу о влиянии СМИ на аудиторию 199

Миронов В. В.

Поп-культура как продукт глобального
информационного пространства 216

Зинченко Ю. П.

Виртуализация реальности: от психологического
инструментария к новой субкультуре 231

Кабрин В. И.

Транскомуникация, нередуктивная психология
и человеческие метаценности 279

Назаретян А. П.

Специфика современной коммуникации в контексте
Универсальной истории: знания массового поражения
и парадигма выживания 297

Дунас Д. В.

Эффект «последней капли»: к вопросу о способности СМИ
оказывать вредное влияние на аудиторию 332

Раскин А. В.

Права человека как психологическая категория 346

Чудова Н. В.

Картина мира и социально-психологическая
адаптированность журналиста 363

Вербицкая Ю. А.

Творчество на грани невроза: стрессогенные аспекты
профессиональной деятельности журналиста 392

<i>Кузнецова Ю. М.</i> Картина мира и современные технологии: «легкость бытия» в Интернете	5 437
--	----------

<i>Соколова Е. Т.</i> Современный нарциссизм как медийный и клинический социокультурный феномен	468
---	-----

<i>Пронин Е. И., Пронина Е. Е.</i> Experimentum crucis, или Начала и перспективы медиапсихологии	504
--	-----

Раздел III. Информационная открытость и психологическая безопасность

<i>Ениколопов С. Н.</i> Насилие и массовая коммуникация	555
--	-----

<i>Зинченко Ю. П.</i> Масс-медиа как эффективный инструмент профилактики социально-психологических факторов развития терроризма	575
--	-----

<i>Карицкий И. Н.</i> Эпоха тотального господства СМИ: воспитание и саморазвитие – манипуляция и потребление?	595
--	-----

<i>Пронина Е. Е.</i> Национальная идентичность как проблема медиапсихологии	610
---	-----

<i>Войскунский А. Е.</i> Актуальные проблемы психологии Интернета	644
--	-----

6	<i>Ефимова Л. Л.</i> Зарубежный опыт экспертизы информационной продукции в целях возрастной классификации 658
	<i>Сорокина В. В.</i> Детские игры и игрушки как форма массовой коммуникации 704

Раздел IV. На стыке наук: грани семиосферы

	<i>Петренко В. Ф., Коротченко Е. А.</i> Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов 721
	<i>Покровский Н. Е.</i> Границы визуальности и виртуальной реальности: есть ли они? 764
	<i>Козлов В. В.</i> Проблема объекта в мире массовой коммуникации: автономная личность или социальная взаимозависимость 785
	<i>Супрун А. П.</i> Психофонетический анализ текста 804
	Об авторах 820

Предисловие

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова – не только главный вуз страны, но и один из ведущих научных центров, где сформировались крупные научные школы, работали и работают нобелевские лауреаты, лауреаты Ленинской премии, Государственных премий СССР и России. В фокусе научных разработок МГУ сегодня – человек, его природа, биологическое и социальное существование, его мировоззренческие позиции, духовно-нравственный облик, перспективы его интеллектуального развития. Площадкой для междисциплинарного изучения человека стал Институт человека, который объединил ученых университета, работающих в его многочисленных подразделениях. Институт ставит задачу комплексного изучения человека в разных аспектах: это и биология, и медицина, и психология, и сознание, и воздействие внешней среды, и влияние на него общества и его разных институтов.

Сегодня гуманитарные науки, я уверен, находятся накануне очень крупных открытий, связанных с осознанием новой эпохи, в которую вступил мир. Новые перспективы связаны с интеграцией классического естественно-научного и гуманитарного знания, применением математических методов исследования при анализе, изучении общественных процессов, самого человека. Особую значимость в гуманитарных исследованиях приобретает использование инновационных информационных технологий, без которых немислимо моделирование сложнейших процессов современной действительности, в центре которой находится человек.

Коллективная монография «Человек как субъект и объект медиапсихологии» – один из первых продуктов интегрального междисциплинарного, фундаментального и когнитивного сотрудничества. К работе над ней были привлечены ученые

- 8 трех факультетов МГУ – философского, психологии и журналистики. Объединяя несколько научных школ и традиций, монография имеет в основе один объект изучения – человека. Исследование человека в гуманитарной перспективе – ценный вклад в современную науку, учитывающий приоритеты гуманитарного знания. Монография базируется на главных принципах Института человека – комплексном объединении усилий научных школ университета, связанных с изучением человека во всех его сферах жизни. Это – проект, который стал возможным только на базе Института человека, и в этом его уникальность.



*Ректор Московского университета
академик РАН, профессор
В. А. Садовничий*

Раздел I

МЕДИА В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ



Е. Л. Вартанова

Человек и цифровая революция в СМИ: вызовы и проблемы

Современную эпоху часто определяют как информационное общество, цифровую экономику, общество знаний, общество, основанное на знаниях, сетевое общество, эпоху Интернета. Все определения, однако, имеют весьма неоднозначные трактовки, часто пересекающиеся между собой и дублирующие друг друга. Правда, среди всех терминов, ключевых для определения технологических процессов в современном обществе и их влияния на медиасистемы, наиболее значительным и одновременно наиболее бесспорным представляется конвергенция.

Конвергенция (от лат. *converge* – приближаюсь, схожусь) – термин, уже давно принятый в биологии, этнографии, языкознании для обозначения аналогичных процессов схождения, взаимоуподобления. В этом же значении западные философы и социологи в 1950 гг. стали употреблять понятие конвергенции в общественно-политических науках. Опираясь на достижения научно-технического прогресса, они высказали предположение о постепенном сглаживании различий между капиталистическим и социалистическим обществами. Основной движущей силой, которая, по мнению исследователей У. Ростоу (США) и Я. Тинбергена (Нидерланды), стимулировала конвергенцию идеологически противоположных общественных формаций, стала научно-техническая революция. Подобная позиция, конечно, послужила серьезным основанием для упреков сторонников теории конвергенции в технологическом детерминизме. Однако при этом новый взгляд на процесс конвергенции быстро завоевал популярность среди социологов.

Вышедшая в 1962 г. книга американского исследователя Д. Белла «Конец идеологии» стала одной из кульминационных

12 точек развития концепции общественно-политической конвергенции. Д. Белл подкрепил свое видение постиндустриального общества, сформулированное ранее, выводом о возникновении нового типа общества. По его мнению, такое общество опирается на технологии знаний, т. е. информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), и на информационную индустрию – две важнейшие составляющие будущей экономики. Д. Белл заложил основы и для последующих представлений об информационном обществе – и вместе со многими другими его идеями конвергенция была воспринята и переосмыслена в новом контексте.

С 1970-х гг. термин все чаще употребляется для обозначения интеграции информационных и коммуникационных технологических платформ – компьютеров, телефонов, телевизоров. Дальнейшее развитие он получил в ходе дискуссий о дерегулировании телекоммуникационного рынка в США и вещательного рынка в Западной Европе в 1980-х гг. Но только с 1990-х гг. быстрое внедрение Интернета в повседневную жизнь миллионов людей в разных странах мира придало дискуссиям о конвергенции широкий практический смысл. Сегодня использование Интернета стало такой же неотъемлемой частью жизни людей, как чтение книг в XIX веке или телесмотрение в веке XX (см. табл. 1).

Структурные изменения, происходящие в последние десятилетия в СМИ и медиаиндустрии, основываются на изменениях в технологической сфере. Речь идет прежде всего о переводе содержания во всех его формах – текстовой, графической, звуковой – в цифровую форму. Цифровизация содержания (от англ. *digitalization*, в русском переводе возможен также термин «оцифровка»), означает перевод всех типов содержания СМИ в цифровой формат, понятный современным компьютерам, что позволяет содержанию легко «транспортироваться» по любому каналу электронной коммуникации. В результате Интернет из сети, технически соединяющей множество компьютеров, превращается в особую инфокоммуникационную среду, где размещено цифровое содержание старых СМИ. Ни время, необходимое для распространения печатных изданий,

ни финансовые ресурсы, затрачиваемые на организацию пространства, ни пространство, ограничивающее передачу телевизионного и радиосигнала, не являются более преградами ни для тех, кто создает информацию, ни для тех, кто ее потребляет. Цифровизация, устраняя различия между прежде разными СМИ и уравнивая все типы медиаконтента, создает реальную основу для конвергенции масс-медиа.

Таблица 1
Интернет-пользование в странах мира

Страна	Население (2009 г., в млн)	Кол-во интер- нет пользова- телей (2009 г., в млн)	Процент от населения (проникно- вание)	Динамика роста (2000- 2009 гг., %)
США	307,212	227,636	74.1	74.1
Великобритания	61,113	48,755	79.8	216.6
Франция	62,151	42,050	67.7	394.7
Германия	82,330	55,221	67.1	130.1
Италия	58,126	29,140	50.1	120.8
Чехия	10,212	4,991	48.9	399.1
Польша	38,483	20,020	52.0	615.0
Украина	45,700	6,700	14.7	3,250.0
Финляндия	5,250	4,353	82.9	125.9
Япония	127,079	94,000	74.0	99.7
Бразилия	198,739	67,510	34.0	1,250.2
Россия	140,041	38,000	27.1	1,125.8
Индия	1,156,898	81,000	7.0	1,520.0
Китай	1,338,613	338,000	25.3	1,402.2

Источник: Internet World Stats

Сегодня исследователями СМИ и журналистами конвергенция рассматривается как комплексный процесс, осуществляемый сразу в нескольких измерениях. Л. М. Землянова определяет понятие конвергенции следующим образом: «В коммуникативистике этот термин используется для обозначения взаимодействия и объединения различных каналов и средств связи в условиях развития мультимедийных процессов и информаци-

14 онных супермагистралей, совершающихся благодаря широкому внедрению новых технологий, обеспечивающих применение цифровой трансмиссии информации в коммутирующихся телекоммупьютерных и телефонно-кабельных линиях»¹.

Это определение иллюстрирует и рисунок, на котором изображены три «К» конвергентных медиа, которые многие исследователи практически приравнивают к новым медиа². Как видим, пересечение двух индустрий дает более простые примеры конвергенции, пересечение трех – более продвинутые, сложные и многоуровневые. Именно на стыке телекоммуникационных сетей, компьютерных технологий и контента СМИ достигается наиболее совершенная на сегодняшний день форма конвергенции – Интернет.

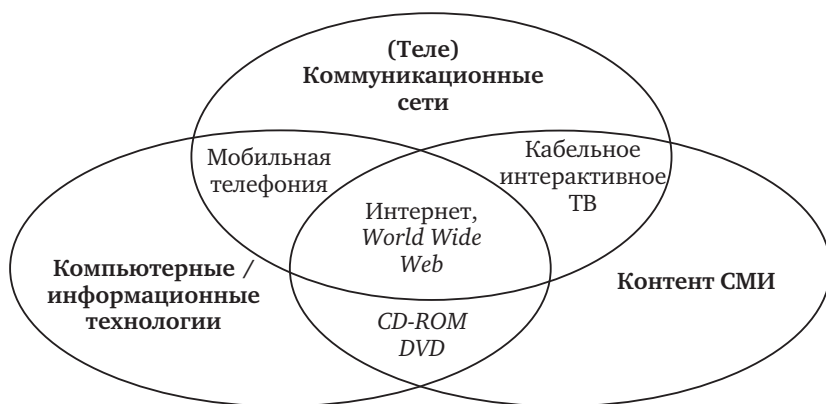


Рис. Три «К» конвергентных СМИ

Уровни конвергенции

Очевидно, что конвергенция – это интеграционный мега-процесс, в рамках которого происходит слияние, взаимодей-

¹ Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации. Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 83.

² Flew, T. New Media. An Introduction. 2d Edition. – Oxford University Press, 2005. – P. 2.

ствии и интеграция различных процессов. Поэтому и понятие «конвергенция» представителями различных школ медиаисследований рассматривается с разных сторон, с преимущественным вниманием к различным проявлениям. Первичное определение конвергенции, как мы уже отмечали, связано с технологической природой процесса, с возникновением новых платформ для производства, распространения и потребления медиаконтента. Для многих исследователей очевидно, что конвергенция суть основа появления новых медиа, и сам термин «конвергентные СМИ» практически синоним терминов «новые медиа», «мультимедийные СМИ».

Технологическое развитие, лежащее в основе процесса конвергенции СМИ, приводит и к новым явлениям в медиаэкономике и журналистике, что позволяет выявить несколько уровней этого процесса – *технологический, экономический/индустриальный и профессиональный*³.

На *технологическом* уровне конвергенция рассматривается как процесс, объединяющий все типы цифровой информации и медиаконтента в интегрирующихся телекоммуникационных, компьютерных сетях и медиа. Цифровой формат содержания позволяет осуществлять его распространение в различных формах вне зависимости от конкретной индустрии СМИ и технологических платформ. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что посредством одной и той же технологической платформы осуществляется доступ к прежде различным типам СМИ – теле- и радиопрограммам, газетным и журнальным материалам. Возникающая многофункциональность конвергентных носителей предоставляет потребителям возможность получения всех СМИ посредством «одного экрана».

До 1970-х гг. все сегменты системы СМИ существовали разобщенно. Газеты и журналы были жестко привязаны к бумаге. ТВ и радио распространялись посредством эфирных радиоволн. Стационарные телефоны соединялись посредством аналоговых сетей только друг с другом, а набравшие популярность ком-

³ Barr, T. *Tewmedia.com.au*. – Allen & Unwin. Sydney, 2000; Flew, T. *New Media. An Introduction*. 2d Edition. – Oxford University Press, 2005.

16 пьютеры вообще не рассматривались иным образом, чем отдельно стоящие устройства для переработки данных. В 1980 гг. благодаря развитию телекоммуникационных сетей и компьютерной техники удалось достичь определенной связанности компьютеров, кабельных сетей, телефонов, правда, объем и качество предложения новых услуг оставались невысокими. Однако в это десятилетие произошли значительные изменения в законодательном климате многих экономически развитых стран: монополия телекоммуникационных компаний была разрушена, кабельным операторам было разрешено выходить на рынок телефонии, а телефонным компаниям, наоборот, осуществлять услуги на рынке кабельного и спутникового ТВ. Фактически это стало первым законодательным признанием процесса конвергенции телекоммуникационной и телефонной индустрий.

В 1990 гг., в результате значительного увеличения числа компьютеров в офисах и частных домовладениях, произошедшего на фоне активного развития и проникновения Интернета, стало возможным говорить о полномасштабной конвергенции в СМИ. Способствовали этому процессу и новые законодательные стратегии в США, странах ЕС, в технологически продвинутых и бурно развивавшихся экономиках Юго-Восточной Азии. С принятием Закона о телекоммуникациях 1996 г. в США, «Зеленой книги по конвергенции секторов телекоммуникаций, СМИ и информационных технологий и воздействия ее на регулирование» в ЕС в 1997 г., ряда национальных документов по переходу к информационному обществу произошел реальный прорыв в проникновении и использовании Интернета, новых медиа.

Наряду с физическим ростом «объема» произведенного цифрового контента – переведенных в цифру газетных и журнальных полос, теле- и кинофильмов, записанных музыкальных произведений, выросло и количество устройств, способных воспроизводить медиаконтент, полученный по телекоммуникационным сетям. Помимо компьютера – наиболее традиционной технологической платформы для воспроизводства современного медиаконтента – в число подобных устройств вошли мобильные телефоны и цифровые телевизоры.

Важнейшее последствие технологического развития конвергенции – значительное обогащение информации, распространяемой посредством сетей. В текущем столетии конвергентное содержание – это не только текст и картинка, но уже мультимедийное цифровое содержание, распространяемое телекоммуникационными сетями, аудио- и видеопродукты высокого технического качества. Именно поэтому в основе конвергенции был и остается уровень технического развития страны, определяемый через такие важнейшие индикаторы информационно-коммуникационного сектора, как насыщенность компьютерами и мобильными телефонами, а также пропускная способность компьютерных сетей (табл. 2).

Таблица 2
Основные ИКТ-показатели стран мира

Страна	Кол-во мобильных телефонов на 1000 чел., 2007 г.	Кол-во компьютеров на 1000 чел., 2007	Пропускная способность компьютерной сети (бит на чел.), 2007 г.
США	850	810	11 277
Великобритания	1 180	800	39 650
Франция	900	650	29 466
Германия	1 180	660	25 654
Италия	1 330	370	10 302
Чехия	1 230	270	7 075
Польша	1 090	170	2 748
Украина	1 190	50	206
Финляндия	1 150	500	17 221
Япония	840	410	3 734
Бразилия	630	160	1 041
Россия	1 150	130	573
Индия	210	30	32
Китай	420	60	280

Источник: Worldbank, 2009

18 Традиционное представление о конвергенции первоначально предполагало наличие компьютера, подключенного к Интернету, что позволяло организовать передачу цифровых и текстовых данных, видеообразов, звука. Однако по мере развития информационно-коммуникационных технологий примеров конвергенции в СМИ становилось все больше. В 2000 гг. уже стало возможным говорить об увеличении степени синергии между разными каналами и контентом, предполагающей, например:

- услуги Интернета, получаемого на экраны цифровых телеприемников по системам типа *web-TV*;
- доступ к электронной почте и Всемирной паутине посредством мобильных телефонов;
- веб-кастинг радио- и телепрограмм в Интернете;
- использование Интернета в голосовой телефонии.

Вполне вероятно, что, когда эта статья окажется в руках читателей, данные перечни пополнятся, а многие проявления конвергенции, перечисленные выше, покажутся сильно устаревшими. Однако быстрое устаревание современной практики не отменяет самой природы конвергенции, которая ведет ко все большей интеграции известных нам сегодня масс-медиа и новых медиа.

На *экономическом/индустриальном уровне* конвергенцию СМИ следует рассматривать как порожденный технологическим развитием процесс интеграции трех прежде слабо связанных отраслей экономики – медиаиндустрии (традиционные печатные СМИ, ТВ и радио, а также предприятия, производящие контент-продукты как для медиакомпаний, так и непосредственно для аудитории), компьютерной (информационные технологии) и коммуникационных (телекоммуникации, телефония, технологии вещания) индустрий.

Возникающие новые модели медиарынка создаются в противовес популярному ранее процессу диверсификации производства, который, отнимая средства и расплывая ресурсы, ослаблял возможности компании в условиях конвергенции технологических платформ и разных форм содержания.

Многие исследователи экономики СМИ склоняются к мысли о том, что конвергенция уже в ближайшем будущем приведет к перераспределению сегментов рынка⁴. На месте традиционных индустрий, структурированных в соответствии с еще сохраняющимся разделением медиаиндустрии на отделенные друг от друга сегменты печатных и вещательных СМИ, кабельных и спутниковых операторов, возникнут новые, объединяющие и производство электронной бытовой техники, технологических устройств, и создание контент-продуктов, и поддержание каналов распространения. Более того, благодаря конвергенции медиаорганизации оказываются способными достигать экономических эффектов, используя кроссмедийность контента, т. е. способность коммуникационных/медиа-продуктов, созданных для одной технологической платформы, распространяться и посредством других медиаплатформ.

В возникающих сегментах новой информационно-коммуникационной индустрии, несмотря на постоянные перемены, уже сформировались лидеры, стремящиеся получить экономические преимущества за счет двух форм конвергенции – конвергенции бизнеса и конвергенции самих средств информации. В первом случае конвергенция означает растущую степень интегрированности телекоммуникационного, компьютерного и медиабизнеса в рамках одной компании. При этом компания может предоставлять как один тип цифрового контента на разных технологических платформах, так и разные типы содержания для одинаковых носителей. В данном случае четкая принадлежность компании к конкретным отраслям экономики размывается. Например, оператор мобильной телефонии предоставляет доступ к ленте новостей, а традиционная газета на своем сайте выкладывает аудио- и видеофайлы в дополнение к печатной версии материала, а также модерировать сообщество читателей.

Достижение экономической эффективности в условиях конвергентного медиабизнеса становится возможным благодаря нескольким обстоятельствам:

⁴ Kung, L., Ricard, R., Towse, R. Internet and the Mass Media. – Los Angeles; London: Sage, 2008.

- оптимизации затрат на производство цифрового контента, опирающейся на его многократный рециклинг;
- снижению затрат на распространение, предусматривающему одновременную индивидуализацию выбора содержания;
- привлечению рекламодателей к «пакетному» распространению рекламы в цифровой инфокоммуникационной среде одновременно по многим каналам с высокой степенью кастомизации рекламных сообщений;
- возникновению своего рода « сетевого эффекта » в распространении рекламы, основанному на синергии старых и новых медиа⁵.

В условиях оптимизации производства на основе конвергенции самих СМИ возникают конвергентные редакции, которые позволяют медиаорганизациям, экономя на процессе производства содержания, создавать контент-продукты не только для основных платформ распространения, но и для смежных. Экономисты подчеркивают, что сегодня крупнейшие медиаконгломераты не столько стремятся создать вертикально интегрированные монолитные структуры, сколько ориентируют свои подразделения на гибкие сетевые взаимоотношения в рамках одной организации. В обоих случаях практически все ведущие медиакомпании в последние годы вступили в сегмент новых медиа, тогда как предприятия компьютерной индустрии начали движение в сторону медиабизнеса. При этом оптимизация достигается за счет объединения в рамках одного предприятия структур, производящих и распространяющих конвергентное содержание.

Например, компания *Time Warner*, контролирующая кинокомпанию *Warner Brothers* (10% мирового производства кинофильмов и телевизионных программ), вторую по величине кабельную сеть США и 47 кабельных каналов, имеет в

⁵ Arsenaull, A. Castells, M. The Structure and Dynamics of Global Multi-Media Business Networks // International Journal of Communication. – 2008. – 2707-48.

собственности и крупнейшее в США интернет-подразделение AOL, посредством которого эффективно распространяются ее контент-продукты. Другая диверсифицированная компания – *News Corp.*, владеющая не только подразделениями по производству содержания (кинокомпания *20th Century Fox Studios* и *Home Entertainment*), но и множеством разнообразных технологических платформ для его распространения (47 телестанций в США, операторы спутникового ТВ на 5 континентах и социальная сеть *MySpace*).

С другой стороны, экономическая конвергенция означает выход компьютерных гигантов на рынок СМИ. Создание в США кабельного новостного канала *MSNBC* (1996) двумя гигантами – *Microsoft* и *NBC* – стало лишь первой ласточкой. В 2006 г. крупнейший интернет-поисковик *Google* купил сайт пользовательского видеоконтента *YouTube* (за 1,65 млрд долл. США), а производитель компьютерного оборудования *Apple* создал службу цифрового онлайн-контента *AppleTV*, которую можно принимать на обычные цифровые телевизоры. Подобные примеры со временем только множатся.

В результате экономической конвергенции, предполагающей создание предприятий из прежде разных сегментов бизнеса, формируется и новая конвергентная индустрия 3 «К», причем ее важнейшей характеристикой становится использование интерактивных цифровых сетей для распространения контент-продуктов. Развитие ИКТ приводит к дальнейшему обособлению содержания от конкретных каналов распространения, что все больше усиливает диверсификацию внутри крупных медиакомпаний: все отчетливее выделяются подразделения, производящие отдельные контент-продукты, подразделения-упаковщики (издатели, вещатели) – редакции СМИ, предприятия-распространители (кабельные, спутниковые сети). В результате к настоящему времени сложились условия для создания кластера индустрии содержания, в который входят различные секторы СМИ. В основе кластера – общий продукт, т. е. содержание, производимое для потребителей вне зависимости от канала распространения.

Анализируя его структуру, мы видим, что прежде отдельные сегменты медиаиндустрии и индустрии развлечений благодаря появлению совместимых технологических платформ и процессу цифровизации содержания образуют технологическую и отраслевую общность, формируя кластер индустрии содержания. Исходными секторами этого нового кластера являются прежде всего традиционные СМИ, а именно:

- издательский печатный сектор – газеты, журналы, книги, корпоративные публикации;
- аудиовизуальный сектор – радиостанции, эфирное, спутниковое и кабельное телевидение, продюсерские телекомпании, телевизионные синдикаты, киноиндустрия, звукозаписывающие компании, компании по производству аудиокассет, видео, компакт-дисков и *DVD*.

Наряду со старыми СМИ, кластер индустрии развлечений активно интегрирует и развивающийся на наших глазах электронный издательский сектор – базы данных, работающие в режиме реального времени, службы видеотека и аудиотека, службы, основанные на использовании факсов и компакт-дисков, видеоигры, онлайн-сервисы, офлайн-материалы и услуги (электронные книги, компьютерные игры, обучающие компакт-диски).

Рассматривая конвергенцию на индустриальном уровне, следует подчеркнуть, что в нее входит и процесс «корпоративной конвергенции», обозначающий стратегии создания новых предприятий в новых, нетрадиционных для медиаорганизаций сегментах⁶.

На профессиональном уровне, анализирующем конвергенцию на уровне журналистики, мы обращаем внимание на то, как реализуют свои функции производимые медиаиндустрией продукты и какова их специфика. Любая медиаорганизация традиционно занимается производством содержания, которое затем она или предприятия-распространители распространяют по устоявшимся каналам СМИ. Так традиционно создавалось

⁶ Kung, L., Picard, R., Towse, R. *Internet and the Mass Media*. – Los Angeles; London: Sage, 2008. – P. 4.

предложение на рынке СМИ для аудитории. Последняя, делая выбор между различными каналами СМИ, опирается на свои представления о том, какой тип содержания предоставляют печатные и аудиовизуальные СМИ. Люди покупают газеты не потому, что им нужна бумага с отпечатанными на ней символами, а потому, что их интересуют уникальные характеристики газетного содержания. То же самое можно сказать и о телевидении, радио. По существу, для потребителей СМИ важнейшим критерием выбора является характер содержания, созданного прессой или вещанием. В последнее время все чаще синонимом содержания выступает «контент» – понятие, пришедшее из терминологического аппарата именно новых СМИ.

Несомненно, история развития СМИ прямо связана с прогрессом технологий, и даже более того, она им порождалась и двигалась. Известный принцип Ю. Рейтера «следуй за кабелем», положенный в основу рыночной стратегии британского информационного агентства «Рейтер», отражает эту связь в полной степени. Но по мере заполнения «ниш» на рынке СМИ воздействие технологий на медиасистемы становилось более сложным и опосредованным. Уже в XX в. ИКТ перестали быть просто стимулирующей силой, которая, по выражению британского исследователя Р. Уильямса, «или сама создает новый образ жизни, или предоставляет основу для его создания»⁷. Технологии коммуникаций приносят результат только тогда, когда они заинтересовывают общество, становятся им востребованными. Воплощение технологии в жизнь ставится в прямую зависимость от социальных потребностей общества: даже если экономический уровень развития оказывается достаточен для внедрения новой информационной и коммуникационной технологии, для ее массовой реализации необходимы новые потребности социальной коммуникации. Однако, с точки зрения Р. Уильямса, прежде всего речь идет о коммуникационных потребностях армии и бизнеса, и только потом о нуждах и запросах рядовых потребителей.

⁷ Williams, R. *Television. Technology and Cultural Form.* – New York: Schocken books, 1975. – P. 14.

Идея Р. Уильямса прекрасно иллюстрируется развитием новых СМИ. Развитие созданного в ответ на запросы Пентагона Интернета стимулировалось также и экономическими потребностями. Главное направление внедрения ИКТ – сфера бизнеса, где использование онлайн-овых интерактивных коммуникаций существенно сокращает затраты на менеджмент, логистику, производство. При этом Интернет приобрел черты, ставшие важными и для сферы журналистики:

- существование контента в цифровой форме, что стимулировало процесс конвергенции – компакт-диски, цифровое видео, веб-публикации и т. п.;
- необычайная емкость содержания, его мультимедийность и гипертекстуальность;
- интерактивность и двусторонность коммуникации в Интернете, что, во-первых, ведет к исчезновению централизации источников и, во-вторых, порождает большую свободу потребителя информации выбирать и изменять цифровой контент.

Выделение понятия «содержания», отдельного от носителя, позволяет найти общие черты в природе технологически различных СМИ и выявить общие черты в их экономике и управлении. Поскольку конечным результатом деятельности редакции становится производство содержания в цифровом формате, можно считать, что самые разные секторы – и газета, и телевидение, и радио, и информационное агентство – организуют свою деятельность по единому шаблону. Следовательно, для всех медиапредприятий можно выделить три основные стадии производства контента:

- создание содержания собственными силами (сбор и написание новостей, создание фильмов или музыкальных записей);
- преобразование = редактирование содержания (в том случае, если контент-провайдер преобразует приобретенное содержание в определенную форму для последующего распространения и реализации);
- упаковка и распространение продуктов или услуг, основанных на производстве содержания.

В современной экономике индустрия содержания становится важнейшим сектором – и с точки зрения объема производимого валового рыночного продукта, и с точки зрения ситуации на рынке рабочей силы. Отмеченные выше тенденции дальнейшей концентрации медиабизнеса и конвергенции технологий ведут к интеграции информационно-коммуникационной индустрии (т. е. секторы телекоммуникационного оборудования и услуг, компьютерных систем, производство электроники для массового потребителя и офисов) со средствами массовой информации. В результате индустрия содержания получает необходимые для распространения каналы, которые, с одной стороны, отражают уровень развития технологий, а с другой – являются экономической основой функционирования медиасистемы.

По существу, все традиционные СМИ с момента возникновения занимались производством содержания, представленного в газетных, журнальных, радио- и телематериалах разных жанров. Первоначально журналисты сами были производителями содержания, опирались преимущественно на собственные силы. Первые газеты – это предприятия «полного цикла», в которых практически все материалы создавались их журналистами, а информация сторонних авторов почти не использовалась. По мере развития систем СМИ формировались и такие предприятия медиаинфраструктуры, которые предлагали информационные продукты или для существовавших СМИ, или напрямую аудитории. Каналы распространения содержания множились и наряду с традиционными СМИ стали включать и другие возможности. Так, киноиндустрия или звукозаписывающий сектор, помимо предоставления программ для телевидения и радио, могут предлагать свои «продукты» в кинотеатрах или на индивидуальных носителях – аудио- и видеокассетах, компакт-дисках, *DVD*.

В последние десятилетия, когда в наиболее развитых странах заговорили о цифровой революции, о господстве Интернета, о торжестве новых медиа, появились предположения если не о смерти, то, во всяком случае, о начале кризиса тра-

26 традиционной журналистики. Индивидуальный выбор новостей, возможный благодаря расширенному предложению кабельных операторов, появлению систем *pay-per-view* в платном ТВ, прямым спутниковым телетрансляциям и Интернету, возросшая коммуникационная активность граждан, сегментация аудиторий – эти и другие явления стали реальностью в практике СМИ. Особый интерес вызвало появление активных аудиторий – продвинутых пользователей, которые не только обладают развитыми навыками пользования техникой СМИ, но и базовыми компетенциями создания содержания. Активные аудитории принимают на себя часть творческих и социальных функций журналистов по производству контента, который – благодаря появлению социальных сетей – с легкостью находит своих потребителей. Растущая вовлеченность аудитории в процесс производства и медиации контента придает ей новые качества, которые позволяют называть современных пользователей просьюмерами (англ. *producer* – производитель и *consumer* – потребитель), то есть «произвопотребителями».

По мнению экспертов, в сфере традиционных СМИ проявляются разнообразные последствия данных процессов. С одной стороны, последствия для экономики СМИ, с другой – для самой профессии журналиста.

В число возможных позитивных последствий процесса конвергенции для экономики газетной индустрии входят:

- сокращение затрат на печатание и расходов на распространение;
- возможность рециклинга содержания газеты в Интернете, определяемая цифровым форматом контента, при этом «вторичное использование» журналистского продукта может быть обогащено дополнительными возможностями, предоставляемыми Интернетом (движущееся изображение, звук, гипертекст);
- появление новых форм «обратной связи» с читателем благодаря интерактивности (возможность проведения опросов читателей в режиме онлайн, создание общих

- дискуссионных групп читателей и журналистов, проведение форумов по актуальным вопросам);
- предложение новых услуг аудитории: в условиях развивающейся фрагментации аудитории богатство цифровых газетных архивов, доступное посредством Интернета, становится еще одной возможностью удовлетворить интересы читателей, а специальные программы позволяют ускорить поиск интересующих новостей в пределах одного газетного номера;
 - увеличение прибыльности за счет более глубокого знания собственной аудитории: благодаря Интернету, газетные издатели могут более точно изучить вкусы и пристрастия своих читателей, с тем чтобы «продать» рекламодателям более определенную информацию о более четко определенных потребительских группах;
 - освобождение журналистов от физических ограничений газетно-издательского производства, как, например, размер газетной полосы: в условиях хранения журналистских продуктов в цифровых онлайн-архивах изданий большой объем материалов не имеет значения.

Последствия конвергенции для профессии журналиста проявляются в нескольких формах.

Во-первых, она приводит к слиянию прежде достаточно отдаленных и разобщенных журналистских специализаций. Создавая сегодня свой текст, журналист может предложить его и газете, и онлайн-изданию, и телетекстовой службе информации телеканала. В результате становится трудно определить, о каком же конкретно СМИ идет речь. В рамках прежних представлений практически невозможно дать единое определение таким проявлениям журналистской деятельности, как радио в Интернете, журналистский текст на компакт-диске, видеофильм, заказанный зрителем на свой телевизор по каналу кабельного ТВ, электронное рекламное сообщение, принятое миниатюрным коммуникатором, совмещающим функции карманного калькулятора и персонального компью-

28 тера. В новой инфокоммуникационной среде происходит переадресация функций старых СМИ новым, «перемена ролей» у разных каналов коммуникации, возникают возможности получать одинаковое содержание разными каналами. В результате радикально трансформируются прежние представления о каналах коммуникации и информации.

Во-вторых, изменяются требования к самому журналисту. Современные профессиональные требования к журналистам предполагают наличие у них мультимедийных навыков – умения производить конвергентные материалы для любого СМИ. Тем самым, журналист, теряя прежнюю узкую специализацию, должен приобретать навыки фотокорреспондента, телеоператора, звукорежиссера, но при этом он становится мультифункциональным, универсальным специалистом. Причем речь идет не только о навыках работы с разными формами текстов, но и о чисто прикладных технических навыках, причем знание основных современных видов цифровой техники («железа») должно сопровождаться владением базовыми пакетами программ («софта»), используемых в конвергентных редакциях. Требования цифровой эпохи побуждают журналистов приобретать новые знания и в сфере переработки и менеджмента информационных потоков. Таким образом, журналист, работающий для конвергентных СМИ, – это специалист, обладающий интегральными компетенциями в технической и управленческой сферах.

В-третьих, конвергенция СМИ, появление общих для разных каналов содержательных продуктов ведет к рождению новых интегрированных жанров – *инфотейнмента*, *эдьютейнмента* и других. Технологическая основа этого процесса не вызывает сомнения: именно компьютерные сети впервые в истории объединили игры с обучением (*edutainment = education + entertainment*), новости с развлечением (*infotainment = information + entertainment*), проложив дорогу конвергенции в жанрах и форматах содержания СМИ.

Будущее традиционных СМИ становится менее определенным и четким. Вновь встает вопрос, не угрожает ли разви-

тие Интернета и прочих технологических новинок существованию прессы, радио, телевидения. И даже более того: не станет ли Интернет заменой существующей инфраструктуры медиасистем, не изменит ли он устоявшегося баланса сил таких мощных «медиаигроков», как глобальные информационные агентства, мировые видеослужбы и службы теленовостей.

Саморегулирование в информационном обществе

Современный человек, живущий в мире глобальной коммуникации, уже не может быть уверен ни в своей информационной свободе, ни в своей информационной безопасности. Сложные информационные системы, предоставляя ему удобный и быстрый доступ к цифровым коммуникационным сетям, одновременно создают существенные угрозы безопасности личности. Сегодня диалектически неразрывны понятия информационной свободы и информационной безопасности, причем число последних только растет. Неслучайно информационная безопасность индивидуума в современных сетях становится одной из критических проблем информационного общества.

Эта проблема, несомненно, комплексная, что не всегда очевидно для рядового гражданина и пользователя. Однако по мере роста его вовлеченности в общество, основанное на широком использовании цифровых ИКТ, персональных точек соприкосновения с инфокоммуникациями становится все больше – телеработа, цифровой банк, обучение, использование масс-медиа. Именно последние представляют сегодня активно развивающуюся сферу: число информационных сайтов растет, стимулируя рост пользователей, что, в свою очередь, привлекает рекламодателей. Расширяется сфера цифровых развлечений. По мере развития информационного общества последствия в сфере СМИ становятся все более очевидными: старые СМИ «уходят» в Интернет, увеличивается число каналов цифрового ТВ, развивается мобильный контент, что уменьшает значение прежней регулятивной функции государства. В результате это существенно меняет роль журнали-

30 стов и медиапрофессионалов, перенося значительный акцент на аудиторию и ее важнейший элемент – индивидуального пользователя. Рождение активных аудиторий, депрофессионализация журналистики и ослабление влияния национальных государств на деятельность СМИ становятся ключевыми характеристиками современного медиaprостранства. В условиях изменения характера массовой коммуникации проблема информационной безопасности аудитории приобретает все большую актуальность.

Свобода и ответственность в информационном обществе. В информационном обществе, построенном на использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех сферах жизни, важнейшим принципом коммуникации и взаимодействия различных институтов, структур и людей неизбежно становится сетевой принцип. Он во все возрастающей степени определяет взаимоотношения в экономике – на уровне отдельной фирмы или корпорации, между поставщиками и производителями, в сфере распространения. Он трансформирует социальные структуры, заменяя в их организации вертикаль горизонталью. Сети связывают между собой людей, государства и институты, преобразуя иерархические отношения между ними и перенося акцент с традиционного управления на развитие горизонтального взаимодействия ячеек. В конечном счете появление «нового общества», которое не все авторы готовы называть информационным, правда, признавая при этом его отличие от прежних структур, «возникает благодаря разворачиванию сетей (обеспечиваемых ИКТ), причем приоритетное значение в нем приобретают информационные потоки»⁸.

В результате развитие важнейшей структуры информационного общества – интерактивных цифровых сетей – также подпадает под действие сетевой логики. По словам М. Кастельса, «пользователи (технологии) являются ее главными творцами, приспособляя ее к своим собственным нуждам и си-

⁸ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 133.

стеме ценностей, что в конечном итоге приводит к трансформации самой технологии»⁹. Мысль Кастельса о новаторстве пользователей, повторенная им неоднократно, необычайно актуальна для информационной эпохи¹⁰. Несмотря на важную роль, сохраняющуюся за государством и частным бизнесом в развитии информационного общества, именно гражданское общество приобретает несравнимо большую, чем прежде, свободу слова, получая при этом новую долю ответственности за реальное применение технологий. Будущее информационного общества во все большей степени становится зависимым от доверия, которое люди испытывают к цифровым интерактивным технологиям, интернет-индустрии, провайдерам доступа и содержания.

Для медиасферы, в которой отношения между журналистами и аудиторией демократизируются, это положение имеет огромное значение. Оно признает, что возросшее влияние аудитории на создание контента, стимулированное развитием ИКТ, возлагает на нее значительные обязательства. С другой стороны, прежняя концепция свободы журналистской деятельности нуждается в корректировке, поскольку для журналистов аудитория перестает быть пассивным и молчаливым сообществом. Напротив, пользователи, имея огромный выбор источников медиаконтента, принимают на себя одну из важнейших функций журналиста – формирование информационной повестки дня. Используя интерактивные технологии, они все больше превращаются в своего рода соучастников процесса создания медиаконтента. Это, с одной стороны, ведет к усилению депрофессионализации журналистики, а с другой – снижает уровень информационной зависимости аудитории от медиапрофессионалов.

Еще одним существенным последствием формирования сетевого общества становится уход государства из тех обла-

⁹ Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – С. 16.

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 72-73.

32 стей, где оно традиционно присутствовало и определяло «правила игры». Это положение все более актуально и для сферы регулирования СМИ. Как отмечает А. Маттелар, «свобода коммуникации не допускает никаких сомнений. Любое возражение в адрес этой концепции свободы будет названо попыткой восстановить цензуру. И только санкции, предлагаемые потребителями свободного рынка, могут регулировать циркуляцию произведений культуры и информационных потоков. Принцип саморегулирования используется для того, чтобы делегитимизировать любую попытку формулирования национальной или региональной публичной политики в этой сфере»¹¹.

Однако ослабление роли государства в формировании законодательных рамок для деятельности новых медиа может привести к возникновению напряженностей в реализации традиционных принципов свободы слова, в результате чего возникают и новые информационные угрозы для аудитории.

Типология угроз информационного общества. Оптимистический взгляд на развитие информационного общества выдвигает на первый план те преимущества, которые несет развитие информационно-коммуникационных технологий для экономики, социальной сферы, образования и культуры. Очевидно, что только достижениями развитие информационного общества не ограничивается. Сегодня на повестке дня как теоретиков, развивающих концепции информационного общества, так и политиков, претворяющих академические концепции в политические программы, стоят негативные последствия бурного развития ИКТ и на уровне общества, и на уровне индивидуума.

Угрозы, которые несет информационное общество, обращают на себя все большее внимание. На уровне рядового пользователя особое беспокойство вызывают:

- растущее неравенство в обществе;
- хакерство и экономический шпионаж;

¹¹ Mattelart, A. The Information Society. An Introduction. – London: Sage, 2005. – P. 146.

- спам;
- нарушение неприкосновенности частной жизни;
- угрозы персональным данным;
- распространение международного терроризма на глобальном и национальном уровне;
- ксенофобия, расовая нетерпимость;
- угрозы общественной нравственности (непристойности, порнография, прежде всего детская);
- расстройства психики.

Отмеченные угрозы безопасности личности можно сгруппировать в три основных блока – социально-экономические, экономико-технологические и коммуникационные.

К первому блоку угроз относится неравенство внутри общества по отношению к доступу как к ИКТ, так и к информационным ресурсам¹². В обществе происходит дифференциация на тех, кто имеет необходимые средства для того, чтобы технически обеспечить доступ к информации, и тех, кто этих средств не имеет. Проблема эта беспокоит политиков уже с 1999 г., когда президент США Б. Клинтон определил ее как «цифровой раскол» («цифровое неравенство», *digital divide*). Конечно, цифровое неравенство является следствием давно существующего в обществе материального неравенства, и потому цифровой раскол можно считать новой формой проявления уже существующих форм социальной несправедливости. Однако в условиях, когда вовлеченность в цифровые интерактивные сети становится показателем более высокого профессионального уровня и уровня жизни, цифровой раскол, несомненно, становится важнейшей угрозой демократии и устойчивого развития.

Вторую группу угроз представляют угрозы экономического характера. С одной стороны, посетители Всемирной паутины не застрахованы от экономического мошенничества. Американские исследователи Д. Ганкель и Э. Ганкель

¹² Vartanova, E. Digital Divide and the Changing Political/Media Environment of Post-Socialist Europe // Gazette. – Vol. 64 (5). – 2002.

34 сравнили открытие киберпространства с открытием Колумбом Америки: «Киберпространство в некотором роде концептуализируется как место для погони за сокровищами...»¹³. Спам и рекламные рассылки директ-маркетинга заваливают электронную почту пользователей предложениями о баснословных дивидендах от участия в различных кампаниях, напоминающих строительство «финансовых пирамид». С другой стороны, растут угрозы киберграблений и экономического шпионажа.

Третью группу формируют те угрозы, которые при распространении через Интернет осуществляют воздействия, прямо угрожающие психическому здоровью человека. Как отмечает Г. Л. Смолян, «сектантское проповедничество, распространение мистических и эзотерических учений и практик, магии, целительства, шаманства... по Интернету приобрели угрожающий размах. Как результат – социальная и личностная дезадаптация, а в ряде случаев – разрушение психики человека»¹⁴. Неконтролируемая деятельность лжепророков способствует росту психических заболеваний. При этом молодые люди, путешествующие по виртуальной реальности, рискуют потерять ориентиры в реальном мире.

Существует также и опасность нарушения гражданских информационных прав пользователей. В условиях массовой коммуникации каждый человек руководствуется собственными ценностными установками, строит свое политическое и гражданское поведение в зависимости от того, насколько он доверяет существующей власти и информации о ее деятельности. В Интернете всякого рода политические экстремисты и авантюристы чувствуют себя совершенно свободно, манипулируя общественным сознанием и спекулируя на экономических трудностях современного россий-

¹³ Вартанова Е. Л. Финская модель на рубеже столетий: информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – С. 69.

¹⁴ Смолян Г. Л. Сетевые информационные технологии и проблемы безопасности личности // Информационное общество. – 1999. – Вып. 1. – С. 21–25.

ского общества. Поскольку наиболее активно «гуляют» по Сети молодые люди, чьи ценностные ориентиры находятся в процессе формирования, именно они рискуют стать «жертвами» подобного рода манипуляторов. Доверяя информации Интернета больше, чем мнению родителей или учителей, они довольно легко становятся жертвами непристойностей и материалов, задевающих мораль и нравственность общества.

Таким образом, для стабильного развития информационного общества становится чрезвычайно важным нейтрализовать возникающие информационные угрозы. На первый взгляд, самым действенным и легким способом может стать изменение содержания публикуемой на сайтах информации, увеличение числа познавательных и образовательных программ. Молодые люди, конечно, должны иметь возможность самообразования не только в реальной, но и в виртуальной реальности. Однако без определенного вмешательства в изменение типологии содержания Интернета, негативной и позитивной дискриминации со стороны государства, политиков и общественных деятелей эту ситуацию легко не изменить. Подобное нормативное вмешательство в сферу интернет-коммуникации может принести больше вреда, чем реальных положительных результатов. Пример Китая и некоторых азиатских государств демонстрирует, как болезненно реагирует на жесткие меры национального правительства глобальное интернет-сообщество.

Вторым возможным вариантом исследователи называют также разработку международно-правовых соглашений, с помощью которых можно было бы защитить права пользователя от несанкционированного вторжения в его сеть, контролируя и ограничивая распространение информации, представляющей угрозу для личности и общества. Одной из первых по этому пути, к примеру, уже пошла Германия, где в 1997 г. парламент одобрил закон, ставший первым в Европе законодательным актом по Интернету. Закон определил ответственность за распространение всех материалов, которые не должны появляться

36 на экранах компьютеров (насилие, порнография, оскорбление человеческого достоинства). Подход германских властей был ориентирован на контроль за содержанием материалов Интернета. «Интернет – это такое же средство передачи и распространения знаний, как и любая магистраль, поэтому для него абсолютно необходимы четкие указательные знаки», – заявил один из инициаторов этого закона Ю. Рюттгерс¹⁵. Но и в этом случае давление на новые СМИ, исходящее со стороны международных или национальных законодательных органов, воспринимается интернет-сообществом как попытка осуществления внешнего давления, как своего рода ограничение свободы слова и нарушение прав личности на доступ к информации. Особенно существенно это в условиях, когда активность всех участников информационного процесса возрастает.

Как показывает практика, наиболее эффективным и наименее болезненным для большинства современных обществ, гарантирующих своим гражданам демократические свободы, выступает третий вариант – саморегулирование. Саморегулирование, т. е. принятие рядовыми пользователями на себя обязательств по соблюдению кодекса поведения в рамках Интернета и единого цифрового пространства информационного общества в целом, становится в условиях глобализации одним из наиболее эффективных механизмов. Сотрудничество пользователей и органов власти – так называемое сорегулирование – является новой, но весьма перспективной формой контроля за поведением в Интернете.

Саморегулирование СМИ как форма повышения гражданской ответственности. Практика СМИ большинства развитых стран показывает, что наиболее эффективный контроль над содержанием осуществляется путем использования механизмов внеправового регулирования. Речь идет о воздействии на профессиональную деятельность журналистов со стороны:

¹⁵ *Вартанова Е. Л.* Финская модель на рубеже столетий: информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. – С. 89.

- медиапредприятий (внутренние своды правил и хартии, медиакритика);
- корпоративных журналистских организаций (кодексы профессиональной этики);
- организаций/профессиональных ассоциаций владельцев и управленцев в индустрии СМИ (неписанные кодексы поведения, система маркировки аудиовизуальных программ);
- рекламной индустрии (кодексы рекламной деятельности);
- общественных организаций смешанной природы (советы по печати, институт омбудсменов);
- академического сообщества (программы повышения квалификации, переподготовки);
- самой аудитории (неправительственные организации, ассоциации защиты потребительских прав, организаций родителей и учителей).

При использовании всех этих механизмов сохраняется главное условие: принцип свободы слова, гарантированный законодательно, традиционно остается неизменным. Во многих экономически развитых демократиях сложились тесные связи между перечисленными выше организациями, что привело к созданию эффективной системы саморегулирования (когда только журналистские сообщества под воздействием общественных организаций и гражданского общества принимают решения о границах дозволенного). В ряде стран, особенно в условиях расширения аудитории Интернета и новых интерактивных СМИ, возникли механизмы сорегулирования, когда профессиональные организации часть функций успешно реализуют самостоятельно, а для решения наиболее трудных проблем прибегают к помощи законодательного регулирования.

В обоих случаях речь идет не только о взаимодействии различных авторов, институтов гражданского общества, но и о наличии у них общего понимания природы и задач журналистики в обществе, об уважении законодательно провозглашен-

- 38 ных принципов свободы слова, учета национальных традиций в деятельности СМИ. Очевидно, что Россия нуждается сегодня в согласовании позиций различных организаций, действующих в сфере саморегулирования СМИ. Необходим широкий общественный диалог как по вопросам журналистской этики, так и по принципам, нормам и критериям российской журналистики. В настоящий момент необходимо провести хотя бы поверхностный анализ форм саморегулирования, а затем в ближайшей перспективе – форум всех организаций.

В. В. Миронов

Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры

В настоящее время в мире происходят мощнейшие процессы глобализации, которые оказывают существенное влияние на жизнь общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Глобализация, нравится нам или нет, усиливает роль транснациональных взаимодействий в мире, расширяет масштабы коммуникации, делая нашу цивилизационную часть жизни более удобной. Это дает повод многим авторам, подчеркивая объективный характер данного процесса, сделать вывод, что в силу данной объективности и необходимости он представляет собой только нечто позитивное. Однако в любом развитии всегда присутствуют две противоположные стороны, тенденции, которые и обеспечивают ход и механизмы протекания этого процесса. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то оборотной стороной – процессы дезинтеграции, в частности процессы «национальной дезинтеграции»¹, которые разрушающе воздействуют на особенности (культурные, политические, экономические и даже личностные, грозящие потерей идентичности индивидуума) отдельных культур, часто просто подавляя и растворяя их в суперкультуре американизированного типа. Вместо интеграции синтетического типа, возможной на основе объединения положительных компонентов системы, реализуется наиболее простой тип, не столько связанный с обогащением систем,

¹ См.: Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вест. Рос. Акад. наук. – 2004. – Т. 74. – № 7.

40 сколько подавляющий их, в каком-то смысле даже захватывающий их, что можно обозначить термином «интеграция-захват» (политика и образование). Агрессивность данного типа интеграционных процессов представляет собой, по меткому обозначению А. С. Панарина, действительную угрозу жизненному миру человечества².

В данной статье предпринята попытка показать, как указанные изменения влияют на культуру и как она трансформируется в принципиально иной тип культуры. Трансформация в данном случае означает не просто изменение системы, смену ее отдельных элементов, а сущностное изменение системы, то есть ее последовательный переход в другую систему, но осуществляемый не революционным образом, а исподволь, незаметно. Происходит это таким образом, что в объект, подлежащий трансформации, встраиваются чужеродные для него элементы. Это напоминает процесс трансформации клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. Д. Рашкофф образно обозначил этот процесс как атаку современной культуры медиавирусами³. Причем эта атака осуществляется прежде всего в тех местах, где ослаблен «культурный иммунитет» системы. Поэтому употребленный нами выше термин «американизация» не случаен, он в буквальном смысле означает, что одним из методов трансформации современной культуры в целом является сознательное внедрение внешних культурных стереотипов, которые изнутри стимулируют процессы трансформации.

«Верхняя» и «низовая» культура: диалог или оппозиция?

Культура есть совокупность результатов деятельности людей по созданию материальных и духовных ценностей. Это так называемая «музейная» застывшая часть культуры, в том числе и в сфере общечеловеческих ценностей, таких как Добро, Истина, Красота, Справедливость и др. Эта часть является

² Панарин А. С. Указ. соч.

³ См.: Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание. – М.: Ультра. Культура, 2003.

фактором устойчивости культуры. Кроме этого, в культуре наличествуют операциональные ценности, которые носят менее устойчивый характер и подвержены изменениям в зависимости от обстоятельств. Наличие этого второго пласта позволяет культуре выполнять функцию «практической адаптации». Таким образом, в культуре сохраняется баланс собственного культурного и цивилизационного. Превалирование в системе культуры только культурного, в виде неизменных ценностей, превращает ее в мертвый памятник, а превалирование цивилизационных компонентов лишает ее ценностной опоры.

Описанная структура культуры реализовывалась в рамках особого типа межкультурной коммуникации. Мы, вслед за Ю. М. Лотманом, будем обозначать такой тип культуры как локальный, подчеркивая именно коммуникативный фактор. Локальность культуры определялась тем, что была основана на этнических и религиозных традициях и ценностях, что всегда придавало ей национальный характер. С позиции ее представителя (своеобразного внутреннего наблюдателя) она представляла собой практически застывшую систему. Изменения, происходившие в ней, обнаружить было почти невозможно, так как они выходили далеко за рамки индивидуальной жизни. Оценить изменения можно было лишь «извне» и по прошествии длительного временного интервала. Локальная культура была основана на длительной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что также обеспечивало ее стабильность.

В основе этого адаптивного механизма лежало структурное распадение культуры на два больших компонента. На это в свое время обратил внимание М. М. Бахтин, анализируя так называемую «смеховую культуру» периода Средневековья и Ренессанса. «Низовая» часть культуры вбирала в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни. В силу своей открытости, она в большей степени была подвержена изменениям.

Одновременно культура вырабатывает продукты, которые далеко отстоят от стандартных жизненных стереотипов

42 и представлений, удалены от реальности, представляя собой особый идеальный культурный пласт. Эта верхняя, рафинированная часть культуры постепенно оформляется в истории человеческой цивилизации как Культура «с большой буквы». Она принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности. Она требует определенной подготовки при ее восприятии, определенной формы организации пространства для репродукции своих образцов. Аудитория, связанная с «верхней» культурой, – элитарна, ограничена и аристократична. Ценности «верхней» Культуры, именно за счет того, что они приняли рафинированную форму, как бы охраняют себя от влияний извне. Эта идеализированная часть культуры стабильна, настороженно относится ко всяким изменениям и обеспечивает некий базис общечеловеческой культуры. В ней вырабатываются механизмы блокирования проникновения продуктов «низшей» культуры⁴. Таким образом, культура представляла собой образование, содержащее в себе противоречивые стороны, в виде наличия массового и элитарного векторов, находящихся в относительном единстве.

Оппозиция «верхней» и «низовой» культуры является культурной оппозицией, порождая, в свою очередь, целый ряд дихотомических особенностей, которые всегда в ней присутствуют и которые подвергаются разрушению в настоящее время.

Это, например, дихотомия «прикровенность-откровенность» (Г. С. Кнабе). Все, что относится к «высокой» культуре, постулируется областью необходимого для истинно культурного человека, а элементы обычной жизни считаются лежащими вне культуры, иногда даже недостойными. Это периферия, изнанка бытия, которую надо скрыть, прикрыть. Поэтому высокая культура всегда была культурой прикрытого, сокрытого от всех, не позволяющего обсуждать некоторые компоненты человеческого бытия, и особенно быта. Это доходило до аб-

⁴ Эту функцию часто выполняет язык другой культуры, который принимается в качестве специального языка избранных. Так было с латынью, так было в русской культуре с французским языком.

сурда, который в гротескной форме описал Н. В. Гоголь, зафиксировав внутрикультурную оппозицию между обыденностью, бытом, простотой поведения, отраженного в языке нормального человека, и семантическим его инвариантом, якобы отражающим существование человека в «высокой» культуре⁵.

Замкнутость и самодостаточность локальной культуры проявляется в ее противопоставлении (иногда достаточно жестком) иным культурам. Каждая из культур вырабатывала в себе мощнейший каркас, некий «иммунитет» к другой культуре, не пропускающий чуждых элементов и влияний. Поэтому одной из центральных культурных оппозиций системы локальных культур была оппозиция «свой-чужой», в которой *свое* (внутрикультурное) рассматривалось как истинное, а *чужое* – как отрицание моего, а значит, враждебное (ложное). Поэтому в целом тезис о единой общечеловеческой культуре как целостной системе – весьма сильная метафора.

Важнейшим признаком классической культуры являлся принцип завершенности. Культурное творчество было направлено на создание завершенных объектов, которые отражали установку на возможность постижения Бытия, Мира и Человека, будь то произведения музыки, архитектуры или философии. Литературный текст выступал как некий эталон текста вообще, некий завершенный смысл, которому противостоят тексты «низовой» культуры, напротив, часто оборванные, неструктурированные, несообразные, странные, неприличные и т. д.

Поскольку системообразующим элементом культуры является язык, ее можно интерпретировать как семиотическую систему, а классическую культуру – как семиотическую систему относительно замкнутую. Соответственно, общение между

⁵ «Дамы города *N* были то, что называют презентабельны. Никогда не говорили они: “я высморкалась”, “я вспотела”, “я плюнула”, а говорили: “я облегчила себе нос”, “я обошлась посредством платка”. Ни в коем случае нельзя было сказать: “этот стакан или эта тарелка воняет”. И даже нельзя было сказать ничего такого, что подало бы намек на это, а говорили вместо того: “этот стакан нехорошо ведет себя...”». (Гоголь *Н.* Повести. Пьесы. Мертвые души. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 439.)

44 культурами осуществлялось в ситуации, когда другая культура представляла собой закодированную реальным языком систему, коды которой необходимо расшифровывать⁶. Иначе говоря, если бы нам все было понятно в другой культуре, она не была бы для нас другой, а была бы тождественна нашей, а значит, в определенном смысле узнаваемой и неинтересной. Поэтому познание другой локальной культуры требовало усилий и осуществлялось путем погружения индивида во всю систему данной культуры, в том числе в обыденную культуру. Нельзя познать другую культуру лишь по книжным текстам, при самом совершенном знании языка, – в нее надо погрузиться.

С этой позиции диалог культур реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, который Ю. М. Лотман очень удачно обозначил как семиосферу, в которую включается не только сумма языков, но и социокультурное поле их функционирования⁷. В рамках такой семиосферы область пересечения (тождества) была относительно невелика, а область непересекаемого – огромна. Пересекались лишь наименьшие по объему смысловые части культур, а остальные требовали культурной интерпретации, перевода. Необходимость понимания вела к тенденции расширения области пересекаемого, но наибольшую смысловую ценность имела именно сфера непересекаемого. Ю. М. Лотман вводит для обозначения данной ситуации понятие *напряжения*, то есть силового сопротивления между двумя культурами как семиотическими системами. Область тождества выступает предпосылкой для проникновения в область нетождественного, неизвестного для проникающей культуры, а потому нетривиального и интересного. Здесь особая роль принадлежит философии, ибо понимание культуры через диалог культур не может быть подменено филологическими, лингвистическими, социологическими, историческими и иными положительными научными знаниями. Философия стоит в центре того,

⁶ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – С. 13.

⁷ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 194.

что когда-то было метко обозначено как «науки о духе», и в этом смысле она действительно выражает не только смысл культуры той или иной эпохи, но и смысл Культуры в целом.

В современном мире происходит разрушение локального характера культуры через трансформацию самого характера общения между ними. Семиосфера, как некое коммуникационное образование, созданное для обеспечения диалога, трансформируется в инфосферу, некое медиапространство, в которое погружаются все культуры, вынужденные работать по законам этого нового образования. Коммуникация из средства превращается в цель и состояние. Инфосфера – это не просто совокупность информационных средств, а именно реальность, в какой-то мере уже не зависящая от человека, но, напротив, делающая его и мир зависящим от нее.

Позволим себе сказать, что аналогичных процессов в истории человеческого общества не существовало. Система культуры достаточно гармонично впитывала любые новые образования, которые постепенно адаптировались к ней. Сегодня все как бы меняется местами, и мы наблюдаем скорее процесс необходимой адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальным информационному пространству. Активность информационных процессов столь высока, что изменяет традиционную систему культурной коммуникации. Коммуникация превратилась в самостоятельную силу. Она в буквальном смысле вынуждает вести диалог между культурами по своим законам и правилам. Культуры погружаются в иную внешнюю среду, которая создает предпосылки для замыкания их в среде единого глобального коммуникационного пространства⁸.

Семиосфера подразумевала различие между культурами именно как условие общения, современное коммуникационное пространство, напротив, конструирует правила и способы

⁸ По мнению А. С. Панарина, единое информационное пространство «облегчает вымывание из информационного поля образцов национальной культуры, заменяемых эрзацами “вестерна”» (Панарин А. С. Указ. соч. – С. 619).

46 общения, вынуждая культуры говорить на этом языке. Проиллюстрировать это можно на следующих примерах.

В мире все четче прослеживаются интегративные языковые тенденции. Один из результатов этого – подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен себя распространить в силу политических, научно-технических и других условий. Мир уже начинает говорить на языке тех стран, которые господствуют в нем.

Расширяется «псевдокультурное» поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. А это, как мы отмечали выше, является наименее содержательной, наименее «культурной частью культуры». В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, общедоступные, то есть наиболее простые компоненты культуры. Безусловно, это удобно, но может лишить диалог между культурами всякого смысла. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это общение ради общения, общение без насыщения смыслами. Гипотетично, в будущем – это общение со своим зеркальным отображением, причем по заданным стереотипам коммуникации. Царство мертвой тождественности при огромной внешней активности.

Происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам и знакам адаптироваться к традиционной смысловой (связанной с текстом) системе ценностей. Разрушаются системы ценностей и традиций, которые господствовали веками, новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культуuroобразующий смысл остается не всегда ясным. Положение усугубляется тем, что мыслители, которые дают оценку сегодняшней ситуации в культуре, часто являются носителями традиционных систем ценностей. Это порождает пессимистические настроения. Возрастает

количество людей, воспринимающих культурные образования, но это количество лишается той утонченности и глубины, той степени подготовки, которые требовались ранее⁹.

Таким образом, нарушается пропорция между «высокой» и «низовой» культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура – это типично «низовая» культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

Постмодернизм и поп-культура

Глобальное коммуникационное пространство, характеризующее современную стадию развития общества, породило поп-культуру, которая проявляется и в современной философии. Это отмечается многими авторами, которые находят, например, родство между постмодернизмом и поп-культурой. Например, пишет Ю. Чернявичуте: «Постмодернизм подчеркивает стиль и наружность. Это очевидно в поп-культуре, где внешность и стиль, игривость и шутливость заслоняют содержание. Виртуальная реальность компьютерной графики предоставляет возможность людям испытать разные формы реальности – происходит симуляция реальной жизни. Стиль становится важнее содержания, поэтому все труднее устано-

⁹ Г. С. Кнабе приводит такой пример: «Первый концерт П. И. Чайковского в США в апреле 1891 г. происходил в Карнеги-холл в Нью-Йорке, где его слушали находившиеся в зале немногим более двух тысяч человек; первое в США выступление рок-группы “Битлз”, происходившее в том же зале в феврале 1964 г., смотрели и слушали, благодаря телевидению, 73 миллиона. В последнее время известны концерты, которые по спутниковой связи становятся доступны почти двум миллиардам – половине населения Земли» (Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М., 1993. – С. 33.).

48 вить смысловую разницу между искусством и поп-культурой»¹⁰. Постмодернизм выступает как некий конгломерат философских воззрений, литературных опытов, фиксаций современных социальных переживаний. «Под вывеской постмодернизма можно не только ставить спектакли и писать стихи, но и печь блины, носить экстравагантные костюмы, заниматься любовью и ссориться, а также зачислять себе в предшественники любых понравившихся авторов из пантеона мировой культуры»¹¹.

Но дело даже не в совпадениях, которые всегда можно отыскать даже в совершенно различных явлениях. Дело в том, что для классической культуры важнейшим признаком выступала завершенность произведений, создаваемых авторами, будь то литература, музыка или философия. В философии результатом такого завершения выступал текст, который в некоторых случаях мог носить сакральный характер и не подлежал интерпретации, а в других, напротив, выступал в качестве смыслового материала для развития новых идей. Не случайно поэтому, что основной удар по классической философии сопрягается с критикой завершенности текста и самого права автора претендовать на эту завершенность. Таким образом, постмодернизм скорее не философское направление в строгом смысле этого слова, а некоторое умонастроение, некоторая стилистика интеллектуального мышления. Философия как самовыражение эпохи явила себя в этом умонастроении, действительно отразив процессы, происходящие в культуре. Несколько интерпретируя фразу А. Ф. Грязнова¹², отметим, что

¹⁰ Чернявичуте Ю. От высокой культуры к поп-культуре: производство и потребление культуры. URL: <http://www.auditorium.ru/>

¹¹ Вайнштейн О. Б. Постмодернизм: история или язык? // Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 3–7.

¹² Отвечая на вопрос журналистов об определении постмодернизма, А. Ф. Грязнов сказал: «В этом вопросе мне близка идея Дильтея о том, что за всеми сменами философских мод и парадигм стоят такие простые и, казалось бы, мимолетные вещи, как *настроения*. И в основе постмодернизма лежат определенные умонастроения, которые специфическим образом рационализируются и

для того, чтобы вставить постмодернизм в ряд философских направлений, мы еще должны очистить его от моды, увлечений, популярности и раскрученности. Тогда перед нами предстанет, возможно, философская концепция, определенным образом концептуализированная и рационализированная. Но это произойдет, как происходит и с другими новообразованиями в культуре, не в полном виде и не сразу. Кстати, Ж.-Ф. Лиотар, который в 1979 г. ввел, по мнению специалистов, сам термин «постмодернизм» применительно к философии, очень четко определяет его как понятие именно для обозначения состояния культуры современного общества, которое отражает трансформацию отношения к «правилам игры», установленным в литературе и искусстве XIX в., для указания на изжитость основных принципов (или метанарративов), на которых базировался Запад.

Центральным стержнем постмодернизма выступает критическое отношение к научному мышлению, а в более широком контексте – к рациональному мышлению в целом. Причем критика эта основана не на методическом показе слабостей рационального подхода к анализу некоторых проблем, а к трактовке рациональности как одной из парадигм, которая была навязана культуре в период господства классической традиции в философии. Не случайно в качестве исходного философского материала у представителей данных направлений выступают прежде всего концепции с критикой классического рационализма и трактовок человеческой культуры как некоего рационально объяснимого процесса становления человеческого самосознания.

Постмодернизм выступает против возможности построения универсальной картины мира, которая обозначается им как прикрытие или маска догматизма. Отвергается метафизика с ее принципами объяснения через причинность, закономерность, рационализм в целом как средство данного догматизма. Отсюда вытекает критика самой метафизики, что по-

концептуализируются». (См.: Грязнов А. Ф. Постмодерн взбудрил аналитическую философию // Логос. – 1999. – № 8. – С. 42–47.)

50 зволяет относить данные концепции к известному «повороту к языку», который недоучитывался классической философией с ее установкой на объективность и онтологичность. Отсюда и «родство» с внешне противоположными аналитическими концепциями.

Как отметил А. Ф. Грязнов, если в 1920 гг. на первый план вышел «предметно-объектный уровень исследования языка», то особенность постмодернизма в том, что он осуществляет «рефлексию над самими приемами анализа объектов»¹³. Фактически язык анализируется не как средство понятийного анализа объектов, а как своеобразное демоническое начало, которое само навязывает структуру объектам и бытию в целом. Это представляется как раз положительным в постмодернизме, так как расширяет понимание языка и действительно вскрывает имеющиеся механизмы его более широкого понимания, чем только как средства выражения мыслей.

В результате происходит абсолютизация методов деконструктивного разрушения рациональной метафизики, причем деконструкция сама по себе становится в центр философской рефлексии. Поскольку рационализм в философии был реализован в системе утверждений, которая воспринимается читателем как текст, построенный по определенным законам, то подвергается сомнению сам факт того, что рациональная интерпретация мира выступает как наиболее верная и даже единственная. Предлагается как нечто новое «языковое» прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания прежде всего устоявшихся языковых стереотипов и поиска новых смыслов и значений. Они могут содержаться не только во всей системе текста, как некоторой смысловой целостности, но и в отдельных словах и выражениях.

Однако во всем этом есть положительная сторона. Постмодернизм как реакция на чистую метафизику и абсолютный рационализм заставляет вспомнить, что философия вышла из литературы и поэзии, и корни этой изначальной связи не-

¹³ Грязнов А. Ф. Указ. соч. – С. 42–47.

обходимо учитывать. Если мыслители-сциентисты за счет деформации философии в попытках построить ее по образцу наук объективно демонстрируют нам действительную взаимосвязь философии и науки, то антисциентизм в лице, например, экзистенциализма напоминает нам о важности ценностно-эмоциональных сторон философии. Он же в лице постмодернизма указывает на важность самого аспекта самовыражения философии, самой формы этого самовыражения, которая может оказывать обратное влияние, создавая и подчиняя себе рефлексивные мыслительные структуры.

Постмодернизм абсолютизирует собственные методы (но кто в философии этого не делал – вспомним логический позитивизм или марксизм). Конечно, рассматривать мир только как Текст – абсолютизация, но зато она позволяет рассматривать мир и как Текст в том числе, а это для философии важно. Постоянные попытки ее разрушения полезны, ибо цементируют само здание философии, вырабатывая в ней иммунитет, заставляя формулировать новые фундаментальные аргументы, оправдывающие необходимость ее существования.

И то, и другое, и третье – конечно, абсолютизации, но абсолютизации необходимые. И в этом плане постмодернизм и деконструктивизм весьма конструктивны. Постмодернизм, размывая структуру текстов, показывая многозначность языка, необходимость его интерпретации, помогает философам, с одной стороны, искать новые формы самовыражения, соотносенные с нормальным, а не абстрактно-птичьим языком, а с другой – приводят, как это ни парадоксально на первый взгляд, к повышению интереса именно к противоположным, строго аналитическим изысканиям в области языка. И все постепенно встает на свои места, позволяя людям с различными внутренними потенциями к философии находить для себя место в ней.

Новые средства коммуникации продемонстрировали возможности «раскрутки» всего: музыки, в том числе классической, литературы, не всегда самого высокого качества. Постмодернизм здесь оказался и героем, и жертвой одновременно,

52 так как популярность имеет и опасные стороны, в частности, она связана с постоянной подпиткой массами, иначе о нем забудут. И здесь постмодернизму чрезвычайно повезло. Новая коммуникативная система, такая как Интернет, оказывается почти полной реализацией его устремлений. «Постмодернистская суть Интернета состоит в упразднении – не обязательном, но возможном и соблазнительном – ответственности автора за сообщение, им переданное. Несоответствие между, с одной стороны, информационной мощностью системы, способной донести ваше высказывание до миллионов персональных компьютеров во всех уголках земного шара, а с другой – никем не контролируемой степенью вашей компетентности, подготовленности, морального и интеллектуального права высказываться по обсуждаемому вопросу, создает у участника интернетовского общения чувство игровой легкости. Возникает соблазн и возможность в любой момент соскользнуть в несерьезность и иронию, столь полно соответствующие атмосфере постмодерна... Интернет – это впервые возникший механизм, в котором заложена *принципиальная возможность*, хотя и спорадической, но по масштабу глобальной, замены общения и сообщества с диалогической структурой общения и сообществом, где такая структура факультативна и произвольно избирательна»¹⁴.

Действительно, постмодернисты говорят о смерти автора, о бесконечности текста и вариативности его интерпретаций. Все это уже есть в Интернете. «Главной характерной чертой гипертекста является отсутствие непрерывности – прыжок: неожиданное перемещение позиции пользователя [читателя. – В.М.] в тексте»¹⁵. Таким образом, читатель волен продолжать текст, перепрыгивать из него в другой и даже развивать иные сюжетные линии.

¹⁴ Кнабе Г. Принцип индивидуальности, постмодерн и альтернативный ему образ философии // Русский журнал. URL: www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.htm

¹⁵ Визель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература. – 1999. – № 10. – С. 169–177.

Если в классическом тексте сюжет задан раз и навсегда самим автором и именно автор выбрал в какой-то момент такое развитие событий, что Анна Каренина оказалась на железнодорожных путях, то в гипертексте можно развивать совсем иную сюжетную линию или даже несколько таких сюжетных линий. «Понятно, что в бумажной книге это заведомо не сработает: книга уже шита, страницы поменять местами невозможно, а нормальный человек, захваченный чтением, не станет, как в инструкции к пылесосу, послушно идти на указанную страницу, а будет читать тот вариант продолжения, который следует непосредственно за развилкой, то есть физически расположен ближе»¹⁶. Таким образом, перед нами совсем иной вид не просто Текста, но и возможностей для творчества.

Это таит в себе массу проблем. Например, ранее для нас гарантией авторства текста фактически был переплет, на котором значилось имя автора, и на одной из страниц внутри название издательства. Однако такое указание автора «до прочтения» навязывало нам стереотип восприятия. Вряд ли, прочитав на обложке имя Пушкина, мы могли бы позволить себе усомниться в гениальности произведения. Это был признак классической локальной культуры, навязывающей нам культурные стереотипы. Представим обратную ситуацию. Мы читаем некий текст, не подозревая ничего о его авторе, делаем вывод о том, что произведение слабое, а затем нам говорят, что автор – Пушкин.

Что лучше для культуры и для образования? Кажется, что лучше второй вариант, связанный с самостоятельностью. Но нарисуем еще одну ситуацию, достаточно распространенную в Интернете. Вы находите в информационной сети текст по истории России. Допустим, что вы с этой историей не знакомы и читаете об этом в первый раз. А текст оказывается полной фальсификацией и вместо Ключевского, имя которого обозначено в качестве автора, стоит фамилия Сидорова. Итак, что же лучше: расположенный по полочкам стереотип или собственная мысль, собственная оценка? Всегда ли человек

¹⁶ Там же.

54 готов к собственной оценке? Не нужно ли этому учиться как раз на примере классических образцов? Вот вопросы, которые задает нам нынешняя культурная ситуация.

Если ранее мы могли лишь образно говорить о семиотическом пространстве, в рамках которого размещаются все концепции, а философия представляет собою вневременной диалог всех мыслителей, то сегодня виртуальное пространство Интернета может дополнить указанный диалог почти реальным участием. А в этом диалоге нет понятия истории как чего-то прошедшего и нет понятия будущего как чего-то наступающего. Здесь царство одновременности, в котором все мыслители – и реального прошлого, и настоящего – современники, которые ведут между собой разговор, взаимоотрицая и взаимодополняя друг друга.

Понятно, что в этой ситуации проблема философской интерпретации выступает на первый план, безотносительно к автору той или иной идеи. Поэтому философам следует задуматься над данной проблемой, так как смерть или умерщвление автора в глобальном масштабе действительно происходит. Именно это и было прочувствовано постмодернизмом, за что мы можем его лишь благодарить. Постмодернизм обратил наше внимание на языковое творчество как таковое, показав, что нет пределов интерпретации текста и что философ во многом и выступает как наиболее свободный интерпретатор, иное дело – границы этой интерпретации и должны ли они вообще существовать.

Любая деконструктивная установка при желании может быть вписана в общую рационально-конструктивную работу философа. Расшатывание, например, языковых стереотипов, демонстрирует нам возможности и специфику языка как стержня культуры. Пристальное внимание к обыденному языку также оправданно, так как последний действительно является важнейшим объектом философской рефлексии. Более того, поскольку важнейшей особенностью философии является то, что она выступает как мировоззрение, а потому не может быть оторвана от индивида – носителя конкретно-

го мировоззрения, то результаты философской рефлексии должны быть «возвращены», в том числе и на уровень обыденного сознания, в качестве практических мировоззренческих установок. А это также конструктивная позиция, позволяющая понять роль философии в культуре, взаимосвязь ее различных структурных уровней. Деконструктивистско-постмодернистский поворот в современной философии, если не абсолютизировать его негативистские установки, вовсе не противоречит абстрактно-рефлексивной и конструктивной сущности философии. И то и другое – лишь стороны философского отношения к миру, а исторически – лишь момент (этап) развития философии в целом.

Постмодернизм отразил ситуацию эпохи, когда человек устал читать толстые тексты, будь то образцы литературы или философии; он объективно не имеет для этого времени, которое заполнено фрагментами новообразованных культурных феноменов, и одновременно стал более свободен в собственном мыслиезъявлении. Это позволяет ему скорее строить собственные объяснения тех или иных феноменов, чем применять предлагаемые ему схемы, которые при этом нужно еще как-то освоить. Прекрасной иллюстрацией такого умонастроения являются «мыльные оперы», которые просматривает абсолютное большинство современных людей, причем среди них много тех, которые прекрасно осознают художественную «ценность» данных творений. Человек не хочет и не имеет времени держать в голове некую структуру (идею автора, как это было в классике), которая разворачивается посредством сконструированной другим человеком фабулы, развивающей эту «глубокую» идею. Наблюдение вместо рассуждения – вот одна из установок такой культуры. Причем особенность восприятия такова, что человек в любой момент может выйти из воспринимаемой системы без последующего ощущения какой-то неоконченности, как это могло бы быть в случае прерывания чтения классического романа, и также вновь с любого места войти в нее.

Необходимо осознать, что значимость тех явлений, которые в силу их «бытийности» (от слова «быт», а не «бытие»)

56 оставались вне сферы философской рефлексии – хотя всегда были элементами человеческой коммуникации, а значит, и элементом человеческой культуры, – очень важна для человека. Человеческая культура не сводима к неким рафинированным образцам, которые признаются какой-то группой людей в качестве таковых. К ней относится все, что имеет знаковый характер и несет информацию о мире. Найти смысл в этой информации или сконструировать новые смыслы – одна из задач философии. Любой объект, даже незначительный или обыденный, не является зазорным для философа. Конечно, это в некоторой степени может сопровождаться эпатажем общественного мнения, но эпатаж всегда был характеристикой практического философа, вспомним хотя бы Сократа.

Постмодернизм оттеняет внерациональные и языковые компоненты философии, которые на самом деле всегда в ней были, но в силу определенных социокультурных обстоятельств отошли на второй план, уступив чисто рациональным задачам систематического объяснения бытия. Понятие философии, конечно, не сводится ни к тому, ни к другому: ни к жесткой, раз и навсегда выбранной модели рациональности, ни к ориентации лишь на внерациональные способы философского постижения бытия.

Философия выступает как реализация творческих потенций человеческого сознания, которые осуществляются на самом обширном первично-бытийном, коммуникационном и семиотическом пространстве, включающем в себя как рациональное исследование феноменов бытия, так и конструирование новых смыслов, позволяющих взглянуть на мир «с иной стороны» – стороны эстетическо-художественного восприятия мира и человеческих взаимоотношений. Именно поэтому человек может наслаждаться философским текстом как произведением искусства, наподобие картин Рафаэля или стихов Шекспира и Гете, воспринимая его прежде всего как эстетическое произведение.

Особенностью философской интерпретации является то, что создаваемые новые смыслы могут значительно пере-

растать рамки интерпретируемых произведений даже по объему. Это самостоятельный творческий процесс смыслообразования. Философия интерпретирует, исходя из анализа предельных взаимоотношений (закономерностей), которые существуют между миром и человеком на всех уровнях и личностных переживаний мира, самого себя. Причем это знание в силу того, что оно не может носить абсолютного характера, характеризуется глубоко личностным характером. Философ интерпретирует, учитывая весь социокультурный контекст эпохи, те ценности, которые носят общечеловеческий и индивидуальный характер, преломляя их через свое миропонимание и мироощущение, импровизируя и рассуждая. Поэтому философия является интегральной формой интерпретации, осуществляемой на уровне самосознания всей общечеловеческой культуры. Это особая герменевтическая деятельность, ищущая, находящая и конструирующая смыслы бытия и человеческого существования.

Таким образом, популярность постмодернизма заключается в том, что он оказался на стыке тектонических сдвигов, происходящих в человеческой культуре и, как это ни парадоксально, может стать тем мостиком, который будет нас связывать со старой традиционной культурой. Именно поэтому он привлекателен и моден, а значит, широко распространен, даже без понимания его сущности, что и позволяет на современном этапе считать его частью поп-культуры и даже, в определенном смысле, ее самовыражением, то есть симуляцией философии как таковой. Он адекватен современному состоянию культуры, которое мы описали выше. Это типичный пример альтернативной концепции, которая неизбежна для современной стадии культуры.

Ю. П. Зинченко

Виртуальная реальность в экспериментальной психологии: к вопросу о методологии¹

В мае 1963 г. А. Сазерленд на конференции по компьютерным технологиям *Spring Joint Computer Conference* представил доклад, посвященный графическому человекомашинному интерфейсу, а в 1965 г. на Конгрессе Международной федерации по обработке информации (*IFIP, International Federation for Information Processing*) сформулировал концепцию, которую мы называем виртуальной реальностью – ВР (более полно концепция представлена в поздней работе Сазерленда²). В 1968 г. А. Сазерленд представил установку, которая демонстрировала идею виртуальной реальности. Однако все компоненты этой установки, включая один из первых шлемов виртуальной реальности, были столь примитивны, что о реальном ее применении оставалось только мечтать.

В 1994 г. один из идеологов систем виртуальной концепции Ф. Брукс в докладе «Что реально в виртуальной реальности?» заявил о том, что технология виртуальной реальности понемногу работает и можно сказать, что ВР действительно стала реальностью: «Не думайте об этой штуке как об экране, думайте о ней как об окне, через которое вы видите *виртуальный мир*. Задача компьютерной графики – построить такой виртуальный мир, который реально выглядит, реально звучит,

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 09-06-00421-а «Методологические основы использования виртуальной реальности в психологии».

² Sutherland, I. E. Computer Displays // *Scientific American*. – 1970. – 222 (6). – P. 57–81.

движется и откликается на взаимодействие в реальном времени и даже ощущается реально»³. Он указал и области, в которых применение ВР, как предполагалось, будет наиболее успешным:

- симуляция любого транспортного средства, начиная от велосипеда и заканчивая космическим кораблем;
- компьютерные игры – виртуальные «стрелялки», виртуальные гонки;
- дизайн транспортных средств – эргономика, стиль, инженерия;
- архитектурный дизайн и пространственное оформление, например, подводных лодок, нефтяных платформ, промышленных заводов;
- тренажеры – для национальной авиации и управления космическими полетами;
- медицина – психотерапия;
- зондовая микроскопия.

Одним из родоначальников научного и практического рассмотрения ВР-технологии по праву признан американский специалист в области информационных технологий, а также музыкант и бизнесмен Д. Ланье. Он «первый начал реализовывать симуляторы реального времени для хирургических операций и телехирургии и стоял у истоков внедрения визуального программирования. Он – пионер в области коммерческого продвижения идей виртуальной реальности»⁴. Сообщается также, что Джарон Ланье в 1984 г. создал компанию *Visual Programming Language Research, Inc (VPLR)*, где сконструировал модельную систему виртуальной реальности, состоящую из телевизионных дисплеев малого размера (они надевались на голову) и перчаток, от которых шли провода, предназначенные для того, чтобы манипули-

³ Brooks, Jr. F. P. Is There any Real Virtue in Virtual Reality? Public lecture co-sponsored by the Royal Academy of Engineering and the British Computer Society, 1994, November 30, London.

⁴ Частиков А. Архитекторы компьютерного мира. – СПб: БХВ-Петербург, 2002. – С. 350.

60 ровать виртуальными объектами в электронном пространстве. Д. Ланье «рассматривал будущее как винегрет возможностей...»⁵.

Совершенствование характеристик оборудования, предназначенного для систем виртуальной реальности, а также промышленное (не лабораторное) производство такого оборудования позволило в конце XX и начале XXI века приступить к использованию технологий виртуальной реальности для медико-биологических и психологических исследований. Появились новые системы шлемов виртуальной реальности с усовершенствованными характеристиками по пространственному и временному разрешению. Шлем виртуальной реальности представляет собой два маленьких дисплея, укрепленных таким образом, что дисплеи находятся прямо перед глазами наблюдателя. На дисплеи подаются два различных изображения одного и того же объекта. Зрительная система объединяет эти изображения в единый трехмерный образ. В виртуальном мире можно не только наблюдать, но и воздействовать на виртуальные объекты: можно, например, сдвинуть или изменить объект, обойти его и рассмотреть со всех сторон, даже дотронуться до него. Для манипуляций с виртуальными объектами используются входные устройства. Традиционные входные устройства – джойстики, клавиатуры и «мыши» – сейчас заменяются перчаткой, сенсорные датчики которой реагируют не только на положение, но и на форму и изгибы руки. Наблюдатель может видеть в виртуальном мире отображение своей руки, ее движение, ее контакты с виртуальными объектами. И у перчатки, и у шлема есть следящие устройства, которые наблюдают за движениями наблюдателя и передают информацию мощному компьютеру, который пересчитывает изображения на дисплеи в зависимости от положения наблюдателя в виртуальной среде.

Огромный толчок развитию проекционных систем дала технология *CAVE (Cave Automatic Virtual Environment)*, соз-

⁵ Частиков А. Указ. соч. – С. 354.

данная в 1992 г. в университете штата Иллинойс. На настоящий момент технология *CAVE* является наиболее мощной системой трехмерной визуализации. Установка *CAVE* создает ощущение полной виртуальной реальности, поскольку виртуальное пространство окружает наблюдателя с трех (справа, спереди, слева), а в некоторых системах – с четырех сторон (справа, спереди, слева, снизу). Специальные устройства (системы трекинга) фиксируют все движения человека, находящегося в «виртуальной среде», чтобы соответствующим образом менять и окружающие его изображения. Таким образом, исследователь может изучать объект, передвигаясь вокруг или внутри его виртуального образа. Суперкомпьютер, а сейчас и кластер графических станций *PC*, управляет проекторами этой системы визуализации, а также используется при визуализации биологических молекул (*VMD*), моделировании погоды (*Vis5D*), в океанографии и метеорологии (*Cave5D*), в визуализации анатомических данных, полученных с электронного микроскопа (*CMDA*), для нейроанатомического анализа (*NEUROLUCIDA*) и в других проектах. Использование *CAVE*-технологии – самое широкое, как в научных исследованиях в различных областях (в химии, физике, геологии, психологии, образовании и др.), так и в промышленности (архитектуре, проектировании сложных конструкций и т. д.), а также при подготовке специалистов (имитационные тренажеры).

Современные технологии виртуальной реальности являются элементной базой для построения новых поколений мультимодальных интерфейсов, которые позволяют создавать тренажеры, симуляторы, интерактивные обучающие виртуальные среды, виртуальные прототипы, предлагают различные решения для научных и прикладных задач.

С точки зрения Д. Ланье, виртуальная реальность – это иммерсивная и интерактивная имитация реалистичных и вымышленных сред, т. е. некий иллюзорный мир, в который погружается и с которым взаимодействует человек, причем создается этот мир имитационной системой, способной фор-

62 мировать соответственные стимулы в сенсорном поле человека и воспринимать его ответные реакции в моторном поле в реальном времени⁶.

В зависимости от характера взаимодействия человека с виртуальной средой выделяют три вида ВР – пассивную, исследовательскую и активную⁷:

- при работе с *пассивной* ВР-пользователь выступает в качестве обычного стороннего наблюдателя, способного получать сенсорную информацию, но не имеющего возможности управлять ею;
- *исследовательская* виртуальная среда позволяет перемещаться внутри нее;
- *активная среда* предоставляет возможность взаимодействовать с ней, внося коррективы в ее работу.

В соответствии с общей картиной развития информационных технологий, третий вид пока в полной мере еще остается недоступным исследователям киберпространства, но уже сейчас многие аналитики называют его основой так называемого «цифрового будущего человечества».

Виртуальные реальности также классифицируют как условные, прожективные и пограничные⁸. К *условному* типу ВР можно отнести систему, разработанную М. Крюгером, в которой изображение человека комбинируется с компьютерной картинкой среды, они моделируют (схематизируют) определенные ситуации или действия (процессы). К *прожективным* относятся все виртуальные реальности, созданные на основе некоторых идей. Например, к классу прожективных виртуальных реальностей относятся реальности, созданные на основе научных теорий. В качестве примера можно привести работу специалистов компании *Digital equipment corporation*, которые

⁶ Иванов М. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/gameaddict2>

⁷ Кондратьев И. Технология – виртуальная, результат – реальный // Computerworld. – 1997. – № 35.

⁸ Тезисы докладов на конференции «Технологии виртуальной реальности». – М.: ГосНИИАС, 1995.

помогают химикам моделировать силы молекулярного притяжения и отталкивания. Своей целью ученые поставили за два года разработать такую систему, которая даст возможность химикам руками, в прямом смысле, ощутить эти силы, строя объемные модели молекул в виртуальном пространстве. *Пограничные* виртуальные реальности представляют собой сочетание обычной реальности и виртуальной. Их создание позволяет «расширять сознание» специалиста, вооружая его «видением» и знаниями, которыми он здесь и сейчас обладать не может.

В зависимости от особенностей понимания и трактовки понятия «виртуальная реальность» выделяют различные подходы к исследованию ее систем. Первый из них предполагает изучение ВР с точки зрения сложных технических систем, относящихся к физической или технической реальности. Суть другого подхода – в рассмотрении ВР как состоящей из двух подсистем (физической и нефизической), поскольку среди измерений, определяющих свойства и характеристики представляемых в ВР объектов и систем, одни параметры носят абстрактный (виртуальный) характер, другие – физический (реальный). Однако наиболее распространенным является третий подход – системно-междисциплинарный: «...Разработка современных систем виртуальной реальности требует интеграции парадигм, подходов, методов и средств, используемых в компьютерной науке, искусственном интеллекте, робототехнике, синергетике, психологии и эргономике»⁹. Это предполагает применение системного подхода к строительству интеллектуального интерфейса человека с визуальным пространством, а также широкое использование психологических и психофизических моделей.

Достоверно спроектированная виртуальная реальность воздействует на органы чувств человека настолько сильно, что

⁹ Тарасов В. Системный подход к описанию и управлению взаимодействиями человека с виртуальной средой // Тезисы докладов на конференции «Технологии виртуальной реальности». – М.: ГосНИИАС, 1995. – С. 24–31.

64 отличить искусственную реальность от объективной практически невозможно. Рассматривая свойства системы ВР, прежде всего надо отметить фактор виртуального пространственно-временного континуума, поскольку невозможно представить реальность без времени и пространства.

Определение «виртуальная реальность» априори предполагает теорию существования двух пространств – подлинного и виртуального. Исследователь виртуальной реальности пребывает одновременно в двух пространствах: в то время как сознание путешествует по просторам виртуальной реальности, телесно/физически человек находится в подлинном пространстве. Немаловажное свойство пространства виртуальной реальности – это мгновенный доступ к любой области пространства, в отличие от пространства подлинной реальности, где для этого требуется затрата значительных усилий и времени на перемещение из одной точки в другую¹⁰.

Исследователь А. Юхвид в статье «Философские проблемы виртуальной реальности в творчестве, искусстве и образовании» утверждает, что виртуальная реальность позволит зрителю в будущем не только пассивно воспринимать произведения искусства, но и стать непосредственным участником созданного художником фантастического мира¹¹. Более того, А. Юхвид выдвигает гипотезу о возможности создания абсолютно нового вида искусства – виртуального, которое будет основано на объемном воздействии на все органы чувств человека с целью максимально полного эстетического удовольствия.

Взаимодействие в среде виртуальной реальности происходит таким же образом, как и в подлинной реальности – с помощью систем репрезентации (восприятия и передачи информации). Виртуальная реальность задействует работу

¹⁰ Репкин Д. Виртуальная реальность. URL: http://www.virtual.ru/virtual_reality.html

¹¹ Юхвид А. Философские проблемы виртуальной реальности в творчестве, искусстве и образовании. Правовые аспекты использования виртуальных технологий. URL: http://www.yukhvid.narod.ru/Doklad_Ekaterinburg.htm

человеческих органов чувств, что дает системе возможность называться новой реальностью – искусственной, созданной самим человеком с помощью компьютерных информационных технологий. Ее реалистичность зависит от воздействия компонентов на сознание человека, его нервную систему. К компонентам виртуальной реальности относятся: визуальная, аудиальная, тактильная (кинестетическая) информация, а также ощущение равновесия и ориентация (эксперименты по передаче вкусовых и обонятельных признаков реальности уже существуют, но пока еще не закреплены на практике). Все перечисленные компоненты служат инструментарием создателей виртуального мира для генерирования любой возможной и невозможной в реальном мире ситуации.

Мозг интегрирует все получаемые им сигналы от всех рецепторов и сопоставляет новые данные с теми, что уже имеются в памяти человека. Чрезвычайно важную роль здесь играет конгруэнция – «транслируемые» данные должны в определенной пропорции соответствовать уже имеющейся в сознании информации. Если не придавать этому значения, последствия взаимодействия с системой виртуальной реальности (эффект от ее диссонанса) могут быть самыми непредсказуемыми, в большинстве случаев негативными – например, расстройства психического характера.

Особенность репрезентации состоит в том, что образ, который мы переносим из своего внутреннего ментального пространства в пространство физическое вербальными и невербальными средствами, воспринимается сознанием собеседника через призму его субъективного опыта. Происходит это потому, что внутренние миры коммуникатора и реципиента всегда различны. Таким образом, точность и полнота переноса образа из ментального мира человека в мир виртуальной реальности также зависит от его способностей взаимодействовать в обоих мирах. А общее у предметов подлинной и виртуальной реальностей – эмпирические качества, которыми их наделяет человеческое сознание. Моделирование в системе виртуальной реальности, манипулирование любыми пластами информации может не только повлиять на качественно

66 новое развитие любой производственной, торговой, финансовой и др. структуры, но и самым положительным образом воздействовать на всю экономику страны в целом.

Моделирование – одна из функций системы виртуальной реальности, которая не только стимулирует воображение человека, но и позволяет максимально эффективно использовать скрытые ресурсы нашего сознания. Метод моделирования является наиболее мощным приемом экспериментального исследования¹².

Установлено, что при поиске концептуального решения задачи мыслительный процесс осуществляется в большинстве случаев на уровне образов, а не на уровне точных вычислений. Например, в США на одной из бирж была установлена система виртуальной реальности, где рынок ценных бумаг был представлен в виде океана. Высота волны обозначала изменение котировок, погода – внешние условия (политические и экономические), чистота воды символизировала «чистоту» сделок. Таким образом, для того, чтобы оценить ситуацию на фондовых рынках мира, достаточно было одного взгляда. Новая система подачи информации также позволила существенно уменьшить число естественных ошибок брокеров¹³. Рассматривая свойства виртуальной реальности, мы невольно убеждаемся в том, что виртуальная реальность предоставляет человеку отличные возможности для проведения различного рода исследований, в том числе психологического характера. Специалисты считают, что в недалеком будущем системы виртуальной реальности станут основным инструментом исследований¹⁴. Успех проведения исследований с помощью систем виртуальной реальности – в наличии массивов хранящейся в ней информации, а также в возможности конструирования образов, моделирования ситуаций и т. д. Виртуальная

¹² Наринян А., Поздеев В. Основы научных исследований. – Киев: Изд-во Европ. ун-та, 2002.

¹³ Сигунов В. Реальные деньги виртуального мира // Эксперт. – 1999. – № 43 (206).

¹⁴ Кондратьев И. Указ. соч.

реальность может быть эффективно использована в обучении человека профессиональным знаниям. Ее способность моделирования любой ситуации может служить средством приобретения и закрепления жизненных умений, а также навыков общения и жизнедеятельности в социуме.

Необходимо отметить, что понятие «виртуальный» в современной западной культуре (лат. *virtus*) имеет четыре значения. Во-первых, это моральная ценность, благо; во-вторых – некая актуально существующая и действующая реальность; в-третьих – некий артефакт; в-четвертых – синоним потенциального, мнимого, нереального.

Термин «виртуальная реальность» указывает на такую реальность, которая может существовать как в потенциальном (возможном) состоянии, так и в актуально существующем, действующем состоянии. Ф. Хэммит определял виртуальную реальность через понятие взаимодействия «человек – компьютер»¹⁵.

Виртуальную реальность необходимо рассматривать и в гуманитарном аспекте, который предполагает изучение идеи виртуальности в таких областях, как философия, психология, педагогика, творчество, искусство, культура.

Для изучения виртуальных реальностей используется философский подход, так называемая «виртуалистика». Это полионтологичный подход, предполагающий множественность реальности, в отличие от моноонтологичного, который предполагает лишь одну реальность – природную. Он может быть использован в любой научной дисциплине, а также для описания и понимания многообразного мира культуры и искусства.

Выделяют следующие специфические свойства виртуальной реальности:

- порожденность (виртуальная реальность производится активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней);
- актуальность (виртуальная реальность существует только «здесь и теперь», только до тех пор, пока активна порождающая реальность);

¹⁵ Hammet, F. Virtual reality. – New York, 1993.

- автономность (в виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования);
- интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них).

Отечественная психология уделяет неоправданно мало внимания не только конкретным применениям новых технологий, но и связанным с ними теоретико-методологическим аспектам. Следует упомянуть, что понятия «виртуальные миры» и «виртуальное сознание» используются в основном в связи с изучением феноменов измененных состояний сознания (ИСС). Это относится, например, к трудам в духе постмодернистской культурологии¹⁶. В них обосновывается мысль, согласно которой «любая реальность является виртуальной», если понимать под последней «психотический или шизофренический паранойяльный бред, наркотическое или алкогольное опьянение, гипнотическое состояние, изменение восприятия мира под действием наркоза. ВР возникают также у пилотов на сверхзвуковой скорости, у заключенных, подводников, у людей, испытывающих стресс (например, во время авиа- или автокатастрофы), у клаустрофобов, практически у всех, кто каким-то образом насильно ограничен в пространстве на достаточно длительное время»¹⁷.

Подобная точка зрения широко распространена: «...Современное использование термина “виртуальная реальность” излишне привязано к миру компьютерной техники...»¹⁸. О. Антонова и С. Соловьев не так давно высказали мысль, согласно которой ни компьютеры, ни Интернет вместе с сетевыми тех-

¹⁶ См.: Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. – М.: Аграф, 2000; Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2001.

¹⁷ <http://rudnev-vadim.viv.ru/cont/slowar/23.html>, <http://rudnev-vadim.viv.ru/cont/slowar/24.html>

¹⁸ Спиридонов В. Ф. Психологический анализ виртуальной реальности // Виртуальная реальность в психологии и искусственном интеллекте / Сост. Н. В. Чудова. – М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1998. – С. 185.

нологиями не внесли ничего принципиально нового в философскую проблематику виртуальности¹⁹. В дополнение можно отметить, что континуум виртуальных реальностей и взаимопереходы между виртуальностью и реальностью подробно описаны Н. А. Носовым²⁰. Виртуальность как продукт измененных состояний сознания (ИСС) рассматривал А. В. Россохин²¹. Н. Б. Маньковская и В. В. Бычков²² именуют данную проблематику «естественной виртуальностью» и отличают ее от «искусства как виртуальной реальности», а также от «паравиртуальной реальности» (под которой понимается прежде всего психоделическое искусство) и от «протовиртуальной реальности», создаваемой с помощью компьютерных программ и применяемой, в частности, в кинематографе при создании так называемых «спецэффектов». Последний класс феноменов называется собственно технической, или компьютерной виртуальной реальностью²³.

ВР-технология предоставляет возможность создать среду для систематического тестирования, тренингов и лечения, позволяющую контролировать комплексную, динамическую трехмерную стимуляцию. Виртуальная реальность, создаваемая за счет визуализации трехмерных объектов методами компьютерной графики, анимации и программирования, является

¹⁹ Антонова О. А., Соловьев С. В. Теория и практика виртуальной реальности: логико-философский анализ. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2008.

²⁰ Носов Н. А. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000.

²¹ Россохин А. В. Виртуальное счастье или виртуальная зависимость (опыт психологического анализа) // Виртуальная реальность в психологии и искусственном интеллекте / Сост. Н. В. Чудова. – М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1998.

²² Маньковская Н. Б., Бычков В. В. Виртуальность в пространствах современного искусства // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2006 г. – Вып. 10. – М., 2007. – С. 374–380.

²³ Войскунский А. Е. Представление о виртуальных реальностях в современном гуманитарном знании // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий / Под ред. А. Е. Войскунского. – М., 2001. – С. 153–161.

70 продуктом информационных технологий. Однако в ряде современных публикаций были отмечены важные аспекты создания виртуальных трехмерных миров, согласно которым необходимо рассматривать VR не только как информационную, но и как психологическую технологию²⁴. С какой бы целью ни конструировалась VR, перед ее пользователями возникает множество психологических проблем: привыкание к виртуальной среде, степень доверия к виртуальным объектам, адекватность действий и эмоциональных состояний наблюдателя, возможность воздействия на его психическое состояние и т. д. Поэтому неудивительно, что именно психологической науке принадлежит ведущая роль в адаптации интенсивно развивающихся и совершенствующихся систем VR к особенностям человеческого восприятия и сознательного поведения.

Технология виртуальной реальности открывает для экспериментальной психологии новые исследовательские возможности и оснащает ее методами, имеющими ряд отличий перед традиционными лабораторными инструментами²⁵. Без обсуждения методологических особенностей этой технологии невозможно планирование и создание адекватных сценариев для психологических научных исследований, использование ее в образовании и медицине. Активная дискуссия относительно положительных и отрицательных особенностей систем VR прослеживается во многих работах²⁶. Пере-

²⁴ См., напр.: *Архитектура виртуальных миров* / Под ред. М. Б. Игнатьева, А. В. Никитина, А. Е. Войскунского. – СПб: Изд-во ГУАП, 2009; *Войскунский А. Е., Меньшикова Г. Я.* О применении систем виртуальной реальности в психологии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.* – 2008. – № 1. – С. 22–36.

²⁵ Zinchenko, Yu. P., Menshikova, G. Ya., Bayakovskiy, Yu. M., Chernorizov, A. M., Voiskounsky, A. E. *Technologies of Virtual Reality in the Context of World-Wide and Russian Psychology: Methodology, Comparison with Traditional Methods, Achievements and Perspectives* // *Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook.* – Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2010. – P. 11–45.

²⁶ Yee, N. *Psychological research in virtual worlds, 2007.* URL: <http://bps-research-digest.blogspot.com/2007/06/psvcho-logical-research-in-virtual.html>

числим некоторые несомненные преимущества этой технологии.

Во-первых, следует отметить ее *экологическую валидность*. Для измерения ряда психологических параметров, таких, например, как уровень практического интеллекта или восприятие сложной динамичной сцены, классические методики опросников и тестов являются не совсем адекватными. В ряде работ²⁷ дискутировался вопрос о том, насколько точно мы можем оценить когнитивные функции при помощи традиционных методик, в которых испытуемым на короткое время предъявляют не очень сложные стимулы на экране монитора. Решаемые ими абстрактные задачи на «исключение лишнего», «поиск общих признаков» и т. д. признавались слишком «узкими» и искусственными по сравнению с задачами в реальной жизни. В еще более упрощенном варианте диагностики когнитивных процессов применялись стандартные тесты с использованием ручки и бумаги, а оценка когнитивных/функциональных процессов основывалась на двух критериях: надежности и валидности. Однако существует множество факторов, значительно снижающих надеж-

Ducheneaut, N., Yee, N., Nickell, E., Moore, R. J. Alone Together? Exploring the Social Dynamics of Massively Multiplayer Games. Conference proceedings on human factors in computing systems. – Montreal, 2006. – P. 407–416.

Khan, Y., Xu, Z., Stigant, M. Virtual reality for Neuropsychological diagnosis and rehabilitation: A Survey // Proceedings of the Seventh International Conference on Information Visualization. IEEE Computer Society. – Washington DC, 2003. – P. 158–163.

Morganti, F., Gaggioli, A., Castelnuovo, G., Bulla, D., Vettorello, M., Riva, G. The use of technology supported mental imagery in neurological rehabilitation: a research protocol, *Cyberpsychology & Behavior*, 2003. – 6(4). – P. 421–442.

Optale, G. Capodiecici, S., Pinelli, P., Zara, D., Gamberini, L., Riva, G. Music-enhanced immersive virtual reality in the rehabilitation of memory-related cognitive processes and functional abilities: A case report. *Presence* 10, 2001. – P. 450–462.

²⁷Neisser, U. *Memory: what are the important questions? Practical Aspects of Memory*. – London: Academic Press, 1978. – P. 3–24.

72 ность и валидность традиционных методов, например: (1) вариабельность процедуры опыта в зависимости от эксперта; (2) некоторые тесты требуют участия одновременно нескольких когнитивных функций, поэтому остается неясным, какая из них подвергается оценке. Также эти тесты обладали низким уровнем экологической валидности. В научной психологии появились такие понятия, как практический интеллект и эмоциональный интеллект, которые определяют интеллект не как способность решать задачи, а как способность понимать другого человека. Тестирование этих понятий требует новой стимульной среды, которая подобна естественной среде. Это должна быть сложная, меняющаяся во времени и меняющаяся в зависимости от положения наблюдателя визуальная среда. Кроме того, она должна позволять осуществлять естественное поведение наблюдателя в пределах «виртуального» окружения – рассматривать, поворачиваться, трогать и т. д.

Во-вторых, технология виртуальной реальности отличается от классических методик тем, что она позволяет осуществлять *полный контроль за вниманием наблюдателя*, поскольку она яркая, динамичная и интерактивная. Для такой среды маловероятно отвлечение внимания на другие стимулы реального окружения.

В-третьих, она *гибкая и легко перестраиваемая*. Среда VR программируется, что позволяет пластично менять параметры объектов и происходящих с ними событий. Есть возможность представить множество разнообразных переменных стимулов (как неподвижных, так и движущихся) с легко контролируруемыми параметрами предъявляемой стимуляции – яркость, цвет, форма и др. Кроме того, в ней легко программируется структура появления стимуляции и настройка этой структуры в зависимости от реакции наблюдателя. Следует отметить, что в понятие гибкости включается возможность создавать не только «подобную реальному миру» среду, но и нереальные («лунные») миры с необычными свойствами виртуальных объектов. Такие миры также позволяют поме-

стить пациентов в условия, которые в реальном мире были бы недостижимыми, опасными или стрессогенными.

Четвертой особенностью систем ВР является *возможность селективного выделения нужной стимуляции*. В экспериментальной психологии существует большое число задач, в которых экспериментатору необходимо привлечь внимание испытуемого к отдельным ключевым стимулам. В программируемой ВР в описании сценария можно ввести специальные способы визуального «усиления» ключевых стимулов – увеличить частоту их появления, усилить яркость, окрасить их в цвет, который «привлекает взор» испытуемого. Можно не только использовать сенсорные характеристики стимуляции, но и встраивать в виртуальную среду стимулы, вызывающие у испытуемого сильные ассоциативные реакции: портреты близких людей, обстановку комнаты, в которой испытуемый провел детские годы, и т. д.

Пятое преимущество – *возможность установления обратной связи в режиме реального времени*. Быстродействующие компьютерные системы могут обчитывать и выдавать результирующий визуальный образ в течение нескольких миллисекунд, что позволяет программно устанавливать быстрое интерактивное взаимодействие ВР-среды и наблюдателя. Для этого вводится специальный дисплей, позволяющий осуществлять действия с виртуальными объектами, результат которых виден в режиме реального времени.

В-шестых, важной особенностью ВР является *возможность создания полимодальной стимуляции*. Чувство физической реальности конструируется на основе наших базовых ощущений – зрительных, осязательных, слуховых, обонятельных. Системы ВР позволяют имитировать одновременно зрительные, тактильные, слуховые образы, что едва ли достижимо в традиционной парадигме экспериментальной психологии и что усиливает «правдивость» виртуальной среды. Такое преимущество позволяет решать ряд задач в реабилитации когнитивных способностей. Классические подходы в когнитивной реабилитации разделяются обычно на две основные

74 группы: *восстановительные*, которые уделяют внимание систематическому восстановлению когнитивных процессов, и *функциональные*, придающие особое значение актуально наблюдаемому поведению (повседневным действиям)²⁸. Критики восстановительных подходов предостерегают от чрезмерного доверия к тестовым материалам и подчеркивают неспособность этого подхода адаптировать пациента к реальному миру. Функциональные же подходы критикуют за то, что выучивание процедур приводит к тому, что пациент как будто живет в статичном мире, в котором условия жизни не изменяются. Особенность ВР-технологии создавать мультимодальную стимуляцию, полностью погружающую пациента во взаимодействие с виртуальной средой, позволяет значительно эффективнее восстанавливать комплексное поведение.

Однако технология виртуальной реальности имеет и слабые стороны. Так, например, подробный анализ использования ВР-технологий для задач реабилитации больных с различными типами нарушений был проделан Ф. Морганти²⁹. Результаты этого анализа показали, что, несмотря на все преимущества, использование ВР в реабилитации сталкивается с целым рядом проблем. К наиболее часто обсуждаемым недостаткам относят высокую стоимость оборудования, техническую сложность, сложность визуализации психологических проблем, отсутствие критериев эффективности воздействия ВР-среды, недостаток знаний персонала о принципах работы и эксплуатации инновационного оборудования.

Потребность в системах виртуальной реальности в процессе жизнедеятельности человека, а также общества и государственной системы все больше. Глубокое и всестороннее

²⁸ Rizzo, A., Buckwalter, J. G., Van der Zaag, C. Virtual Environment Applications in Clinical neuropsychology // The Virtual Environments Handbook. – New York: Erlbaum, 2002.

²⁹ Morganti, F. Virtual interaction in cognitive neuropsychology Cybertherapy: Internet and Virtual Reality as Assessment and Rehabilitation Tools for Clinical Psychology and Neuroscience. – Amsterdam: IOS Press, 2004.

изучение этого явления открывает огромные возможности для обучения, моделирования, творчества.

75

За сравнительно короткий срок технологии виртуальной реальности преодолели путь от «дорогой игрушки» до «функциональной технологии». Сейчас VR активно развивается как средство для клинического, исследовательского и образовательного применения. Системы VR интегрируют в себе компьютерную графику в режиме реального времени, датчики движения тела, аудио-/визуальные/сенсорные дисплеи для погружения испытуемого в интерактивную виртуальную среду, которая естественным образом меняется при движениях его головы и тела. Являясь, по сути дела, сложными симуляторами среды, VR могут быть использованы для наблюдения за человеческой психикой и поведением под воздействием разнообразных стимульных условий, неосуществимых посредством традиционных методов экспериментальной психологии.

Я. Н. Засурский

Все начинается с контента

Сегодня часто говорят о «контенте» – содержании СМИ, не всегда осознавая, насколько этот модный термин на самом деле выражает суть современных изменений в области информационной индустрии и, главное, в сознании отправителей и получателей информации.

Проблемы содержания очень важны для журналистики, поскольку вся журналистика – это содержание, которое мы получаем, когда читаем газеты и журналы, слушаем радио, смотрим телевидение. Но сегодня появился и другой выход к контенту – через Интернет или мобильную связь. И что следует подчеркнуть особо, в этом случае контакт будет, в сущности, непосредственным, не отягощенным дополнительным комментарием.

В техническом смысле, когда мы говорим о контенте в зарубежных изданиях и в России, больших различий нет. Различия есть в самом *содержании содержания*. И очень часто это следствие различия в традиции толкования объема понятия, в противопоставлении, по крайней мере, двух значений термина. Категория *контент* вводится для того, чтобы не путать разные виды содержания. И в этом его огромное достоинство.

В английском языке слово *content* имеет несколько омонимичных значений. И одно из важнейших не *содержание*, а *удовлетворение*. Если попытаться установить связь между этими двумя значениями – «содержание» и «удовлетворение», то оказывается, что это не столько омонимы, сколько дериваты одного смысла. Особенно если использовать аналогию с потреблением пищи и насыщением. Как и в случае с пищей, удовлетворенность контентом часто достигается не путем погло-

щения продукта высокого качества, а, скажем, сокращением доступа к другой еде, в нашем случае – к разнообразным СМИ. И тогда может показаться, что и суррогата достаточно. Хотя вы, конечно, не всегда можете быть этим удовлетворены.

С другой стороны, понятие «контент» переводится с английского весьма широко: и как *содержание*, и как *объем*, и как *смысл понятия*. Как содержание и объем контент противопоставляется форме (например, «контент сайта соотносится с дизайном как содержание с формой»¹). Как смысл контент, несомненно, сопоставляется с мемами – элементарными единицами информации, определяющими поведение и мышление людей². Уже на этом уровне возникает столкновение, а вернее, «мерцание» двух значений: формально-объективного, доступного для количественного анализа (перечень наполнения сайта, статьи, передачи фактами, мнениями, картинками, мелодиями, документами и т. д.) и абсолютно субъективного, даже суггестивного, характеризующего способность контента определенным образом программировать, направлять мышление и поведение. Несмотря на внешнюю противоположность, оба значения, несомненно, взаимосвязаны как две стороны одного явления. Это хорошо видно при анализе формальной стороны развития контента.

Следует исходить из тех новых моментов, которые возникли в развитии контента и способны служить дорожной картой происходящего. Как можно убедиться, развитие это на каждом этапе весьма неоднозначно, как и само понятие контента, и зачастую мы видим, как многообразие контента в первом значении (количество картинок, фактов, мнений) маскирует однообразие или отсутствие контента во втором

¹ Интернетско-русский разговорник. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/internet/article/265.htm>

² По выражению Ричарда Докинза, автора понятия, «мем есть основная единица культурной трансмиссии (передачи)». В качестве примера исследователь приводил «мелодии, идеи, расхожие выражения, фасоны одежды, способы производства посуды или постройки куполов» (Мем, мем-технологии. URL: http://msk.treko.ru/show_dict_666).

78 значения (смысл и ценности), как авторитетные прежде источники сохраняют аудиторию, только транслируя мнения частных лиц, никому не известных блогеров и т. д. Однако эта двойственность весьма однозначно указывает на законосообразность современных медиафеноменов и, что немаловажно, на искусственность широкой аудитории.

Как правило, контент рассматривается как содержание средств массовой информации и журналистики, то есть объективно-формальная характеристика наполнения СМИ. В этом смысле контент существует на телевидении, на радио, в газетах. Но прежде всего в Интернете. Имея *web*-адреса 30 российских газет, 25 англоязычных изданий, радиостанций и телеканалов, можно познакомиться, грубо говоря, с разными контентными. Но вот что прежде всего бросается в глаза: складывается ощущение, что этот контент – из одного общего источника, из которого каждый брал столько, сколько смог зачерпнуть. Поначалу кажется, что особенных различий нет. Но в том, как изготавливается контент, конечно, различия есть. И настолько большие, что возникает вопрос о самостоятельном, независимом от журналистики и вообще средств массовой информации наличии контента, парадоксальным образом напоминающем о диалектике абсолютной и относительной истины марксистской философии.

Первые, кто обратил внимание на то, что существует контент отдельный от средств массовой информации, были французские переводчики, которые готовили обзорные сводки и текстовые заготовки по заказу газет и отдельных журналистов. В Париже ими были созданы специальные бюро переводов. Затем на базе этих бюро переводов было создано первое информационное агентство «Гавас» (по фамилии основателя). Информацию они продавали. Так контент начал существовать независимо от газет, от средств массовой информации. Можно считать, что сороковые годы XIX в. были годами рождения контента как самостоятельной части интеллектуального труда. Тогда появилась возможность редакциям и журналистам, а также политикам и государственному аппарату пользоваться,

как полуфабрикатом, специально изготовленным для массовой коммуникации контентом. Сегодня существует огромная промышленность по производству и переработке контента, которая включает в себя информационные агентства, газеты, журналы, радио, разного рода информационные службы – средства массовой информации, рекламы и *PR*.

Существенный шаг в развитии этой промышленности контента был связан с превращением СМИ в дуалистичные предприятия, существующие одновременно в двух сферах: в традиционной бумажной, голосовой, визуальной, аудиовизуальной и в то же время – в цифровой сфере в Интернете. И теперь мы можем получить содержание радиопередачи, телевизионной передачи, газеты в одном ряду в своем компьютере. Естественно, это определяет многообразие того содержания, которое сегодня предлагается каждому. Но промышленность контента развивается одновременно со всеми прелестями стандартизации, монополизации и автоматизации, типичными для массового производства. Цифровая сфера, Интернет, казалось бы, представляет полное и независимое наличие контента как такового, с которым можно вступить в непосредственный контакт. Но появились новые предприниматели и производства, которые не только участвуют в трансляции контента, но и влияют на его изготовление, а главное, на пользование им. Речь идет не об Интернете, вернее не просто об Интернете, а о поисковых системах.

Пользование Интернетом представляет особую ценность, потому что обеспечивает непосредственный контакт (прямую и обратную связь) с контентом. Но мы получаем через Интернет только то, что можем найти через поиск. А поиск осуществляется с помощью поисковых систем, которые определенным образом настраиваются. Именно поисковые системы, их конструкция и их владельцы сегодня представляют особый интерес, так как являются ключевыми элементами в развитии индустрии содержания. Этих поисковых систем не так много. Но они практически регулируют движение контента в Интернете, несмотря на все многообразие сайтов, блогов

80 и социальных сетей. Есть крупнейшая поисковая система *Google*, которая создана выходцами из России. Действует она в основном на зарубежную аудиторию. Но и в России она очень популярна. Она практически близка к монополизации этого рынка. И даже пыталась сделать это, приобретая другие поисковые системы. Есть *Yahoo*, также принадлежащая американцам. И эти две системы на мировом рынке господствуют. У нас имеется своя поисковая система – *Yandex*, которая монополизировала русский рынок содержания. Но слабое ее место в том, что эта система базируется исключительно на российских материалах. И потому поиск материалов, связанных с событиями в других странах, несколько затруднен. Тем не менее появление новых игроков здесь очень важно именно в плане преодоления монополизма, потому что в Интернете всякое доминирование и управление в предельном значении ведет к деградации цифровой сферы до уровня бывшей журналистики (периодической печати) тоталитарных времен.

Глобальные поисковые машины при всех возможных рисках оживляют Интернет и помогают нам им пользоваться. Кроме того, существуют поисковые машины более специального назначения, которые могут по нашему желанию отобрать на базе глобальных поисковых машин то содержание, которое нам нужно. И при современных возможностях электроники возникла ситуация, когда содержание по указанию заказчика может составить сама машина. Называется эта процедура «Простое синдицирование (*RSS*)»³. Таким образом, появляется возможность создавать газету без журналистов.

Впервые заговорили об идее газеты без журналистов в 1968 г. на семинаре в Праге. Тогда все отвергли эту идею как неосуществимую, неправильную и ненужную. Сегодня реаль-

³ *RSS* – *Really Simple Syndication* – в буквальном переводе звучит как «действительно простое синдицирование» или «простое приобретение информации», от англ. *syndicate* – 1) агентство печати, приобретающее информацию, статьи и т. п. и продающее их различным газетам для одновременной публикации; 2) приобретать информацию и пр. – URL: http://spectator.ru/technology/web-building/RSS_for_dummies)

но поисковые машины могут создать тот набор материалов, тот вид контента, который будет представлять интерес для заказчика. И, как уверяют многие исследователи и практики Интернета, там остается только 5% того, что должен делать журналист лично. Он, в частности, должен оценить актуальность этой информации. Это, конечно, спорно.

Но, так или иначе, влияние новых технологий на пользование контентом очень велико. Правда, мы не всегда можем это заметить. Нам кажется, что Интернет – это хаос, в котором смешано все. Но в этом многообразии и хаосе есть управление. И это те самые поисковые системы. В сущности, можно говорить о новом этапе в развитии индустрии контента, поскольку доступ к Интернету, к поисковым машинам позволяет автоматически получать содержание стандартного качества, которое способно заполнить номер газеты, радиопередачу, выпуск телепрограммы и т. п. Более того, сегодня ни одно средство массовой информации не может обойтись без обращения к Интернету и к структуре этих самых монопольных систем, которые ищут в Интернете информацию и сами классифицируют ее и распределяют. Это существенное дополнение к традиционным игрокам на рынке контента: газетам, радио- и телекомпаниям, специализированным агентствам, которые тоже продолжают действовать. Разнообразие выбора растет. Естественно, при выборе решения важную роль играют редакции и журналисты. Но повестку дня в самом поиске контента в значительной степени определяют глобальные поисковые системы. И то, что они в большинстве находятся в руках американцев, – серьезное обстоятельство с точки зрения информационной независимости.

В то же время нужно сказать, что именно наличие возможностей выпуска газеты с помощью поисковых машин создает благоприятную ситуацию для создания индивидуальных СМИ, то есть индивидуального содержания и индивидуального доступа к содержанию. Прежде всего, теперь активную роль на рынке информации играют блоги. Этих блогов миллионы. Конечно, не каждый блог играет значи-

82 мую роль. Но есть такие, которые являются самостоятельными и весьма важными источниками информации. Во многих странах они получили признание. И в газетах на них ссылаются. Более того, ежедневно печатаются обзоры этих блогов. По радио, по телевидению также сообщают о том, что написано в блогах. Они интересны тем, что выражают личное мнение журналистов или представителей гражданского общества и позволяют представить более широко и детально картину мира и жизни людей. Сегодня они являются, может быть, одним из важнейших элементов индустрии содержания. Кроме того, имеются сайты в сети, которые специализируются на конкретных проблемах. Речь идет не о сайтах редакций, а о сайтах различных центров, которые содержат специальную информацию.

В свою очередь, появление в сайтах цифровых версий СМИ существенно обогатило то содержание, которое имеется в Интернете и, конечно, позволило расширить возможности независимого журналиста. Здесь независимый журналист может ощутить, что он действительно независим. Но не следует забывать, что вместе с интернет-версиями газет в цифровое пространство приходят профессиональная пропаганда, манипулятивная публицистика, ухищрения политтехнологов и т. п. И не исключено, что со временем придется говорить о загрязнении Интернета и экологии контента. Поэтому все более важным фактором развития журналистики, и, больше, гражданского общества как такового, становятся отношения между контентом и аудиторией. Дело в том, что на основе новейших информационных технологий между контентом и аудиторией могут сложиться и уже реально складываются двунаправленные отношения. С одной стороны, участие гражданского общества в интернет-коммуникации позволяет ему воздействовать на средства массовой информации через бесчисленные блоги, сети и сайты. С другой, и это самое главное, появляется возможность доступа к контенту без посредников, осуществляющих контроль за доступом к разнообразию контента, каковыми являются газеты, радиостанции, телевиде-

ние, в том числе и их электронные версии. Имея доступ к Интернету, каждый может преодолеть манипулятивные помехи, работая в Интернете, подбирая там информацию. Сегодня, может быть, впервые в истории человечества, появляется потенциальная возможность пользоваться всем разнообразием контента без посредников. Это, в известной степени, ограничивает свободу институционального влияния прессы. Но зато резко расширяет свободу личности, возводя в степень реальную свободу слова. Парадоксальным образом теперь можно пользоваться даже массовой информацией без самих средств массовой информации. Больше того, можно создать свою поисковую машину и иметь свое индивидуальное средство массовой информации. К такой индивидуализации пользования контентом, развития контента и ретрансляции контента журналистике еще нужно привыкать и приспосабливаться. Но только так журналистика может стать по-настоящему современной. Так же, как общество станет по-настоящему информационным, только если пользование, развитие и ретрансляция контента перейдут в разряд личностных проблем.

Конечно, массовая аудитория велика. Не всем нужна четко очерченная повестка дня с точки зрения поиска информации. Может, значительно больше тех, кому вполне достаточно развлекательных программ телевидения или всего одного радиовыпуска «Последних известий» в сутки. Многие считают для себя неприемлемым расширение, выход контента за пределы сословного, идеологического или религиозного тезауруса. И немало таких, кому важно только то, что происходит в их ближайшем окружении. Вообще, для оперативного пользования человеку, не участвующему в тех или иных специальных акциях, действиях или программах, индивидуальная информация, может, была бы и не нужна. Но развернувшийся процесс глобализации резко меняет дело. Постоянно происходит масса таких событий, акций, начинаний и пертурбаций, в которых надо участвовать с пониманием и активностью, если хочешь быть на коне, а не попасть как кур в ощи́п. В современном мире развитие в любом аспекте начинается с глоба-

84 лизации контента. Но избежать глобальных ловушек можно, только лично отбирая для использования индивидуальную информацию. Поэтому невозможно переоценить значение достижимого на сегодня уровня фрагментации контента, который позволяет осуществлять индивидуальную подписку на индивидуальное пользование содержанием.

Людей, которым нужна индивидуализированная информация, которые с ней постоянно работают, умело ее проверяют и уверенно ретранслируют, становится все больше. Так возникает совершенно новая научная проблема – общение индивида один на один с массовой информацией. Действительно, сегодня ученый, исследователь, дизайнер, да просто увлеченный чем-то человек может создать собственную систему поиска информации. Он может стать вполне независимым от СМИ. Достижимая для каждого индивидуализация информации, и прежде всего развитие цифровой информационной структуры в Интернете и мобильной телефонии, существенным образом меняет пользование контентом. Так что некоторые теоретики уже утверждают, что старый принцип репортажа «Здесь и сейчас» не действует. Теперь журналистика стала вездесущей благодаря мобильному телефону, компьютеру, Интернету и действует иной принцип репортажа – «Где угодно и когда угодно». Преодолено и время, и пространство. Если у вас есть мобильный телефон, вы информацию получите немедленно, в том месте, где находитесь, и в тот момент, когда нужно вам. Ситуация социально не безопасная. Можно ожидать, что это путь к распаду общественного пользования контентом. Но так или иначе индивидуализация необходима для того, чтобы общество знаний могло в полной мере обеспечить себя новыми знаниями благодаря индивидуальным программам тех людей, которые без этого не смогут продуцировать новое содержание и ретранслировать его в сети. В этом суть фрагментации и индивидуализации контента, которую несет с собой мобильная журналистика в информационном обществе, где каждый может почувствовать себя всезнающим и вездесущим.

Как видно, развитие индустриальной стороны производства и доступа к контенту, не говоря уже о более тонких моментах внутренней, смысловой стороны новейших информационных технологий, приводит к существенным изменениям в психологии человека, включенного в массовую коммуникацию, в поведении аудитории и принципах журнализма. И с особой наглядностью это станет видно, когда в связи с развитием Интернета и новейших информационных технологий изменится характер доступа к контенту не только у нас, но и у наших руководителей.

А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов

От Мы-медиа к Я-медиа: поиск себя в мире информации

В начале 2008 года в США вышла книга специалиста по новым технологиям и инсайдера силиконовой долины Эндрю Кина «Культ любительского: как блоги *MySpace*, *YouTube* и другие, базирующиеся на пользователях медиа, разрушают нашу экономику, культуру и ценности». В этой книге, само название которой достаточно красноречиво, Кин поставил контент, производимый рядовыми пользователями Интернета, в один ряд с любительской порнографией и обвинил «блогеров-любителей» в развращении общественных устоев. Картина весьма угрожающая, однако один из ее выводов заключался в том, что традиционным медиа со стороны блогов ничего не угрожает.

О роли блогов в журналистике и так называемых *user-generated media* сказано немало слов. Их многократно и воспевали, и отпевали, так что снова заводить дискуссию на эту тему – уже просто дурной тон. С одной стороны, адепты блоггерства приводят примеры, в которых блогеры переплюнули традиционных журналистов по скорости передачи информации (как это было, например, во время трагедии Боинга-737 в Перми, когда блог-контент долгое время был основным для традиционных медиа). В ответ представители традиционных СМИ утверждают, что речь идет о единичных случаях и блог-журналистам еще далеко до ресурсов и доступа к информации, которые есть у традиционных СМИ (не говоря уже о профессионализме и опыте). Конечно, под горячую руку сразу хочется в такой спор ввязаться и начать утверждать, что дело тут не только в качестве содержания, но и в методах его потребления. Ведь на самом деле одним из основных преимуществ тра-

диционных СМИ по сравнению с любительскими остается их способность не добыть информацию, а, прежде всего, ее обработать – выделить главное, нарисовать картину дня, расставить акценты и составить выжимку из бесконечного океана информации. И именно здесь проигрыш *user-generated* платформ особенно очевиден: ведь потребление информации из блогов и им подобных информационных ниш требует перенесения ответственности за конструирование картины мира из потока информации с редактора на самого читателя. А он ведь этого не хочет! У него нет на это сил и времени, да и просто он этого на самом деле не умеет. Сталкиваясь не с узкой задачей поиска информации по определенной тематике, а с попыткой сформировать общую картину мира по принципу важности, но без четких критериев, читатель как пользователь Интернетом действует по формуле: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Правда, благодаря создателям *Google* возник и вполне определенный ответ в духе конформизма – «Пойди туда, куда идет большинство, и принеси то, что принесли все». Формулы поиска и иерархии в доступе к информации аккумулируют в своих алгоритмах дух коллективного разума, который должен заменить редактора, но по целому ряду причин, как содержательным, так и форматным, у них это получается весьма сомнительно. Однако это спор все в той же плоскости – блоги против газет, *YouTube* против телевидения...

Американский фантаст Роберт Шекли утверждал, что для получения верного ответа главное – это умение правильно поставить вопрос. Является ли попытка сравнить медиа традиционные и медиа социальные легитимной, а главное – продуктивной? Ведь спор этот, по сути, имеет выраженный идеологический оттенок. С тех пор как Дэн Гилмор в своем знаменитом труде *We are the media* провозгласил революцию под одноименным лозунгом, самостоятельная журналистика воспринималась часто как, прежде всего, проявление нового витка демократичности и свободы нынешней эпохи. Формула Гилмора стала гимном новым информационным технологиям как механизму либерализации и ухода от «гейткипер-

88 ства» – СМИ в роли привратника, сторожащего калитку входа в публичную сферу под эгидой и внимательным наблюдением сильных мира сего.

Но давайте забудем ненадолго дискуссии о столкновении двух тектонических платформ традиционных и *user-generated* медиа и посмотрим на блог-журналистику с другого ракурса – ракурса личных мотивов и предпосылок. Для этого нам нужно будет вернуться на несколько лет назад.

Как бы это ни было парадоксально в свете упомянутого выше спора, но одними из первых, кто обозначил блогосферу как медиапространство, стали сами «традиционные журналисты», многие из которых занимались новостями и стали активно использовать блоги. Блогосфера Живого Журнала (ЖЖ), хорошо известная русскоязычному читателю, была одним из первых и ярких тому примеров, да и не просто примеров, а, по сути, одним из первых виртуальных убежищ для медиаперебежчиков (которые, впрочем, не оставляли при этом своей обычной профессиональной работы). ЖЖ стал не только пространством для журналистов, но и платформой возникновения своего рода журналистского сообщества (комьюнити) на базе блогов бойцов медиафронта. Одним из мотивов для возникновения этой параллельной традиционному информационному пространству деятельности было, конечно, отсутствие контроля и какой-либо селекции публикуемого. Тексты журналистов были здесь намного свободнее, чем требовал формат жанра, часто длиннее, чем позволил бы формат традиционного медиапространства, да и идеи часто были далеки от новостной сухости и нейтральности. То и дело то тут, то там у блог-записей («постов») появлялся заголовок «без цензуры». До сих пор все это вписывается в идеологическую концепцию блогосферы как, в первую очередь, пространства вседозволенности и бесконтрольного выхода в публичную сферу.

Однако вряд ли мотивы журналистского прорыва в блог-пространство можно свести только к преодолению цензуры контента. Да, конечно, содержания в блогах было в какой-то степени больше и оно было более свободно и независимо

по отношению к тому, что могло появиться в традиционных СМИ. Но на фоне этого журналистского свободомыслия появилась еще одна ощутимая тенденция. Если в рамках новостного жанра материал – это обычно встреча читателя с освещаемым событием, то в новостных блог-записях событие, конечно, тоже присутствовало, однако в его фактуре отчетливо проступала фигура самого журналиста. Это были новости под знаком местоимений первого лица. Помимо жанровых перемен персонализации новостей способствовал и тот факт, что они подавались в рамках платформы, общим знаменателем которой было не то, что все освещаемое происходило в один определенный отрезок времени, а само авторство. Эффект усиливался еще и тем, что новости традиционные чередовались с новостями совсем другого характера – сводками тех или иных событий из жизни самого автора. Здесь можно вспомнить только один из тысяч примеров, может быть, немного радикальный, когда молодая и достаточно известная журналистка опубликовала в своем блоге подробный отчет о том, как появлялся на свет ее ребенок. Запись пользовалась невероятным успехом.

Связано ли это с тем, что с журналистов сняли редакторские цепи? Не только. Есть еще один мотив, хотя, конечно, и он требует социологической проверки, так как понятно, что его разделяют далеко не все. Журналистика – это изначально профессия, ориентированная на работу в публичной сфере. Выбор этой стези часто скрывает за собой амбиции «работать на публику», доносить нечто свое до широкой аудитории. Однако сам журналистский формат, в особенности новостной, в особенности газетный, и не только, отводит в большинстве своем личность журналиста на второй план. Событие всегда первично по отношению к тому, кто его освещает. Имя автора в лучшем случае фигурирует в начале заметки, а в большинстве своем ее завершает. Оно не более чем формальность. Иными словами, новостной жанр тоже часто способствует обезличиванию журналиста. Как мы уже заметили, СМИ вертятся вокруг временной оси – утренняя газета с итоговой кар-

90 тинной дня минувшего, вечерний выпуск новостей на ТВ, ежечасный на радио.

Журналист часто остается в тени своего текста. Из этой тени выйти на свет удастся далеко не многим. Именно поэтому фактически журналистским искусством становится порою умение проявить себя в рамках жесткого жанра, то есть ему вопреки. Оставить отпечаток своего я, несмотря на сухость формата. Лечь в его прокрустово ложе, но одновременно так, чтобы все-таки оттуда победно торчал мизинец левой ноги. Однако этого не достаточно, если учесть, что порою процесс сбора информации не менее информативен и красноречив, чем сама информация. Все это остается за кулисами публичного пространства.

Блоги предложили журналистам новую платформу. В рамках блогосферы новостная информация может крутиться не вокруг оси временной (от дедлайна к дедлайну того или иного информационного продукта), а вокруг оси личности журналиста. Блог – это пространство, первичной характеристикой и общим знаменателем которого является индивидуальность его владельца, то есть не гилморовское «Мы-медиа», а «Я-медиа». Таким образом, на базе платформы блогов возник новый формат новостной журналистики – журналистика дневниковая. Это были не дневники с последними сводками событий, а дневники о том, как «журналист N освещает эти события». Читатель, который заходил в эти дневники, искал не итоги дня, как в традиционном информационном продукте, а информацию, картину мира через призму взгляда конкретного журналиста.

Дневник – это прежде всего личное пространство. Просто так получается, что жизнь журналистов так или иначе крутится вокруг новостей, и поэтому, если они рассказывают о своей жизни, этот рассказ включает и новости, как события, на их жизни отражающиеся. Это может быть и изложение информации, и фотографии с места событий, и впечатления, и закулисная история, как информация добывалась, однако главное – что в этом случае нарратив описания картины мира

я-центричен. Эта смена системы координат новостного текста от временных к дневниково-личностным, а не освобождение от оков цензуры, и стала, на наш взгляд, самым интересным вкладом блогов в развитие СМИ.

Дневниковая журналистика принесла с собой и новые модели потребления информации. Газета или любой другой формат новостных СМИ представляли собой прежде всего решение, о чем рассказывать, а о чем нет, то есть выполняли функцию редактора как ответственного за составление информационного продукта. Теперь читатель сам мог составлять из журналистских блогов сеть для улова информации, которая базировалась не на интеракции между суммой событий за определенный временной отрезок и решений редактора, а на личных выборах журналистов. Однако эта модель была и остается несовершенной из-за случайности тех информационных сюжетов, которые высвечивает прожектор, и отсутствия какого-либо механизма координации, который говорил бы блогеру *N*: «У читателя *X*, у которого ты в сети, нет информации о событии *Z*, а оно для него важно – напиши об этом». Поэтому новая модель не могла заменить надежную и проверенную годами и веками методологию традиционных СМИ по установке сетей в информационном океане и отборе самых подходящих продуктов для ежедневного выкладывания на информационное блюдо потребителю.

Однако в данном контексте можно справедливо заметить, что блогеры-журналисты – это явление частное, и тот же Эндрю Кин говорит как раз не о них, а о большинстве, которое не занимается журналистикой вне мира блогосферы. В данном случае журналисты, начавшие писать в блогах, только интересный пример, который может помочь понять явление намного более широкое и глобальное. История эта не совсем или, вернее, не только про журналистику.

User-generated журналистика набирала обороты далеко не только при помощи офлайн-журналистов. Очень быстро в блогосфере появились те, кто сообщали те или иные новости, не являясь при этом сотрудниками традиционных медийных

92 организаций. Кто эти люди? Неудавшиеся журналисты? Идеалисты, которые хотят изменить общество и рассказать миру правду? Апологеты идей Дэна Гилмора, что «медиа – это мы»? Скорее всего, ключ к их мотивам лежит в анализе поведения журналистов, которое было рассмотрено выше. Однако для того чтобы понять это утверждение, стоит сказать несколько слов об эволюции презентации личности в Интернете.

Те из нас, кто пользовался Интернетом еще до начала века нынешнего, помнят такие средства общения, как *Inter Relay Chat (IRC)*. Используя подобные чат-программы или обитая в чат-комнатах, большинство участников интернет-общения не использовали тогда своих настоящих имен. Мы меняли маски, играли не только именами, но и возрастами, полами, исследуя новые границы своего виртуального я. Уже в середине девяностых появились первые крупные исследования о трансформации человеческой личности в виртуальном мире. Так, к примеру, Шерри Теркл в своей знаменитой книге «Жизнь на экране» говорила о «множественности» и «зыбкости» представления человеческого я в среде виртуального общения. В 2000 г. на свет появилась статья Марка Постера «Кибердемократия: Интернет и публичная сфера», в которой исследователь ввел понятие «мобильной идентичности» и утверждал, что уход из физического пространства полностью меняет правила политической игры, ибо понятие суверенитета принадлежит исключительно миру стабильного и телесного¹.

Иная система отношений, о приходе которой говорил Постер, действительно начала рисоваться в виртуальном пространстве с проступающими чертами новой системы иерархий. *Netократия* – такое имя дали А. Бард и Я. Зондерквист этой реальности (или, скорее, пока еще только ее идее) в своей одноименной книге. В этом мире капиталом должна стать информация, а ее обладатели или, скорее, те, кто занял перекрестки информационных потоков, – информационными олигархами. Однако мир сетей не признает мобильных идентичностей. Достоверность информации и ее ценность во многом

¹ <http://www.hnet.uci.edu/mposter/writings/democ.html>

зависит от способности идентифицировать источник. Иными словами, значимость узла в сети во многом определяется личностью, ее репутацией и статусом. Из этого следует, что мир сетей противоречит логике бахтинского карнавала, ведь, с точки зрения информационной, карнавал – это форма презрения к ценности информации. Таким образом, с начала века 21-го Интернет стал платформой для восстановления стабильности идентичности. От чатов, где идентичность менялась с каждым входом, к программам-мессенджерам (например, ICQ), где в начале было принято использовать вымышленные имена, но ник оставался стабильным от входа к входу. Появление блогов также начиналось с волны страниц, чьи хозяева были анонимны, несмотря на постоянную привязку контента блога к конкретному нику. Далее появилась практика двойной жизни, так называемых «блогов-виртуалов», когда человек вел два блога: один, где его личность была известна, и другой – под маской. Становление идентичности можно было наблюдать и в адресах электронной почты. Если в первые годы Интернета реальные имена в адресах встречались очень редко, то сегодня формула «имя – точка – фамилия» стала одной из наиболее популярных и распространенных. Но решающим моментом в становлении идентичности в Интернете стало появление платформ для социальных сетей, будь то *LinkedIn*, *Facebook* или российские «Одноклассники» и «ВКонтакте». Идея социальной сети изначально построена на необходимости представления там реальной идентичности. Если Вы представите себя вымышленным именем, то шансы на расширение сети, то есть на то, что Вас найдут Ваши друзья или же они подтвердят Ваше обращение включить их в свою сеть, будут очень малы. Таким образом, мир сетей стал полной противоположностью карнавальности, которую представлял собой Интернет всего десять лет назад.

Однако у социальных сетей типа *LinkedIn* или «Одноклассников» была одна важная характеристика. Эти сети содержали в себе лишь внешнюю оболочку идентичности, в то время как содержание этой идентичности находилось в мире фи-

94 зическом, в мире офлайна. Иными словами, люди создавали новые связи в социальных сетях Интернета, базируясь на той или иной информации из офлайна. Это мог быть человек, с которым они учились, работали, встречались в кафе или на вечеринке, однако неизменным оставалось то, что носителем содержания идентичности был мир вне Интернета, в то время как Интернет лишь содержал в себе оболочки – имена, фамилии, фотографии, телефоны и адреса.

Использование пространства Интернета как вселенной растущих социальных сетей требует выхода за пределы логики, основывающейся только на идентичности, содержание которой находится в офлайне. Таким образом, в то время как социальные сети – это пространство связей между узлами личностей, Интернету также необходимо пространство для «контента» идентичностей, своего рода «сосуды для личности». Иными словами, это должно быть пространство, где личность может полноценно раскрыть свой контент – свой внутренний мир, так, чтобы это могло послужить мотивом для создания социальных связей без знакомств в мире физическом.

Дневник, пожалуй, один из лучших кандидатов на то, чтобы быть «сосудом личности». Законы дневникового жанра наиболее гибки. При этом они позволяют раскрыть или вместить свое я через широкий «спектр интимности» информации от публичного до сокровенного. Таким образом, блоги стали тем самым сосудом – платформой для контента личности в виртуальном мире. С развитием социальных сетей и сменой состояний идентичности от газообразного (чаты) через нечто жидкое (стабильные ники) к твердому (реальные имена) блоги получили новую функцию. Это была уже не просто отдушина. У интернет-дневников как виртуальной платформы для развития виртуального представления личности появилась важная функция – они стали альтернативным мотивом для развития социальных сетей.

Однако для того чтобы блог как виртуальная платформа личности был мотивом для развития социальной сети, должно соблюдаться одно условие: блог должен быть интересным.

Иными словами, блог как платформа личности должен мотивировать желание включить обладателя этого блога в социальную сеть, несмотря на то что при этом автор и читатель не знакомы друг с другом в мире неvirtуальном. И тут возникает вопрос: как сделать содержание таковым? В жизни личность имеет много разных плоскостей проявления, кроме того, контакты в физическом пространстве менее конкурентны. Предположим, знакомство происходит в клубе. Интеракция обусловлена нахождением в одном пространстве, где есть ограниченное количество человек. В виртуальном пространстве одновременно находятся миллионы, и ограничений для контактов не существует, то есть конкуренция намного выше. Кроме того, если в жизни личность – это во многом наше поведение, которое иногда может быть естественным и спонтанным, а не функцией некоего заранее обдуманного плана, в виртуальном пространстве дело обстоит немного иначе. По сути, перед блогером стоит задача не просто ретранслировать свою личность в «виртуальный сосуд» дневника, а сконструировать эту личность, то есть быть редактором самого себя, со всеми вытекающими отсюда функциями, известными нам по журналистике.

Есть, однако, и жанровое преимущество. Блог, как пространство дневниковое, может раскрыть человека изначально намного глубже, чем те возможности, которые предлагает знакомство в пространстве физическом. При знакомстве в шумном клубе, с трудом перекрикивая музыку, вы можете после нескольких попыток узнать, как друг друга зовут. А в блоге – бери и читай хронику бытия человеческого на примере конкретного индивида. Однако для этого блог должен быть полноценен и интересен. И вот как раз с контентом у блогов бывают проблемы!

Этой проблеме в свое время была посвящена скандально известная колонка журналиста Валерия Панюшкина в газете «Ведомости», начинавшаяся с фразы, облетевшей тогда всю русскоязычную блогосферу: «Люди, я прочел ваши дневники: вы – ничтожества»². Понятно, что в какой-то мере колонка

² <http://friday.vedomosti.ru/article.shtml?2008/05/15/12334>

96 Панюшкина – это провокация. Но она весьма успешно описывает кризис личности в ее виртуальном отражении: «Годами у среднего пользователя Живого Журнала может не быть в дневнике ни одного всплеска отчаяния, только вялое нытье. Годами – ни одной вспышки гнева, только ворчба. Годами – ни одной записи, которая была бы пронизана счастьем или ликованием, так, мелкие успехи: нашел новую работу, купила новое платье. Годами – никого не жалко, кроме себя. Никого, кроме себя, не жалко так, чтобы плакать, да и себя, если подумать, жалко не очень. Годами – ни одной новости: блогеры охотно размещают в своих дневниках ссылки на всякие статьи в прессе, но сами не видят вокруг себя ни событий, ни людей». Иными словами, по Панюшкину, блогосфера поражена болезнью бытового сознания. Однако в контексте развития социальных сетей – это не просто пустота виртуальных личностей. Это отсутствие внутривиртуальных предпосылок для развития социальных сетей. Вы справедливо можете возразить: «Какие личности – такие и отражения». Но в пространстве офлайна эта пустота как раз компенсируется, скрывается поверхностностью и большей ролью внешнего вида. А вот в мире виртуальных дневников она предстает во всей своей наготе.

Однако чем больше развивается Интернет, чем больше он поглощает разные сферы нашей жизни, тем больше времени мы проводим в виртуальном пространстве. Отсюда конструирование своей виртуальной личности – это уже не прихоть для досуга. Это необходимое условие для социального развития личности. Поэтому вопрос, как сделать блог привлекательным в качестве платформы для виртуального я, становится принципиально важным.

Давайте остановимся немного на потенциальных ресурсах «личностного контента». С одной стороны, виртуальный дневник может стать отражением глубины внутреннего мира человека, его мыслей, сомнений и эмоций. Это может быть как анализ происходящего вокруг, так и внутренние интимные переживания, приобретающие самые разные жанровые формы – от литературных до чисто дневниковых. Однако пре-

вращение своего внутреннего мира в контент блога, так, чтобы при этом он не был ни «вялым нытьем», ни чем-то слишком интимным, или же привлечение интереса при помощи анализа чего-либо, если блогер не имеет предварительно сформировавшейся репутации в виртуальном мире, – задачи крайне сложные. Существуют другие методы. Например, выкладывание чужого контента. Действительно, практика «копи-пейста» применяется в блогосфере очень часто, и это не обязательно плохо. Желание поделиться чем-то, что понравилось тебе, и выполнение функции мониторинга достойного контента для своих друзей вполне легитимно. Однако вторичность никогда не может стать предпосылкой для развития сети, ибо она не выдерживает конкуренции с себе же подобными. Еще один вариант – те или иные формы порнографии. Текстовой или визуальной. Вряд ли кто поспорит, что здесь есть и эксклюзивность, и откровенность содержания. Однако подобный контент порождает вокруг себя сети очень определенного характера и, что не менее важно, отталкивает целый спектр других возможных связей.

Но существует и другой ресурс для контента. Это мир внешний, происходящие в нем события и их описание. Иными словами, формирование своей виртуальной личности и интереса к ней возможно через изложение того, что происходит вокруг этой личности в физическом пространстве. В таком случае тем, кто, например, работает в местах с большим потоком событий (милиционер, врач скорой помощи, пожарник) и при этом может их изложить, не опасаясь за место своей работы (как это, например, произошло со стюардессой одной из авиакомпаний, которая вела блог, рассказывая о своей работе), – тем определенно повезло. Характерный тому пример – известный некогда Живой Журнал милиционера, работавшего в московском метро. Подобного рода блоги могут позволить себе вести также депутаты парламента, хотя в данном случае это уже не только личностное пространство, а еще один инструмент политического пиара. Вместе с тем, это не выходит за рамки правил игры, ведь политики – это по определению

98 люди, которые занимаются ежедневно конструированием своей личности в публичном пространстве. Однако в целом, в связи с рядом указанных выше причин, изложение жизни рабочей как «личностный контент» весьма лимитировано.

Правда, есть одна профессия, которой с этим несказанно повезло. Это журналисты. Именно поэтому именно с них мы начали этот разговор. Именно поэтому именно они стали во многом пионерами освоения блогов как пространства конструирования своей виртуальной личности. Но что же делать простым смертным, которые страдают от недостатка как внутреннего, так и внешнего «сырья» для построения своей виртуальной личности? Ответ прост: искать события для описания во внешнем мире за лимитированными пределами. То есть, по сути, искать интересные события, которые можно описать, или выложить фотографии в своем блоге и таким образом внести еще одну лепту в строение своей виртуальной личности. А это значит, что развитие себя как виртуальной личности требует сегодня от каждого быть своего рода журналистом.

Казалось бы, это парадокс – говорить о другом, чтобы сконструировать себя. Однако информация во внешнем мире – это я-ресурс. Ведь если «материя» личности в пространстве физическом – это в какой-то мере загадка, в пространстве виртуальном личность – это банк данных, личность – это информация, сумма букв, картинок и звуков, представленных цифровым кодом. Именно поэтому в мире онлайн мы формируем себя через наше восприятие внешнего мира. Информация о внешнем мире может нести отпечаток я, потому что любая ретрансляция информационной картины содержит в себе выбор и интерпретацию. Последняя, только форма описания, специалистам по изучению СМИ известна как *framing*. Но и сам факт выбора того или иного события для описания уже несет в себе достаточно большой информативный заряд. На языке теорий СМИ мы бы назвали это *agenda setting*, то есть определения «распорядка дня» в контексте конструирования своей личности. Иными словами, подобное описание –

это конструкция окружающего нас мира, которая содержит не только этот мир, но и нас самих. Главный вывод, который мы можем сделать: конструирование виртуального я требует активного поиска информации ради информации, информации, которая необходима для ее ретрансляции в публичную сферу. У подобной практики есть имя – журналистика.

Осенью 2008 года «Технорати», самый крупный интернет-сайт в области поиска и мониторинга блогов, опубликовал новое статистическое исследование глобальной блогосферы. Среди огромного количества разных данных можно обнаружить один удивительный результат. Согласно отчету «Технорати», около половины блогеров посещают различные мероприятия специально для того, чтобы осветить их в блогах. По сути, это и есть своего рода доказательство того, что блогосфера превратилась в медиaprостранство. И дело тут не в результате этой деятельности (то есть не в том, насколько контент соответствует профессиональным журналистским требованиям), а прежде всего в установках блогеров. Журналистика – это в том числе поведение человека, мотивированное желанием получить информацию, для того чтобы перевести ее в публичную сферу и сделать доступной для всех. Качество произведенной информации нас должно интересовать меньше. Главное, что налицо смена установок. Существование виртуальной платформы заставляет блогеров изменять свое поведение в реальном мире. А журналистам по профессии, с которых мы начали наше обсуждение, этого просто не надо было делать. В контексте концепции блога как механизма расширения социальных сетей работники СМИ могли совмещать «приятное с полезным», вернее, «полезное с полезным».

Итак, внешняя информация является ресурсом для развития личности в виртуальном пространстве на базе платформы блогов, а осваивание журналистских установок является условием для расширения своей социальной сети. Для успешного выполнения этой задачи виртуальная личность должна оставаться динамичной, то есть ей необходима постоянная информационная подпитка. Иными словами, рядовой блогер,

100 заинтересованный в развитии своей социальной сети не только за счет офлайновых связей, должен вести своего рода журналистский образ жизни. Этому, кстати, в какой-то степени способствуют и существующие бизнес-модели и PR-практики. Часто те или иные фирмы ищут блогеров, вокруг которых есть достаточная социальная сеть для получения достаточной информации, которую можно распространять далее (то есть и тут рекламные агентства превращают рядовых блогеров в своего рода журналистов, видя в них посредников между источником информации и публикой, хотя понятно, что тут возникает вопрос, насколько нормы блогера в освещении такой информации будут отличаться от норм журналиста; но это уже совсем другая история).

Появление новых установок не ограничивается просто еще одним типом поведения у блогеров. Дело в том, что журналистика – это не только нацеленный сбор информации и публикация ее в публичной сфере. Журналист – это тот, кто видит событие своими глазами. Тот, кто не полагается на посредничество в передаче важной для него информации. Тот, кто формирует свое мнение на основе присутствия на месте события. Иными словами, журналист – это отказ от пассивной позиции в получении информации. И здесь роль информационных технологий двойственна: они, с одной стороны, создают мотивацию самостоятельного поиска информации и позволяют делать эту информацию публичной, а с другой, предлагают широкий спектр механизмов информационных манипуляций. Еще Норберт Винер показал, что верная информационная картина – это основа выживания любой системы. Поэтому умение не позволять новым технологиям превращаться в инструмент манипуляции сознанием, мотивировка и способность добывать информацию становятся в информационном обществе вопросом экзистенциальным.

Процесс, который был детонирован социальными сетями, намного сложнее, чем просто создание у рядовых пользователей Интернета мотивации искать информацию специально

для блога. Формирование журналистских установок – это яркий пример знаменитой формулы канадского исследователя медиа Маршалла Маклюэна: «Мы создаем технологии, которые создают нас». По мнению португальской исследовательницы, а ныне профессора университета Торонто Анны Висо, Маклюэн, сам об этом не догадываясь, стал фактически прямым последователем школы культурно-исторической психологии Л. С. Выготского.

Висо, которая в 1999 году стала одной из первых, кто использовал для анализа личности в виртуальном мире культурно-исторический подход, утверждает, что в киберпространстве возникает уникальная ситуация. Граница между личностью и социальной средой размывается, а значит, становится непонятно, что – человек, а что – окружающие его культурные артефакты. Поэтому, по мнению исследовательницы, виртуальный мир выводит процесс интернализации – проявления культуры в чертах человеческой личности – на другой уровень. А значит, изменение нашего поведения в мире физическом, то есть освоение журналистских паттернов поведения, и эволюция методов потребления информации – это не только часть формирования нашей виртуальной личности, но и трансформация нашей личности в целом.

Итак, мы рассмотрели три основных элемента системы, в рамках которой обычные блогеры все больше пользуются журналистскими практиками. Первое. В отношениях между мирами офлайна и онлайн люди играют роль своего рода механизма перевода информации из мира реального в мир виртуальный посредством изменения ее формата в цифровой и выкладывания на общедоступной платформе. Второе. Перевод информации из физического в виртуальное так или иначе оставляет на информации след того, кто ее переработал, то есть факт переработки информации через призму себя делает ее уникальной и тем самым превращает ее в элемент конструирования виртуальной личности. И наконец, третье. Контент, выложенный в дневниковом пространстве (как, на самом деле, и на любой виртуальной платформе, которая

102 имеет идентичность, связанную с конкретным человеком), играет сетеобразующую роль. Иными словами, контент наполняет оболочку, обозначенную внешними параметрами узла в сети, и тем самым привлекает к себе новые связи. Это, кстати, способствует и развитию виртуальной личности, ибо личность в сети – это производное от своего контента и своих интеракций, ведь интеракции тоже порождают новый контент.

Мы живем в эпоху становления виртуальной идентичности. По сути дела, речь идет о параллельных процессах – дигитации внешнего мира и дигитации человеческой индивидуальности, создании ее информационного отпечатка в пространстве Сети. Эти процессы способствуют постепенному увеличению процента времени и действий, которые мы изначально совершаем в рамках виртуального мира, то есть они изначально совершаются в дигитальном коде, а значит, не нуждаются в «переводе». И если сегодня мы говорим о развитии личности за счет информационных ресурсов мира офлайна, то какова будет реальность, где процессы будут изначально протекать в мире виртуальном, остается пока загадкой. Эта загадка становится еще более фантастичной, если мы вспомним про развитие технологий трехмерной реальности. Первые тенденции подобных перемен мы уже можем наблюдать в мирах наподобие *Second Life*, хотя вряд ли пока способны осознать их значение.

Однако существует еще одна тенденция, о которой, пожалуй, можно говорить с большей уверенностью. В последние годы не раз звучала идея о том, что всемирная сеть Интернет может стать инфраструктурой Ноосферы, в представлении Тейяра де Шардена, как сферы слияния человеческих разумов при сохранении уникальности каждой человеческой индивидуальности. Но подобная ноосфера требует единого информационного и коммуникационного пространства. Перевод физической реальности в виртуальную и параллельный переход человеческой деятельности из офлайна в онлайн способствуют созданию единого пространства, в котором лю-

бое действие должно стать не только действием, но и производством информации об этом действии в цифровом коде, то есть возникновению реальности, где действие неотделимо от информации о действии. Иными словами, информационная сфера полностью поглотит сферу сознания. Тогда виртуальные дневники перестанут быть средством описания жизни и сотворения нашего виртуального отражения. Мы будем жить дневниками, которые потеряют свою вторичность по отношению к описываемому событию. Внутренний мир человека будет все больше становиться неотъемлемой частью публичного пространства.

Информация – это только среда обитания в новой вселенной Интернета. Возникновение ноосферы невозможно до тех пор, пока в этой среде не возникнут виртуальные личности, достаточно содержательные для того, чтобы формировать сети, не нуждаясь при этом в обращении к миру физическому.

Уже сегодня многие социальные сети, например *Facebook*, пытаются интегрировать в себя максимальное количество контент-платформ, включая связку между репрезентацией индивида в сети и его блогом. Но настоящую революцию следует ожидать после появления Сети Сетей, которая должна позволить объединить в одном пространстве разные сети и контент-платформы. Известно, что работа над такой «надсетью» уже ведется сегодня в лабораториях компании *Google*.

Появление такой сети может привести к удивительному эволюционному скачку. Если до сих пор задача по расширению конкретной сети стояла перед человеком, то с появлением Сети Сетей динамика может стать обратной. Базируясь на механизмах обработки информации, Надсеть будет сама связывать людей и плести социальные сети в зависимости от поставленных задач. Таким образом, сеть превратится в самостоятельную операционную систему коллективного разума, создавая формы межличностных связей так, чтобы они могли с максимальной эффектив-

104 ностью выполнять поставленные цели, при этом не затрагивая уникальности каждого узла сети в отдельности – человеческой личности.

Сегодня мы еще далеки от воплощения идеи «живой сети» как операционной системы человечества. Сегодня мы еще спорим о том, является ли блог-культура рассадником безнравственности, и приклеиваем к ней клеймо «культы любительского», вместо того чтобы, рождаясь в мире физическом, учиться, как становиться личностью в новом, информационном мире и отстаивать свою индивидуальность в едином коммуникационном пространстве.

Е. Е. Пронина

Категории медиапсихологии: факты, феномены, фантомы

Понятие *медиапсихология* появилось совсем недавно¹, хотя исследования в области психологии массовой коммуникации ведутся уже более 60 лет. Возникновение таких исследований было связано в первую очередь с усилением значения СМИ, которые по мере развития технологий обретали всепроникающий характер и охватывали все более широкую аудиторию. Влияние новых СМИ вызвало удивление и даже обеспокоенность общественности. Одним из первых поразительных прецедентов «массового поражения» населения в результате воздействия СМИ стала радиопостановка «Война миров» по роману Герберта Уэллса в 1939 г. в Америке. В форме прямого репортажа с места события радио сообщало, что марсиане высаживаются на Землю и убивают тысячи людей с помощью отравляющего газа. Около одного миллиона радиослушателей испытали панический ужас, и многие спешно покидали

¹ Первый международный журнал на английском языке под названием «Журнал медиапсихологии: теории, методы, практика» (Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications) появился в 2008 году в версии *off-* и *online* (<http://www.hogrefe.com>). Ему предшествовал «Журнал медиапсихологии» на немецком языке (Zeitschrift für Medienpsychologie), издававшийся с 2001 г. и посвященный исследованиям массовой коммуникации в Германии и европейских странах. В России первым изданием по проблемам медиапсихологии стал сборник «Проблемы медиапсихологии», вышедший в 2002 г., за которым вскоре последовал сборник «Проблемы медиапсихологии-2» в 2003 г. (М.: Изд-во РИП-холдинг). Первой переведенной в России книгой по медиапсихологии была работа немецкого исследователя П. Винтерхоффа-Шпурка «Медиапсихология. Основные принципы» (Харьков: Гуманитарный центр, 2007), изданная в Германии в 2004 г.

106 свои дома, спасаясь бегством от жестоких пришельцев. Столь мощный эффект стал наглядной демонстрацией массовости и силы воздействия новых СМИ. Появление телевидения вызвало новую волну опасений общественности и стимулировало широкие исследования СМИ, на этот раз в связи с влиянием на сознание и поведение аудитории сексуально откровенного и агрессивного содержания передач.

В ходе изучения эффектов массовой коммуникации возникали прямо противоположные модели влияния СМИ: от «пулевой концепции» (У. Липпманн, Г. Лассуэлл, К. Ховленд) до теории «использования и удовольствия» (Е. Катц с сотр., М. Миллер, С. Рис, А. Рубин и др.), от утверждения однозначной связи между медианасилием и ростом агрессивности зрителей до отрицания такой связи или даже указания на снижение агрессивности путем «канализирования» агрессии; иными словами, эксперты последовательно переходили от идеи беспомощности человека перед всемогуществом СМИ к представлениям о подчиненности СМИ интересам аудитории и независимости реципиента в отборе и использовании информации. Неопределенность в решении этого вопроса не снижается и сегодня, и даже усугубляется, поскольку по мере развития СМИ появляются новые и более яркие свидетельства в пользу каждой из взаимоисключающих позиций. Так, практика современных информационных кампаний и политтехнологий дает впечатляющие основания для первой точки зрения, а, например, развитие интернет-коммуникаций, мобильной телефонии – для второй. Колебания исследователей от представлений о полной управляемости аудитории до убежденности в ее независимости приобрели даже некоторую закономерность и повторяются с определенной периодичностью².

Это показывает, что мы имеем дело с антиномией, не разрешимой в рамках традиционной парадигмы психологии массовой коммуникации. Нужен принципиально иной подход. Ме-

² См., напр., обзор исследований по данной проблеме: *Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ.* – М.: Вильямс, 2004.

диапсихология – не просто модное название для определенной феноменологической области. На самом деле, это интуитивная попытка стимулировать формирование новой парадигмы исследований, примерно так, как брошенная в пересыщенный солевой раствор нитка вызывает кристаллизацию. Новое имя должно помочь формированию нового феномена и определению нового предмета исследования. А пока даже исследователи, настойчиво внедряющие новый термин, ощущающие его необходимость, зачастую не могут определить, чем новый подход отличается от прежних. Так, один из основателей упомянутого журнала, Петер Винтерхофф-Шпурк, в своей книге «Медиапсихология» неоднократно говорит об отсутствии, на его взгляд, специальных методов медиапсихологического исследования³, а историю медиапсихологии возводит фактически к началу исследований массовой коммуникации⁴. Предметом медиапсихологии исследователь считает влияние средств индивидуальной и массовой коммуникации на «переживание и поведение человека»⁵, что делает медиапсихологию фактически частью общей психологии, одной из основных задач которой как раз и является «описание и объяснение переживаний и поведения человека, а также анализ условий возникновения и изменения этого поведения»⁶. Возникает парадокс: заявленное новое научное направление, по существу, остается в прежней парадигме исследований, базируется на той же «проверенной

³ Например: «Но, поскольку лабораторный эксперимент и телеметрию используют не только в медиапсихологическом исследовании, то на вопрос, есть ли у медиапсихологии свои собственные методы, можно ответить однозначно: их нет» (*Винтерхофф-Шпурк П. Указ. соч. – С. 32*).

⁴ Так, главу об истории медиапсихологических исследований автор книги начинает с первых социологических теорий о влиянии СМИ и феномена лондонской кофейни конца XVII – начала XVIII века (Там же. – С. 47).

⁵ «Соответственно, задачу медиапсихологии мы можем видеть в том, чтобы описывать и объяснять такое переживание и поведение человека, которое испытывает на себе влияние средств индивидуальной и массовой коммуникации» (Там же. – С. 28).

⁶ Там же.

108 теоретической и методической базе»⁷ и не имеет ни принципиально нового предмета исследования, ни специфических методов. Отсутствует принципиальная (методологическая, мировоззренческая и парадигматическая) новизна и в содержании нового журнала по медиапсихологии: практически все публикации посвящены достаточно традиционным для исследования массовой коммуникации темам⁸ и вполне представимы в других журналах, давно занимающихся изучением процессов масс-медиа, вроде *Journal of Personality and Social Psychology*, *Public Opinion Quarterly*, *Psychological Reports*, *Human Communication Research*, *Journal of Communication*, – равно как и в других психологических и специализированных изданиях.

Думается, формирование новой парадигмы пойдет быстрее, если принять, наконец, тот факт, что медиапсихология не удобное сокращение, а новая наука, и попытаться все-таки определить специфику ее подходов, очертить круг специальных феноменов, задать адекватные способы их изучения. Первая попытка описать основные феномены и категории медиапсихологии была предпринята нами в 2001 г. в статье «Категории медиапсихологии»⁹, а уже в 2002 г. вышел сборник, в названии которого также впервые в отечественной науке фигурировало слово *медиапсихология* (см. с. 105). Немаловажно, что этот термин родился в России совершенно независимо от Германии, Америки и других стран, что свидетельствует об объективности процессов, стимулирующих развитие новой науки. Эта статья была своего рода первым приближением к новой области знания. Сегодня в результате многочисленных исследований и просто благодаря самораскрытию медиапсихологических феноменов в ходе естественно-исторического развития общества, социальных потрясений и глобализации можно сказать, что многое становится яснее.

⁷ Винтерхофф-Шнурк П. Указ. соч. – С. 28.

⁸ См.: *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications* («Журнал медиапсихологии: теории, методы, практика»). URL: <http://www.hogrefe.com>

⁹ Пронина Е. Е. Категории медиапсихологии // Государственная служба. – 2001. – № 2(12). – С. 62–71.

Каждая наука может найти свой предмет и объект в изучении массовой коммуникации: от структуры электронных сетей и скорости передачи информации по оптоволоконным соединениям до психофизиологических механизмов восприятия информации или рейтинга телепередач. Однако ни технические, ни физиологические показатели, несомненно важные для функционирования системы, все равно не помогут понять парадоксов массовой коммуникации, пока не будет найдена позиция, позволяющая увидеть феномен в целом. За последние десятилетия стало очевидно, что ни одна из существующих дисциплин не дает удовлетворяющего ответа на вопрос о природе и закономерностях развития массовой коммуникации. В лучшем случае констатируются парадоксы и предлагаются статистические выкладки. А вот объяснения пока не срабатывают.

Массовая коммуникация для медиапсихологии не канал и не средство связи, не структура приема-передачи информации (хотя весьма полезно понимать эти процессы). В новой парадигме средство передачи само является сообщением.

Несмотря на то что за прошедшие полвека дерзкая формула Маршалла Маклюэна *the Medium is the Message* («средство есть сообщение») перестала удивлять, а ее автора перестали называть «клоуном» и «утопистом», признав, что именно он предвосхитил и описал информационное общество задолго до появления персональных компьютеров, Интернета и индивидуальных электронных средств связи, – несмотря на это, научное сообщество до сих пор не может принять многих его идей всерьез, относясь к ним скорее как к отдаленным метафорам, забавной игре слов, досужим рассуждениям, не отвечающим строгим стандартам традиционных академических исследований. Так, в книге П. Винтерхоффа-Шпурка концепция Маклюэна изложена в трех строчках, а нашумевшее положение о СМИ как продолжении человека (*the extention of man*) трактуется исключительно в смысле способности медиа тренировать «те когнитивные способности, которые необходимы для их восприятия»¹⁰. В другом, не менее

¹⁰ Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология. Основные принципы. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – С. 65.

110 фундаментальном труде, представляющем обзор практически всех когда-либо проведенных исследований по массовой коммуникации, концепции Маклюэна отведено скромное место между теориями пулевого и умеренного воздействия: хотя здесь же говорится, что, согласно Маклюэну, воздействие СМИ происходит «на самом фундаментальном уровне, изменяя мышление и поведение»¹¹. Это фактическое игнорирование сущности концепции Маклюэна со стороны строгой академической науки не случайно. Дело в том, что новая парадигма не может быть адекватно представлена и правильно «прочитана» в рамках старой.

Возможно, только сейчас становится понятно, в какой степени высказывания Маклюэна не были пустой игрой слов, насколько буквально они соответствовали медиафеноменам. Необычный стиль ученого отвечал задачам описания необычной реальности, которую, говоря словами Ландау, столкнувшегося с необычными феноменами квантовой физики, «нельзя понять, к ней можно только привыкнуть». Действительность превзошла самые смелые фантазии и самые экстравагантные сравнения. Сегодня, развивая мысль Маклюэна, можно сказать, что если средства массовой коммуникации есть «расширение человеческой психики», то сама массовая коммуникация – это «расширенная», то есть нелокальная психика. Перед психологией давно уже во всем своем величии, хотя и не замечаемый, стоит новый Монблан – проблема психической нелокальности. Мир действительно, по предсказанию Маклюэна, превратился в «глобальную деревню»¹²; правда, мировая деревня оказалась весьма далекой от тех идиллически-благостных картин, которые могли представиться читателям Маклюэна в благополучные 60-е годы XX века.

Глобальность стала одним из основных феноменов современного мира: глобализация экономики, глобализация политических и социальных движений, глобализация СМИ, глобализация информационных процессов... Объединение локальных систем привело к многократному их усложнению. Не меньшие трансфор-

¹¹ *Брайант Д., Томпсон С.* Указ. соч. – С. 59.

¹² McLuhan, M. *Understanding media: The extension of man.* – New York: McGraw-Hill, 1965.

мации происходят и в психической сфере. Мир сотрясает мощь и всеохватность новых коллективных явлений: хорошо срежиссированные «бархатные» и «цветные» революции, словно цунами, сметают фундаментальные основы ментальности, многовековые культурные устои и связи; глобальные информационные войны в одно мгновение развеивают в пыль гордость демократического общества – «священные» принципы «свободной прессы»; глобальные бренды, блокбастеры, сетевые компьютерные игры, форумы, флэш-мобы, всемирные игрушки-тренажеры (Барби, Братц, трансформеры и проч.) накрепко привязали каждого к «роевой жизни» всеобщего комьюнити и т. д. и т. п. Все это – факты современной жизни, за которыми все яснее проступают непостижимые феномены глобальной психики, объединившей мир. Глобальный социум, пронизанный информационными потоками, как нейронными сетями, превратился в *гиперсубъекта с гиперпсихикой*. Этот качественный скачок, заметный и неискушенному наблюдателю, стал возможным благодаря переходу средств массовой коммуникации и мышления на электронно-цифровой уровень и формированию глобального информационного пространства. По мере своего развития новейшие информационные технологии стали основой дальнейшей эволюции коллективной и индивидуальной психики¹³, привели к становлению новых форм мышления («Net-мышления», публичной субъективности, нелинейной логики)¹⁴ и нового психотипа человека¹⁵. Современная массовая коммуника-

¹³ О механизмах взаимодействия, коэволюции коллективной и индивидуальной психики в электронную эру см.: Пронина Е. Е. Последний из хазар: словарь Милорада Павича // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 162–175.

¹⁴ Описание парадигмы «Net-мышления» см., напр.: Pronin E., Pronina E. Антиномия-2000. Net-мышление как публичная субъективность и как массовая установка // IV ICCEES World Congress. Tampere, Finland, 29 July–3 August 2000; Пронина Е. Е. «Живой текст»: четыре стилевых признака Net-мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 74–80; Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003, 2006.

¹⁵ Пронин Е. И. Киборг: фантастика или необходимость? // Телерадиовещание. – 2008. – № 2. – С. 28–30.

- 112 ция сыграла роль гигантского ускорителя и резонатора нелокальных психических процессов взаимодействия и взаимопорождения индивидуального и коллективного сознания. Благодаря усилению прежде скрытых закономерностей стал постепенно вырисовываться предмет медиапсихологии – процессы взаимоперехода индивидуального и коллективного сознания в массовой коммуникации. «Медиа» здесь не только средства массовой коммуникации, *опосредующие* трансформацию, но также момент *иррациональной связи* и перехода противоположностей друг в друга («медиа» как средство соединения и стадия превращения).

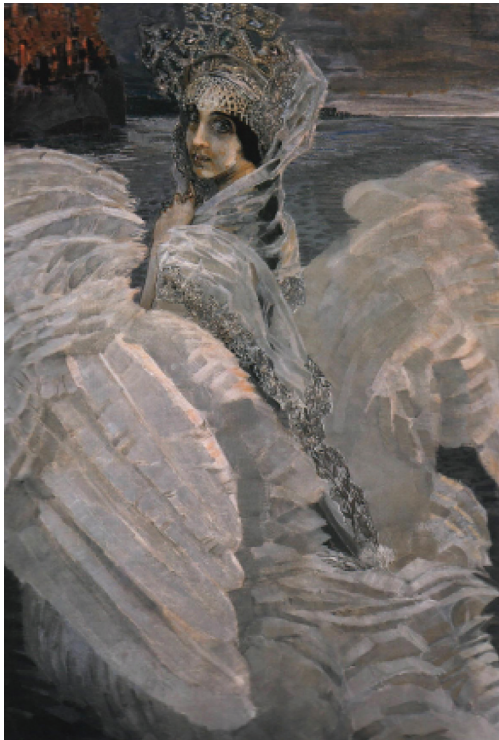


Рис. 1. Момент превращения – иррациональная связь противоположностей (М. Врубель. Царевна-Лебедь)

Таким образом, медиапсихология – это наука о формах осуществления нелокальных психических процессов в пространстве массовой коммуникации.

Переход психики на новый уровень, формирование гиперчеловека и гиперсоциума в условиях глобального информационного пространства позволили увидеть ряд механизмов, остававшихся в тени в прошлом. Так, многократно возросла и стала очевидной гигантская роль коллективных процессов в регуляции не только массового, но и индивидуального поведения. Обнаружился принципиально нелокальный характер психики, в том числе на индивидуально-личностном уровне.

Одним из поражающих проявлений нелокальности следует признать относительную автономность психики и самого индивида. Реальных клинических случаев и социальных прецедентов множество, но до сих пор они не попадали в фокус внимания академической науки, оставаясь на периферии научного исследования как пато- или даже парапсихологические феномены с элементами мистики. Отсюда и множественность научных и околонаучных объяснений их механизмов и происхождения: психозы, одержимость, гипноз, фанатизм, зомбирование, контроль сознания (*mind control*), промывание мозгов (*brainwashing*), психотеррор и т. д. Тем интереснее наблюдения, свидетельствующие об обыденном, ординарном, вполне рядовом характере подобных феноменов. Так, в известном романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» есть следующее, весьма симптоматичное, описание феномена автономности психики и субъекта:

«Кстати, меня всегда поражала одна черта, свойственная людям, не отдающим себе отчета в собственных психических процессах. Такой человек может долгое время находиться в изоляции от внешних раздражителей, не испытывая никаких реальных потребностей – и в нем, без всякой видимой причины, вдруг возникает самопроизвольный психический процесс, который заставляет его предпринимать непредсказуемые действия в окружающем мире. Дико, должно быть, это выглядит для внешнего наблюдателя: лежит себе такой человек на спине, лежит час, другой, третий, и вдруг вскакивает,

114 сует ноги в шлепанцы и отбывает в неизвестном направлении только потому, что его мысль по неясной причине (а может, и вообще без причин) устремилась по некоему произвольному маршруту. А ведь таких людей большинство, и именно эти лунатики определяют судьбу нашего мира»¹⁶.

Причем для Пелевина описанный феномен отнюдь не экстраординарное состояние, а всего лишь «рутинное внутреннее тиканье обиденного ума»¹⁷.

Уже в следующем своем романе «*Generation 'П'*» В. Пелевин пытается анализировать причины потери я, исчезновение субъекта психики, когда есть «эмоции, чувства, но начисто отсутствует тот, в чьем сознании они возникают»¹⁸, и прямо связывает этот феномен с особенностями современной массовой коммуникации – рекламы, телевидения, PR, делая издевательски парадоксальное заключение: «Положение современного человека не просто плачевно – оно, можно сказать, отсутствует, потому что человека почти нет»¹⁹. Обратим внимание, что на этот раз речь идет не о *некоторых* людях, «лунатиках», а о «современном человеке» как таковом. Не случайно главный герой этого нашумевшего романа – копирайтер, профессиональный рекламист и политтехнолог. Примечательно, что писатель дистанцируется от привычных теорий направляющей руки, заговора, когда говорит об автономности психики от субъекта: «Это похоже на состояние одержимости духом; разница состоит в том, что *этот дух не существует*, а существуют *только симптомы одержимости*» [курсив наш. – Е.П.]²⁰. Получается, что человек «одержим», то есть, говоря компьютерным языком, «занят какой-то внешней программой», просто вследствие структурных особенностей своей психики, которая включена в неизвестные субъекту массовые надличностные процессы и иначе функционировать не может.

¹⁶ Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 2000. – С. 112.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Пелевин В. *Generation 'П'*. – М.: Вагриус, 1999. – С. 106.

¹⁹ Там же. – С. 107.

²⁰ Там же. – С. 104.

О тесной взаимосвязи коллективной и индивидуальной психики говорилось и раньше, именно в этом заключался основной пафос идеи К. Г. Юнга о существовании коллективных архетипов. И тогда было ясно, что отделить индивидуальное я от коллективной психики нельзя так же, как нельзя, согласно известной притче об Эзопе, выпить море, не выпив впадающих в него рек. Однако если во времена Юнга, в период расцвета индивидуализма и веры во всемогущество развитой индивидуальности, утрата человеком контроля над своей психикой все же представлялась патологией, свидетельством личной несостоятельности, то сегодня такая «захваченность» все чаще воспринимается как обыденное явление, одно из функциональных состояний человека, обусловленное природой человеческой психики.

Более того, стало понятно, что отношение индивидуальной и коллективной психики нельзя понимать только как пересечение их объемов, несмотря на то что такая аналогия явно напрашивается. Коллективная и индивидуальная психика – две стороны одного явления, две ипостаси иррационального тождества: они выражаются друг через друга и существуют только посредством друг друга. Несмотря на всю сложность данного феномена, он оказывается вполне доступным современному обыденному сознанию. Удивительно, как просто и наглядно один из героев Пелевина объясняет другому таинственную связь единичного и общего, индивидуальной судьбы и коллективной ментальности:

«Но ведь не бывает ничего, происходящего с народами и странами, что не повторялось бы в форме символа в жизни каждого из людей, живущих в этих странах и составляющих эти народы. Россия – это ведь и есть вы»²¹.

Или еще более отвлеченно:

«Любая капля воска обладает теми же свойствами, что и весь его объем. Понимаете? Капля великого океана бытия – это и есть весь этот океан, сжавшийся на миг до капли. Но как, скажите, как объяснить это кусочкам воска, больше всего боящимся за свою мимолетную форму?»²².

²¹ Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 2000. – С. 189.

²² Там же.



Рис. 2. Матрешки от Артемия Лебедева
<http://www.mobiledevice.ru/NewsCategory.aspx?CategoryID=54&PageId=205>

Наиболее удобной научной аналогией для описания иррационального единства коллективного и индивидуального является математическое понятие фрактала. На языке современной математики фрактал – бесконечная самоподобная и порождающая сама себя структура, каждый сегмент которой является масштабированной свернутой копией всей фигуры в целом²³. Фрактал возникает в результате многократного повтора некоего постоянного (или относительно постоянного) алгоритма, как анфилада взаимоотражений в зеркалах, стоящих напротив друг друга, как последовательно уменьшающиеся матрешки, вложенные друг в друга, наконец, как бесконечно повторяющаяся репликация ДНК – основа непрерывности жизни. Все звенья фрактала подобны друг другу и одновременно целому. В самом малом звене просматривается «фамильное» сходство со всем фракталом, а весь фрактал в свою очередь является увеличенной копией каждого своего звена.

Поразительно, что именно так представил себе человечество Милорад Павич, гений современной нелинейной прозы, в знаменитом романе «Хазарский словарь»:

²³ Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Букинист, 2002; Федер Е. Фракталы. – М.: Мир, 1991.

«Вначале Адам был создан только из двух времен – мужского и женского, в себе самом. Потом – из четырех (они принадлежали Еве и ее сыновьям – Каину, Авелю и Сифу). Но потом число частиц времени, заключенных в человеческий облик, постоянно множилось, и тело Адама росло, пока не превратилось в огромную державу... Со смертью своего последнего потомка умрет и сам Адам...»²⁴.

Для Павича человечество – единое существо, своего рода гиперчеловек, который развивается и растет, оставаясь единым, порождая людей, народы, империи, причем все части Адама подобны друг другу и самому Адаму: «каждый человек хотя бы на одно мгновение своей жизни превращается в частицу Адама...»²⁵. Гиперчеловек, по существу, нелокален: «Огромное тело Адама лежит не в пространстве, а во времени...»²⁶.

«Не только отдельные жизни, но все будущие и прошлые времена, все ручейки вечности уже присутствуют здесь, разъединенные на крошечные кусочки и поделенные между людьми и их снами... Человечество пережевывает время все сразу и не дожидается завтрашнего дня. Таким образом, здесь время не существует»²⁷.

В силу своей нелокальности гиперчеловек обладает сверхчеловеческими свойствами: «...тот, кто знает все смерти всех людей, причем заранее, до самого конца света, знает и будущее этого света»²⁸. А поскольку каждая часть фрактала обладает теми же свойствами, что и весь фрактал, то, значит, и каждый человек, ощущающий свое тождество с Адамом, является гиперчеловеком: «... когда мы включаемся в тело Адама, мы и сами становимся провидцами своего будущего»²⁹.

Таким образом, иррациональные, трудно постижимые феномены психической нелокальности оказались более доступными для художественного рассмотрения, чем для научного исследования. Академическая наука старалась как

²⁴ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Мужская версия. – СПб: Азбука–Терра, 2002. – С. 363-364.

²⁵ Там же. – С. 365.

²⁶ Там же. – С. 364.

²⁷ Там же. – С. 359-360.

²⁸ Там же. – С. 366.

²⁹ Там же.

118 можно дольше обходиться известными категориями, соотнося новые феномены с ячейками привычных классификаций. И некоторое время это удавалось. Удавалось до тех пор, пока под совместным действием новейших информационных технологий и глобализации коллективная психика не превратилась в гиперпсихику, а психическая нелокальность не обрела внешне наблюдаемые формы и непосредственную материальную силу. Редактор датской газеты, публикуя политические карикатуры на страницах своего издания, не мог предположить, что это вызовет акты насилия по всему миру с десятками убитых и раненых, приведет к экономическому бойкоту Дании и дружественных ей государств, ужесточению политкорректности и введению цензуры в целом ряде стран, покаянным заявлениям политических лидеров и т. д.³⁰

³⁰ Вошедший в анналы «карикатурный скандал» вспыхнул в конце 2005 – начале 2006 г. и охватил практически все страны Европы и мусульманского Востока. Поводом для конфликта послужили карикатуры на мусульманский фундаментализм (где был изображен в том числе пророк Мухаммед), которые были напечатаны в датской газете *Jyllands-Posten* 30 сентября 2005 г. в качестве иллюстрации к статье о самоцензуре и свободе слова.

В течение нескольких месяцев с сентября 2005 по март 2006 г. мир потрясали непрекращающиеся беспорядки и акты прямой агрессии. Саудовская Аравия, Кувейт и Египет объявили бойкот датским товарам. Иракская военизированная группировка *Mujahideen Army* призвала к ударам по датским и норвежским объектам, поскольку одна из норвежских газет перепечатала карикатуры. В Дамаске (Сирия) и Бейруте (Ливан) протестующие подожгли здания посольств Дании и Норвегии. Несколько десятков палестинцев разгромили немецкий культурный центр и попытались ворваться в офис Евросоюза в Газе. Президент Ирана приказал разорвать торговые отношения с «провинившимися» странами, перепечатавшими карикатуры. Многотысячная толпа демонстрантов в Бейруте разграбила и сожгла датское консульство. Иранская газета «Хамшахри» объявила конкурс карикатур на тему Холокоста с призовым фондом в размере 12 тыс. долл. Движение «Талибан» предложило награду в 100 кг золота тому, кто убьет авторов карикатур на пророка Мухаммеда. В Пакистане протестующие разгромили офисы американских и других западных фирм и учреждений. В Нигерии в результате

Не менее трудно было представить масштабы обвала мировой экономики после массовой эйфории «легких» денег, когда

беспорядков погибли по меньшей мере 16 человек. Большинство погибших – местные христиане. В городе Майдугури (север Нигерии) мусульмане подожгли не менее 10 христианских церквей. К подавлению беспорядков была привлечена армия, в провинции Борно введен комендантский час. В Ливии в ходе беспорядков у итальянского консульства в Бенгази полиция застрелила не менее 11 демонстрантов, 50 человек было ранено.

Министр иностранных дел Швеции Лайла Фрейвальдс (*Laila Freivalds*) ушла в отставку после того, как стало известно, что именно по ее требованию был закрыт сайт партии «Шведские демократы», опубликовавший карикатуры на пророка Мухаммеда. Принц Чарльз, выступая в исламском университете Аль-Азар в Каире, резко раскритиковал публикацию карикатур. Госдепартамент Соединенных Штатов сначала осудил публикацию карикатур, затем изменил свою позицию. Премьер-министр Дании Андерс Фог Расмуссен принес извинения на встрече с послами 76 стран. В настоящее время двое авторов датских карикатур, как сообщается, вынуждены скрываться из-за полученных угроз.

Несмотря на заявления западных политиков, приносивших свои извинения и старательно дистанцировавшихся от публикации, многие газеты в разных странах мира перепечатали карикатуры в поддержку свободы слова и в знак солидарности с датской газетой. В январе-феврале скандальные рисунки опубликовали французские газеты *France Soir*, *Liberation* и *Le Monde*, немецкая *Die Welt*, испанская *El Pais*, бельгийская *De Standaard*, газеты Великобритании, Италии, Иордании, Швейцарии, Новой Зеландии, Норвегии, Нидерландов, Швеции, Польши и другие.

Волны скандала не обошли и Россию. Волгоградская газета «Городские вести» была закрыта за публикацию рисунка, изображавшего пророков иудаизма, христианства, ислама и буддизма, осуждающих вооруженные столкновения. В другом российском городе, Вологде, областная прокуратура возбудила уголовное дело против главного редактора местной газеты «Наш регион+», где были опубликованы датские карикатуры в качестве иллюстраций к статье «Карикатурная война: мнения». «Газета.ру» получила предупреждение от Росохранкультуры с угрозой отозвать лицензию издания, если не будут убраны 6 датских карикатур, сопровождающих статью «Карикатурная война». Издание карикатуры убрало.

Хронологию скандала см. на сайте Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Карикатурный_скандал.

120 крупнейшие финансисты, опытные политики и облеченные властью чиновники, забыв об осторожности и ответственности перед своими вкладчиками и гражданами, добровольно вкладывали деньги в гигантскую финансовую пирамиду³¹. При всем различии описанных событий в обоих случаях по-

³¹ Одной из таких пирамид оказалась крупнейшая брокерская компания *Bernard Madoff Investment Securities*, обрушение которой в декабре 2008 г. принесло инвесторам убытки в размере 50 млрд долл. Причиной краха стали махинации главы компании – авторитетного финансиста Бернарда Мэдоффа, ранее основавшего знаменитую фондовую биржу *Nasdaq*. Схема аферы была проста: старым вкладчикам платили из средств, полученных от новых вкладчиков. По данным *Wall Street Journal*, Мэдофф продвигал свои услуги как эксклюзивные, привлекая инвесторов стабильными доходами от инвестиций. Он нанимал неофициальных агентов для привлечения вкладчиков через элитные клубы, под маркой «для избранных» – через цепочки друзей, коллег, знакомых. «Он платил 8–12% каждый год, вне зависимости ни от чего», – сказал изданию глава одной из инвесткомпаний. За счет этого Мэдофф смог привлечь широкий круг известных бизнесменов, благотворительных фондов, некоторые из них доверяли ему до 95% своих денег. Рухнувшая «пирамида Мэдоффа» потянула за собой в пропасть и своих вкладчиков. В их числе оказались голландский банк *Fitch* (потери около 1 млрд евро), британский *HSBC* (1 млрд долл.), французский *BNP Paribas* (500 млн долл.), японский банк *Nomura Holdings* (более 300 млн долл.). Крупнейший банк Испании *Santander* заявил о потере более 2,33 млрд евро. Знаменитый «Фонд Пикауэра», который поддерживал благотворительные программы, начиная от медицинских исследований до разработок в сфере образования, потерял более 1 млрд долл. и объявил о своем закрытии. В числе пострадавших также швейцарский *New Privat Bank*, *Royal Bank of Scotland*, фонды *Fairfield Greenwich Group*, *Tremont Capital Management*. Это тысячи инвесторов, в том числе частные вкладчики, некоторые из которых сообщили, что потеряли все свои сбережения. Клиенты одной *Fairfield Greenwich* вложили в *Madoff* 7,5 млрд долл. Это далеко не полный перечень пострадавших. Финансовые махинации Мэдоффа признаны крупнейшим мошенничеством за всю новейшую историю США (по материалам сайта www.vesti.ru: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=233487>; <http://www.vesti.ru/doc.html?id=236021>)

ражает необычная синхронность и масштабность ментальных эпидемий (будь то религиозный фанатизм или необъяснимое легкоеверие), а также их способность приводить к катастрофическим разрушениям и экономическим катаклизмам.

В каждом из этих случаев реальные события – *факты* – сложно переплетены с субъективными версиями и страхами – *фантомами* – коллективного бессознательного. Адекватное понимание происходящего возможно только путем изучения основных закономерностей гиперпсихики, проявляющих себя в сущностных *феноменах* медиапсихологии.

Переход от реальных *фактов* к сущностным *феноменам* с целью идентификации *фантомов* коллективной психики является одной из важнейших задач медиапсихологии, средством повышения прозрачности и психологической безопасности массовой коммуникации.

Различение *фактов* и *фантомов* становится насущной задачей каждого современного человека, если он не хочет стать жертвой – жертвой заражения *медиавирусами*³², объектом психологических манипуляций, мишенью информационных атак, заложником политехнологических стратегий. Агрессивно-поглощающая информационная среда и есть реальность, с которой приходится сталкиваться человеку практически каждую минуту в гиперпространстве массовой коммуникации: слушает ли он авторadio по дороге на работу,

³² Медиави́рус (англ. *media virus*) – термин, предложенный американским специалистом в области средств массовой информации Дугласом Рашкоффом для обозначения медиасобытий, провоцирующих прямо или косвенно изменения в жизни общества (*Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М.: Ультра. Культура, 2003). Понятию медиавируса предшествовало понятие *мема*, разработанное Ричардом Докинсом в 1976 году в книге «Эгоистичный ген» (*Докинс Р.* Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993), где мемы рассматривались как репликаторы (англ. *replicators*), то есть объекты, которые, подобно генам, копируют самих себя. Ламсен и Вильсон в эти же годы предложили концепцию культургена, которая тоже построена на аналогии между механизмами передачи генетической и культурной информации.

122 включает ли телевизор, скользит ли взглядом по рекламным щитам на улице, просматривает ли рекламные объявления, приходящие на мобильный, скачивает ли мелодии звонков, делает ли заказ в интернет-магазине и т. д. и т. п.

Медиа- и шоу-бизнес раньше других начали осваивать новые мощные рычаги управления коллективной и, соответственно, индивидуальной психикой. Вслед за шоу-бизнесом оценили новые возможности и политики. Билл Клинтон в трудном сражении за президентское кресло с Джорджем Бушем-старшим был одним из первых, кто применил новую предвыборную медиастратегию. Он выступил в молодежной телевизионной программе «Арсенио Холл», надев темные очки и исполнив соло на своем саксофоне. Он также первым из крупных политиков «снизошел» до выступления на MTV. После завершения предвыборной кампании Клинтон так анализировал свой успех: «Я думаю, исход дела решила двусторонняя коммуникация между кандидатом и народом на телевидении. Арсенио и MTV дают мне шанс прямого общения с молодыми избирателями, которые зачастую вовсе не смотрят новостные программы и не читают газет. Когда люди говорят мне об Арсенио, они говорят не о том, что они слышали или читали об этой передаче; они говорят о том, что *видели* в ней»³³. Тогда такая стратегия казалась новаторской, эпатажной, сегодня это азы PR, каждый амбициозный политик имеет свой сайт в Интернете, а наиболее продвинутые – даже собственные блоги. Что же касается саксофона Клинтона, то он сыграл огромную роль в создании обезоруживающего образа «открытого парня» и одновременно злую шутку с политиками тех стран, где приняли этот фантом за чистую монету. Как показало дальнейшее развитие событий, Клинтон не был ни мягким, ни наивным, ни дружественным. Это был жесткий и прагматичный политик, весьма способствовавший укреплению мирового господства Соединенных Штатов. Ему удалось фактически в одностороннем порядке инициировать и провести бомбардировки Югославии, переложив на ООН и европейцев значительную часть

³³ Цит. по: Рашкофф Д. Указ. соч. – С. 103.

бремени по наземным операциям, при нем началось расширение НАТО на Восток, когда были приняты бывшие страны СНГ, Польша, Чехия и Венгрия. В 1995-96 гг. Администрация Клитона и МВФ помогли российским олигархам скупить у российского правительства по дешевке акции наиболее прибыльных предприятий, что способствовало усилению влияния олигархии на российскую власть. Тактика президента США в отношениях с Б. Ельциным внешне соответствовала его имиджу «обаятельного, открытого парня» и, по словам первого заместителя госсекретаря США Строуба Тэлботта, состояла в том, что Клинтон «принципиально со всем соглашался, произносил много красивых и правильных слов, уверял в самой нежной дружбе. Но при этом в реальности жестко настаивал на своей позиции»³⁴. В своем умении использовать актуальные образы и дух массовой коммуникации Клинтон оказался весьма современным политиком.

Фантом определяется в Большой советской энциклопедии как (франц. *fantome*, от греч. *phantasma* – видение, призрак): 1) причудливое явление, призрак, привидение; 2) модель человеческого тела или его части в натуральную величину, служащая наглядным пособием³⁵. Фантом – своего рода мираж, намеренный или невольный обман, сознательная или бессознательная имитация жизненно важных целей и объектов, подобно манящему видению оазиса в раскаленном, качающемся воздухе пустыни. Архетипы и фантомы возникают как формы нелокального управления глобальной психикой и в этом смысле иррациональны. Но если архетип, будучи иррациональным, является абсолютно реальным (как реальный, по Платону, абсолютные идеи, поскольку добро, красота, мужество и т. д. действительно существуют), то фантом – абсолютно ирреален, то есть ему *ничто в действительности не соответствует*. Слегка перефразируя одно из определений *фан-*

³⁴ Цит. по: Ростовский М. А. Билл ли друг? // Московский комсомолец. – 2002. – 21 мая.

³⁵ Цит. по материалам <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00083/30000.htm?text=фантом>

124 *тома*, приводимое в Энциклопедии постмодернизма, можно сказать, что это ирреальность, располагающая равноправной (с реальностью) позицией в субъективном пространстве сознания³⁶. Если архетип – жизненно важная психическая функция, изоморфная структуре реальности, то фантом отражает некую вымышленную, искаженную псевдореальность.

Возникновение фантомов может быть как спонтанным, вследствие естественных процессов и сбоев в работе психики, так и целенаправленным, вследствие усилий политтехнологов, представителей бизнеса и стратегов информационных войн. Разработка и внедрение некоей псевдореальности, выгодной в коммерческом или политическом отношении, становится заветной мечтой современных идеологов, верящих во всемогущество СМИ. В связи с этим со всей остротой встает вопрос о возможности и насущной необходимости обнаружения и обезвреживания информационных фантомов, индикации истины и лжи в медиасообщении.

Отрицание различий между правдой и ложью, фактически санкционирующее любые манипуляции с информацией, все чаще озвучивается в определенных кругах медиаиндустрии. Так, директор информационного центра ООН в Москве Александр Горелик на вопрос, что такое дезинформация, ответил: «Информация – это моя информация, а дезинформация – это информация, даваемая моим оппонентом»³⁷, таким образом достаточно откровенно указав на прагматический характер своего понимания правды и лжи.

Попытка стереть границу между информацией и дезинформацией, обосновывая это философскими положениями, законами относительности, различием позиций или национальными интересами, приводит к фатальным результатам в гуманитарном отношении. Еще свежо в памяти россиян шо-

³⁶ Гурко Е. Н. Смерть в деконструкции // Энциклопедия постмодернизма. – М.: Книжный дом, 2001. (Цит. по: <http://slovari.yandex.ru/dict/postmodernism/article/pm1/pm1-0447.htm?text=фантом>)

³⁷ Русский взгляд // 3 канал. – 2008. – 19 октября.

ковое впечатление от того, как западная пресса, считавшаяся образцом свободы слова и светочем демократии, освещала события в Южной Осетии в августе 2008 г. В то время как шел массовый обстрел Цхинвала из минометных установок, запрещенных международными конвенциями к использованию в местах проживания гражданского населения, а затем начались активные наземные танковые операции грузинских войск и жертвы среди жителей города и пригородных сел исчислялись уже сотнями, западная пресса упорно молчала, не давая никакой информации об этом, как будто ничего не происходило. Первые ажитированные сообщения появились только тогда, когда грузинские войска получили отпор со стороны России. При этом, несмотря на очевидные факты, которые невозможно было скрыть, именно Россия была представлена западными СМИ в качестве агрессора, начавшего боевые действия.

Настойчивые попытки исказить и игнорировать факты в стремлении создать образ врага в лице России продолжались и дальше, несмотря на полностью открытые данные о ходе военных действий в этом регионе. Непрерывающийся поток лжи не могли остановить даже постоянно вспыхивавшие скандалы, связанные с разоблачением все новых подлогов. Так, во время интервью Сергея Иванова на *CNN* демонстрировались кадры из якобы разрушенного до основания грузинского города Гори. На экране значилась надпись «Гори», а показывались виды разбомбленного Цхинвала. Получалось, что Сергей Иванов лжет, говоря о том, что Россия не разрушала Гори. Как выяснилось впоследствии, эти кадры были сняты Николаем Барановым в Цхинвале и незаконно использованы каналом *CNN*. Телеканал предпочел ничего не отвечать на предъявленные прямые обвинения.

Однако не удалось отмолчаться другой крупнейшей телекомпании – немецкому каналу *ARD*. Возможно, потому, что обвинения на этот раз поступили не из России, а от собственной аудитории – немецких телезрителей и интернет-пользователей, обнаруживших подлог. События развивались стремительно. 29 августа 2008 г. маститый немецкий журналист Томас Рот, давно работающий в России, взял интервью у

126 премьер-министра РФ В. Путина о событиях в Южной Осетии. Интервью было весьма обстоятельным и длилось более часа (полностью оно транслировалось по каналу «Вести» российского телевидения и на сайте этой компании). В этот же день в соответствии с предварительным анонсом интервью было дано в эфир и размещено на сайте немецкой телекомпании под заголовком «Полная версия дословно», однако продолжительность этой версии составила... 9 минут. На следующий день на сайте телекомпании появились возмущенные записи телезрителей, просмотревших полное интервью в Интернете. Один из блогеров, *Azot*, публикует полный немецкий перевод интервью. За выходные в немецком Интернете появились также титры для роликов *YouTube* с полной версией интервью Путина и несколько вариантов полного немецкого перевода с выделенными местами, вырезанными цензурой. Сравнение российского и немецкого текстов показало: удивительным образом порезанными оказались даже отдельные предложения, вошедшие в немецкую версию «полного интервью». Вырезанными оказались все места, где российский премьер-министр информировал о начале и развитии боевых действий в Южной Осетии, о жертвах среди миротворцев и мирного населения, о роли США в провоцировании кризиса, о необходимости признания независимости Абхазии и Южной Осетии в свете Косовского прецедента, об оценке деятельности западной прессы по освещению конфликта и т. д.³⁸ Смысл вырезанных фрагментов не оставлял никаких сомнений в цели редактирования и придавал саморазоблачительный характер рассуждениям редакции о «нормальной и необходимой процедуре журналистского отбора», которая «с цензурой ничего общего не имеет». Томас Рот выступил с объяснениями в своем блоге, пытаясь вывести компанию из-под удара и взять вину на себя. Заголовок «Интервью Путина дословно» был заменен на «Девять минут интервью Путина дословно». Тем не

³⁸ Текст интервью на русском языке, в котором выделены места, не вошедшие в немецкую версию, см., например, на сайте <http://realcorwin.livejournal.com/192546.html>

менее скандал разрастался, и к 4 сентября на сайте компании насчитывалось уже около тысячи возмущенных комментариев с обвинениями канала в цензуре и манипулировании.

Примечательно, однако, что ни одна крупная немецкая газета или журнал не дали об этом скандале никакой информации. Интернет остался «единственным оазисом свободной прессы», по выражению одного из блогеров. Когда в воскресенье, 31 августа, на передачу *ARD* «Пресс-клуб» в прямом телеэфире дозвонился зритель и задал вопрос по поводу интервью Путина, у безотказной немецкой телефонной линии на самом интересном месте случились «технические неполадки»³⁹.

Эти и другие аналогичные факты показывают, что с развитием информационного общества появились и постоянно будут появляться желающие использовать мощь коммуникативных процессов в своекорыстных целях, оправдывая это многообразием интересов и целей современного общества, что якобы делает бессмысленным само понятие истины и правдивой информации. Однако на самом деле вопрос об истине не является ни философским, ни чисто этическим, когда речь идет о психическом здоровье общества. Массированная дезинформация, попытки перекрыть информационный поток и подменить его потоком псевдоинформации приводит общество к состоянию, напоминающему делирий⁴⁰ или острую сен-

³⁹ По материалам блогов: <http://realcorwin.livejournal.com/192546.html>; <http://labas.livejournal.com/756471.html>

⁴⁰ Делирий (лат. *delirium* безумие, помешательство) – синдром нарушения (помрачения) сознания, характеризующийся искаженным отражением действительности, зрительными галлюцинациями, бредом, двигательным возбуждением (см. Ажитация), нарушениями ориентировки в месте и времени, иногда потерей памяти (см. Амнезия). Д. возникает чаще всего при некоторых острых инфекционных заболеваниях, алкогольных, наркотических и иных интоксикациях, после травм, вызывающих органическое повреждение головного мозга, при тяжелых психических заболеваниях, как следствие гипнагогических (иногда онейроидных) состояний, при старческом слабоумии (Клиническая психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2007).

128 сорную депривацию⁴¹, что проявляется в спутанности сознания, неадекватности, гипертвозбуждении, нарушении ориентации в пространстве и времени, потере памяти и т. д. вплоть до психопатических бредовых идей.

Сложность современной информационной среды вовсе не оправдание для смешения понятий, наоборот – основание и стимул для того, чтобы как следует разобраться. Информационная среда – особая реальность, реальность сознания, в которой действуют определенные законы и объекты которой обладают различным статусом и свойствами. И если средневековый человек не всегда отличал свои сны от яви и мог, как следует из летописных свидетельств, потребовать возвращения денег, которые передал в долг во сне, то современному человеку приходится иметь дело уже со снами наяву, например, уметь отличать экранную реальность (сериал, боевик, ужасы, новости) от реальной жизни, а также разные виды экранной реальности друг от друга (художественный вымысел и репортаж). Несмотря на то что представители медиабизнеса, производители боевиков, эротических фильмов, мультфильмов для взрослых и компьютерных стрелялок утверждают, что никто никогда не спутает вымысел и реальность, компьютерную игру и жизнь, оказалось, что это не так. В области исследований воздействия массовой коммуникации существует даже специальный термин – «культивация»⁴², означающий изменение восприятия людьми повседневной действительности под влиянием телевизионной реальности. Оказалось, что зрители, которые много смотрят телевизор, склонны преувеличивать количество преступлений и насилия в реальной жизни и считают мир более опасным, чем он есть на са-

⁴¹ Депривация (лат. *deprivatio* лишение, потеря) – длительное устранение сенсорных раздражителей, сопровождающееся структурно-функциональным изменением определенных отделов мозга и рядом психических расстройств, от нарушений сенсорных и мыслительных процессов до галлюцинаций и бреда (Безруких М. М., Фарбер Д. А. Психофизиология. Словарь. – М.: ПЕР СЭ, 2006).

⁴² См., напр.: Винтерхофф-Шпурк П. Указ. соч. – С. 176–185.

мом деле, вследствие высокой частоты сцен насилия по телевидению⁴³.

Но, пожалуй, еще больше сегодня тревожит исследователей и общественность воздействие агрессивных компьютерных игр и фильмов на поведение подростков. Так, 7 ноября 2007 г. финский школьник открыл стрельбу прямо на уроке. Погибли семь учеников и женщина – директор школы. После того как полиция окружила здание и потребовала у подростка сдаться, он выстрелил себе в голову и позднее скончался в больнице⁴⁴. На своем сайте ранее он выложил видеозапись, на которой виден пистолет, направленный на здание учебного заведения, а также ролики, представлявшие собой кадры из военных фильмов с батальными сценами, взрывы домов с заголовком «Единственно верное решение» и исторические съемки Германии времен фашизма⁴⁵. Чуть ранее, в апреле того же года, было совершено аналогичное кровавое преступление в Техническом университете штата Вирджиния. Вооруженный двумя пистолетами молодой человек зашел в общежитие и открыл огонь по студентам, а спустя два часа стрельба началась уже в учебном корпусе. Преступник убил 33 человека и ранил еще около 30 студентов и преподавателей. Сам убийца после массовой расправы покончил с собой⁴⁶. По мнению специалистов, высока вероятность того, что именно увлечение жестокими компьютерными играми и боевиками провоцирует молодых людей на совершение кровавых преступлений против сверстников с применением огнестрельного оружия. Опасное сближение агрессивных фантазий и реальности все больше беспокоит общественность и родителей.

⁴³ Gerbner, G., Cross, L., Morgan, M., Signorelli, N. Living with television: The dynamics of the cultivation process // Perspectives on media effects. – Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1986.

⁴⁴ См., например: <http://www.vsesmi.ru/news/1192332/2223894/>

⁴⁵ http://www.gazeta.ru/education/2007/11/07_a_2295426.shtml

⁴⁶ <http://top.rbc.ru/society/12/11/2007/125599.shtml>

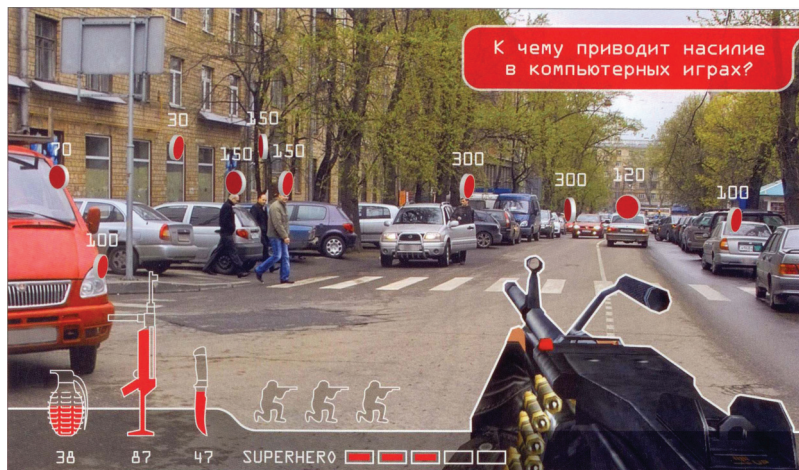


Рис. 3. Совмещение игры и реальности вполне представимо
(Авторы плаката А. Никулин, И. Терра.
Восьмой Московский фестиваль социальной рекламы)

По мере того как виртуальные игры становятся технически совершеннее и натуралистичнее (а это естественная линия развития компьютерных моделей), их все труднее отличить от повседневной реальности. В удивительном сближении виртуальности и реальности и небывалый риск, и новый вызов человеческому мышлению. Человек должен подняться на новый уровень психической дифференцированности и на новый уровень социальной ответственности. И первое, что признает человек, обладающий зрелой критичностью, – это то, что разграничение разных типов реальности доступно ему далеко не всегда.

В настоящее время достаточно развитый человек принципиально (хотя и не во всех случаях) способен различать четыре типа реальности: физическую реальность материального мира, игру, вымысел и ментальные конструкции. Их выделение из первоначального синкретического единства в фило- и онтогенезе мышления, по-видимому, совершается в том порядке, в котором они здесь перечислены. В основе разграничения лежит развивающаяся способность сознания дифференцировать

разные аспекты «бытия» и «небытия», связанные с оппозицией материального/идеального, с одной стороны, и объективного/субъективного, с другой. На пересечении этих двух базовых категорий сознания возникают четыре типа субъективной реальности, обладающие различными свойствами.

Поскольку термин «виртуальный» в настоящее время включает в себя огромный пласт разнородных, плохо дифференцированных явлений⁴⁷, для классификации мы использовали комбинированную терминологию: определение реальный/виртуальный – в смысле представляющийся независимым от сознания или производным сознания, и понятие реальность/виртуальность – в смысле представляющийся материальным или только мыслимым, идеальным. Получилось четыре класса объектов, соответствующих четырем типам реальности, различаемым сознанием⁴⁸.



⁴⁷ Подробно содержание понятия *виртуальный* рассмотрено нами в статье: Маслов О. Р., Пронина Е. Е. Психика и реальность: типология виртуальности // Прикладная психология. – 1998. – № 6. – С. 41–49.

⁴⁸ Там же.

Раньше всего вычленяется, по-видимому, физическая реальность, воспринимаемая сознанием как существующая в материальной форме независимо от субъекта, – *природа*. Затем появляются игровые материализованные действия, детские игры-тренинги, театральные постановки и проч., которые воспринимаются субъектом как имитация, моделирование действительности – *игра*. Игра как имитативная деятельность вырастает из сакрального ритуала, имитативной магии. До некоторой степени игра, будь то компьютерные игры, управляемые физические модели, тренажеры, спектакли, игровые фильмы и проч., всегда сохраняет в себе генетическую связь с ритуалом и потому часто вызывает мистический трепет и невольные опасения участников относительно ее «нечаянного» превращения в реальность. Это находит яркое отражение в художественной литературе⁴⁹, а также в психотерапевтической практике драматизации и последующего «деролинга»⁵⁰. Тем не менее в своей развитой форме игра по определению действие «понарошку», когда в любой момент можно «выйти из игры» и сказать: «а я так не играю».

По мере превращения ритуала в игру происходит и другая трансформация – превращение мифа в *сказку*. Так складывается третий тип реальности – реальность абсолютного вымысла, фантазии. Сюда относятся романы, мечты, небылицы, сны – все, чего, по мнению субъекта, не существует на самом деле.

Наконец, наиболее поздними и сложными предметами осознания становятся сами ментальные конструкции: идеи, понятия, научные концепции, мнения, убеждения, которые воспринимаются как идеальные, но реально существующие

⁴⁹ Переход игры в реальность см., например: *Пелевин В. Принц Госплана // Желтая стрела*. – М.: Вагриус, 2000.

⁵⁰ В психодраме *деролинг* – необходимая процедура «снятия ролей» с «актеров» – участников психодраматического действия после окончания игры. Невыполнение данной процедуры может привести к бессознательному искажению самовосприятия участников драмы под влиянием идентификации с изображаемым персонажем.

категории, вроде системы координат, параллелей, меридиан и т. д.

Как видно, статус конкретного объекта может быть определен только исходя из особенностей его восприятия субъектом. Один и тот же объект в сознании разных субъектов обладает разным статусом бытия. Так, содержание сна для человека архаической культуры, считавшего, что он реально путешествует во сне, являлось бы физической реальностью (1 квадрант), для психоаналитика – особой ментальной конструкцией, отсылающей к архетипам и потребностям (4 квадрант), для психодраматиста – основанием для драматизации (2 квадрант), а для современного делового человека – не стоящей особого внимания фантазией (3 квадрант). Отнесение объекта к тому или иному типу реальности определяет характер поведения субъекта в отношении данного объекта.

В одном объекте могут совмещаться разные типы реальности. Так, художественный фильм представляет собой драматизацию вымысла (2+3 квадранты), что придает ему большую суггестивность и непосредственную убедительность в сравнении с романом или сценарием (3 квадрант), поскольку материализованная игра генетически ближе к синкретическому переживанию реальности, чем работа чистого воображения.

Эта схема позволяет идентифицировать статус любого объекта для конкретного человека, группы, а также определить уровень психического развития субъекта. Предполагается, что по мере психической дифференциации внутренняя картина реальности, описываемая схемой, постепенно приближается к своему прототипу – отражаемой объективной реальности «на самом деле».

Однако процесс приближения оказывается далеко не простым и совсем не линейным. С развитием сознания виртуальные модели реальности становятся все более неотличимыми от самой реальности, создавая новые трудности и выдвигая сверхвысокие требования к дифференцирующим способностям психики. Объекты отражения многократно усложняют

134 ся. Но это вполне функциональные процессы, содействующие развитию сознания. Создание все более сложных виртуальных моделей является необходимым звеном познания, естественным выражением моделирующей функции психики. Психические модели с разной степенью точности отражают реальность, но важно, что все они *стремятся* к отражению того, что есть «на самом деле», как к своему пределу. Это феноменологическое функциональное свойство психики. Ошибки и неточности – нормальное явление в процессе выдвижения и проверки гипотез. Подлинная опасность возникает только в случае *намеренного* создания ложных моделей реальности. Ложные модели (фантомы) не только загрязняют информационное поле, они настолько перегружают способности психики к переработке информации, что могут вызвать серьезные сбои в работе сознания вплоть до полного разрыва контакта с реальностью и саморазрушения.

Тогда извечный вопрос познания – «Что правда на самом деле?» – превращается в вопль отчаяния, за которым следует ответ-ловушка: «А самого дела на самом деле нет». Этот вопрос и этот ответ звучат сегодня настойчивым рефреном со страниц современных романов, из уст высоколобых интеллектуалов и представителей медиаиндустрии. Но в самый последний момент накануне капитуляции, когда уже нет сил распутывать хитросплетения ложных доводов, спасает неизменный здравый смысл и юмор, присущий нормальной психике. Примечателен в этом плане следующий эпизод из романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота»:

«– Что правда на самом деле? – переспросил Чапаев и опять закрыл глаза. – На этот вопрос ты вряд ли найдешь ответ. Потому что на самом деле никакого “самого дела” нет.

– Это как? – спросил я.

– Эх, Петька, Петька... знавал я одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан. Ему часто снился один сон – что он красная бабочка, летающая среди травы. И когда он просыпался, он не мог взять в толк, то ли это бабочке приснилось, что она занимается революционной работой, то ли это подполь-

щик видел сон, в котором он порхал среди цветов. Так вот, когда этого Цзе Чжуана арестовали в Монголии за саботаж, он на допросе так и сказал, что на самом деле он бабочка, которой все это снится. Поскольку допрашивал его сам барон Юнгерн, а он человек с большим пониманием, следующий вопрос был о том, почему эта бабочка за коммунистов. А он сказал, что она вовсе не за коммунистов. Тогда его спросили, почему в таком случае бабочка занимается подрывной деятельностью. А он ответил, что все, чем занимаются люди, настолько безобразно, что нет никакой разницы, на чьей ты стороне.

– И что с ним случилось?

– Ничего. Поставили к стенке и разбудили»⁵¹.

«Что правда на самом деле?» – самый наивный и самый главный вопрос, конституирующий и психику, и человеческое существование. Психика зародилась и развивалась в битве за адаптацию живого организма к условиям реальности. В приспособлении к реальности – предназначение психики. А лучше всего приспособиться к реальности можно, если угадать, как она устроена. Угадать, потому что спросить не у кого. Это похоже на игру в морской бой. Чтобы выиграть, нужно догадаться, как расположены «корабли» у партнера. Заглянуть в его «карту» нельзя, можно только выдвигать гипотезы, предпринимать разные действия на свой страх и риск и внимательно следить за реакцией партнера. Со временем выстраивается более или менее точная картина.

Игра не имеет смысла, если партнера и «карты» нет. Существование психики невозможно, если «самого дела на самом деле нет» (и выходит, что существование психики и есть главное доказательство присутствия объективной реальности). Для психики стремление к истине – вопрос функциональный, для человека – экзистенциальный. Убеждения, идеи, теории теряют для человека ценность, если обнаруживается их ошибочность. Стремление к истине – неизбежное, интуитивное, имманентное стремление человека, тождественное стремлению к смыслу существования.

⁵¹ Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 2000. – С. 216.

Народное убеждение, что «сила в правде»⁵², так же наивно и так же необходимо, как и вопрос «Что правда на самом деле?». По существу, это инстинкт, отражающий фундаментальное свойство и сверхзадачу психики. Инстинкт истины, не терпящий компромиссов, не позволяет человеку смириться с обманом, если он обнаружен. Как и стремление к смыслу, стремление к истине актуализируется в предельных ситуациях и является зачастую единственным средством сохранения личностной целостности и независимости. По наблюдениям психологов, осуществляющих помощь людям, попавшим в тоталитарные секты, как только человек начинает отдавать себе отчет в манипуляциях, осуществляемых сектой, «*основополагающая честность*» обычно не позволяет ему оставаться частью системы, которая приносит в жертву других – не имеет значения, насколько при этом возвышенны цели» [курсив наш. – Е.П.]⁵³. Важно также осознать, что отсутствие правдивой информации является главным условием всякой манипуляции. Полный же разрыв контакта с реальностью пред-

⁵² Примечательные рассуждения на эту тему можно встретить в финале культового фильма 2000 г. «Брат-2», в кинокритике получившего название «народного кино». «Брат-2» по итогам кинотеатрального проката впервые за десять предшествующих лет возместил затраты, вышел на 6-е место, опередив пятьдесят американских, все европейские и все российские картины, стал абсолютным чемпионом видеорынка, лидером продаж саундтреков. В ключевой сцене кульминации-развязки герой фильма, обращаясь к побежденному противнику, произносит монолог, нарочитая наивность которого как бы подчеркивает не требующую доказательств истину: « – Вот скажи мне, американец, в чем сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего?.. Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда – тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил, и чего, ты сильнее стал? Нет – не стал! Потому что правды за тобой нет! А тот, кого обманул, – за ним правда. Значит, он сильнее. Да?!» (Цит. по материалам сайтов <http://www.perlodrom.ru/kino/brat2/>; <http://brat2.film.ru/press.asp>)

⁵³ *Джамбалво К.* Консультирование о выходе: семейное воздействие. Как помогать близким, попавшим в деструктивный культ. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 1995. – С. 44.

ставляет собой фатальное нарушение психики, именуемое в клинической практике психозом, а в просторечии – сумасшествием.

Возмущение немецких интернет-пользователей позорным подлогом, совершенным старейшей, пользовавшейся доверием медиакомпанией Германии, не связано с политикой или коммерческим интересом. Это инстинктивное отвращение, испытываемое человеком, который сталкивается с заведомым обманом, попыткой подчинить его свободную волю. Доступ к правде – важнейший жизненный ресурс и залог выживания любого сообщества, по какую бы сторону баррикад в общеполитической борьбе оно ни находилось. Тот, кто покушается на этот ресурс, совершает преступление, подобное отравлению колодцев. Сегодня, в информационном обществе, когда информация стала источником жизни, это уже не преувеличение.

Защита информационного пространства от загрязнения и манипулирования – главное условие сохранения общей психической адекватности, а значит, выживания социума. В этом смысле прямую угрозу существованию общества и человеческой цивилизации представляют попытки подчинить информационное пространство локальным бизнес-интересам или политическим целям отдельных лиц, групп, сообществ, старающихся присвоить и эксплуатировать массовую коммуникацию на правах личной собственности. В начале появления Интернета и развития электронных технологий никто не предполагал, что тотальная свобода так легко может обернуться тотальным контролем, абсолютная анонимность – абсолютной прозрачностью, всеобщая связь – всеобщей связанностью, свобода мнений – безответственностью и проч. Никто не предполагал, что беспредельные возможности информационной среды превратятся в «информационный беспредел», что отчаявшиеся родители, забыв о прежних демократических чаяниях, будут жаждать введения цензуры, чтобы оградить своих детей от растления, что свобода слова превратится в бесконтрольную торговлю вредоносным медиатоваром,

138 что авторитетные лица и целые каналы будут беззастенчиво лгать и что «свободная пресса» так легко станет послушным орудием политических и коммерческих стратегий... Многочисленные фантомы, производимые медиа- и шоу-бизнесом, политическими и маргинальными структурами, постепенно приводят общество в состояние полной деморализации и протрации. Особая опасность состоит в способности фантомов вызывать мутации культурного кода общества. Это так называемые медиавирусы – искусственно сконструированные медиасобытия, которые отличает продуманная режиссура, рассчитанная на внешний эффект и широкий резонанс. Суть вирусных технологий состоит в том, чтобы, провоцируя дискуссии и сомнения, создавая фобии, называя черное белым, смешивая понятия, стирая различия между «верхом и низом», оправдывая насилие «благородными» целями, выдавая информационный террор за свободу слова и т. д., вызвать хаос, дезориентировать аудиторию, создать экзистенциальный (ценностный) вакуум. Атакуя наиболее важные культурно детерминированные понятия и ценности (справедливость, свобода, патриотизм, национальные интересы, права человека и др.), составляющие основу идентичности и самоопределения общества, вирусы затемняют и искажают их значение, постепенно блокируя этим жизненно важные функции социальной системы. Подобно биологическим вирусам, вирусы информационные стремятся захватить контроль над системой, подавив аутентичные механизмы регуляции социума собственной генетической программой⁵⁴.

Вирусные атаки продумываются досконально. Это становится все более заметным по мере глобализации террористической деятельности. Психологическое воздействие теракта 11 сентября было рассчитано до мельчайших деталей, включая сопряженные и отсроченные эффекты. Удар направлялся непосредственно в символ западной культуры и экономики: падение башен-близнецов должно было сокрушить веру в не-

⁵⁴ *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М.: Ультра. Культура, 2003. – С. 14.

поколебимую мощь западной цивилизации, неуязвимость ее адептов и сторонников. Гигантские башни были видны отовсюду. Это означало тысячи снимков и видеозаписей, сделанных невольными свидетелями в самых разных точках города и с самых разных ракурсов. И каждый из снимков, переданных затем по сети Интернет и СМИ, обладал эсхатологической «картинностью», вызывая одновременно мистическое и нравственное потрясение. Магический и символический смысл свершившегося должен был найти дополнительное подтверждение в мистических «совпадениях», сакрализирующих значение произошедшего. Так, спустя несколько дней после теракта как бы случайно открылось, что обозначение одного из рейсов, использованных террористами, при переводе в символный шрифт *Wingdings* указывает на фатальные события.

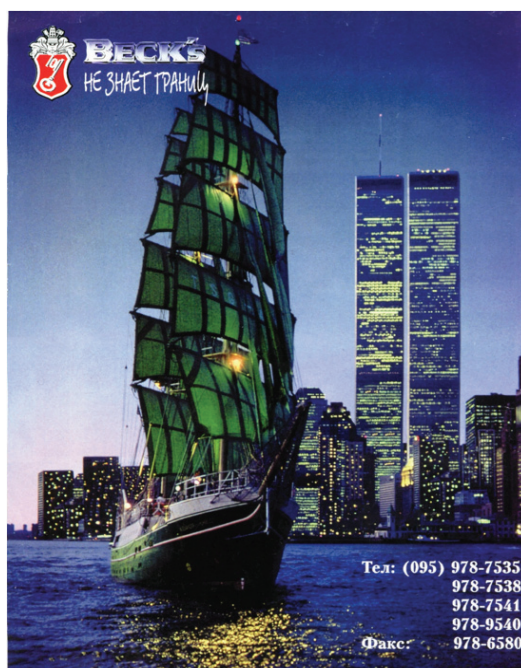


Рис. 4. Башни-близнецы – не только экономический, но и эстетический символ западной цивилизации

Примечательно, что информация эта распространилась первоначально по неофициальным каналам, среди пользователей Интернета, и лишь затем была опубликована в печати⁵⁵:

«Название рейса Нью-Йорк – Бостон

содержало зашифрованную информацию о катастрофе

В конце прошлой недели Интернет вновь запестрел паническими сообщениями из Америки. Десять дней спустя после терактов, аккурат перед окончанием национального траура, поднялась новая волна истерии. Аббревиатура рейса Нью-Йорк – Бостон “Q 33 NY” оказалась ПРЯМЫМ предупреждением об уничтожении двух небоскребов-близнецов. Более того, любой желающий может убедиться в этом лично».

Если “Q 33 NY” набрать в любом текстовом редакторе, а затем перевести надпись в шрифт *Wingdings*, получится следующая картинка:



Невооруженным глазом виден самолет, два прямоугольника, напоминающие небоскребы, потом знак смерти и мистическая гексаграмма – Соломонова звезда, знак макрокосма. С первыми четырьмя символами все понятно. Пятый же, гексаграмма, согласно энциклопедии оккультизма, не только обозначает принадлежность к иудаизму, но и рассматривается как общая схема хода феноменов в природе. А в самом широком смысле подчеркивает судьбоносную подоплеку события вообще.

Строго говоря, получается какая-то безумная мистика. Компьютерный шрифт предсказал катастрофу?

Шрифт *Wingdings* является набором значков, котрые сами по себе не несут никакого смысла. Он используется крайне редко, в основном при издании узкоспециальной литературы и входит в обязательный стандартный набор шрифтов

⁵⁵ Цит. по: Ткачук О. В. Слух и СМИ: альтернатива или контрапункт? // Проблемы медиапсихологии-2. – М.: РИП-холдинг, 2003. – С. 56-57.

Windows. Кто первым придумал перевести аббревиатуру нью-йоркского рейса в режим этих символов, неизвестно. Однако весть об этом впечатляющем открытии тут же облетела весь Интернет. Мистически настроенные пользователи утверждают, что и обычные буквы поодиночке ничего не значат. Однако, будучи сложены в сочетания, образуют слова...

«Пророчество», передаваемое пользователями друг другу по сети и изустно, очень быстро и широко самораспространилось в Интернете и за его пределами, повсеместно сея тревогу и возбуждая мистический трепет. Весьма характерная особенность. Как уже говорилось, именно эта способность самораспространяться, используя активность зараженных элементов системы, составляет специфическую особенность биологических вирусов как таковых и медиавирусов в частности. Самораспространению способствует яркая, привлекающая внимание, пугающая или завлекающая «оболочка» вирусов. По мнению автора термина Д. Рашкоффа, медиавирусы «распространяются тем быстрее, чем сильнее они пробуждают наш интерес... Чем более провокационна “картинка” или знак – будь то заснятые на видео бесчинства полиции или новый текст известного рэпера – тем дальше и быстрее они путешествуют по инфосфере»⁵⁶. Сегодня это специфическое свойство медиавирусов целенаправленно используется в рекламных стратегиях (так называемая вирусная реклама и маркетинг), шоу-бизнесе и политтехнологиях, что позволяет достигнуть сразу трех целей: сэкономить средства на распространение и продвижение идеи, максимально широко внедрить нужное послание и, самое главное, сделать это настолько незаметно, «спонтанно», что поражаемая система, не подозревая о вирусной интервенции, не оказывает никакого сопротивления. В этом ослаблении защитных сил, иммунной системы общества – одно из самых опасных последствий успешной атаки вирусов.

Соединение политической борьбы с современными вирусными технологиями порождает самый, должно

⁵⁶ Рашкофф Д. Указ. соч. – С. 15.

142 быть, зловещий феномен конца XX – начала XXI в. – политтехнологии.

И что характерно, четкой дефиниции этой самой политтехнологии до сих пор нет, словно ни ученым, ни идеологам, ни правозащитникам просто не хватает духу прямо взглянуть на грозное явление. «Политтехнология – это какое-то странное слово, которое непонятно что обозначает», – кокетничает профессиональный политтехнолог, небезызвестный директор «Фонда эффективной политики» Г. Павловский⁵⁷.

«Если брать расхожее определение политтехнологии как искусства разводить массы, – вроде бы с другой стороны дает оценку известный публицист Максим Соколов, – то при таком циничном взгляде на вещи 9 (22) января, именуемое также Кровавым воскресеньем, может считаться профессиональным праздником политтехнолога»⁵⁸.

Но ни умолчание, ни самолюбование не скроют уже того факта, что *политтехнология* сегодня – не конкретный прием и не частный случай, а системное явление, стремящееся использовать сетевую структуру общества, чтобы проникнуть во все поры социума, стать способом существования его институтов, социальных групп и индивидов.

В противоположность спонтанным и суверенным формам социально-психологической самоорганизации социумов, как, например, «общественное мнение», «личная безопасность», «национальные интересы» и т. п., политтехнология целенаправленно создается как вирусная программа, по которой достигается полный контроль над жизнеобеспечивающими функциями общества и в требуемом режиме задействуются информационные, финансовые, административные и людские ресурсы, чтобы получить вполне конкретный и, главное, материальный результат.

Противодействие разрушительным политтехнологиям становится первоочередной задачей, идет ли речь об анти-террористической борьбе, разделении сфер влияния в меж-

⁵⁷ <http://www.newizw.ru/news/2005-08-26>

⁵⁸ <http://www.expert.ru/columns/2005-01-24>

дународной политике или о вмешательстве внешних сил во внутренние дела суверенного государства. Однако трудность состоит в том, что в полном соответствии с русской поговоркой «Волк волком не травится», *политтехнология политтехнологией не вышибается*. Опасность использования политтехнологий не снимается, даже если они применяются не извне, конкурирующей системой, а изнутри – определенными структурами общества в отношении другой части общества с целью «стабилизации обстановки» или дезактивации внешних вирусов. Но, с какой бы стороны ни применялись политтехнологии, общество в любом случае проигрывает и платит, как показал опыт, стокгольмским синдромом, разочарованием в национальных лидерах, диффузией идентичности, безнадежностью и депрессивным раптусом⁵⁹ масс.



Рис. 5. Рисунок из Интернета, «подтверждающий» версию о преднамеренном взрыве башен-близнецов изнутри www.kp.ru/daily/23965/72873

⁵⁹ Ханьков В. Кому будет польза, если народ впадет в депрессивный раптус? // Комсомольская правда. – 1992. – 1 февр.

Подобные стратегии, применяемые государством, разочаровывают и деморализуют население даже больше, чем применяемые «извне», противником. Начиная пропагандистскую кампанию против Ирака, администрация США спешила использовать праведный гнев общества, вызванный терактом 11 сентября, для достижения частных экономических и политических целей определенной группы лиц, близкой к власти. И сама война, и быстро обнаруженная ложь относительно якобы имеющихся у Ирака лабораторий по производству химического оружия и баз террористов, и пафосные речи политиков о защите демократии во всем мире привели в конце концов к хорошо знакомому патологическому синдрому аутоагрессии, то есть к поиску виноватых в собственном стане. Так, в самой Америке (!) неожиданно нашла поддержку и активно стала муссироваться в Интернете и СМИ идея, которую ранее осмеливались высказывать только самые оголтелые противники «американского империализма». Согласно возникшим подозрениям, башни Всемирного торгового центра взорвали сами спецслужбы!⁶⁰ Вот мнение члена Американского института архитекторов, одного из инициаторов петиции архитекторов к Конгрессу США, Ричарда Гэйджа: «Шок, в который повергли нас террористические атаки, помешал тогда рационально оценить случившееся. Мы поверили в миф о том, что башни-близнецы обрушились из-за самолетов. Теперь же нам очевидно, что имел место профессиональный демонтаж с использованием взрывчатки. Всем известно, что подобная операция требует сложной системы минирования. С учетом существовавшей в Торговом центре системы контроля и безопасности трудно представить, что все эти работы могли беспрепятственно осуществить террористы. Так мы приходим к ужасному выводу: теракт мог быть “срежиссирован” в правительственных кругах США».⁶¹

Подобные противоестественные идеи могли бы показаться просто случайным завихрением человеческой мысли, вы-

⁶⁰ Башни 11 сентября Америка взорвала сама! URL: www.kp.ru/daily/23965/72873 (26.10.2007).

⁶¹ Там же.

званной состоянием фрустрации, если бы точно такие же познания не возникли бы за несколько лет до этого в другом полушарии, в стране с иной ментальностью, с иным анамнезом, иным стилем управления, но в сходной ситуации. Речь идет о взрыве домов на Каширском шоссе, породившем обвинение ФСБ в причастности к трагедии.

Совершенно очевидно, что подобное сходство не может быть объяснено случайностью, тем более родством душ. *Это симптом болезни, вирусного заражения, вызванного ослаблением иммунной системы общества.* Весьма вероятно, что вирус был разработан одновременно с терактами и распространен непосредственно после их исполнения. А может быть, вирус самозародился, подобно спонтанной мутации под воздействием неблагоприятных факторов. Но каким бы образом он ни возник, вряд ли кто-либо воспринял бы столь странную идею всерьез, если бы не травмогенные, манипулятивные и потому неправомерные информационные стратегии самой власти. Неважно, что в каждой из двух стран эти стратегии были неправильны по-разному. В России власть избегала называть и преследовать подлинных виновников случившегося из-за боязни «дестабилизировать ситуацию». В США власть искала виновных там, где ей было выгодно. И в том и в другом случае результат был один: аутоагрессия, обращение гнева населения на нерелевантный объект, одну из несущих структур самого общества, что пугает людей еще больше, вызывая панику, подрывая национальное единство и способность к мобилизации. Параноидальные идеи – симптом начинающейся душевной болезни общества, вызванной депривацией потребности в истине⁶². Политтехнологические ухищрения власти, таким образом, приводят к обратным (по сравнению с желаемыми) эффектам, создавая благоприятную почву как

⁶² Депривация (лат. *deprivatio* – лишение) – социальный процесс сокращения и/или лишения возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей индивидов или групп // Словарь по общественным наукам. – EDI-Press & Web Mission, 2000-2006. URL: http://slovari.yandex.ru/dict/gl_social/article/14011/1401_1240.htm?text=депривация

146 для внедрения патогенных вирусов, так и для самопроизвольных мутаций «природного кода» общества.

Другой проблемой становится неспособность власти и общества вовремя распознавать и купировать вирусные инфекции, поражающие СМИ. Неинформированность общества, некомпетентность и неповоротливость органов управления приводит к бесконтрольному обращению информации, наносящей прямой ущерб национальным интересам и морально-психологическому состоянию общества.

Распознавание вирусов и вирусных технологий затрудняется их мимикрией под спонтанную, бескорыстную активность индивидов: утверждение справедливости, борьбу за права человека, защиту демократии – и другие наиболее актуальные и значимые идеи и ценности современности. Присоединяясь к наиболее важным понятиям, вирусы полностью поглощают и разлагают их, превращая в полную противоположность. Триумф бархатных революций в Югославии, Грузии, на Украине обернулся ползучим политическим кризисом, социальным расколом, экономическими потрясениями, извращением демократии, деградацией национальных лидеров. Гуманистическое «принуждение к миру» послужило прикрытием этнических чисток и прямой военной поддержки политических союзников (Косово). Борьба с мировым терроризмом стала удобной ширмой для начала раздела сырьевых ресурсов (Ирак).

Но каков бы ни был практический результат вирусных технологий, духовный и моральный урон превосходит все возможные материальные и территориальные потери, поскольку грозит утратой самой возможности регенерации и сохранения суверенности общества.

Учитывая характер вирусных поражений, можно утверждать, что единственной радикальной защитой от вирусных технологий является активизация собственных иммунных сил общества.

Все, что усиливает способность к самодетерминации, все, что повышает уровень самоосознания и активности об-

щества, – ослабляет тем самым возможность вирусной модификации коллективной идентичности, усиливает иммунную защищенность, автономность и суверенность социальной системы. Поскольку основной формой самоосознания общества и средством становления национальной ментальности является массовая коммуникация, именно обеспечение информационной открытости (доступности информации, возможности личного участия) и информационной безопасности (свободы от фантомов и манипуляций) оказывается главной гарантией психического здоровья общества.

Необходимость сохранения культургенетической аутентичности психики и массовой коммуникации и обуславливает развитие трех взаимосвязанных направлений медиапсихологии: *медиааналитики, медиатерапии и медиаобразования.*

В задачи *медиааналитики* входит, прежде всего, анализ контента массовой коммуникации с точки зрения соблюдения принципов информационно-психологической безопасности, выявление психотехнологий массовых информационных кампаний и их последствий, психологические, юридические и этические аспекты журналистской деятельности. В настоящее время классифицированы возможные патогенные факторы журналистского воздействия, разработаны основные категории экспертизы контента массовой коммуникации⁶³.

Отсюда вытекает необходимость разработки систем и способов психологической защиты от патогенных информационных технологий, что составляет предмет второго направления медиапсихологических исследований – *медиатерапии.* В задачи медиатерапии входит профилактика и реабилитация

⁶³ См. об этом: Пронина Е. Е. Психологические особенности творческой работы репортера. – М.: Пульс, 2001; Пронина Е. Е. Проблемы защиты населения от деструктивного воздействия информационной продукции и ресурсы медиапсихологической экспертизы (в печати); Пронин Е. И., Пронина Е. Е., Кириченко А. С. Заключение медиапсихологической экспертизы о психологическом содержании анимационных фильмов (по запросу прокуратуры). – М.: Архив Басманного суда г. Москвы, 2008.

148 информационных травм аудитории⁶⁴, психологическое восстановление посредством массовой коммуникации⁶⁵, стабилизация психических состояний, формирование адекватных контролируемых реакций, содействие национальной самоидентификации⁶⁶ и личностному самоопределению индивидов. Реальный опыт медиатерапевтического воздействия был реализован в разгар информационно-психологической атаки «оранжевых» с целью микшировать остроту информационной травмы, укрепить устойчивость к стрессу массового избирателя. «В течение двух месяцев в “Крымской правде” публиковались психологические обозрения типа: “Выключите телевизор”, “Оранжевый сценарий обернулся диагнозом”, “Толпа превращается в племя”, “Почем оранжевый адреналин” и др., раскрывающие приемы и уловки “социальной инженерии”, манипулятивных психотехник и тотального напора»⁶⁷. Инициатива не осталась незамеченной. Аналогичные антиманипулятивные материалы стали публиковать и другие газеты Крыма. Ретроспективный анализ предпринятой акции показал, что медиатерапевтические тексты реально помогли конкретным людям преодолеть стресс.

⁶⁴ «Информационная травма – воздействие, осуществляемое СМИ, которое вызывает деструктивное изменение базовых структур личности, аффективных и когнитивных систем на всех уровнях, начиная с физиологических механизмов и заканчивая картиной мира и образом я индивида» (см.: Рыбалко О. М. Динамика изменения психолингвистических характеристик текстов СМИ в чрезвычайных ситуациях: компенсаторные возможности // Материалы IV Всероссийского съезда Российского психологического общества. – Ростов-на-Дону, 18-21 сентября 2007 г.).

⁶⁵ Чудова Н. В. Журналистика и социотерапия // Проблемы медиапсихологии-2. – М.: РИП-холдинг, 2003. – С. 36–52.

⁶⁶ Пронин Е. И., Пронина Е. Е. Архетипы тотальной войны в локальном конфликте // Государственная служба. – 2001. – № 4. – С. 18–29.

⁶⁷ Вербицкая Ю. А. Попытка социотерапии в разгар психической атаки // Ломоносов-2005. Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых: В 2 ч. – М.: МГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 41–45.

Этот опыт также убедительно показал, что медиатерапевтические методы по самой своей природе антиманипулятивны, их невозможно приспособить для антиобщественных или своекорыстных пропагандистских акций. Отвечающие исключительно собственным потребностям индивида в самоопределении и ориентации, соблюдающие все принципы психологической безопасности, они эффективны в условиях массивной психической атаки и вирусных технологий, когда традиционные контрпропагандистские приемы, ориентированные на дискредитацию противника и продвижение альтернативной политической силы, оказываются беспомощными и бессильными. Эффективность медиапсихологических методов обусловлена их способностью повышать уровень самоосознания и психологической компетентности, содействовать личностной зрелости и инициативе в противоположность политтехнологическим стратегиям сужения сознания и формирования неконтролируемых аффективных и фобических реакций.

Расширение знаний аудитории об основных приемах воздействия СМИ и современных коммуникативных технологиях повышает информационно-психологическую защищенность участников массовой коммуникации и в связи с этим является основной задачей *медиаобразования* – третьего направления медиапсихологии. Как известно, политтехнология действует до тех пор, пока остается скрытой от сознания объекта воздействия, а также пока объект воздействия не превращается в активного самодостаточного субъекта, реализующего хорошо осознанные собственные интересы. Медиаобразование обращено ко всему обществу, включая и самих журналистов, которые зачастую первыми подвергаются деструктивному воздействию манипулятивных технологий и, не имея возможности в полной мере оперативно осмыслить происходящее, транслируют собственные травматические переживания и неадекватные реакции по каналам массовой коммуникации⁶⁸.

⁶⁸ Подробнее об этом см.: Трубицына Л. В. Средства массовой информации и психологическая травма // Проблемы медиапсихологии. – М.: РИП-холдинг, 2002. – С. 31–37.

150 *Медиааналитика, медиатерапия и медиаобразование* вместе образуют элементарную стратегию и базовый ресурс *медиапсихологической защиты*, отвечающей важнейшим тенденциям развития социума и человека в направлении самодетерминации и индивидуации.

Медиапсихология как наука об аутентичных формах саморегуляции психики посредством массовой коммуникации отражает *фундаментальную потребность сознания в истине* и является своего рода естественной антивирусной программой по распознаванию и деактивации медиавирусов и фантомов. Коммуникативная открытость и безопасность, с точки зрения медиапсихологического подхода, есть основное условие существования массовой коммуникации, за пределами которого и массовая коммуникация, и журналистика вырождаются в вирусный алгоритм программирования общественной жизни.

Л. В. Матвеева

Актуальные проблемы медиапсихологии

Информационное общество как этап развития человеческой цивилизации, сменивший индустриальную и постиндустриальную эпохи, декларирует другие, отличные от традиционных, ценности, сферы жизнедеятельности человека, новые принципы управления с помощью информационных систем, тотальный доступ к информационным потокам подавляющего большинства населения планеты, требования к способностям и умениям человека. Появляется новое пространство взаимодействия людей – информационное пространство, организованное с помощью СМИ, и, как результат, возникают эффективные средства взаимовлияния на поведение и сознание людей. Соединение рынка и высоких информационных технологий сопровождается вовлечением в процесс управления людьми на экономическом, социальном, политическом уровнях современных достижений гуманитарных наук, особенно психологии как научного ресурса влияния на человека.

Институализация медиасистем привела к появлению нового типа власти – «райтократии», власти пишущих, создающих информационные продукты. Личный опыт человека в современных условиях жизни предоставляет ему незначительную часть знания о мире по сравнению с той, которую он получает посредством текстов, информационных продуктов, подготовленных другими людьми. По мнению многих современных исследователей, «пишущие» становятся «органами социального восприятия, хранителями коллективной памяти общества». Однако в силу законов функционирования власти, когда «существует возможность одного человека или одной группы людей реализовывать свою собственную волю в совместном действии, даже вопреки сопротивлению дру-

152 гих людей, участвующих в данном действии»¹, он или они эту возможность используют для перераспределения социальных «почестей» и различного рода ресурсов – финансовых, материальных, духовных, информационных и т. д. Субъекты медиакоммуникации в той или иной форме склонны использовать властный ресурс в индивидуальных или корпоративных интересах и формируют информационную элиту, которая презентует себя обществу, привлекая всю мощь информационных средств. Так появляются феномены главного редактора, главного издателя, главы медиахолдинга, популярной телевизионной личности, кинозвезды, шоумена... Стихийная толпа превращается в публику, в аудиторию, в неформальную группу по информационным интересам, а лидер из ратора, вожака-оратора модифицируется в публициста, актера, учителя, политического телевизионного лидера, неформального лидера по интересам. Так, А. К. Пушкив считает, что телевидение – мощный инструмент, который в нечистых руках становится оружием массового информационного поражения: «Пока у нас очень большие колебания этого маятника: то олигархи почему зря используют телевидение в качестве политической дубинки, то власть начинает ограничивать его в самовыражении...»². Согласно Ю. Хабермасу и Ф. Уэбстеру, развитие информационного общества в технологических, экономических, социальных, пространственных и культурных измерениях приводит к расширению сфер наблюдения и контроля, возрастанию степени регулирования повседневной жизни и ослаблению гражданского общества. Одним из важнейших субъектов данного процесса являются эволюционирующие СМИ. В XX веке СМИ превратились в экономические монополии, которые видоизменили свою важнейшую функцию – доводить до общественности достоверную информацию – и стали служить каналом для выражения интересов

¹ Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1991. – С. 132.

² Пушкив А. К. Многомерная правда телевидения // Фома. – 2004. – № 6 (23). – С. 71–73.

класса капиталистов и формирования общественного мнения в угоду правящей элите. Ю. Хабермас также указывает на существенную модификацию общества, которая возникает в результате «рефеодализации» некоторых сфер жизни, в частности публичной сферы жизни, когда СМИ и государственный аппарат используются крупными монополиями для лоббирования своих интересов. В этом случае свобода информации становится мифом³. Однако еще в 60-е гг. XX в. П. Лазарсфельдом и Р. Мертоном⁴ был сформулирован закон о зависимости СМИ от бизнеса: производство и распространение продукции средств массовой информации финансируется большим бизнесом, а это, независимо от любых намерений, означает, что тот, кто платит, тот и распоряжается.

Новый социальный уклад, согласно А. Беллу, зиждется на телекоммуникативных «интеллектуальных технологиях», которые становятся главным инструментом системного анализа проблем в обществе и средством принятия решений. Включение компьютерных технологий в телекоммуникативные системы «размывает» различие между обработкой информации и коммуникацией. Знания и информация становятся стратегическими ресурсами, что открывает возможность для разного рода злоупотреблений в контроле над информацией, «начиная с сокрытия информации и заканчивая ее незаконным обнародованием»⁵.

Одной из фундаментальных особенностей функционирования института СМИ является ее срежиссированная технология произ-

³ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004; Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Translated by Thomas Burger with the assistance of Frederick Lawrence. – Cambridge: Polity, 1989.

⁴ Lazarsfeld, P. F., Merton, R. K. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action // Mass Communications. A Book of Readings / Selected and edited by the Director of the Institute for Communication Research at Stanford University Wilbur Schramm. – Urbana, 1960. – P. 503.

⁵ Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. – New York: Basic Books, 1999.

154 водства информации, в которой творческий субъект, порождающий информационное сообщение, отчужден от собственности на средства производства информации, т. е. он в медиасистемах является наемным рабочим и используется владельцами СМИ как посредник в производстве и передаче информации от одной группы людей, владеющих ресурсами власти, к другой, являющейся объектом власти, т. е. народом, населением, аудиторией. Феномен «разорванной коммуникации» в СМИ состоит в том, что интересы, потребности и ценности собственников СМИ, творческих субъектов СМИ и аудитории принципиально не совпадают, а зачастую оказываются прямо противоположными, что порождает психологические барьеры в социальных коммуникациях в обществе.

С 1992 г. в России началась работа по регулярному (волновому) измерению телевизионной аудитории в рамках международного проекта «Медиа-фокус». По единой методике измерялись телевизионные пристрастия, коммуникативные установки у аудитории СМИ большинства европейских государств. В России опрос проводился только в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге⁶.

В настоящее время монополию на рейтинги держит компания *Gallup Media*, использующая электронные средства измерения телеаудитории. Цель таких исследований – информационное обеспечение рекламного бизнеса. В российской панели участвуют 1200 домохозяйств. Именно благодаря этим измерениям были внесены серьезные изменения в программную политику большинства телеканалов. Так, по данным О. И. Карпущина и Э. Ф. Макаревича⁷, этот сдвиг касается основных блоков программной типологии по С. Хеду.

С. Хед⁸ разделил коммуникативные вкусы, интересы и потребности современных слушателей и зрителей на шесть функ-

⁶ См. об этом: Телерекламный бизнес (информационно-аналитическое обеспечение). – М.: Международный институт рекламы, 2001.

⁷ Карпущин О. И., Макаревич Э. Ф. Влияние на человека. – Москва-Барнаул: ПИКЕТ, 2000.

⁸ Head, S. *World Broadcasting Systems. A Comparative Analysis*. – Belmont; California, 1986. – P. 3; 95.

циональных категорий: информация, образование, культура, религия, развлечение, реклама. Существенно, что эта типология не связана с особенностями образа жизни членов аудитории, особенностями труда или социально-демографическими факторами. Динамика составляющих программной типологии измерялась относительно Первого канала в течение одной недели в сентябре 1986 г. и относительно канала ОРТ в течение одной недели в сентябре 1996 г. (см. табл. 1⁹).

Таблица 1

Страна	Типология программ					
	1	2	3	4	5	6
	информация	образование	культура	религия	развлечения	реклама
СССР (1986)	45,0	20,5	30,5	0	4,0	0
Россия (1996)	28,0	7,0	5,0	4,0	38,0	18,0

По мнению авторов сравнительного анализа, результаты указывают на значительное изменение социальной роли СМИ в российском обществе.

Исследования, проведенные нами совместно с Т. Н. Землянских в 2005 г., показали динамику изменения доли общественно-политических и развлекательных программ в сетке вещания Российского государственного телевидения с 1991 по 2004 г. Так, если в 1991 г. доля общественно-политических программ была 49%, а развлекательных – 6%, то к 1994 г. оба этих жанра были примерно на уровне 20%. В 1996 г. во время выборов президента развлекательных программ было 10%, а общественно-политических – 35%. Однако, начиная с 2000 г., такое положение начинает меняться в сторону увеличения доли развлекательных программ (2004 г. – 25%) и устойчивого сниже-

⁹ Карпухин О. И., Макаревич Э. Ф. Влияние на человека. – Москва-Барнаул: ПИКЕТ, 2000. – С. 82.

156 ния доли общественно-политических программ (2004 г. – 4%), что свидетельствует, на наш взгляд, об отказе телевидения от своих основных функций – информирования, социализации, вписывания членов общества в политический контекст страны и т. д., то есть фактически доминирует развлекательная функция.

Глобализация информационного пространства и технические достижения в области СМИ превратили телевидение и Интернет в мощнейший фактор воздействия на картину мира как отдельного человека, так и политических и экономических коллективных субъектов. СМИ в настоящее время представляют собой громадный этнокультурный перекресток, на котором осуществляется попытка построения «информационной Вавилонской башни», проводятся информационные войны и реализуются сценарии информационного терроризма. Основной целью такого мощного информационного вторжения является структура индивидуального и коллективного сознания человеческого сообщества.

Главной задачей психологии в области информационной безопасности, на наш взгляд, является научная рефлексия характера информационных взаимодействий в ментальном плане с участием СМИ. Прежде всего, хотелось бы выделить несколько основных черт, характеризующих существование человечества в информационной «глобальной деревне» М. Маклюэна.

1) Развитие средств массовой коммуникации породило феномен *дефицита полезной информации по сравнению с информационным шумом*. Согласно Г. Г. Дилигенскому, «...обилие информации способно запутать человека, усилить дефицит информации, воспринимаемой как достоверной и обладающей объяснительной силой. “Ничему нельзя верить” – типичная реакция массового сознания на этот “дефицит от изобилия”. Этот дефицит выражается не <...> в недостатке фактических сведений, а в типичном именно для общественно-политического познания каузальном дефиците (т. е. в недостатке информации о причинно-следственных связях)»¹⁰.

¹⁰ Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996. – С.45-46.

2) Повсеместное распространение мультимедийных средств коммуникации модифицировало все стороны жизни общества (общественно-политическую жизнь, информационные взаимодействия, межличностное общение и т. д.) в спектакль, отрежиссированный как по содержательной, так и по пространственно-временной характеристике, т. е. породило еще одну размерность в картине мира человека – *перформансность*. Она находит свое выражение в смешении игровой и практической деятельности, которое Й. Хейзинга называет универсальной характеристикой современной культуры, выражающейся в категории «пуерилизма» (ребячливости). Хейзинга видит проявление этого феномена в потребности в банальных развлечениях, в тяге к сенсациям, массовым зрелищам и в потребности поведения как бы по мерке отроческого и юношеского возраста, что выражается в обычаях, привычках и современных формах духовного общения¹¹. Так, новости на телевидении все больше приобретают характер шоу, а реальная жизнь стала объектом зрелища, как, например, телевизионный проект «Реал-ТВ»¹².

Одним из базовых видов взаимодействия между людьми является *игра* – «забава, установленная по правилам, и вещи, для этого служащие. Играть – значит шутить, тешиться, веселиться, забавляться, проводить время потехой, заниматься чем-либо для забавы, от скуки, от безделья, мелькать, шевелиться туда-сюда, представлять что-то, изображать в театре»¹³. Существенно, что люди участвуют в игре добровольно. При этом непосредственность выражения чувств, искренность, низкий уровень тревожности и самоконтроля, способность находиться «здесь и сейчас» помогают им принять участие в игре. Можно предположить, что участие в игре нацелено на

¹¹ См. об этом подробнее: Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. – М.: НЛ, 1992.

¹² Уразова С. Л. Reality-TV в России: Первый опыт телеклонирования // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. Телевизионные и рекламные коммуникации. – М.: Аспект Пресс, 2002. – Т. 1.

¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 2. – С. 634.

158 согласование установок, обучение контролю и влиянию, на переживание спектра чувств и выражение своих чувств, на формирование у играющих поведенческих норм.

Телевидение, по мнению М. Леви¹⁴, создает новые формы социальной интеракции и отношения «интимности и дистанции», так как зрители находятся в состоянии общения лицом к лицу с коммуникатором. Им вводится понятие *para-social*, т. е. сверхсоциальное взаимодействие, когда зритель реагирует на образ или характер человека на экране как на члена своей группы, в которой идет просмотр телепередачи.

3) Доминирование опосредствованных способов взаимодействия между людьми привело к тому, что визуальная коммуникация, визуальные коды и визуальные образы стали основным средством передачи информации. В результате изменился образ политического лидера, успех которого стал во многом зависеть от того, насколько хорошо он смотрится на телевизионном экране; появился новый тип героя – шоумен, и появился новый тип звезды – телезвезда. Понятие харизмы видоизменяется в понятие имиджа, а понятие красоты видоизменяется в понятие выразительности.

4) Логика технического развития средств порождения, передачи и трансформации информационных сообщений привела к коммерциализации коммуникативных систем, где творческий субъект, порождающий информацию, оказывается в роли наемного работника. А собственником информационного продукта становится владелец медийного холдинга. Таким образом, контроль над смыслом, содержанием и целями информационного сообщения остается за владельцем телекоммуникационных систем.

Механизмы воздействия и порождения феноменов сознания человека в процессе общения наиболее существенным образом были разработаны в исследованиях Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, показавших, что развитие индивидуальных психических функций и мотивационной структуры личности осуществляется

¹⁴ Lewi, M. R. Watching TV News as Para-Social Interaction // TV and Prosocial Behavior. – Dublin: University Press, 1979. – v. 23. – № 3. – P. 69–80.

через различные формы деятельности и общения с миром людей, предметов и с самим собой: «...всякая функция культурного развития ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая. Из этого следует, что общение является не только средой, фоном, на котором происходит становление индивидуального сознания, но и его содержанием»¹⁵.

Телевидение может быть рассмотрено как «орудие» для построения образа мира и освоения жизненного пространства личности. Согласно П. А. Флоренскому, орудия расширяют область нашей деятельности тем, что продолжают наше тело¹⁶. А. Н. Леонтьев в своей концепции построения образа мира выделяет пять объективных измерений образа мира: три пространственных, одно временное измерение (движение) и одно субъективное – квазиизмерение, или «смысловое поле». Если по отношению к информации о пространственных характеристиках объективной реальности человек может быть относительно свободен, т. е. он может их материально зафиксировать и манипулировать с ними, то построение картины мира по оси времени затруднительно в связи с тем, что образы постоянно ускользают. Появление фотографии, кино, а затем и телевидения, способных зафиксировать образы, длящиеся во времени, преодолевает барьер несвободы во временной размерности картины мира. Человек получает возможность использовать зафиксированные перцептивные впечатления, воспроизводящие некие события с опорой на межмодальные сигналы (зрительные, слуховые и тактильные, по М. Маклюэну), для увеличения презентативности субъективной картины мира. Однако М. Маклюэн серьезно упрощал ситуацию, считая, что важнейшие эффекты СМК вытекают в первую очередь из их формы, а не из содержания. Пятое измерение картины мира, понимаемое А. Н. Леон-

¹⁵ *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982-1984. – Т. 2. – С. 85.

¹⁶ *Флоренский П. А.* Избранные труды по искусству. – М.: Изобр. искусство, 1996.

160 твевым как мерность внутрисистемных связей объективного предметного мира, может быть соотнесено с содержанием телевизионной коммуникации, предстающей как совокупность субъективных оценок, межличностных отношений, смысловых схем и ролевых взаимодействий участников коммуникативно-го взаимодействия. Таким образом, телевидение может быть рассмотрено как экстерииоризация некоего «функционального органа» индивидуального сознания личности, позволяющего расширить возможности последнего во взаимодействии с коллективным сознанием при построении картины мира¹⁷.

С точки зрения коммуникативного подхода феномен массовой коммуникации может быть представлен следующим образом. Нажимая кнопку включения телевизора, человек расширяет рамки своего обычного обитания и вступает в отношения с искусственно организованной средой существования. Зритель не только и не столько воспринимает информацию, сколько сопереживает поведению героев, с которыми себя идентифицирует. Он защищается или заражается эмоциональной атмосферой происходящих на экране событий, принимает или отвергает, вступая во внутреннюю дискуссию с определенными мнениями, суждениями, оценками, формирует определенное отношение к дикторам, комментаторам как к партнерам по реальному общению, требуя от них эмоциональной теплоты, уважения к себе, «похожести» на себя, или на свой идеал, или на «авторитет». Таким образом, человек «проживает» в этой искусственной среде часть своей жизни, и уровень погружения в состояние общения с этой средой зависит как от того, насколько авторами этой среды учтены и закодированы все аспекты процесса общения, так и от того, готов ли зритель участвовать в таком процессе и декодировать смыслы, заключенные авторами в телесобщении.

Основными структурными единицами анализа становятся:

- поведение партнеров по общению;
- значение этого поведения для каждого из них;
- аффективная оценка происходящего взаимодействия.

¹⁷ См. об этом подробнее: *Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность.* – М.: Политиздат, 1975.

При этом реальное содержание телесобщения выступает как предмет, по поводу которого происходит или организуется общение.

Схему структурных процессов общения в телекоммуникации можно представить как трехуровневую систему взаимодействий, напоминающую вложенных друг в друга «матрешек»¹⁸.

Так, на первом уровне взаимодействия находятся, с одной стороны, социальный заказчик, его представления о партнере по общению (в данном случае – о состоянии общественного мнения по тому или иному вопросу), представления о характере изменения в партнере по общению в результате взаимодействия (цель взаимодействия), характеристика средств, которыми могут быть достигнуты желаемые изменения (работа телевизионных редакций по созданию телепродукции), с другой стороны – объективная потребность зрителей в определенном роде информации, которую можно получить, вступая во взаимодействие с телевидением, отношение к телевидению как к источнику такой информации, потенциальная готовность к изменениям, которые планируются в процессе такого взаимодействия (в частности, коммуникативный опыт аудитории).

На втором уровне взаимодействия можно выделить, с одной стороны, процесс переформулировки цели взаимодействия конкретной авторской группой, работающей над передачей, образ или портрет зрителя, к которому будет обращено телесобщение, выбор средств и форм построения телесобщения, прогнозирование эффекта взаимодействия; с другой стороны, социально-психологические факторы, опосредующие восприятие телеинформации, групповые нормы, ценностные ориентации, профессиональные и демографические характеристики аудитории, образ коллектива коммуникатора – авторов телесобщения и его намерений в процессе коммуникации, отношение доверия/недоверия, компетент-

¹⁸ См.: Матвеева Л. В. Общение в сфере телевидения. Автореферат дис. ... д-ра психол. наук. МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 2000.

162 ности/некомпетентности к партнеру по общению. При этом используются все возможные виды коммуникации:

по средствам:

- образное, невербальное обращение преимущественно к правому полушарию,
- вербальное, словесное обращение к левому полушарию, с помощью аргументов, логических схем и вербального диалога;

по уровням:

- сознательные механизмы организации процесса общения,
- бессознательные механизмы регуляции эмоционального контекста общения;

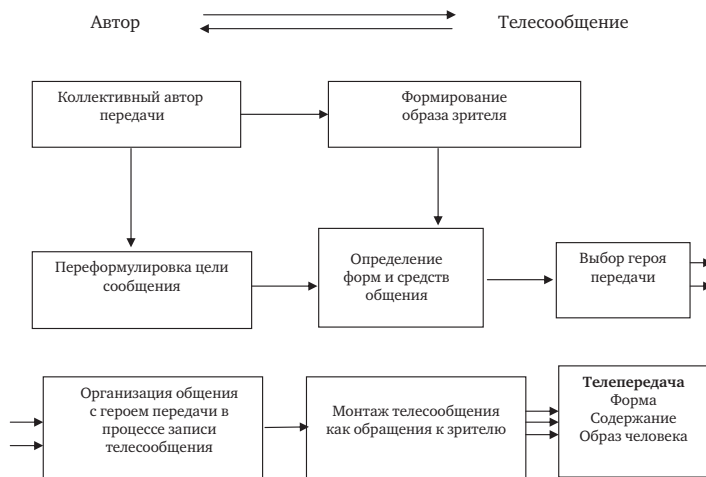
по формам:

- ритуальное общение,
- коммуникативные действия (обмен информацией и состоянием),
- игра,
- динамика психологической близости,
- манипулятивные действия.

Третий уровень взаимодействия включает как процессы межличностного общения, режиссера и редактора телесобобщения с героем или участниками передачи, их профессиональные качества и коммуникативный стиль деятельности, так и восприятие и понимание зрителями цели и содержания передачи, характер и контекст общения с героями передачи, отношение к авторам передачи.

Функционально эти уровни разнесены во времени и проявляются в психологическом анализе в двух различных формах существования. Прежде всего, это процесс подготовки телесобобщения как определенной среды общения со зрителем и затем – процесс восприятия телесобобщения зрителями как процесс взаимодействия с этой средой. Если в первом случае происходит проведение коммуникативной ситуации, то во втором – ее переживание, потребление и усвоение. Структуру происходящих процессов можно представить следующим образом (см. схему 1):

Структура коммуникативного акта на этапе создания телевизионной передачи



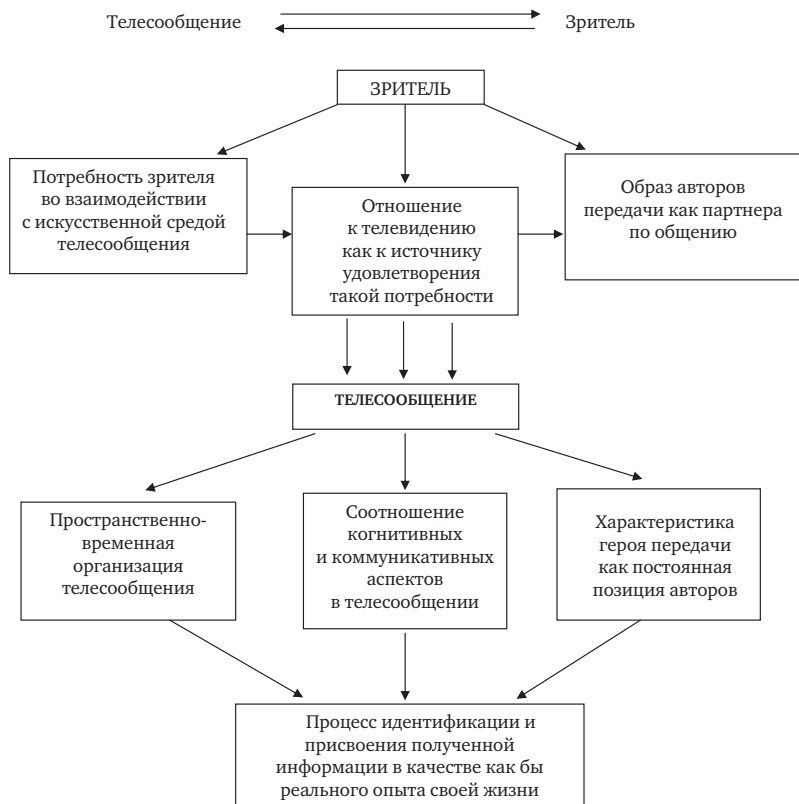
Спецификой телевизионного общения на этом этапе является:

- коллективный характер творческого труда при подготовке передачи. К зрителю обращается коллективный партнер по общению, однако лидером в этом коллективе является режиссер, и его индивидуальное представление о цели сообщения и предполагаемом образе зрителя определяет характер сообщения;
- публичность процессов взаимодействия авторов и героев передачи. Даже если во время съемки не присутствует никто, кроме съемочной группы, образ воображаемого многочисленного зрителя является реальным участником такого взаимодействия;
- индивидуальные и личностные особенности участников телесообщения превращаются в средство передачи информации, которая служит для интерпретации содержательных аспектов передачи;

- характер взаимодействия между режиссером и участниками передачи и их отношение к содержанию сообщения определяют коммуникативный аспект телесообщения и проявляются в выборе средств и форм воздействия в структуре телекоммуникации. Воздействие информационного сообщения на зрителя можно представить в следующей схеме (схема 2).

Схема 2

Структура коммуникативного акта на этапе восприятия зрителем телевизионного сообщения



На основе коммуникативного подхода нами проведен сравнительный анализ категориальной структуры восприятия разных видов телевизионного сообщения у различных групп индивидов, выявлены общие и дифференцирующие свойства их субъективных семантик. Впервые показано, что эффективность коммуникативного взаимодействия зависит от согласованности системы категорий, по которым строится образ «реального» и «идеального» телесообщения у участников взаимодействия. Базовыми категориями являются когнитивная проработка информации, эмоциональная насыщенность и коммуникативная символика как содержания, так и формы телесообщения, при этом особенности категориальной структуры образов телепередач разного типа определяет уровень вовлечения телезрителей в коммуникацию.

Исследование восприятия рекламных телевизионных сообщений, выполненных в традициях различных культур (американская, японская, английская, русская), выявило следующие категории восприятия: психологический комфорт, уровень культуры, разговорный дискурс, уровень соответствия нормам закона, динамичность и реалистичность образов героев.

Было установлено, что феномен популярности в телекоммуникации проявляется в том, что популярный телевизионный ведущий входит в круг «значимых других» для представителей зрительской аудитории, а непопулярный ведущий рассматривается в роли «делового партнера». Эффект популярности телепередачи и человека на экране состоит в том, что между автором и зрителем возникает единое эмоциональное и когнитивное пространство общения, которое практически нивелирует компонент опосредствованности в масс-медиа¹⁹.

Все это приводит к размыванию нормативов человеческого сообщества в информационном обществе, человек начина-

¹⁹ См. об этом подробнее: Матвеева Л. В. Общение в сфере телевидения. Автореферат дис. ... д-ра психол. наук. МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 2000; Матвеева Л. В. Психологические аспекты медиакоммуникации // Информация. Дипломатия. Психология. – М.: Известия, 2002. – С. 243–262.

166 ет искать базисные, устойчивые категории для самоидентификации и находит их в гендерных характеристиках, этнокультурной сфере и в духовной области, в частности в религии. В силу этого основными категориями анализа межкультурного информационного пространства являются этнические стереотипы и этническая картина мира, которая характеризуется прежде всего ритуалами, характером восприятия пространства и времени, системой ценностей и отношениями личности и общества. В частности, Г. Гофстед выделяет четыре уровня анализа этих отношений: уровень властной дистанции; характер избегания неопределенности; индекс индивидуализма; степень маскулинности/феминности²⁰.

Проблема информационной и психологической безопасности должна начинаться с определения и формирования концепции психологической границы информационной безопасности. Самым сложным здесь является то, что граница эта пролегает в ментальном пространстве субъективной реальности, где большая часть норм носит конвенциональный характер или характер табу как социальных запретов на поведение конкретных индивидов или групп индивидов в социуме. Поэтому границы информационной безопасности должны по содержанию носить психологический и этический характер, а по форме – характер правовых норм. Так, в частности, способы проявления чувств, форма мышления, характер волевой регуляции поведения, особенности вербальной и невербальной коммуникации являются уязвимыми точками для информационной агрессии иной культуры или иного мировоззрения.

В связи с вышесказанным мы можем выделить несколько типов границ психологической безопасности в информационном пространстве: биологический уровень – воздействие на человека может осуществляться с помощью изменений в технологии передачи аудиовизуальной информации через технические средства коммуникации; психофизиологический

²⁰ Hofstede, G. Value system in Forty Countries: Interpretation, Validation and Consequences for Theory // Cross-Cultural Contributions to Psychology / Ed. by L. Eckensberger et al. – Allblasterdam, 1979.

уровень – воздействие возможно через модификацию пространственно-временных характеристик сложных сигналов; собственно психологический уровень – воздействие осуществляется с помощью демонстрации определенных форм поведения индивидов, межличностного взаимодействия и характера реализации всех форм проявления человека; социальный уровень – воздействие может быть произведено с помощью трансляции различных форм группового поведения, отношения меньшинства и большинства, отношений лидера и общества в целом; духовный уровень – воздействие может быть осуществлено подменой базовых ценностей (добро/зло, должное/не должное, норма/патология) и модификацией сценарной основы мифологического уровня построения картины мира человека.

В настоящее время мы можем наблюдать размывание нормообразующих ценностей и категорий индивидуальной и коллективной картины мира в современном медиaprостранстве, по всем основным медиаканалам. Радио стало пространством разговорного дискурса, часто выходящего за рамки культурной и этической нормы речи, в то же время подбор большинства музыкальных произведений явно направлен на адресата, озабоченного, «как еще себя развлечь в течение суток». Интернет, наряду с информационными сайтами, предоставляет ресурсы для *ICQ*, для компьютерных игр явно не познавательного содержания и, наконец, для сайтов, которые могут служить удовлетворению психопатологических потребностей части населения планеты. Телевизионные передачи познавательного характера носят название «ток-шоу», т. е. разговор как развлечение, спектакль. Развлекательные передачи, в свою очередь, построены по международному сценарию, где отношения и действия героев определяются некоторой фабулой игры, причем игры, направленной на разрушение основных норм человеческого общежития. Так, передача «Слабое звено» разрушает социальную иерархию путем создания ситуаций, когда более слабый человек (пожилой, неумный, неумелый и т. д.) может быть изгнан из группы людей более успешных

168 и сильных. Передачи «Реал ТВ-шоу» производят метаморфозу с базовой для личности категорией «интимный/публичный»; «Кто хочет стать миллионером» и подобные передачи делают нас рабами алчности и потребности поживиться без особого труда, формируют установку надежды на «счастливый случай»; передачи «Окна», «Большая стирка», «Моя семья» предлагают сценарии антигероя, где герой как спаситель и герой как разрушитель уравниваются по субъективным ценностям. Передачи про магию возвращают нас в допотопные состояния коллективного менталитета, когда природа человека была извращена общением с падшими духами, а за это человечество уже было наказано вселенским потопом.

Страсть к лицемерию порочной стороны человеческой сущности стала одним из приоритетных направлений в информационных программах; кровавые сцены, агрессия, отклонения от биологической, психической и социальной нормы являются дежурными сюжетами в новостных передачах на многих каналах. Создается впечатление, что информация о мире является жутким «фоном» для «фигуры», в качестве которой выступает рекламная продукция, призванная как бы компенсировать человеку несовершенство его природы и окружающего жизненного пространства. В этом случае спасителями и пророками выступают работники СМИ и транснациональные корпорации.

Последний виток развития телевизионного зрелища может быть представлен передачами «Я готов на все» Д. Диброва, «Розыгрыш», новыми проектами Н. Фоменко. Содержанием такого рода передач являются пытки и мучения, которым добровольно подвергает себя человек – участник передачи – ради достижения определенных целей. Но вопрос не о тех людях, которые соглашаются ради денег участвовать в этих передачах, а о тех представителях рафинированной культурной элиты российского общества, которые придумывают и осуществляют подобные проекты как зрелище. Создается впечатление, что Рубикон информационно-психологической безопасности уже перейден.

В. Ф. Петренко

Истина и правда публичного слова¹

Если, согласно классической философии, наука служит истине, а искусство – красоте (прекрасному), то чему (или кому) служат журналистика и массовые коммуникации?

Может, тоже истине, стремясь отобразить многообразие жизни «так, как она есть»? Но что есть истина? Вопрос, заданный Иисусу Христу римским прокуратором Понтием Пилатом две тысячи лет назад, так и не имеет однозначного ответа. Согласно ленинской теории отражения и близкой ей западной «корреспондентной» теории истины, это форма соответствия нашего сознания объективному миру – тому, «что есть на самом деле». Теория отражения, как форма наивного реализма, подразумевает единственность истины и служит философским обоснованием «диалектическому материализму» и «социалистическому реализму». Другая трактовка понятия истины, принятая в математике и логике, представляет ее как систему тождественных преобразований. Альфред Тарский рассматривает доказательства в математике как последовательность тавтологических трансформаций исходных аксиом. Такая трактовка истины не слишком интересна в контексте работы массовых коммуникаций, ибо, согласно ей, человек, зачитывающий таблицу умножения, тем самым непрерывно изрекает истины. Глубокая трактовка истины как *пути* дана в даосизме и близка и христианству. Как писал Ю. Шрейдер, следует спрашивать не «Что есть истина?», а «Кто есть истина?». «Я есть путь и истина», – утверждал Христос, и истинный путь верующего христианина состоит в уподоблении и отождествлении с личностью Христа.

Понимание истины как возможности выбора между добром и злом, как в христианстве, между «суетой сует» и служе-

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-06-0029.

170 нием Богу, как в иудаизме, как верчение в колесе сансары или отречение от мирских влечений, просветление и уход в нирвану (в буддизме) подразумевает свободу и непрерывность пути (дао) духовного становления.

Но со смертью Бога (Ницше) и секуляризацией общества все чаще ставятся вопросы: «А есть ли истина?» – и даже появляются высказывания о том, что «истина – это категория мифологического мышления»².

Одной из таких философских систем, полагающих, что понятийный тезаурус классической философии и науки, включающий понятие истины, должен быть замещен другой системой понятий, позволяющей фиксацию позиции субъекта познания (научной, ценностной, социальной, эстетической и пр.), его познавательных средств и языка, является философия конструктивизма.

Теория конструктивизма

Термин *конструктивизм* (*constructivism*) используется в столь широких областях науки, культуры и искусства, что его можно рассматривать как омоним, за которым стоят совершенно разные словоупотребления. Тем не менее можно полагать, что есть нечто общее на уровне метафорических связей и соответствий в использовании этого термина в философии, психологии, социологии, математике, архитектуре, поэзии и живописи. И это общее – построение субъектом-творцом идеальных (как в математике или философии) или материальных (как в архитектуре) конструкций, исходя из функционально необходимых задач в деятельности. Например, в понимании Ле Корбюзье, «дома как машины для жилья» в архитектуре или конструкта (познавательного эталона) – как функционального элемента в построении модели мира, себя, других людей – в психологической теории личностных конструктов Дж. Келли.

² Назаретян А. П. Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. – 1995. – № 4. – С. 105–108.

Термин вошел в употребление в конце 1970-х гг. для обозначения теоретических и методологических установок в гуманитарных науках, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении «картины мира» данной культуры, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов в производстве научных знаний. Как философия познания, конструктивизм находится в скептической позиции относительно онтологических представлений классической науки.

Согласно методологическому принципу конструктивизма в философии, психологии, социологии (Дж. Келли, Ж. Пиаже, А. Шюц, К. Герген, П. Бергер, Т. Лукман, В. С. Степин, У. Матурана, Ф. Варела, Р. Ватславик, И. Глазерфельд), знания не содержатся непосредственно в объекте (в объективной действительности) и не извлекаются из нее в ходе «движения от относительной к абсолютной истине», а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут быть как альтернативными, так и взаимодополняющими. В этом плане конструктивизм стоит на позициях плюрализма, или множественности, истины и находится в оппозиции ленинской теории отражения и родственной ей «корреспондентной» теории истины (см. понятие *истины* у И. Т. Касавина)³.

Иллюстрацией противопоставления позиций конструктивизма и реализма, а также диалектического материализма может служить заочный спор двух выдающихся ученых: швейцарского психолога Ж. Пиаже, утверждавшего, что в логике выражается специфика деятельности субъекта и различные культуры могут иметь несовпадающие логики, и отечественного психолога П. Я. Гальперина, полагавшего, в полном соответствии с теорией отражения, что логика скрыта в самих объектах познания и их отношениях. Немецкий философ и культуролог О. Шпенглер в фундаментальной работе «Закат Европы» писал о существовании различных логик – о логике Аристотеля, арабской логике, логике индуизма.

³ Касавин И. Т. Истина // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – С. 169–172.

В рамках постнеклассической философии (термин В. С. Степина⁴), разновидностью которой выступает и методология конструктивизма, на продукт познания (концепции, теории, модели) влияют особенности не только объекта познания, но и субъекта познания (с его культурой, ценностно-мотивационной сферой и языком описания), а также специфика инструментов познания (начиная от органов чувств и перцептивных эталонов субъекта и заканчивая наличием сложных технических приспособлений, таких как электронный микроскоп, циклофазотрон или радиотелескоп). Операциональные (инструментальные) средства познания определяют каркас познавательных моделей, где, наряду с информацией, идущей от объекта (согласно классической науке, извлечь можно то, что позволяют органы чувств и инструментальные орудия⁵), в свернутой форме присутствует и ценностно-мотивационная составляющая познания (определяющая зону поиска и его ограничений) в конструировании моделей мира. Знания и информация о мире не тождественны. На знание о мире влияют культурно-исторические аспекты бытия познающего субъекта и понимаемый, в широком плане, его язык описания, зависящий от специфики лексики и грамматики естественного языка, от уровня развития математических формализмов и визуальных средств, включая кино, телевидение, Интернет. Образ, картина мира оказывается производной от ценностно-мотивационной сферы (единичного или коллективного) субъекта познания, степени развития и характера инструментальных средств познания, от модельного языка, в котором создаются образы познаваемого.

Понятие *конструктивизм* не имеет четко очерченных смысловых границ и не представляет собой некую авторскую концепцию. Это мировоззрение, скорее, реакция на наивный

⁴ Степин В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁵ В рамках философии интуитивизма, медитации и голографических моделей памяти допускается возможность и неопосредствованного познания вне обычных органов чувств.

реализм и вульгарный материализм. Этот концепт (термин Ж. Делеза) содержит ряд конструктивных идей, в том или ином сочетании встречающихся у целого ряда мыслителей и ученых.

Так, идея активности познающего субъекта проходит красной линией от И. Канта и Ф. Гегеля до отечественных вариантов теории деятельности (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Г. П. Щедровицкий) и основывается на идее возможности активного преобразования социального мира у К. Маркса: «Все философы занимались тем, что объясняли мир, а действительная задача состоит в том, чтобы преобразовать его»⁶.

Идея опосредующей роли языка в познании восходит к В. Гумбольдту, полагавшему, что «различные языки не разные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его»⁷, к идеям Э. Сепира – Б. Уорфа, сформулировавшим гипотезу «лингвистической относительности», в которой указывается на определяющую роль того или иного национального языка в особенностях мышления людей различных культур и в содержании их картины мира. Близка этой позиции и культурно-историческая теория Л. С. Выготского, подчеркивающая эволюцию человеческого познания и его обусловленность культурно-специфичными формами общественного сознания (образованием, наукой, искусством).

В рамках разделения «наук о природе» (естественных наук) и «наук о духе» (гуманитарных наук) в конце XIX века В. Дильтей ввел понятие «социальной реальности», которое затем получило широкое применение в работах А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, включавших в это понятие субъективные представления, элементы веры и вымысла.

«...Социальная реальность содержит в себе элементы веры и убеждения<...> которые ускользают от чувственного наблюдения. Для жителей Салема в XVII столетии колдовство

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1975. – Т. 40. – С. 53.

⁷ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 9.

174 было не обманом, а элементом их социальной реальности, и вследствие этого оно является предметом изучения общественной науки»⁸. Как полагают отечественные историки И. М. Савельева и А. В. Полетаев, «социальная реальность есть продукт человеческих действий, поэтому к знанию социальной реальности не применим тезис о предсуществовании объекта познания по отношению к познающим субъектам, который лежит в основе религиозного и естественнонаучного знания. С точки зрения феноменологической социологии, любое знание в некотором смысле тождественно самому объекту: объект – это существующие на данный момент коллективные представления о нем»⁹. Понятие конструируемой «социальной реальности», развиваемое социологами и историками, отрицающее «объективную» социальную действительность, близко понятию «психологической реальности» в работах В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили¹⁰, где навязчивым и патологическим процессам, выявляемым бессознательным, предубеждениям и иллюзиям также не отказывается в статусе психической реальности, ибо наличие их в сознании субъекта оказывает влияние на его деятельность и принимаемые им решения.

Идея того, что социальная реальность в значительной мере определяется тем, что мы думаем о ней, постепенно входит в общественное сознание через журналистику и масс-медиа. «Современная дипломатия, – пишет корреспондент «Новой газеты», – если она хочет быть эффективной в отстаивании интересов страны <...> должна принять законы телевизионного ньюсмейкерства. Широкие улыбки, остроумные,

⁸ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 487.

⁹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб: Наука, 2003. – Т. 1. Конструирование прошлого. – С. 97.

¹⁰ См., например: Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы психологии. – 1977. – № 7. – С. 109–125.

но незлые реплики, легкие и прямые аргументы – все то, от чего наших политиков почти физически тошнит. Это сильно противоречит нашему глубоко культурному стремлению разделять «на самом деле» и «на словах». Однако мир теперь живет словами, и они определяют то, что есть «на самом деле»¹¹.

Конструктивизм как миропонимание того, что познающий (единичный или коллективный) субъект создает модели мира, которые, по принципу кольцевой причинности, определяют ту социальную реальность, в которую он погружен, содержит ряд базовых идей, выдвинутых и развитых выдающимися гуманитариями.

Идея конструирования моделей в познании содержится в работах швейцарского психолога Ж. Пиаже, использовавшего язык логики и теории множеств для описания психологических когнитивных структур мышления, а также американского психолога Дж. Келли, определившего свою теорию «личностных конструктов» как «конструктивистский альтернативизм», подчеркивая тем самым множественность возможных моделей мира, себя, других людей. Келли рассматривает построение картины мира обычным человеком по аналогии с ученым, создающим гипотезы о мире и проверяющим их адекватность и корректирующим их. Важно подчеркнуть, что конструктивистский подход создает собственный язык (тезаурус) своей методологии. В рамках конструктивизма принято говорить не об истинности или ложности теории (модели), а о ее соответствии (или несоответствии) критериям научности и рационального мышления, научной картине мира, о ее конвергентной валидности в сопоставлении с теоретическими построениями смежных областей знания, о ее прогностической (эвристической) силе, о широте охвата круга феноменов, ею объясняемых, о ее внутренней непротиворечивости, лаконичности и даже красоте. Картина мира выступает не слепком с действительности, а одной из удобных форм ее описания. «Это карта, а не территория», – пишут основа-

¹¹ *Коровкин В.* Обама и мы // Новая газета. Свободное пространство. – 2008. – № 44.

176 тели нейролингвистического программирования Р. Бэндлер и Д. Гриндер¹². В рамках методологии конструктивизма понятие самой действительности можно рассматривать как сложную методологическую культурно-историческую конструкцию, где познающий субъект и его познавательные действия, получаемая эмпирическая фактология, ее осознание и теоретическое конструирование реальности, рефлексия субъектом собственного познания и его мотивов, влияние культурных стереотипов и представлений, влияние языка и «социальный заказ» в познании входят как единый контур в сложную динамическую систему познавательной деятельности, продуктом которой и является так называемая «объективная реальность», или «действительность».

Даже собственное я, ощущаемое человеком как безусловно достоверная реальность, как та «объективная действительность», с которой начинается день, стоит человеку только проснуться, в методологии конструктивизма рассматривается как сложная конструкция деятельности самосознания, включающая осознаваемые и бессознательные компоненты. Я конструирует не только свой автопортрет (образ я), но, обладая свободой выбора и совершая поступки, конструирует и самое себя. Нобелевский лауреат Д. Канеман выделяет я-переживающее (чувствующее) и я-интерпретирующее, творящее автобиографическую память как версию рассказа о собственном прошлом. В нарративной психологии и психотерапии (Дж. Брунер, Т. Р. Сарбин, Д. Макадамс) иная трактовка, иная версия собственного прошлого пациента, инициированная психотерапевтом, смена акцентов в выделении наиболее значимых событий жизненного пути ведет к изменениям и трансформациям личности пациента, психокоррекции его травмирующих и невротических переживаний. Автобиографическая память трактуется в нарративной психологии не как склад воспоминаний прошлого, застывших в своей неизменности, а, скорее, как динамический механизм, конструи-

¹² Гриндер Д., Бэндлер Р. Структура магии. – М.: КЛАСС, 1995.

рующий версии прошлого, исходя из актуальных задач настоящего и потребностей саморазвития личности.

Принцип множественности истины наиболее присущ постмодернизму (Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ж.-Ф. Лиотар), но его истоки можно найти в религиозной философии как Востока, так и Запада. Так, в буддизме, в частности, дается на эту тему поэтический образ: «То, что является рекой Ганг для человека, будет потоком гноя и нечистот для голодного духа и потоком амброзии для божества». И, как отмечает выдающийся отечественный востоковед Е. А. Торчинов, буддисты школы йогочары не считали возможным утверждать, что за этими субъективными «Гангами» находится некий объективный, «правильный» Ганг. Релятивизм познания можно найти уже у древних греков – в высказывании Гераклита о том, что нельзя дважды войти в одну реку. В позднем средневековье Фома Аквинский высказал мысль, что Истина для Бога гораздо полнее и объемнее, чем истина для человека. Сопоставление картины мира людей разных культур привело К. Леви-Брюля к заключению об отличии мышления людей примитивных культур от мышления современного человека и введению понятия «прологическое мышление». Различие мировосприятия, присущее людям разных эпох и культур, описано в трудах О. Шпенглера, французской исторической школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр), в работах А. Я. Гуревича. На формирующуюся методологическую парадигму конструктивизма, бесспорно, влияют теория относительности А. Эйнштейна и принцип «дополнительности» Н. Бора, учитывающие позицию наблюдателя (исследователя и интерпретатора) и постулирующие возможность сосуществования и взаимодополнения альтернативных теорий и моделей. Как полагает буддизм, альтернатива великой Истине тоже великая Истина.

Как показывает А. Вежбицкая¹³, не существует объективных, т. е. безличных высказываний, и высказывания типа «Смеркается» подразумевают наличие некоего субъекта, на-

¹³ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 59–75.

178ходящегося в некоторой точке пространства и времени, в восприятии которого осуществляется этот процесс. Позиция наблюдателя, его средства наблюдения, система ценностей и язык описания необходимо участвуют в построении познаваемой реальности. В этом плане можно сформулировать один из ведущих принципов конструктивистской парадигмы, согласно которой ученый не только изучает познавательную реальность, но и создает, конструирует ее.

Радикальный конструктивизм (конструкционизм, в терминах Гергена) идет дальше и, по мнению К. Кнорр-Цетиной, ученые замкнуты в пространстве лаборатории и производят там собственную «научную действительность», которая и является единственной научной реальностью.

Согласно базовому постулату Дж. Келли, «поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам тех конструктов, по которым происходит антиципация событий»¹⁴. Близкую мысль выразил С. Л. Рубинштейн в утверждении о «единстве сознания и деятельности». Система значений, категорий человеческого сознания опосредует восприятие и осознание социальной реальности. Введение новых понятий, трансформация категориальной сети мировосприятия, согласно принципу Дж. Келли, тем самым меняет и само человеческое поведение, что, по принципу кольцевой причинности, меняет, в свою очередь, и саму социальную реальность. Кеннет Дж. Герген выразил эту мысль следующим образом: «с точки зрения конструкциониста социально-психологическое исследование способно участвовать в сотворении новых форм культурной жизни. Разрабатывая новые теоретические языки, исследовательские практики, формы выражения и методы вмешательства, психология создает благоприятные условия для культурной трансформации»¹⁵. Действительно, в современных научных обществах научное знание представля-

¹⁴ Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов. – СПб: Речь, 2000.

¹⁵ Герген К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. – Минск: БГУ, 2003. – С. 43.

ет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В связи с этим, пишет социолог Н. Е. Покровский, сообщество ученых выполняет функцию не только экспертов, но и «драматургов» самого действия.

Если конструктивизм ставит под сомнение адекватность категории истины, как единственной формы интерпретации мира и бытия, современному многополярному, мультикультурному, плюралистическому миру, то, может быть, надо говорить о необходимости служения журналистики и средств массовой коммуникации *правде* – как субъективированной истине? Если классическая философия, вслед за теологией, признает единственность истины, как «того, что есть на самом деле», то категория правды подразумевает относительность истины и ее зависимость от позиции (социальной, гражданской, религиозной, эстетической и т. д.) самого наблюдателя или участника событий¹⁶. Как было представлено в одной из публикаций в газете «Правда»: «Правда всегда одна. Наша!». И, как полагает марксизм, она всегда имеет классовый (пристрастный) характер. Можно согласиться с этим по духу конструктивистским суждением о пристрастности человеческого познания и деятельности. В этом плане можно отметить, что сам марксизм в его ранних формах стоял на конструктивистских позициях, выдвигая задачу создания нового общества, нового человека и т. п. И этим задачам нового строящегося общества вполне соответствовали работы конструктивистов в области архитектуры, поэзии, живописи. Однако диктатура одного класса, партии (а по сути – ее верхушки) и репрессивного аппарата (ЧК, НКВД, КГБ) неизбежно привела к стагнации и загниванию, что проявилось в искусстве социалистического реализма как требование единственно правильного мироописания.

Так каковы же основные задачи массовой коммуникации, если проблема служения истине ставится под сомнение?

¹⁶ См.: Знаков В. В. Психология понимания правды. – СПб: Алетейя, 1999.

Может быть, информировать о текущих событиях? А может быть, обучать? А может, развлекать и отвлекать (от раздумий над экзистенциальными и политическими вопросами)? А может, наоборот, заставить читателя (зрителя) на время отвлечься от суеты сует этого бренного мира и найти время для раздумий на тему, кто я и зачем пришел в этот мир? А может, будить совесть («глаголом жечь сердца людей») и обличать неправые дела сильных мира сего? А может, задуматься: «А я-то чем лучше?» – и разбудить теплящееся сострадание? А может, пророчествовать и предсказывать возможные варианты еще не ставшего (не реализованного) бытия, чтобы попытаться отсечь неблагоприятные и катастрофические варианты сценария развития событий?

Помочь журналистике отрефлексировать смыслы и дать оправдание собственного существования могут близкие ей гуманитарные науки – философия и психология.

Журналистика смотрит на мир, говорит языком фактов, презентуя, описывая и исследуя социальную реальность с помощью ярких примеров, взятых непосредственно из жизни (*case study* в терминах психологии). Ее цель – обратить внимание читателя или зрителя на эту яркую, эмоционально насыщенную единичность, заставить его остановиться, осознать и осмыслить эти события в рамках его мировосприятия, а может быть, и, через шоковое воздействие, изменить в чем-либо, трансформировать его картину мира. Можно полагать, что одной из ведущих функций журналистики является рефлексия социальной жизни в рамках обыденного житейского сознания, осуществляющего обобщения на естественном языке национальной культуры. Единичное описание может выступать символом стиля жизни или жизненной позиции. Мы понимаем символ в духе Жана Пиаже, как наиболее яркого представителя целого класса сходных событий, реалий приватной и социальной жизни. Конечно, и журналист может подниматься до уровня философского осмысления мира, работая уже не с единичным, а с выраженным в понятиях, общим, становясь философским публицистом или социологом.

Проигрывая журналистике в яркости, эмоциональной насыщенности и образности мировосприятия, философия дает более обобщенную, системную картину мира, описывая его в категориях, несущих общественный опыт не только своей, но и мировой культуры, позволяет единичное наполнить всеобщим, проецируя на единичное культурно-исторический опыт общественного сознания (Л. С. Выготский).

Картина, образ мира – удобные формы дискурса, позволяющие вписать единичный образ, поступок, событие, сценарий в системный контекст мировосприятия. Каркас картины мира образуют такие категории восприятия физического мира, как *пространство, время, причинность, качество, количество, движение, вещество, материя, энергия* и т. п., и категории социальные (экзистенциальные), такие как *долг, вина, стыд, любовь, сострадание, справедливость, преступление, грех* и т. п. То есть категориями мы называем более общие значения (в терминах лингвистики – архисемы), которые имплицитно содержатся в более частных понятиях. Например, значение слова «прийти», помимо частных признаков (сем), таких как «способ передвижения», фиксация «самостоятельности действия», указание на его «законченность», позволяющих отличить это слово от близких к нему по смыслу (*идти* или *приехать*), содержит базовую категорию (архисему) «движение», подразумевающую перемещение в пространстве и времени. Картина мира, каркасом которой выступает система взаимосвязанных категорий, и является той системой отсчета, на соответствие которой оценивается верность единичного наблюдения или оценка его с точки зрения правды жизни. Так, входя в незнакомое помещение, мы ожидаем (и не задумываемся, а действуем автоматически), что потолок будет сверху, а пол снизу, а уступая место в метро престарелой женщине, не ожидаем агрессии с ее стороны. Маловероятны снег в июне и жара в январе, но тем не менее имеется возможность таких событий, и в силу этого наша «картина мира» имеет еще и вероятностный характер, позволяя количественно оценить возможность реа-

182 лизации того или иного физического события или жизненного сценария.

В качестве иллюстрации понятия «картина мира» можно привести одну дискуссию об обоснованиях онтологии существования. Кто-то из студентов взял под сомнение факт существования Америки, гипотетически предполагая, что это вымысел средств массовой коммуникации, сродни работе министерства «Правды» Оруэлла, публиковавшего героическую историю несуществующего солдата. Изо дня в день министерство «Правды» развивало миф о подвигах героя, повышало его в званиях вплоть до его героической смерти. В рамках логики сконструированного мифа можно даже обнаружить на воинском кладбище скромную могилу героя и возложить к ней цветы. Спрашивается, а как можно верифицировать (подтвердить или опровергнуть) гипотезу о существовании Америки, если вы не имели возможности непосредственно наблюдать сей объект? Студенты бурно дискутировали на тему возможности эмпирического доказательства «бытия Америки», забыв о категории «картины мира», которую они вроде бы должны были уже усвоить на семинарах по психологии. Действительно, большинство наших знаний о мире не были получены в нашем непосредственном личном опыте (и эмпирически не верифицируемы), а усвоены нами в школе, в общении с себе подобными, взяты из книг и художественных фильмов, из полученных родителей и из средств массовой коммуникации. Не подвергаемый эмпирической проверке единичный факт тем не менее оценивается с точки зрения его соответствия нашей целостной картине мира. И если вы вдруг наблюдаете появление нечто из ничего («чертика из табакерки»), то вы скорее поставите под сомнение ясность своего сознания, чем на основе эмпирического опыта подвергнете сомнению закон сохранения вещества. Но если ваша картина мира сформирована, в том числе и на основе религиозных текстов, то возможность, например, превращения даваемой при причастии облатки в частицу плоти Спасителя будет оцениваться как форма таинства (или чуда) и не будет подвергаться сомнению. Картина

мира включает в себя и ценностные (аксиологические) компоненты. Верить в разумность бытия или полагать его абсурдность, быть творцом или потребителем, служить или прислуживать, быть или иметь – дело выбора и веры. Исходя из аксиологических компонентов картины мира, субъект налагает на него систему смыслов, задающих координатную сеть (параллелей и меридиан) в выборе направления в плавании по морю бытия.

Задача журналистики – направить в нужную (вопрос – кому?) сторону трансформацию картины мира зрителя (читателя) и, изменяя картину мира, а тем самым и систему смыслов человека, влиять на принятие им решений, на его поступки и поведение. Но здесь возникает вопрос о векторе направления коммуникативного воздействия средств массовой коммуникации. Один из ярких философов современности Пол Фейерабенд, исходя из сформулированных им позиций «эпистемологического анархизма» вопрошает: «Не лучше ли будет всем традициям, придающим смысл жизни людей, предоставить равные права независимо от того, что думают о них представители других традиций? Не должны ли мы требовать, чтобы идеи процедуры, придающие смысл жизни людей, были сделаны полноправными членами свободного общества независимо от того, что о них думают представители других традиций?». И далее он продолжает: «Имеется немало людей, истолковывающих такие вопросы как призыв стать на позиции релятивизма. Переходя на язык своих любимых терминов, они справедливо спрашивают нас, не хотим ли мы ложь уравнивать в правах с истиной или относиться к снам столь же серьезно, как к восприятию реальности; <...> подобного рода инсинуации использовались в защиту единственного способа мышления и деятельности, с тем чтобы исключить все остальное»¹⁷. Соглашаясь с духом, но не буквой последнего абзаца Фейерабенда, мы могли бы отметить, что позиция релятивизма, после разработок Альберта Эйнштей-

¹⁷ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1986. – С. 511.

184 на, показавшего относительность измерений в зависимости от системы отсчета наблюдателя, вовсе не требует от ее сторонников необходимости оправдываться, а категория «реальности», которой Фейерабенд противопоставляет сны, – не менее культурно-исторически детерминированная конструкция, чем те же сны, детерминированные, как показал Зигмунд Фрейд, проективными механизмами защиты личности и в этом плане отражающие психическую реальность, не менее «реальную», чем физическая реальность.

И если мы стоим на позициях плюрализма истины, то на основе каких ценностных ориентиров выстраивать, конструировать свою версию происходящего, понимая, что это только одна из возможных позиций описания? Фейерабенд выдвигает два принципа, которым следует развитие культуры и науки. Один из них – принцип пролиферации, т. е. умножения конкурирующих и даже альтернативных друг другу гипотез («допустимо все»). В духе высказываний Мао Цзэдуна это звучит как «пусть цветут все цветы». А другой – принцип «теоретического упорства», требующий от сторонника той или иной гносеологической позиции твердости в ее отстаивании. Этот принцип напоминает ситуацию с Арджуной из великого индийского эпоса «Бхагавад-Гита». Великий воин Арджуна на поле битвы Курашетра сокрушается, что ему придется сражаться как с другими достойными войнами, так и с родственниками, принявшими противоположную сторону в битве. Не лучше ли самому погибнуть, но не пролить крови достойных мужей? – вопрошает Арджуна. Ему в образе возничего отвечает сам бог Кришна: «Мудрец не скорбит ни о живых, ни о мертвых... Душа не рождается и никогда не умирает. Она не погибает, когда убивают тело. Сражайся, относясь одинаково к счастью и горю, к потере и приобретению, к победе и поражению. Так ты избежешь греха». Долг воина – сражаться, а журналист (если он журналист, а не продажный «журналюга») также является воином, поле битвы которого – ментальное пространство.

Механизм же конкурентной борьбы различных позиций Фейерабенд видит в свободном, ничем не ограниченном диа-

логе. Применительно к массовым коммуникациям можно интерпретировать это как необходимость свободы слова и плюрализм возможных точек зрения. С точки зрения генетической психологии Жана Пиаже, развитие интеллекта связано с так называемой децентрацией, т. е. способностью менять, как говорят физики, систему отсчета. В социальном плане это связано с умением встать на позицию другого, мыслить в системе иных категорий. Так, маленький ребенок легко найдет фотографию макета здания, снятого с его места восприятия. Но на просьбу экспериментатора найти фотографию этого же макета, но снятого с позиции сидящего напротив него ребенка, опять выберет ту фотографию, которая снята с его позиции. Аналогично на вопрос, есть ли у тебя братик или сестренка, ребенок может дать положительный ответ, но отрицать наличие брата (т. е. его самого) у своей сестренки или братика. Таким образом, маленький ребенок не справляется с задачей встать на позицию другого и увидеть мир глазами другого. Так называемые психологические «тренинги общения», «тренинги сензитивности», «тренинги духовного роста» развивают эту способность – встать на позицию другого и увидеть мир его глазами (осуществить децентрацию), и тем самым способствуют увеличению когнитивной сложности и многомерности сознания человека.

Но можно задать вопрос: чем, в этическом плане, ограничиваются возможные точки зрения и где границы плюрализма? Принцип «пусть цветут все цветы» можно дополнить (опять же изречением Мао Цзэдуна) ограничением: «кроме сорняков». Человечество за последние более чем две тысячи лет выработало систему базовых этических ограничений, полученных в форме скрижалей Моисеем и разделяемых, по крайней мере, тремя мировыми религиями: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй и т. д. Сходные позиции, расширяющие эти положения и на мир всех живых существ, присутствуют и в буддизме. Так, базисное, с точки зрения иудаизма, суждение «не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе» разделяется и в буддизме, и в христианстве, и в

186 исламе. Другое дело, что, принимая это как идеал, в реальной практике люди ограничивают его применение только кругом себе подобных, единомышленников и единоверцев. Как писал историк Б. Ф. Поршнев, в истории человечества не было каннибализма (хотя мы знаем противоположное), ибо тот, кого съедали, не считался человеком для того, кто съедал. В кругу японских военных преступников-врачей, проводивших вивисекцию на живых людях (военнопленных США и мирных гражданах Китая), приказом было запрещено называть последних людьми, и их обозначали, стремясь максимально деперсонализировать, как «бревна».

Великое изречение Христа «Нет грека и иудея, а есть христианин» до сих пор игнорируется, и православный священник благословляет «православное воинство», католические и протестантские капелланы освящают «новый крестовый поход во имя демократии», а исламский аятолла призывает к новому «джихаду против неверных». Подчас это шовинистское по сути мировосприятие обретает гротескно-комическую форму. В телевизионном интервью один из российских спортсменов, участник Олимпийских игр, представитель отнюдь не самого агрессивного вида спорта, выразил это следующим образом: «Россия – великая страна! Всех порвем!!!» Отметим, что средствами массовой коммуникации подобные сентенции часто преподносятся чуть ли не с умилением, как свидетельство патриотической позиции говорящего. А ведь патриотичность, как идентичность на уровне национальности или гражданства, т. е. на более низком уровне иерархии, чем общечеловеческая идентичность, может успешно объединять людей, стимулируя к исполнению задач, поставленных государством, но никоим образом не должна противопоставляться общечеловеческим ценностям.

Обсудив философско-методологические проблемы плюрализма истины, конструирования социальной реальности и картины мира, имплицитно присутствующие в работе средств массовой коммуникации, перейдем к средствам описания «картины мира», создаваемой средствами массовой коммуни-

кации, и методам оценки эффективности коммуникативного воздействия с помощью психосемантического подхода, развиваемого в психологической науке.

Психосемантические методы исследования картины мира субъекта

Журналист дает свою интерпретацию того или иного политического, социального, экономического события, события культуры и искусства; берет интервью у известной, малоизвестной или совсем неизвестной личности и доносит свои представления о жизни, о людях до многотысячной аудитории, что-то меняя в их картине мира, в их сознании. Но для того чтобы оценить эффективность коммуникативного воздействия, нужны операциональные методы оценки изменения картины мира читателей, средства описания их содержания сознания. Этим занимается психосемантика – область психологии, изучающая содержание и функционирование индивидуального и общественного сознания.

Понятие сознания имеет тысячелетнюю историю, истоки которой можно найти как в ведийских гимнах и буддийских сутрах и шастрах древней Индии, так и в философии Древней Греции. И греки, и индусы сознание понимали широко, и относя к нему процессы восприятия и мышления (как буддисты), и включая в объем этого понятия сны, пророчества, формы измененного состояния сознания. В Новое время европейская культура, многое утратив из духовного опыта древних, тем не менее сделала понятие *сознание* смысловым стержнем европейской философии. Основным методом изучения сознания в европейской культуре было и остается самосознание и интроспекция (самонаблюдение). Казалось очевидным, что содержание сознания наиболее доступно внутреннему взору познающего субъекта и что собственные мысли и чувства наиболее представлены внутреннему взору человека.

Но Зигмунд Фрейд открыл и эмпирически доказал существование неосознаваемых мотивов, желаний, влечений. В гипнотических экспериментах, проводимых совместно с

188 гипнотизером Э. Бюргеймом, он обнаружил, что внушенный гипнотизером пациенту приказ совершить то или иное действие может не осознаваться последним, и он не помнит ситуацию внушения, но тем не менее выполняет внушенное требование. Не зная истинных причин своего поступка, пациент заполняет вакуум незнаемого вымышленным мотивом, в который искренне верит. Фрейд показал также, что в области бессознательного помимо неосознаваемых мотивов присутствуют и вытесненные в бессознательное воспоминания пациента, которые стали недоступны сознанию в силу того, что эти воспоминания снижают самооценку человека и вызывают травмирующие личность переживания.

Таким образом, в психологии двадцатого века под влиянием психоанализа стали выделять область сознания и бессознательного. В философии же сохранилась более широкая трактовка понятия сознания, и когда говорят о содержании общественного сознания, то включают туда и сознательные, и бессознательные компоненты. Понятие сознания в философской традиции оказалось близким понятию «картина мира», пришедшему из культурологии (О. Шпенглер, А. Я. Гуревич) и сегодня широко употребляющемуся в психологии. Понятие «картина мира» удобно для описания менталитета человека и общества тем, что содержит целостную структуру знания человека о мире, включающую как осознаваемые (понятийно выраженные), так и неосознаваемые и плохо осознаваемые (установки, стереотипы, психические состояния, верования и т. п.) компоненты.

Методом и формой представления содержания сознания, или «картины мира», в психологии выступает экспериментальная психосемантика, использующая математический аппарат многомерной статистики (факторный, кластерный анализ, многомерное шкалирование, а также структурное моделирование) для построения семантических пространств, выступающих операциональными моделями сознания.

В качестве примера построения семантического пространства и демонстрации принципа оценки эффективности

коммуникативного воздействия приведем пример оценки испытуемыми достоинств мобильных телефонов.

**Пример эмпирического исследования:
оценка коммуникативного воздействия
рекламы мобильных телефонов**

Объектами оценки были различные средства коммуникации: стационарный телефон, мобильный телефон, факсимильный аппарат, радиоприемник, телевизор, компьютер. Входящий в оцениваемый набор объектов мобильный телефон предьявлялся в трех вариантах: нейтральном (мобильник), сопровождаемом позитивной рекламой (мобильник +), сопровождаемом негативной рекламой (мобильник –). В позитивной рекламе подчеркивалась жизненная необходимость мобильного телефона для общения как на работе, так и в частной жизни. Отмечалось, что слабое электромагнитное поле активирует жизненные функции организма. Негативная реклама подчеркивала безусловную вредность исходящего от мобильного телефона излучения, вредность для работы головного мозга даже слабого электромагнитного излучения, ведущего в некоторых случаях к раку головного мозга.

Респондентов просили оценить перечисленные средства передачи информации по семибалльным градуальным шкалам. В инструкции говорилось: «Оцените, пожалуйста, насколько данные качества присущи данным объектам. Если данное качество максимально характеризует объект, то Вы ставите число 3, если максимально присутствует противоположное (антонимическое) качество, то ставите -3. Если данное качество не характеризует данный объект, то ставите 0. Используйте весь диапазон градуальной шкалы (+3 +2 +1 0 -1 -2 -3)».

Шкалы (качества), по которым оценивались объекты, характеризовали полезность, престижность каждого средства получения информации, его стоимость, простоту овладения и т. п.

Обработка данных: индивидуальные матрицы данных (8 объектов, оцененных по 18 шкалам) суммировались в

190 групповую матрицу данных, которая подвергалась процедуре факторного анализа (напомним, что данный пример иллюстративный и выборка респондентов не репрезентативна). В результате факторного анализа было выделено четыре значимых фактора. Полученные результаты представлены на рис. 1 и рис. 2.



Рис. 1. Семантическое пространство средств информации Ф1, Ф2

Первый фактор был образован следующими качествами: *хороший подарок, красивая вещь, дорогой, престижный*. Можно назвать его фактором «Престижность». Наиболее престижными оказались телевизор и компьютер. Наименее престижными – стационарный телефон и факс, очевидно, из-за относительно невысокой стоимости и доступности. Как можно видеть на рис. 1, позитивная и негативная реклама не оказали особого влияния на оценку мобильного телефона по этому фактору.

Второй фактор включал качества: *необходим для работы, необходим в быту, дает свободу в выборе информации, создает комфорт*. Назовем его фактором «Полезность». Наиболее полезными оказались компьютер и стационарный телефон, мобильник + (с позитивной рекламой) занял третье место по этому фактору.



Рис. 2. Семантическое пространство средств связи Ф3, Ф4

Третий фактор включал качества: *опасен для здоровья, нервнрует*. Назовем его, по имени качества, набравшего максимальную факторную нагрузку, фактором «Опасность для здоровья пользователя».

И без дополнительной рекламы в наибольшей степени представляющим риск для здоровья пользователя признан мобильный телефон. Негативная реклама только усилила отрицательную оценку по этому фактору.

Четвертый фактор был назван «Сложность использования» и включал качества *сложен в употреблении, требует обучения*. Сложными воспринимаются компьютер и факс.

192 Наиболее простыми в использовании оказались стационарный телефон, радиоприемник и телевизор. Мобильник занимает нейтральную по этому фактору позицию, и слабый эффект коммуникативного воздействия мы видим (рис. 2) только для позитивной рекламы.

Вывод. Как позитивная, так и негативная реклама вызвала коммуникативный эффект, выразившийся в изменении отношения респондентов к мобильному телефону, причем не только по фактору «Опасен для здоровья пользователя», бывшего, собственно говоря, предметом обсуждения в рекламном тексте, но и по другим содержательным факторам – аспектам оценки средств передачи информации (факторам «Полезность», «Престижность», «Сложность в использовании»).

Ознакомившись на примере семантического пространства средств коммуникации с формой представления обыденного сознания в психосемантике, обсудим в общем виде методы и принципы построения семантических пространств как операциональных моделей сознания.

Известные американские психологи Дж. Брунер и Р. Тагиури ввели понятие «имплицитные модели личности», означающее, что у каждой личности (субъекта) имеются некие знания (как правило, плохо структурированные и мало рефлекслируемые, если, конечно этот человек не является специалистом в данной конкретной области). Каждый человек, даже не изучавший экономику, является стихийным или житейским экономистом, потому что он планирует свой бюджет, оценивает разумность тех или иных трат или форм подработки. Значит, у него имеются некие представления об экономических механизмах, о последствиях того или иного решения для состояния его финансов и т. д. Каждый человек, даже не изучавший психологию, является житейским психологом, так как имеет собственную типологию окружающих его людей и создает собственный стиль общения с ними. Каждый человек, даже не изучавший уголовный кодекс, является житейским правоведом, так как интуитивно чувствует, является ли некое деяние уголовно наказуемым или нет. Каждый человек,

даже не изучавший этику как научную дисциплину, является стихийным этиком, интуитивно чувствуя, что один поступок этически безупречен, а в другом есть некий моральный изъян. Можно продолжить это перечисление областей «имплицитных моделей» в самых разных сферах человеческого познания и бытия. Отличительной особенностью таких имплицитных моделей является их малая рефлексивность (осознанность) и плохая структурированность.

Формой извлечения и реконструкции этих имплицитных моделей человека в самых разных областях знания и бытия являются так называемые семантические пространства. Пример семантического пространства на материале средств связи уже дан нами выше. Семантическое пространство через сочетание фиксированного набора категорий описывает (задает) любое значение. Этот подход восходит уже к идеям Спинозы, пытавшегося определить любые эмоциональные состояния через две категории: *хорошее/плохое* и *случится наверняка/маловероятно*. Например, чувство страха мы испытываем в ситуации, когда может произойти что-то плохое, но не обязательно наверняка; а отчаяние – когда плохое и наверняка. Аббат Луций в 16 веке, надев на стержень концентрические круги, на которые были нанесены названия базисных категорий, предполагал, раскрутив эту своеобразную многомерную рулетку, получать любое значение через сочетание этих категорий.

В двадцатом веке метод семантического дифференциала, как наиболее простую форму семантического пространства, разработал Ч. Осгуд, в ходе изучения синестезии (кроссмодальных связей различных органов чувств – психологического механизма, лежащего в основе таких феноменов, как цвето-музыка, цветовой, графический и звуковой символизм и т. п.). Другим создателем психосемантики является Дж. Келли, разработавший метод «репертуарных решеток» для изучения того, как меняется система познавательных конструктов в ходе психотерапии. Конструктом Келли называет некий познавательный эталон, образованный сочетанием признаков.

194 Например, маленький ребенок может полагать, что грязная рубашка теплее, таким образом соединяя два относительно независимых качества в единый конструкт. В суждении «В великом знании – великая печаль», взятом из книги «Экклезиаст», заложен один смысловой конструкт, а в суждении Франклина «Знание – сила» – другой. Этнические или социальные стереотипы, с нашей точки зрения, также представляют собой многомерные конструкты.

Отдельные конструкты взаимосвязаны, или, говоря языком математики, коррелируют друг с другом, образуя категории (или, на языке математики, – факторы). При геометрическом представлении семантических пространств обобщенные категории-факторы выступают осями многомерного пространства, а оцениваемые объекты задаются как коннотативные значения – координатные точки внутри этого пространства. Эти коннотативные значения, отражающие смыслы субъекта по поводу оцененных объектов, выступают ориентировочной основой для процесса эмпатии, вчувствования интерпретатора в картину мира респондента (или испытуемого).

Отдельные параметры семантического пространства соответствуют отдельным аспектам когнитивной организации сознания респондента. Так, число независимых факторов, выделенных в психосемантическом исследовании, соответствует когнитивной сложности сознания респондента. Сознание человека гетерогенно, и человек может иметь высокую когнитивную сложность, скажем, в физике или психологии, дифференцируя (различая) людей по множеству оснований, и низкую когнитивную сложность, например, в политике, сводя в рамках черно-белого сознания многообразие политических сил к «своим» и «чужим». Обучение тем или иным наукам, психологические тренинги ведут к увеличению когнитивной сложности субъекта в соответствующих областях знаний, а сильные эмоции и аффекты, наоборот, ведут к уплощению семантического пространства, к уменьшению его размерности. Это, кстати, объясняет и неожиданную символику поэзии, психоаналитических сессий и сновидений, когда в результате пережитых

аффектов и, соответственно, уплощения семантических пространств значения самых разных объектов, принадлежащих к разным семантическим областям, оказываются коннотативными синонимами и выступают метафорами друг друга (см. статью В. Петренко и Е. Коротченко в этом сборнике). Другим параметром семантического пространства, отражающим когнитивную организацию сознания, выступает мощность выделяемых категорий-факторов. Мощность фактора отражает субъективную значимость данного основания категоризации для субъекта. Так, например, у человека-карьериста при оценке других людей будет мощным фактор социального статуса этих людей, а у монаха-отшельника, живущего вне социальной суеты, это измерение людей будет исчезающе мало или вовсе отсутствовать, зато фактор духовности вряд ли проявится у карьериста. Таким образом, параметры семантического пространства (его размерность и мощность выделяемых факторов, их корреляции, образующие базисные суперконструкты, а главное – облако смысловых коннотаций) задают ту ориентировочную основу эмпатийного сопереживания, которое позволяет исследователю понять мировосприятие другого человека.

Оценка эффективности коммуникативного воздействия в рамках психосемантического подхода осуществляется через сопоставление семантического пространства респондента *до* и *после* коммуникации.

Можно выделить возможные формы трансформации семантического пространства респондента и, соответственно, формы изменения его «картины мира». Слабое воздействие может проявиться в изменении позиций координат объектов (и, соответственно, отношения субъекта к этим объектам) в семантическом пространстве. В нашем примере – воздействия рекламы на отношение к мобильным телефонам – рассмотрен именно такой случай, когда коммуникативное воздействие рекламы привело к изменению позиции исследуемого объекта по отношению к другим средствам связи.

Более сильный эффект вызывает увеличение или уменьшение мощности того или иного основания категоризации,

196 когда семантическое пространство, как резиновое, растягивается (или сжимается) по оси фактора, содержание которого затронуто в публикации (передаче или художественном произведении).

Наиболее сильные эффекты коммуникативного воздействия проявляются в изменении как размерности семантического пространства (числа значимых категорий-факторов), так и в самой конфигурации базисной системы суперконструктов, выступающих категориальными осями семантического пространства. Эти сильные эффекты проявляются только в такой коммуникации, которая вызывает сильнейшее переживание, буквально меняет мировоззрение человека.

Раздел II

ЧЕЛОВЕК ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭРЫ



Е. Л. Вартанова

От человека социального – к человеку медийному? К вопросу о влиянии СМИ на аудиторию

Роль СМИ в современном обществе трудно переоценить. Сегодня масс-медиа выступают важнейшим средством воздействия на общественное и индивидуальное сознание, политическую жизнь и культуру; они оказывают огромное влияние на экономику – и в сфере производства, и в сфере потребления. Посредством рекламы СМИ становятся как инструментом, стимулирующим потребление, так и важнейшим каналом распространения информации о новых товарах и услугах. В XXI в. средства массовой информации стали одним из ключевых политических институтов общества, значимым сегментом современной экономики и важным инструментом организации свободного времени человека. Прямое воздействие на это оказало увеличение информационных потребностей современной аудитории, ее запрос на контент СМИ, представляющий собой целый комплекс разнообразных интересов – в политических и общественных новостях, в финансовой аналитике, в мнениях лидеров общественного мнения или представителей референтных групп, в развлечениях и досуге.

Оказавшись в центре свободного времени современного человека, масс-медиа начали оказывать влияние на его социальное поведение, индивидуальные психологические особенности, характеристики личности. Эти заметные без специальных исследований последствия позволяют предположить, что социальные проявления человека меняются под воздействием расширяющейся и усложняющейся медиасреды, а сам он все больше погружается в эту среду, становится зависимым от нее.

Аудитория СМИ: теоретические подходы

Аудитория в экономике СМИ рассматривается одновременно и как потребитель, и как продукт. Это важная особенность медиаиндустрии, которая отличает ее от других индустрий, превращая масс-медиа в сдвоенный рынок товаров и услуг. Товаром на нем выступает содержание, а услугой – «предложение» аудитории рекламодателям.

Изменения в обществе, происходившие со второй половины XX в., существенно преобразовали и аудиторию СМИ. По существу, речь идет о возникновении у последней качественно новых характеристик, обусловленных развитием экономики, культурной и образовательной систем, процессов внутриполитического и глобального характера. Природа современного постиндустриального, или, в терминах ряда исследователей, информационного, общества существенно преобразуется: массовое промышленное производство в экономике сменяется производством, направленным на учет нужд отдельных потребителей. Его все чаще называют производством кастомизированным, то есть четко ориентированным на клиента. Управленческие схемы уходят от жесткой иерархии к гибким сетевым структурам, в бизнесе существенно возрастает роль коммуникации и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), превращающихся в обязательный элемент производства. Все это напрямую отражается и на экономике СМИ. В формирующемся информационном обществе основная часть производства сосредотачивается в нематериальной сфере, возникающий в процессе этого кластер индустрии содержания, в котором основное место занимает индустрия СМИ, приобретает одну из ключевых ролей.

Индустрия содержания (вероятно, более точным, хотя и более неуклюжим переводом с англ. термина *content industry* (-ies) было бы выражение «индустрия производства содержаний») формируется под непосредственным воздействием прогресса ИКТ. Он ведет к увеличению числа медиаканалов и медианосителей, распространяющих содержание СМИ. С другой стороны, становление индустрии содержания есть

прямое следствие процессов социальной трансформации, при котором внутри современного общества – на основе новых признаков (экономических, геодемографических, образовательных, гендерных, стиля жизни) – выделяются новые социальные группы. Отвечая на информационные запросы этих сегментов аудитории, индустрия содержания начинает производить более индивидуализированные, учитывающие запросы отдельных потребителей продукты, что способствует дальнейшей фрагментации аудитории. В результате размываются традиционные основы экономики СМИ, связанной с конструированием массовой аудитории для последующей организации доступа к ней рекламодателей – производителей товаров массового потребления.

Следовательно, аудитория – и в социальном, и в экономическом отношении – это то, ради чего существуют СМИ. Однако это очевидное положение часто игнорируется или сознательно затушевывается как владельцами, журналистами, так и теми, кто на них оказывает влияние. Широко распространено их мнение о пассивности аудитории, ее готовности воспринять все, что СМИ ей предлагают. Правильность его сомнительна, однако во многих странах «власти предрержащие», как, впрочем, и те, кто определяют стратегии отдельных медиакомпаний, продолжают так думать.

В теоретических исследованиях взаимоотношений СМИ с аудиторией описывается множество концепций, которые, однако, сводятся к небольшому набору базовых теорий. В их основе лежит линейная модель коммуникации К. Шэннона – У. Уивера, которые схематично представили процесс передачи сообщения. От источника информации оно попадает в передатчик, преобразующий (кодирующий) его в сигнал, передаваемый приемнику, который может быть как самим адресатом, так и его декодирующим устройством. Эта модель предполагает, что в процессах передачи сигнала присутствуют шумы и помехи, которые также могут сопровождать процессы кодирования сообщения на этапе передачи и декодирования – на этапе его приема. Адресат (т. е. аудитория) в данной

202 модели рассматривается как пассивный элемент системы, и принцип обратной связи, а также возможность выбора источника сообщения и канала его получения в модели не разрабатываются.

Основные направления последующих исследований (модели Б. Уэтли – М. Маклейна, У. Шрамма) обратили особое внимание на обратную реакцию адресата, на его интерпретирующую роль в самом коммуникационном процессе и в декодировке сигнала. Согласно взглядам этих авторов, массовая коммуникация – это саморегулирующийся процесс, который направляется интересами и запросами аудитории (понятие *спроса*), формирующимися в ответ на *предложение* со стороны СМИ. Как видим, значительное влияние на эти модели оказала рыночная философия, которая, правда, может и выпустить из внимания общественную составляющую массовой коммуникации.

Сегодня очевидно, что процесс массовой коммуникации ни в коем случае не однолинеен. Напротив, он подвергается многочисленным воздействиям со стороны аудитории – на источники информации, на журналистов (кодировщиков и декодировщиков сигнала), на сам сигнал и на технологии его передачи. Важно, что, исходя из линейной модели коммуникации, модели Б. Уэтли – М. Маклейна и У. Шрамма, исследователи все-таки обратили особое внимание на реакцию реципиента, то есть на факт удовлетворения аудитории как на важнейший индикатор эффективности массовой коммуникации. Эти модели были с большим энтузиазмом восприняты американскими исследователями массовой коммуникации. Опираясь на реалии СМИ в условиях рынка, они обратили особое внимание на процесс восприятия аудиторией рекламных сообщений, ее последующую реакцию на рекламу, выразившуюся в акте покупки рекламировавшихся товаров и услуг. Правда, в нормативных теориях СМИ – от авторитарной до социально ориентированной, обосновывавшей западноевропейскую концепцию общественного вещания, – необходимость учета интересов аудитории отошла на второй план. Это прежде все-

го объяснялось важностью тех задач, которые общество (или его элиты) ставили перед СМИ.

На протяжении всего XX в. аудитория представляла большой интерес для исследователей СМИ. Причина этого, не единственная, но ключевая, заключалась в том, что в странах с рыночной экономикой между аудиторией и потребителями ставился знак равенства, и рекламодатели были напрямую заинтересованы в знании своих потенциальных покупателей. Но нет сомнений в том, что и в социалистических странах как объект изучения аудитория вызвала не меньший интерес. В условиях идеологически детерминированных режимов политики представляли своего рода рекламодателей, поскольку именно они фактически финансировали медиаиндустрию в условиях плановой экономики, которую часто называют «номенклатурным капитализмом».

После Второй мировой войны в разных странах было проведено множество исследований аудитории через призму тех эффектов, которые на них оказывают СМИ. Сегодня эта область, пожалуй, предстает одной из наиболее разработанных. От теорий «магического снаряда» и «подкожной иглы» к теории ограниченных эффектов и снова к теориям масштабных воздействий, планируемых и непланируемых эффектов – такой многоступенчатый путь прошли исследования эффектов СМИ с начала 1920 гг., когда Г. Ласуэлл и У. Липманн заложили основы изучения этих эффектов.

Однако в целом, несмотря на многочисленные попытки изучить ответные реакции аудитории, исследователи СМИ относились к аудитории достаточно схематично. Она не воспринималась ни как активный элемент, ни как сложносоставная общность, ни как среда, в которой действуют СМИ. Лишь с формированием экономики, ориентированной на потребителя, со структурированием общества под воздействием демографических, политических, образовательных процессов, с ускорением прогресса технологий, вызвавшим реструктуризацию СМИ и изменения в поведении аудитории, стала очевидной необходимость более внимательного анализа послед-

204 ней. Рассмотрим подробнее те процессы, которые существенно изменили современную аудиторию масс-медиа.

Возросшая в XX в. зависимость общества от информации обращает особое внимание на интересы и поведение аудитории – различные сообщества людей, для которых и существуют СМИ. На рубеже 1950–1960 гг. исследователь Д. Смайт выдвинул гипотезу о том, что главным «товаром» СМИ является аудитория. Он полагал, что медиаиндустрия возникает только тогда, когда медиакомпании конструируют и производят аудиторию СМИ, доступ к которой затем продается рекламодателям. Д. Смайт указывал, что в условиях рынка происходит размывание границ между такими сторонами жизни человека, как «работник» и «покупатель», и в рабочее время наемные работники занимаются производством предметов потребления, а в нерабочее сами становятся продуктом потребления рекламодателей. В результате аудитория превращается в товар, произведенный медиаиндустрией и потребленный рекламодателями¹.

Содержание СМИ становится в этих условиях способом привлечь аудиторию, а создание аудитории, «продаваемой» рекламодателю путем предложения ей определенного контента, является основной формой извлечения прибыли в медиаиндустрии. В дальнейшем именно на основе этого предположения была разработана концепция сдвоенного рынка СМИ, интегрировавшая рынок товаров (содержания) и рынок услуг (доступ рекламодателей к целевым аудиториям)². Следует обратить внимание на то, что концепция аудитории, прежде не рассматривавшейся в качестве экономического ресурса индустрии, становится сегодня все более актуальной. Аудиторию – с точки зрения СМИ – при этом необходимо рассматривать и как производную, полученную в результате реализации политических стремлений властных элит. Таким образом, в условиях

¹ Smythe, D.W. Communications: Blindspot of Western Marxism // Canadian Journal of Political and Society Theory. – 1977. – 1(3). – P. 1–28.

² Picard, R. Media Economics. Concepts and Issues. – London: Sage, 1989. – P. 18–21.

рынка формирование аудитории представляет собой процесс, в равной степени необходимый и для политических процессов (следовательно, политических элит), и для экономики.

СМИ на рынке свободного времени

С точки зрения масс-медиа то время, которое аудитория на них затрачивает, всегда выступало для них важным критерием деятельности, хотя только в последние годы исследователи стали рассматривать свободное время аудитории одновременно и как экономический, и как социально-культурный ресурс. Уже в раннем индустриальном обществе свободное время стало для индустрии СМИ тем фактором, который определял объем и формы потребления СМИ. Правда, аудитория первых газет, наряду с двумя основными ресурсами, необходимыми для чтения книг и газет, – деньгами и временем, нуждалась и в определенном уровне образования, что, по сути, выступало производной от все тех же бюджетов – денег и времени. Плата аудитории за газеты и журналы в XIX в. оставалась высокой до начала процесса интенсификации массового индустриального производства, когда потребности массового производства потребительских товаров породили новую бизнес-модель, основанную на рекламных продажах. Стремление к максимизации аудитории позволило прессе привлечь рекламные инвестиции, которые возвращались рекламодателям с ценой приобретенного товара. От аудитории требовалось затратить только время – и на чтение рекламы, и на последующий акт покупки. Время стало важнейшим экономическим ресурсом медиаиндустрии во второй половине XIX в. – в эпоху становления массового производства и потребления.

С переходом к постиндустриальному обществу в XX в. ситуация начала меняться. На индустрию СМИ все большее влияние стали оказывать такие социальные и экономические процессы, как демассофикация общества, кастомизация потребления (от англ. *customer* – потребитель; означает потребность в более персонифицированных товарах, нацеленных на более узкие группы потребителей), повышение уровня об-

206 разования, формирование индивидуализированных стилей жизни. Новым явлением для СМИ во второй половине XX в. стало и формирование негативного отношения аудитории к отдельным видам рекламы, прежде всего на ТВ, радио. «Усталость» от массовой рекламы стала следствием раздражения аудитории от нерациональной траты времени, и, защищая свои досуговые бюджеты, зрители и слушатели начали уходить от «старых» СМИ к «новым» – кабельному и спутниковому ТВ, видео. Последние за небольшую плату предлагали более таргетированное содержание с меньшим объемом рекламы. Это парадоксальным образом позволяло оптимизировать бюджет свободного времени за счет увеличения платы за СМИ и медиаконтент: рекламы на платном ТВ было меньше, причем она уже более соответствовала информационным и развлекательным запросам целевых аудиторий.

Таким образом, возрастание платы за СМИ – книги, журналы, видео и *DVD*, а затем и за доступ к СМИ – кабельная сеть, Интернет, мобильная телефония – свидетельствовало не только об изменении потребительского поведения, т. е. об усилении избирательности и индивидуализации выбора. В значительной степени это подтверждало стремление аудитории за счет одного редкого ресурса – денег – минимизировать траты другого и, как выяснилось, более редкого ресурса – свободного времени.

Процесс интеграции СМИ в индустрию свободного времени стал важной экономической и одновременно социально-политической тенденцией как в индустриальном, так и в постиндустриальном обществе. Существует несколько причин, объясняющих, почему именно в XX в. СМИ превратились из преимущественно социально-политического института в индустрию свободного времени.

Во-первых, в течение XX в. СМИ, и прежде всего сегмент их содержания развлекательного характера, стали ключевым элементом рыночной экономики. На этой основе возникла наиболее эффективная система рекламоносителей. Анализируя состояние и структуру медиаиндустрии, экономисты в большинстве стран мира уже давно объединили рынок СМИ и развлече-

ний. В начале 2009 г. его стоимость оценивалась экспертами в 1,3 трлн долл. (российский рынок развлечений и СМИ – в 16,38 млрд долл., к 2014 г. ожидается рост до 25,58 млрд долл.)³. Безусловно, столь прочное положение этого сегмента экономики объясняется высокими расходами на рекламу в СМИ.

Объяснение этих фактов очевидно: рост мировой экономики неизбежно приводит к увеличению расходов на рекламу. Масс-медиа используются рынком путем встраивания в системы реализации товаров и услуг, в маркетинговые стратегии производителей, причем ориентируются они не столько на политические и культурные потребности общества, сколько на нужные рекламодателям потребительские запросы целевых аудиторий. В результате СМИ стали индустрией, организующей – наряду с процессом производства и распространения содержания – доставку рекламы от рекламодателей потребителям. Для достижения этой индустрией максимальной эффективности, для сохранения подлинно массовой аудитории оказалась необходимой интеграция прежде разделенных сегментов – масс-медиа и развлечений.

Особую роль в современной медиаиндустрии все больше играют электронные СМИ, прежде всего телевидение. Для их обслуживания возникает мощный производящий сектор – звукозаписывающие студии, киностудии, продюсерские компании, синдикаты, фотослужбы и т. п. Создавая относительно дешевые контент-продукты, этот сектор усиливает процесс коммерциализации медиасодержания, его развлекательного характера. Экономика, ориентированная на потребление, объективно стимулирует движение СМИ в сторону индустрии развлечений.

Во-вторых, в результате технологического прогресса появились новые платформы потребления и новые каналы доставки медиасодержания, основанные на цифровых мобильных технологиях. Домашний компьютер, мобильный телефон, планшетные устройства стали для современного потребителя одновременно и центром развлечений, и точками доступа к журна-

³ Global Entertainment and Media Outlook: 2009-2013. – PricewaterhouseCoopers, 2010.

208 листским материалам. Сегодня они используются для получения интернет-СМИ, видеоигр, покупки мелодий, загрузки и просмотра кино, заказа фильмов в режиме онлайн для доставки почтой, загрузки телепрограмм, покупки книг в традиционном и электронном формате, чтения электронных книг (э-книг). Параллельно с этим современный компьютерный пользователь может производить и размещать собственный контент в Интернете, что для многих медийных непрофессионалов является, конечно же, хобби, деятельностью свободного времени. В результате медиаиндустрия все чаще рассматривает современные технологические платформы как основу нового образа жизни, в котором потребление и производство цифровых СМИ становятся ключевой формой досуга. При этом интересы рекламодателей, ищущих более эффективные и узкие каналы доступа к целевым аудиториям, удовлетворяются несравненно лучше.

В-третьих, отличительная особенность СМИ на рубеже XIX–XX вв. состояла в их глубокой интеграции в политическую систему общества (через партийные издания, через особую роль журналистики в организации выборных кампаний). Однако на протяжении XX в. общество модернизи стало очевидно характеризоваться и новыми трендами – повышением уровня образования, развитием процессов стратификации общества не только по экономическим направлениям, но и по более сложным векторам – образовательным, этно-религиозным, культурно-лингвистическим, фрагментацией массового общества потребления, ослаблением всеобщего интереса к политике. В ходе процесса модернизации во многих экономически развитых странах мира после Второй мировой войны наблюдалось постоянное падение интереса избирателей к политике на фоне роста интереса к профессиональной карьере и личной жизни. Социологи назвали этот процесс общественным сдвигом в сторону индивидуализации⁴.

⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002; Бек У. Индивидуализация социального неравенства. К вопросу о детрадиционализации индустриально-общественных форм жизни // Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 103–138.

В результате журналисты и рекламодатели ощутили заметное падение интереса к партийной/политической журналистике, изменение информационных запросов аудитории, и для сохранения интереса к масс-медиа им пришлось менять контент-стратегии. Прагматические запросы аудитории на специализированный медиаконтент, с одной стороны, и общеразвлекательный – с другой, стали расти, и это привело к параллельным процессам становления сегмента специализированных СМИ (*B2B, business-to-business*) и усиления развлекательных стратегий в деятельности универсальных массовых масс-медиа.

Таким образом, современные масс-медиа, став в результате общих для многих стран экономических и социальных процессов частью индустрии свободного времени и развлечений, продемонстрировали очевидные изменения в природе и функциях современных СМИ, связанные с усилением их рекреационной функции.

Человек в процессах массовой коммуникации

Концепция двояного рынка СМИ в одинаковой степени популярна и среди медиаэкономистов, и среди политэкономистов СМИ. Последним она дала основания разрабатывать такое понятие, как коммодификация (*commodification*) – процесс трансформации пользовательской ценности коммуникационных продуктов, аудитории и труда в меновую ценность. Этот процесс, как отмечает канадский исследователь В. Моско, имеет ту же природу, что и процесс коммерциализации, но характеризуется «всеохватностью». Коммодификация предполагает, что сами отношения между людьми – субъектами рынка – принимают форму «товара» (*commodity*), имеющего фантомную объективность и являющегося источником стоимости, которая определяется рынком и на рынке.

Исследователями уже давно было определено, что наиболее очевиден процесс коммодификации в сфере производства содержания. Известный французский социолог А. Моль в книге «Социодинамика культуры» (1966) попытался объяснить

210 многие явления культуры через призму рыночной философии и экономических реалий рынка. Отталкиваясь от высказывания Э. Дюркгейма о том, что общественные феномены суть вещи [т. е. измеряемые и оцениваемые явления. – Е.В.], А. Моль перебрал мостик от понятия «информация»/«сообщение» к экономической теории. Опираясь на теорию информации, предлагающую рассматривать информацию в материалистических понятиях, применительно к последней он ввел понятие «товар»⁵.

Информация, обращаясь в современном обществе как товар, может быть приравнена ко многим другим «товарам». Стоимость информации в СМИ как товара измеряется и деньгами, и временем, и все более вниманием аудитории – то есть любыми известными экономической науке редкими ресурсами. Интересно, что А. Моль подчеркивает важность не статичной информации, т. е. информации, существующей вне социальных коммуникационных процессов, информации как таковой, но именно распространяемой информации, информации, присутствующей в коммуникационных системах, то есть информации динамической. Очевидно, что информация имеет разную ценность для журналистов и для аудитории, однако в современных условиях понятия товарного обмена распространяются и на все нематериальные явления. В результате возникают «коммуникационные товары» – информационные продукты, стоимость которых формируется не только в процессе производства (в случае СМИ – журналистами, редакционными коллективами, авторами рекламных сообщений), но и в процессах распространения и потребления аудиторией содержания, ведущих к возникновению целевых аудиторий, на которые «выходят» рекламодатели. Именно процесс социальной, массовой или немассовой коммуникации – в зависимости от типа контента и «широты» коммуникации, т. е. распространения и потребления содержания, произведенного редакциями СМИ, – и создает основную ценность контента.

⁵ Моль А. Социодинамика культуры. – М.: УРСС, 2008. – С. 86.

А. Моль подчеркивает, что в современном обществе «человек экономический» (*homo economicus*) трансформируется в «человека социального» (*homo socialis*), поскольку «в наше время все виды человеческой деятельности... уже не сводимы к обмену товаров, во всяком случае, без распространения понятий товарного обмена на такие нематериальные факторы, как сила идей, власть культуры, цена гениальности»⁶.

Пытаясь совместить материальную и знаковую часть мира, А. Моль приходит к выводу о том, что мир знаков «не тождествен материальным носителям знаков, хотя и обязательно связан с ними определенными отношениями... Появление средств массового распространения информации подчеркнуло значение материальной стороны знаков... В рамках диалектики абстрактного и конкретного, материального и нематериального современная техника коммуникации играет важную роль – сближает идеи, формы, элементы культуры с миром вещей и наделяет их свойствами вещей»⁷.

Опираясь на положения, выдвинутые Д. Смайтом, В. Моско, А. Модем, и анализируя роль, которую играют СМИ и в процессах экономической жизни рынка, и в структуре свободного времени современного человека, можно заключить следующее. Ни экономическое, ни социальное, ни даже индивидуальное бытие современного человека невозможно без его участия в процессах массовой коммуникации. Опираясь на это, можно прийти к нескольким важным заключениям.

Во-первых, индивидуальная картина мира каждого человека создается СМИ, или, точнее, медиатизированной информацией, которую производят и распространяют редакции. Большую роль в создании медиасодержания играют по-прежнему журналисты: они ищут актуальные и интересные факты действительности и создают материалы о них, ориентируясь на содержательную концепцию (формат) СМИ. Последняя в значительной степени зависит от демографического и психографического состава аудитории. Однако сегодня контент СМИ

⁶ Там же. – С. 87.

⁷ Там же.

212 формируется не только за счет журналистских материалов. Он включает в себя все возрастающую долю продуктов массовой (популярной) культуры – музыку, фильмы, сериалы, развлекательные концерты, синдицированные материалы очеркового характера на темы «человеческого интереса», инициированные имиджмейкерами и пиар-агентствами статьи о жизни знаменитостей, о новинках моды, кино, книжной индустрии и т. п. Это продукты современных «культурных индустрий», которые оказываются жизненно важными для нормального функционирования потребительского рынка. В результате они формируют значительный блок медиасодержания, который существенно отличается от традиционной журналистики, однако привлекает внимание аудитории, заинтересованной или в развлечениях, или в удовлетворении своих потребительских интересов. Еще один важный блок медиасодержания, не связанный с работой журналистов, – это реклама. Несмотря на растущую критику в адрес рекламных сообщений в СМИ, аудитория пользуется ими для поиска информации о необходимых товарах и услугах, для формирования собственных представлений о брендах. И хотя доверие аудитории к рекламе в целом невелико, существует достаточно подтверждений эффективности СМИ в качестве рекламоносителей.

Показательно, что конечный редакционный «продукт» – медиасодержание – представляет собой комплексный «товар», создаваемый целым коллективом. Роль менеджеров среднего и высшего звена – от обычных редакторов, редакторов отделов до главного редактора – не может быть переоценена: именно влияние тех, кто редактирует, форматирует, «упаковывает» содержание СМИ в процессе его медиатизации, зачастую оказывается решающим.

Во-вторых, все важные политические решения современный человек «сверяет» со СМИ. Большинство концепций – повестки дня, фрейминга, двухуровневой коммуникации – обращают особое внимание на роль медиасодержания в формировании мнения о кандидате в тех или иных выборах. Столь же важная роль принадлежит СМИ и в создании имиджей товарных брендов, стран мира и многих других явлений. Лич-

ного опыта или времени оказывается недостаточно для того, чтобы сформировать мнение или отношение к событию/явлению действительности, и СМИ – как самые близкие, доступные и распространенные источники информации – начинают играть в процессе выбора важную роль.

В-третьих, критический пафос Т. Адорно и М. Хоркхаймера, который стоял за их термином «индустрия культуры», сглаживается в конструктивном определении «креативные/творческие индустрии». Возможно, эти оба понятия – об одном и том же, но значительная эмоциональная разница между ними очевидна. Публичное восприятие явления меняется, и наши представления об индустриализации культуры тоже.

В первой половине XX в. потребление еще не превратилось в универсальную ценность рынка, и потому философы Франкфуртской школы оставляли за собой право критиковать процесс превращения природы искусства из творческой в вещную. Т. Адорно отмечал, что «...потребитель получает полное право соотносить движения души, порывы чувств, остатки своих миметических способностей с тем, что ему сервируется к столу»⁸. Массовое производство, стимулировавшее потребление, не только обезличило весь рынок товаров, но и все даже отчасти сопряженные с ним творческие области деятельности. Реклама, мода, архитектура, городские пространства, кино, популярная музыка – все подверглось стандартизации, шаблонизации, унификации.

И только люди оказались достаточно здоровыми, чтобы не потерять индивидуальность. Те, на кого была рассчитана стандартизация культуры, – обычные потребители – первыми и начали отказываться от нее. Не важно, что стало причиной этого – рост уровня образования, социальный сдвиг в сторону развития среднего класса или перепроизводство безликих шаблонных продуктов. Индивидуализация потребления вызвала потребность в кастомизированной культуре, возродившей оригинальность и культурное самовыражение. Мотив

⁸ Адорно Т. В. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – С. 21.

214 достижения коммерческой ценности культурных продуктов наконец-то ослабил влияние на их производство, и культурные индустрии начали трансформироваться в творческие, характеризующиеся возрождением индивидуальности, единичности, разрывом с глобальными брендами.

СМИ – печатные издания, аудио-, видео- и мультимедийное производство – оказались сегодня в сердцевине креативных индустрий. Они структурируют поток креативного контента от традиционных производителей к потребителям. Они же в условиях «цифры» берут на себя и обратную задачу – включить пользовательскую креативность в систему глобального производства содержания. Наконец, посредством продвижения арт-хаусной креативности в сфере книг, моды, дизайна, аукционного искусства СМИ помогают удовлетворить новый потребительский запрос на кастомизированное творчество.

В-четвертых, значительная часть стоимости массовой информации, т. е. содержания СМИ, формируется в процессах межличностной, массовой коммуникации, прежде всего той их частью, которая реализуется СМИ, – как старыми, аналоговыми, массовыми, так и новыми медиа, цифровыми, интерактивными, индивидуализированными. Это значит, что само содержание СМИ приобретает ценность именно в процессе «потребления» его аудиторией, и не в последнюю очередь это связано с особенностями взаимодействия медиа- и рекламных рынков. Присутствие человека в медиaprостранстве означает одновременно и удовлетворение его медиазапросов, и вовлеченность его в процессы потребления, а следовательно, и экономического производства, в современном обществе, и усиление процесса медиатизации индивидуального опыта, и его растущую социализацию посредством СМИ как ключевого агента процесса.

В результате современный человек превращается в «человека медийного» (*homo mediatu*s), и это становится сегодня важнейшей особенностью общества. «Человек медийный» – это член общества, бытие которого определяется и в значительной степени формируется содержанием СМИ как продуктом, производимым отдельной отраслью современной

экономики – медиаиндустрией, и потребляемым в процессах массовой/социальной коммуникации, а также коммуникационными отношениями и интересами индивида.

Исходя из описанной многими исследователями динамики превращения «человека экономического» в «человека социального», можно предположить, что по мере усиления медиатизации экономических и социальных процессов, а также по мере усиления влияния процессов массовой коммуникации на жизнь общества происходит трансформация «человека социального» в «человека медийного»:

homo economicus → *homo socialis* → *homo mediatus*

В настоящее время процессы производства, распространения и потребления медиасодержания, т. е. центральные процессы массовой коммуникации, приобретают для общества, то есть в конечном счете – для аудитории, особое значение.

С одной стороны, в связи с усложнившейся социальной и экономической динамикой общества влияние содержания СМИ на отдельных людей, на разнообразные сообщества, на социум в целом, несомненно, возрастает. С другой стороны, лучшее понимание роли медиасистемы в обществе требует не только анализа «производственной цепочки» ее создания журналистами и редакционными коллективами, но также и особенностей социального распространения, коллективного и индивидуального потребления аудиторией.

Несмотря на то что конкретные проявления возросшей роли СМИ на процесс социального/индивидуального выбора, на формирование коллективных и личных ценностей, жизненных установок, веры и убеждений еще нуждаются в конкретных социологических подтверждениях, одно очевидно. И по объему свободного времени, затрачиваемому на потребление СМИ, и по воздействию, производимому ими на поведение аудитории в политических процессах, на ежедневное потребление, на актуализацию вопросов повестки дня, на социализацию людей, масс-медиа сегодня превратились в один из центральных институтов общества.

В. В. Миронов

Поп-культура как продукт глобального информационного пространства

Цель данной статьи – рассмотреть поп-культуру как порождение современной стадии развития общества, связанной с возникновением глобального коммуникационного пространства, которое кардинальным образом меняет характер взаимодействия между культурами.

До начала XX в. общечеловеческая культура представляла собой систему относительно замкнутых и отделенных (даже пространственно) друг от друга локальных культур¹. За столетия существования такого типа состояния культуры, которое можно обозначить термином *классическая культура*, она, с позиции индивидуального сознания, выглядела как нечто «застывшее», на фоне которого протекала жизнь не только индивида, но многих поколений. Индивид и человечество были погружены в культуру как в некое вместилище, и смена культурообразующих компонентов культуры осуществлялась настолько медленно и постепенно, что оценить изменения можно было лишь по прошествии очень длительного временного интервала. Это сформировало «аристократический принцип» отбора, основанный на достаточно длительной адаптации ценностей, претендующих на статус общечеловеческих (культурных), к господствующим культурообразующим компонентам. Консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры.

Описанные признаки не обязательно выступали характеристикой индивидуального сознания, каждое из которых могло быть самовыражением внутренней сущности индивида, выходящей за рамки господствующей культурной парадигмы.

¹ Этот термин в нашей литературе ввел Ю. М. Лотман. (см., напр.: *Лотман Ю. М. Культура и взрыв.* – М.: Гнозис, 1992.

А поскольку индивиды располагались на разных уровнях культуры и социума, соответственно этому «препарируя» общекультурные ценности, это определяло разнообразие системы культуры в целом. Противостояние индивидуальных культурных стереотипов, наполненных обыденными представлениями и интересами, культурным элитарным образцам порождало некое внутрикультурное напряжение как противоречивую связь между «высокой» и «низовой» культурами, что было замечено М. М. Бахтиным.

Культура представляла собой противоречивое образование, которое находится в относительном единстве, но внутри которого постоянно присутствуют противоречивые тенденции, выражающие собой относительно противоположные сущности, два вектора самореализации творчества каждого индивида. С одной стороны, в процессе творческой деятельности человек опирается на стереотипы, традиции и нормы жизни, которые характерны для большинства людей в их обычной жизни. В этом плане особенности индивидуальной жизни, жизненной среды и условий определяют форму и характер каждодневной жизни человека. С другой стороны, творческая деятельность может проходить вдалеке от стандартных жизненных стереотипов и представлений, может быть удалена от реальности, создавая в результате особый «элитарный» культурный пласт, в рамках которого возникают общекультурные и общечеловеческие ценности, на которые ориентируется общество. «Лишь вместе, во взаимоопосредовании и взаимообусловленности, составляют оба эти начала общественную реальность, лишь вместе, в непрерывном взаимодействии составляют они жизнь человечества»².

Один вектор культуры как бы направлен, по выражению Г. С. Кнабе, «вверх», формируя некоторые общие представления и ценности в сфере духа (наука, искусство, религия и т. д.), другой – «вниз», фиксируя обыденные стереотипы жиз-

² Кнабе Г. С. Двуетединство культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М.: Индик, 1993. – С. 17.

218 ни человека как на индивидуальном уровне, так и на уровне микрогрупп. «Верхняя» культура – абстрактная, духовная, переживаемая и удаленная от реальной жизни. «Низовая», напротив, была телесна, конкретна, не только переживалась индивидом, но и воплощалась им³.

М. Бахтин, задолго до современной модной философии телесности, рассматривал такое противопоставление «верхней» и «низовой» частей культуры как особую традицию противопоставления «верха» и «низа» конкретного человека. Поэтому если поиграть словами, то термин «поп-культура» в русском языке, как культуры, идущей от низа, вполне можно вести и от соответствующей части человеческого тела.

Таким образом, культура в целом, как система представляет собой диалектическое единство противоречивых сторон, находящихся в импульсивном взаимодействии. «Высокая» культура обеспечивает преемственность, единство, создает систему ценностей, а «низовая» культура обеспечивает саморазвитие системы, ее обновление. В этом смысле культура диалогична уже в силу наличия в ней двух находящихся во взаимодействии культур, точнее, диалог является формой ее существования. «Диалог воплощает диалектику развития, диалектику, раскрытую в будущее и в этом смысле исторически положительную, – положительную как в объективном, философском и историческом смысле, так и в смысле субъективно-человеческом, нравственном»⁴. Естественно, как в любом противоречивом процессе, единство его сторон не может обойтись без попыток подавления одной стороны другой, в данном случае одной культуры другой.

Предложенная модель культуры необходимым образом связана с этническими, национальными, религиозными и другими «локальными» особенностями, что определяет характер

³ Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худ. лит., 1990. – С. 26.

⁴ Кнабе Г. С. Двуетнистество культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М.: Индик, 1993. – С. 28.

взаимодействия между культурами, механизм которого был блестяще описан Ю. М. Лотманом. Внешняя, «чужая» культура представляла для нас закодированную языковую систему, коды которой мы каждый раз должны расшифровывать. Язык конкретной культуры – это не просто система понятийных обозначений, как можно представить себе в некоем формальном языке, а особое, живое образование, включающее в себя культурную память как особую вневременную (преодолевающую время) символическую коммуникацию. Таким образом, понятия «язык» и «память» составляют семиотическое своеобразие культуры. Поскольку память реализуется в культурных языковых кодах (зашифрованных исторических смыслах) – значениях, то можно интерпретировать культуру прежде всего как язык.

Поэтому познание такой культуры было необходимым образом связано не просто со знанием языка, но и истории той культуры, в которой язык реализовывался, и достичь этого можно было лишь путем погружения в соответствующую культуру. Две культуры соотносились как два языковых пространства, между которыми существовало противоречие. С одной стороны, как отмечал Ю. Лотман, «стремление к пониманию», которое стремится расширить область пересечения культур, с другой – сопротивление каждой из культур к проникновению извне⁵. Область тождества выступает предпосылкой для проникновения в область нетождественного, неизвестного для проникающей культуры, а потому нетривиального и интересного. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непесекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»⁶. Именно познание области несовпадения (изначального непонимания) культур обогащает их новыми смыслами и новыми ценностями, хотя и затруд-

⁵ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – С. 14.

⁶ Там же. – С. 15.

220 няет сам факт общения и в конечном счете делает культуру непознаваемой для другой в абсолютном смысле.

Общение между культурами – это всегда «диалог культур» (Д. Лихачев), суть которого заключается в том, что понимание собственной культуры может быть осуществлено лишь через познание другой культуры. Это – познание иной культуры через свою, а своей через другую, путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения и даже конфликта. Результатом такого развития становится взаимопонимание культурами (и их индивидуальными представителями) друг друга. Поэтому язык является не просто средством коммуникации или средством перебрасывания информации, он *важнейший механизм культурного общения*. Диалог культур не некое однородное наложение смыслов друг на друга, а своеобразный пульсирующий симбиоз смыслов, *вживающихся друг в друга*, иногда прямо переходящих один в другой на языковом уровне. Таким образом, если семиотически интерпретировать диалог культур, то он реализуется, по удачному обозначению Лотмана, внутри *семиосферы*, как особого семиотического пространства, включающего в себя не только сумму отдельных языков, но и социокультурное поле их функционирования. «Любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать... семиосфера – и результат, и условие развития культуры»⁷.

В настоящее время благодаря развитию средств коммуникации изменяются механизмы общения между культурами. Вместо проникновения культур друг в друга и их адаптации, как это было описано для локальных культур (диалоговая ситуация), возникает внешняя коммуникационная база (пространство), которая вынуждает все культуры общаться на некоем едином интегральном пространстве. Культуры не определяют формы коммуникации, а как бы погружаются в

⁷ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 165-166.

коммуникативную систему. Ранее семиосфера (локальное коммуникационное пространство + социокультурное пространство) была результатом диалога, который провоцировался самими культурами за счет необходимости понимания и адаптации другого. Сегодня коммуникация как таковая является самостоятельной силой, помещающей диалог культур (часто без их согласия) внутрь глобального коммуникационного пространства. Диалог здесь ведется, но по законам и правилам «новых условий коммуникации».

Именно в этих условиях и возникает феномен, который мы обозначаем термином *поп-культура*. *Поп-культура* – это антикультурный выброс из общей системы культуры части «низовой» культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам массовой коммуникации. В этом смысле поп-культура противостоит не только «высокой» (элитарной) культуре, как «низовая» народная культура, в модели М. Бахтина, но культуре в целом, представляя собой *контркультурное* явление. Именно поэтому мы можем обозначать ее как симуляцию культуры, подменяющую собой культуру как таковую. Поп-культура начала складываться прежде всего с развитием научно-технического прогресса в сфере коммуникации и получением возможности широкого тиражирования образцов данного искусства во всем мире в целом. Это новое интегративное образование, в котором практически все является общим, стереотипичным. Она не имеет своих генетических корней (даже если сопряжена с языком своей культуры), она достояние всех.

Главным отличием поп-культуры от классической культуры является изменение характера производства и потребления ее образцов, для которых важнейшим фактором становится огромная массовость и чрезвычайная оперативность распространения. Это, в свою очередь, порождает бесконечное умножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, потребителями

222 продуктов которой становится все общество. Фабричное производство означает прежде всего унифицированное производство, то есть товары (продукты), которыми могут пользоваться все. Не случайно сам термин *фабрика*, например «фабрика звезд», используется почти в прямом значении.

Следующим признаком поп-культуры выступает неотделимость репродуцируемых произведений от воспринимающей его массовой среды и самих средств технической репродукции. Единство такого действия прекрасно выражает термин «шоу» как форма реализации поп-культуры. Например, исполняющий поп-музыку и слушающий ее – это одно целое, их невозможно представить друг без друга. В шоу господствует не индивидуальное, то есть отличное от другого творчество, а принцип соучастия. Участие само по себе становится формой коммуникации без необходимости какого-то понимания другого или передачи какого-то смысла. Поэтому и знание языка здесь практически не нужно или сведено к минимуму.

Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает сегодня жизнь каждого человека, то оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства масс-медиа помогают их представить в соответствующей яркой форме.

В определенном смысле шоу на новом уровне представляет собой средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь, но в условиях совершенно иной информационной среды. В результате мы живем в обществе, где карнавал затянулся и вместо одной-двух недель или месяца длится почти постоянно, нарушая тем самым естественный баланс между «высокой» и «низовой» культурой в пользу последней. «Низовая» культура становится культурой официально признанной как ее превращенная форма. В этих условиях образцы «высокой» культуры могут стать столь тиражированными, что становятся также предметом массового упрощенного потребления. Людям некогда «впитывать» новые ценности, соотнося постоянно их с предшествующими, они начинают их *потреблять*.

Блестящим условием для «нарастания и закрепления» карнавала становится Интернет. Общение в Интернете – это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников – маски, которые позволяют говорить все, что угодно, включая оскорбления и пр. Это царство дураков, шутов и клоунов, надевающих длинные колпаки. Но в средние века люди, получив собственную порцию адреналина, возвращались в реальную жизнь, до следующего карнавала, Интернет же продлевает виртуальный карнавал, переводя его в реальную жизнь, смысл которой легко укладывается в известные три буквы на бесконечно длинном заборе. Мы не можем сконструировать внутри Интернета моральные принципы, перенеся их из нашей действительности. А поскольку их нет, а есть развернутое пространство информации, оно может, как сознательно, так и нет, подвергаться бесконечной интерпретации.

Шоу пронизывает политику, и сами политики становятся в большей, чем когда-либо, степени актерами, которые пользуются всеми возможными средствами повышения своей популярности. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалити-шоу, вынуждающими нас смотреть самих себя на экране телевизора. Это пример наивысшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легко манипулируемые стереотипы поведения. Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется масс-медиа, и «знаки поп-культуры и зрелища масс-медиа все больше заслоняют чувство реальности людей»⁸. Современный мир превращается в большое шоу и работает по законам данного жанра. А жанр диктует, что зритель и исполнитель должны быть в буквальном смысле слиты, а восприятие не должно носить чисто индивидуального, внутреннего характера. Отсюда феномены «разогревания» публики перед выступлением поп-звезд и т. д. Традиционное прослушивание музыки (например, симфонической) представляло собой

⁸ Чернявичуте Ю. От высокой культуры к поп-культуре: производство и потребление культуры. URL: <http://www.auditorium.ru/>

224 внутренний диалог каждого отдельного человека с музыкальным произведением, и то, что в зале могло находиться много людей, не изменяло интимной сути восприятия музыки. Шоу всегда опирается на активное поведение и взаимодействие массы, сиюминутно учитывает ее реакцию. Исполнитель воспринимается слушателями как часть их самих, и они требуют от него соответствующего их настроению поведения, а не элитарной отстраненности.

Особенности поп-культуры – чрезвычайная агрессивность и всеядность: тиражированию (и моде) может быть подвержено все, в том числе и образцы высокого искусства. Сам фактор их тиражируемости по неким заданным стереотипам делает эти образцы также предметом современной поп-культуры. Оказалось, что музыка Баха сама по себе не является гарантией того, что она не станет продуктом массовой культуры. Естественный баланс между «высокой» и «низовой» культурой, который был характерен для классического периода развития культуры, нарушился, и диспропорции ее частей сменились в пользу последней. Более того, благодаря средствам масс-медиа поп-культура как бы «вырвалась» из самой системы культуры, став ее современной превращенной формой, симулируя ее на современной стадии развития человечества. Наступил, по выражению Г. С. Кнабе, период господства оппозиции «низа», то есть плебейской культуры.

Таким образом, одним из проявлений современного кризиса культуры стала ситуация, когда «на глазах одного-двух поколений рядом с Культурой “с большой буквы” создалось особое культурное состояние, альтернативное по отношению к традиционному»⁹. Для такого состояния культуры характерны признаки «низовой» культуры с определенной заданностью создаваемых культурных объектов, их широкой тиражируемости и массовости потребления. В ее центре стоит так или иначе понимаемая *повседневность* как наивысшая куль-

⁹Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – С. 37.

турная ценность, которая, в свою очередь, сопряжена с такими формами жизненного поведения, как достижение успеха любыми средствами, стремление к комфорту и т. д.

Выше мы показали, что поп-культура – это некоторое отражение, некоторая имитация реальной культуры, реальной деятельности. Ее условием является постоянная раскрутка СМИ, а последние описывают не только развлекательную сферу, но и иные сферы бытия человека. Соответственно, такие описания в большей степени связаны с «законами раскрутки», чем с действительным анализом положения дел. И вот, что парадоксально, все эти законы проникают и в такую сферу, как наука.

Естественно, что если речь идет, например, о науке и научных открытиях, то на рынок выбрасывается адаптированная часть результатов данного вида деятельности, причем часто адаптированная до неузнаваемости или даже до своей противоположности. Как есть поп-звезды эстрады или религии, справедливо отмечает С. Кардонский, точно так же возникают и поп-ученые с полным набором атрибутики поп-звезды. «Мнения поп-ученых, иногда обоснованные их научными результатами, но чаще всего не обоснованные, стали весьма ходким рекламным товаром. Ведь технологизированная наука жизненно нуждается в массовом потребителе, а значит – в воспитании и формировании массовых потребностей в новых наукоемких товарах. Оказалось, что вкладывать деньги в персонифицированную научную рекламу и научные страшилки гораздо эффективнее, чем в получение нового знания»¹⁰.

В классической культуре ученый всегда выступал от имени истины, которая чаще всего была недоступна обыденному сознанию. Над ним могли смеяться, его могли уважать, но его не обязаны были понимать все. Сегодня внешние обстоятельства в виде рынка стали детерминировать, как это ни кощунственно прозвучит, даже научную продукцию. «А это при-

¹⁰ Кардонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. URL: http://www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/2002_07.

226 вело к тому, что востребуемыми в первую очередь оказались не столько *фундаментальные знания и творческая потенция* ученого, *оригинальные идеи и глубина замысла* исследовательского проекта, сколько *умение подать “товар” лицом*, найти нужные формулировки и формы для *рекламы* этого товара, включив в них именно те значимые, ключевые, “магические” слова и аргументы, которые смогли бы произвести решающее впечатление на людей, распоряжающихся заветными фондами. В итоге преимущество получают не фундаментальные исследования, перспективность которых обосновать и доказать обывателю, сидящему в кресле распорядителя финансами, не просто трудно, но подчас и невозможно, а прежде всего проекты прикладного характера, реализация которых сулит быстрые, конкретные и весомые результаты»¹¹.

Все это могло бы показаться некоторой натяжкой и увлечением автора тематикой, однако появляются все новые и новые аргументы в пользу данной позиции. Симуляция как признак современного состояния культуры выражается в науке нарастанием фактов прямой имитации научной деятельности, что проявляется в увеличении доли недобросовестности. Серия скандалов прокатилась по Германии. Так, например, «видный гематолог и исследователь рака Фридрих Херманн в своих многочисленных публикациях подтасовывал данные. DFG в течение трех лет проводило собственное расследование, после чего сообщило: из 347 статей, опубликованных этим плодовитым биологом, 52 “содержат фальсификации”, а еще в 42 обнаружены основания подозревать манипуляцию данными»¹².

Но здесь не всегда виноваты сами ученые, скорее СМИ, которые нацелены на сенсацию, дабы заинтересовать читателя. Фактически именно СМИ выполняют роль «попсизации» науки. Это было в той или иной степени всегда, особенно когда речь шла об адаптации научных открытий к научно-

¹¹ Акопян К. Шлягеризация науки // Отечественные записки. URL: http://www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/2002_07.

¹² Покровский В. Научная полиция против поп-науки // Независимая газета. – 2002. – 26 июня.

популярным журналам. Дело в том, что ученые выдвигают гипотезы, которые иногда требуют годы и годы проверок и доказательств. Часто эти гипотезы, еще не подтвержденные, попадают в СМИ как последнее слово науки.

Увеличение объема информации из мира науки, ограничение времени на разъяснение проблемы, особенно по ТВ, привели к тому, что «научное сообщение резко трансформируется – оно начинает жить по законам журналистики, а не научной публикации. И если эти две ипостаси еще можно хоть как-то совместить в солидной научно-популярной статье... то в короткой, на две странички, заметке это сделать практически невозможно. Попробуйте-ка пересказать за две минуты что-нибудь вроде “Влияние спектра метахиразы на мультипликативную *w*-хромосому у регуляризованной *Pochericia Coli*”»¹³.

Одной из особенностей поп-культуры выступает ее подростковый характер, невзирая на возраст ее носителей или возраст ее воспринимающих. Этому также есть свое объяснение. Как показал Г. С. Кнабе¹⁴, распространение контркультуры, как части массовой культуры, было связано с демографической ситуацией в мире, сложившейся после Второй мировой войны. После войн (это закон демографии) резко повысилась рождаемость, и число молодых людей в 1950-60 гг. оказалось необычайно высоким. Одновременно они были вынуждены занять места тех взрослых людей, которых общество после войны недосчиталось. Заняв эти места, но не выйдя из системы подростковых ценностей и стереотипов поведения, они взвалили на себя все бремя ответственности за общество в целом. Это было поколение людей разочарованных в традиционных ценностях, которые не помешали уничтожению огромного количества людей во время войны и господства тоталитарных режимов. Они ожидали свободы и равенства, их объединяла с небывалой остротой пережитая ситуация отчуждения от государства, традиционной общественной структуры и культуры и страстная

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Кнабе Г. С. Проблема контркультуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима.

228 потребность нащупать из этой ситуации выход»¹⁵. А если к этому добавить, как мы уже отмечали, возможности новых средств коммуникации, от радио и грампластинок до телевидения и Интернета, то распространенность данной системы ценностей становится очевидной. Внимательно проанализировав телепередачи по их жанру и построению, даже сделанные для взрослых, мы поймем, что это все равно чисто подростковая «жвачка», с набором вопросов и ответов. Страшно иное: что новые поколения подростков уже не имеют выбора, кроме, пожалуй, переключения каналов, что в сущности ничего не меняет.

Доминирование ценностей поп-культуры (не обязательно плохой по качеству исполнения) стало объективно разрушать ценности высокой культуры. Одно из заметных проявлений такой оппозиции – нарушение диалектики «прикровенности и откровенности». В культуре всегда часть известных всем отношений между людьми тем не менее признавалась закрытой для широкого распространения. В рамках современной культуры такая оппозиция прикровенности и откровенности исчезает, и то, что раньше считалось необходимым скрывать от глаз «посторонних», переходит в свою противоположность, становясь открытым. В обществе произошла сексуальная революция, которая обнажила традиционно прикрытые отношения между людьми и соответствующие переживания, выведя их за рамки индивидуальной интимности. Ю. М. Лотман оценивает сексуальную революцию как наиболее мощный таран антикультуры XX столетия¹⁶, как яркое проявление контркультуры или антикультуры, которой трудно что-либо противопоставить по силе воздействия на массу людей. При этом цивилизация вряд ли изобрела здесь что-либо принципиально новое, например, по сравнению с «Камасутрой». Поэтому в рамках расширения сферы получения удовольствий огромное место занимает «эротизация поп-культуры» как проявление высшей свободы выбора индивидуального удовольствия. Сам

¹⁵ Кнабе Г. С. Проблема контркультуры. – С. 59.

¹⁶ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. – СПб: Искусство СПб, 1994. – С. 8.

термин «интимность» семантически перевернулся. Сегодня на уровне обыденного сознания понятие «интимность» сопряжено не столько со словом «прикрытость», сколько с публичным раскрытием прикрытия, отражающего сам факт демонстрации запретного на широкую аудиторию.

Поп-культура – это прямая реализация рыночных отношений. Производится то, что потребляется, а массовость потребления определяет тенденции производства. Соответственно, главной оценочной характеристикой является цена товара.

С одной стороны, можно занять морализирующую позицию и с порога отвергнуть даже саму возможность рыночной оценки, например, произведений искусства. Но ведь реально это осуществляется. Более того, мы вполне реально тратим на это свои деньги, которые, по Марксу, являются определенным эквивалентом части нашей жизни. Тратя деньги, мы отдаем часть своей жизни, до этого затраченной на зарабатывание этих самых денег. Кроме того, все произведения искусства в нынешнем мире, нравится нам или нет, – оценены и расположены в масштабах некоей оценочной шкалы. Следовательно, встает проблема – кто и как ее определяет и можно ли выработать объективный критерий для этого¹⁷.

Мастерство написанной художником картины мы определяем согласно нашему вкусу, который, в свою очередь, воспитывается некоей культурной системой. Но является ли оценка работы мастера, выраженная в некоей цене, оценкой его мастерства или времени, затраченного на работу? Ни то, ни другое. Критерием оценки выступает общественное мнение или общество. Именно оно задает планку этой оценки. Более того, цена произведения искусства, как правило, растет. «Каждое великое произведение искусства представляет собой как бы купюру определенного достоинства»¹⁸.

¹⁷ Очень интересно пытается решать данную проблему А. Долгин, выдвигая идею эквивалента, неких особых денег, для действительной оценки произведений искусства, который должен соотноситься и с обычным денежным эквивалентом. См.: Долгин А. Прагматика культуры. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002.

¹⁸ Матюшов Г. Платье Мерлин Монро, как финансовый документ // Наша улица. – 2001. – № 3. – С. 30.

Но если общество это допускает, то не является ли такая шкала ценностей достаточно объективной? Значит, в основе оценки такого рода лежит не только затраченная работа (ибо гениальное может быть создано в кратчайший срок), а нечто духовное, соединенное с материальным. «Слава и цена обуславливают друг друга и влияют друг на друга; взаимодействуя между собой, они образуют как бы источник развития, лежащий в основе механизма самовозрастающей стоимости»¹⁹.

И, как справедливо отмечает Г. Матюшов, цена, определяемая рынком и модой, и слава, как достигнутое состояние мастера, заинтересованы в собственном единстве. Слава (не всегда связанная с талантом) определяет цену. Цена далее определяет славу. Рост цены может поднять славу художника. А это, в свою очередь, поднимет цену на его произведения.

В период локальных культур данная диалектика была весьма гармонична, а вот в ситуации диспропорции культуры, когда ее массовый характер, ее «низовая» часть довлеет над «высокой», осуществляется и диспропорция оценок славы и цены произведений. Цена, как и все остальное, становится предметом «раскрутки», и полное собрание сочинений работ Платона будет на рынке стоить меньше носового платка Джона Леннона. «Вещи поп-звезд начинают приравнивать к высшим произведениям искусства. Так оскорблять культуру не решались даже самые варварские эпохи»²⁰.

Таким образом, для описанного состояния культуры характерны все признаки «низовой» культуры, в центре которой стоит, как отмечает Г. С. Кнабе, так или иначе понимаемая повседневность, которая, в свою очередь, сопряжена с такими формами жизненного поведения, как достижение успеха любыми средствами, стремление к комфорту и т. д.

Повседневность, ставшая наивысшей культурной ценностью.

¹⁹ Матюшов Г. Указ. соч. – С. 30.

²⁰ Там же.

Ю. П. Зинченко

Виртуализация реальности: от психологического инструментария к новой субкультуре¹

Виртуальная реальность: история термина

Если обратить внимание на появление и распространение информационных технологий, то не трудно заметить, что на передний план выходит специфически новая форма передачи и восприятия данных, связанная с использованием технологий виртуальной реальности. Информационное пространство сегодняшнего общества значительно отличается от того, что окружало человека десять-пятнадцать лет назад, и, главным образом, тем, что в жизнь людей активно и плотно вошла *виртуальная реальность*. В обыденном сознании, как правило, этот термин связывается с компьютерными играми и технологическими приспособлениями для более полного в них погружения. Но реалии жизни современного общества показывают, что понятие «виртуальность» употребляется в контексте, выходящем за рамки области информатики и компьютерной техники. В обиход вошли такие, еще до недавнего времени бывшие «нереальными», сочетания, как «виртуальная корпорация», «виртуальные деньги», «виртуальная демократия», «виртуальное обучение» «виртуальная игрушка» «виртуальная студия» и т. п. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества. Можно утверждать, что информа-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Разработка инновационных методов научно-исследовательской, образовательной и практической деятельности психолога с применением технологий виртуальной реальности» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

232 ционные технологии современного общества начинают выступать в своей виртуальной ипостаси, которая максимально объективирована, предельно конкретна и осязательна.

Обозначенная трансформация в информационном облике культуры требует детального философского анализа понятия «виртуальная реальность». Но на этом пути имеется ряд трудностей не только терминологического, но и содержательного характера. Для раскрытия сущности феномена «виртуальная реальность» проследим историческое развитие понятие «виртуальный».

Термин «виртуальный» восходит к понятию *virtus*, использовавшемуся в средневековой философии для обозначения актуальной действующей силы. Посредством этой категории схоласты пытались ответить на вопрос: как абсолютные сущности реализуются во временных, частных событиях. Фома Аквинский с помощью понятия виртуальности решал одну из ключевых проблем средневековой философии – каким образом сосуществуют реальности разного уровня, например, душа мыслящая, душа животная, душа растительная. Д. Скотт использовал эту категорию в своей концепции реальности, исходя из которой вещи содержат в себе различные эмпирические качества не формально (как если бы вещь существовала отдельно от эмпирических наблюдений), но виртуально, и тем самым он пытался преодолеть пропасть между формально единой реальностью, предполагаемой нашими концептуальными ожиданиями, и нашим неупорядоченно разнообразным опытом. Не углубляясь в специфику схоластики, можно отметить, что термин «виртуальный» использовался тогда для концептуализации событий, существующих временно и в частичной форме, а также для объяснения связи всеобщей абсолютной сущности с активностью единичных предметов. Затем интерес к проблематике подобного рода угас, и «виртуальность», не получив концептуального статуса, надолго выпадает из области философских проблем.

В дальнейшем этот термин воскрешают физики в середине прошлого века – в квантовой теории поля он начинает

применяться для обозначения мнимых элементарных объектов, так называемых виртуальных частиц. Понятие «виртуальный» можно связать также с распространенным в модальной логике понятием «возможный мир». В целом, до конца 70-х гг. XX в. термин «виртуальность» еще не связывался ни с электронными, ни с информационными технологиями, о чем свидетельствует толкование, которое можно найти в Словаре иностранных слов 1979 г. издания: «Виртуальный – возможный; такой, который может или должен появиться при определенных условиях». Понятно, что в современных условиях подобная характеристика уже не является удовлетворительной. Содержание и значение этого термина далеко шагнуло за рамки приведенного определения.

Новую жизнь понятие виртуальность обретает после того, как в употребление входит эпитет «виртуальная реальность», который, как считается, был придуман в Массачусетском технологическом институте в конце 1970-х гг. для обозначения трехмерных макромоделей реальности, создаваемых при помощи компьютера и передающих эффект полного присутствия в ней человека. Первоначально подобные модели применялись в военной области в обучающих целях, например для имитации управления самолетом. В дальнейшем, с легкой руки специалиста в сфере компьютерных технологий Д. Ланье, применившего в 1984 г. название «виртуальная реальность» для обозначения нового компьютерного продукта, эпитет получает широкое распространение в качестве маркетингового ярлыка и понятия массовой культуры. Во многом это связано с тем, что термин оказался довольно запоминающимся из-за необычного сочетания слова «реальность» со словом «виртуальный», ассоциирующегося с чем-то мнимым, воображаемым. Это броское выражение оказалось столь популярным, что превратилось в расхожую метафору, довольно далекую от научного понятия, употребляемого по всякому возможному и невозможному поводу. Вместе с тем, лавинообразно увеличивающаяся область распространения «виртуальной реальности», превратившейся едва ли не в символ современной дей-

234 ствительности, вызвала необходимость концептуальной разработки данного явления. Таким образом, «виртуальность», долгое время находившаяся на периферии философии, возвращается в ее тезаурус и становится одним из наиболее актуальных феноменов для философских исследований конца XX – начала XXI века.

В последнее время предлагаются варианты интерпретации виртуальности, в которых сводится на нет роль электронных компьютерных технологий. Так, Н. А. Носов считает, что ключ к пониманию категории «виртуальность» следует искать у представителей средневековой схоластики, а «растиражированное массовой культурой выражение “виртуальная реальность” лишь затрудняет “плавное вхождение” виртуальности в нашу культуру»². С подобным подходом полностью согласиться вряд ли возможно в современных реалиях информационного общества. Бесспорно, использование философского наследия для анализа этого феномена позволяет более полно и глубоко раскрыть его смысл, что в отношении такого семантически богатого понятия, как «виртуальность», будет вполне уместным. Но при этом не следует ни в коей мере умалять значение электронных технологий. Ведь именно они послужили толчком, инициировавшим процессы, в результате чего и началась экспансия «виртуальной реальности», которая наблюдается в сегодняшнем информационном обществе.

Виртуальная реальность и симулякры

Будем исходить из положения, что осуществить адекватный анализ виртуальной реальности возможно лишь в контексте тех культурных, технологических и мировоззренческих трансформаций, которые имеют место в современном мире. А если принять во внимание, что с точки зрения деятельности доминанты современное общество является информационным, в качестве специфического мировоззрения которого

² Носов Н. А. Фома Аквинский и категория виртуальности // Виртуальная реальность: философские и психологические аспекты. – М.: Ин-т человека РАН, 1997. – С. 83–84.

все чаще рассматривается постмодернизм, то предпримем попытку проанализировать категорию «виртуальности», используя средства постмодернистских философских теорий.

Для раскрытия сущности «виртуальной реальности» воспользуемся *теорией симулякров*, активно разрабатывающейся в рамках постструктуралистско-постмодернистской парадигмы такими ее представителями, как Ж. Делез, Ж. Бодрийяр и др. Но вначале необходимо отметить, что оттенки смыслового значения понятия «симулякр», или «симулакрум» (от лат. *simulare* – притворяться), меняется в зависимости от модели применения, а именно репрезентативной или нерепрезентативной.

В контексте репрезентативной модели, наиболее ярко воплощенной Платоном, симулякр следует понимать как копию копии, след следа, удвоение удвоения, которое, так же как и копия, претендует на обозначение оригинала, подлинника. Для Платона симулякр – это копия копии, искажающая свой прототип. Но поскольку истинность определяется им исходя из сходства или несходства с идеей вещи, то симулякры лишаются онтологического статуса и осуждаются как подделки, вымыслы, призраки. Характерно то, что, пытаясь исключить из реальности искажающие ее фантазмы-симулякры, Платон первым поставил вопрос о том, что в структуре бытия присутствуют объекты, которые сейчас мы назвали бы виртуальными. При этом именно Платоном было отмечено, что симуляция представляет собой бесконечный процесс, подобный «саду расходящихся тропок», где каждый порожденный симулякр конституирует серию других.

Для иллюстрации обратимся к диалогу «Софист», где философ дает детальное определение софиста, используя дихотомический метод деления. Придя к выводу, что творчество является либо божественным, творящим природные предметы и их отображения, либо человеческим, творящим искусственные предметы и их отображения (человек, создавая предметы, симулирует деятельность бога), Платон применительно к софистике обращает внимание на создание ото-

236 бражений искусственных предметов, т. е. подражание, когда симулируются созданные человеком предметы. Далее, он говорит, что человеческое подражание бывает также двух видов – творящее образы, соответствующие предметам, и творящее призраки, им не соответствующие. Так, софист творит призраки (симулирует подражание), причем призраки он создает не при помощи специальных средств, например маски, а создает их своим лицом, голосом, телом – симулякр обретает телесность, становится виртуальным. А так как подражание софиста основывается не на знании, а на мнении, он подражает, не зная того, чему он подражает (виртуальная реальность симулякра существует по иным законам). При этом даже в своем подражании софист настолько искусен, что никогда не сойдет за простеца, а будет сознательным лицемером (виртуальное бытие умело вводит в заблуждение). Добавим, что в своем лицемерии софист двуличен. Он не преследует никакие общественные и государственные цели, а просто извращает мудрость в частных беседах, запутывая собеседника в мнимых противоречиях (виртуальной реальности чужда социальная действительность).

Таким образом, в рамках репрезентативной концепции симулякр представляется в качестве исключительно искусственной негативной сущности – ожившей маской арлекина, уродливо насмехающейся над действительностью. В то же время проинтерпретированный подобным образом отрывок из диалога древнегреческого философа не оставляет сомнения, что внутри репрезентативной модели обнаруживается модель нерепрезентативная, поскольку симулякры выходят за границы оппозиции подлинник-копия. Они уже не предполагают соотношения ни с какими референтами (конец Софиста – триумф симулякров).

Именно в таком русле рассуждал Ж. Делез, который за основу своих построений брал утверждение, что оппозиция «модель-копия» более не имеет смысла. Так, само понятие подлинности, соответствия модели утрачивает смысл, ибо в головокружительной бездне симулякров теряется любая модель.

С точки зрения нерепрезентативного подхода к симуляции, последняя представляется имманентной реальности, так как возможность симулякра уже изначально присутствует в структуре бытия, и потому Ж. Делез утверждает: «Все стало симулякром. Но под симулякром имеется в виду не простая имитация, а, скорее, действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр – инстанция, включающая в себя различие как (по меньшей мере) различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии»³.

Для Ж. Делеза, в отличие от Платона, симулякр уже не просто копия копии, ослабевающее подобие, «деградирующая икона», а фантазмагорический образ, лишенный подобия, который в противоположность иконическому образу, поместив подобие снаружи, живет различием. Таким образом, по Делезу, подобие симулякра представляет лишь внешний эффект, иллюзию, но на деле подлинная его сущность в расхождении, становлении, вечном изменении и различии в самом себе.

С помощью теории симулякров Ж. Делез опровергает Платона, стремившегося установить соответствие хаотического мира и трансцендентной идеи, и при этом аргументы исследователь находит в самой сердцевине платонизма, в тех фрагментах, где Платон, пытаясь изъять из мира призраки и фантазмы, сам того не желая, придает им особую жизненную силу, поскольку несохожесть, несоответствие не оказываются недостатками, а становятся образцами, в которых развивается действительность.

Делезовская трактовка симуляции – одна из попыток раскрыть сущность виртуальности, но все же нельзя не обратить внимание на интересную интерпретацию рассматриваемого феномена, принадлежащую Ж. Бодрийяру. Как и Делез, Бодрийяр полагает, что симуляция начинается с утопии основ-

³ Делез Ж. Логика смысла. – М.: ИЦ Академия, 1995; Он же. Симулякр и античная философия // Логика смысла. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998; Baudrillard, J. Simulacra and Simulation. – University of Michigan Press, 1994.

238 ного принципа репрезентации, утверждающего эквивалентность знака и реальности. По Бодрийяру, симулякр никаким образом не соотносится ни с какой реальностью, кроме своей собственной. Если функция знака – отображать, символа – представлять, то в отношении симулякра говорить о каком-либо соответствии не имеет смысла. В отличие от Делеза, который разрабатывал преимущественно онтологические аспекты симуляции, Бодрийяр сосредотачивает свое внимание на социальных аспектах феномена и выдвигает тезис об «утрате реальности» в постмодернистскую эру, на смену которой приходит «гиперреальность». Знаки больше не обмениваются на означаемое – они замкнуты сами на себя.

Бодрийяровская «гиперреальность» по своей сути близка к рассматриваемому понятию «виртуальная реальность», понимаемому в данном случае как информационная среда, созданная имиджевыми технологиями средств массовой информации и коммуникации, а также такими родственными с ними практиками, как реклама и мода. Самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности», под которой Бодрийяр явно подразумевает проблемную картину мира Модерна. Так что в свете концепции кардинального изменения в «способе означивания» логичен вывод Бодрийяра о том, что симуляция модернистски понимаемой социальности стала тотальной практикой в постмодернистскую эпоху.

Особенность концепции Бодрийяра в том, что он предлагает рассматривать симуляции как заключительный этап развития знака, в процессе которого он выделяет четыре стадии развития:

- первая – отражение некоей глубинной реальности;
- вторая – маскировка и извращение этой реальности;
- третья – маскировка отсутствия всякой глубинной реальности;
- четвертая – утрата всякой связи с реальностью, переход из строя видимости в строй симуляции, т. е. обращение знака в собственный симулякр.

Основываясь на теориях Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра, *симулякр* можно определить как знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность, и, собственно говоря, перестающий быть знаком по сути. Это даже не «кентавр знака и тела». На самом деле *симулякр сам есть тело, но тело виртуальное*, т. е. он так же реален, как реально любое тело, являющееся референтом, но реален он виртуально. Именно поэтому симулякр не есть знак, но он сам может быть референтом по отношению к представляющему его знаку-симулякру следующего порядка (вспомним делезовские расходящиеся ряды, порождающие симулякры).

Симулякр начинается там, где заканчивается подобие. Там же и начинается *виртуальная реальность*, которая есть не что иное, как *пространство симулякров*. Пример – (забытые, но парадигмально вечные) игрушки тамагочи, виртуальные питомцы. Выстроим детерминированный ряд рассуждений в обсуждаемом контексте. Высшая степень близости между людьми – это любовь. Дружеские отношения – это некое подобие любви. Привязанность человека к домашнему животному – своего рода замещение дружбы с человеком. И вот животное заменяет виртуальный зверек – пластмассовая коробочка с маленьким экранчиком и несколькими кнопками, легко уместяющаяся в кармане. Конечно, можно сказать, что друг подобен любимому (-мой), равно как утверждать, что собака подобна другу; но говорить о том, что «примитивная» электронная игрушка подобна собаке – живому существу, объекту дружбы и любви, уже не представляется возможным. Но тем не менее виртуальный зверек реален, он инициирует заботу по отношению к себе, вызывает привязанность, отодвигает чувство одиночества.

Итак, там, где обрывается цепочка подобия, знак становится симулякром, той самой копией копии, лишенной привычного соответствия и живущей безумием различия, о котором пророчески говорил «аналоговый» Делез. Симулякр обретает свое виртуальное бытие, по отношению к которому наша реальность становится конституирующей, порождающей. Но

240 в своей реальности, которую мы воспринимаем как виртуальную, он становится референтом, образцом.

Вернемся к нашему примеру. Цепочку с тамагочи можно продолжить: чем будет фотографическое изображение виртуального зверька? Явно, что оно не будет симулякром, поскольку представляет собой лишь копию симулякра, и подобие составляет ее сущность. Но если мы поместим изображение виртуального зверька на экран монитора, «оживим» его, запрограммируем его в соответствии с прообразом, сделав кнопки интерактивными, наделив обратной связью, то копия симулякра обретет собственное бытие и, несмотря на внешнее подобие со своим прообразом, в сущности станет чем-то отличным от него, т. е. опять станет симулякром, но уже второго порядка. Таким образом, мы получаем симулякр, симулирующий другой симулякр. Этот «эффект вложенных матрешек» наводит на мысль о множестве миров, каждый из которых присутствует виртуально в другом, и, может быть, каждый из них сам по себе обладает полной реальностью, оставаясь в качестве виртуального лишь по отношению к породившему его миру.

Однако не станем углубляться в излишне выхолощенные интерпретации, неизбежно ведущие нас к субъективно-идеалистическим выводам: «жизнь – это сон, в котором мы видим другой сон», тем более что подобная увлеченность уводит далеко от ускользающего предмета рассуждений. Исследователями проблемы виртуальности отмечается, что сама по себе действительность, как природная, так и социальная, может выстраиваться по принципу вложенных, подобно матрешкам, реальностей. Например, государство можно рассматривать как виртуальный субъект, существующий в своей собственной виртуальной действительности, каркас которой составляют законы и решения, принимаемые органами власти, причем этот каркас государство вольно менять, как захочет. Однако для хозяйствующих субъектов законы государства не являются виртуальными, они объективны и обязательны для исполнения. Продолжая по аналогии, можно отметить, что хозяйственный субъект творит свою виртуальную среду, ко-

торая для его сотрудников и подразделений будет объективной. Следовательно, налицо своеобразная иерархия реальностей, являющихся генетически родственными и образующих разнообразие.

Подводя итог рассмотрению виртуальной реальности, охарактеризуем ее как *организованное пространство симулякров – особых объектов, «отчужденных знаков», которые в отличие от знаков-копий фиксируют не сходство, а различие с референтной реальностью.*

В противоположность актуальной действительности, выражающей целостность, стабильность и завершенность, виртуальная реальность является источником различия и многообразия, является феноменом, имманентным самой структуре бытия, воплощающим возможность творческой, генерирующей деятельности. Существует мнение, что человек изначально погружен в виртуальную реальность и переходит из одного виртуального состояния в другое, т. е. виртуальная реальность – это та ресурсная среда, которая вскормила и воспитала человека. Так или иначе, люди всегда стремились обустроить окружающий мир, создавая свои миры, по сути дела являющиеся виртуальными. Их виртуальность обусловлена пресловутыми «идолами» человеческого сознания, из-за которых познание вместо отражения реальности имеет результатом ее симуляцию, т. е. создание картины мира, имеющей мало общего с изображенным на ней миром и зачастую основанной на пустых, мнимых понятиях.

Из сказанного становится ясно, что такое явление, как виртуальность, отнюдь не является чем-то сверхновым и, как уже отмечалось, осознание роли виртуальной реальности в жизни человека началось с полномасштабного внедрения электронных технологий. Именно информационное общество способствовало утверждению виртуальной реальности в качестве общественно значимого феномена, роль которого позволяет говорить о наступлении «виртуальной цивилизации».

Симулякры как виртуальные объекты всегда присутствовали в различных ипостасях в индивидуальной и социальной

242 жизни. Но только сегодня они становятся неотъемлемыми характеристиками, во многом определяющими специфический постмодернистский «образ» информационного общества, которое и создало технологические возможности для реализации ресурсов, до сих пор остававшихся незадействованными в рамках предшествующей социокультурной парадигмы. Кроме того, столь бурное развитие технологий виртуальной реальности вызвано реальными потребностями в переходе от актуальных к виртуальным способам передачи и освоения информации, особенно в сфере образования. В настоящее время нас окружает океан фактов. Их можно воспринимать как числовые ряды, текст, образы, голос, музыку, но все эти формы актуальны по своей сути, т. е. исключают возможность интерактивного взаимодействия. Виртуально построенные объекты воспринимаются человеком в более «живой» форме, чем объекты актуальные, отгороженные ригидными рамками своей данности и завершенности. Это во многом связано с тем, что виртуальная реальность строится по принципу «обратной связи», что позволяет осуществить максимальное вхождение человека в информационное пространство. Очевидно, что причиной виртуализации современного общества является объективная потребность в переходе информационных технологий на новый качественный уровень, а также имманентная человеку потребность в творчестве, в создании новой реальности, таких миров, по отношению к которым он являлся бы бесконечным демиургом.

Завершая рассмотрение общетеоретических аспектов виртуальной реальности, обратимся к конкретным проявлениям этого феномена в социальной жизни. Изменения, произошедшие в обществе в связи с распространением постмодернистского мироощущения, указывают на то, что именно в их контексте следует рассматривать распространение технологий виртуальной реальности. При рассмотрении влияния виртуальной реальности на жизнь общества обратим внимание главным образом на те ее стороны, которые так или иначе связаны с информационными и электронными технологиями,

т. е. на тот базис, на котором основывается информационное общество.

Обзор возможностей применения виртуальной реальности справедливо начать с компьютерной области, где, собственно говоря, и «материализовалось» столь долго остававшееся нереализованным желание создавать альтернативные миры без ущерба миру реальному. Применительно к компьютеру виртуальная реальность неразрывно связана с графическими технологиями, которые посредством наделенного обратной связью взаимодействия «человек-компьютер» и дают эффект присутствия в некоем другом, отличном от действительного, искусственном мире. Виртуальный мир, в котором оказывается человек в результате слияния компьютерной графики с возможностью непосредственного воздействия на события, принято называть *киберпространством*. Этот термин впервые появляется в 1985 г. в научно-фантастическом романе Уильяма Гибсона *Neuromancer* («Нейромант»), где используется для описания вселенной электронной медитации, в которой сосуществуют миллиарды людей. Гибсон дает следующее определение: «Киберпространство – это согласованная галлюцинация, которую каждый день испытывают миллиарды обычных операторов во всем мире. Это графическое представление банков данных, хранящееся в общемировой сети компьютеров, подключенных к мозгу каждого человека. Невообразимая сложность – линии света, выстроенные в пространстве мозга, кластеры и созвездия данных»⁴. Термин «киберпространство» стал синонимом понятия «компьютерная виртуальная реальность».

По мнению ведущего исследователя в данной области Ф. Хэмита, киберпространство – это сфера информации, созданная посредством электроники. Минимальное его восприятие осуществляется с помощью экрана монитора и нехитрых управляющих приспособлений типа «мыши» или джойстика. Очевидно, что в рамках данного способа взаимодействия остается зазор между человеком и киберпространством,

⁴ Gibson, W. *Neuromancer*. – N.Y.: Ace Books, 1994.

244 т. е. идея виртуальной реальности воплощается не полностью. Ведь для достижения эффекта полного в ней присутствия необходимо, чтобы интерфейсы были не просто представлены, но замещением во всех смыслах. Пользователь должен не просто передвигать манипулятор, датчик, прикрепленный к телу, или другое средство контроля, но поворачивать виртуальную ручку так же, как и реальную.

Современные технические разработки уже позволяют достичь прямого контакта с виртуальными объектами. Осуществить такое взаимодействие можно с помощью головного дисплея, создающего трехмерное изображение, и так называемой «перчатки данных», рецепторы которой чутко реагируют не только на положение, но на форму и изгибы руки. При совмещении данных, полученных от перчатки, со стереоскопическим изображением на экране внутри шлема образуется впечатление полного погружения в виртуальную реальность. Таким образом, технологии способны не только симитировать, но и полностью симулировать действительность. Входя в киберпространство, человек начинает ощущать себя не просто окруженным какими-то странными ландшафтами, нереальными телами, но и он сам становится таким телом – симулякром, «развеществленным» телом. Данный факт уже выходит за пределы событий чисто технологического плана.

Представление о виртуальной реальности как о киберпространстве породило культовое течение «киберпанк», которое изначально возникло как версия мировоззрения панков. Киберпанк получил распространение и сформировал особое направление в научной фантастике, где на передний план выводится проблема взаимопроникновения человеческого и технологического. Писателей-киберпанков (наиболее заметные среди них Руди Рукер, Джон Ширли, Брюс Стерлинг, Уильям Гибсон), интересовали проблемы воздействия на человека киберпространства и виртуальной реальности, создания искусственного интеллекта, роли и места индивида в тотально информатизированном обществе будущего. По сути дела, киберпанк является постмодернизированной фантастикой –

литературным направлением, тесно переплетающимся с постмодернистскими взглядами Бодрийера и Джеймисона, в то же время опирающимся на идеи культовых писателей 1960 гг., таких как Берроуз и Пинчон, а также таких «продвинутых» фантастов, как Ф. К. Дик, Дж. Баллард, Т. Диш. Как и во всей постмодернистской литературе, в киберпанковских произведениях переплетаются различные жанры, смешиваются элементы высокой и поп-культуры, широко используется практика цитирования.

Несмотря на ту особую роль, которую играет фантастическая литература в формировании идеологии киберпанка, последний нельзя отождествлять с ней полностью. Киберпанк – это не только и не столько молодежное движение или направление в научной фантастике. Киберпанк – это стиль жизни, в котором особое место занимает виртуальная реальность. Намеченный в киберпанковских романах и фильмах, этот стиль благодаря развитию компьютерной техники и созданию глобальной сети Интернет воплотился в реальность современной жизни, во многом оказавшейся фантастичнее самых фантастических прогнозов. Собственно говоря, главная идея киберпанка заключается в том, что в результате развития информационных, электронных и виртуальных технологий границы между человеком и машиной безвозвратно размываются. Другой, не менее важный лейтмотив, пронизывающий мировоззрение киберпанков, был заимствован из идеологии хакеров и связан с неограниченной свободой доступа к информации и недопущением ее использования в корыстных и конъюнктурных целях. Приведенные черты киберпанковского мировоззрения характерны вообще для всей киберкультуры, возникшей вокруг глобальной сети. На самом деле в современном мире, опутанном Всемирной паутиной и позволяющем любому пользователю соприкоснуться с виртуальной реальностью, киберпанк перестает быть маргинальным течением, а его альтернативный пафос сходит на нет. В то же время данный феномен важен как яркий пример организации вокруг технологий виртуальной реальности специфического

246 течения, охватывающего как сферу искусства, так и сферу межличностных отношений в информационном обществе.

Прорыв в области информационной деятельности, осуществленный технологиями виртуальной реальности, несет в себе довольно значительные последствия как для индивида, так и для общества. Посредством технологий виртуальной реальности человек получает возможность по-новому ощутить бытие, обрести иной телесный образ, и возникает вопрос, каким образом такая трансформация может на него повлиять. Кроме того, по-другому следует взглянуть на проблему коммуникации. Ведь наделенные виртуальными телами люди могут осуществлять непосредственное взаимодействие друг с другом в киберпространстве, и трудно предположить, во что могут вылиться такие неожиданно открывшиеся возможности. Пока что мы сталкиваемся с последствиями переплетения реальной и виртуальной жизни в фантастической литературе и кинофильмах в стиле киберпанк, причем показанное в них положение дел отнюдь не внушает оптимизм. Так или иначе, но действительность оказывается порой гораздо фантастичнее любой научной фантастики, а брать на себя смелость делать футурологические прогнозы, особенно апокалиптического характера, – занятие из разряда неблагодарных.

О чем можно говорить сегодня определенно, так это о вхождении в современную культуру специфически новых технологических способов бытия в мире. Смерть субъекта, которую провозгласили постструктуралисты, находит безусловное подтверждение в процессе виртуализации информационных технологий. Субъект в электронную эру уже не может быть описан в парадигме классической философии, и для описания субъективной позиции в контексте киберландшафта современного состояния предлагаются новые термины, например, «техносостояние рассудка» (Б. Стерлинг) или «терминальная (конечная) тождественность» (У. Берроуз). По мнению С. Бьюкетмена, последний эпитет более удачен, так как в нем воплощаются как технопророчества М. Маклюэна, провозвестника электронной эры, так и культурные анализы теоре-

тика постмодерна Ж. Бодрийяра. *Терминальная тождественность* – это безошибочно вздвоенное сочленение, в котором мы находим и конец субъекта, и новую сконструированную субъективность.

Так, начав с довольно узкой области применения технологий виртуальной реальности, мы приходим к фундаментальным философским проблемам, связанным с деконструкцией субъекта в культуре постмодерна. И дело даже не в том, что сбываются выдвинутые еще в 1960–70-х гг. прогнозы М. Маклюэна о расширении и продолжении нервной системы человека электронными медиа, и не в том, что в результате такого расширения происходит слияние человека с машиной и образование «компьютерно-порожденного» субъекта – гибрида человеческого и технологического создания, имя которому *киборг*. Главное – налицо факт *слияния субъекта и симулякра*. Субъект обращается в собственный симулякр и, физически, телесно оставаясь в действительном мире, ментально переходит в мир виртуальный, в пространство симулякров, где наделяется новым телом, не имеющим ничего общего с телесностью. По сути, имеет место шизофреническое состояние, расщепление целостности индивида, который одновременно находится в двух пространствах: уютно расположившийся за столом, окруженный компьютером и периферийными устройствами, он в то же время ощущает себя другим существом, движения которого он видит на экране и управляет ими.

Очевиден эффект двойного присутствия, обладания двумя самостями. Но здесь уместен вопрос: умножая самость, не придем ли мы к ее полной вивисекции? Бесспорно, нельзя умалять опасности, связанной с возможностью полного растворения пользователя в киберпространстве, от чего не перестают предостерегать голоса скептиков или противников виртуальных технологий. Для подобных опасений есть все основания. Новейшие программные и сетевые технологические разработки уже сейчас позволяют сделать пребывание в виртуальной реальности настолько доступным и притягательным, что реальный мир с его несовершенством, исканиями и

248 тревогами начинает сдавать свои позиции симулятивному фантазмагорическому миру, где место социальности занимает симуляция. Складывающееся положение дел указывает на то, что мир информационного общества преобразуется в тотальную симуляцию, о чем, собственно, и говорил Бодрийяр в своих социологических построениях.

И все же оставим за собой право смотреть в будущее если не оптимистично, то хотя бы реалистично, не пытаясь «сгустить краски» алармистскими прогнозами и провоцировать неолуддизм. История внедрения технических средств в жизнь общества показывает, что люди всегда изначально пугались подобных новшеств, опасаясь трансформации своей привычной жизни под их давлением. Так, когда-то паровоз воспринимался как «дьявольская машина» и даже в психологии закрепился термин «железнодорожный параноид». В то же время общество еще не отвергало никаких технологических новаций, способных хоть как-то улучшить или изменить способы удовлетворения индивидуальных или социальных потребностей – оно всегда ассимилировало их, пытаясь регулировать проявление негативных следствий. В связи с этим можно предположить, что, несмотря на свою потенциальную опасность, технологии виртуальной реальности будут неуклонно продолжать развиваться и внедряться в жизнь человечества, тем более возможности, которые они открывают во многих областях жизнедеятельности человека, фактически безграничны. Да и не следует рассматривать симуляцию и виртуальную реальность как нечто однозначно негативное. Как мы уже отмечали, удел расставлять ценностные акценты, обращать их во зло или во благо – прерогатива самого человека.

Примечательно, что компьютерные технологии виртуальной реальности позволяют реализовать самые фантастические желания человека, исполнение которых в реальной жизни было бы невозможным в силу действия физических или социальных законов. Речь идет не только о расширении границ творчества, но и о получении удовольствия от новых ощущений, например, человек может виртуально испытать наслаждение от полета –

чувство, которое было доступно ему лишь во снах. Технологии виртуальной реальности открывают практически бесконечные перспективы в конструировании игровой реальности. По поводу влияния компьютерных игр на процесс формирования и воспитания личности в настоящее время ведется много споров. По мнению одних, подобное времяпрепровождение влечет за собой лишь деградацию, выключение индивида из социального поля. Другие считают, что посредством виртуальных игр болезненно для общества реализуются врожденные низменные желания человека, например, тяга к агрессивности, перверсивные сексуальные наклонности и ряд других маргинальных интенций. Так это или нет, но особая роль игровой деятельности в жизни людей неоднократно подчеркивалась в различных исследованиях, и было бы слишком самонадеянно предполагать, что компьютерные игры, столь пришедшиеся «по вкусу» как детям, так и взрослым, добровольно сдадут свои позиции.

Итак, использование виртуальной реальности для создания игровых пространств хоть и спорно, но все же в целом оправданно. Главное – соблюсти ту грань, когда симуляция перестает способствовать рождению новых реальностей, а начинает заслонять, маскировать события настоящей жизни, населять ее пустыми понятиями, впечатляющими и очаровывающими, при этом затуманивающими сознание человека и заслоняющими подлинную картину бытия.

Именно когда симулякры агрессивно начинают вытеснять породившую их реальность, «их нужно собрать где-нибудь вдалеке от копий, спрятать глубоко под землей, сковать цепями и не выпускать на поверхность»⁵. Ярким примером подобной деструктивной симуляции может послужить использование виртуальных технологий при ведении военных действий. Война сегодня зачастую воспринимается не как событие, совершающееся в реальности и разрушающее жизни людей и труды их рук, а как *игра в войну*, происходящая на компью-

⁵ Гиренюк Ф. И. Симуляция и символ: вокруг Ж. Делеза // Социо-логос постмодернизма. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. – С. 223.

250 терных и телевизионных экранах. «Стиль» ведения современных войн, образцами которых послужили первая Иракская и Югославская кампании, предполагает максимальное отдаление субъекта силового воздействия от жертв и последствий его воздействия. Отгороженные дисплеями от реального театра военных действий, летчики или моряки, запускающие смертоносные ракеты, оказываются полностью выключенными из универсума войны, заполненного ужасом, смертью и отчаянием. Ситуация такова, что происходит столкновение не с виртуальными событиями в чистом виде, а с какой-то видимостью симуляции, выходящей за рамки пространства симулякров и имеющей вполне определенные и совсем не виртуальные результаты – разрушение и смерть. Освоившие новейшие информационные технологии «постмодернистские» войны по особому страшны.

Виртуальная реальность и современные информационные технологии

Каковы же позитивные варианты использования технологий виртуальной реальности? Не ставя перед собой задачу детального рассмотрения технических аспектов применения виртуальной реальности в той или иной области человеческой деятельности, обозначим генеральные направления, получившие развитие в современной культуре.

В сфере образования виртуальные технологии коренным образом преобразовывают процесс освоения информации, что позволяет представить ее в качественно иной форме, создавая эффект включенности в обучающую среду, т. е. деконструируется тип субъект-объектных отношений, выстраивающийся в оппозицию ученик-учитель. Кроме того, они позволяют ввести игровой элемент в ход обучения, что, несомненно, поможет сделать его более живым и интересным.

Современные компьютерные сети могут значительно расширить границы доступного информационного пространства, которые в сочетании с технологиями виртуальной реальности создают возможности для новых форм получения информа-

ции. Так, уже стали реальностью виртуальные музеи, с лекциями которых можно ознакомиться не покидая своего дома. Идет стремительное развитие виртуальных библиотек, где представленные в цифровой форме тексты становятся максимально удобными для пользователя. В виртуальном пространстве создаются учебные классы, где могут проходить реальные уроки с реальными студентами. Но наиболее интенсивное вхождение виртуальной реальности обнаруживается в средствах массовой информации. Именно на основании их виртуализации мы можем говорить о фактах вытеснения отражения действительности ее симуляцией.

В области экономики в первую очередь обращает на себя внимание возможность использования технологий виртуальной реальности в производстве, а именно в конструкторской деятельности. В этой области виртуальные технологии становятся незаменимыми до такой степени, что разрушают сложившийся порядок разработки промышленного изделия, предполагавший бесконечный ряд чертежей, моделей испытаний и доработок. Сейчас во многом отпала необходимость создавать дорогостоящие модели, их с успехом заменяют симулякры – виртуальные объекты, а процесс испытания может быть осуществлен, или, если быть точным, симулирован в виртуальном пространстве. При этом на виртуальной модели мы безболезненно для реальной окружающей среды можем проводить любые эксперименты, что является немаловажным фактором в контексте особого места экологической проблематики в современной культуре. Конечно, применение технологий виртуальной реальности в экономике не ограничивается одним лишь конструированием.

Так, в геологии они успешно задействуются для определения залежей полезных ископаемых, например поиска нефтяных месторождений, который осуществляется не экспериментальным путем (сомнительным с точки зрения экологии), а с помощью построения виртуальной модели, учитывающей все особенности строения коры земли в выбранной местности и позволяющей путем обработки имеющихся данных получить

252 достаточно достоверные результаты. Виртуальное моделирование природных явлений широко применяется в метеорологии, что позволяет более точно спрогнозировать погоду, ожидаемую в конкретном регионе Земли. В медицине виртуальная реальность используется в процессе обучения мануальной технике ведения операций. Особо выделим градостроительство и архитектуру, где утвердились постмодернистский подход, требующий вписанности создаваемого сооружения в городской и природный ландшафт, а также учет ряда других важных параметров. Виртуальные технологии позволяют добиться максимальной реализации этих установок, и сделать это можно задолго до начала строительства, что оградит от непоправимых последствий.

Итак, даже беглый обзор возможных направлений использования виртуально построенной реальности говорит о том, что данный феномен занимает уже довольно значительное социокультурное пространство в современном обществе и что в дальнейшем его роль будет неуклонно возрастать. Симуляция как таковая может рассматриваться в качестве специфической характеристики постмодернистского мироощущения, а посредством виртуальных технологий симуляция вошла неотъемлемым деятельностным компонентом во все подсистемы информационного общества. На самом деле, виртуальные информационные технологии – это лишь одно из возможных воплощений симуляции, проявления которой мы можем найти и в сфере межличностных и сексуальных отношений, в искусстве, в политике и т. д. В сегодняшнем виртуализированном обществе симулятивная деятельность принимает такие масштабы, что позволяет говорить об утрате устойчивости социальных структур и об ощущении призрачности и нестабильности социального бытия в ситуации постмодерн, ярким примером чего стал начавшийся в 2008 г. глобальный кризис, порожденный виртуализацией финансовой сферы.

Возможность использования виртуальной реальности может помочь решить исследовательские задачи в целом ряде психологических направлений. Так, психологические

исследования в сфере искусства имеют давнюю традицию. При этом выделяются такие классические направления исследований, как изучение личности создателя произведения искусства, особенностей восприятия и эмоциональных процессов зрителя/слушателя и влияния искусства на психические состояния человека (в том числе в психотерапии). В то же время исследования искусства как особого способа постижения мира весьма ограничены. Э. В. Ильенков выделяет две основные функции искусства – коммуникативную и познавательную⁶. Основанием для различения этих функций является применяемое средство: если в коммуникативной функции на первый план выходит знак, то есть семиотика, то в познавательной функции искусства – символ.

Говоря о познавательной функции искусства, вначале необходимо определить ее отличие от аналогичной функции в науке, которое, с нашей точки зрения, выражается в средстве познания: если в науке это прежде всего знак, то в искусстве – символический образ. Проблема различения знака и символа представлена в работах многих философов, психологов, искусствоведов (А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский, Ж. Пиаже, Э. Гомбрих). На наш взгляд, можно зафиксировать следующие различия между символом и знаком.

Во-первых, специфика знакового отражения состоит в том, что субъект может сразу обратиться к значению, то есть в известном смысле оставить без внимания «внешность» ситуации. *Ориентировка на основе символа целиком происходит в пределах внешних особенностей ситуации*, а сами свойства и отношения фрагментов этой внешности начинают в случае совершения действий выступать в роли значения. При этом внешние особенности ситуации сливаются с действиями в силу того, что сами действия совершаются в пределах этой «внешности». Здесь можно сослаться на классическое определение Г. В. Ф. Гегеля, согласно которому символ отличен от знака тем, что «последний есть некоторое созерцание, собственная

⁶ Ильенков Э. В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991.

254 определенность которого по своей сущности и понятию является более или менее тем самым содержанием, которое он как символ выражает; напротив, когда речь идет о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, знаком чего оно является, не имеют между собой ничего общего»⁷. Другими словами, символ тем отличается от знака, что в образной форме передает некоторую идею, а знак ее лишь обозначает.

Во-вторых, особенность символического отражения заключается в том, что оно *действует в ситуации неопределенности*. Под ситуацией неопределенности понимается такая ситуация, в которой неизвестны способы достижения цели, сама цель или условия. Таким образом, хотя ситуация представлена внешними особенностями, ее внутренние, структурные отношения скрыты от субъекта. Поэтому если за знаком находится определенное значение (или набор значений), то для символического образа соответствия в значениях нет (поскольку нет понимания в значениях той ситуации, с которой сталкивается субъект). По мысли М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского, символический образ маркирует непонятое на настоящий момент, то есть искусство выполняет сигнальную функцию, отмечая области напряженности в культуре общества⁸.

Заметим, что и в жизни конкретного человека использование символической репрезентации неминуемо связано со столкновением с ситуацией неопределенности. В работе И. Джозефс исследовалось поведение людей, потерявших своих близких. Среди многочисленных примеров поведения оказавшихся в подобной ситуации субъектов автор показывает, как могила становится символом ушедшего человека. Родные через отношение к этому месту стараются примириться с ситуацией смерти близкого: они особым образом ухаживают за ней, устанавливают своеобразные ритуалы, которые, по

⁷ Гегель Г. Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977.

⁸ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. – М.: Языки русской культуры, 1997.

их мнению, выражают доброе отношение к покойному, делятся своими переживаниями, сообщают последние новости (характерен в этом смысле пример 76-летнего старика, который пришел на могилу отца, чтобы рассказать ему о том, что купил новый автомобиль). Такое поведение, на наш взгляд, демонстрирует ориентировку в образной оболочке символа (в данном случае материальной – в виде могилы), позволяющей субъекту справиться со своими эмоциями и таким образом адаптироваться к изменившемуся миру.

Если говорить о создании произведения искусства, то становится очевидным, что за ним всегда лежит ситуация неопределенности, которая находит свое выражение в символическом образе автора. В то же время и зритель, сталкиваясь с этим образом, оказывается в ситуации неопределенности (в силу того, что сам образ несет в себе противоречивые тенденции и создает тем самым ситуацию неопределенности) и постоянно пытается понять ту ситуацию, которая стоит за этим образом. Можно сказать, что зритель вовлечен в процесс интерпретации образа и его эмоционального переживания одновременно. Достаточно ярко этот процесс проявляется при чтении романа Ф. М. Достоевского «Идиот», в котором князь Мышкин сочетает в себе две разных любви к двум женщинам. В результате создается противоречивый образ героя, что усиливает символизм произведения. Точно так же, анализируя трагедию У. Шекспира «Гамлет», Л. С. Выготский справедливо указывает на то обстоятельство, что поведение героя не укладывается в однозначную интерпретацию⁹. Читатель вынужден менять свое понимание мотивов действий Гамлета, но даже в конце произведения он так и не находит адекватного (в логике значений) объяснения его поступкам. Это заставляет воспринимать героя как некоторый символический образ, за которым, по мысли автора, стоит некоторая реальная жизненная ситуация, сложная своей неопределенностью. Можно сказать, что одна из задач искусства состоит в предчувствии проблемы,

⁹ *Выготский Л. С.* Психология искусства. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1968.

256 в описании внешних особенностей проблемной ситуации, которая выступает как ситуация неопределенности.

В-третьих, необходимо указать на *возможность перехода от символической формы репрезентации к знаковой*. Это возможно лишь в том случае, если ориентировка в образном содержании символа приводит к нахождению определенного соответствия между ним и скрытым значением, структурой ситуации неопределенности. Другими словами, возникающее в сложной ситуации символическое представление может оказаться продуктивным (иметь «выход» в область значений) или непродуктивным – в этом случае субъект не перейдет к значению, и ориентировка в ситуации ограничится исследованием образного содержания символа. Из этого следует, например, что символический образ содержит в себе возможности перехода к знаку. А. Ф. Лосев отмечает, что «символ вещи есть ее знак, но только не мертвый, а рождающий собою многочисленные единичные структуры, обозначенные им в общем виде как отвлеченно-данная идейная образность»¹⁰. Точно так же, согласно К. Г. Юнгу, знак всегда меньше понятия, которое он представляет, а символ всегда больше, чем его непосредственный смысл¹¹.

По нашему мнению, переход от символической репрезентации к знаковой имеет место как на уровне развития общества в целом, так и на уровне развития каждого конкретного индивида. Так, по мнению Л. Леви-Брюля, для первобытного сознания был характерен именно символический способ познания реальности¹². Вместе с тем, известный исследователь начальных форм мышления В. П. Алексеев подчеркивал, что, если бы такие формы мышления не передавали реальных отношений, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни, у человечества не было бы шансов не только развить-

¹⁰ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995.

¹¹ Юнг К. Г. Подход к бессознательному // Архетип и символ. – М.: Изд-во «Ренессанс» СП «ИВО-Сид», 1991.

¹² Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994.

ся, но и выжить в условиях изменяющегося мира: «...элементарный анализ той сферы сознания, которая охватывает эмпирический опыт, показывает, что эта сфера у первобытного человека, как и у человека развитого современного общества, есть сфера чистой логики, никакой иррационализм, никакое сопричастие не по действительным, а по кажущимся связям в ней невозможны, эмпирический опыт сразу же перестает быть тем, что он есть, а именно могучим стимулом прогресса. Эмпирические наблюдения, иррационально истолкованные, сразу ввергают любой первобытный коллектив в пучину бедствий и автоматически исключают возможность его дальнейшего развития»¹³. Исследуя мифологические формы культуры, Я. Э. Голосовкер показывает наличие в них не только элементов символического плана, но и структурных отношений, характерных для современных научных знаковых моделей: «Категория причинности к тени Аида неприменима, ибо существование бесплотного образа самого по себе было бы причинно объяснимо только как галлюцинация. <...> Тело тени, то есть ее видимый образ, столь же имагинативно, как и статистический образ позитрона. Масса их негативна. Занимая пространство, они занимают только нулевое пространство. <...> Пусть тень Аида выдумана, нереальна – позитивный электрон реален»¹⁴.

В психологии развития накоплены факты, которые позволяют с уверенностью говорить о том, что в качестве психического средства образные, символические средства опережают понятийные, знаковые. Так, исследования памяти у взрослых на примере запоминания ряда слов показывают, что чем длиннее слово («пианино», «банан» в сравнении с «кот», «зонт»), тем хуже оно удерживается в памяти, поскольку процесс запоминания неразрывно связан с внутренним проговариванием. Однако эксперименты с детьми 3-5 лет показали, что дошкольники не испытывают сложностей, связанных с кодированием изображений, названия которых различались

¹³ Алексеев В. П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984.

¹⁴ Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – С. 76.

258 по длине. Дошкольнику сложнее запомнить объекты, которые имеют много схожих физических характеристик (например, ручка, вилка, ключ). непохожие объекты (например, кукла, стол, колесо) дошкольник запоминает гораздо легче. Младшие школьники не демонстрируют такой чувствительности к физическим характеристикам, и при запоминании длинных слов («полицейский», «кенгуру» и т. д.) они испытывают значительные сложности. Это обстоятельство еще раз указывает на тот факт, что примерно с семи лет фонологическое кодирование начинает доминировать над визуальным при выполнении мнемических заданий. В связи с этим одно из объяснений феномена «инфантильной амнезии» заключается в том, что образная кодировка воспоминаний, которая свойственна памяти дошкольника, не может быть переведена в кодировку в значениях.

Однако, как и в случае описания структуры в мифах Я. Э. Голосовкером, можно утверждать, что символический образ является средством подлинного познания реальности ребенком. В связи с этим обратимся к игровой деятельности дошкольника, в рамках которой наиболее ярко проявляется *ценность символического образа как средства познания*. Л. С. Выготский приводит классический пример того, как ребенок играет в лошадку, изображая скакание на лошади с палочкой. Вот как описывал этот пример А. Н. Леонтьев: «Палочка вступает в игру как предмет, имеющий собственное значение; ребенок оперирует с ней, как с палочкой, а не как с лошастью. Палочка не имеет здесь символической функции. Вместе с тем что-то меняется: ведь палочка выступает в игре иначе, чем в практической операции. Это изменение можно выразить так. Палочка приобретает не новые символические функции, новые значения, а определенный личностный смысл для ребенка. Этот специальный смысл, значение для субъекта, порождается своеобразной мотивацией. Конкретный мотив, отвечающий конкретной потребности, является и аффективным, и аффектогенным. Действие с игровым предметом отражает конкретную потребность и соответственно... приобретает и известное

аффективное содержание, аффективно-субъективный смысл и подчиняет себе собственно предметное значение игрового предмета. Палочка выступает в своеобразной роли, которая более поучительна, чем роль просто символа или второго, временного значения»¹⁵. Еще раз подчеркнем, что только благодаря тому, что ребенок не может включиться в реальную ситуацию катания на лошади (которая остается для дошкольника неопределенной), он пытается проиграть эту ситуацию с палочкой.

А. Н. Леонтьев достаточно полно показал сложный характер преобразований ситуации, происходящих в игровой деятельности. Ребенок хотел бы кататься на лошади, а не на палочке. Однако лошадь при этом отсутствует. Есть некоторое мотивационно-потребностное напряжение, которое вызвано ситуацией неопределенности (реально в распоряжении ребенка лошади нет). В связи с этим происходит замещение лошади палочкой. Это не просто замещение, но и отнесенность к лошади действий с палочкой, то есть опредмечивание потребности кататься на лошади в палочке. Хотя игровой план отличается от реального, однако благодаря игре для ребенка становится доступным познание объективных свойств окружающих его предметов и явлений. Как указывал Ж. Пиаже, дошкольнику доступен лишь «фигуративный», внешний аспект образа ситуации, и этот внешний аспект выступает для него в качестве основания для понимания смыслов и значений действий взрослых¹⁶.

Игровая деятельность не случайно является ведущей в дошкольном возрасте – в воображаемой ситуации дети способны продемонстрировать более высокий уровень познавательного развития. Например, если спросить ребенка 4-6 лет о том, что будет, если мама поиграет в футбол, то большинство детей ответит, что мама не играет в футбол. В то же время, если спросить, что будет, если игрушечный дракон поиграет в футбол,

¹⁵ Леонтьев А. Н. Психологические основы дошкольной игры. – М.: Педагогика, 1983.

¹⁶ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М.: Международный психологический академия, 1994.

260 то большинство детей правильно ответит, что он устанет, испачкается и т. д. В экспериментах Э. Маркман¹⁷ был описан следующий феномен. При освоении ребенком 3-4 лет новых слов, он руководствуется следующим принципом: новое слово обозначает объект целиком, а не его части. Поэтому когда ребенок слышит новое слово, применяемое к объекту, название для которого у него уже есть, то новое слово автоматически относится не к объекту в целом, а к какому-то признаку. А если дошкольнику демонстрируется два предмета: название которого ему известно и название которого он не знает, новое слово автоматически распознается как название нового предмета. Как известно, в игровой деятельности ребенок может не только использовать несколько названий для одного и того же предмета, в зависимости от сюжета игры, но и приписывать объектам взаимоисключающие свойства. Отметим, что и в более старших возрастах символический образ может эффективно применяться для решения различных познавательных задач.

Совершенно очевидно, что переход от символического образа к знаку как в общем развитии человечества, так и в развитии конкретного индивида нельзя обозначить как переход по типу аналогии, поскольку символический образ по своей природе не может быть переведен в знаковую структуру. Поэтому, по нашему мнению, попытки однозначного преобразования произведений искусства, выражаемые в образах, в логические структуры затруднительны. В то же время, поскольку символический образ допускает возможность интерпретации, он выступает, по выражению А. Ф. Лосева, порождающей моделью: «...в символе эта порождающая модель дается максимально интенсивно, она особенно глубоко заинтересовывает нас в отношении символизируемой предметности, она обладает особенно общим характером, она использует свою образность в подчеркнuto значительном смысле, она часто

¹⁷ Heibeck, T. H., Markman, E. M. Word Learning in Children: An Examination of Fast Mapping // Child Development. – 1987. – № 58.

даже ее просто пропагандирует и острейшим образом за нее агитирует»¹⁸.

Как верно отмечает Ю. М. Лотман, понятие модели хотя и применимо в искусстве, оно качественно отличается от понятия модели в науке¹⁹. В искусстве художник изначально имеет представление о внешней целостности воспроизводимого объекта и воссоздает эту целостность, не будучи осведомленным о соотношении структур и ее элементов между реальным объектом и его художественным образом. Важно то, что не случайно многие изобретения в науке на этапе своего рождения были связаны именно с эстетическими переживаниями: «поэт Малларме вдохновляет математика Пуанкаре, философ Лосев умозаклучает от теории относительности к миру сказок, крупнейший физик современности Вольфганг Паули пишет книгу в соавторстве с психологом Юнгом, доказывая родство мира микрофизики с глубинной психологией, и ему вторит другой крупнейший физик, Вернер Гейзенберг, ошеломительную фразу о том, что, исследуя Вселенную и ожидая обнаружить в ней объективные свойства, “человек встречает самого себя”... сказав это, мы попали в самую сердцевину нашей проблемы, ибо указанный способ – символический»²⁰. Даже в самых строгих науках широко представлена идея эстетики. В математике существует устойчивое выражение: «красивое решение», то есть решение, которое с помощью минимальных средств максимально полно передает идею.

Мы хотели бы согласиться с Э. В. Ильенковым, который писал, что «подлинная специфика искусства заключается... в том, что оно развивает отнюдь не “специфическую”, а всеобщую, универсальную человеческую способность, то есть способность, которая, будучи развитой, реализуется в любой сфере человеческой деятельности и познания – и в науке, и

¹⁸ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995.

¹⁹ Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973.

²⁰ Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (критика и анализ). – М.: Академический проект, 2010.

262 в политике, и в быту, и в непосредственном труде»²¹. Символический язык искусства выступает как продуктивный способ познания в ситуации неопределенности, в момент познания нового, то есть в ситуации, когда знак еще бессилён.

Несмотря на очевидную необходимость исследования образа, вопрос о возможностях подобных экспериментов остается открытым. Классическое направление исследований эстетического стимула представлено работами Д. Берлина. Ссылки на его эксперименты присутствовали в 40% исследований, посвященных экспериментальному изучению психологии искусства до 1990 г. (лишь в 15% случаев авторы ссылались на Р. Арнхейма). Д. Берлин исходил из закономерности предпочтения стимула, описанной еще В. Вундтом: интенсивность стимула и его предпочтение описываются перевернутой U-образной кривой. Правомерность этой закономерности объясняется тем, что центры удовольствия имеют более низкие пороги, чем центры неудовольствия. Поэтому до определенного момента увеличение интенсивности стимула связано с получением удовольствия. Д. Берлин обнаружил, что справедливость постулата В. Вундта нуждается в корректировке. Так, было показано, что испытуемые при демонстрации им многоугольников предпочитают либо простые фигуры, либо, наоборот, очень сложные. Оказалось, что сложные фигуры предпочитались потому, что они вызывали у испытуемых ассоциации с известными им объектами, и только когда этот параметр был ликвидирован при расчетах, закономерность В. Вундта подтвердилась. Полученные результаты побудили Д. Берлина дополнить предположение В. Вундта, поскольку оказалось, что предпочтение стимула не просто зависит от его интенсивности, но и определяется, во-первых, сравнительными признаками, то есть признаками, которые сравниваются с прошлыми стимулами (такими как новизна, сложность стимула и др.); во-вторых, психофизическими свойствами стимулов (яркость, тон, сила и др.); в-третьих, экологическими свой-

²¹ Ильенков Э. В. *Философия и культура*. – М.: Политиздат, 1991.

ствами субъекта (значение стимула или его ассоциации с другими стимулами). В экспериментах Д. Берлина испытуемым предлагалось выбрать наиболее приятное из предъявляемых изображений, различавшихся по указанным основаниям. Выяснилось, что, например, эмоциональное содержание изображения (демонстрация эмоции) и содержание музыкального произведения оказываются более решающими в его предпочтении, чем сложность стимула. Если говорить о сложности стимула, то испытуемые систематически выбирали умеренно сложные изображения, что, с позиции Д. Берлина, говорит о существующем оптимуме возбуждения, которое является следствием зрительной стимуляции. При низкой зрительной стимуляции (например, при длительном рассматривании статичного простого объекта) испытуемые начинают чувствовать скуку, а при слишком высокой (как в случае наблюдения за плотным и быстрым движением автомобилей на улице) – наблюдается высокое возбуждение, приводящее к чувству тревоги. В результате Д. Берлин пришел к заключению, что, «поскольку достижение эстетического удовольствия связано с намеренным поиском стимуляции, т. е. с повышением возбуждения... должно существовать что-то, гарантирующее его нахождение в рамках границ... и это требование выполняется за счет порядка или организации элементов»²². Поэтому использование баланса может рассматриваться как способ удержания внимания наблюдателя и его возбуждения на уровне, позволяющем получить эстетическое удовольствие от произведения искусства.

Экспериментальные изучения стимулов строились в рамках следующей парадигмы: испытуемому предъявлялись различные стимулы с целью их ранжирования по шкале «приятное–неприятное». Большое число исследований позволило показать, что предпочтение объектам и изображениям определяется легкостью обработки информации, получаемой от стимула. Именно этим объясняется предпочтение лиц пра-

²² Berlyne, D. *Studies in the new experimental aesthetics*. – Washington: DC, 1974.

264 вильной формы другим лицам, объектов, обладающих четкой структурой – объектам-прототипам. Это же предположение позволяет однозначно интерпретировать данные, согласно которым повторное предъявление любого стимула ведет к его большему предпочтению – выбор испытуемого связан с возрастающей легкостью обработки поступающей информации.

Однако подобная точка зрения вынуждена объяснять, каким образом сложный стимул может вызывать эстетическую реакцию и быть более предпочитаемым в сравнении с простым стимулом. Во-первых, сторонники этой теории утверждают, что сложный стимул может содержать в себе универсальные качества, способствующие его быстрой переработке. Во-вторых, сложность восприятия может компенсироваться простотой понимания стимула, его значения, то есть внешне сложный стимул в ряде случаев может побуждать к поиску смысловых оснований его анализа. В-третьих, данные, согласно которым «новички» предпочитают простые стимулы (например, симметричные изображения), а эксперты – сложные, объясняются богатым опытом последних (эксперт с легкостью может справиться с задачей и получить удовольствие от понимания стимула, в то время как «новичок» не испытывает эстетической реакции); в-четвертых, существуют случаи, когда искусство выступает в качестве объекта восхищения, но не удовольствия (то есть когда произведение искусства оценивается по установленным канонам, несмотря на сложность, невозможность легкой обработки представляемого стимула). Важный вопрос для понимания зависимости силы эстетической реакции от степени легкости обработки стимула связан с содержанием стимула. Как показали исследования, повышение обработки информации от стимула (в случае, когда информация, содержащаяся в стимуле, делается более доступной, например с помощью подчеркивания фигуры на фоне) связано с повышением эмоционально положительной реакции. Поэтому, скажем, карикатурные изображения иногда узнаются лучше, чем портреты. В то же время, когда содержание стимула является отрицательным, при его повтор-

ном предъявлении сознание субъекта препятствует быстрому переходу к подобному содержанию и препятствует развитию эстетической реакции. Открытия в области психофизиологии и нейронауки позволили предложить другое объяснение появления эстетического удовольствия от восприятия сложного стимула: сложный стимул побуждает мозг к поиску и структурированию поступающей информации, что само по себе приносит позитивные эмоции. Поэтому если простой стимул вызывает удовольствие в связи с тем, что такая структура обнаруживается практически без задержки, то сложный стимул также вызывает удовольствие, поскольку он организует процесс, направленный на поиск подобной структуры. При этом «вознаграждение» субъект получает лишь по окончании поисковой задачи. С нашей точки зрения, технология виртуальной реальности предполагает использование новых исследовательских возможностей, что может позволить разработать новый экспериментальный подход в психологии искусства, позволяющий не только моделировать различные ситуации (в том числе ситуации неопределенности), но и регистрировать возникающую у субъекта ориентировку в ней. Совершенно очевидно, что в первую очередь применение технологии виртуальной реальности позволит «снять» проблему экологической валидности в описанном направлении исследований.

Не меньшую актуальность использование образа приобретает в направлении спортивной психологии. В фигурном катании эффективной оказалась система, предложенная Ш. Палмер. Для отработки навыков фигурного катания необходимо использовать следующие четыре компонента: ключевые слова, обозначающие определенные элементы катания; мысленное прохождение фигур; актуализацию чувств, соответствующих выполнению того или иного элемента фигуры; уравнивание по времени реального выполнения того или иного элемента и его представление на бумаге²³.

²³ Palmer, S. A Comparison of Mental Practice Techniques as Applied to the Developing Competitive Figure Skater // The Sport Psychologist. – 1992. – № 6. – P. 148–155.

В исследовании Д. Гарзы и Ж. Фельтс 27 фигуристок (в возрасте от 10 до 18 лет) были разделены на две группы. Первая группа использовала метод рисования. Сначала фигуристки перечисляли все элементы их программы, подбирали ключевые слова, представляли свое выступление. После этого включалась музыка, соответствовавшая выступлению, и спортсменки зарисовывали свою программу, произнося вслух ключевые слова, обозначающие те или иные элементы. Музыка помогала поддерживать соответствие скорости рисования и скорости выполнения элементов на льду. При этом фигуристки должны были располагать основные элементы программы в соответствии с их пространственным исполнением на льду. Данное упражнение выполнялось фигуристками из первой группы каждый день перед сном в течение четырех недель. Вторая группа уделяла столько же времени растяжке. По оценке тренеров испытуемые первой группы значительно улучшили показатели прыжков и вращений в сравнении с испытуемыми второй группы. Таким образом, знаковая образная репрезентация может выступать эффективным средством подготовки спортсменов. Важно подчеркнуть, что речь идет о знаковой репрезентации, когда рисунок выступает моделью ситуации.

Символический образ, наоборот, возникая в неопределенной ситуации, выступает для субъекта выраженными внешними особенностями, своим образным содержанием, и при обращении сознания к символу они выходят на первый план. Содержание символа концентрируется в его образной, внешней оболочке, в которую переносится из реальной ситуации познавательная деятельность субъекта. Еще раз подчеркнем, что, в отличие от знака, символ не имеет прямого, однозначно понимаемого отношения к символизируемой реальности, поэтому единственным способом его использования является ориентировка в содержании самого символа. Однако как только разворачивается интерпретация символа, он начинает ускользать, превращаясь в различные системы значений.

Вот почему можно говорить о том, что в символе обозначаемое и обозначающее слиты в образной форме, хотя сам

символ (поскольку он выступает в качестве средства решения вызвавшей затруднение ситуации), репрезентирует нечто, отличное от самого себя. То есть смысл символа, хотя и не дается вне его формы, не предполагает соответствия в значениях между собственной оболочкой и символизируемой ситуацией. Однако это не значит, что символ не имеет никакого отношения к символизируемой ситуации – если знак передает значение, то символ всегда больше значения, поскольку способен принять на себя практически любые значения. Мы предполагаем, что, анализируя оболочку символа, субъект раскрывает его смысл, заключающийся в структуре отношений между элементами символа. Такая структура, будучи найдена, далее может быть перекодирована субъектом в структуру отношений между значениями исходной ситуации, что приводит к ее разрешению.

Символически понятое не есть обозначенное, скорее, при этом присутствует указание на нечто другое, на структуру отношений между элементами символа, которая по аналогии помогает увидеть структуру значений в конкретной ситуации. В наших исследованиях было показано, что символическое отражение может быть успешно использовано для освоения новых понятий в том случае, когда образное содержание символа может быть соотнесено с объективной ситуацией. В этом случае символ способствует переходу к знаковому отражению.

В работе Дж. Эфран и коллег представлено использование метафор для тренировки детей в возрасте 10-17 лет игре в теннис²⁴. Дети были разделены на две группы: в экспериментальную группу вошел 41 ребенок, в контрольную – 28. На протяжении трех недель обе группы посещали одинаковое количество тренировок. Разница заключалась лишь в том, что дети из экспериментальной группы знакомились с метафорой, отражающей необходимость отвлечься от соб-

²⁴ Efran, J., Lesser, G., Spiller, M. Enhancing Tennis Coaching With Youths Using a Metaphor Method // The Sport Psychologist. – 1994. – № 8. – P. 349–359.

268 ственных мыслей и окружающих людей во время игры. Как известно, в подростковом возрасте у молодых спортсменов появляются сомнения и ориентация на оценку со стороны сверстников, что может снижать эффективность тренировок и выступлений на соревнованиях. Для младших школьников в качестве метафоры выступал «пузырь», для более старших детей – «кокон» и для старшеклассников – «хризалида» (куколка насекомых). Детей просили представить, что они находятся в пузыре и поэтому все, что отвлекает их, должно остаться за его пределами. В пузырь попадают только мяч и ракетка. Практически все дети серьезно отнеслись к заданию. Однако на первых занятиях, когда экспериментатор видел, что ребенок «теряет фокус», его отводили в сторону и предлагали «починить метафору». Как показали результаты, дети из экспериментальной группы в сравнении с детьми из контрольной группы научились лучше концентрироваться и демонстрировали, по оценкам тренеров, более адекватное, зрелое поведение и мотивацию.

В работе Дж. Пултона²⁵ и коллег испытуемых обучали игре в настольный теннис. Для этого им нужно было научиться выполнять определенную задачу: совершать удар по шарикку ракеткой таким образом, чтобы он попадал в отмеченный на столе сектор. При этом испытуемые были разбиты на две группы. В первой группе инструкция по овладению техникой определенного хвата ракетки давалась в развернутом виде: 1) расставьте ноги немного шире плеч; 2) правую ногу выдвиньте немного вперед; 3) двигайте ракеткой вперед и назад; 4) перемещайте вес тела на правую ногу; 5) перемещайте руку вверх и вниз; 6) следите за тем, чтобы внутренняя поверхность ракетки и поверхность стола создавали острый угол. Испытуемые второй группы получали следующую инструкцию: перемещайте ракетку таким образом, как будто

²⁵ Poolton, J. M., Masters, R. S. W., Maxwell, J. P. The influence of analogy learning on decision-making in table tennis: Evidence from behavioral data // *Psychology of Sport and Exercise*. – 2006. – № 7. – P. 677–688.

она поднимается вверх по склону горы. Инструкции в обеих группах не комментировались. После проведения одинакового количества предварительных проб, испытуемые сталкивались с двумя задачами. Легкая задача состояла в том, чтобы отбивать шарики двух цветов: белые – в правую часть стола, а желтые – в левую. Трудная задача заключалась в выполнении такого же задания с той лишь разницей, что через каждые два шарика соотношение их цвета и части стола менялось на противоположное. Результаты показали, что если для выполнения заданий первого типа различий между двумя группами испытуемых найдено не было, то при выполнении сложного задания испытуемые, которые получали инструкцию в виде аналогии, оказались значительно успешнее. Авторы исследования предполагают, что применение метафоры способствовало повышению результата выполнения упражнения в сложной ситуации, поскольку этот образ (в отличие от словесной инструкции) не задействовал рабочую память, то есть не использовал фонематическое кодирование.

Нам представляется, что есть и другое объяснение полученных результатов. В случае, когда испытуемый получает конкретное описание двигательного образа (то есть образ, переведенный в значения), он сталкивается с задачей воссоздания этого образа из значений. Как отмечал Н. А. Бернштейн²⁶, выполняемая двигательная задача все время меняется, поскольку трансформируются обстоятельства ее выполнения, процессы, происходящие в организме субъекта действия и т. д. В результате испытуемый сталкивается с расхождением между описанием образа и его реальным воплощением, что приводит к перестройке двигательного образа (отхождению от инструкции) и закономерному снижению эффективности действия. Наоборот, когда испытуемому предлагается метафора, он интерпретирует этот образ, исходя из конкретной двигательной задачи, наполняя его адекватными ситуации значениями.

²⁶ Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966.

В этом отношении важно исследование, проведенное Ж. Фурньером и коллегами²⁷. В нем 32 профессиональных парашютиста создавали с помощью специально разработанной компьютерной программы образы, которые соответствовали различным ситуациям (отработка прыжка, подготовка к прыжку в самолете, приземление и др.). Подбор образа был возможен по нескольким характеристикам: перспектива (видение со стороны или видение глазами самого спортсмена); контрастность образа; яркость образа; скорость образа. При этом из общей выборки 20 парашютистов оценивались как эксперты (они имели не менее 9 лет практики и не менее 1500 совершенных прыжков), а 12 – как новички (не более 3 лет практики и около 300 прыжков). Результаты показали, что возникающие образы у всех испытуемых соответствуют ситуации (функции, которую они выполняют): для отработки навыка (при его освоении) парашютисты представляют медленно выполняемое движение; наоборот, для снятия стресса (в ситуации перед прыжком) движение «проигрывается» очень быстро несколько раз и т. п.

Особый интерес представляют данные, демонстрирующие различие между опытными и начинающими спортсменами. Новички не могли описать какого-либо образа в 24% предложенных для визуализации случаев. Образы новичков в 42% случаев были представлены в черно-белых цветах, в то время как образы экспертов в 92% случаев были цветными. По нашему мнению, эти факты говорят о том, что освоение того или иного движения связано с обогащением его образа. Однако начинающие спортсмены оказываются в роли испытуемых первой группы в описанном выше эксперименте. Не имея достаточного опыта построения движения в различных ситуациях, в случае отталкивания «от значений» они не могут создать его образ. В этом смысле нам представляется продуктивной идея введения символического образа ситуа-

²⁷ Fournier, J. F., Deremaux, S., Bernier, M. Content, characteristics and function of mental images // *Psychology of Sport and Exercise*. – 2008. – № 9. – P. 734–748.

ции как ориентировочной основы построения двигательного образа.

Ярким примером, демонстрирующим роль образа в столкновении с ситуацией неопределенности, является эксперимент М. Бруссека и Дж. Бартоломью²⁸, в котором испытуемые подвергались переживанию боли. В качестве одного из эффективных способов повышения устойчивости к боли выступает метод «отвлечения», переключения внимания от вредоносного стимула на другую ситуацию. Этот способ основан на предположении, что реакция на боль является контролируемой, поскольку напрямую зависит от направленности внимания. В эксперименте первоначально все испытуемые переживали определенную процедуру, направленную на измерение их устойчивости к болевым ощущениям. Затем они были разделены на три группы перед повторным участием в серии процедур. Первой группе давались инструкции по применению метода «отвлечения» как способа совладания с болью. За две минуты до начала болевых ощущений испытуемым подавался сигнал, и они приступали к выполнению техники. Другой группе испытуемых никаких предварительных инструкций не давалось, но также сообщалось о том, что за две минуты до начала процедуры они услышат сигнал. Третья группа не предупреждалась о начале процедуры. Результаты убедительно показали, что лишь в первой группе наблюдалось повышение устойчивости к боли. Во второй группе предупреждение о предстоящих болевых ощущениях никак не повлияло на повышение толерантности к ним. Подчеркнем, что результаты второй и третьей групп объясняются не тем, что ситуация неопределенности не была снята (она не была снята и для первой группы испытуемых), а тем, что у них не возник другой образ ситуации.

В работе Ю. Ханина и Н. Стамбуловой²⁹ приняли участие 85 российских спортсменов в возрасте от 19 лет до 21 года,

²⁸ Носов Н. А. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000.

²⁹ Hanin, Y., Stambulova, N. Metaphoric Description of Performance States: An Application of the IZOF Model // The Sport Psychologist. – 2002. – № 16. – P. 396–415.

272 имевшие в среднем девятилетний опыт спортивной деятельности и занятые в различных видах спорта (легкая атлетика, волейбол, баскетбол, гандбол, футбол, плавание, бокс, борьба, теннис, художественная гимнастика и др.). Спортсменам предлагалось придумывать метафоры, описывающие их эмоциональное состояние до, во время, после лучшего и худшего выступлений: «Перед моим лучшим выступлением я чувствовал себя как...», «После своего худшего выступления я чувствовал себя как...» и т. д. После каждого метафорического высказывания (например, «я чувствовал себя как тигр перед прыжком»), спортсмен должен был интерпретировать метафору («я чувствовал себя сильным, сосредоточенным и готовым к борьбе»). Полученные результаты показали, что содержание образа имело соответствие описываемому состоянию по целому ряду параметров. Так, метафоры, характеризовавшие эмоциональные состояния, связанные с успешным выступлением, содержали активную позицию («кошка, играющая с мышкой»), потенциал движения («ракета на старте»), адекватность движения («рыба в воде») и т. д. Наоборот, при описании тенденций, связанных с худшим выступлением, были проявлены пассивная позиция («кролик перед удавом»), слабое движение («сломанная машина»), барьеры движения («мышь в мышеловке», «птица с подрезанными крыльями»), неадекватное движение («корова на льду») и т. д. Точно так же при описании состояний, связанных с переживанием успешного выступления, можно было увидеть характеристику силы, передаваемой в образе («Геркулес», «трубопровод» и др.), а при описании состояний, связанных с неуспешными выступлениями – слабости («сонная муха», «покусанная собака», «человек без рук» и др.).

Интерпретация метафор, описывающих состояние перед успешным выступлением в основном давалась спортсменами в логике когнитивных (сосредоточенный, бдительный), аффективных (счастливый, тревожный), мотивационных (нацеленный, готовый), операциональных (овладение навыками) свойств. Интерпретация метафор наиболее неудачных

выступлений опиралась на соматические (сонный) и коммуникативные (давление со стороны тренера) компоненты. Полученные данные говорят о том, что используемые спортсменами метафоры могут достаточно точно отражать их эмоциональное состояние (и его изменения). По мнению авторов исследования, использование метафоры может прояснить, сделать доступным для осознания эмоциональные переживания для самого спортсмена особенно в тех случаях, когда он испытывает трудности в их вербальном описании. Справедливости ради заметим, что в данном исследовании метафора приводилась спортсменом после проживания ситуации, то есть когда неопределенность ситуации была уже снята. Кроме того, перед спортсменами ставилась задача не столько по переживанию метафоры, сколько по ее интерпретации, то есть переводу в значения, поэтому говорить о символическом образе как таковом в данном случае нам представляется неправомерным.

В работе Т. Орлика и Н. Маккаффри³⁰ приводятся свидетельства того, насколько эффективной может быть символизация для детей, больных раком. Подобно спортсменам, такие дети попадают в ситуацию высокой степени неопределенности. Обретение контроля над ситуацией достигалось детьми за счет перенесения свойств знакомой и эмоционально приятной ситуации в ситуацию неизвестную. Например, дошкольникам показывали во время болезненных процедур любимые мультфильмы, предлагали носить любимые вещи и т. д. Введение дополнительного образа, с которым связана знакомая эмоционально приятная ситуация и соответствующее поведение (и состояние), позволяет детям совладать с ситуацией реальной. Очевидно, что в данном случае речь идет о применении символического образа.

Особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на спонтанное использование символа, которое, например, было показано в работах, посвященных изучению тревожности спортсме-

³⁰ Orlick, T., McCaffrey, N. Mental Training With Children for Sport and Life // The Sport Psychologist. – 1991. – № 5. – P. 322–334.

274 нов. В исследовании Ш. Хэнтон и Г. Джонса³¹ приводятся слова тренера канадской олимпийской сборной по баскетболу: «Дело не в том, чтобы избавиться от бабочек в животе – нужно заставить их летать в определенном порядке». Действительно, как показали проведенные интервью с десятью элитными пловцами, все они отмечали, что в начале своей спортивной деятельности сталкивались с ощущением тревоги и не могли определить своего отношения к ней. Вот как рассказал об этой ситуации один из спортсменов: «Я помню мое первое серьезное соревнование; это был финал лиги. Я ехал туда с моим отцом, и я сказал, что нервничаю, что у меня бабочки в животе. Он сказал, что это хорошо, потому что это усилит адреналин. Конечно, когда ты такой маленький, ты не понимаешь, что значит адреналин, но я понял, что это хорошо...». Этот пример показывает важность положительной интерпретации подобных неопределенных для спортсмена ситуаций; оценка «хорошо» в данном случае выступает основой для построения именно символического образа, поскольку, как отметил сам спортсмен, он не знает, какая объективная ситуация стоит за переживанием тревоги. Впоследствии такие ощущения интерпретировались спортсменами как положительные и даже необходимые: «Ты должен нервничать, чтобы хорошо проплыть... Если ты не беспокоишься, то ты проплывешь хорошо... Нервы помогают показать лучшее, на что ты способен». Спортсмены, по словам авторов исследования, приходили к представлению о «позитивной тревоге», которая свидетельствовала о готовности спортсмена к соревнованию.

Интерпретация тревоги выступила в исследованиях Г. Джонса в качестве одного из отличительных признаков спортсменов высокого уровня. Например, элитные пловцы значительно различались по этому показателю – в их группе 85% участников классифицировали возникновение тревоги как способствующее выступлению, в то время как лишь 53% обычных спортсменов рассматривали тревожные состояния таким образом.

³¹ Hanton, S., Jones, G. The Acquisition and Development of Cognitive Skills and Strategies: 1. Making the Butterflies Fly in Formation // *The Sport Psychologist*. – 1999. – № 13. – P. 22–41.

Л. Харди поставил под сомнение утверждение о том, что высокая степень когнитивной тревоги препятствует выполнению любой деятельности, в том числе и спортивной. Например, в классическом исследовании американских олимпийцев было показано, что успешные спортсмены использовали свою тревогу как стимул хорошего выступления. В исследовании Л. Харди и К. Парфита³² изучалась успешность бросков баскетболистов за день до начала важного турнира и через два дня после его начала. Оказалось, что спортсмены в состоянии высокой степени когнитивной тревоги показывали либо чрезвычайно низкие, либо очень высокие результаты; в состоянии же низкой когнитивной тревоги результаты держались на среднем уровне. Л. Харди утверждает, что намеренное введение спортсмена в некомфортную, неопределенную для него ситуацию может повышать его успешность. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что в ситуации переживания неопределенности особую роль играет символическое отражение, которое, как было отмечено выше, может оказывать позитивное влияние на успешность деятельности.

Говоря об интуитивном обращении к символам, нельзя не сказать о многочисленных предрассудках, которые встречаются среди профессиональных спортсменов. Считается, что различные ритуалы придают спортсмену уверенность и чувство контроля над ситуацией – они снижают тревожность и позволяют тем самым справиться с неопределенностью, представляющей собой неотъемлемую часть спорта. Причем уровень подобных суеверий выше у спортсменов, которые провели в спорте больше времени. На наш взгляд, это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что у опытных спортсменов происходит дифференциация ситуаций неопределенности и складывается соответствующая техника работы с ситуациями неопределенности разного типа.

³² Hardy, L., Parfitt, C. G. A catastrophe model of anxiety and performance // *British Journal of Psychology*. – 1991. – № 82. – P. 163–178.

276 В работе Дж. Ван Раалте и Б. Бриттона³³ была предпринята попытка смоделировать появление суеверий. В эксперименте 37 молодых людей и девушек должны были выполнять серию ударов по мячу клюшкой так, чтобы он закатывался в лунку. Испытуемые при выполнении каждого удара могли использовать мячи четырех цветов. Кроме того, испытуемые заполняли опросник, направленный на выявление направленности атрибуции – внешней или внутренней. Была обнаружена высокая корреляция между внешней атрибуцией (приписывание причин внешним обстоятельствам) и повторным выбором того мяча, который был успешно направлен в лунку.

П. Райт и К. Эрдал повторили эксперимент с той лишь разницей, что постарались проследить влияние изначального уровня мастерства игрока и сложности предъявляемой задачи. В эксперименте 40 испытуемых наносили по 20 ударов либо с расстояния около 90 см до лунки, либо с 270 см. Оказалось, что испытуемые, обладающие слабыми навыками, были склонны к демонстрации суеверия (выбора мячика того цвета, который был успешно закачен в лунку) в более простой ситуации (нанесения удара с небольшого расстояния). Наоборот, испытуемые, которые изначально обладали более высоким уровнем мастерства, проявляли суеверия лишь в сложной, а не простой ситуации. Как пишут авторы, «...слабые участники не обладали уверенностью в способности совершить короткий удар, поэтому они чувствовали необходимость опоры на внешние источники, такие как цвет мяча. Чувство неопределенности, которое испытывали испытуемые с высоким уровнем развития навыков в сложной ситуации, было сходно чувству неопределенности, которое испытывали испытуемые с низким уровнем развития навыков в простой ситуации»³⁴. Полученные данные показывают, что спонтанное появление символизации является-

³³ Van Raalte, J., Britton, B. Chance orientation and superstitious behavior on the putting green // Journal of Sport Behavior. – 1991. – № 1. – P. 41–50.

³⁴ Носов Н. А. Психологические виртуальные реальности. – М.: Ин-т человека РАН, 1994.

ся существенным этапом при решении двигательной задачи. Совершенно очевидно, что одна из задач в области спортивной психологии, связанная с изучением форм репрезентации спортсменов, состоит в разработке технологии фасилитации продуктивной символизации в ситуациях неопределенности. С этой целью наиболее перспективным представляется использование технологии виртуальной реальности.

Что касается обсуждения и использования систем ВР в отечественной психологии, следует отметить психофизиологические исследования, посвященные мозговой асимметрии и межполушарным взаимодействиям³⁵, работы по применению компьютерных тренажеров³⁶; как отдельная проблема рассмотрены перспективы исследования мультимодальных взаимодействий³⁷. В ряде работ обсуждались возможные перспективы применения систем ВР в психотерапии, психологической реабилитации, психологической помощи при травматических и посттравматических состояниях³⁸. Фено-

³⁵ Черниговская Т. В. Полифония мозга и виртуальная реальность // Виртуальная реальность в психологии и искусственном интеллекте / Сост. Н. В. Чудова. – М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1998.

³⁶ Дорохов В. Б. Технологии «виртуальной реальности» и исследование механизмов индивидуального сознания // Мат-лы междунар. конф. «Теория деятельности: фундаментальная наука и социальная практика (к 100-летию А. Н. Леонтьева)». – М., 2003.

³⁷ Архитектура виртуальных миров / Под ред. М. Б. Игнатъева, А. В. Никитина, А. Е. Войскунского. – СПб: Изд-во ГУАП, 2009; Войскунский А. Е., Селисская М. А., Никитин А. В., Игнатъев М. Б. Виртуальная реальность как метод исследования публичной речи // Общение-2006: На пути к энциклопедическому знанию. Мат-лы междунар. конф. (19-21 окт. 2006, ПИ РАО). – М.: Академия имиджологии, 2006. – С. 424–426.

³⁸ Архитектура виртуальных миров. – Указ. соч.; Войскунский А. Е., Селисская М. А., Никитин А. В., Игнатъев М. Б. – Указ. соч.; Селисская М. А., Войскунский А. Е., Игнатъев М. Б., Никитин А. В. Применение виртуальной реальности в качестве психотерапевтического средства для помощи страдающим от психологических фобий. Проект исследования // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Труды VII Все-

278 менология структуры сознания, включающая разнохарактерные взаимодействующие реальности, продуктивно изучалась Е. В. Субботским³⁹ на материале психологии развития. Можно отметить философские работы, многосторонне анализирующие феномен виртуальности⁴⁰.

Системы ВР широко применяются в настоящее время не только в когнитивной психологии, как этого можно было бы ожидать, а едва ли не во всех разделах психологии и в других гуманитарных науках, а новая технология, становящаяся увлечением миллионов, во многом может изменить общекультурный ландшафт будущего общества. Готовы ли мы к этому?

российской объединенной конференции (10–12 ноября 2004 г., С.-Петербург). – СПб, 2004; *Форман Н., Вильсон П.* Использование виртуальной реальности в психологических исследованиях // Психологический журнал. – 1997. – Т. 17. – № 2.

³⁹ *Субботский Е. В.* Индивидуальное сознание как система реальностей // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии / Под ред. А. Е. Войсунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. – М.: Смысл, 1999.

⁴⁰ *Емелин В. А.* Виртуальная реальность и симулякры. URL: http://www.geocities.com/emelin_vadim/virtual.htm; *Ковалевская Е.* Компьютерные виртуальные реальности: философский анализ // Виртуальная реальность в психологии и искусственном интеллекте / Сост. Н. В. Чудова. – М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1998; *Микешина Л. А., Опенков М. Ю.* Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1997.

В. И. Кабрин

Транскомуникация, нередуктивная психология и человеческие метаценности

До сих пор в профессиональной психологии (академической и практической) слабо рефлексруется иллюзорная дихотомия естественнонаучного и гуманитарного знания, в частности, «объяснительной» и «описательной» психологии, количественного и качественного анализа душевных явлений. Отсутствие целостного холистического подхода к психологической проблематике усугубляется сохранением медицинского и обывательского предрассудка: несчастную Психею до сих пор считают состоящей из *механизмов*, да еще таинственно замурованной в первом позвонке скелета человека. Научная общественность удивительно благосклонно принимает эту фантастическую гипотезу как постулат, не требуя вещественных доказательств. Даже нерелевантные, но наукообразные методы психологии выглядят внушительнее, чем реальный диалог с реальной непредсказуемой и капризной Психеей. Но именно рефлексия и анализ такого общения приведет к качественно новому проекту эффективной профессиональной психологии. Для этого сначала надо избавиться от основных методологических иллюзий.

Преодоление общенаучной иллюзии. В самой реальности не существует искусственных границ и бессмысленного разрыва естественного и гуманитарного научного знания. Оно едино по своей природе как научная *ясность*, имеющая многомерный характер – выяснение, прояснение, пояснение и *объяснение*, но главное – релевантный способ *изъяснения*, ведущий к адекватной научной коммуникации. В любой сфере научного знания он базируется на универсальном процессе *идентификации*, или, точнее, *измерении подобного подобным*. Интересно, что в прикладном научном аспекте качество, например, масс-медиа точно так же зависит от реализации данных условий. Это не случайно, поскольку в психологии релевантным данному общенаучному

280 принципу является *человеческая коммуникация* (душевное проявление человека может быть соразмерно или подобно только душевному проявлению другого человека через интуицию, эмпатию, децентрацию, смысловую репрезентацию в процессе разных форм общения). По сути, это ведет к созданию общей коммуникативной парадигмы профессиональной психологии в единстве теоретического и практического ее аспектов.

Преодоление традиционной психологической иллюзии. До сих пор источнику душевной жизни безосновательно приписывается *телесное* начало (нейронное, мозговое, энцефалопатическое и т. п.), несмотря на многократные предостережения признанных западных классиков (не говоря уже о восточных!) о существенном и потенциальном несовпадении размерностей и масштабов физического и собственно *психического* – времени, пространства, информации, энергии. Лишь практическая рефлексивная коммуникация позволит постигнуть реальную безграничность душевных трансформаций (временных, пространственных, информационных, энергетических) в целостном психологическом мире и потенциале человека. Поэтому профессиональная психологическая коммуникация становится центральным методом работы с психологическим потенциалом человека.

Когда говорят о взаимодействии экспериментатора и испытуемого, интервьюера и респондента, на самом деле во всех случаях общаются *психолог с «психологом»*. Если быть более точным, то в любой исследовательской экспериментальной практической ситуации профессиональный психолог общается с житейским психологом. Хорошо, если это происходит в едином кросскультурном метакоммуникативном контексте. Хотя чаще культурно-профессиональные контексты партнеров бывают качественно различны, а, как показано в наших предыдущих работах, полноценное общение здесь может базироваться только на транскомуникативных процессах¹.

¹ См. об этом подробнее: *Кабрин В. И.* Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М.: Смысл, 2005; *Кабрин В. И.* Транскомуникация и личностное развитие. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1992.

В то же время очень редко можно встретить комплексный многомерный контроль за коммуникативными переменными в лабораторном, полевом и формирующем экспериментах. Если научиться работать с основными переменными и аспектами исследовательских и тренинговых коммуникативных ситуаций, то можно увидеть перспективу развития коммуникативной методологии в психологической науке². Но этот высокий уровень может быть реализован (если будет реализован) в общении только самих профессиональных психологов.

Сформированные в середине прошлого столетия, психолого-антропологические подходы уже требуют полноценного межпрофессионального диалога³. Собственно антропологическая психология, как одно из последних направлений гуманитарной науки, с неизбежностью требует более развернутых представлений о человеческой метакоммуникации, транскомуникации и ноэтической коммуникации в соответствии с ориентацией на высшие трансцендентные ценности человека⁴. Следовательно, где физики говорят о взаимодействии, а инженеры – о механизмах, психологи уже обязаны не «механически» заимствовать эти конструкты, а углубиться в

² Мазилев В. А. Коммуникативная методология психологической науки: возможный путь интеграции психологического знания // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 65–70.

³ См., например: Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общ. ред. А. А. Белика. – М.: Смысл, 2001; Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2005; Мацумото Д. Психология и культура. – СПб: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.

⁴ См., например: Коммуникативное измерение в психологической антропологии // Под науч. ред. В. И. Кабрина. – Томск: Изд-во Иван Федоров, 2007; Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. – М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996. – С. 181–193; Уолш Р. Основания духовности: Семь главных практик для пробуждения сердца и ума. – М.: АСТ, 2004; Шюц У. Совершенная ясность. Основы жизненной философии. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004.

282 практику смысловтворческого общения, превращая его в практический инструмент раскрытия и актуализации психологического потенциала человека в различных профессиональных и жизненных контекстах.

Тогда сама собой отпадает необходимость в еще одной искусственной дихотомии – разделении методологии, теории и практики. Методология вне практического контекста – фикция, так же, как и практика без методологии (излюбленный миф «интуитивных» практических психологов). Естественная душевная гармония содержится в первородном коммуникативном акте рождения самого человека. Поэтому транскоммуникабельная «душа-Психея» ищет и иногда находит *гармонию соответствия* духовного, душевного и телесного миров трансцендирующего человека. Универсальная задача профессионального психолога – эффективная поддержка в осуществлении этой гармонии, т. е. в развитии транскоммуникабельности психологического потенциала.

Именно в рамках такого подхода обнаруживается полноценное пространство деятельности профессионального психолога по раскрытию психологического потенциала человека в любых его жизненных и профессиональных контекстах. В такой ситуации исчезает неизбежность работы психологов на «чужих профессиональных территориях», когда им приходится заменять собой профессионалов многих других гуманитарных профессий.

На самом деле у нас уже есть все методологические и даже постметодологические основания осмыслить все основные и наиболее тонкие грани душевной жизни человека, если мы поймем метакоммуникативный и ноэтический планы его существования. Речь идет о глобальном холистическом *духовном* плане существования человека, где его жизненный мир открыто граничит с сокровенным трансцендентным *таинственным*. Видимо, человеческий страх перед этим *сверхъестественным* настолько естественен, что сами профессиональные психологи очень неохотно берутся всерьез разрабатывать эту сферу.

В то же время мы имеем примеры эффективной холистической, трансперсональной, ноэтической психотерапии, существующей в будто бы непересекающихся мирах. Если последовательно применить метакоммуникативную парадигму, можно получить достаточно целостную и динамичную картину всех граней духовно-душевной жизни человека, которую стоило бы использовать в работе с психологическим потенциалом в разных социокультурных контекстах, оставаясь на суверенной профессиональной территории. Действительно, если под метакоммуникацией принято понимать единое пространство диалога, то высшей ее формой будет диалог с Высшим существом, с которым издревле в культурах связывают высшие духовные ценности – *добро, истину, красоту, тайну*. Специфика этих ценностей в том, что они содержат осязаемый трансцендентный фактор. Метакоммуникацию именно этого уровня можно назвать собственно *ноэтической*. Этот тип коммуникации реализуется, возможно, в самом мощном человеческом духовном движении – *метаноией*⁵. Такое пиковое переживание проявляется обычно в единстве таких граней, как *интуиция, вдохновение, воодушевление, откровение, покаяние, прощение, просветление, благодать*. Креативный заряд такого спектра состояний имеет для человека стратегический долговременный эффект, прочувствованный «каждой клеточкой тела». Холистичность такой духовной жизни переживается здесь вполне естественно.

В свое время мы выделили основные транскомуникативные лучи этого сложного переживания – катарсис, импринтинг, экстаз, инсайт⁶. Имея в виду мгновенность этого процесса (он выглядит как красивый аттрактор или цветок лотоса), его можно назвать *микронозисом*. Если предполагать

⁵ Бенджамин Г. Основы самопознания, или Введение в эзотерическую психологию. – К.: Самиздат, 1983.

⁶ См. об этом подробнее: Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М.: Смысл, 2005; Кабрин В. И. Ноэтическое измерение в психологии: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. – 2000. – Вып. 12. – С. 23–28.

284 также, что одна из центральных характеристик духовного мира – близость или единство мгновенного и вечного, рассмотренное выше состояние метанойи охватывает, по сути, то, что можно назвать *макроноэзисом*. Смысл макроноэзиса, определяющего смысл жизни человека в целом, задается переживаниями метанойи, которая также может быть конкретизирована с точки зрения вызревания ее стадий, уровней, векторов. В этом контексте проще всего выделяются четыре возрастные стадии:

- *Протоноя* – колыбель духа, в которой рождается ребенок, называемая обычно одаренностью;
- *Ортоноя* – формирующаяся в процессе жизни традиционная нормативная структура разума (основание разумной жизни);
- *Параноя* – интуитивно радостно или мучительно переживаемое призвание, ведущее за границы традиций, норм, стереотипов, открывающее смысл свободы;
- *Метаноя* – открываемое высшее предназначение; сопровождается ранее рассмотренными переживаниями и представляет собой главную метаморфозу жизни⁷.

Представленные здесь векторы, или лучи, макроноэзиса достаточно легко осмысливаются и диагностируются в биографическом анализе как основные вехи или стадии жизни. С ними также ассоциируются известные концепции возрастной психологии (Э. Эриксон и др.) и соответствующая динамика развития основных душевных процессов и психической организации в целом⁸.

Однако хочется подчеркнуть два принципиальных момента. Во-первых, не случайно здесь говорится не просто о стадиях, а о лучах-векторах. С точки зрения холистического подхода целостность духовно-душевной жизни человека существу-

⁷ Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М.: Смысл, 2005. – С. 33.

⁸ Буркхарт Г. Возьми жизнь свои руки. Работа над собственной биографией. – М.: EVIDENTIS, 2001.

ет в их одновременном единстве, т. е. протоной изначально «чревата» метанойей. Прохождение человека через паранойю или достижение метанойи не лишает его протоной (то, что в жизни называется «не душить в себе ребенка»). Следовательно, можно говорить лишь о динамике смены доминант во всех лучах одновременно (опять всплывает аналогия с хорошим аттрактором, гештальтом, лотосом).

Во-вторых, если мы говорим о фазовом, уровневом духовном развитии человека, то траектория его развития в удачном случае должна выглядеть скорее как экспонента. При естественном возрастном увядании организма (низших психических функций) может продолжаться интенсифицироваться духовный рост человека. Это соответствует, в частности, концепции Б. Г. Ананьева о двух контурах регулирования развития человека в онтогенезе – вертикальном и горизонтальном. Под вертикальным контуром регулирования имеется в виду система спинного мозга, управляющая иерархией простейших сенсомоторных функций. Горизонтальный, или билатеральный, контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи с развитием высших психических функций. В рамках этой концепции оказывается, что, в то время как низшие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют уже в достаточно молодом возрасте, высшие психические функции, развиваясь на основе межполушарного взаимодействия, могут развиваться интенсивно довольно долго, все более компенсируя регресс по вертикальному контуру. Следовательно, в рамках этой концепции на психофизиологическом уровне сделана попытка понять общее психологическое развитие человека как постоянно возрастающее за счет вышеуказанных трансформаций соотношения разных контуров регулирования⁹. Близкие идеи высказаны Ч. Пирсом¹⁰. Знаменательно, что и Б. Г. Ананьев, и Ч. Пирс подтверждают эти гипотезы своей жизнью.

⁹ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

¹⁰ Пирс Ч. Биология трансцендентного. – М.: Гаятри, 2006.

Здесь не ставится задача подробного развертывания рассмотренных моделей микро- и макроэзиса, охватывающих основные нюансы человеческой жизни. Следует лишь подчеркнуть, что представленные процессы микро- и макроэзиса синхронистичны и существуют один через другой. Это позволяет говорить о целостности и возможной полноте жизни человека в каждый данный момент.

Чтобы перейти от общих представлений о ноэтической природе душевной жизни человека к соответствующей обновленной парадигме ее исследований, уместно освободиться от известного «психофизиологического мифа» происхождения души, долго утверждавшегося традиционной психологией.

Психофизиологический миф нескольких столетий о том, что именно мозг рождает образы, мысли, чувства, как печень выделяет желчь, постепенно превратившись в аксиому «материалистической психологии», так и не смог претерпеть ни одну верификацию. Король оказался голым. «Внутри нас» ни в одном органе тела нет никаких образов, мыслей, чувств. Но душевная реальность существует. Тогда как же существует эта реальность? Вот здесь мы и возвращаемся к ноэтическому лучу древней мудрости. Истина – или что-то близкое к ней – всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы, по древнему обычаю, не попробовать наоборот? Не образы, эйдосы, внутри нас, а *мы внутри эйдосов*. Нужна порция скромности, чтобы признать (после хронической мегаломании), что мы не самая совершенная реалья Вселенной; что вокруг нас незримые тонкие оболочки эйдетических сфер. Правда, то, в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроя души» и т. д. Синхронистичность тонких миров поддерживается симпатией, тропностью, резонансом. Древнейшая профессия актера – быть в образе. Кстати, эту «тонкую мысль» постоянно пытаются донести дети взрослым, сопротивляясь их «правильности». Эйдетическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляя себя в искусстве, сновидениях, аутогенной трени-

ровке, медитации, воображении, удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «узаконенным» методологическим принципам?

В таком контексте можно поставить вопрос и о *постметодологии*. Это понятие может характеризовать новое знание, которое было обозначено как трансперсональное, нозтическое, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки. В этом плане можно предположить, что феномен транскомуникации, применительно к психологическому научному исследованию, можно обозначить как *транскомуникативный подход в русле постметодологии*. Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском преодоления неизбежного редукционизма любых методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддерживать иллюзию объективации. В результате укореняется схема традиционной методологии, которая выглядит незыблемой: методология – метод – отражение – объективация.

Вспомним простое забытое: физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным». А психологии пришлось искать изощренное решение такой задачи на основе теорий изоморфизма, чтобы придумать наукообразное *моделирование* психических процессов¹¹. Конечно, лучше работать с тестами не просто как с процедурами или технологиями, но как с *моделями* «черного ящика» – души. Это кибернетическая версия.

Однако столь опосредованный маневр «действия в обход» не снимает проблему *аутентичности* и *релевантности* получаемой информации. «Подобное – подобным!» – возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная. Как это возможно? Загадочная

¹¹ См.: Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998.

288 способность души понимать самое себя и душу другого – это для нас ценнейшая зацепка. Традиционно это давно формулировалось как «рефлексия» и «децентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на это сквозь призму транскоммунитивного подхода. Общаясь, мы действительно выходим за пределы себя, т. е. *транскоммунитивуем*, но происходит это эйдетически, ментально, ноэтически. При этом коммуникация, и тем более транскоммунитивация, – это общение душ. Только преодоление конвенциональных трафаретов, в которых закована традиционная коммуникация, приводит нас к более аутентичной экзистенциальной коммуникации и далее – к *транскоммунитивации*, которая уже открыта «трансперсональной реальности»¹².

В предыдущих работах мы описали иллюзорность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем¹³.

Здоровье и личностный рост фактически являются результатами транскоммунитивности тела – души – духа. Повторимся, что транскоммунитивация – это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Выходит, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) *своим* вербально-невербальным языком другому или себе, я решаюсь на *наименьшую* редукцию. В этом смысле транскоммунитивация дает нам непредвзятый уникальный опыт друг о друге и нечто уникальное третье – *наше общее* как результат взаимного преодоления барьеров.

Таким образом, мы делаем первые шаги в постметодологию, где сталкиваемся с кардинальным вопросом: как со-

¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 167.

¹³ Кабрин В. И. Транскоммунитивная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестн. Томск. ун-та. – 2000. – № 2. – С. 34–41.

хранить для интегральной психологии нередуктивный опыт, появляющийся в транскомуникации¹⁴. Прежде всего, стоит избавиться от комплекса неполноценности относительно обязательности объективации. Понять или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это опять же возможно только в транскомуникативном процессе. Поскольку, в отличие от обычной коммуникации, где укрепляются конвенции, нормы, стереотипы, транскомуникация явно тяготеет к *метафорам*, содержащим, по сути, *трансмысл*. Часто именно по метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в транскомуникативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление известного факта, акцентированного в свое время Г. Олпортом, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология. Эстетика транскомуникации, в частности психолога и клиента, могла бы стать нередуктивным материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» у И. Ялома¹⁵.

При этом остается и проблема сохранения научности на постметодологическом уровне. Конечно, соблазнительно с точки зрения простых критериев наукообразия свести душу к «психике», а последнюю – к поведению. Что касается естественных наук, прогресс здесь очевиден. Например, если в конце XIX века мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, в XX – с компьютером, то в XXI микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером *отдельного нейрона*. Тогда какое же «интернет-пространство» могут образовать миллиарды нейронов с триллионами их потенциальных связей? Таким образом,

¹⁴ Уилбер К. Интегральная психология. – М.: Изд-во трансперсональной психологии; Изд-во К. Кравчука, 2004.

¹⁵ См., например: Ялом И. Лечение от любви. Психотерапевтические новеллы. – М.: Эксмо, 1994; Ялом И. Мамочка и смысл жизни. Психотерапевтические истории. – М.: Эксмо, 2002; Ялом И., Элкин Дж. Хроники исцеления: Психотерапевтические истории. – М.: Эксмо, 2005.

290 древняя метафора – человек, как микрокосм, подобен космосу – уже подтверждается физиологически. Но это только физиологический уровень. С точки зрения холистического ноэтического подхода, тело – это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных *N*-мерных свойств универсума, которыми, во многом потенциально, обладает душа. Однако человек, развивая свое *личностное измерение* и *я-концепцию*, не часто осознает безграничность или свободу душевного процесса в отношении основных физических ограничений, на которые неизбежно обречено его тело. Здесь обнаруживаются кардинальные различия между физической и психической энергиями, информацией, пространствами и временами.

Трансцендентальный характер этих аспектов душевной жизни, начиная с древних мудрецов, с какой-то неотвратимой регулярностью отмечается мыслителями всех эпох, вплоть до современной трансперсональной психологии. Однако простую, емкую систему их анализа нам обнаружить не удалось, несмотря на попытки свести их в единую схему на основе теории транскомуникации¹⁶. Сделаем некоторую конкретизацию, важную для данного раздела.

Так, по *нисходящему лучу* транскомуникации (катарсис) психическая энергия обнаруживает свою *первичность*, или предшествование физической, телесно-энергетической динамике (идеомоторный акт, аутотренинг и др.).

По *импрессивному лучу* транскомуникации (импринтинг) обнаруживается латентность, сокровенность, *недостижимость* душевной информации по сравнению с информацией физической¹⁷. Не только студентам, но и профессионалам трудно принять простой «коан»: где находится образ, мысль, чувство и т. п.? – нигде не находится! (в системе координат – измерений физического универсума).

¹⁶ Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М.: Смысл, 2005. – С. 53.

¹⁷ Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976.

По *экспрессивному* лучу транскомуникации (экстаз) обнаруживается безразмерность, или *сверхразмерность*, психологического *пространства* (мотивационного, воображаемого, мысленного...) в отличие от пространства физического.

По *восходящему* лучу транскомуникации (инсайт) обнаруживается собственно *трансцендентность* психологического *времени* (взаимной трансформации прошлого, настоящего, будущего и чувства вечности) по сравнению с «измеряемым» физическим временем.

Для получения опытного знания об этих особых психологических степенях свободы был разработан специальный *ноэтический практикум*, основанный на трансовых состояниях¹⁸. Транс – это сквозное базисное корневое свойство души (об этом догадывался З. Фрейд, имея в виду первичное «океаническое чувство» младенца). Однако до сих пор понятие транса не прописано даже хрестоматийно не только в отечественных словарях, но и в относительно новой психологической энциклопедии¹⁹. В лучшем случае приводится слишком узкая его интерпретация в рамках практики гипноза (зато вместо универсального психологического феномена транса во всех психологических словарях присутствует важный «психологический» термин – транквилизатор). Поэтому радикальную психику ребенка (какая она у самого ребенка) мы до сих пор понимаем слишком по-взрослому, эгоцентрично и поверхностно.

Получается, что методологически ориентированная психология, с трудом проникая в базовые психические процессы (транс), испытывает серьезные затруднения, избегает исследований и наиболее сложных свойств *духовной психологии просветленного человека*. Это мы и рассматриваем как прямое следствие «методологизма», заимствованного психологией у слишком «иных» наук. Вот почему, например, ноэтический практикум, в котором участники обнаруживают свойства

¹⁸ Кабрин В. И. Коммуникативный мир... – С. 151.

¹⁹ Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсина, А. Ауэрбаха. – СПб: Питер, 2003.

292 души, совершенно не соответствующие принятому в науке детерминизму, мы рассматриваем в качестве *постметодологической практики*. Ибо нам неизвестны другие науки (кроме психологии и теологии), где бы трансцендентальный фактор оказывался более значимым, чем другие. Поразительно, как часто этот факт игнорируется основными психологическими школами, кроме трансперсональной.

Постметодология, сохраняющая научность, – это так или иначе достижение ясности²⁰. Иначе – оккультизм. Этот критерий, по сути, объединяет все более конкретные требования верификаций классической, неклассической и постнеклассической науки. В постметодологии можно увидеть даже возвращение к зерну научности: подобное познавать подобным. В сфере психологии это реализуется в очень простом, вроде бы давно известном принципе симпатии, тропности. Т. е. сознание релевантно познается сознанием; душа – душой; переживание – переживанием (эмпатия).

Таким образом, основные транскомуникативные лучи, проявляющиеся в «пиковых переживаниях», обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (между зачатием и смертью)²¹. На этом макроуровне им соответствуют *ноэтические сезоны душевной жизни* (от протоной к метанойе). Такая схема (не модель, не структура и т. п.) сезонов жизни человека, в отличие от традиционных моделей «взлета-падения»,

²⁰ Эту идею мы развиваем в своих последних статьях: Кабрин В. И. Транскомуникативные основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. – М.: Ин-т психологии РАН, 2008. – С. 186–215.; Кабрин В. И. «Химеры объяснения» и постметодологическая перспектива психологии // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 153–165; Кабрин В. И. Ноэтическая коммуникация: на пути к релевантному исследованию психологического опыта // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4. – Вып. 3. – С. 5–24.

²¹ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. – СПб: Евразия, 1997.

выглядит как экспоненциальная функция духовного роста, который может набирать скорость вплоть до конца жизни человека. Эта схема уже внутри себя содержит *ориентацию на нередуктивность духовного становления человека* и в этом смысле может стать основой развития соответственно нередуктивных подходов постметодологического плана, в качестве одного из которых мы рассмотрели транскомуникативный подход.

В контексте этого подхода постметодологическая схема исследования выглядит так:

- интуитивное понимание предмета исследования (душевного в ином измерении) на основе синтеза вербально-невербальных и понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе;
- непосредственная релевантность теории предмету исследования (аутентичная синтонность теории и предмета);
- создание транскомуникативной ситуации, непосредственно релевантной теории и предмету;
- инициирование транскомуникативного процесса, соответствующего ситуации, теории и предмету.

Реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного аутентичного психологического знания, поскольку сам феномен транскомуникации показывает древнюю ориентацию человека на *метаценности*, проявляющиеся в пиковых переживаниях, в которых, по меткому замечанию А. Маслоу, человек страшится собственного величия (трансцендентности)²². Метаценностями человек соприкасается в духовном мире в целом, трансцендентном по природе. Как таковой он представляет собой сложную, слабо разработанную проблематику и должен рассматриваться на психолого-теологическом уровне, выходящем за рамки этой статьи. Но мы не можем не упоминать о нем, поскольку весь мир человеческих ценностей является прямым продолжением этих высших ценностных оснований.

²² Там же. – С. 74–78.

294

Такая постметодологическая схема может быть, естественно, конкретизирована в критериальную модель ценностно-коммуникативного мира как модель практической работы с макрохарактеристиками психологического потенциала человека. Она может выглядеть следующим образом:

А. *Ноэтический уровень* – ценность духовной стресс-трансформации (преобразование, «рождение в духе»):

а) *метанойя* – преобразенное, просветленное, благоговейное, вдохновенное принятие жизни и сопричастности универсуму;

б) *паранойя* – освежающая ценность стихии, время экстрима, болезненных преодолений формальных ограничений жизни, прорывов в свободное творчество;

в) *ортонойя* – ценность ясности, определенности и правильности сознания, чувств и разума;

г) *протонойя* – ценность чистоты, открытости, первородности, неповторимости впечатлений, образов, чувств.

В. *Уровень транскомуникативных переживаний* – пиковые душевные переживания как ценности:

а) *жажда инсайта* – хотя бы на уровне оргазма или чувства юмора;

б) *возможность экспрессии* – свободное экстенсивное самовыражение вплоть до экстаза;

в) *жажда впечатлений* – возможность импринтинга и острых ощущений;

г) *возможность катарсиса* – очищающий транс.

С. *Уровень коммуникативных ценностей*

а) ценность *дружбы – любви* (в отношениях);

б) ценность *доверия* в диалогах;

в) ценность *понимания* в беседах;

г) ценность *встреч* в контактах.

Стоит подчеркнуть, что принцип иерархичности ценностей включает их обратную кумулятивность. Верхний уровень ценностей воплощается через остальные, более простые, поэтому

последние оказываются включенными в ценности более высокого порядка. Такое взаимопроникновение ценностей и образует их многомерную холархию, противоположенную механистической расчлененности и элементарной дифференциации.

Постметодологическая перспектива исследований предполагает не только бесконечность неповторимых ценностных конфигураций каждого человека, но и аналогичную бесконечность возможностей концептуально-метафорической схематизации представлений об уникальных ценностных мирах людей (групп, культур), одной из которых является рассмотренная здесь схема. Из этого же обстоятельства вытекает и бесконечное разнообразие вариаций постметодологических стратегий исследования, даже если последние вытекают из единой теории, например, теории коммуникативных миров и способов их моделирования.

Рассмотрим такую перспективу.

Исходным условием здесь является вовлечение респондентов в ситуацию самоанализа своего жизненного мира. Исследователь актуализирует у них ценность аутокоммуникации и ценность коммуникативного мира.

Основанием активности респондента является не столько «инструкция», сколько индукция свободного смыслотворчества:

- сказать что-то о *проблемах*, темах, интересах, которые обсуждаются с собой и в своем круге общения;
- сказать что-то о *партнерах*, с которыми обсуждаются указанные проблемы;
- далее производится невербальное субъективное оценивание *интенсивности* переживаний и общения в обозначенных выше контекстах.

Стандартизировать такой материал не составляет большого труда. Так, умещающийся на одной странице и соотнесенный по всем названным аспектам, он даст множество невербальных показателей²³. Однако важнее понимать основ-

²³ Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М.: Смысл, 2005. – С. 120–122.

296 ной ценностный вектор анализа смыслового пространства-времени коммуникативного мира. Он задается на первом этапе самоанализа каким-то определением исходной проблемной ситуации. Предполагается, что таких способов может быть великое множество. Данная исследовательская схема была применена к анализу внутреннего мира личности, коммуникативного мира личности в семье, в компании, учебной группе или организации и т. п. Любое метаценностное основание может ориентировать внимание на различные ценностные субмиры. Так можно получить специфическую информацию о субмирах студентов и их родителей, если предложить им следующее определение исходной ситуации: «Ради решения каких проблем и ради кого Вы готовы изыскивать и резервировать свои жизненные ресурсы?». Такая ситуация ориентирована на выявление метаценностей и метамотивации. Аналогично исследуются коммуникативные миры образования глазами студентов и преподавателей, где открываются реальные образовательные ценности и т. д.

В постметодологической перспективе далее мы намерены переадресовать определение основного ценностного вектора коммуникативного мира самому субъекту этого мира, как бы доверить ему «чистый лист» или *дать полную свободу самотрансцендирования*. Этим самым мы получаем *постметодологическое расширение исследовательской ситуации*. Для достижения полной релевантности *ситуации и процесса* исследования в качестве вариантов можно предложить принципы организации «Группы встреч», «Группы экзистенциального опыта», «Практикума ноэтического опыта», как собственно исследовательские. В то же время эти же принципы вполне осуществимы в тренинговых практиках, ориентированных на актуализацию и развитие психологического потенциала человека в различных профессиональных, социокультурных и межличностных контекстах.

А. П. Назаретян

Специфика современной коммуникации в контексте Универсальной истории: знания массового поражения и парадигма выживания*

История – это прогресс нравственных задач. Не свершений, нет, – но задач, которые ставит перед отдельным человеком коллективное могущество человечества, задач все более и более трудных, почти невыполнимых, но которые с грехом пополам все же выполняются (иначе все бы давно развалилось).

Г. С. Померанц¹

Линейная экстраполяция ряда тенденций, наблюдаемых в современном мире, приводит к обескураживающему выводу, что к середине XXI века планетарную цивилизацию ждет обострение многомерного кризиса, грозящее глобальной катастрофой. Известно, однако, что при построении прогнозных моделей линейная экстраполяция – хотя и необходимый, но только первый шаг. Следующим шагом должна стать конструктивная фаза моделирования: каким образом целенаправленное вмешательство в ход событий способно изменить его в благоприятную для управляющего субъекта сторону?

В научной и философской литературе широко обсуждаются способы решения демографических, генетических, ресурсных, организационно-политических и прочих проблем, составляющих в перспективе угрозу для существования цивили-

* Исследование проводилось по гранту РФФИ № 11-06-00143а.

¹ Померанц Г. С. Опыт философии солидарности // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 59.

298 зации. Отчетливо прослеживается крепнущее убеждение аналитиков в том, что ядро глобальной проблематики составляют культурно-психологические факторы, включающие содержание мировоззрения, характер мышления, доминирующую систему ценностей и норм. Справедливость такого убеждения подтверждает изучение исторического опыта, в котором обнаруживается множество кризисов (в том числе глобального характера) и катастроф, спровоцированных человеческой деятельностью. Анализ прецедентов помогает выявить некоторые закономерности обострения и преодоления антропогенных кризисов и использовать полученные результаты для построения прогнозов и сценариев на обозримое будущее.

Тема настоящей статьи вырисовывалась по мере того, как механизмы, раскрытые серией междисциплинарных исследований, складывались в единую картину. Поэтому первые шесть разделов статьи посвящены краткой характеристике выявленных механизмов².

Понятие кризиса. Закон отсроченной дисфункции и правило избыточного разнообразия

В синергетическом определении, всякий живой организм представляет собой *устойчиво неравновесную* систему, т. е. такую систему, для сохранения которой необходима постоянная работа, направленная против уравнивающего (разрушительного) давления среды. Антиэнтропийная работа – жизнедеятельность – требует регулярного притока свободной энергии извне, а энергия высвобождается при разрушении других систем. Конкуренция за свободную энергию составля-

² Их подробное описание, иллюстрации и необходимые библиографические справки см. в книгах: Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. – М.: УРСС, 2008; Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса. – М.: Недра, 1991; Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. – М.: Мир, 2004.

ет исходную предпосылку для образования многоступенчатых и внутренне конфликтных природных симбиозов, обеспечивающих глобальный энергетический круговорот.

Это одна из причин, исключающих линейные процессы в неравновесных системах. В их существовании и развитии неизбежно наступают фазы опасного снижения устойчивости, когда, в силу изменения внешних или внутренних условий, наработанные ранее шаблоны антиэнтропийной активности оборачиваются противоположными эффектами – опасностью катастрофического роста энтропии; такие фазы называются *кризисами*. За кризисом следует либо катастрофическая фаза – разрушение системы, либо смена среды обитания, либо обновление антиэнтропийных механизмов.

Имеется множество оснований для классификации кризисов. Так, по масштабу различают локальные, региональные и глобальные кризисы, хотя в ряде случаев кризис регионального масштаба оказывался глобальным по эволюционной роли. По предмету кризис может быть преимущественно экологическим или (в социальных системах) геополитическим. В действительности, правда, он чаще всего принимает комплексный характер, так что речь идет о последовательности событий.

Наконец, по происхождению полезно различать экзогенные, эндогенные и эндо-экзогенные кризисы. Первые происходят из-за относительно случайных (не зависящих от системы) изменений в среде: колебаний солнечной или геологической активности, спонтанных изменений климата, космических катаклизмов, появления воинственных кочевников и т. д. Вторые обусловлены сменой периодов генетической программы или ее исчерпанием. Кризисы третьего – смешанного – типа вызваны изменениями среды, спровоцированными собственной активностью неравновесной системы.

Именно кризисы третьего типа играли наиболее существенную и по-настоящему творческую роль в эволюции природы и общества, и они представляют особый интерес для синергетической модели. Монотонное наращивание антиэнтропийной активности накапливает разрушительные эффекты в

300 среде, и рано или поздно прежние механизмы жизнеобеспечения становятся контрпродуктивными. *Закон отсроченной дисфункции* гласит, что такая критическая фаза обязательно наступает, и дальнейшая судьба неравновесной системы зависит от того, насколько она готова к изменениям. Если при обострении эндо-экзогенного кризиса система не имеет возможности сменить среду обитания, то она либо разрушается, либо вырабатывает антиэнтропийные механизмы с более высокой удельной продуктивностью (величиной полезного эффекта на единицу разрушений). Последнее всегда требует радикального роста организационной сложности и «интеллектуальности».

Шанс на конструктивное преодоление кризиса во многом определяется тем, какой объем актуально бесполезного – *избыточного разнообразия* – система успела накопить в периоде относительно спокойного развития. Если ее структура была не настолько жесткой, чтобы отбраковывать так называемые *слабовредные мутации*, то в кризисной фазе маргинальные элементы, игравшие прежде периферийную роль, обеспечивают внутренний ресурс, из которого черпаются новые модели и стратегии поведения. Очевидно, что это правило конкретизирует общесистемный закон необходимого разнообразия, открытый У. Р. Эшби в 50-х годах прошлого века.

Приведем для иллюстрации обоих положений – закона отсроченной дисфункции и правила избыточного разнообразия – только один эпизод из ранней истории биосферы.

На протяжении почти трех миллиардов лет жизнь на Земле была представлена в основном цианобактериями (сине-зелеными водорослями), покрывшими плотным слоем водную поверхность. Отходом их жизнедеятельности были свободные атомы кислорода, которые постепенно накапливались в атмосфере планеты, изменяя ее химический состав. В итоге атмосфера приобрела столь выраженное окислительное свойство, что стала губительной для основного носителя жизни – и началось массовое вымирание цианобактерий.

Но к тому времени в результате мутаций успели сформироваться простейшие аэробные организмы (поглощающие кислород и выделяющие углекислый газ), которые начали быстро размножаться и стали играть ведущую роль в развитии жизни. Биосфера радикально усложнилась, что и обеспечило ее сохранение. (Если будет доказано существование на Марсе в далеком прошлом примитивной жизни, то она могла исчезнуть оттого, что не нашлось избыточных элементов, которые послужили бы источником спасительного усложнения.)

В литературе описаны пять переломов глобального значения, развивавшихся по сходной причинно-следственной схеме, в биологической истории фанерозоя (хотя не во всех случаях факторы столь же отчетливо выявлены) и не менее семи – в социальной и прасоциальной истории. Но для понимания последних необходимо существенное дополнение, о котором пойдет речь в следующем разделе.

Антропогенные кризисы.

Закон техно-гуманитарного баланса

На прасоциальной стадии эволюции эндо-экзогенные кризисы приобретают характер *антропогенных*. Первые искусственные орудия – галечные отщепы (чопперы), заостренные при помощи нескольких прицельных ударов, – возникли около 2,5 млн лет назад. Создавшие их хабилисы (*Homo habilis*) Олдовайского ущелья в Африке были анатомически близки к грациальным австралопитекам и занимали в экосистеме нишу стервятников.

Считается, что изначальная функция чопперов состояла в том, чтобы отслаивать мясо, оставшееся на костях жертвы после насыщения хищников, а также раскалывать кости скелета и черепа для добычи мозга. Несомненно, орудия использовались и в борьбе с конкурентами по экологической нише. Антропологически наиболее существенно, что все фрагменты черепов *Homo habilis* обнаруживают признаки искусственного повреждения, т. е., по всей видимости, хабилисы не только могли, но и регулярно использовали чопперы в драках между собой.

Тем самым на исходной стадии формирования рода *Homo* было раз и навсегда нарушено правило этологического баланса, обеспечивающее жизнеспособность животных популяций: сила инстинктивного торможения внутривидовой агрессии в норме соразмерна естественной вооруженности вида. «Ворон ворону глаз не выклюет», зато, как отмечал К. Лоренц³, голубка способна долго и страшно добивать поверженного противника. Поэтому стая голубей с ястребиными клювами не могла бы долго существовать из-за слишком высокой доли смертоносных конфликтов.

Но как раз подобной зоологической химерой оказался странный вид *Homo habilis*. Лишенные естественного вооружения, хабилисы не могли обладать и прочными инстинктами, тормозящими убийство себе подобных. Сочетание же психологии безоружного существа с грозным искусственным оружием обрекала их на самоистребление. Эта коллизия человеческой предыстории обозначена в эволюционной антропологии как *экзистенциальный кризис антропогенеза*.

Похоже, что большинство популяций не смогло его преодолеть. Как отмечает, обобщив археологические данные, немецкий ученый Ф. Кликс⁴, «на полосу, отделяющую животное от человека, много раз ступали, но далеко не всегда ее пересекали». Но как минимум одна популяция все же выжила и дала начало новому витку эволюции на Земле. Наиболее фундаментированная гипотеза связывает сохранение ранних представителей рода *Homo* с тем, что у них сформировался надприродный блокиратор агрессии, обусловленный некрофобией. С зачатками анимистического мышления мертвому стали приписывать способность мстить обидчику, и это не только ограничило агрессию между сородичами, но также обеспечило биологически бессмысленную заботу об инвалидах, археологические свидетельства которой относятся уже к нижнему

³ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – М.: Прогресс-Универс, 1994.

⁴ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта. – Киев: Вища школа, 1985. – С. 32.

палеолиту. Невротический страх, заместивший недостающий инстинкт, послужил закваской будущей духовной культуры.

С тех пор существование гоминид, включая и неоантропов (людей нашего биологического вида), не имело естественных гарантий, и жизнеспособность сообществ определялась соотношением инструментальной и регуляторной ипостасей культуры. Анализ большого числа антропогенных кризисов и катастроф в различных исторических эпохах и на различных континентах позволил выявить системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и внутренней устойчивостью общества. Полученная зависимость – закон техно-гуманитарного баланса – состоит в том, что чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения социальной системы.

Формальный аппарат модели демонстрирует, что с технологическим потенциалом растет внешняя устойчивость общества, т. е. его независимость от спонтанных природных или геополитических катаклизмов (об этом свидетельствует, в частности, и сравнительная статистика человеческих жертв при стихийных бедствиях). Вместе с тем растет уязвимость социальной системы по отношению к колебаниям массовых настроений, опрометчивым решениям авторитетных лидеров и т. д., т. е. ее внутренняя устойчивость снижается, если возросшее инструментальное могущество не уравновешено адекватным совершенствованием ценностей и норм деятельности.

В реальной истории овладение новыми технологиями обычно влекло за собой эйфорическое ощущение вседозволенности и безнаказанности, иррациональное стремление к «маленьким победоносным войнам» против природы или соседних социумов – «массовый комплекс катастрофофилии», по выражению голландского психолога П. Слоттердейка. В целом же характерный симптомокомплекс, рождаемый превосходством инструментального интеллекта над гуманитарным и сопровождающий бурное экстенсивное развитие,

304 описан нами как *синдром Предкризисного человека (Hoto prae-crisimos)*.

Рано или поздно общество, пораженное предкризисным синдромом, разрушает природные и/или организационные основы существования. Жертвами собственного могущества пали многие оазисы цивилизации на различных континентах Земли: процветающие общества пережили неожиданный для современников (и для историков) «надлом и распад». Историческая, географическая и этнографическая литература полна описаний предметных эпизодов, когда события развивались именно по такой каузальной схеме.

Приведем характерный трагический эпизод из недавнего прошлого.

В середине 1970-х гг., по окончании Вьетнамской войны, было замечено, что исчезло крупное палеолитическое племя горных кхмеров, традиционно проживавшее на территории Вьетнама. После взаимного обвинения сторон в геноциде удалось сформировать международную научную экспедицию для выяснения обстоятельств. Было доказано, что первобытные охотники пали жертвой собственной недалекости. Научившись использовать (и всеми средствами добывать) американские карабины, они в считанные годы истребили фауну, на которую охотились тысячелетиями, перестреляли друг друга, а немногие оставшиеся в живых спустились с гор и деградировали.

Многочисленные события подобного рода имели место за последнее столетие в регионах Африки, Азии, Австралии и Америки. Их можно считать артефактами, поскольку технологии были привнесены извне, архаические общества перескочили сразу через несколько ступеней исторической эволюции, оставив глубокую пропасть между инструментальным и гуманитарным интеллектом, а потому события развивались очень быстро и легко реконструировались по свежим следам. В аутентичной истории, когда новые технологии создавались внутри общества, сходные причинно-следственные связи реализовались на протяжении десятков, сотен, а в палеолите – тысяч лет.

К счастью, однако, в истории прослеживаются и альтернативные сценарии. Например, когда социум, исчерпав ресурсы родного ландшафта, имел возможность мигрировать на соседние территории (иногда – выдавив оттуда более слабых конкурентов), это позволяло временно сохранить прежние шаблоны жизнедеятельности. В редких случаях устойчивость сохранялась ценой отказа от новых технологий. По-настоящему же существенны для понимания эволюционных механизмов эпизоды «прогрессивного» преодоления антропогенных кризисов. Когда кризис охватывал обширную территорию с высоким уровнем культурного разнообразия, его обитателям удавалось найти кардинальный выход из эволюционного тупика. При этом происходил отбор социумов и ценностно-нормативных комплексов на совместимость с возросшими технологическими возможностями, сопровождавшийся отбраковкой социальных организмов, не способных обеспечить гуманитарно-психологический противовес обретенному инструментальному могуществу.

Как отмечалось, за 2,5 млн лет истории и предистории человечества зафиксировано не менее семи революционных переломов глобального значения, следовавших за масштабными кризисами, спровоцированными превосходством инструментальной культуры над гуманитарной. В каждом случае преодоление кризиса было обеспечено сопряженными изменениями в сфере отношений «человек-природа» и «человек-человек». Возрастали удельная продуктивность хозяйственной деятельности, информационный объем коллективного и индивидуального интеллекта и сложность социальной организации, а также совершенствовались регуляторы межгрупповых и внутригрупповых отношений. В результате социоприродные комплексы последовательно удалялись от естественного (дикого) состояния, природные биоценозы превращались в антропоценозы, благодаря чему экологическая ниша человека расширялась и углублялась. В дальнейшем, однако, новые технологии, рост населения, коллективных и индивидуальных потребностей приводили к очередным антропогенным кризисам.

Системная зависимость между технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества (закон техно-гуманитарного баланса) выведена из анализа многообразных предметных ситуаций, и ее можно считать эмпирическим обобщением. Из него логически вытекает, что, благодаря действию этого селективного механизма, на всем протяжении истории качество культурных средств ограничения агрессии совершенствовалось в нелинейном (опосредованном антропогенными кризисами) соответствии с технологическим развитием.

Это одно из нетривиальных следствий модели, подвергающихся процедурам эмпирической верификации. В частности, введен сравнительно-социологический показатель – *коэффициент кровопролитности*: отношение среднего числа убийств в единицу времени (включая войны, политические репрессии и бытовое насилие) к численности населения.

Расчеты показали, что в долгосрочной исторической ретроспективе, с ростом убойной силы оружия и демографической плотности, указанный коэффициент не возрастал (как кажется интуитивно очевидным), а сокращался. Поскольку тенденция носила сильно нелинейный характер (всплески кровопролитности соответствуют фазам обострения кризисов), она отчетливо обнаруживается только при достаточно широком временном диапазоне, причем более всего снижение кровопролитности обеспечивалось ограничением бытового насилия. Мы объясняем это не тем, что люди становились «все менее агрессивными» (напротив, территориальная концентрация обычно повышает естественный уровень агрессивности как у животных, так и у людей), а тем, что культура, проходя через горнило антропогенных кризисов, умножала и совершенствовала процедуры сублимации агрессии в социально полезную деятельность, не связанную с физическим насилием.

При изучении психологического аспекта этой общеисторической тенденции различают понятия *угроза* и *опасность*. Угрозой в психологии называется фактор, способный нанести

ущерб интересам субъекта (включая его физическое состояние). Опасность же – величина, характеризующая отношение угрозы к готовности субъекта ей противостоять.

Например, на улице, в транспорте, на производстве и в общественных местах угроз для человека значительно больше, чем в собственной квартире. Между тем участковые милиционеры, врачи «Скорой помощи» и социологи знают, что несчастные случаи, травмы и убийства чаще происходят в домашних условиях. Выходя из дома и сознавая наличие угроз, взрослый человек мобилизован, сосредоточен и внимателен. Вернувшись домой и ошибочно оценивая сравнительно невеликие угрозы пребывания в квартире (в одиночестве, среди домочадцев или приятелей) как нулевые, он расслабляется и тем самым повышает реальную опасность неприятных событий.

Новые технологии обычно несли с собой прямую или косвенную угрозу для общества и в перспективе оборачивались катастрофическими эффектами. Но катастрофическая опасность сохранялась до тех пор, пока не происходила культурно-психологическая *притирка* (*fitting*). По завершении адаптационной фазы в общественном сознании выработывалась соразмерная оценка угрозы. В результате опасность сокращалась до «приемлемого» уровня, и укрошенные технологии, в том числе военные, превращались в жизнеспасающий фактор. Простые расчеты показывают, что после того, как притирка состоялась (но только после этого!), чем большую потенциальную угрозу несет в себе то или иное оружие, тем менее оно оказывается реально кровопролитным.

Так, от межконтинентальных баллистических ракет, реально угрожавших существованию человечества полвека назад, не погиб ни один человек (и можно думать, что уже не погибнет вследствие состоявшейся притирки). От атомных бомб первого поколения, еще сравнительно маломощных, погибли (включая отсроченные жертвы) до 300 тыс. человек. Танки, артиллерийские системы и бомбардировочная авиация унесли миллионы человеческих жизней. Жертвами легкого стрел-

308 кового оружия пали десятки миллионов. А кухонные ножи, вазы, бутылки, хозяйственные топоры, охотничьи ружья и прочие обиходные предметы, использованные при бытовых конфликтах, угробили больше людей, чем все виды боевого оружия вместе взятые.

То же и с производственными технологиями. Например, если бы деятельность человечества оставалась такой же «экологически грязной», как в середине прошлого века, то к концу века жизнь на Земле стала бы невыносимой⁵. Впрочем, даже в худшие времена в расчете на единицу добытой энергии АЭС производили меньше разрушений и человеческих жертв, чем традиционные крестьянские печи, регулярно вызывавшие пожары и уничтожавшие целые деревни⁶. А после серии взрывов, потрясших мир в 1970-80-х гг., удалось достичь достаточно высокого уровня безопасности.

Исследования швейцарского психолога Ж. Пиаже и его последователей продемонстрировали зависимость между «когнитивным и моральным рядами развития» в онтогенезе⁷. Этнографы, со своей стороны, показали, что во всех культурах дети по мере взросления осваивают ненасильственные методы разрешения конфликтов⁸. Но когда американский исследователь Л. Колберг попытался научно подтвердить догадку прогрессистов о совершенствовании моральных регуляторов в историческом развитии⁹, он подвергся нападкам даже со стороны приверженцев социального эволюционизма: автора

⁵ Ефремов К. Путешествие по кризисам // Лицейское и гимназическое образование. – 2004. – № 3. – С. 5-6; 68–70.

⁶ Работнов Н. С. С дровами в XXI век? // Знамя. – 1992. – № 11. – С. 195–213.

⁷ Воловикова М. И., Ребеко Т. А. Соотношение когнитивного и морального развития // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь. – М.: Наука, 1990. – С. 81–87.

⁸ Munroe, R. L., Hulefeld, R., Rogers, J. M., Tomeo, D. L., Yamazaki, S. K. Aggression among children in four cultures // Cross-Cultural Research. – 2000. – vol. 34. – #1. – P. 3–25.

⁹ Kohlberg, L. The psychology of moral development. – N.Y: Harper & Row, 1981.

обвинили во всех грехах, от бездоказательности до «политической некорректности».

Результаты наших исследований дают основание говорить об опосредованной кризисами связи между развитием инструментального и гуманитарного интеллекта в филогенезе рода *Ното*. Только благодаря умению адаптировать культуру саморегуляции к почти неуклонно возрастающей инструментальной мощи ему удалось дожить до настоящего времени, что, разумеется, само по себе не гарантирует цивилизации дальнейшее существование.

Имеющийся в современной науке эмпирический материал демонстрирует наличие сквозных векторов истории в калейдоскопе циклических процессов локального, регионального, а иногда и глобального масштаба. Один из векторов составляет преимущество в развитии культурных регуляторов, без чего последовательный рост и уплотнение населения, повышение технологической мощи и усложнение социальной организации были бы невозможны. С определенными оговорками все это можно назвать *прогрессом* – термином, который встречается еще у позднеримских авторов и имеет более древнее происхождение, чем «эволюция» и «развитие». Но в синергетической версии классическая идея прогресса освобождается от двух родовых пороков – линейности (часто с явным налетом евроцентризма) и телеологизма. Прогресс видится не как цель или приближение к цели, но как *средство сохранения неравновесной системы (общества) в фазах неустойчивости*.

Рост и ограничение разнообразия.

Закон иерархических компенсаций

То, что одним из решающих условий преодоления кризиса всегда служил ресурс разнообразия, накопленный системой (природой или обществом) в относительно спокойные периоды, можно считать проявлением упомянутого ранее закона Эшби. Здесь, однако, необходимо обратить внимание на его важное уточнение, которое понадобится нам для дальнейших выводов.

Закон необходимого разнообразия и производные от него модели помогают разобраться со многими случаями повышения или понижения конкурентоспособности систем в нелинейном мире. Вместе с тем, апелляция к нему часто приводила к недоразумениям.

Замечено, что бесконтрольный рост разнообразия за границей некоторого оптимума снижает внутреннюю управляемость и эффективность динамической системы. Если бы разнообразие было безусловной ценностью (как подчас трактуют закон Эшби), то языку, например, не нужна бы была единая грамматика, школе – учителя словесности, а издательству – редакторы и корректоры. Обществу не нужны бы были мораль, уголовный кодекс, правоохранительные органы, правила дорожного движения и т. д.

В действительности формальные и неформальные регламентации и санкции за их нарушение, сопровождающие почти все аспекты социального взаимодействия, нацелены на ограничение разнообразия в поведении и даже мышлении людей – без этого общество теряет жизнеспособность. Сказанное касается также преступных сообществ, которые вырабатывают собственные нормы, жестко ограничивающие свободу выбора и во многом воспроизводящие нормативный строй архаических социумов («всякому безобразию есть свое приличие»). Сложные механизмы, препятствующие беспредельному росту видового и поведенческого разнообразия, вырабатывает и природа.

Бесконечные факты такого рода трудно согласовать с законом Эшби, если усматривать в нем исключительно демонстрацию самооценности разнообразия. В 1980-х годах автор этих строк изучал данный вопрос вместе с известным специалистом по теории информации Е. А. Седовым, пытаясь выявить соотношение разнообразностных характеристик в системах любого рода – от космофизических до когнитивных – и механизм изменения этого соотношения в процессе эволюции. После безвременной кончины Евгения Александровича (который в последние недели жизни успел разработать соответствующий математический аппарат) в редакционном предисловии к его

посмертно опубликованной статье¹⁰ мы назвали полученную модель его именем – закон Седова, или закон иерархических компенсаций. Общая формулировка выглядит следующим образом: *рост разнообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот: рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации.*

Закон иерархических компенсаций сопоставим по предмету и по объему с законом необходимого разнообразия и составляет необходимое дополнение последнего. Его наглядные иллюстрации изобилуют во всех сферах объективной и субъективной реальности.

В космологии популярна гипотеза о том, что на ранней стадии эволюции Вселенной произошел фазовый переход от многомерного пространства к четырехмерному пространственно-временному континууму, и это был, возможно, исторически первый акт ограничения, обеспечивший рост разнообразия структурных форм. Факты такого рода умножаются с ускорением и разветвлением эволюционных процессов. Так, ограничение разнообразия на субклеточном и молекулярном уровнях живого вещества обеспечило рост разнообразия форм на надклеточном уровне. Рост разнообразия эукариот стал возможен благодаря унификации типов метаболизма по сравнению с прокариотами. Общей предпосылкой растущего биоразнообразия служила унификация физических условий планеты под влиянием живого вещества, а в последующем ограничение биоразнообразия сделалось необходимым условием роста социокультурного разнообразия.

Проявления той же закономерной связи обнаруживаются во всех сферах человеческой деятельности. Скажем, в языке ограничение допустимых фонемных комбинаций совершенно необходимо для построения слов, ограничение синтаксических сочетаний – для построения фраз и т. д. Исторически это вело к укрупнению и обобщению языковых правил. Развитие

¹⁰ Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 92–101.

312 рынка обеспечивалось появлением общепринятого товарного эквивалента – золота; затем еще более обобщенного эквивалента – обеспеченной золотом бумажной ассигнации, затем кредитной карточки, замещающей ассигнации. Развитие науки требует упрощающих обобщений, в которых имплицитно содержится (и может быть дедуктивно выведено) множество фактов, причинных связей, достоверных суждений, прогнозов и рекомендаций, но вместе с тем исключается множество других фактов, гипотез и т. д. Чем более развито и разнообразно дорожное движение, тем более строгие ограничения требуются для его поддержания. Вообще с усложнением социальной организации умножались моральные, правовые и прочие ограничения – законы, предписания, правила и т. д. «Как раз потому, что эти правила сужают выбор средств, которые каждый индивид вправе использовать для осуществления своих намерений, они необычайно расширяют выбор целей, успеха в достижении которых каждый волен добиваться»¹¹.

Наоборот, с упразднением грамматических норм языковая система начинает деградировать, затрудняя взаимопонимание, расчлняя языковое сообщество и нарушая совместную деятельность (ср. библейскую историю о Вавилонской башне). Отмена правил дорожного движения увеличивает свободу индивидуального выбора (разнообразие) и почти автоматически повышает аварийность, а в пределе разрушает единую систему транспортных потоков.

Закон иерархических компенсаций приобретает существенное значение при обсуждении ряда практических проблем современности, касающихся глобальной экологии и культурной политики.

Специфика современного кризиса.

«Знания массового поражения»

Полстолетия тому назад многие европейцы и американцы не верили в грядущее наступление XXI века. Нарастивание

¹¹ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости, 1992. – С. 88.

мощи ядерного оружия, числа боеголовок и дальности средств доставки делали вполне реальной угрозой глобальной катастрофы, которая (угроза) предельно обострилась к 1960-м гг. К этому добавлялись регулярные испытания боезарядов, отравлявшие атмосферу, почву и аквасферу, побочные эффекты мирной атомной энергетики, бесконтрольное разрушение природы развивающейся промышленностью передовых стран и демографическим взрывом в странах «третьего мира»...

Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (на суше, в атмосфере и в океане), заключенный в 1960 г. в результате трудных дипломатических баталий, стал вехой в развитии экологического сознания. Даже те страны, чьи правительства отказались подписать Договор (Франция, Китай), вынуждены были постепенно, под давлением мировой общественности, свести испытания к нулю. В последующем и наивное убеждение в «многократной автоматической защищенности» АЭС сменилось адекватным осознанием угроз, что существенно сократило опасность непредумышленных (не спровоцированных террористами) аварий. Впечатляющие успехи принесли локальные, региональные и глобальные экологические меры. Исторически беспрецедентные межгосударственные коалиции, не направленные против третьих сил (мечта гуманистов Возрождения и Нового времени), сделались знаменем эпохи. Экоберегающие психологические установки охватили многие сферы производственной и бытовой активности, дав дополнительный импульс развитию информатики.

Перелом в политическом сознании связан с компромиссным разрешением Карибского, Берлинского и Ближневосточного кризисов. Люди убедились в способности политиков воздержаться от использования наиболее разрушительных средств, и это умерило катастрофические ожидания. Имеются явные признаки того, что к концу XX века фаза культурно-психологической притирки к атомной энергетике успешно завершилась, и «классическое» ядерное оружие окончательно превратилось из инструмента агрессии в инструмент взаимного сдерживания. Человечество научилось сосуществовать с

314 баллистическими ракетами, так же, как в прежние эпохи люди сумели укротить (в порядке хронологического убывания) огнестрельное, стальное, бронзовое и дистанционное оружие, грозившее глобальными разрушениями.

Приходится, однако, обратить внимание и на иную сторону дела. Избежать ядерной войны во второй половине XX века удалось ценой переноса глобальных противоречий в русло почти непрерывных локальных войн. В них погибло в общей сложности не менее 50 млн человек, и только на фоне ожидавшихся (при худшем сценарии) миллиардов жертв, а также благодаря тому, что реальные жертвы были рассредоточены в пространстве и времени, полувековой период мировой политики назван «холодной» войной. В действительности жить без «горячих» войн люди по-прежнему не научились.

К XXI веку ситуация стала решительно меняться. Хотя глобальная опасность «классического» ядерного оружия снизилась (вследствие притирки), реальная опасность сместилась в иную сферу.

На стыке столетий американский ученый Б. Джой остроумно заметил, что век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения*. С одной стороны, разрабатываются все более изощренные и дешевые виды оружия, связанные с ядерными минизарядами, нанотехнологией, робототехникой и геной инженерией. С другой стороны, доступ к информации и образованию во всем мире необычайно облегчается и расширяется. В совокупности эти два фактора ведут к тому, что контроль над новейшими технологиями выскальзывает из рук государств и вменяемых правительств, становясь достоянием частных корпораций, а в обозримой перспективе – компьютерно грамотных «гениев». То, что с развитием технологий внутренняя устойчивость общества все более зависит от индивидуальных действий, – прямой вывод модели техно-гуманитарного баланса. Мы, похоже, приближаемся к пику этой исторически возраставшей зависимости.

При таких обстоятельствах локальные конфликты уже не могут, как в XX веке, служить надежной прокладкой от гло-

бальной катастрофы. Расчеты свидетельствуют о том, что в современном мире социальное насилие снизилось до беспрецедентно низкого уровня: например, по данным Всемирной организации здравоохранения¹², среднегодовое число убийств, включая политические репрессии, военные и бытовые конфликты, уступает числу суицидов. Но при этом чрезвычайно повысилась чувствительность людей к насилию (чем и вызвана иллюзия его роста) и, что здесь особенно важно, небывало возросла социальная цена его потенциальных последствий. Множащиеся технологии террора «делокализуют» военные конфликты, делая каждый из них чреватым глобальными последствиями.

До сих пор совершенствование социокультурной саморегуляции сопровождалось драматическим устранением социумов, не сумевших своевременно восстановить нарушенный баланс. Закон техно-гуманитарного баланса предполагает и реальную возможность гибели планетарной цивилизации под обломками собственного декомпенсированного могущества. При этом небывалая скорость обострения глобальных проблем сочетается с беспрецедентной скоростью распространения и переработки информации, обеспечивающей способность культуры к динамическим переменам. Соответственно, ключевой вопрос нынешней эпохи в том, останется ли цивилизация способной совершенствовать механизмы внутреннего и внешнего контроля в соответствии с ускоренно растущими технологическими возможностями, обеспечивая им надежный противовес.

Космические перспективы интеллекта и универсальный естественный отбор

В фазе неустойчивости (полифуркации) выделяется несколько вариантов возможного развития событий. Сегодня нетрудно прописать набор сценариев, приводящих к гибели

¹² Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. Всемирная организация здравоохранения. – М.: Весь мир, 2002.

316 цивилизации и исчерпанию эволюционных процессов на Земле. Важнее оценить вероятность сохраняющего сценария и по возможности обозначить его контуры. Оставив за скобками множество конкретных деталей, рассмотрим здесь универсальную сторону вопроса.

Немецкие и русские философы-космисты (Г. Фихте, А. Гумбольдт, Н. Г. Федоров, К. Э. Циолковский) усматривали перспективу цивилизации в безграничном распространении «ударной волны интеллекта» за пределы планеты-колыбели. Тем самым они вступили в острый конфликт с естественно-научными представлениями своего времени и служили объектами высокомерных насмешек. Наше поколение стало свидетелем выхода человека в космос, но еще более существенно то, что в постнеклассической парадигме подтверждается принципиальная возможность превращения интеллекта в фактор космической истории.

Автор этих строк, опираясь на данные, касающиеся эволюции инструментального интеллекта, а также на выводы эвристики и гештальтпсихологии, не раз писал о том, что любые ограничения, налагаемые физическими законами на инженерные решения, преодолимы путем выхода в когнитивную метасистему: те параметры проблемной ситуации, которые в рамках одной модели выступают как неуправляемые константы, в рамках более общей модели превращаются в управляемые переменные. Поэтому для творческого разума не существует абсолютных пределов управления масс-энергетическими процессами, и потенциальная перспектива его развития связана с расширяющимся влиянием на космическую эволюцию.

В 2001 г. был опубликован русский перевод книги крупного американского физика Д. Дойча, в которой аналогичный вывод подробно обоснован с современных естественно-научных позиций. «Ни наша теория звездной эволюции, ни какая-то другая известная нам физика» не дают оснований ограничивать потенциальное влияние жизни на космические процессы, пишет Дойч. «Во всей нашей Галактике и во всем Мультиверсе [т. е. в бесконечной вселенной (со строчной бук-

вы), часть которой, согласно новейшим версиям, составляет наша Вселенная – Метагалактика – А.Н.] звездная эволюция зависит от того, развилась ли разумная жизнь и где это произошло. <...> Будущая история Вселенной зависит от будущей истории знания. <...> Применяя свои лучшие теории к будущему звезд, галактик и Вселенной, мы обнаруживаем огромное пространство, на которое может воздействовать жизнь и после долгого воздействия захватить господство над всем, что происходит»¹³. Далее Дойч обращается к «принципу Тьюринга»: не существует верхней границы количества физически возможных этапов вычисления, а потому возможности интеллектуального управления принципиально безграничны. Следовательно, если контроль над метагалактическими процессами не сможет взять на себя разум, восходящий к Земной цивилизации (например, оттого, что прежде уничтожит своего носителя), эту роль выполнит кто-либо другой – «предположительно какой-то внеземной разум»¹⁴...

Сформулированный Дойчем принцип Тьюринга развивает известный в теории систем принцип реализации всех возможностей: все события, какие могут произойти в системе, реально происходят. На нем построена таблица Менделеева, на него опираются физики в поисках частиц, возможность которых подсказана теорией, и т. д.

Но, признав возможными (а следовательно, подлежащими реализации) как космическую перспективу интеллекта, так и его самоуничтожение, мы сталкиваемся с очевидным парадоксом. Парадокс разрешается предположением о множественности очагов эволюции во Вселенной, в которых реализуются все сценарии развития, включая крах биосферы и цивилизации на каждой из критических фаз. Отсюда, в свою очередь, вытекает догадка об *универсальном естественном отборе*. Развивающиеся планетарные системы, не сумевшие на той или иной полифуркационной фазе справиться с кри-

¹³ Дойч Д. Структура реальности. – М.-Ижевск: НИЦ РХД, 2001. – С. 186–189.

¹⁴ Там же. – С. 356.

318 зисами, остаются расходным материалом универсальной эволюции. И лишь немногие, которым при каждой полифуркации удалось выйти на сохраняющий аттрактор, дорастают до космической стадии.

Имеются косвенные основания (см. далее) допустить, что из множества планетарных цивилизаций только одна способна превратиться в метagalактически значимый фактор и что до сих пор в нашей Вселенной этого не произошло. Наконец, что полифуркация, отделяющая Земную цивилизацию от гибели или перехода в космическую стадию, не дело фантастического будущего, – возможно, она придется на время жизни ближайшего поколения.

Вертикаль Снукса – Панова

В 1996 г. австралийский экономист и исследователь глобальной истории Г. Снукс опубликовал расчеты, характеризующие ускорение эволюционных процессов от возникновения жизни на Земле до постиндустриальной цивилизации. Обнаружилось, что на протяжении 4 млрд лет временные дистанции между глобальными фазовыми переходами в биологической, прасоциальной и социальной истории последовательно укорачивались в соответствии с единой логарифмической формулой.

В 2003 г. московский физик-теоретик А. Д. Панов, не зная о работе Снукса, вывел аналогичную формулу¹⁵. Кроме того, некоторое спекулятивное допущение позволило распространить период логарифмического ускорения на 10 млрд лет в прошлое – к моменту образования во Вселенной (в недрах звезд первого поколения) тяжелых элементов, изменивших физический механизм самоорганизации. При соединении легких элементов (например, протона и электрона) квант

¹⁵ При этом русский ученый работал в иной культурной и дисциплинарной традиции, использовал иные источники (в т. ч. первое – 2001 г. – издание книги: Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. – М.: Мир, 2004) и иной, более строгий математический аппарат.

энергии выбрасывается в пространство, а для соединения тяжелых элементов требуется энергия извне. Конкуренция за свободную энергию дала толчок развитию в сторону органических соединений, и в последующем этот ускоряющийся процесс локализовался на Земле, а также, возможно, в других точках Метагалактики.

Полученный результат был доложен Пановым на семинаре в Государственном астрономическом институте имени П. К. Штернберга и оценен его участниками как открытие, демонстрирующее единство и преемственность универсального эволюционного процесса. Но особенно неожиданный вывод дает перенос гиперболической линии в будущее: уже в ближайшие десятилетия она превращается в вертикаль! Этот загадочный формальный итог и был обозначен в международной литературе как *Вертикаль Снукса – Панова*.

С чисто математической точки зрения, он означает, что формула, описывающая ход событий на протяжении миллиардов лет, через несколько десятилетий (!) становится бессмыслицей. Скорость эволюционных изменений устремляется к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами – к нулю. Какая же предметная реальность может скрываться за сугубо формальным результатом?

С тем, как интерпретируют экстраполяционную Вертикаль сами авторы формулы, читатель может ознакомиться по оригинальным текстам¹⁶ и редакционному предисловию к обеим публикациям, а также по книге А. Д. Панова¹⁷; отметим только, что их интерпретации диаметрально противоположны. На наш взгляд, поскольку формула отражает очень значительный фрагмент Универсальной истории, постольку ее предел должен обозначить перспективу событий не планетарного, а вселенского значения. Иначе говоря, до середины

¹⁶ Панов А. Д. Завершение планетарного цикла эволюции? // Философские науки. – 2005. – № 3-4. – С. 42–49; 31–50; Snooks, G. D. Why is history getting faster? Measurement and explanation // Философские науки. – 2005. – № 4. – С. 51–69.

¹⁷ Панов А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). – М.: ЛКИ, 2007.

320 XXI века может произойти либо обвал Земной цивилизации, либо фазовый переход, сопоставимый по эволюционному значению с образованием живого вещества. Вероятно, второй – «прогрессивный» – пучок сценариев предполагает очередной виток «удаления от естества» как условие сохранения планетарной системы, проникновение в сверхмалые и сверхбольшие пространства и превращение интеллектуальной деятельности из геологического в космический фактор.

В попытке детализировать сценарии мы и выходим на проблему смыслообразования.

Мировоззренческая парадигма выживания.

Идеология и глобалистика

В истории фиксируются редкие случаи восстановления техно-гуманитарного баланса за счет отказа от новых технологий. Например, туземцы Тасмании в изоляции разучились использовать луки, а японские самураи на триста лет отказались от использования огнестрельного оружия, сочтя его недостойным истинного воина. Но такой способ ухода от кризиса носил локальный и временный характер и делал социум беззащитным перед внешними угрозами. Стратегическую же перспективу составляет *возвышение гуманитарного интеллекта (социокультурной регуляции) до уровня интеллекта инструментального*, а не наоборот. Люди учились жить с новыми технологиями, усваивая опыт техногенных катастроф, совершенствуя культурно-психологические регуляторы поведения и тем самым ограничивая угрозы, которые неизбежно несет с собой технологический рост.

Сегодня кампании за ядерное и прочее разоружение тактически значимы постольку, поскольку способствуют массовому осознанию угроз. Но грань между боевыми и мирными технологиями все более размывается, и без развития новейших технологий человечеству не справиться с нарастающими кризисами (от дефицита ресурсов до генетического вырождения). Как и прежде, стратегическая перспектива видится в культурно-психологической притирке к развивающимся ин-

струментальным возможностям и, соответственно, в кардинальном совершенствовании общественного сознания.

Развитие технологий ставит перед человечеством качественно новую задачу. От палеолита до наших дней задача сохранения состояла в том, чтобы *упорядочивать* социальное насилие, по мере возможности предотвращать его хаотические формы. Нынешняя задача – *устранить* насилие из политической жизни – не решаема привычными средствами.

Упорядочение насилия во многом достигалось переносом агрессии на внешний мир. Для этого духовная культура производила конкурирующие и сменяющие друг друга *идеологии*, которые обеспечивали деление людей на «своих» и «чужих».

Термин «идеология» возник в конце XVIII века: французские эволюционисты (П. Кабанис и др.) придумали его для особой науки о биологических основах мышления. Их попытка разработать такую науку оказалась неудачной, но слово запомнилось, и пришедший вскоре к власти Наполеон Бонапарт использовал его как штамп для развенчания бесплодных политических спекуляций.

В последующем идеологиями стали называть ложные социальные теории, выражающие частные интересы какой-либо большой группы (прежде всего нации), противопоставленные интересам других групп; в этом значении термин применяли, в частности, К. Маркс и Ф. Энгельс. С обострением классовых конфликтов в Европе заговорили о «классовых идеологиях». В. И. Ленин (не знакомый с ранними текстами основоположников марксизма) ввел парадоксальное словосочетание «научная идеология», имея в виду, что исторические интересы пролетариата состоят в ликвидации классовых различий, а потому совпадают с общечеловеческими и опираются на «объективную истину».

Поскольку выражение «научная (или истинная) идеология» вышло из употребления, восстановилось традиционное понимание идеологии как рационализации групповых политических интересов. В этом значении мы и используем далее данный термин.

Идеология – это негэнтропийный механизм объединения людей в большие группы путем противопоставления другим людям по признаку приверженности определенному набору сакральных символов. Символы конструируются посредством мифологизации реальных или вымышленных событий, персонажей, речевых фигур, зрительных образов, наделяемых мистическими свойствами и смыслами. Практика последних столетий демонстрирует, что при наличии соответствующей психологической установки элементарной процедуре мифологизации подвержены любые конструкты: сакральными маркерами способны служить и такие категории, как *нация, класс, партия, материализм, атеизм, демократия* или *рынок*. Главное, всем идеологиям по определению присуще в разной мере акцентированное религиозное (или квазирелигиозное) ядро – объединение единоверцев совместным отвержением неверных, а неизменным спутником идеологического мировосприятия остается реальная или потенциальная война.

В переломных фазах истории совершенствование культурных регуляторов, обеспечивавшее восстановление техногуманитарного баланса, обычно включало расширение групповой идентификации. Так, типичная для палеолита племенная вражда сменилась межплеменными объединениями (вождествами) неолита, где люди впервые в истории учились регулярно встречать незнакомцев, не пытаясь их убить. В бронзовом веке некоторые вождества дальнейшими захватами образовали города и полиэтнические, но враждебные друг другу государства; как и в каменном веке, все человечество находилось в состоянии непрерывного, чаще всего вооруженного противостояния между социумами.

Стальное оружие необычайно повысило кровопролитность сражений, и для сохранения передовых цивилизаций потребовалась революция осевого времени, перевернувшая систему политических ценностей на огромном пространстве от Иудеи и Греции до Индии и Китая. Люди учились сочувствовать врагам и перестали оценивать доблесть полководцев числом убийств и разрушений. Мифологическое мышление,

ориентированное на угрозу небесными карами за нарушение социальных запретов, было потеснено мышлением критическим и моралью индивидуальной ответственности. Вместе с тем, формирование первых империй способствовало очередному расширению масштаба общности, которую индивид готов мыслить как «свою» в противоположность «чужим».

В осевое время начали формироваться идеи общечеловеческого единства. Но они оказались чересчур изысканными для рабов и варваров, заполонивших историческую сцену на спаде первой волны осевого времени и не умевших мыслить мир без Хозяина или Вождя. Учения, отвергавшие подчинение человека антропоморфной небесной власти, а с ним и групповую конфронтацию, были вытеснены на периферию духовной культуры в качестве «избыточного разнообразия». На передний план выдвинулись мировые религии, апеллировавшие к слепой вере, мистическому страху и упованию. Племенные и государственные размежевания сменил пресловутый Меч, расчленивший людей по конфессиональному принципу. «Кто не со Мною, тот против Меня»; «Не мир пришел Я принести, но меч», – вещал пророк Иисус (Матф., 12:34, 12:30). «А как встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее», – вторил пророк Мухаммед (Сура 47,4). В Индии кришнаизм и буддизм с их гуманистическим настроем были вытеснены эклектической и конфронтационной идеологией индуизма¹⁸.

С распространением мировых религий масштаб групповой идентификации (даже сравнительно с имперскими общностями) в очередной раз увеличился. При этом, однако, внутригосударственная терпимость к иноверцам полностью ушла в прошлое, а «военный фанатизм христианских и исламских завоеваний... не имел прецедентов со времени образования вождеств и особенно государств»¹⁹.

¹⁸ См., напр.: *Алаев Л. Б.* История Востока. – М.: РОСМЭН, 2007; *Каневский Л.* Каннибализм. – М.: Крон-Пресс, 1998.

¹⁹ Diamond, J. Guns, germs, and steel. The fates of human societies. – New York, London: W.W. Norton & Company. – 1999. – P. 282.

324 Фанатизм религиозных войн сделался настоящим бичом европейцев к концу Средневековья, с развитием огнестрельного оружия. В Тридцатилетней войне 1618-1648 гг. погибло до 90% взрослого мужского населения Центральной Европы. Вестфальский мирный договор и созданная на его основе политическая система на 266 лет избавили Европу от кровопролития, сравнимого с войнами позднего Средневековья. Однако ослабевшие религиозные идеологии стали замещаться национальными, сословными и классовыми: идеология оставалась атрибутом общественного сознания, а война – атрибутом общественного бытия.

Военные, а также производственные технологии второй половины XX в., предельно обнажив угрозу глобальной антропогенной катастрофы, потребовали неконфронтационных межгосударственных и межклассовых коалиций, образование которых спасло цивилизацию. Но и концепция «общечеловеческих ценностей» стала обрастать идеологическими акцентами, обернувшись в ряде случаев инструментом экономического, политического и военного давления. На противоположном фланге, в качестве протеста против вестернизации, пышным цветом расцвели «цивилизационные» теории, под сенью которых реанимируется национальный и религиозный фундаментализм²⁰.

Следует подчеркнуть, что до недавнего времени идеологии, равно как и войны, оставались не только неизменными, но и необходимыми факторами исторического существования и развития. Не случайно по-настоящему востребованными становились те религиозные учения, которые обеспечи-

²⁰ Ср.: *Зверева Г. И.* Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ современной «историософии» // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 4. – С. 98–112; *Шницерльман В.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // *Этнографическое обозрение*. – 2003. – № 4. – С. 3–14; *Алаев Л. Б.* Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // *Историческая психология и социология истории*. – 2008. – № 2. – С. 87–112.

вали идейную мотивировку межгрупповой вражды. Ранние христиане хотя и ненавидели «язычников», разрушали античные храмы, разбивали камнями статуи, убивали философов и громили рынки²¹, но считали использование боевого оружия грехом. Начав же смыкаться с властными структурами, они первым делом разработали концепцию священных войн, и Августин нашел достаточно оснований для этого в библейских текстах.

С тех пор «никогда Церковь наставляющая не осуждала все виды войн»²², зато пацифистов не раз объявляла еретиками. В ментальной схеме «они – мы» единственный эффективный прием для предотвращения или пресечения конкретной войны – перенос агрессии на общего врага; этим приемом широко пользовались религиозные авторитеты. Когда же какая-либо идеология (религиозная или квазирелигиозная) охватывала своим влиянием обширные территории, она скоро расчленялась на враждебные ереси и секты с еще более злобной взаимной ненавистью.

Идеологии и войны отвечают не только потребностям общества, но также глубинным функциональным потребностям человека, чем в не меньшей степени определяется их воспроизводство. Психологи, изучающие возможность искоренения насилия из жизни общества²³, пишут о том, что многие духовные потребности легче всего удовлетворяются в религиозном или квазирелигиозном контексте, особенно при обострении межгрупповых конфликтов. Аффiliation (принадлежность группе) и чувство защищенности, сочувствие и самопожерт-

²¹ Гаев Г. И. Христианство и «языческая культура» // Атеистические чтения. – Вып. 16. – 1986. – С. 24–35.

²² Контамин Ф. Война в Средние века. – СПб: Ювента, 2001. – С. 311.

²³ См., напр.: Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – М.: Прогресс-Универс, 1994; Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. – М.: Смысл, 2001; Одергон А. Отель «Война». Психологическая динамика вооруженных конфликтов. – М.: Энигма, 2008; Рапопорт А. Мир – созревшая идея. – Дармштадт: Дармштадт Блеттер, 1993.

326 вование, преодоление, жажда бессмертия и смысла жизни часто толкают массы людей в объятия самых агрессивных идеологов и политиков. Бессознательное стремление к острым амбивалентным переживаниям, возбуждаемым в атмосфере вооруженного конфликта, настолько глубоко вплетено в эмоциональную ткань, что все виды замещающей активности, созданные культурой (искусство, ритуалы, спорт), до сих пор могли лишь временно тормозить его актуализацию. Рано или поздно усиливается тяга к страстям «не понарошку», и люди ищут пути их «рационализации».

Такие моменты в колебательной динамике массовых настроений – золотое время для идеологов. Они по себе чувствуют, что инерция мифологического мировосприятия не искоренена тысячелетиями развития цивилизации. Бремя индивидуальной ответственности тяжело, и взрослому человеку комфортно ощущать себя под опекой всемогущего и всеведущего Хозяина (Отца), готового сурово покарать, а в конце концов – приласкать и вывести на истинный путь. Сладкое чувство зависимости составляет эмоциональную подоплеку инфантильно-рабского ума.

Между тем, по закону отсроченной дисфункции, негэнтропийный механизм идеологии, тысячелетиями выполнявший стабилизирующую роль, на новом этапе истории становится контрпродуктивным, а гремучая смесь мистического порыва со смертоносной рациональностью современного оружия грозит взорвать до основания здание цивилизации. Недостаточное осознание угрозы резко повышает опасность планетарного обвала (ср. выше о понятиях «угроза» и «опасность»).

В этом – одна из драматических коллизий современной эпохи. Гуманитарное уравнивание быстро развивающихся технологий настоятельно требует освобождения разума от религиозно-идеологических пут – ибо иначе его носитель обречен, но без таких пут разуму все еще неудобно. Поэтому в обозримом будущем либо человеческий (постчеловеческий? человеко-машинный?) интеллект перерастет инерцию идео-

логического мировосприятия, либо идеология уничтожит цивилизацию.

Отсюда оценка глобальных перспектив во многом определяется ответами на два вопроса.

Первый: возможны ли в принципе стратегические смыслообразующие мотивы в последовательно светском контексте? Приняв, что в этой Вселенной смыслообразование, в конечном счете, непременно замыкается на (квази)религиозную установку по логике априорных идей или врожденных гештальтов (а помимо такой установки жизненные смыслы «зависают»), мы не можем избежать печального вывода. А именно: есть некоторый предел технологического развития, достигнув которого всякая планетная цивилизация саморазрушается, и эволюция на Земле теперь вплотную приблизилась к этому пределу. Тогда превращение интеллекта в космический фактор, допустимое с точки зрения физики, синергетики и эвристики, запрещено законами культурной антропологии и социальной психологии, поскольку возможности внешнего управления превосходят диапазон интеллектуальной саморегуляции. Соответственно, жизнь, культура, разум суть эпифеномены некоторой стадии развития физической Вселенной, которым в принципе не суждено играть в ней какую-либо активную роль, долгосрочные перспективы исчерпывающе описываются натуралистическими сценариями, а «молчание Космоса» получает самое банальное объяснение.

Данный вывод соответствует методологии антропного космологического принципа в его так называемом слабом (нетелеологическом) варианте. Если бы хоть одна из фундаментальных констант физического мира немного отличалась от наблюдаемой (например, иным было бы соотношение масс протона и электрона, число измерений пространства и т. д.), то белковые молекулы не могли бы образоваться. Предполагается, что из всех вселенных бесконечного Мультиверса только в той (в тех), где константы случайно сочетаются столь счастливым образом, возможно появление наблюдателя.

Мы не знаем, ограничен ли диапазон свободы мышления (воображения) априорными конструктами, заданными, в свою очередь, физическими свойствами Метагалактики, и если да, то в какой мере. Но знаем, что при наблюдаемом векторе универсальной эволюции удельный вес субъективной реальности в совокупной детерминации процессов неуклонно возрастал: об этом свидетельствует огромный массив эмпирических данных, от космологии до исторической экологии. Поэтому сегодня решающим фактором дальнейшего развития событий становится психологическая составляющая. Отсюда и вытекает наше допущение, что при имманентно ограниченном поле смыслообразования дальнейшая эволюция может быть исключена из-за принципиально ограниченной возможности восстановления техно-гуманитарного баланса.

Впрочем, современная психологическая наука дает повод усомниться в достоверности кантовского учения об априорных идеях: экспериментальные доказательства, приведенные гештальтпсихологами, построены на недостаточно репрезентативной выборке испытуемых. Это показали еще в начале 1930-х гг. исследования А. Р. Лурия и его учеников в Средней Азии и затем его американских последователей в Африке²⁴. Выяснилось, что взрослые люди, не получившие европейского образования (в отличие от университетских студентов и преподавателей, с которыми работали гештальтпсихологи), не обнаруживают ни врожденных образов геометрических фигур, ни инстинктивного чувства силлогизма и т. д. Если так, то и предположение об априорной замкнутости стратегического смыслообразования на (квази)религиозные конструкты может оказаться преждевременным: речь идет лишь о мощной исторической инерции, которая в принципе преодолима. И «совершеннолетие» человечества в грядущем «безрелиги-

²⁴ См. об этом подробнее: *Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование.* – М.: Наука, 1974; *Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление.* – М.: Прогресс, 1977.

озном мире», предвосхищенное еще в первой половине XX в. немецким священником Д. Бонхеффером²⁵, в принципе возможно.

При положительном ответе на первый вопрос уместно полагать, что способность освоить стратегические смыслы вне (квази)религиозного контекста и служит условием космического распространения той или иной планетарной цивилизации на данной стадии универсального естественного отбора. А «молчание Космоса» может свидетельствовать о том, что либо ни одна из цивилизаций Метагалактики пока не достигала необходимого уровня развития, либо ни одна не смогла пройти тест на светское (критическое) смыслообразование. Отсюда второй вопрос: успеет ли Земная цивилизация достигнуть интеллектуального совершеннолетия прежде, чем сползание к пропасти станет необратимым?

Какие по содержанию смыслообразующие стратегии могли бы сыграть ключевую роль новых мировоззренческих ориентиров – тема большого самостоятельного обсуждения, инициативу которого должны взять на себя философы. Повод же для надежды дает то обстоятельство, что элементы последовательно светского и критического мировоззрения накапливались в мировой философской мысли на протяжении 2,5 тыс. лет. Они присутствуют в учениях античных и китайских философов осевого времени, арабских зиндиков X в., гуманистов Возрождения, прогрессистов и просветителей Нового времени, материалистов пантеистического направления, агностиков и скептиков и т. д.

Великие мыслители, отвечая на запросы своих эпох, искали основания нравственности, свободной от потусторонних оценок и санкций, опорные линии жизнедеятельности, выводящие за рамки индивидуального существования без апелляции к служению небесным повелителям или коллективному тотему, духовности без мистики и солидар-

²⁵ Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: Прогресс, 1994.

330 ности без конфронтации. Идеи, не оцененные по достоинству большинством современников, теперь становятся по-настоящему востребованными историей, и их «избыточное разнообразие» могло бы составить каркас нового мировоззрения.

Материальным фактором расшатывания религиозно-идеологических установок становится широкое распространение компьютерных сетей с параллельным совершенствованием механизмов и языков представления информации. Под их влиянием линейное («книжное») мышление сменяется мышлением «мозаичным» и паллиативным, менее склонным к оперированию догмами. Размываются границы государств, конфессий и региональных «цивилизаций»: интенсивность индивидуальных контактов все менее определяется географическим фактором, подобно тому, как в мегаполисе с хорошо налаженной телефонной связью конфигурация контактов слабо зависит от района проживания.

Этот процесс объективно ведет к сетевой организации мирового сообщества, ограничению разнообразия и отмиранию макрогрупповых (национальных, конфессиональных, классовых) культур, всегда выстроенных в схеме «они – мы». В соответствии с законом иерархических компенсаций, унификация базовых ценностей и норм поведения создает предпосылку для растущего разнообразия микрогрупповых культур, построенных на общности актуальных интересов, многомерно переплетающихся, а потому по сути своей неконфронтационных и не нуждающихся в идеологической склейке.

Противоречие двух тенденций – реанимация фундаментализма, «религиозный ренессанс», с одной стороны, и глобализация с размыванием макрогрупповых размежеваний, с другой стороны, – составляет лейтмотив нынешнего этапа мировой истории. От того, как оно разрешится, во многом зависит судьба цивилизации на Земле.

Разумеется, сценарий выживания не предвещает идиллий: реалистические сценарии отличаются от утопий тем,

что предусматривают цену, которую придется заплатить за успех. Прогресс, как всегда, принесет с собой нарастающий поток новых глобальных проблем, связанных с очередным крутым витком «удаления от естества», развитием генной инженерии, человеко-машинного интеллекта и т. д. В таком случае ближайшие десятилетия ознаменуются необходимостью кардинального переосмысления таких мировоззренческих категорий, как жизнь, смерть и бессмертие, природа, человек и машина, искусственное и естественное, сознание и разум...

Д. В. Дунас

Эффект «последней капли»: к вопросу о способности СМИ оказывать вредное влияние на аудиторию

Сегодня средствам массовой информации нередко предъявляют обвинения в способности оказывать вредное влияние на нравственное, психическое, психосексуальное, социальное развитие людей. Негодующие «мамашаи», полемисты из сферы политики и социальной сферы, духовные лидеры, психологи и даже сами исследователи СМИ приписывают масс-медиа возможности поистине чудовищного воздействия: деморализировать, извращать, духовно обеднять; больше всего достается телевидению как главному корню зла. Необходимо отметить, что подобное представление базируется на целом ряде теоретических постулатов.

Во-первых, на теории миметических процессов¹ (от др.-греч. «мимесис» – подобие, воспроизведение, подражание), способности людей участвовать в инсценировании практик и навыков социальной группы, в которой они живут и которую активно наблюдают, и, тем самым, усваивать культурные знания этой группы путем подражания. Тезис о заразительности миметического процесса – исходный пункт теории о возникновении общественного насилия и прочих бед, которые приписывают СМИ². Лабораторные эксперименты по выявлению влияния показанных по телевидению сцен насилия на реальную действительность в целом это влияние подтверждают³.

¹ *Аристотель*. Поэтика: Соч.: В 4 т. – М., 1983. – Т. 4. – С. 645 – 680.

² Bandura, A. SelfEfficacy. – New York, 1997.

³ Bandura, A., Ross, D., Ross, S. A. Transmission of aggression through imitation of aggressive models // *Journal of Abnormal and Social-psychology*. – 1961. – № 3. – P. 72-82; Bandura, A., Walters, R. N. *Social Learning and Personality development*. – N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1963.

Тем не менее к настоящему времени среди исследователей не сложилось единой точки зрения о сути и направленности влияния телевидения. Основные критические соображения по поводу лабораторных экспериментов высказываются по нескольким пунктам. Во-первых, вывод о действенности процессов подражания делается на основе изучения поведения людей, погруженных в специально созданные для этого условия. Во-вторых, в большинстве экспериментов участвовали дети 4-5 лет. К этому возрасту у человека слабо развиты способность верной интерпретации и навыки морального суждения. Считается, что данные навыки окончательно формируются ближе к совершеннолетию. И, наконец, появление концепции «многообразия практик человеческого существования»⁴, а также концепции «активной аудитории»⁵ вообще ставит под большое сомнение результативность всех экспериментов и фокус-групп. Характерная для социологических исследований репрезентативная выборка по полу, возрасту, образованию и доходу не гарантирует унифицированности мнений внутри группы. Аудитория СМИ воспринимается не как пассивная однородная масса, готовая к потреблению «готовых» идей, а как активная группа здравомыслящих людей, способная производить собственные значения и смыслы переданных по каналам СМИ сообщений.

Вторая теоретическая предпосылка, повлиявшая на представление о вредном влиянии телевидения, – это традиция медиаориентированного подхода⁶. Согласно этому подходу, массовая коммуникация относительно автономна, поэтому масс-медиа способны производить идеи, концепты, знания, установки, которые отличаются от реальных, действительно существующих в обществе. Именно особенности содержания массовой информации рассматриваются в качестве источни-

⁴ Bourdieu, P. *Outline of A Theory of Practice*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

⁵ Morley, D. *Television, Audience and Cultural studies*. – London and New York: Routledge, 1992.

⁶ McQuail, D. *Mass Communication Theory: an Introduction*. – London: Sage, 2008.

334 ка социальных изменений. Однако наряду с этим подходом существует и другой – социально ориентированный, согласно которому масс-медиа – это всего лишь зеркальное отражение действительности. Следовательно, если вы не довольны масс-медиа, измените действительность. Следует подчеркнуть, что оба этих подхода одинаково распространены в исследовательской традиции СМИ и выделять один из них «как более правильный» – научно некорректно.

Третий постулат основан на принципах «нормативности», применяемых к СМИ, на представлениях о том, «как медиа должны работать и чего от них ждут»⁷. Кроме того, СМИ не следует забывать об их первостепенной задаче – служить обществу и его потребностям, которые укладываются в триаде «информировать, просвещать, развлекать». Отметим, что основные понятия нормативной и социальной теории СМИ вошли в законодательства многих стран мира, и РФ не стала исключением. Значит, любое официально функционирующее средство массовой информации в России юридически соответствует нормативной теории СМИ.

Таким образом, хотя утверждение о вредном влиянии ТВ действительно основано на существующих и распространенных в научной среде теориях, эти теории не единственные, к тому же их нельзя определить как абсолютно верные. Убежденность исследователей в воздействии СМИ на общество варьируется также и хронологически. О безграничном влиянии СМИ на общественное мнение и поведение людей говорили на самом первом этапе становления исследований о СМИ (20–30-е гг. XX в.). На втором этапе (40–60-е гг. XX в.) под влиянием ряда эмпирических исследований уверенность во всемогуществе СМИ сменилась более сдержанным отношением к их возможностям. Третий (современный) этап толерантен к обоим исследовательским традициям.

В общефилософском смысле понятие «влияния» СМИ соотносимо с понятием «власти» СМИ, а именно «четвертой вла-

⁷ McQuail, D. Mass Communication Theory: An Introduction. – London: Sage, 2008. – P. 109.

сти». Но дискуссии в отношении содержания «четвертой власти» не прекращаются с момента появления самого термина в XVIII в. в Британии и до настоящего времени, когда основания власти масс-медиа вписаны уже в другие определения: «информационное общество», «медиаатизированное общество», «глобализирующееся общество».

СМИ и нравственное развитие несовершеннолетних

Вред развитию несовершеннолетних способны причинить различные факторы – не только родители, которые не в состоянии воспитать своих детей, но и неблагоприятная политическая и экономическая обстановка в стране, реальная вовлеченность в социальные группы негативного характера и отсутствие качественного образования (как среднего, так и высшего). Но может ли его причинить телевидение?

Само убеждение в том, что телевидение должно брать на себя роль учителя нравственности, «передавая от поколения некие оставшиеся в наследство моральные нормы»⁸ вступает в конфликт с современным экономическим состоянием российского телевидения, которое включено в условия рыночных отношений и подчинено принципу экономической прибыли⁹. В такой ситуации, когда общество и государство не создали условий для существования и развития общественного телевидения, финансируемого иными, чем коммерческие, общественными источниками, достаточно проблематично выглядит предъявление претензий «морального» свойства к коммерческому предприятию. Если в принципе возможно сформулировать критерии нравственности (опираясь на традиционную культуру и нравственные ценности общества), то четко определить степень нравственности человека – уже более сложно. За ним, за его помыслами и действиями, необходимо наблюдать в течение значительного периода его жизни

⁸ Tuchman, G. Mass media values // Berger, A. A. (ed.) Television in society. New Brunswick. – N.Y.: Transaction Books, 1987. – P. 195.

⁹ См.: Основы медиабизнеса / Под ред. Е. Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2009.

336 (по логике, если ТВ и оказывает нравственный вред, то, наверно, не на следующий же день после просмотра какой-либо конкретной программы, а все же после определенного промежутка времени). Для нас совершенно очевидно, что никаких эмпирических оснований для констатации статистических подсчетов нравственного вреда телевидения быть не может.

Масс-медиа, к тому же, достаточно консервативный институт. Так, П. Бурдые считает, что на телевидении вряд ли способны прижиться нормы, отличные от предшествующих. В основе телевизионных сообщений лежит принцип преемственности. Телевидение эксплуатирует «готовые идеи», «банальности»¹⁰, которые не нуждаются в «разжевывании» и находят одобрение у абсолютного большинства населения. Другой исследователь – С. Коэн – полагает, что «условие, событие, человек или определенные группы людей начинают характеризоваться в качестве угрозы социетальным ценностям и интересам; ее природа представлена в стилизованной манере посредством масс-медиа»¹¹ (С. Коэн предлагает термин «моральная паника»). То есть сами масс-медиа решают, что морально или аморально, наклеивая на поступки ярлык девиантности. Этот ярлык девиантности неожиданно органично вписался в сущность программы «Дом-2», только наклеили его не производители, а аудитория. По какой-то необъяснимой причине программу «Дом-2» ругает и обвиняет в «девиантности» абсолютное большинство зрителей независимо от своего возраста, образования и статуса.

Вообще, появление программы «Дом-2», спровоцировавшей, с одной стороны, высокие рейтинги и долгую жизнь проекта и, с другой стороны, общественные дебаты в отношении «правильности» присутствия подобного шоу на российских экранах и его способности оказывать вредное воздействие на людей, стало сегодня одним из заметных и значительных событий в истории российского телевидения.

¹⁰ Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М.: Прагматика культуры, 2002.

¹¹ Cohen, S. Folk Devils and Moral Panics: the Creation of the Mods and Rockers. – London: Paladin, 1972. – P. 9.

Анализируя возможное вредное воздействие программы «Дом-2» на несовершеннолетних зрителей, автор статьи провел целый ряд интервью. Выяснилось, что рассуждения о программе «Дом-2» невероятно типичны: неприязнь к программе «Дом-2» со стороны самой аудитории парадоксальным образом служит мотивацией для этой аудитории к просмотру. «Смотрю, потому что не нравится», – примерно так можно охарактеризовать позицию зрителей программы. Причем «моральные принципы» настолько глубоко засели в головах самих зрителей и в их представлениях о роли телевидения, что даже самая обыденная сцена ссоры героев, в которой в принципе ничего аморального быть не может (ссора, на наш взгляд, есть совершенно естественный атрибут в построении отношений), воспринимается именно как аморальная. Случай с аудиторией программы «Дом-2» теоретически соответствует понятию «активной аудитории», то есть такой, которая реагирует на увиденное сложнопрогнозируемым образом. Форум программы в Интернете наглядно демонстрирует, что отношение аудитории к героям реалити-шоу «Дом-2» отлично от зрительского отношения к героям любого другого реалити-шоу (например, «Фабрики звезд»). Такого количества негатива не «выплескивается» на участников никаких других схожих по жанру проектов.

Без контекста аудитории, в рамках содержания самой программы, также давалась «трезвая» моральная оценка поступкам героев со стороны одной из ведущих – остроумной Ксении Собчак. В отличие от своей соведущей Бородиной, Собчак всегда компетентно и вполне объективно давала моральную оценку действиям участников проекта, что иногда ставило их в неловкое положение. Так, ведущая занимала перформативную позицию интерпретатора, который, с одной стороны, «принимая участие в коммуникативных действиях, <...> приобретает тот же статус, что и те их участники, чьи высказывания он хочет понять»¹²; с другой стороны, «чтобы

¹² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб: Наука, 2006. – С. 43.

338 понять, что ему говорят, интерпретатор должен овладеть знанием, притязующим на более широкую значимость»¹³, чем остальные участники коммуникативного действия.

Таким образом, на уровне абстрактно-философских суждений мнение о том, что телевидение должно служить нравственности, является, без сомнения, правильным и вдохновляющим. Однако на эмпирическом уровне ситуация уже не представляется столь ясной, поскольку изображение на телеэкранах, как, впрочем, и рассказанное в книге, обязательно может реально помочь нравственному развитию.

Восприятие участников программы «Дом-2» аудиторией также не дает повода сомневаться в наличии морали у зрителей. Достаточно сложно найти человека, который бы однозначно поддерживал героев, не критиковал их и не видел отрицательные стороны. Напротив, создается впечатление, что аудитория воспринимает героев проекта предвзято – исключительно в негативном ключе, забывая, что герои проекта – такие же люди, как и большинство телезрителей.

Своеобразным препятствием для нравственного вреда стали суждения ведущей проекта, которая обличала негативные качества участников реалити-шоу «Дом-2».

Основными психическими нарушениями у несовершеннолетних психиатры считают умственную отсталость, гиперкинетические расстройства, детский аутизм, тикозные расстройства, нервную анорексию и нервную булимию, невротические расстройства, связанные со стрессом, шизофрению, психические расстройства при эпилепсии, аффективные расстройства, деперсонализацию¹⁴.

Считается, что в происхождении вышеперечисленных недугов имеют значение следующие факторы:

- врожденная предрасположенность, т. е. наследственность;
- неблагоприятные внешние воздействия, реализующие предрасположенность в болезнь, такие как черепно-

¹³ Хабермас Ю. Указ. соч. – С. 44.

¹⁴ Спринц А. М., Ерышев О. Ф. Психиатрия. – СПб: СпецЛит, 2008. – С. 290–316.

мозговые травмы, тяжелые соматические заболевания и инфекции, тяжелый стресс, употребление психоактивных веществ (наркотики, алкоголь).

Просмотр телевизионных программ не входит в число указанных факторов. Тем не менее, в психиатрии в разделе о психопатологических симптомах и синдромах есть перечень расстройств восприятия. В нем описаны такие состояния, как гиперстезия (усиленное чувственное восприятие большей яркости красок, громкости звуков и т. д.), дереализация (ощущение изменения и отчуждения окружающего мира, его неестественности и нереальности), иллюзии (искаженное восприятие реальных предметов), галлюцинации (восприятие без объекта). В этом же разделе дается перечень расстройств мышления: ускорение мышления (мысли текут быстро, их много), замедленность мышления (пациент с трудом переключается с одной мысли на другую), бредовые идеи (суждения и ложные умозаключения) и прочее.

Теоретически эти расстройства, вероятно, могут быть связаны с влиянием телевидения, так как телевидение, будучи создателем особой, символической реальности, затрагивает восприятие и мышление зрителя. Но практически данное влияние следует выявлять, пристально изучая историю болезни больного. В общем и целом, преувеличивать роль телевидения в формировании психических расстройств восприятия и мышления несовершеннолетних представляется ошибочным.

Психологию сексуальности современного общества, на наш взгляд, следует рассматривать в контексте уже произошедших в этой сфере трансформаций. Напомним, что о таком явлении, как «сексуальная революция», на Западе заговорили уже в конце 1950 – начале 1960 гг., в России – в конце 1980 – 1990 гг.; тем не менее, несмотря на очевидные произошедшие изменения в психологии сексуальности индивидов российского общества, осмысление и анализ данных изменений продолжает игнорироваться «публичной элитой»

340 общества. Перечислим характерные и уже произошедшие изменения¹⁵:

- стирание двойного стандарта в половой морали (нормативы и стандарты для оценки сексуального поведения людей более не детерминированы гендерным признаком);
- отделение сексуальности от функции воспроизводства;
- признание права женщин на обладание собственной сексуальностью и на получение сексуального наслаждения;
- усиление открытости сексуальной сферы;
- коммерциализация секса;
- повышение толерантности к добрачным половым связям;
- повышение толерантности к нетрадиционным формам совершения полового акта;
- повышение толерантности к гомосексуальным отношениям;
- расширение разнообразия сексуальных практик в массовом масштабе.

Лидеры политической и культурной сфер российского общества инертно высказывают недовольство по поводу перечисленных выше изменений, демонстрируя свою некомпетентность в «проговаривании» актуальных и социально значимых проблем. Масс-медиа ведут себя не лучшим образом: понимая изначальную табуированность этих тем, СМИ так и норовят эпатировать ими общественность, вместо того чтобы вести публичный конструктивный диалог с населением. Отсюда – ряд претензий к современному ТВ, и в частности к программе «Дом-2», притязательность на значимость которых оспаривается практически любым современным учебным пособием по сексологии.

Основная психосексуальная претензия в адрес программы «Дом-2» – само наличие половых связей. То, что взрослые люди состоят в отношениях и при этом занимаются сексом, –

¹⁵ См.: Анурин В. Сексуальная революция на марше // Гидденс. Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб: Питер, 2004. – С. 13–14.

ставится героям проекта в упрек. «Блюстители нравственности», как правило, поясняют, что они только против публичного секса перед камерами. Это объяснение делает обвинения подобного рода еще более нелепыми – в эфире не демонстрируются половые акты. Об их существовании зритель может только догадываться.

Еще одна претензия – наличие разговоров о сексе, что может нанести вред несовершеннолетним. Однако, обсуждая проблемы подростковой и юношеской сексуальности, наверно, следует помнить, что «нормы» психического здоровья у взрослых несколько иные, чем у подростков. Заикленность на сексуальной тематике в разговорах друг с другом есть естественный и неизбежный атрибут обретения половой идентификации и половой социализации. Сексолог И. С. Кон пишет: «Педагогика традиционно заботилась о подавлении в подростках чувственности путем табуирования телесных переживаний, “грязных разговоров” и т. п. Однако обсуждение запретных тем со сверстниками не только помогает подростку получить информацию, в которой ему отказывают взрослые, но и осознать естественность своих переживаний»¹⁶.

Третья психосексуальная претензия в адрес программы «Дом-2» – это обвинение героев в беспорядочных половых связях. С точки зрения современной сексологии корректно говорить не о беспорядочных половых связях, а о пагубном сексуальном пристрастии¹⁷. Под пагубным сексуальным пристрастием понимается вред от пагубной зависимости от секса, которая, как и прочие зависимости (алкоголизм, наркомания), разрушает целостность психики и влияет на другие сферы жизни индивида. Если же подобного не происходит, то само наличие половых связей не может быть регламентировано извне.

¹⁶ Кон И. С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1989. – С. 211.

¹⁷ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб: Питер, 2004. – С. 91–94.

Кроме того, частые сексуальные связи вовсе не отрицают желания индивидов строить серьезные отношения, что концептуально заложено в программу «Дом-2». Так, по данным исследования¹⁸, 60% опрошенных обоего пола и всех возрастов выразили свое согласие с утверждением «интимная близость – это соединение, в первую очередь, не половых органов, а любящих душ», что не отрывает чисто телесную близость от близости духовной.

Теоретическая предпосылка признания героев реалити-шоу и зрителей реалити-шоу социальными субъектами, т. е. членами определенных социальных групп, предполагает возможность процесса социализации – соотношения общности убеждений, идеологии, знаний, ценностных ориентиров между социальными субъектами, и, в конечном счете, усвоением субъектом социального опыта, системы социальных связей и отношений. Качество социализации определяется направленностью социального развития – вредного или полезного.

Герои программы «Дом-2» – вполне заурядные молодые люди. По репрезентативной выборке (образование, материальное положение, место рождения и проживания), а также по состоянию здоровья и наличию интересов они соответствуют абсолютному большинству представителей российской молодежи. Следовательно, определять участников проекта «Дом-2» как исключительных, особо талантливых или, наоборот, как умственно отсталых или асоциальных субъектов с девиантным поведением неверно.

Герои телепрограммы находятся в замкнутом пространстве и могут соотносить свое поведение только с поведением других участников шоу и только ориентируясь на имеющийся социальный опыт. Зрители, напротив, имеют возможность беспрепятственно осуществлять процесс социализации. Это единственное качественное отличие зрителей программы «Дом-2» от ее участников в данном контексте; по остальным критериям представляется возможным сказать, что герои проекта и его аудитория – субъекты единой социальной и ментальной системы.

¹⁸ Анурин В. Сексуальная революция на марше // Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб: Питер, 2004. – С. 24.

Процесс социализации посредством телевизионных программ следует рассматривать, учитывая когнитивные особенности социальных акторов¹⁹. Предлагаем описать его последовательно:

- зритель наблюдает некие социальные репрезентации, в которые включены герои телевизионных программ;
- зритель интерпретирует эти репрезентации, т. е. осознает их как верные или неверные, эффективные или неэффективные;
- зритель запоминает в виде сценариев те знания и информацию, которые, по его мнению, пригодятся ему в реальном социальном опыте и, в конечном счете, которые он использует в жизни.

«Дом-2» – одна из немногих программ на российском телевидении, где вместо высокопарных рассуждений о значимости пропаганды института семьи эти самые семейные отношения реально строятся. И никто не обещал, что процесс реального построения отношений идентичен мифологемам о любви с первого взгляда, принце на белом коне, смерти в один день и прочим романтическим сценариям. Социолог Э. Гидденс связывает тенденцию некорректного представления об отношениях между двумя людьми, не учитывающую реальные сложности на пути настоящего семейного счастья, со становлением жанра «романа» в XVIII в.; далее с появлением мелодрамы в кино и экстраполяцией «мыльных» тем на телевидение (см. табл.). «Жадное потребление романтических повестей и рассказов в определенном смысле было свидетельством пассивности. В фантазиях индивид искал то, что он отвергал в обычной жизни. С этой точки зрения нереальность романтических историй была выражением слабости, неспособности прийти к соглашению с фрустрированной самоидентичностью в реальной социальной жизни»²⁰.

¹⁹ См.: Helmhout, M. The social cognitive actor. A multi-actor simulation of organisations. – Labyrinth Publications, Netherlands, 2006.

²⁰ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб: Питер, 2004. – С. 69.

Приходилось ли Вам встречать в жизни примеры счастливого брака, и если да, то где? (карточка, любое число ответов, население в целом, данные в % от групп)

Вариант ответа	Кол-во респондентов, в %
В фильмах, книгах, телепередачах	46
У родственников, друзей, знакомых	31
У меня сейчас счастливый брак	29
У моих родителей	19
Встречать не приходилось	8

Источник: ФОМ, 2011

В итоге большинство юных девушек, стремящихся к счастливому раннему замужеству, оказываются бесконечно разочарованы правдой жизни. «Результатом иногда могут быть годы несчастья, заданные тонкой связью между любовью как формулой для брака и требованиями его дальнейшего преуспевания»²¹. Программа «Дом-2» отчасти компенсирует недостаток информации на ТВ о реальной семейной жизни, что, на наш взгляд, дает возможность говорить не о социальном вреде, а о социальной пользе программы для несовершеннолетних.

Представления о способности СМИ оказывать вредное влияние на аудиторию, с одной стороны, базируются на целом ряде теоретических положений. Но доказать этот вред практически, подсчитать его и представить в виде числовых данных не представляется возможным. Кейс с программой «Дом-2» позволил во многом иначе взглянуть на типичные обвинения в адрес СМИ и обнаружить значимость таких важных факторов влияния на формирование человека, как социальная

²¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб: Питер, 2004. – С. 71.

среда, политическая и экономическая обстановка, круг общения, качество воспитания и образования и, возможно, только в последнюю очередь СМИ. Кроме того, выявить способность у аудитории к самостоятельной и адекватной интерпретации сообщений СМИ, их анализу как позитивных / негативных; эффективных / неэффективных.

Стоит ли преувеличивать воздействие СМИ на человека и обозначать его как «вредное»? Вероятно, нет. Так же, как не следует забывать о том, что человек – невероятно сложная единица бытия, формирование человека как личности связано с целым комплексом взаимодействия разных факторов. СМИ могут стать, а могут и не стать одним из таких факторов в системе многоуровневого воздействия. Но если станут, то, вероятнее всего, будут, по меткому выражению профессора Е. Л. Вартановой, иметь эффект «последней капли».

В теории самоорганизации есть понятие «точки бифуркации» – критического состояния системы, при котором она становится неустойчивой и возникает неопределенность: будет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности.

Так и человек в ситуации напряженной неопределенности реагирует на случайные сигналы, и эти сигналы определяют его выбор. Суммирование целого комплекса факторов, оказывающих провоцирующее влияние, нашло свое неофициальное название и в психологии. Так, по мнению М. М. Коченова²², существуют несколько механизмов возникновения аффекта, в том числе вследствие аккумуляции у человека отрицательных эмоциональных переживаний. В таком случае «пусковым механизмом» для развития аффективного состояния может послужить незначительное отрицательное воздействие, ставшее, образно говоря, «последней каплей».

При данном понимании вопрос о социальной ответственности, предъявляемой к СМИ, выходит на новый уровень осмысления.

²² Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

А. В. Раскин

Права человека как психологическая категория

В 2008 г. все цивилизованное человечество с той или иной степенью активности отметило 60-летие принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека, одного из важнейших документов в международном публичном праве. Декларация стала первым в истории международных отношений документом универсального характера, провозгласившим базовый перечень прав и свобод человека. И, несмотря на то что в своем первоначальном виде Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 217 А (III), принятая и провозглашенная 10 декабря 1948 г., имела лишь рекомендательный характер, в силу роста авторитета этого документа, его применения, она постепенно превратилась в акт, обладающий обязательной юридической силой. Во Всеобщей декларации прав человека закреплены, в первую очередь, так называемые индивидуальные права человека, которые стали активно утверждаться еще в период, последовавший за буржуазными революциями, особенно французской и американской. Речь идет о таких категориях, как равенство перед законом, свобода передвижений, свобода слова, право на жизнь и другие¹. За утверждение таких правовых норм человечество активно боролось на протяжении многих веков. И их появление в сведенном воедино тексте Декларации имеет колоссальное эволюционное значение.

Такие права человека принято рассматривать как естественное, неотъемлемое качество, присущее каждому человеку от рождения, вытекающее из самой человеческой природы как выражение достоинства, свойственного челове-

¹ Об индивидуальных правах человека говорится в статьях 1-19 Всеобщей декларации прав человека.

ской личности. Нормы и принципы международной защиты именно индивидуальных прав человека образуют одну из отраслей современного международного права. Об этом со всей определенностью было сказано еще в начальных строках Декларации: «Все люди рождаются с равными и неотъемлемыми правами и основными свободами».

Но, помимо индивидуальных, существуют и такие категории прав человека, как социальные и коллективные. К первым можно отнести право на труд, отдых, образование, социальное обеспечение², ко вторым – право свободно распоряжаться своими естественными богатствами, на здоровую окружающую среду, на разоружение и развитие³. И если в случае соблюдения индивидуальных прав человека практически уже не существует разногласий (напротив, понимание необходимости следовать этим нормам выработалось как на национальном, так и на международном уровне), то в отношении социальных и коллективных прав человека есть множество разночтений. По степени осознания важности соблюдения социальных и коллективных прав человека можно судить и о состоянии гражданского общества, об уровне развития демократии и государственности в стране. Декларация прав человека обозначила и вопрос об ответственности личности перед обществом, что можно считать также важнейшим положением разработанной концепции⁴.

Проблема прав человека разнопланова. Для нее характерны международно-правовые, политические, экономические, социальные, культурные, юридические, психологические и иные аспекты. Именно этим объясняется, что среди тех, кто профессионально занимается вопросами прав человека, есть представители практически всех отраслей гуманитарного знания, всех сегментов социально-экономической структуры общества.

² О социальных правах человека говорится в статьях 20-27 указ. документа.

³ Речь о данном праве идет в статье 28 указ. документа.

⁴ См. подробнее ст. 29 указ. документа.

348 Важное значение приобретает изучение психологического аспекта прав человека. В данном случае речь может идти сразу о нескольких направлениях в этой области. Во-первых, осознание прав на личностном уровне, воспитание и приобретение таких установок на самых ранних этапах развития человека как непосредственно в семье, так и в первичных социальных группах и коллективах. Во-вторых, понимание ответственности за несоблюдение прежде всего индивидуальных прав других индивидуумов. И, наконец, в-третьих, психологическая реабилитация, а также психологическая терапия тех, чьи права были нарушены тем или иным способом, при тех или иных обстоятельствах, причем как со стороны государства, его официальных представителей, так и просто частных лиц.

Значительную роль в развитии психологического аспекта прав человека могут и призваны сыграть средства массовой информации. Эта роль может пониматься и узконаправленно, например, в деле просвещения целевой аудитории: родителей, воспитателей, учителей, социальных и медицинских работников, чиновников. Но, помимо этого, средства массовой информации, выполняя информационную функцию, способны каждодневно привлекать внимание общественности к проблемам несоблюдения прав человека, их грубого попрания. И в этом смысле СМИ могут постоянно стоять на страже интересов каждого индивидуума. Но и самим средствам массовой информации, журналистам требуется постоянная защита для успешного выполнения своей миссии. С этой целью, например в России, действует несколько правозащитных организаций, к примеру, Фонд защиты гласности, Центр экстремальной журналистики, профессиональные журналистские союзы. На международном уровне эту функцию также взяли на себя сразу несколько неправительственных организаций, среди которых «Репортеры без границ», Международная федерация журналистов наиболее активны. Но и их возможности бывают ограничены, а часто и вовсе бесполезны, особенно тогда, когда общество в целом остается глухо к фактам нару-

шения прав и свобод человека, журналистов. Важной остается роль средств массовой информации и в создании, а затем и в утверждении определенных моделей личностного и общественного поведения. В этом аспекте прогресса не наблюдается; напротив, демонстрируются или описываются в разных видах способы поведения, которые противоречат принципам и духу прав человека. И тут часто в отношении СМИ со стороны общества звучит вполне обоснованная критика. В связи с этим полезно упомянуть и проблему телевизионных многосерийных фильмов. Стилизованные под окружающую действительность, такие телефильмы активно формируют в массовом сознании поведенческие установки, которые вовсе не направлены на соблюдение прав человека. Причем эта проблема характерна не только для России, но и для большинства иных телевизионных стран, особенно тех, в которых именно телевидение выступает в качестве основного канала передачи массовой информации. К примеру, в Бразилии, с которой все чаще в последнее время сравнивают России в силу близости инвестиционных возможностей, одинаковых темпов экономического роста, получил широкое распространение жанр теленовеллы, представляющий собой сочетание новостей и развлечения. В течение недели (шести дней) показывается 120 эпизодов, чаще всего – в основное вечернее время телесмотра, т. е. в прайм-тайм⁵. Опросы показывают, что аудитория больше доверяет теленовеллам, чем новостям, с их помощью зрители и узнают о важнейших событиях в стране и мире, и именно теленовеллы формируют устойчивые стереотипы. Возвращаясь к реалиям российского телепространства первого десятилетия XXI в., можно заметить явное превалирование многосерийных телефильмов криминальной тематики, в которых показываются сцены грубого нарушения прав человека, причем и со стороны тех органов, которые призваны эти права защищать. И в самих фильмах не заложены осуждающие конструкции такого поведения, что, конечно же, спо-

⁵ Abstracts. Media and Global Divides. IAMCR World congress. Stockholm, 2008. – 20-25 July. – P. 141.

350 способствует тому, что подобные антиправозащитные установки воспринимаются как норма поведения.

Многие положения международного законодательства в области прав человека включены в положения национальных юридических норм и принципов. Это характерно в настоящее время для большинства стран, в том числе и для Российской Федерации. Другой вопрос, выполняются ли эти нормы, нашли ли в национальном законодательстве отражение базовые социальные и коллективные права человека. Однако куда более важным и действенным является создание общего климата, в котором идеи прав человека, их неукоснительного соблюдения нашли бы свое достойное отражение. Именно здесь можно поставить вопрос и о культуре прав человека. В работах по психологии часто описывается хрестоматийный пример, в котором доказывается, что стол, вилка и ложка не являются теми предметами, которые призваны удовлетворять естественную потребность человека в питании. Но потребление пищи без этих средств воспринимается обществом как признак дикости. Применительно к правам человека можно сказать, что следование их принципам и духу может восприниматься своеобразным «пропуском» в мир культуры. Таким образом, можно вести речь и о попытках сформировать культурную потребность в соблюдении прав человека. Здесь уместно провести сравнение с модой как в стиле ношения одежды, так и поведения, или риторикой, как навыков красиво изъясняться, выразить мысли. При этом, конечно, очень важно и внешнее поощрительное отношение к тем, кто придерживается более цивилизованных правил.

Психологическое воспитание личности в духе прав человека играет в этом отношении ключевую роль. Понимание своих прав и уважение прав других с первых лет осознанного существования – это и есть верный шаг в сторону глубокого правосознания. Важно, чтобы идеи прав человека постоянно прививались детям на всем протяжении их активного развития, познания окружающей действительности. В последние годы все шире происходит внедрение новых образовательных под-

ходов, перестройка учебного процесса таким образом, чтобы индивидуальные права ученика не только соблюдались, но и уважались. Конечно, это связано и с необходимостью убедить преподавателей отойти от диктаторских методов работы, использовать такие педагогические приемы, которые способны лучше учитывать права ребенка как личности. Возможно, что большей эффективности в процессе обучения правам человека можно было бы достичь при использовании групповых методов. При этом важно использовать правильный подход к формированию подобной группы, поведению внутри нее между обучающими и обучаемыми. Используя базовые принципы организации групповых занятий, можно включать в такие группы определенным образом подобранных участников, которые уже усвоили права человека и выбрали их в качестве стандарта поведения. Ориентируясь на такие авторитеты в группах, и другие могут начать им подражать. Особенно важно, чтобы авторитет таких участников был очевиден, чтобы с их мнением считались. Не стоит забывать и о поощрительной системе, которая может помочь выделять тех, кто быстрее и лучше других обучаемых усваивает принципы прав человека.

Однако внедрение этих принципов в зарубежных странах указывает и на обратный эффект таких подходов – снижение уровня адаптированности личности к окружающей действительности, неспособность противостоять необоснованным нападениям, агрессии. Как соблюсти баланс, как правильно воспитывать человека в духе прав и свобод, но при этом не способствовать деградации личности, превращению ее в субъекта, не способного противостоять современным вызовам и проблемам, объективным трудностям социального общежития? Ответить на эти сложные вопросы могут помочь только многочисленные научные эксперименты, сравнительные методики анализа разных воспитательных и образовательных подходов с учетом многих социальных и даже культурно-территориальных факторов. Возможно, что нахождение нужного баланса при начальном и среднем образовании может быть достигнуто с помощью популяризации в обществе за-

352 нятий спортом, в частности командными видами спорта, которые способны на подсознательном уровне прививать некоторые правовые ценности. Эту идею высказывает титулованная российская фигуристка и легенда отечественного спорта И. К. Роднина, которая отмечает, что «игровые виды спорта очень полезны для развития детей. Они способствуют укреплению командного духа и пониманию того, что ты должен играть по правилам, то есть жить по закону»⁶. Другим направлением в психологическом развитии личности, понимании прав и свобод могло бы стать увеличение межкультурных групповых и индивидуальных контактов, активное вовлечение детей в освоение мирового культурного наследия. В этом направлении полезно выделить наметившуюся стратегию по организации взаимных обменов между учащимися, семьями. Они позволяют глубже погрузиться в мир иных культурных и правовых традиций, перенять прогрессивные и цивилизованные способы поведения.

Одна из главных трудностей, которая возникает в связи с правами человека, – это существенное расхождение между декларативностью провозглашенных установок и повседневной реальностью, в которой каждая личность в большей или меньшей степени сталкивается с несоблюдением этих положений. Проблема может быть рассмотрена в двух плоскостях: сугубо правоприменительной и психологической. В первом случае речь идет об огромных сложностях, связанных с постоянным отслеживанием (мониторингом) соблюдения прав человека и одновременным вынесением справедливого наказания виновным в несоблюдении утвержденных положений. Во втором же – о явном естественном противоречии между некоей идеальной концептуальной установкой, к которой человечество постоянно стремится, и объективным общественным несовершенством, обусловленным прежде всего именно личностными особенностями индивидуума, для которого часто более естественными являются установки на выживание в конкрет-

⁶ Цит. по: *Куприянов Б.* Олимпийские слезы счастья // Бильярд Спорт. – 2008. – Март-Апрель. – С. 14.

ной среде. Закон естественного отбора оказывает на человека такое же прямое действие, как и на окружающую природу, хотя общество во многом научилось смягчать и даже преодолевать его негативные последствия. Добиться определенной «психологической установки» в сознании индивидуума на соблюдение индивидуальных и коллективных прав человека – задача, конечно же, как привлекательная своим благородством, так и трудновыполнимая. Вполне очевидно, что при ее решении можно вести речь лишь о некоторой степени преваляирования в сознании таких правовых положений. Можно вести речь о попытке научиться регулировать процессы активизации и, напротив, торможения определенных действий, введении своего рода «стоп-сигналов», с помощью которых можно было бы влиять на принятие окончательных решений перед совершением действий, вести речь о корректировке рефлекторных особенностей поведения индивидуума. Конечно, для выработки таких подходов необходимо время и опыт, а также осторожность и последовательность.

Попробуем рассмотреть вопрос психологии прав человека на другом примере, в частности, в случаях вооруженного противостояния, когда стороны, участвующие в конфликте, прибегают к прямому использованию оружия. С его помощью каждая из сторон, предварительно исчерпав дипломатические способы решения конфликтных вопросов и уповая теперь на военную мощь, старается добиться поставленных целей. Для таких ситуаций в мире разработан и многими странами ратифицирован раздел международного публичного права, регулирующий отношения сторон в случаях военного противостояния. Такой раздел, или особая отрасль международного права, получил современное название «Международное гуманитарное право», хотя еще в начале XX в. использовались другие термины, например, «Право вооруженных конфликтов», или «Право войны». Пристальное изучение этого раздела международного публичного права показывает явные противоречия с некоторыми международными документами, особенно второй половины XX в. Речь идет прежде всего об

354 Уставе ООН, в котором совершенно определенно указано на то, что война запрещается как средство и способ разрешения противоречий. Следует напомнить, что данный документ был принят сразу после окончания второй мировой войны, когда человечество только приступало к преодолению последствий чудовищной мировой трагедии. Кстати, и Всеобщая декларация прав человека, принятая вскоре после этого, также стала прямым следствием пережитого в годы самой масштабной мировой войны, прежде всего европейскими и азиатскими народами.

Однако если бы высокие договаривающиеся стороны последовательно придерживались принятым в тех документах положений, то, возможно, Право войны и вовсе утратило бы свое значение. Но действительность оказалась иной. В период после 1945 г. мир удержался от скатывания к новой масштабной войне, хотя несколько раз был к ней очень близок. Но ни на один день не прекращались конфликты локальные, которые с разной степенью интенсивности и жесточенности вспыхивали то в одной, то в другой частях планеты. За весь послевоенный период в мире произошло около ста вооруженных конфликтов разной продолжительности и степени интенсивности. Чаще всего страдающей стороной в таких конфликтах выступает гражданское население, обычные мирные люди, которые лишаются своего главного права – права на жизнь, не говоря уже и обо всех иных декларированных правах и свободах. И тут можно было использовать крайние категории и утверждать, что Всеобщая декларация прав человека или Международное гуманитарное право, в котором как раз вопросы защиты именно гражданского населения и жертв конфликтов находятся на первом месте, не соблюдаются, игнорируются, носят лишь декларативный характер. Но более взвешенная позиция говорит о несколько ином: все же стороны, участвующие в конфликте, стараются сократить число жертв среди мирного населения, стремятся проводить конфликты как можно быстрее, избегать грубых нарушений международных конвенций и деклараций. Значит, можно

вести речь об очень медленном, постепенном, но все же внедрении в сознание правозащитных установок. Конечно, это не означает, что при некоторых обстоятельствах индивидуум вновь не впадет в первобытную дикость и ярость, что, кстати, внутренние конфликты последних двух десятилетий наглядно демонстрировали. Созданный в 1994 г. по решению ООН Трибунал по бывшей Югославии так и не может поставить точку в расследовании всех военных преступлений, прежде всего против мирного населения, которые совершались в период гражданской войны на Балканах в начале 1990-х гг. И ведь речь идет о попытке справедливого наказания не нацистских преступников второй мировой войны, а представителей того поколения, формирование которого происходило уже во второй половине XX в., под влиянием, казалось бы, передового, с точки зрения европейской цивилизации, правового сознания, после коллективного осуждения негуманных актов середины XX в. Но приказы, которые отдавались ответственными лицами в период гражданской войны на Балканах, мало чем отличались от античеловеческих приказов нацистских главарей.

Некоторые специалисты по международному праву полагают, что со временем оба раздела – Международное гуманитарное право и Право прав человека – будут объединены в раздел Международное право гуманности. Возможно. Правда, корректнее оговорить, что это может произойти лишь при более благоприятных для человеческого развития условиях. А может быть, и вовсе быть перечеркнуто и забыто в случае возможных масштабных мировых катастроф. И связано это опять-таки с совершенно естественной природой противоречивого сознания человека, с его сильными и слабыми сторонами, в том числе и совершенно различными способностями к осмыслению складывающихся обстоятельств, разными психотипическими характеристиками личности, что, в свою очередь, может быть связано и с общим состоянием организма как самого человека, так и окружающей среды.

Видный русский психиатр В. Ф. Чиж пытался комплексно изучить «болезнь Гоголя», в частности, с целью выявить опре-

356 деленные закономерности между общим состоянием его организма и особенностью сознания писателя, которое повлияло на его творчество⁷. Данная работа позволяет задуматься над сложными, не всегда однозначно выявляемыми процессами в сознании человека, его поведении, обнаружить очевидную взаимосвязь между психологической сферой и влияющими на нее внутренними и внешними факторами. Так и в поведении конкретного индивидуума, к примеру на поле сражения. Военные исследователи давно подметили определенную особенность поведения человека, оказывающегося в таких сложнейших для себя обстоятельствах: в его поведении сугубо инстинктивные мотивы преобладают над разумными и, казалось бы, более рациональными. Кроме того, исследования в этой сфере показывают, что человек, которого впоследствии просят объяснить причину его поведения, вспышки агрессии, приведшей, к примеру, к совершению военного преступления, даже не может дать объяснений на этот счет. Впрочем, реакция человека на некоторые события может быть и иного свойства. На это обстоятельство, в частности, обратил внимание Э. Тоффлер в своей книге «Шок будущего», в параграфе «Перевозбужденная личность»:

«Солдаты во время сражения часто оказываются захваченными окружающей средой, быстро, непредсказуемо меняющейся и незнакомой. Солдата бросает туда-сюда. То, что обеспечивало защиту, угрожает со всех сторон. Пули беспорядочно пролетают мимо. Огненные вспышки озаряют небо. Громкие крики, призывы о помощи, стоны раненых и грохот взрывов. Все меняется каждое мгновение. Чтобы уцелеть, выжить в такой сверхвозбуждающей среде, солдат вынужден управлять самыми высокими уровнями своего предела адаптации. Временами его выталкивает за границы этого предела. Во время второй мировой войны бородатый солдат Чипдит, сражавшийся в войсках британского генерала Уингейта в тылу линии японской армии в Бирме, как это ни странно,

⁷ См. об этом подробнее: Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя. Записки психиатра. – М.: Республика, 2001.

уснул во время шквального пулеметного огня, буквально бушующего вокруг него <...> был сражен чувством сверхмощной апатии... странная апатия, скорее всего, является заключительной стадией сложного процесса психологического коллапса»⁸. И далее Тоффлер делает более конкретный вывод: «Когда индивид окунулся в быстро и хаотично меняющуюся ситуацию или в напичканную новостями среду, точность его предвидения стремительно падает. Он не может больше делать разумные корректирующие оценки, от которых и зависит рациональное поведение»⁹.

Повседневная действительность, в особенности чрезвычайные ситуации, постоянно заставляют человека оказываться перед проблемой поведенческого выбора: как поступить, чем руководствоваться при принятии сложных решений. Серьезной современной проблемой несоблюдения прав человека стали пытки, их применение в разных случаях, особенно опять-таки в условиях вооруженных конфликтов. К примеру, в случае задержанных, которых подозревают в совершении или подготовке к совершению преступлений, в том числе и террористических актов. Власти оправдывают свои негуманные действия, использование пыток, в общем-то, благими соображениями: стремятся такими способами получить как можно быстрее информацию о готовящихся враждебных или агрессивных действиях, чтобы успеть их предотвратить или максимально сократить негативные последствия. В некоторых случаях даже стали разрабатываться так называемые допустимые пытки. Но в то же время практика показывает (как это было, например, во время войны в Ираке 2003 г.), что допустимость использования некоторых пыток быстро приводит к тому, что пытки начинают применяться массово, эта практика начинает оказывать воздействие и на другие ситуации: ведь если допустимо в одном случае, значит, возможно и в других. Тем самым создается определенное модельное поведение. Все

⁸ Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – С. 374-375.

⁹ Там же. – С. 382.

358 первое десятилетие XXI в. СМИ обращали внимание мировой общественности на получившую распространение практику «секретных тюрем», в которых по отношению к задержанным допускались негуманные формы и методы воздействия.

Все чаще в связи с этим можно услышать и о практике двойных стандартов. Речь идет о «негласных» стереотипах поведения по отношению к гражданам более развитых в экономическом плане стран и к гражданам стран развивающихся. Имеет место определенная дискриминация по разным признакам и критериям, в том числе социальным, экономическим, культурно-этническим и другим. Преодоление таких стереотипов в сознании, полное их исключение становится прямой задачей широкого правозащитного движения. И снова здесь будет полезно отметить важную роль СМИ, в данном случае связанную с правдивым информированием обо всех подобных фактах и происшествиях. Конечно, вопрос соблюдения индивидуумом прав человека связан не только с заданными психологическими установками или опасением неотвратимого наказания за нарушение данных прав, но вытекает из иных характеристики личности: общей культуры, системы воспитания, полученных знаний, ценностных ориентиров и убеждений.

Возвращаясь к изначальному тезису о некоем уровне сознания, психологических установок на соблюдение прав человека, можно отметить, что все попытки оказывать однолинейное воздействие либо на индивидуума, либо на внешнюю среду обречены на неудачу. Желая более справедливого, спокойного и безопасного общества, общества в полной мере равных возможностей и индивидуальных прав, общества гармоничного и прогрессивного, мы видим, что процесс движения человечества к такому социальному состоянию сложен и длителен, возможно, и утопичен. Что же остается? Вероятно, попытка достижения такого баланса, при котором уровень понимания прав человека как психологической установки будет несколько превышать уровень естественным образом присущих человеку установок на борьбу за выживание. Мож-

но ли добиться в этом прогресса? Конечно, и вся многовековая история это демонстрировала, что как индивидуальное сознание, так и коллективное (общественное) может корректироваться и в одну, и в другую сторону: большей или меньшей агрессии, воинственности или миролюбивости. Но также следует предположить, что это находится и в зависимости от объективных условий общественного развития: сложившихся экономических реалий, климатических факторов, состояния здоровья, квалификации и сознания руководителей крупных общественных объединений, возможности влияния на их решения, технологических и иных факторов.

Уместно в связи с этим отметить победу на президентских выборах 2008 г. в США темнокожего сенатора Барака Обамы. Для всего цивилизованного мира это стало сигналом о том, что в деле борьбы за права человека достигнут существенный прогресс. Примечательно иное: вскоре после инаугурации Обамы, представителя демократической партии, важные перемены произошли и у политических оппонентов – республиканцев. Так, председателем республиканской партии был избран бывший вице-губернатор штата Мэриленд, афроамериканец Майкл Стил. Это позволило изменить имидж партии, привлечь в ее ряды новых сторонников, подтвердить правоту взглядов того легендарного политика, который стоял во второй половине XIX в. у истоков нынешней республиканской партии – Авраама Линкольна. Однако важно заметить и иное: активный приход в большую американскую политику представителей темнокожего населения еще не означает полного искоренения в обществе расизма, ксенофобии, религиозной нетерпимости. Для этого потребуются более продолжительный период, еще не одно десятилетие. Так, кстати, происходит в Южной Африке, где торжество некоторых правозащитных принципов в середине 1990-х гг. не привело к автоматическому превращению этой части планеты в регион общественного процветания.

Можно также заключить, что чрезмерное стремление добиться во всем и повсеместного соблюдения прав человека может привести, в том числе, и к негативным последствиям, как,

360 Впрочем, и в случае отказа следовать провозглашенным принципам. В данном случае принятая 60 лет назад Всеобщая декларация прав человека продолжает служить прекрасным ориентиром в стремлении человечества построить более справедливые и выгодные условия социального общежития. Об этом мечтали и к этому стремились еще передовые умы в античную эпоху, этим проникнуты положения учений ведущих просветителей и гуманистов XVI-XVIII вв., этому способствовали экономисты, философы и политики в XIX и XX вв. Прогресс в области прав человека возможен в случае сбалансированного развития всех направлений: индивидуальных прав, коллективных прав, а также социальных прав, от которых напрямую зависит благополучие каждого индивидуума. От соблюдения этих прав зависит дальнейшее эффективное развитие человечества, оказавшегося после двух веков бурного технологического прогресса перед угрозой масштабных техногенных катастроф, войн с использованием оружия массового поражения, массовых эпидемий и климатических изменений.

С правовой точки зрения эту мысль выразил один из ведущих российских юристов В. Яковлев на научно-практической конференции, посвященной 15-летию Российской Конституции. В частности, он подчеркнул важность развития частного и общественного права: «Само по себе частное право не работает, только вместе с публичным правом»¹⁰.

Таким образом, вопрос прав человека куда масштабнее, чем может показаться на первый взгляд, он влияет на все стороны жизнедеятельности человека на планете. Часто присутствует лишь узкое понимание этого вопроса, в основном связанное с соблюдением индивидуальных прав человека. Но такой подход в условиях взаимопроникновения культур и сращивания национальных экономик в единый мировой производственно-финансовый комплекс уже явно недостаточен. К сожалению, по-прежнему вопрос продвижения прав человека в индивидуальное

¹⁰ Цит. по: Конституция Российской Федерации: К 15-летию принятия Основного закона: Текст. Комментарии. – М.: Консультант-Плюс, 2009. – С. 23.

и коллективное сознание находится в поле деятельности лишь отдельных энтузиастов и правозащитников, самоотверженные усилия которых уходят на борьбу с бюрократическим аппаратом и последствиями принимаемых им решений, нарушающих права отдельной личности. Все это указывает на то, что острой остается проблема разъяснения индивидуальных прав и мониторинга их нарушений, особенно для стран с переходными системами, менее развитыми в экономическом плане.

Для преодоления этой стадии и перехода к иному уровню, где главным должны стать вопросы социальных и коллективных прав, важно активизировать и обучающую работу, причем на самых ранних этапах – дошкольном и школьном. Наряду со всевозможными ролевыми играми, созданием модельных ситуаций, важное место в подобном правозащитном просвещении играют межкультурные и межнациональные связи. Следует отметить важность программ, направленных на сближение людей (к примеру, школьные, а в последующем и студенческие взаимнообмены), когда участники таких программ проживают непосредственно в семьях и изнутри способны увидеть, как на практике могут соблюдаться индивидуальные права. Увеличение таких обменов, помощь в реализации этих программ со стороны государств может оказаться инструментом, который позволит глубже внедрить в сознание некоторые положения из концепции прав человека. Но помимо этого важным моментом остается и реализация в полной мере программы обучения правам человека на разных этапах обучения: начальном, среднем и высшем.

Не менее острыми продолжают оставаться и проблемы психологической реабилитации тех, кто столкнулся с несправедливостью, пережил стрессовое состояние, агрессию и другие негативные события. В более благополучных обществах такая деятельность осуществляется благодаря распространению институту индивидуальных психоконсультантов, помощников в преодолении различных трудных жизненных ситуаций, опытных собеседников и психотерапевтов. В менее благополучных странах по-прежнему важна роль центров

362 общедоступной реабилитации, особенно в тех регионах, которые пережили вооруженные конфликты разного типа¹¹.

Всеобщая декларация прав человека – это и свод очень важных положений, выстраданных и вынесенных человечеством из многолетней практики борьбы за достоинство каждого и всех, но это и важнейшая философская концепция справедливого мироустройства, отвечающая современным запросам, это и определенный образ мышления, поведения, это и стиль взаимодействия с окружающим миром, цивилизованный способ индивидуального и коллективного существования в нем. Такой способ сознания находится в явном противоречии с имперским сознанием, ведь один из смыслов слова «*imperia*» – подчинять людей, подавлять их, в том числе и ущемлять их в правах. Отсюда концепция «прав человека» может восприниматься и как альтернатива «имперскому сознанию», против которого выступают активно и отдельные личности, и целые народы. Конечно, в вопросе прав человека можно усмотреть и традиции христианской школы, в частности идеи католического миссионерства. Даже в современных условиях это прослеживается. В частности, католики, а также белые христиане-евангелисты работают в самых трудных странах Африки, способствуют преодолению бедности, борьбе со СПИДом, последствиями военных конфликтов. Впрочем, не только христианские заповеди, но и положения других вероучений присутствуют в тексте декларации, как и некоторые принципы гуманистических философских доктрин. Это вполне закономерно, так как сама суть идеи соблюдения прав человека направлена на сокращение человеческих бед и страданий, преодоление страхов, отказ от природной агрессии, совершенствование сознания, полномасштабное развитие человека думающего.

¹¹ Хорошая иллюстрация того, какую роль могут сыграть подобные общедоступные центры психологической реабилитации, продемонстрирована в художественном кинофильме «Грбавица» боснийского режиссера Ясмилы Жбанич.

Н. В. Чудова

Картина мира и социально-психологическая адаптированность журналиста¹

Изучение когнитивных и ценностных факторов формирования личности профессионального журналиста предполагает, с одной стороны, описание возрастной динамики важнейших параметров его картины мира, а с другой – выявление той специфики картины мира, которая позволяет человеку профессионализироваться именно в данной области. Последнее условие требует привлечения для сравнения данных, полученных в других профессиональных группах. В связи с этим в исследовании в качестве групп сравнения участвовали, во-первых, педагоги и социальные работники как люди, чья профессиональная деятельность, так же, как работа журналистов, сущностно связана с коммуникацией и общением, а во-вторых, представители тех профессий, с которыми у журналистики нет явных пересечений. В ходе исследования было рассмотрено влияние базовых убеждений и мыслительных стратегий профессионала на направленность личностных изменений. В теоретическом плане исследование основывается на положении А. Н. Леонтьева об *образе мира* как интегральном образовании познавательной сферы² и представлениях гуманистической психологии (прежде всего, К. Роджерса) о полноценно функционирующей личности.

Для выделения предмета и цели профессиональной деятельности журналиста воспользуемся концепцией проис-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 07-06-00146).

² См.: Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983.

364 хождения сознания А. Н. Леонтьева. Согласно этой теории, спецификой человеческой деятельности является закрепление за каждым участником некоей совместной деятельности определенной роли, исполнение которой предполагает формирование цели – представления о конечном результате действия в коллективном и индивидуальном сознании. При этом биологически бессмысленное действие приобретает свой смысл только в контексте разделения труда. С этой точки зрения роль журналиста в общественном разделении труда может быть описана как роль «коммутатора» информации, целью его профессиональных действий является сбор и распространение информации, а предметом профессиональной деятельности – новая информация как «фигура» на «фоне» привычного, освоенного коллективным или индивидуальным сознанием. Характер информации при этом совершенно ничем не задан заранее: «фигурой» может выступить как нечто глобальное и существенное для жизни всего человечества, так и самое незначительное и вздорное происшествие. Селекцию информации осуществляет уже ее потребитель – индивид, группа, общество. Таким образом, профессиональная субличность любого журналиста имеет дело с массой информационных объектов, которые, составляя *Id* журналиста, его «котел влечений», ведут себя агрессивно и, в соответствии с принципом удовольствия, настойчиво пытаются реализоваться в реальности журналистского творчества. Нормы, ценности и идеалы общества, выступая в роли *Superego* субличности журналиста, организуют работу инстанции цензуры, а реальные обстоятельства и условия труда формируют у профессионала принцип реальности. Лишь сильное *ego* в профессиональной субличности работающего в журналистике человека способно, играя роль «слуги трех господ», служить таким проводником информации, в котором общество может видеть пропагандиста своих ценностей, а конкретный работодатель – сотрудника, способного играть по правилам. Как известно, именно к функциям *ego* З. Фрейд относил работу познавательных процессов и формирование представлений о мире. Имен-

но картина мира, адекватная реальности профессиональной деятельности, делает профессиональное я журналиста достаточно сильным и способным успешно решать профессиональные задачи. А это, в свою очередь, позволяет человеку, сформировавшему у себя такую субличность, чувствовать себя полноценно функционирующей личностью.

Итак, целью исследования было выявление взаимосвязей между особенностями картины мира журналистов и уровнем социально-психологической адаптированности. Рассматривался также вопрос о зависимости определенных параметров картины мира и личностной организации от длительности работы по специальности.

В исследовании приняло участие в общей сложности 368 человек, из них – 221 журналист (65 мужчин и 156 женщин в возрасте от 21 года до 75 лет), 37 человек – представителей различных профессий, составивших контрольную группу в возрасте от 31 года до 63 лет (11 мужчин и 26 женщин), 83 педагога в возрасте от 21 года до 72 лет, 27 человек – социальные работники в возрасте от 20 до 50 лет.

Были использованы следующие методики:

1) Опросник Шкала Базисных Убеждений (Р. Янофф-Бульман, 1992) создан с целью выявления различий между структурой базисных убеждений у индивидов, переживших психические травмы, и лиц, не сталкивавшихся с экстремальными событиями. Вне связи с клиникой *PTSR* используется для оценки структуры базисных убеждений картины мира. Содержит следующие показатели:

- шкала Доброжелательность – отношение к миру и людям как к настроенным доброжелательно;
- шкала Справедливость – вера в справедливый мир, убеждение в том, что несчастье и успех являются наказанием или наградой за неправильное или соответствующее правилам поведение человека;
- шкала Контролируемость – убежденность в возможности контролировать неприятные ситуации в жизни человека;

- шкала Закономерность – вера в неслучайный характер всего, что происходит в жизни человека;
- шкала Самоценность – уважение к себе, убежденность в собственной ценности для мира;
- шкала Способность контролировать ситуацию (СКС) – уверенность в своей способности влиять на неприятные события собственной жизни;
- шкала Удача – уверенность в собственной удачливости.

2) Опросник социально-психологической адаптированности (СПА), созданный К. Рождерсом и Р. Даймондом, в адаптации А. К. Осницкого³. Модель отношений человека с социальным окружением и с самим собой, предложенная К. Роджерсом, исходит из концепции личности как субъекта собственного развития, способного отвечать за свое поведение. В опроснике СПА критерии социально-психологической адаптированности личности совпадают с критериями личностной зрелости, в их числе – чувство собственного достоинства и умение уважать других, открытость реальной практике деятельности и отношений, понимание своих проблем и стремление овладеть ими, справиться с ними и пр., а критерии дезадаптированности соответствуют низкому уровню личностной зрелости – неприятие себя и других, наличие защитных «барьеров» в осмыслении своего актуального опыта, кажущееся «решение» проблем, то есть решение их на субъективном психологическом уровне, в собственном представлении, а не в действительности, негибкость психических процессов.

Опросник состоит из 8 шкал, отвечающих критериям адаптированности и дезадаптированности: 1) принятие – неприятие себя; 2) принятие других – конфликт с другими; 3) эмоциональный комфорт (оптимизм, уравновешенность) – эмоциональный дискомфорт (тревожность, беспокойство

³ Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации школьников // Журнал практического психолога. – 1996. – № 3. – С. 48–53.

или, напротив, апатия); 4) ожидание внутреннего контроля (ориентация на то, что достижение жизненных целей зависит от себя самого, акцентируются личная ответственность и компетентность) – ожидание внешнего контроля (расчет на толчок и поддержку извне, пассивность в решении жизненных задач); 5) доминирование (стремление контролировать поведение других) – ведомость (зависимость от других); 6) эскапизм («уход» от проблем).

3) Опросник конструктивного мышления (ОКМ) С. Эпштейна в адаптации С. Н. Ениколопова и С. В. Лебедева⁴ ориентирован на оценку характеристик, описывающих те стороны автоматического мышления как инструмента создания и поддержания картины мира индивида, которые помогают ему решать возникающие каждодневные проблемы. Таких характеристик мышления (или стратегий переработки информации) данный опросник выделяет семь.

Общая шкала (ОШКМ) – это биполярная шкала, в которую входят вопросы из 4-х основных шкал, не считая шкалу Личностно-суеверного мышления и шкалу Наивного оптимизма. Так как шкала биполярна, ее вопросы описывают как конструктивное, так и деструктивное мышление. Люди, обладающие высоким баллом по общей шкале, прежде всего, способны дивергентно мыслить. Они умеют подстраивать свой способ мышления к требованиям ситуации. В основном они всегда оптимистичны, но бывают пессимистичны в угрожающих ситуациях. Они стремятся контролировать ситуацию, когда это возможно и разумно, но готовы функционировать и в неконтролируемой ими обстановке. Конструктивно мыслящие люди принимают других как есть; в равной степени это характеризует и их отношение к самим себе. В неприятных ситуациях они не думают о других как о «плохих» или «хороших», а стараются решить проблему. Чем лучше развито конструктивное мышление, тем в нем больше отражается способ-

⁴ Ениколопов С. Н., Лебедев С. В. Адаптация методик исследования посттравматических стрессовых расстройств // Психологическая диагностика. – 2004. – № 3. – С. 19–38.

368 ность к эмоциональному и поведенческому совладанию и тем меньше в нем элементов эзотерического, категорического и лично-суеверного мышления.

Шкала Эмоционального совладания (ШЭС) – это биполярная шкала, наиболее сильно коррелирующая с Общей шкалой. Люди, обладающие высоким баллом по этой шкале, способны справляться с неприятной ситуацией без развития стресса, так как у них стабильная самооценка, они не склонны все принимать близко к сердцу, не особенно чувствительны к неодобрению, отказам или к собственным промахам. Они не застревают на прошлых неудачах, не переживают о настоящих и не беспокоятся о будущих. Они характеризуются не столько склонностью к мышлению, порождающему положительные эмоции, сколько склонностью к избеганию мышления, порождающего отрицательные эмоции. Поэтому они обычно не столько радостны и полны энергии, сколько просто спокойны и уравновешенны.

Шкала Поведенческого совладания (ШПС) – это шкала, которая измеряет склонность мыслить так, чтобы затем эффективно действовать. Люди, обладающие высоким баллом по этой шкале, обычно оптимистичны, экстравертированы, полны энтузиазма, энергии, очень внимательны. Их оптимизм исходит из способности действовать и уверенности в эффективности своих действий. Но, будучи легкими на подъем, они способны тщательно планировать свою деятельность, если этого требует ситуация. Они принимают других и не держат ни на кого зла, сохраняя энергию для эффективных действий по решению проблемы.

Общая Шкала Категорического мышления (ОШКМ) – измеряет склонность людей видеть мир только как «черный или белый» без различения деталей. Ригидность мыслительных процессов и максимализм делают таких людей предвзятыми, быстро раздражающимися и злящимися при столкновении с ситуациями, не вписывающимися в их стереотипы. С другой стороны, развитое категорическое мышление способствует принятию быстрых решений и моментальным решительным действиям.

Шкала Эзотерического мышления (ШЭМ) измеряет то, насколько люди верят в загадочные, не поддающиеся научно-толкованию феномены, такие как привидения, астрологические данные, способность читать мысли, хорошие и дурные предзнаменования, общепринятые суеверия. До определенного момента категорическое мышление характеризует уровень открытости разума непознанному. Однако слишком высокий балл по этой шкале предполагает недостаточную критичность и опору в поведении на тонкие, необъяснимые ощущения, что может приводить к частичной утрате принципа реальности. При этом надо отметить, что люди с высоким баллом по данной шкале одинаково верят и в хорошие и в дурные предзнаменования, и в злых приведений и в добрых духов.

Шкала Личностно-суеверного мышления (ШЛСМ) определяет, насколько люди склонны к личным суевериям типа «если желать чего-то слишком сильно, именно это и не даст случиться желаемому» и «если случится что-то хорошее, вслед за ним непременно произойдет что-то плохое». Личностно-суеверное мышление позволяет избежать слишком сильного расстройтва из-за неудач благодаря уничтожению всяческих надежд и энтузиазма. Люди с высоким баллом по данной шкале больше ориентированы на избежание неудач, нежели на достижение успеха.

Шкала Наивного оптимизма (ШНО) позволяет установить, насколько люди необоснованно оптимистичны. Если обоснованный оптимизм, включенный в фактор Поведенческого совладания, весьма и весьма адаптивен, то наивный – наоборот. С одной стороны, «наивные оптимисты» всегда в хорошем настроении, их все любят, и они преуспевают в политике. С другой стороны, слишком высокие баллы по данной шкале означают упрощенное отношение к жизни и неспособность осознавать угрозу, когда она возникает, и принимать адекватные меры. Наивный оптимизм в большей степени, чем какая-либо еще характеристика, измеряемая опросником, способен убывать в онтогенезе. Во взрослом периоде он становится менее заметным и становится связанным с категорическим мышлением.

370 Шкалы валидности – Шкала социальной желательности (ШСЖ), Шкала лжи (ШЛ) и собственно шкала валидности (ШВ) – предназначены для выявления характера защитной реакции испытуемых в ситуации обследования.

Обработка данных проводилась с помощью критерия Манна-Уитни, позволяющего оценить значимость различий между показателями методик в разных группах, и критерия ранговой корреляции Спирмена, позволяющего оценить значимость связи между двумя показателями.

В первую очередь рассмотрим влияние, оказываемое профессией на развитие личности журналиста и личности представителя «помогающих профессий» – педагога и социального работника (см. табл. 1). Данные, полученные при анализе корреляций между возрастом и стажем, не позволяют развести для каждой из этих групп влияние возрастных изменений и влияние собственно работы по специальности, поэтому попытаемся реконструировать это влияние, сравнивая данные групп между собой и с данными контрольной группы, собранной из представителей разных профессий.

У журналистов возраст отрицательно коррелирует с самопринятием, эмоциональным комфортом, верой в собственную удачу и склонностью к эскапизму: с годами журналист утрачивает оптимистичный взгляд на себя и свои возможности и ничего не приобретает взамен.

Общая тенденция возрастных изменений личностных особенностей, наблюдаемая в контрольной группе, также связана со снижением самопринятия и отказом от эскапизма, однако вне журналистской среды это не приводит к снижению уровня эмоционального комфорта, а характерное для более старшего возраста переживание неконтролируемости неприятных событий в жизни человека компенсируется ростом «наивного оптимизма» – веры в мировую справедливость и доброе начало в человеке. Таким образом, в работе защитных механизмов наблюдается возрастная перестройка: на смену вытеснению (проявляющемуся, в частности, как склонность к эскапизму) приходит отрицание, в частности, склонность активно отвер-

гать рациональную позицию при прогнозе событий и оценке намерений других людей. Однако это изменение не характерно, как мы видели, для журналистов, что можно считать следствием влияния данной профессии на личность.

В помогающих профессиях, таких как педагогика и социальная работа, возрастные изменения не имеют общего для всех, однонаправленного характера: в данных группах социальных работников нет ни одной корреляции личностных особенностей с возрастом (по методике СПА), в данных группы педагогов обнаружена лишь одна значимая корреляция – положительная связь возраста с принятием других. Таким образом, и занятия журналистикой, и работа в помогающих профессиях оказывают свое специфическое влияние на профессионала, однако в сфере журналистики это влияние оказывается более мощным, трансформирующим с годами личность журналиста во вполне определенном направлении.

Рассмотрим далее гендерные различия, характерные для журналистской среды (табл. 2). Различия в представлениях о себе и мире между мужчинами-журналистами и женщинами-журналистами выглядят следующим образом. Мужчины чаще воспринимают себя как конфликтных и способных контролировать ситуацию, женщины же склонны подчеркивать у себя высокий уровень «наивного оптимизма», принятия других и эмоционального комфорта. Кроме того, женщины склонны больше принимать на веру все необычное и необъяснимое и доверять своей интуиции. Таким образом, и мужчины и женщины, профессионализирующиеся в журналистике, демонстрируют готовность описывать собственное мироощущение с опорой на гендерные стереотипы «мужчины-воина» и «женщины-утешительницы», используя установки массового сознания в качестве психологических орудий самосознания. Отметим, что в контрольной группе (табл. 4), составленной из представителей различных профессий, значимых различий между данными мужчин и женщин заметно меньше, а с различиями по группе журналистов наблюдается только одно совпадение – большая готовность женщин доверять интуиции и всему внерациональному.

Обратимся теперь к данным о взаимосвязи картины мира журналистов и уровня их социально-психологической адаптированности (табл. 3). Вначале рассмотрим данные о структуре базовых убеждений журналистов (методика ШБУ).

Одним из важнейших факторов адаптированности у журналистов является Самоценность (ШБУ): показатели по этой шкале значимо положительно коррелируют с показателями адаптированности, принятия себя, эмоциональным комфортом, а отрицательно – с неприятием себя, эмоциональным дискомфортом, конфликтностью, ведомостью, эскапизмом и внешним контролем по СПА, а также с показателями шкалы личностных суеверий по ОКМ (отрицательная корреляция). Таким образом, гордость собой у журналиста выступает мощным регулятором его самовосприятия и самочувствия.

Не менее важными для адаптированности журналистов оказались и их представления о собственной способности влиять на события своей жизни (шкала СКС ШБУ). Чем выше показатели СКС, тем выше адаптированность, принятие себя, эмоциональный комфорт, внутренний контроль и доминирование и тем ниже – неприятие себя, эмоциональный дискомфорт, внешний контроль и конфликтность. В группе же педагогов эта шкала ШБУ оказалась связана только с одной шкалой СПА: чем выше способность контролировать события, тем выше внутренний контроль. Фактически в этом случае речь идет лишь о содержательном сходстве шкал двух опросников, показатели которых дублируют друг друга, но сам по себе локус контроля не оказывает влияния на другие личностные особенности. Для журналистов же переживание подконтрольности успеха и несчастий – важный фактор психологического благополучия.

Еще одно важное для социально-психологической адаптации журналиста представление – уверенность в собственной удачливости. Чем выше показатели по шкале Удача (ШБУ), тем выше принятие себя, эмоциональный комфорт и готовность быть лидером (СПА).

Два других компонента базовых убеждений – представление о закономерном, неслучайном характере событий в жиз-

ни человека (шкала Закономерности ШБУ) и представление о возможности предотвращать неприятные события (шкала Контролируемости ШБУ) – напротив, не связаны с уровнем и характером адаптированности журналистов, в то время как для педагогов они оказываются весьма существенными компонентами картины мира. В группе педагогов чем выше показатель по шкале Закономерность, тем ниже общая адаптированность, выше эмоциональный дискомфорт и ведомость (СПА), а чем выше показатель по шкале Контролируемость, тем выше эмоциональный комфорт, ведомость и эскапизм (СПА). Таким образом, у педагогов такие поведенческие стратегии, как ведомость – готовность положиться на лидера и передать ему ответственность, и эскапизм – готовность решительно порвать с окружением, выступают в качестве механизмов совладания в структуре представлений о принципиальном существовании возможности избежать трудной и опасной ситуации. Наличие же представления о существовании закономерного – «не-избежного» – в жизни человека делает педагога пессимистично-покладистым, при этом готовность подчиниться чужой воле не добавляет ему спокойствия и чувства благополучия.

Выявлен еще один компонент базовых убеждений журналистов, не связанный с их адаптированностью, – вера в справедливый мир. Однако в этом вопросе картина мира журналистов оказалась подобной картине мира и педагогов, и представителей контрольной группы: ни одной значимой связи между показателем шкалы Справедливость ШБУ и показателями СПА не обнаружено.

Доброжелательность мира как одно из базовых убеждений (шкала Доброжелательность ШБУ) не играет в повышении уровня социально-психологической адаптированности журналиста заметной роли и связана только с принятием других, низкой конфликтностью и эмоциональным комфортом. Другими словами, представление о доброжелательности людей и собственная доброжелательность взаимосвязаны в мироощущении журналиста, что отражает известную позицию, опи-

374 санную Д. Харрисом «Я – хороший, Мир – хороший». Совсем иначе это базовое убеждение функционирует в картине мира педагога. Допущение о доброжелательности мира связано с принятием себя (а не других!) и внутренним локусом контроля, а также с готовностью взять на себя роль лидера (шкала Доминирование СПА). Таким образом, журналист, ожидающий доброжелательности, – это человек, в первую очередь, бесконфликтный, а педагог – человек удовлетворенный собой и занимающий активную позицию.

Итак, высокий уровень социально-психологической адаптированности журналиста строится на переживании собственной ценности, способности контролировать события и удачливости – «Гордость, Воля, Удача» написано на гербе Журналиста.

Рассмотрим далее второй изученный нами компонент картины мира журналиста – деструктивные мыслительные стратегии, снижающие способность журналиста адаптироваться к требованиям повседневной реальности. В опроснике конструктивного мышления ОКМ к собственно деструктивным мыслительным стратегиям, т. е. привычным для человека способам анализа информации, категоризации явлений и установления причинно-следственных отношений, могут быть отнесены следующие шкалы: категоричности мышления, наивного оптимизма, личностно-суеверного мышления и эзотерического мышления. Корреляции между показателями этих шкал и шкал опросника СПА выглядят в группе журналистов следующим образом.

Показатель шкалы категоричности мышления отрицательно связан с общим показателем адаптированности и положительно – с непринятием себя, конфликтностью, эмоциональным дискомфортом, внешним контролем и эскапизмом. Отметим, что в целом это близко к структуре связей в данных контрольной группы, а вот в группе педагогов наблюдается не только меньшая значимость этой стратегии мышления для снижения уровня адаптированности, но и в принципе иная структура связей. У педагогов категоричность мышления отрицательно связана с доминированием и внутренним кон-

тролем. Другими словами, если для журналиста склонность видеть мир без полутонов сопряжена с опасностью развития глубоких внутри- и межличностных конфликтов, то у педагога готовность рассуждать в рамках строгого противопоставления «или–или» приводит к отказу от принятия на себя ответственности за происходящее – как в жизни других людей, так и в своей собственной.

Показатель шкалы наивного оптимизма вполне предсказуемо связан у журналистов положительной корреляцией с принятием других и эмоциональным комфортом: принятие других людей требует от журналиста отказа от трезвого взгляда на человека и регресса к инфантильно-восторженному ожиданию в отношении поведения окружающих. Фактически в этом случае мы имеем дело не с истинной благожелательностью, а с защитным благодушием. Интересно, что в данных контрольной группы связи между шкалой наивного оптимизма и показателями методики СПА отсутствуют вовсе. У педагогов же есть те же связи, что и у журналистов, но к ним добавляются еще положительные корреляции с принятием себя и внутренним контролем. Можно предположить, что в профессиях, требующих интенсивного общения с широким кругом людей, сохранение взвешенного, рационального взгляда на природу человека требует специальной активности; в противном случае необходимость поддержания эмоционального комфорта запускает механизм примитивных защит.

По шкале личностно-суеверного мышления в группе журналистов, так же, как и в контрольной группе, обнаружены значимые положительные корреляции с показателями внешнего контроля и ведомости. В контрольной группе к этим связям добавляются отрицательные корреляции с общим показателем адаптированности и принятием себя и положительные – с неприятием себя, конфликтностью, эмоциональным дискомфортом. В группе педагогов связь только одна – с внешним контролем. Прослеживаемая по данным всех групп связь показателей шкалы личностно-суеверного мышления ОКМ с показателями шкалы внешнего контроля СПА представляется вполне за-

376 кономерной: по сути, такой способ мышления близок к магическому мышлению, в рамках которого представления о внешних по отношению к человеку причинах событий его жизни являются основой разнообразных магических действий. Отсутствие же в группах журналистов и педагогов глобальных дезадаптационных явлений в связи с использованием такой мыслительной стратегии указывает, вероятно, на сохранение в области коммуникации значительного компонента архаики. Судя по данным контрольной группы, опыт работы в сфере материально-технического производства и науки уже не позволяет человеку использовать магические представления для объяснения происходящих в его жизни событий – без реальной опасности для личностной целостности и эмоционального благополучия.

Наиболее ярко влияние профессиональной деятельности журналиста на характер его картины мира проявилось в том значении, которое такая мыслительная стратегия как эзотерическое мышление имеет для развития социально-психологической дезадаптированности. Если в данных контрольной группы наблюдается только одна связь показателя шкалы эзотерического мышления с показателями СПА (со шкалой лжи!), а в данных группы педагогов связей нет вовсе, то у журналистов обнаруживается пять значимых корреляций: с эмоциональным дискомфортом, ведо́мостью, внешним контролем, эскапизмом, шкалой лжи. Таким образом, склонность опираться на внерациональное и интуитивное, вера в паранормальные способности людей, тяга к необъяснимому оплачивается журналистом дорогой ценой – не только дисбалансом в эмоциональной сфере, но и отказом от активной позиции, бегством от проблем, невозможностью почувствовать себя причиной событий собственной жизни. Как видим, потребители сенсационных журналистских расследований необычных событий мало страдают от своей склонности к эзотерическому мышлению; журналист же буквально «сгорает на работе», увлекаясь подготовкой материалов о «неведомом».

Перейдем к анализу корреляций между методиками, направленными на измерение различных параметров картины

мира – представлениями человека о мире и о своем положении в нем (ШБУ) и мыслительными стратегиями, с помощью которых человек анализирует взаимосвязи реальности (ОКМ).

Вера в доброжелательность мира и у журналистов, и у представителей других профессий (табл. 5) поддерживается такой мыслительной стратегией, как наивный оптимизм; категоричность же мышления препятствует развитию такого представления. К тому же эта стратегия поддерживает у журналистов и веру в справедливость мира (Справедливость ШБУ), и представления о собственной удачливости (Удача ШБУ). Последнее может быть и результатом применения журналистом стратегии эзотерического мышления. Кроме того, ощущения самооценности журналист достигает во многом благодаря как отсутствию стратегии личностно-суеверного мышления, так и возможности опереться на конструктивное мышление, в частности, развитость эмоционального совладания (отрицательная корреляция шкалы ЛСМ ОКМ и положительная шкал ОШКМ и ШЭМ ОКМ с Самоценностью ШБУ).

В группе педагогов (табл. 4) какие-либо связи между шкалами Доброжелательности и Справедливости ШБУ и показателями ОКМ отсутствуют. При этом с помощью стратегии наивного оптимизма педагог поддерживает уверенность в своей способности контролировать события, и это единственная для этой группы значимая связь, выявленная при анализе картины корреляций между базисными убеждениями и мыслительными стратегиями. Другими словами, педагогу для поддержания своей веры в собственные силы необходимо применять инфантильную стратегию «Все будет хорошо!», все остальные базовые убеждения могут быть результатом работы как конструктивного мышления, так и любой из деструктивных мыслительных стратегий.

Данные контрольной группы показывают, что такие базовые убеждения, как вера в доброжелательность мира и вера собственную ценность, требуют от тех, чья профессия не связана с общением, развития конструктивного мышления. У педагогов же подобные убеждения могут формироваться с опорой на деструктивные мыслительные стратегии.

Обратимся, наконец, непосредственно к данным о связи адаптированности и конструктивности мышления. Высокая социально-психологическая адаптированность журналиста определяется развитостью способности как к эмоциональному, так и к поведенческому совладанию, а также отказом от применения такой мыслительной стратегии, как категорическое мышление. Сходным образом дело обстоит у представителей других профессий: также важны стратегии совладания, а вредной, помимо категорического мышления, оказывается и стратегия личностно-суеверного мышления. Для группы педагогов, однако, ситуация складывается принципиально иная. Адаптированность педагога опирается лишь на эмоциональное совладание – ни способность справляться со сложными ситуациями на поведенческом уровне, ни отказ от использования деструктивных мыслительных стратегий на переживание собственного эмоционального и личностного благополучия не влияют. Итак, журналист, как и многие другие люди, достигает состояния «эффективно функционирующей личности» (термин К. Роджерса) только путем избавления от хотя бы части примитивных и инфантильных способов оценки реальности и приобретения навыков не только эмоционального отреагирования, но и поведенческого разрешения фрустрирующих ситуаций. Педагог же не испытывает потребности в столь серьезной проработке своего отношения к реальности: достаточно научиться эмоциональной разрядке, и в ответах на вопросы опросника К. Роджерса СПА появляется возможность продемонстрировать свою личностную зрелость. Показательно в этом отношении и наличие корреляций в группе педагогов такой инфантильной мыслительной стратегии, как наивный оптимизм (ОКМ) с принятием себя и других, эмоциональным комфортом и интернальностью (СПА). Журналист же, применяющий не менее примитивную стратегию – категорическое мышление, рискует полностью подорвать свое психологическое благополучие: в его ответах появляются признаки отвержения себя и других, эмоционального дискомфорта и внешнего локуса контроля. У представителей других профессий

такой стратегией с максимальным потенциалом деструктивности оказывается личностно-суеверное мышление.

Подведем некоторые итоги нашего эмпирического исследования.

Занятия журналистикой, как и работа в помогающих профессиях, оказывает свое специфическое влияние на профессионала, однако в данной сфере это влияние оказывается более мощным, трансформирующим с годами личность журналиста во вполне определенном направлении – направлении утраты оптимистичного взгляда на себя и свои возможности.

И мужчины и женщины, профессионализирующиеся в журналистике, демонстрируют готовность описывать собственное мироощущение с опорой на гендерные стереотипы «мужчины-воина» и «женщины-утешительницы», используя установки массового сознания в качестве психологических орудий самосознания.

У журналистов выявлены две мыслительные стратегии, обладающие для людей этой профессии максимальным потенциалом деструктивности:

- эзотерическое мышление, т. е. опора на неопределенные интуитивные переживания вместо опоры на рациональные, проверяемые эмпирическим путем соображения;
- категорическое мышление, т. е. стремление видеть все в черно-белом свете, готовность к безапелляционным и быстрым суждениям.

Обнаружено, что переживание собственной ценности, уважения к себе журналист достигает как благодаря развитию способности к эмоциональному совладанию, так и благодаря возможности опереться на конструктивное мышление, в частности, отказу от стратегии личностно-суеверного мышления.

В целом достижению высокого уровня социально-психологической адаптированности журналиста способствует развитие навыков эмоционального и поведенческого совладания, а также отказ от применения такой мыслительной стратегии, как категорическое мышление. При этом адаптированность журналиста строится на убеждении в собственной ценности, удачливости и способности контролировать события.

Корреляции между показателями методик ШБУ, СПА, ОКМ и возрастом респондентов
 Значимые корреляции ($p < 0,05$) выделены цветом

	Педагоги		Соц. работники	
		Возраст		Возраст
Шкала базисных убеждений	Доброжелат	-0,1897	Доброжелат	
	Справедл	0,0102	Справедл	
	Контрол	0,3101	Контрол	
	Законом	0,3570	Законом	
	Самоцен	0,1308	Самоцен	
	СКС	0,0885	СКС	
	Удача	0,1476	Удача	
Социально-психологическая адаптированность	Адаптир.	0,0008	Адаптир.	-0,1805
	ШЛ	0,0753	ШЛ	-0,0512
	Прин. себя	-0,1475	Прин.себя	-0,0521
	Н/прин. себя	0,0001	Н/прин.себя	0,2206
	Прин. др.	0,2356	Прин.др.	-0,1177
	Конфл	-0,0128	Конфл	0,1351
	Эм. комф.	0,0930	Эм.комф.	-0,0937
	Эм. диск.	0,0657	Эм.диск.	0,0565
	Внут. кон.	0,1446	Внут.кон.	-0,0872
	Внеш. кон	0,0673	Внеш.кон	-0,0600
	Доминир.	-0,0529	Доминир.	-0,0611
	Ведом.	0,1449	Ведом.	0,0262
	Эскапизм	0,1457	Эскапизм	-0,0117
Опросник конструктивного мышления	ОШКМ	-0,0646	ОШКМ	
	ШЭС	-0,1324	ШЭС	
	ШЭМ	0,0060	ШЭМ	
	ШПС	0,0239	ШПС	
	ШКМ	-0,0345	ШКМ	
	ШНО	0,0054	ШНО	
	ШЛСМ	0,2396	ШЛСМ	
	ШВ	0,1633	ШВ	
	ШСЖ	0,0436	ШСЖ	
	ШЛ	-0,0693	ШЛ	

Журналисты		Контр. гр.	
	Возраст		Возраст
Доброжелат	0,0198	Доброжелат	0,0308
Справедл	0,0756	Справедл	-0,1366
Контрол	-0,0518	Контрол	-0,3470
Законом	0,1062	Законом	-0,0289
Самоцен	-0,0040	Самоцен	-0,3461
СКС	0,0050	СКС	-0,2369
Удача	-0,1731	Удача	-0,1397
Адаптир.	-0,0532	Адаптир.	-0,1446
ШЛ	-0,0901	ШЛ	-0,2994
Прин.себя	-0,1945	Прин.себя	-0,4704
Н/прин.себя	0,1186	Н/прин.себя	0,2486
Прин.др.	-0,0383	Прин.др.	-0,2280
Конфл	0,0579	Конфл	0,1042
Эм.комф.	-0,1407	Эм.комф.	-0,1279
Эм.диск.	-0,0173	Эм.диск.	-0,1581
Внут.кон.	-0,0674	Внут.кон.	-0,1026
Внеш.кон	-0,0311	Внеш.кон	-0,0810
Доминир.	-0,0419	Доминир.	-0,2010
Ведом.	0,0300	Ведом.	-0,0594
Эскапизм	-0,1839	Эскапизм	-0,3655
ОШКМ	-0,0458	ОШКМ	-0,0629
ШЭС	-0,0885	ШЭС	-0,0857
ШЭМ	-0,0976	ШЭМ	-0,0462
ШПС	-0,0969	ШПС	-0,1500
ШКМ	0,1093	ШКМ	-0,0415
ШНО	-0,0219	ШНО	0,3518
ШЛСМ	0,0908	ШЛСМ	-0,0272
ШВ	-0,0173	ШВ	0,0238
ШСЖ	-0,0792	ШСЖ	-0,0551
ШЛ	0,0666	ШЛ	0,1627

**Различия между средними показателями
в подгруппах мужчин и женщин**

Значимые показатели вынесены в 4-5 и 7-8 столбцы таблицы

1	2
Шкала базисных убеждений	Доброжелат
	Справедл
	Контрол
	Законом
	Самоцен
	СКС
	Удача
Социально-психологическая адаптированность	Адаптир.
	ШЛ
	Прин. себя
	Н/прин. себя
	Прин. др.
	Конфл
	Эм. комф.
	Эм. диск.
	Внут. кон.
	Внеш. кон
	Доминир.
	Ведом.
	Эскапизм
Опросник конструктивного мышления	ОШКМ
	ШЭС
	ШЭМ
	ШПС
	ШКМ
	ШНО
	ШЛСМ
	ШВ
	ШСЖ
	ШЛ

Журналисты			Контрольная группа		
p-level	муж.	жен.	p-level	муж.	жен.
3	4	5	6	7	8
0,2211			0,8061		
0,7164			0,8830		
0,1430			0,0937		
0,5233			0,3322		
0,1255			0,6349		
0,0390	124,7	105,3	0,4605		
0,7739			0,3159		
0,6866			0,1704		
0,2115			0,2849		
0,1874			0,0752	23,9	16,9
0,3921			0,5015		
0,0234	95,3	116,7	0,5227		
0,0685	122,7	105,5	0,4025		
0,0523	97,5	115,8	0,5443		
0,8037			0,1410		
0,9238			0,1704		
0,1732			0,7809		
0,2264			0,0597	24,1	16,8
0,3548			0,6584		
0,4116			0,6584		
0,1343			0,0810		
0,4068			0,9088		
0,0051	89,1	115,5	0,0016	10,7	22,5
0,2342			0,7559		
0,2913			0,9870		
0,0663	95,6	112,9	0,6349		
0,3118			0,1924		
0,9401			0,0143	25,6	16,2
0,0246	123,1	102,0	0,0334	24,8	16,6
0,4368			0,5015		

Корреляции между показателями методик ШБУ, СПА, ОКМ в группе журналистов
Значимые корреляции ($p < 0,05$) выделены цветом

Журналисты Шкала базисных убеждений		Доброжел	Справедл
Возраст		0,02	0,08
Социально- психологическая адаптированность	Адаптир.	0,07	0,06
	ШЛ	0,01	0,04
	Пр. себя	0,03	0,08
	Н/прин. себя	0,01	0,04
	Прин. др.	0,14	0,08
	Конфл	-0,14	-0,11
	Эм. комф.	0,20	0,13
	Эм. диск.	-0,02	-0,10
	Внут. кон.	0,02	0,00
	Внеш. кон	0,01	0,05
	Доминир.	-0,08	0,02
	Ведом.	0,00	-0,02
	Эскапизм	0,04	0,10
Опросник конструктивного мышления	ОШКМ	-0,01	-0,09
	ШЭС	0,02	-0,05
	ШЭМ	0,12	0,11
	ШПС	0,02	-0,04
	ШКМ	-0,17	-0,01
	ШНО	0,14	0,16
	ШЛСМ	-0,04	0,09
	ШВ	-0,12	-0,07
	ШСЖ	0,05	-0,11
	ШЛ	0,14	0,19

Журналисты Опросник конструктивного мышления		ОШКМ	ШЭС	ШЭМ
Возраст		-0,05	-0,09	-0,10
Социально- психологическая адаптированность	Адаптир.	0,39	0,36	-0,11
	ШЛ	-0,02	0,02	0,14
	Пр. себя	0,19	0,20	0,05
	Н/пр. себя	-0,30	-0,29	0,06
	Прин. др.	0,17	0,15	0,09
	Конфл	-0,18	-0,16	0,00
	Эм. комф.	0,14	0,15	0,09
	Эм. диск.	-0,35	-0,30	0,19
	Внут. кон.	0,10	0,09	0,03
	Внеш. кон	-0,46	-0,40	0,23
	Доминир.	0,05	0,07	0,05
	Ведом.	-0,23	-0,22	0,14
	Эскапизм	-0,26	-0,21	0,23

Контрол	Законом	Самоцен	СКС	Удача
-0,05	0,11	0,00	0,00	-0,17
0,03	-0,02	0,30	0,21	0,12
-0,06	-0,02	-0,05	-0,02	0,07
0,02	0,08	0,17	0,14	0,22
-0,03	0,07	-0,21	-0,14	-0,08
0,01	0,02	0,10	0,03	0,04
-0,05	0,05	-0,22	-0,15	-0,16
0,10	-0,03	0,17	0,18	0,27
-0,07	0,03	-0,30	-0,20	-0,09
0,00	-0,08	0,08	0,16	0,01
0,01	0,01	-0,30	-0,17	0,01
0,05	0,09	0,11	0,25	0,14
0,00	0,03	-0,14	-0,13	-0,07
0,04	0,01	-0,19	-0,11	0,07
-0,01	0,12	0,21	0,07	-0,03
0,03	0,03	0,20	0,07	0,06
0,08	-0,09	-0,07	-0,02	0,24
0,02	0,01	0,05	0,01	0,11
-0,04	-0,03	-0,03	-0,04	0,03
0,04	0,05	0,01	-0,05	0,14
-0,01	-0,08	-0,28	-0,09	-0,08
0,02	0,12	0,12	-0,05	-0,16
-0,01	0,00	0,02	0,09	-0,07
0,09	-0,09	-0,07	0,05	0,11

ШПС	ШКМ	ШНО	ШЛСМ	ШВ	ШСЖ	ШЛ
-0,10	0,11	-0,02	0,09	-0,02	-0,08	0,07
0,20	-0,23	-0,01	-0,12	0,07	0,19	-0,06
0,12	0,09	0,14	0,08	-0,07	-0,08	-0,13
0,16	-0,02	0,03	-0,09	0,02	0,06	-0,03
-0,21	0,19	-0,05	0,10	-0,06	-0,16	0,07
0,18	-0,09	0,19	-0,11	-0,03	-0,06	0,03
-0,05	0,24	0,05	0,05	0,00	-0,04	0,10
0,18	-0,04	0,14	-0,08	-0,13	-0,04	0,01
-0,09	0,19	0,03	0,12	-0,14	-0,11	0,02
0,21	-0,13	-0,02	0,08	-0,10	0,20	-0,07
-0,10	0,23	0,09	0,20	-0,14	-0,24	0,08
0,05	0,11	-0,07	-0,09	-0,05	0,13	-0,10
-0,10	0,13	0,12	0,17	-0,12	-0,17	0,00
-0,02	0,23	0,09	0,09	-0,13	-0,14	0,05

**Корреляции между показателями методик
ШБУ, СПА, ОКМ в группе педагогов**
Значимые корреляции ($p < 0,05$) выделены цветом

Педагоги Шкала базисных убеждений		Доброжел	Справедл
Возраст		-0,19	0,01
Социально- психологическая адаптированность	Адаптир.	0,32	-0,09
	ШЛ	0,39	0,38
	Пр. себя	0,48	-0,02
	Н/прин. себя	0,11	0,26
	Прин. др.	0,36	-0,17
	Конфл	-0,31	0,10
	Эм. комф.	0,35	0,26
	Эм. диск.	0,07	0,09
	Внут. кон.	0,48	0,18
	Внеш. кон	-0,08	-0,01
	Доминир.	0,55	0,00
	Ведом.	-0,09	0,18
Эскапизм	0,04	0,18	
Опросник конструктивного мышления	ОШКМ	0,15	0,25
	ШЭС	0,16	0,09
	ШЭМ	0,29	0,07
	ШПС	0,33	0,26
	ШКМ	-0,36	-0,34
	ШНО	0,40	0,30
	ШЛСМ	0,04	-0,51
	ШВ	-0,57	-0,18
	ШСЖ	-0,03	0,11
	ШЛ	0,49	0,17

Контрол	Законом	Самоцен	СКК	Удача
0,31	0,36	0,13	0,09	0,15
-0,27	-0,41	0,46	0,25	0,05
0,29	0,23	0,15	0,33	0,53
-0,03	-0,36	0,50	0,14	0,34
0,41	0,38	-0,48	0,03	0,24
-0,05	-0,17	0,37	0,21	0,05
0,35	0,34	-0,51	-0,10	0,03
0,21	-0,24	0,32	0,16	0,51
0,44	0,54	-0,54	0,07	0,21
0,12	0,06	-0,04	0,43	0,34
0,33	0,52	-0,20	0,06	0,14
0,39	0,12	0,19	0,34	0,63
0,64	0,26	-0,23	0,02	0,38
0,81	0,12	-0,15	-0,17	0,51
-0,17	-0,25	0,37	0,12	0,11
-0,10	-0,39	0,55	-0,06	0,21
0,39	-0,25	0,12	-0,27	0,23
0,03	-0,25	-0,04	0,34	0,26
-0,06	-0,04	-0,09	-0,19	-0,26
0,19	-0,27	0,01	0,48	0,20
0,13	0,21	0,10	0,03	-0,03
0,12	0,04	0,14	-0,16	0,13
-0,15	0,11	0,03	-0,12	-0,13
-0,01	-0,01	0,07	-0,19	0,18

Педагоги Опросник конструктивного мышления		ОШКМ	ШЭС	ШЭМ
Возраст		-0,06	-0,13	0,01
Социально- психологическая адаптированность	Адаптир.	0,74	0,72	-0,17
	ШЛ	0,23	0,26	0,19
	Пр. себя	0,50	0,62	0,22
	Н/пр. себя	-0,34	-0,33	0,18
	Прин. др.	0,22	0,37	0,03
	Конфл.	-0,32	-0,38	-0,18
	Эм. комф.	0,40	0,48	0,12
	Эм. диск.	-0,66	-0,75	0,10
	Внут. кон.	0,41	0,26	-0,15
	Внеш. кон	-0,74	-0,74	0,18
	Доминир.	0,31	0,27	0,05
	Ведом.	-0,40	-0,35	0,19
Эскапизм		0,74	0,72	-0,17

ШПС	ШКМ	ШНО	ШЛСМ	ШВ	ШСЖ	ШЛ
0,02	-0,03	0,01	0,24	0,16	0,04	-0,07
0,37	-0,41	0,35	-0,26	-0,21	-0,04	0,14
0,47	-0,16	0,52	-0,10	-0,41	-0,32	0,26
0,37	-0,23	0,50	-0,16	-0,37	-0,30	0,28
0,07	0,11	-0,07	0,24	-0,11	0,00	0,24
0,12	-0,25	0,42	0,06	-0,40	-0,28	0,23
-0,47	0,03	-0,40	0,04	0,33	0,18	-0,04
0,49	-0,33	0,56	-0,07	-0,31	-0,31	0,23
-0,04	0,26	0,00	0,22	0,05	-0,11	0,09
0,63	-0,47	0,44	-0,05	-0,21	-0,07	0,29
-0,03	0,45	0,08	0,48	0,11	-0,31	0,01
0,24	-0,48	0,19	-0,04	-0,27	0,11	0,17
-0,15	0,05	-0,01	0,15	-0,04	-0,04	0,08
0,37	-0,41	0,35	-0,26	-0,21	-0,04	0,14

Корреляции между показателями методик ШБУ, СПА, ОКМ в контрольной группе

Значимые корреляции ($p < 0,05$) выделены цветом

Контрольная группа Шкала базисных убеждений		Доброжел	Справедл
Возраст		0,03	-0,14
Социально- психологическая адаптированность	Адаптир.	0,15	0,26
	ШЛ	-0,05	0,10
	Пр. себя	0,12	0,16
	Н/прин.себя	0,06	0,14
	Прин.др.	0,29	0,31
	Конфл	-0,23	-0,27
	Эм. комф.	0,18	0,23
	Эм. диск.	-0,02	-0,07
	Внут. кон.	0,00	0,24
	Внеш. кон	-0,01	-0,07
	Доминир.	0,02	0,24
	Ведом.	0,27	0,17
	Эскапизм	0,13	0,17
Опросник конструктивного мышления	ОШКМ	0,34	-0,04
	ШЭС	0,24	0,04
	ШЭМ	-0,11	0,26
	ШПС	0,49	0,50
	ШКМ	-0,39	0,10
	ШНО	0,34	0,24
	ШЛСМ	0,13	0,05
	ШВ	0,27	-0,07
	ШСЖ	-0,02	-0,23
ШЛ	0,41	0,18	

Контрольная группа Опросник конструктивного мышления		ОШКМ	ШЭС	ШЭМ
Возраст		-0,06	-0,09	-0,05
Социально- психологическая адаптированность	Адаптир.	0,60	0,61	-0,12
	ШЛ	-0,12	0,07	0,37
	Пр. себя	0,40	0,51	0,05
	Н/пр. себя	-0,51	-0,60	0,11
	Прин. др.	0,03	0,15	0,17
	Конфл	-0,21	-0,08	0,13
	Эм. комф.	0,07	0,12	0,10
	Эм. диск.	-0,58	-0,62	0,13
	Внут. кон.	0,17	0,07	-0,13
	Внеш. кон	-0,59	-0,57	0,25
	Доминир.	0,18	0,05	-0,11
	Ведом.	-0,38	-0,29	0,22
	Эскапизм	-0,24	-0,26	0,32

Контрол	Законом	Самоцен	СКС	Удача
-0,35	-0,03	-0,35	-0,24	-0,14
0,41	0,24	0,74	0,48	0,35
0,16	-0,29	0,10	0,10	0,09
0,58	0,19	0,59	0,49	0,32
-0,23	-0,33	-0,59	-0,11	-0,10
0,30	-0,18	0,14	0,38	0,08
-0,25	-0,29	-0,28	-0,28	-0,04
0,23	0,11	0,04	0,37	0,34
-0,29	-0,20	-0,51	-0,23	-0,33
0,20	-0,19	0,25	0,30	-0,05
-0,16	-0,14	-0,64	-0,35	-0,34
0,31	0,07	0,23	0,18	0,05
-0,01	-0,16	-0,50	-0,07	-0,04
0,26	0,22	-0,25	-0,22	0,04
0,29	0,04	0,48	0,29	0,32
0,31	-0,03	0,49	0,19	0,53
0,11	0,08	-0,18	-0,21	0,20
0,47	0,04	0,40	0,57	0,35
-0,03	-0,30	-0,17	-0,11	-0,26
0,04	-0,11	-0,06	0,27	0,27
-0,38	-0,25	-0,29	0,03	-0,08
0,09	0,06	-0,08	0,01	-0,24
0,19	0,32	0,00	-0,19	0,00
0,08	-0,18	-0,02	0,19	0,15

ШПС	ШКМ	ШНО	ШЛСМ	ШВ	ШСЖ	ШЛ
-0,15	-0,04	0,35	-0,03	0,02	-0,06	0,16
0,52	-0,35	0,08	-0,51	0,08	0,26	0,07
0,11	0,19	-0,01	0,03	-0,03	-0,31	-0,07
0,44	-0,10	-0,07	-0,38	0,08	0,24	-0,10
-0,13	0,41	0,27	0,64	-0,17	-0,53	-0,07
0,58	0,01	0,15	-0,07	0,22	-0,04	0,03
-0,37	0,37	0,09	0,34	-0,13	-0,33	-0,19
0,38	0,06	0,32	-0,09	0,00	-0,09	-0,02
-0,17	0,29	-0,17	0,44	0,12	-0,18	-0,15
0,40	0,09	0,13	-0,04	0,24	-0,09	-0,10
-0,23	0,45	-0,14	0,43	0,04	-0,23	-0,03
0,09	0,14	-0,20	-0,16	0,14	-0,02	-0,01
0,06	0,26	0,10	0,36	0,10	-0,15	0,11
-0,08	0,11	-0,10	0,16	0,13	-0,01	-0,13

Ю. А. Вербицкая

Творчество на грани невроза: стрессогенные аспекты профессиональной деятельности журналиста

Если ты считаешь, что сегодня тебе не нужен психолог, то завтра тебе надо записаться на прием к психотерапевту, чтобы послезавтра не обратиться к психиатру.

Из редакционного фольклора.

Исследование в русле медиапсихологии медийной коммуникации, конструирующей социальную реальность посредством образов символической реальности¹, позволяет глубже проанализировать психологические феномены индивидуального журналистского творчества и массовые психосоциальные явления, фиксируемые в массовой коммуникации.

Практика показывает, что традиционные подходы к изучению этих вопросов – филологический² и психологический³,

¹ Матвеева Л. В. Гуманитарная составляющая информационной безопасности в СМИ // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. – М.: Аспект Пресс, 2002. – Т. 1. Телевизионные и рекламные коммуникации. – С. 33.

² См., напр.: Бухарцев Р. Г. Психологические особенности журналистского творчества. – Свердловск: Мысль, 1976; Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста. – М.: Аспект Пресс, 2006; Олешко В. Ф. Психология журналистики. – СПб: Изд-во Михайлова, 2006; Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. – М.: РИП-холдинг, 2002; Роцин С. К. Психология и журналистика. – М.: Наука, 1989; Свитич Л. Г. Введение в специальность. Профессия: журналист. – М.: Аспект Пресс, 2006 и др.

³ Ениколопов С. Н. Средства массовой коммуникации и насилие // Проблемы медиапсихологии. Материалы секции «Медиа-

зачастую проигрывают по сравнению с интегральным медиа-психологическим⁴ подходом.

Объяснительные особенности филологического и психологического подходов обнаруживают проблему соединения журналистского творчества как процесса порождения текста и формы существования и функционирования человека в массовой коммуникации, как журналиста, так и аудитории. Проблема особенно актуальна, так как текст выступает и как способ самовыражения, и как способ понимания другого человека. Медиапсихологический подход, интегрирующий выразительные средства журналистики и методы исследования психических структур и паттернов поведения, представляется более многообещающим. Этот подход был использован при

психология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития». Москва, МГУ, 2001. – М.: РИП-холдинг, 2002. – С. 87–103; *Матвеева Л. В., Анিকেева Т. Я., Молчанова Ю. В.* Психология телевизионной коммуникации. – М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2000; *Матвеева Л. В., Анিকেева Т. Я., Молчанова Ю. В.* Экранный образ и личностные особенности телеведущих // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 1. – С. 20–30; *Трубицына Л. В.* Средства массовой информации и психологическая травма // Проблемы медиапсихологии. Материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития». Москва, МГУ, 2001. – М.: РИП-холдинг, 2002. – С. 31–37.

⁴*Пронин Е. И.* «Не утай!» и «Не навреди!» (Проблемы медиаэтики и ресурсы медиапсихологии) // Проблемы медиапсихологии-2. Материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2002 году: СМИ и реалии нового века». – М.: РИП-холдинг, 2003. – С. 7–22; *Пронин Е. И.* Психологические проблемы современной журналистики // Проблемы медиапсихологии. Материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития». Москва, МГУ, 2001. – М.: РИП-холдинг, 2002. – С. 5–18; *Пронина Е. Е.* Психологические особенности творческой работы репортера. – М.: Пульс, 2001; *Пронина Е. Е.* Психология журналистского творчества. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

394 анализе содержания рекламных текстов⁵, и его возможности позволяют экстраполировать методику психотехнического анализа на массовую коммуникацию в целом.

Полученные нами результаты позволяют утверждать, что медиапсихологический подход допускает возможность разрешения профессиональных проблем, возникающих у журналиста вследствие нахождения в стрессогенной среде массовой коммуникации, дает возможность осмысления определенных психосоциальных феноменов, существенно влияющих на личность и творчество представителя СМИ, и позволяет зафиксировать феномены, ускользающие от внимания филологов и психологов.

Проиллюстрируем данные утверждения двумя показательными примерами. Это результаты двух исследований, предпринятых в русле медиапсихологии и позволивших получить весьма ценные данные о природе индивидуального и коллективного творчества в массовой коммуникации.

Исследование 1. Массовая коммуникация как стрессогенный фактор профессиональной деятельности журналиста

В профессиональной деятельности журналиста массовая коммуникация является одновременно сферой и средством работы. Что характерно, подобная полифункциональность, обусловленная особенностями информационного общества и глобализационными процессами, оказывается фактором, определяющим творческое состояние журналиста – зачастую она становится источником определенных стрессовых переживаний.

Так, современная массовая коммуникация все чаще предьявляет журналисту ряд трудновыполнимых психологических требований: возможность переносить информационные и эмоциональные перегрузки, способность выдерживать нежелательное и избыточное общение в профессиональных целях,

⁵ Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы. Теория и методика психотехнического анализа рекламы. – М.: РИП-холдинг, 2003.

необходимость самостоятельно принимать социально значимые и ответственные решения в условиях дефицита времени и информации, что, в конечном счете, негативно отражается на его психологическом здоровье, творческом потенциале и уровне профессионализма. Это обстоятельство затрагивает интересы различных сегментов социума, прежде всего журналистского сообщества: производительность труда, конкурентоспособность, финансовая состоятельность напрямую зависят от того, как журналисты выдерживают психологические условия; бизнес-интересы работодателя оказываются в прямой зависимости от процессов, происходящих в массовой коммуникации; наконец, заинтересована многомиллионная аудитория зрителей-читателей-слушателей, на своей психике испытывающая патогенное воздействие информации, произведенной и транслируемой травмированным массовой коммуникацией журналистом.

«По статистике ЮНЕСКО, журналистика давно уже отнесена к числу профессий с самой короткой продолжительностью жизни. Это действительно одно из самых опасных занятий, прежде всего в психологическом плане, потому что массовая коммуникация была, есть и будет одной из самых стрессогенных сфер человеческой жизнедеятельности»⁶. К данной проблеме проявили профессиональный исследовательский интерес медиапсихологи: «Влияние массовой коммуникации на психологические процессы становления и развития личности является еще одной важной проблемой медиапсихологии»⁷.

Между тем, из сферы внимания работников СМИ данная тема выпала: «Вопросы информационной безопасности журналисты вообще считали относящимися только к аудитории

⁶ Пронина Е. Е. Предмет и задачи курса «Психология журналистского творчества» // Материалы к изучению курса «Психология журналистского творчества». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

⁷ Пронина Е. Е. Категории медиапсихологии // Проблемы медиапсихологии. Материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития». Москва, МГУ, 2001. – М.: РИП-холдинг, 2002. – С. 146.

396 и никогда не принимали на свой счет. Никто не заплатил так дорого за пренебрежение психологической *terra incognita* в массовой коммуникации, как они»⁸.

Очевиден тот факт, что в современном мире массовая коммуникация с неизбежностью предстает как стрессогенная сфера профессиональной деятельности журналиста: стрессогенные факторы массовой коммуникации, являясь объективными обстоятельствами профессиональной деятельности журналиста, оказывают значительное влияние на процесс журналистского творчества. В подобных условиях профессиональная деятельность журналиста особым образом формирует личность работников СМИ, вынуждая их адаптироваться и приспособливаться к стрессогенным реалиям, чтобы сохранить трудо- и конкурентоспособность.

Фактически поле массовой коммуникации оказывается для журналиста минным полем, где порой на первый план выходят не вопросы творчества, а вопросы безопасности жизнедеятельности.

В связи с этим возникает необходимость обозначить и рассмотреть стрессогенные факторы массовой коммуникации, обусловленные новыми информационными технологиями.

На первый взгляд, такие факторы ежедневной профессиональной деятельности журналиста, как человеческие трагедии, масштабные социальные пертурбации, бытовые проблемы рядового гражданина, вмешательство в судьбы людей являются специфическими, но при детальном рассмотрении становится очевиден их типологический характер.

Для того чтобы прозондировать небезопасную почву массовой коммуникации, нами была предложена комплексная методика исследования стрессогенной среды журналистской деятельности.

Предпринятое исследование преследовало цель – раскрыть стрессовые аспекты творческой деятельности журналиста: психологические нюансы и детали функционирования

⁸ Пронин Е. И. Психологические проблемы современной журналистики // Там же. – С. 11.

в массовой коммуникации, подробности профессиональных переживаний представителей СМИ, зачастую, как показывает практика, остающиеся за кадром и табуируемые профессиональным журналистским сообществом ввиду болезненности тематики. В наши задачи входило:

- выявление степени осознанности рефлексии у журналистского сообщества касательно определения характера профессиональных переживаний;
- характеристика признаков профессиональных стрессовых переживаний;
- выяснение методов и способов противодействия профессиональному стрессу, применяемых в журналистском сообществе.

Особенности формирования типологического характера стрессогенных факторов массовой коммуникации были определены в процессе комплексного исследования журналистского корпуса Автономной Республики Крым. Исследование срезом провинциальной журналистики проходило в три этапа и заключало в себе использование таких методов, как тестирование, анкетирование, наблюдение и фокусированное интервью.

В процедуре изучения стрессогенных особенностей профессиональной деятельности приняли участие 30 работников СМИ: мужчины – 11, женщины – 19. Образование: высшее – 29 человек, среднее специальное – 1. Сфера деятельности: печать – 21, телевидение – 8, радио – 1. Специализация: политика – 8, криминальная тематика – 5, социальная тематика – 3, культура – 1, экономика – 1, экология – 1, животные – 1, не имеют определенной специализации – 11. Должность: репортер – 16, обозреватель – 14. Стаж работы: до 5 лет – 5, до 10 лет – 11, свыше 10 лет – 14. Семейное положение: женщины замужем – 9, не замужем – 10; мужчины женатые – 8, холостые – 2, разведенные – 1.

Как показывает практика, нахождение журналиста в стрессогенном поле массовой коммуникации оказывает существенное влияние на выполнение им профессиональных обязанностей и характер творческого процесса. Специфика профессиональной

398 деятельности осложняется условиями информационного общества, в которых вынужден действовать, к примеру, репортер – информационные и эмоциональные перегрузки, интенсивность и оперативность мышления, социальная ответственность за принятие решения в условиях ограниченного количества информации. Это приводит к тому, что у журналиста вырабатывается определенный тип мышления и поведения, выступающий как защитная реакция на профессиональную деятельность: в результате формируется своего рода автоматическое реагирование на ситуацию, когда профессиональные решения принимаются журналистом бессознательно, на глубинном уровне.

Подобное обстоятельство не означает, что стрессовые условия не накладывают отпечаток на его психическое и соматическое здоровье и творческую деятельность.

Можно утверждать, что жизнедеятельность в условиях стресса предполагает особое психологическое состояние журналиста. Стрессогенная среда массовой коммуникации, обуславливающая профессиональную деятельность журналиста, исследуется нами поэтапно: изучается интенсивность профессионального стресса журналиста, далее раскрываются стрессогенные аспекты его труда и творчества.

Отметим, что в своей работе журналисты каждый день сталкиваются как с информационными, так и с эмоциональными стрессами: «В журналистике, как и в других профессиях с высоким уровнем конкуренции, особое значение приобретают психологические стрессоры»⁹.

Для того чтобы диагностировать профессиональный стресс, в исследовании был использован метод тестирования.

Тестирование респондентов осуществлялось по двум шкалам: «Шкала депрессивности Бека» и «Шкала оценки интенсивности боевого опыта», модифицированная под профессию журналиста и названная «Шкала оценки интенсивности профессионального стресса».

⁹ Маркелов К. В. Профессиональная мотивация как фактор становления личности журналиста: дис. ... канд. филол. наук. МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 1998. – С. 14.

Как известно, опросник депрессивности Бека (*Beck Depression Inventory – BDI*) используется в мировой психологической практике при обследовании лиц, переживших экстремальные, стрессовые ситуации; по результатам его применения можно судить об особенностях психологического состояния тестируемого индивида. В настоящее время опросник депрессивности Бека широко применяется в клинико-психологических исследованиях и в психиатрической практике для оценки интенсивности депрессии.

В опроснике выделено 21 утверждение, каждое из которых представляет собой отдельный тип психопатологической симптоматики и включает следующие пункты: печаль; пессимизм; ощущение несправедливости; неудовлетворенность собой; чувство вины; ощущение наказания; самоотрицание; самообвинение; наличие суицидальных мыслей; плаксивость; раздражительность; чувство социальной отчужденности; нерешительность; дисморфофобия; трудности в работе; бессонница; утомляемость; потеря аппетита; потеря в весе; озабоченность состоянием здоровья; потеря сексуального влечения.

Выделенные шкалы предоставляют возможность для выявления степени выраженности депрессивной симптоматики – каждая из них представляет собой группу вопросов, состоящую из четырех утверждений, оцениваемых в баллах от 0 до 3.

Следующий тест – «Шкала оценки интенсивности боевого опыта» (*Combat Exposure Scale*) используется в психологической практике в качестве одного из методов диагностики посттравматического стрессового расстройства (ПТСР)¹⁰.

В опроснике выделено 7 утверждений, касающихся характера и длительности пребывания в условиях военных

¹⁰ Согласно определению Н. В. Тарабариной, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – это «непсихотическая отсроченная реакция на травматический стресс (такой, как природные и техногенные катастрофы, боевые действия, пытки, изнасилования и др.), способная вызвать психические нарушения у любого человека» (см.: Тарабарина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001. – С. 17).

400 действий, позволяющих измерить интенсивность стрессовых переживаний у лиц, участвующих в военных действиях. Каждое утверждение оценивается тестируемым в баллах от 0 до 4.

Степень депрессивности, определяемая с помощью «Шкалы депрессивности Бека», позволяла говорить о наличии у журналиста стрессового состояния, которое впоследствии измерялось с помощью «Шкалы интенсивности оценки профессионального стресса».

В результате тестирования по «Шкале депрессивности Бека» были получены следующие данные:

Таблица 1

Результаты опроса журналистов по шкале депрессивности Бека

№	Утверждение	Кол-во отвечающих
1.	0 – Я не чувствую себя несчастным. 1 – Я чувствую себя несчастным. 2 – Я все время несчастен и не могу освободиться от этого чувства. 3 – Я настолько несчастен и опечален, что не могу этого вынести.	30
2.	0 – Думая о будущем, я не чувствую себя особенно разочарованным. 1 – Думая о будущем, я чувствую себя разочарованным. 2 – Я чувствую, что мне нечего ждать в будущем. 3 – Я чувствую, что будущее безнадежно и ничто не изменится к лучшему.	28 2
3.	0 – Я не чувствую себя неудачником. 1 – Я чувствую, что у меня больше неудач, чем у большинства других людей. 2 – Когда я оглядываюсь на прожитую жизнь, все, что вижу – это череда неудач. 3 – Я чувствую себя полным неудачником.	30

Ю. А. Вербицкая • Творчество на грани невроза:
стрессогенные аспекты профессии журналиста

401

№	Утверждение	Кол-во отвечающих
4.	0 – Я получаю столько же удовольствия от жизни, как и раньше.	20
	1 – Я не получаю столько же удовольствия от жизни, как раньше.	7
	2 – Я не получаю настоящего удовлетворения от чего бы то ни было.	3
	3 – Я всем не удовлетворен, и мне все надоело.	
5.	0 – Я не чувствую себя особенно виноватым.	20
	1 – Довольно часто я чувствую себя виноватым.	9
	2 – Почти всегда я чувствую себя виноватым.	1
	3 – Я чувствую себя виноватым все время.	
6.	0 – Я не чувствую, что меня за что-то наказывают.	18
	1 – Я чувствую, что могу быть наказан за что-то.	11
	2 – Я ожидаю, что меня накажут.	
	3 – Я чувствую, что меня наказывают за что-то.	1
7.	0 – Я не испытываю разочарования в себе.	28
	1 – Я разочарован в себе.	1
	2 – Я внушаю себе отвращение.	1
	3 – Я ненавижу себя.	
8.	0 – У меня нет чувства, что я в чем-то хуже других.	12
	1 – Я самокритичен и признаю свои слабости и ошибки.	15
	2 – Я все время виню себя за свои ошибки.	3
	3 – Я виню себя за все плохое, что происходит.	
9.	0 – У меня нет мыслей о том, чтобы покончить с собой.	28
	1 – У меня есть мысли о том, чтобы покончить с собой, но я этого не сделаю.	1
	2 – Я хотел бы покончить жизнь самоубийством.	
	3 – Я бы покончил с собой, если бы представился удобный случай.	1
10.	0 – Я плачу не больше, чем обычно.	23
	1 – Сейчас я плачу больше обычного.	3
	2 – Я теперь все время плачу.	1
	3 – Раньше я еще мог плакать, но теперь не смогу, даже если захочу.	3

402

№	Утверждение	Кол-во отвечающих
11.	0 – Сейчас я раздражен не более, чем обычно.	22
	1 – Я раздражаюсь легче, чем раньше, даже по пустякам.	8
	2 – Сейчас я все время раздражен.	
	3 – Меня уже ничто не раздражает, потому что все стало безразлично.	
12.	0 – Я не потерял интереса к другим людям.	25
	1 – У меня меньше интереса к другим людям, чем раньше.	4
	2 – Я почти утратил интерес к другим людям.	1
	3 – Я потерял всякий интерес к другим людям.	
13.	0 – Я способен принимать решения так же, как всегда.	24
	1 – Я откладываю принятие решений чаще, чем обычно.	5
	2 – Я испытываю больше трудностей в принятии решений, чем прежде.	1
	3 – Я больше не могу принимать каких-либо решений.	
14.	0 – Я не чувствую, что выгляжу хуже, чем обычно.	24
	1 – Я обеспокоен тем, что выгляжу постаревшим или непривлекательным.	6
	2 – Я чувствую, что изменения, происшедшие в моей внешности, сделали меня непривлекательным.	
	3 – Я уверен, что выгляжу безобразным.	
15.	0 – Я могу работать так же, как раньше.	22
	1 – Мне надо приложить дополнительные усилия, чтобы начать что-то делать.	6
	2 – Я с большим трудом заставляю себя что-либо делать.	1
	3 – Я вообще не могу работать.	1
16.	0 – Я могу спать так же хорошо, как и обычно.	7
	1 – Я сплю не так хорошо, как всегда.	11
	2 – Я просыпаюсь на 1-2 часа раньше, чем обычно, и с трудом могу заснуть снова.	
	3 – Я просыпаюсь на несколько часов раньше обычного и не могу снова заснуть.	2

Ю. А. Вербицкая • Творчество на грани невроза:
стрессогенные аспекты профессии журналиста

403

№	Утверждение	Кол-во отвечающих
17.	0 – Я устаю не больше обычного.	16
	1 – Я устаю легче обычного.	11
	2 – Я устаю почти от всего того, что делаю.	2
	3 – Я слишком устал, чтобы делать что бы то ни было.	1
18.	0 – Мой аппетит не хуже, чем обычно.	27
	1 – У меня не такой хороший аппетит, как был раньше.	1
	2 – Сейчас мой аппетит стал намного хуже.	2
	3 – Я вообще потерял аппетит.	2
19.	0 – Если в последнее время я и потерял в весе, то очень немного.	26
	1 – Я потерял в весе более 2 кг.	2
	2 – Я потерял в весе более 4 кг.	2
	3 – Я потерял в весе более 6 кг.	2
	Я специально пытался не есть, чтобы потерять в весе (обведите кружком).	Да Нет
20.	0 – Я беспокоюсь о своем здоровье не больше, чем обычно.	25
	1 – Меня беспокоят такие проблемы, как различные боли, расстройство желудка, запоры.	4
	2 – Я настолько обеспокоен своим здоровьем, что мне даже трудно думать о чем-нибудь другом.	1
	3 – Я до такой степени обеспокоен своим здоровьем, что вообще ни о чем другом не могу думать.	1
21.	0 – Я не замечал каких-либо изменений в моих сексуальных интересах.	21
	1 – Я меньше, чем обычно, интересуюсь сексом.	7
	2 – Сейчас я намного меньше интересуюсь сексом.	1
	3 – Я совершенно утратил интерес к сексу.	1

404	30 тестируемых журналистов набрали следующие баллы: 0 баллов – 5 чел. 1 балл – 3 чел. 2 балла – 2 чел. 3 балла – 4 чел. 5 баллов – 3 чел. 6 баллов – 1 чел. 7 баллов – 1 чел. 10 баллов – 2 чел. 11 баллов – 2 чел. 12 баллов – 3 чел. 13 баллов – 1 чел. 14 баллов – 1 чел. 18 баллов – 2 чел.
-----	--

По данным опросника, у 19 журналистов симптомы депрессии отсутствуют, у 11 опрошенных – умеренно выраженная депрессия¹¹.

Полученные данные четко свидетельствуют о следующих стрессовых переживаниях: чувство вины, страх наказания, раздражительность, усталость, проблемы со сном, снижение сексуального интереса.

В целях сравнительного анализа нами были рассчитаны средние показатели депрессивности у журналистов и сопоставлены с данными других групп населения¹².

¹¹ Ключ к тесту: суммарный балл меньше 9 означает отсутствие депрессивных симптомов, от 10 до 18 – «умеренно выраженная депрессия», от 19 до 29 – «критический уровень», от 30 до 63 – «явно выраженная депрессивная симптоматика». Нормы для Шкалы депрессивности Бека взяты по: *Тарабарина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001.

¹² Данные взяты по: *Тарабарина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001.

**Сравнительные показатели депрессивности
у разных групп населения**

Группы населения	Средние показатели депрессивности
Студенты	8,51
Банковские служащие	5,74
Пожарные	4,36
Спасатели	4,15
Сотрудники МВД	3,39
Беженцы с посттравматическим расстройством (ПТСР)	18,43
Ликвидаторы с ПТСР	17,93
Журналисты	6,27

Средние показатели депрессивности у журналистов свидетельствуют о том, что уровень компенсаторных механизмов психики у работников СМИ достаточно высокий для того, чтобы выдерживать профессиональные стрессовые переживания. Можно предположить, что журналисты испытывают стресс меньшей интенсивности, чем представители таких профессий, как спасатели и пожарные, но если у спасателей и пожарных переживания более яркие и кратковременные, то у журналистов они более длительные.

Если сравнивать журналистскую профессию с другими, то уровень стресса в ней будет не ниже: «Американские психологи установили, что журналисты по уровню стрессовости находятся на одной шкале с такими профессиями, как брокер и диспетчер авиалиний»¹³.

Данные, полученные в результате использования различных методов, коррелируют друг с другом.

¹³ *Свитич Л. Г.* Введение в специальность. Профессия: журналист. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 65.

В процессе исследования проявились недостатки используемых методов. Так, минусы метода тестирования по «Шкале депрессивности Бека» заключаются в отсутствии контрольных шкал, которые бы позволили обнаружить преднамеренный обман, влияние эталонов социальной желательности и установочного поведения.

Феномен социальной желательности проявился в том, что, заполняя предложенный опросник, журналисты бессознательно пытались представить себя в лучшем свете, активизируя такие защитные механизмы психики, как вытеснение, подавление и отрицание.

В таком случае логично подвергнуть сомнению данные об отсутствии депрессии у 19 опрошенных. Что и было сделано путем сопоставления этих данных с данными опросника «Шкала оценки интенсивности профессионального опыта».

В результате выяснилось, что у 19 опрошенных четко прослеживаются несоответствие и противоречия данных разных опросников.

Этот факт позволяет утверждать, что журналисты занижают свои показатели, подобно представителям таких опасных профессий, как спасатели и пожарные. Очевидно, что подобная защитная реакция имеет негативные последствия: в результате снижается уровень рефлексии и самосознания.

Так как исследование стрессогенной среды массовой коммуникации носило комплексный характер (в процессе работы применялись различные методы, дополняющие и объясняющие друг друга), на этапе тестирования возникла идея провести параллель между профессиями военного и журналиста и выяснить степень профессиональной стрессовой нагрузки с этой точки зрения.

Занятия журналисткой в контексте современных информационных технологий наводят на мысль о том, что профессиональные условия деятельности журналиста временами напоминают боевые: предполагают участие работников СМИ в информационных войнах, обстоятельства интенсивного информационного воздействия, манипулятивных технологий, примене-

ния различных психотехник и т. д. Кроме того, профессиональная деятельность зачастую приводит журналиста к ситуациям, опасным для его жизни и здоровья, – репортерская работа в «горячих точках», нахождение в зоне боевых действий, освещение природных и техногенных катастроф. Таким образом, профессиональная деятельность журналиста носит стрессогенный характер и может привести к таким неблагоприятным последствиям, как посттравматическое стрессовое расстройство, которое возникает у профессиональных военных. Поэтому с целью изучения интенсивности профессиональной нагрузки работников СМИ «Шкала оценки интенсивности боевого опыта», предназначенная для диагностики посттравматического стрессового расстройства у участников боевых действий, была модифицирована под профессию журналиста.

Данные этого опросника позволяют выявить интенсивность профессионального стресса у журналистов.

Таблица 3

**Результаты опроса журналистов по Шкале оценки
 интенсивности профессионального стресса**

№	Вопросы	Варианты ответа	Кол-во Опрошенных
1.	Сколько раз вы ездили в командировки по критическим материалам, вели расследования?	0 – ни разу 1 – 1-2 раза 2 – 3-12 раз 3 – 13-50 раз 4 – более чем 50 раз	4 2 6 8 10
2.	Как часто вы находились под судом за оскорбление чести и достоинства?	0 – ни разу 1 – 1-2 раза 2 – 3-12 раз 3 – 13-50 раз 4 – более чем 50 раз	20 6 4 0 0
3.	Как часто вам приходилось собирать информацию там, где вам не хотели ее давать?	0 – ни разу 1 – 1-2 раза 2 – 3-12 раз 3 – 13-50 раз 4 – более чем 50 раз	2 2 5 12 9

408

№	Вопросы	Варианты ответа	Кол-во Опрошенных
4.	Как часто вам приходилось сталкиваться с недовольством и активным противодействием тех, чьи интересы вы затронули?	0 – ни разу 1 – 1-2 раза 2 – 3-12 раз 3 – 13-50 раз 4 – более чем 50 раз	1 3 7 10 9
5.	Сколько раз вам приходилось участвовать в направленной кампании против политических лидеров, должностных лиц, криминальных структур?	0 – ни разу 1 – 1-2 раза 2 – 3-12 раз 3 – 13-50 раз 4 – более чем 50 раз	13 1 11 2 3
6.	Сколько раз вам приходилось делать репортажи с места действия об убийствах, катастрофах, крушениях, стихийных бедствиях?	0 – ни разу 1 – 1-2 раза 2 – 3-12 раз 3 – 13-50 раз 4 – более чем 50 раз	8 3 11 3 5
7.	Сколько раз вы подвергались опасности быть убитым, оклеветанным, задержанным по подозрению в противозаконной деятельности?	0 – ни разу 1 – 1-2 раза 2 – 3-12 раз 3 – 13-50 раз 4 – более чем 50 раз	16 8 3 3 0
8.	Сколько раз в своей профессиональной деятельности вам приходилось оказываться в среде людей, стоящих за гранью морали (склонных к сексуальной распущенности, разного рода извращениям, наркомагии и т. д.)?	0 – ни разу 1 – 1-2 раза 2 – 3-12 раз 3 – 13-50 раз 4 – более чем 50 раз	5 4 10 6 5

Полученные данные¹⁴ свидетельствуют о том, что журналисты в своей профессиональной деятельности попадали в стрессовые ситуации:

- большинство журналистов вели расследования более 50 раз;
- сталкивались с трудностями в получении информации 13-50 раз – 12 человек;
- сталкивались с недовольством и противодействием 13-50 раз – 10 человек;
- оказывались в среде людей, стоящих за гранью морали 3-12 раз – 10 человек.

Первый этап тестирования и его результаты убедили в правоте выбранного метода, а именно – комплексного исследования: делать выводы на основе данных одного теста нецелесообразно и методологически некорректно.

Если сопоставить данные опросника депрессивности Бека с суммарными показателями интенсивности профессионального стресса, получится следующее: по шкале Бека, которая является субъективной шкалой оценки психологического состояния, журналисты набирают минимальные баллы, а по шкале интенсивности профессионального стресса, которая характеризует объективный стресс, те же самые опрашиваемые набирают показатели, близкие к максимальным. Это позволяет говорить о несоответствии данных объективной и субъективной оценки стресса.

Для выявления взаимосвязи субъективного и объективного стресса была составлена таблица индивидуальных результатов.

¹⁴ Показатели подсчитываются путем суммирования чисел (0 – 4), обведенных испытуемым в каждом из 8 пунктов. Максимальный показатель – 32.

Индивидуальные результаты

Код испытуемого	Пол	Балл по шкале Бека	Интенсивность профессионального стресса
1	м	2	18
2	м	10	25
3	м	7	17
4	м	3	20
5	м	0	23
6	м	10	7
7	м	11	17
8	м	3	16
9	м	3	11
10	м	12	20
11	м	0	14
12	ж	13	21
13	ж	12	18
14	ж	3	18
15	ж	5	17
16	ж	2	8
17	ж	5	10
18	ж	12	16
19	ж	14	13
20	ж	18	1
21	ж	1	12
22	ж	1	14
23	ж	11	16
24	ж	0	4
25	ж	6	18
26	ж	1	2
27	ж	0	11
28	ж	0	15
29	ж	18	20
30	ж	5	8

Средние показатели субъективного стресса (по «Шкале депрессивности Бека») – 6,27. Средние показатели объективного стресса (по «Шкале оценки интенсивности профессионального стресса») – 14,34. Таким образом, расхождение очевидно. Отсутствует корреляция между показателями субъективного и объективного стресса.

Сопоставление результатов опроса по двум шкалам позволяет сделать вывод: при наличии высоких показателей профессионального стресса журналисты отрицают наличие у себя депрессивных симптомов. То есть представители СМИ в целом соглашались с тем, что журналистика как профессия предполагает высокую степень стрессогенности, но в то же время выражают неприятие утверждения о возможном стрессогенном влиянии профессии на их собственную личность и творческую деятельность. Потому как согласие с этим фактом означало бы признание собственной профессиональной несостоятельности и психологического неблагополучия.

Таким образом, можно утверждать, что журналисты предпочитают вести профессиональную деятельность в стрессогенной среде массовой коммуникации, пользуясь выработанными механизмами психологической защиты, следуя определенному алгоритму, не предполагающему самостоятельную глубокую проработку проблемных обстоятельств и развернутую рефлексию профессионального журналистского сообщества на данную тематику.

После того, как были выявлены и сопоставлены уровень субъективного и объективного стресса журналиста, особенности его осознания, а также интенсивность профессиональных стрессовых переживаний, мы перешли к следующему этапу комплексного исследования стрессогенной среды массовой коммуникации, а именно – к фиксации характера стрессовых переживаний, определяемых самими работниками средств массовой информации посредством анкетирования.

Для данной процедуры была составлена специальная анкета, состоящая из 10 вопросов, отражающих специфику профессиональной деятельности журналиста (см. табл. 5).

Вопросы	Причина выбора
Какие качества вы приобрели, благодаря вашей профессии?	Данный вопрос позволяет выявить степень профессиональной рефлексии и уровень самосознания журналиста.
Как вы считаете, какими качествами должен обладать представитель вашей профессии?	Данный вопрос позволяет определить образ идеального журналиста и затрагивает образ Сверх-Я.
Какие изменения, связанные с профессиональной деятельностью, произошли / происходят в вашей психике?	Данный вопрос позволяет выявить степень профессиональной рефлексии и уровень самосознания журналиста.
Какие стрессовые переживания вы испытываете на работе?	Данный вопрос позволяет определить характер негативных переживаний, связанных с профессиональной деятельностью.
Как вы справляетесь с усталостью?	Данный вопрос позволяет определить способность журналиста к саморегуляции поведения, мышления и реагирования.
Как вы расслабляетесь?	Данный вопрос позволяет определить способность журналиста к саморегуляции поведения, мышления и реагирования.
Каким образом профессия влияет на вашу личную жизнь?	Вопрос позволяет определить взаимосвязь и взаимопроникновение профессиональной и личной сфер.
Хотели бы вы видеть своих детей журналистами? Да / Нет. Почему?	Данный вопрос выполняет функцию проективного вопроса, который позволяет выяснить отношение журналиста к своей профессии.
Что для вас журналистика – работа, образ жизни?	Данный вопрос позволяет определить взаимосвязь и взаимопроникновение профессиональной и личной сфер.
Как вы считаете, влияет ли журналистика на ваше здоровье?	Данный вопрос позволяет определить стрессовый характер профессиональных переживаний.

Посредством анкетирования были получены следующие ответы (см. Таблицу 6):

413

Таблица 6

Вопросы	Ответы
1. Какие качества вы приобрели, благодаря вашей профессии?	уверенность в себе – 10 человек; цинизм – 4 человека; коммуникабельность – 6 человек; неверие, терпимость, умение контролировать эмпатию, недоверие к людям, дисциплина, ответственность, открытость, анализ, совесть, внимательность, истеричность, способность абстрагироваться от ситуации в качестве защиты от потоков информации; «больше утратил, но научился снисхождению к людям»; «только растерял».
2. Как вы считаете, какими качествами должен обладать представитель вашей профессии?	полным бесстыдством, интеллектуальной неотягощенностью, знанием психологии, психоаналитическими и актерскими способностями, умением писать, добывать информацию, профессионализмом, честностью, порядочностью, талантом, обаянием, объективностью, коммуникабельностью, доброжелательностью, стремлением идти на риск, ответственностью за каждое слово, способностью трезво оценивать экстремальную ситуацию, умением слушать, недоверием к людям, возможностью беспристрастно рассуждать, чувством юмора, умом, сопереживанием, способностью абстрагироваться от лишней информации, качествами летчика-истребителя; не путать вторую древнейшую с первой.

414

Вопросы	Ответы
<p>3. Какие изменения, связанные с профессиональной деятельностью, произошли/происходят в вашей психике?</p>	<p>не замечал – 5; никаких – 7 чел; психика устойчивая – 1; произошли, какие – не знаю – 1; улучшилось материальное положение семьи, меняется круг общения; борьба совести с объективностью; абстрагирование от всего, стремление наблюдать ситуацию извне, форматирование психики; приобрела хватку бультерьера, а для женщины это не очень желательно – 1; раздвоение личности, душевная апатия к социальным проблемам, замкнутость в себе.</p>
<p>4. Какие стрессовые переживания вы испытываете на работе?</p>	<p>не испытывал – 3; я выше этого – 1; не помню – 1; постоянная спешка при подготовке материалов; страх не успеть сдать вовремя материал; агрессивный наплыв информации, не поддающийся обработке в отведенные короткие сроки; перегрузка информацией; человеческие трагедии, с которыми приходится сталкиваться каждый день; эмоциональное напряжение; общение с властными структурами; общение с криминальным миром; общение с ненормальными людьми; предвыборное общение; постоянный внутренний дискомфорт, вызванный недовольством и агрессией тех, о ком написан материал; испуг, волнение, агрессия; неконтролируемая эмпатия; конфликт с совестью; смерть друга на съемках; угрозы подать в суд; нарушение авторского права; заголовки статей, которые постоянно крутятся в голове; бесконечный процесс написания букв; журналист – это мусоропровод; стресс – это рабочее состояние; каждый номер газеты – это стресс; весь спектр стрессовых переживаний.</p>

Вопросы	Ответы
5. Как вы справляетесь с усталостью?	<p>не испытываю усталости; стараюсь об этом не думать; не справляюсь; работаю; не устаю, мне просто становится скучно; с помощью алкоголя – 2 человека; сон – 8 человек; принимаю ванну – 1 человек; с помощью медитации – 1 человек; общение с друзьями – 3 человека; пью кофе – 2 человека; выезжаю на природу – 3 человека.</p>
6. Как вы расслабляетесь?	<p>стараюсь не напрягаться – 3 человека; чтение – 12 человек; спорт – 1; общение – 7; 15 минут релаксации; медитация; работаю; я не устаю.</p>
7. Каким образом профессия влияет на вашу личную жизнь?	<p>никак – 6 человек; нет личной жизни – 1 человек; это и есть личная жизнь – 2 человека; странно – 1 человек; на личную жизнь не хватает времени – 4 человека; плохо – 7 человек; положительно – 5 человек, потому что: все проявляют ко мне интерес; мужа нашла на работе; расширяет круг знакомств с нестандартными личностями. плохо, потому что: забирает большую часть личной жизни; на личную жизнь не хватает времени; нет времени на мужа; муж бросил меня из-за моей работы; переношу профессиональное отношение на личную жизнь; отношение к мужчинам стало более требовательным.</p>

416

Вопросы	Ответы
<p>8. Хотели бы вы видеть своих детей журналистами? Да/ нет. Почему?</p>	<p>нет – 6 человек; журналистика – беспокойная профессия; пусть выберет то, что ему по душе; нет, не знаю даже почему; не возражала бы, но сделала все возможное, чтобы дочь выбрала другую профессию; да, но ненадолго – в качестве повода научиться общаться с жизнью; да – 13 человек; хорошо оплачиваемая профессия; нормальная профессия, бывают и хуже; творческие люди обычно гармоничны; не имеют детей – 5 человек.</p>
<p>9. Что для вас журналистика – работа, образ жизни?</p>	<p>образ жизни – 14 человек; работа – 6 человек; и работа, и образ жизни – 5 человек; жизнь – 2 человека; способ отношения к миру – 1 человек; линза, в которой объективное преломляется через субъективную точку зрения.</p>
<p>10. Как вы считаете, влияет ли журналистика на ваше здоровье?</p>	<p>никак не влияет – 5 человек; пока не влияет – 1 человек; не особенно – 1 человек; плохо влияет – 10 человек; влияет на желудок из-за невозможности нормально питаться; предполагает употребление алкоголя в больших количествах; появляются сердечно-сосудистые заболевания; бессонница или сны о работе, неврозы, постоянное ощущение усталости; язвы, гастриты; травмы; расшатывает нервы; неврозы, гипотония; есть здоровье – нет журналистики; положительно – 6 человек; испытываю положительные эмоции; помогает быть в форме; тренирует мозги и мышцы ног.</p>

Полученные данные позволяют определить характер стрессовых переживаний, способы снятия стресса и уровень рефлексии журналистов. Так, ответы на третий и четвертый вопросы показывают, что журналисты находятся в состоянии стресса и защищаются от негативных переживаний в своей профессиональной деятельности: «бесконечный процесс написания букв», «журналист – это мусоропровод», «стресс – это рабочее состояние», «каждый номер газеты – это стресс», «весь спектр стрессовых переживаний».

Изменениями в психике, связанными с профессиональной деятельностью, опрошенные называли: «абстрагирование от всего, стремление наблюдать ситуацию извне, форматирование психики», «приобретение хватки бультерьера, нежелательной для женщины», «раздвоение личности», «душевную апатию к социальным проблемам», «замкнутость в себе».

Наиболее сильными стрессовыми переживаниями, характерными для профессии журналиста, оказались:

- переживания, связанные с режимом и ритмом работы: «постоянная спешка при подготовке материалов», «страх не успеть сдать вовремя материал»;
- переживания, связанные со спецификой деятельности: «агрессивный наплыв информации, не поддающийся обработке в отведенные короткие сроки», «перегрузка информацией», «человеческие трагедии, с которыми приходится сталкиваться каждый день», «эмоциональное напряжение»;
- переживания, связанные с общением с властными структурами, криминальным миром, «ненормальными людьми», предвыборное общение;
- переживания, связанные с обратной реакцией: постоянный внутренний дискомфорт, вызванный недовольством и агрессией тех, о ком написан материал.

Самым эффективным способом снятия усталости для журналиста является сон. Самыми популярными способами расслабления – чтение, общение, алкоголь.

418 Таким образом, можно утверждать, что процедура анкетирования выявила:

- низкий уровень самоосознания и рефлексии у представителей журналистского сообщества: лишь двое опрошенных включили в идеальный образ журналиста (2-й вопрос) психоаналитические способности и знание психологии, сопереживание, т. е. эмпатию назвали необходимым для журналиста качеством двое;
- низкий уровень психологической грамотности: специальными способами снятия напряжения журналисты не владеют: ответ «15 минут релаксации» был получен один, ответ «медитация» – 1, «спорт» – 1.

Изучение профессионального стресса журналиста было проделано на основе фокусированного интервью и наблюдения. Метод фокусированного интервью и наблюдения использовался как в качестве дополнительного (при заполнении анкеты или бланков опросников журналисты сами начинали разговор на профессиональные темы), так и в качестве основного (когда беседа специально стимулировалась подготовленными вопросами). Как выяснилось, метод фокусированного интервью оказался одним из самых эффективных в данном исследовании.

Использование этого метода дало возможность получить весьма ценную информацию для исследования стрессогенности журналистской профессии: по сравнению с перечисленными методами он обладает определенным преимуществом – является разговорным. Указанное преимущество позволило выявить характерную особенность профессии журналиста – существенное расхождение между тем, что журналисты излагают на бумаге публично, и тем, что произносится вслух в их профессиональной среде.

В качестве подтверждения приведем характерный отрывок из публичной беседы на тему музыкальной журналистики между критиком Артемием Троицким и его коллегами, состоявшейся на факультете журналистики МГУ¹⁵:

¹⁵ Троицкий А. К. Я введу вас в мир Поп... – М.: Время, 2006. – С. 323.

АКТ: Ты перестала быть журналистом потому, что тебе надоело быть журналистом, или потому, что почувствовала, что должна быть артистом?

Елена Погребижская (Бучч): Потому что моя журналистская деятельность пришлось на программу «Время» – это «Первый канал». Я телевизионный журналист, практически десять лет проработала на разных каналах телевидения. Закат моей журналистской карьеры пришелся на прошлые президентские выборы. И мне стало абсолютно понятно, что надо уходить отсюда, потому что это – совсем не то, ради чего стоит жить. Разница между тем, что видишь, и тем, что надо говорить, стала слишком велика. И дальше были такие варианты: или перейти в непонятное мне тогда пространство, где люди говорят то, что думают, чего, как мы знаем, не бывает. Либо перетечь куда-то наверх и определять внешнюю политику, что уже ближе к тому, чего хочется, либо уйти вовсе.

Или:

Максим Семеляк: Единственное, что музыкальная журналистика дает, – это поломанную психику, которая возникает у такого впечатлительного человека, как, допустим, я, при соприкосновении с каким-то героем, которого слушаешь с детства. И такое же поломанное здоровье, сопряженное с алкоголизмом¹⁶.

Подобные высказывания встречались и в ходе фокусированного интервью.

В процессе исследования выяснилось, что в интервью журналисты демонстрировали наибольшую открытость переживаний и откровенность, подробно перечисляя свои личные стрессовые переживания, тогда как их данные, к примеру опросника депрессивности Бека, демонстрировали отсутствие стрессов.

Данное несоответствие объясняется тем фактом, что слова опрашиваемых не фиксировались письменно – это позволило им выражать свою точку зрения свободно от влияния этало-

¹⁶ Троицкий А. К. Указ. соч. – С. 25.

420 нов социальной желательности и установок, которые проявлялись в письменном анкетировании, в частности, в опроснике депрессивности Бека.

Так, на вопрос «Как вы считаете, какие качества вы приобрели благодаря вашей профессии?», 20 человек в интервью ответили – «наглость». Подобным образом в письменной форме ответил лишь один из опрашиваемых.

На вопрос «Как вы считаете, влияет ли журналистика на ваше здоровье?», 28 опрашиваемых констатировали отрицательное влияние, тогда как в письменном анкетировании ответ «влияет отрицательно» дали 10 журналистов.

Определенные выводы о стрессогенности журналистских переживаний позволяет сделать и метод наблюдения.

Так, четверо из опрашиваемых работников СМИ давали интервью в состоянии алкогольного опьянения, тогда как в их ответах алкоголь в качестве способа расслабления или снятия усталости не числился.

Надо заметить, что в ходе интервью большинство журналистов затрагивали тему алкоголя. Так, журналисты-женщины демонстрировали интенсивные переживания ввиду того, что специфика профессии предполагает частое употребление спиртных напитков.

Свои опасения по этому поводу они высказывали в устной беседе. Приведем наиболее характерные высказывания: «У нас на работе каждый день пьют, операторы приходят утром с бутылкой пива, бесконечные фуршеты, приезжаешь на съемку – тебе тут же предлагают выпить. Я очень боюсь спиться».

«В редакции пьют вторую неделю. Когда я отказываюсь, обижаются. Из-за алкоголя возникают проблемы: бывает так, что я выпиваю какое-то количество алкоголя каждый день в течение месяца. То день рождения, то свадьба у сотрудницы, то праздник. Я это осознаю и решаю не пить, а меня приглашают друзья, я не пью, а они не понимают и обижаются».

«Журналисты пьют очень много. У нас на работе иногда так напиваются, что остаются ночевать прямо в редакции. Мне даже страшно становится».

Журналисты-мужчины высказывали другие соображения: «Как я устал от этого алкоголя! На работе алкоголь, и после работы алкоголь. То же самое, только люди меняются».

«А как по-другому расслабляться, спрашивается? Ты умеешь? Спортом заниматься некогда, от работы сильно устаешь. Идешь в бар, общаешься, а какое общение без выпивки?»

На вопрос «Какие изменения произошли в психике?» большинство журналистов реагировало крайне агрессивно: «Это вопрос не ко мне, а к психиатру». Судя по всему, подобная реакция страха и последующая активизация механизма психологической защиты была обусловлена словом психика.

На вопрос «Как профессия влияет на вашу личную жизнь?» 28 человек в интервью ответили «плохо», в то время как в анкете аналогичный ответ дали 7 человек, остальные опрошенные ставили прочерк или писали, что никак не влияет.

Отметим, что в процессе интервью многие журналисты начинали нервно курить, заваривать себе кофе, вставали, когда речь шла о стрессовых переживаниях; некоторые репортеры признавались, что, если бы представилась возможность, они давно бы уволились и занимались бы чем-нибудь другим, что «все надоело», «нет ни отпусков, ни выходных – команда маленькая, заменить некому, поэтому все работают на износ».

Другие советовали бросить журналистику «пока не поздно»: «Я проработала в газете 20 лет и недавно поняла, что занимаюсь совсем не тем, это все неправильно». «Если ты работаешь 31 декабря, когда все нормальные люди давно отдыхают, тебя ждет нелегкое журналистское будущее, девочка».

Высказывания позволяют судить о стрессогенности профессиональных переживаний.

Опрошенные проявляли активную реакцию на характер и содержание вопросов.

Так, заполняя анкеты, половина из опрашиваемых журналистов поднимали голову и говорили следующее: «Вот увидишь, тебе здесь никто не напишет правду». 10 человек называли вопросы «неправильными» и «дурацкими»: «Ты за-

422 нимаешься ерундой, лучше бы написала что-нибудь»; «Что за странные вопросы и почему я должна на них отвечать?».

Характерно, что анкетирование у большинства опрошенных вызвало негативные переживания – раздражение, недовольство. Около половины респондентов отнеслись к вопросам с долей скептицизма.

Такое поведение можно объяснить реакцией сопротивления. Это свидетельствует о том, что тема стрессовости журналистской профессии является закрытой для обсуждения в профессиональном журналистском сообществе, табуированной. Каждый из работников СМИ осведомлен о том, что профессия журналиста связана с нервными перегрузками, стрессами, срывами, злоупотреблением алкоголем, беспорядочной половой жизнью, однако мало кто из профессиональных журналистов устраивает по этому поводу публичное обсуждение или внутренне рефлексировать.

В качестве подтверждения данного тезиса – агрессивно-защитная реакция на анкетирование.

Так, одна из опрошенных журналисток отказалась заполнять письменную анкету, объясняя поступок следующим: «Здесь надо думать, а у меня мало времени».

По-видимому, отказ обусловлен страхом собственного бессознательного, нежеланием осознать свои проблемы, возникающие в силу профессиональной деятельности. Данный отказ можно расценивать как активизацию защитных механизмов психики, а именно – вытеснения и рационализации.

Так, стрессогенной профессией журналистику в фокусированном интервью назвали 30 опрошенных, тогда как стресс постоянным рабочим состоянием в письменной анкете назвали двое. В интервью 9 человек сообщили, что благодаря журналистике заработали невроз, а в анкетировании этот факт подтвердил один.

Некоторые репортеры откровенно описывали свои профессиональные переживания:

«В последнее время я работала без выходных. Эти постоянные съемки, поездки, спешка: ты едешь в редакцию и пишешь

сюжет в машине, на коленях, чтобы успеть в вечерний выпуск, потом быстро его монтируешь. Я очень устала. Я просыпаюсь утром уже с головной болью, головная боль весь день, засыпаю тоже с ней. Недавно заболело горло, причем как-то странно, ощущение такое, будто его кто-то сжимает, я не могла дышать. Пошла к врачу – сказали, что это невроз, посоветовали не ходить на работу хотя бы неделю и воздержаться от общения».

«Я так больше не могу. Хочу в отпуск. Я работаю уже механически, не могу работать хорошо. Вечером ложусь спать, а в голове крутятся эти заголовки, думаю о том, что бы написать завтра. Все надоело.»

«Я чувствую, что заработала невроз. Да, невроз. С этими выборами, когда они уже закончатся. Мужа не вижу, в горы ходила последний раз в прошлом году.»

«Журналистика и здоровье – вещи несовместимые. Мне вырезали желчный пузырь, а через неделю я уже должна была выйти на работу – хватит отдыхать, писать некому. Мне на процедуры сходить некогда.»

В данном контексте показательными являются комментарии директора Агентства журналистских расследований, главного редактора газеты «Ваш тайный советник» Андрея Константинова:

«В Швеции средняя продолжительность жизни журналиста – 49 лет. У нас такая статистика не ведется. У шведов накоплен большой опыт в этой сфере, они изобрели систему дебрифинга. У нас этого нет. Как лично я снимаю стресс? Есть несколько базовых способов – секс, алкоголь, физкультура, хобби. Я хожу в спортзал. Вот сейчас я закончил расследование по факту убийства журналиста Георгия Гонгадзе, и у меня накоплен огромный стресс. У всех журналистов психика деформируется, от этого никуда не денешься. У нас в агентстве работают молодые девчонки, они сидят на криминале. У них у всех – неустроенная личная жизнь. Их трудно уже чем-либо удивить, они в свои годы видели изнанку жизни. Им мало с кем интересно общаться вообще, тем более со сверстниками. Они видят людей насквозь».

424 Характерна следующая реплика журналистки, работающей в отделе новостей, свидетельствующая о больших информационно-психологических нагрузках и попытке абстрагироваться от них: «Когда я заканчиваю писать информацию, то через несколько секунд совершенно не помню, о чем она».

Таким образом, фокусированное интервью показало характер и глубину профессионального стресса журналиста.

Применение методов фокусированного интервью и наблюдения позволяет сформулировать следующие выводы:

- уровень и интенсивность профессионального стресса настолько высоки, что в целях психологической защиты журналист отказывается от осознания стрессогенной составляющей своей профессии, таким образом демонстрируя «двойные стандарты» по отношению к самому себе (умалчивая о собственных стрессовых переживаниях или же высказывая их в неформальной беседе «не для печати»), что можно интерпретировать как главный показатель психологического неблагополучия журналиста;
- низкий уровень психологических знаний, неспособность к психологической саморефлексии, демонстрируемые представителями журналистского сообщества, свидетельствуют о необходимости овладения журналистами методами саморегуляции, так как в вопросах профессиональной психогигиены они обнаруживают несостоятельность;
- первостепенное значение, таким образом, приобретают вопросы создания в редакциях медиатерапевтических служб.

Как видим, исследование стрессогенности журналистской профессии с помощью различных методов, таких как тестирование («Шкала депрессивности Бека», «Шкала оценки интенсивности профессионального стресса»), письменное анкетирование, фокусированное интервью, а также наблюдение, позволяет утверждать, что стрессогенность массовой комму-

никации выступает как детерминанта профессиональной деятельности журналиста:

1. Журналисты ведут профессиональную деятельность в стрессогенной среде массовой коммуникации, задействуя стихийно складывающиеся, неосознаваемые механизмы психологической защиты: алгоритм их поведения не предполагает ни самостоятельной глубокой проработки проблемных обстоятельств, ни развернутой рефлексии профессионального журналистского сообщества по данной тематике.

2. Исследованный срез стрессогенной среды имеет двойственный характер, одновременно выступая как объективное условие профессиональной деятельности журналиста и в то же время являясь доказательством важности и актуальности рассматриваемой нами проблемы творческой деятельности журналиста в стрессовых условиях массовой коммуникации.

3. Обнаруженные нюансы стрессогенной сферы позволяют обозначить глубину личностно-психологических проблем современного журналиста как участника массовой коммуникации.

4. Подобные личностно-психологические проблемы профессиональной и творческой деятельности журналиста выступают в роли факторов, обуславливающих фиксируемый нами процесс дегуманизации журналистики и деперсонификации журналистского творчества.

5. Специфика современной профессиональной деятельности журналиста в корне отлична от особенностей профессиональной деятельности, характерных для предыдущих этапов развития журналистики, а именно: у журналиста отсутствует возможность автоматически решить или компенсировать выявленные проблемы, как это представлялось возможным до возникновения новых информационных технологий и способов коммуникации, в условиях приближенности к читателям – то есть внутри редакции, путем обсуждения с читателями и так далее.

6. В условиях современной массовой коммуникации журналисты обнаруживают неспособность самостоятельно справляться со стрессовыми переживаниями, возникающими

426 в процессе профессиональной деятельности, демонстрируя отсутствие необходимых для этого навыков психологической грамотности и саморегуляции.

7. В связи с этим представляется целесообразным поставить вопрос о повышении психологической грамотности журналистов, о важности овладения знаниями, необходимыми для успешной профессиональной деятельности, установления качественных межличностных отношений, а также сохранения психического и соматического здоровья.

8. Также особую актуальность приобретают вопросы создания специальных медиапсихологических служб в редакциях газет и телерадиокомпаний.

Исследование 2. Профессиональная деятельность журналиста в условиях воздействия психотехнологий и новых информационных технологий: феномен управляемой свободы в массовой коммуникации

Массовая коммуникация представляет опасность не только для индивидуальной психики журналиста, но и для социума в целом. Исследователи журналистики, медиапсихологи, работники средств массовой информации констатируют наличие в своей профессиональной сфере проблемных явлений, обусловленных действительностью. Важность и острота профессиональных особенностей журналистского творчества таковы, что их обсуждение сегодня приобретает широкий характер и затрагивает интересы социума в целом: проблемы психологического воздействия, информационной безопасности и информационного травматизма в массовой коммуникации становятся глобальными¹⁷.

От формы и характера решения этих проблем зависит как психологическое состояние общества и его предста-

¹⁷ Севастьянов В. А. Технический прогресс в области СМИ с позиций информационно-психологической, биогенной и экологической безопасности // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. – М.: Аспект Пресс, 2002. – Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации. – С. 70.

вителей (потребителей и производителей информационного продукта, коммуникаторов и реципиентов – журналистов и аудитории соответственно), так и геополитические, национальные и экономические интересы государства¹⁸.

Иллюстрацией может служить ситуация с президентскими выборами 2004 г. на Украине, называемая в СМИ как «оранжевая революция»¹⁹. Примечательно, что с момента своего возникновения и в течение последующих лет «оранжевая революция» вызывает стойкое внимание со стороны представителей различных срезов общественных наук (от социальных психологов и культурологов до философов и геополитиков). Очевидно, что в условиях лавинообразного потока информационных сообщений и беспрестанной череды происшествий должна быть основательная причина столь устойчивого интереса ученой среды к украинским процессам. Можно предположить, что в определенном смысле «оранжевая революция» стала одним из событий исторического значения, ознаменовав собой реальное, а не кален-

¹⁸ Прохоров Е. П. Исследуя журналистику. – М.: РИП-холдинг, 2006. – С. 52.

¹⁹ Отметим, что долгое время в украинских и российских СМИ велась дискуссия о правилах написания этого словосочетания, обусловленная политическими причинами: в кавычках или без, со строчной или с прописной буквы. Избранный вариант написания обусловлен тем, что под «оранжевой революцией» автор подразумевает определенное психосоциальное явление из области массовой коммуникации, рассматриваемое в рамках медиа-психологии, а следовательно, подходит к нему с научной точки зрения. Также отметим, что среди представителей экспертного политологического сообщества России и Украины активно оспаривалась тема первенства использования данного словосочетания применительно к исследуемым нами событиям на Украине и введения его в общепринятое употребление в СМИ в качестве устойчивого выражения. См., напр.: *Вырвигуд Е.* Философия революции как теоретическая и прикладная дисциплина, или Как я хотела научиться у Глеба Павловского делать бизнес на контрреволюции. URL: <http://www.politua.ru/concept/2100.html>

428 дарное наступление 21 века. Отметим, что мы не оцениваем «оранжевую революцию» с политической точки зрения, а рассматриваем ее как психосоциальный феномен и технологический процесс. «Оранжевая революция» выступила ярким прецедентом в истории массовой коммуникации, показавшим закономерности и особенности ее развития, отчетливо продемонстрировав тенденции, которые до этого только прослеживались – сетевые технологии, новые формы самоорганизации, современные методы социальной инженерии, эффективные психотехнологии²⁰. Так, «оранжевая революция» предоставила ценную возможность наблюдать новые способы организации коммуникационных процессов, воплотив массовую коммуникацию в реальную форму: ее олицетворением стал постоянно действующий протестный лагерь на площади Независимости в Киеве, получивший название «майдан».

«Оранжевая революция» дала возможность зафиксировать феномен журналистского творчества в условиях проявления массовых психосоциальных эффектов. Данное исследование было проведено в рамках концепции типосиндрома ведущего публициста, разработанной Е. Е. Прониной²¹.

На основании изучения украинской прессы с помощью методов психотехнического анализа и медиapsихологических наблюдений, сделанных в ходе «оранжевой революции», типологический ряд Е. Е. Прониной был продолжен новым типосиндромом.

Оговоримся, что исследуемая психоисторическая ситуация в украинском социуме периода «оранжевой революции»

²⁰ Леонтьев М. и др. Грозит ли России «оранжевая» революция? – М.: Яуза, ЭКСМО, 2005; «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005; Почепцов Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005; Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2005.

²¹ Пронин Е., Пронина Е. Четвертый обман // Российские вести. – 1997. – 17 дек.

в контексте медиапсихологии примечательна следующими моментами:

429

- во-первых, она призывает ответить на один решающий вопрос: что лежало в основе так называемых революционных процессов – природная спонтанность или выверенные психотехнологии;
- во-вторых, «оранжевая революция» в сознании граждан Украины воспринималась амбивалентно и, по сути, сделала очевидным факт раскола страны на две части;
- в-третьих, что особенно важно для нашего исследования, «оранжевая революция» тесно связана со СМИ: журналисты сыграли чуть ли не решающую роль в победе «оранжевых» сил, журналисты своими действиями частично спровоцировали протестные процессы в обществе, журналисты выступили как организаторами, так и исполнителями психотехнологических сценариев, журналисты заявили, что в ходе революции завоевали свободу слова, частично журналисты оказались и виновниками раскола страны, и участниками нового политического проекта. Причем возникает вопрос: осознанно или нет совершали все эти действия представители украинских СМИ?

Если рассматривать «оранжевую революцию» с медиапсихологической точки зрения, то основной фигурой становится личность человека, участвующего в массовой коммуникации – журналиста, зрителя-читателя-слушателя, которая испытывала на себе влияние манипулятивных приемов из области социальной инженерии.

Так, имеются достаточные основания утверждать, что в ходе «оранжевой революции» были задействованы новые социальные психотехнологии и методы социальной инженерии, получившие название «управляемая свобода». Управление свободой заключалось в грамотном смешении элементов виртуальной реальности и реальных общественных процессов.

Ряд моментов «оранжевой революции» привлекает внимание своей технологичностью и системностью.

«Бархатная революция» в Праге, «танцующая оппозиция» в Белграде, «революция роз» в Тбилиси предстают как этапы отработки технологии принудительного отстранения от власти законных (избранных демократическим путем) деятелей и правительств с помощью управляемой толпы – то есть невооруженного государственного переворота.

Несомненно, удачным ходом была и цветовая символика революции – умело разработанная, а посему эффективная. Как известно, цветом революции оппозиция выбрала оранжевый цвет, который считается одним из лучших цветов в психотерапии, так как, обладая всеми свойствами красного, поддерживает тонус, состояние возбуждения, не вызывает ощущения агрессии, привлекает симпатии и соединяет сторонников.

Еще одним удачным ходом было внедрение моды на оранжевый цвет: этот цвет прочно ассоциировался со «стильным», «модным», «западным», что привлекало молодежный электорат. В то же время бело-голубые тона кандидата от официальной власти смотрелись холодно, закрыто и строго.

Эффективным шагом можно считать и создание молодежной организации «Пора». Этот ресурс избирательной кампании был использован в полной мере, собирая протестный электорат, играя на психосоциальном кризисе, характерном для молодежи. Из членов этой организации создавали своего рода массовые группы по типу штурмового отряда, готовые действовать любыми средствами, если результаты всенародного голосования не устроят оппозицию.

Внедрение идеи «мирной бескровной революции» с помощью каналов массовой коммуникации также было эффективным методом привлечения сторонников: оппозиционеры использовали тактику декларирования борьбы с властью ненасильственными методами.

Таким образом, несмотря на некоторые спонтанные элементы (самоорганизация, стохастичность, сетевые коммуникации), в целом «оранжевая революция» была построена на новых психосоциальных технологиях.

Соответственно, массовая коммуникация на Украине 2004 г. предстает как искаженная технологичностью, а потому порождает своеобразные типажи.

На основании психотехнического анализа украинской прессы периода «оранжевой революции» и медиапсихологических наблюдений был выявлен новый типосиндром ведущего публициста и рассмотрена его личностная составляющая, проступающая в оценках профессиональных и человеческих достоинств «оранжевых» журналистов, сделанных как их противниками, так и сторонниками, а также в самооценке ведущих публицистов.

Оценки личности «оранжевого» журналиста фиксировались по четырем параметрам: подход к работе, «изюминка» (основной творческий прием), ответственность, облик²². Выявленному типосиндрому было дано название «ведомый «свідомий»».

Дословно в переводе с украинского языка «свідомий» означает сознательный. Это прилагательное стали часто употреблять в ходе «оранжевой революции», применяя его к участникам протестного митинга. До «оранжевой революции» «сознательными» называли украиноязычных граждан Украины, жителей Западной Украины, а также националистически настроенных украинцев, демонстрирующих ярко выраженную антироссийскую позицию.

Личностная составляющая ведущего публициста «оранжевой революции» в оценках профессиональных и человеческих достоинств, сделанных симпатизирующими ему коллегами, выглядит так:

²² Гринева Ю. Под кого косим? URL: http://www.mediascope.ru/?id_menu=2&id_menu_item=22&id_object=4&id_item=252&PHPSESSID=26e97f829bd00370580fb468da741e1c

432 **Журналисты «За!»**

Подход к работе: идейность. Надличностные, государственные интересы. Возможность и способность эффективно и с высокой скоростью трансформировать реальность и социальную практику.

Изюминка: свобода слова, представляющая как хаос в информационном пространстве, «белый шум», неуправляемая объективность.

Ответственность: формирование украинской нации, апеллирование к глубоким слоям психики, ментальности аудитории.

Облик: борец с преступным режимом Кучмы, революционер. Свідомий (сознательный) гражданин.

«Ведомый “свідомий”» позиционирует себя как идейный журналист, руководствующийся надличностными интересами. «Оранжевый» журналист апеллирует к ментальности аудитории и внедряет в массовое сознание миф о рождении на «майдане» новой украинской нации.

Анализ публикаций позволяет утверждать, что представители данного типосиндрома создают и внедряют в массовую коммуникацию новую украинскую мифологию, необходимую для обособления украинцев от русских и формирования отдельного украинского государства на основе национализма.

Личностная составляющая ведущего публициста «оранжевой революции» в оценках профессиональных и человеческих достоинств, сделанных его противниками, выглядит так:

Журналисты «Против!»

Подход к работе: конъюнктура. Услужливость власть имущим.

Изюминка: наглость, площадная брань в прямом эфире и в режиме он-лайн.

Ответственность: антисоциальная направленность. Манипулятивный характер деятельности. Корыстный интерес. Квазиобъективность.

Облик: раскалывающий нацию. Беспринципный и зависимый от действующей власти. Внедряющий новую украинскую мифологию, усиливающую национализм и русофобию.

Личностная составляющая ведущего публициста «оранжевой революции» в оценках профессиональных и человеческих достоинств, сделанных самими «оранжевыми» журналистами, выглядит так:

Самооценка

Подход к работе: изменчивая мотивация: от личного интереса до государственного или бизнес-заказа.

Изюминка: бесстрашие. Скандальность как люстрация и катарсис.

Ответственность: использование настроений и убеждений народа – потакание его вкусам, уровню и интересам. Демократический характер.

Облик: нескрываемая моральная проституция. Бесстыдство. Вседозволенность.

Целевую направленность «оранжевого» журналиста можно охарактеризовать как изменчивую – от личного интереса до государственного заказа.

В итоге можно констатировать, что данный типосиндром представляет существенную опасность для журналиста: механизмы журналистского творчества заставляют его интериоризировать предлагаемые читателю паттерны осмысления и восприятия действительности, алгоритмы мышления и нормы поведения; таким образом, журналист может оказаться заложником собственного текста.

Медиапсихологический анализ психоисторической ситуации на Украине конца 2004 г., получившей название «оранжевая революция», позволяет сделать следующие выводы:

1. Несмотря на присутствие определенного элемента спонтанности, исследуемая психоисторическая ситуация на

434 Украине осенью 2004 г. имела срежиссированный и организованный характер и отличалась интенсивным использованием методов социальной инженерии.

2. Осуществляя активное информационное воздействие, представители СМИ Украины невольно становились жертвами манипулятивных технологий.

3. При детальном анализе декларируемая свобода слова на Украине оказывается паллиативом: хаос в информационном пространстве порождает «белый шум» и, как следствие, аннигилирует транслируемые в массовой коммуникации смыслы. Таким образом, массовая коммуникация на Украине в исследуемый период предстает как искаженная технологичностью, порождая своеобразные журналистские типы.

4. Находясь под влиянием мифов, пропагандистских ловушек массовой коммуникации и сетевых технологий, теряя творческую и рефлексивную составляющую своей профессии, «оранжевый» журналист оказывается в ситуации ведомого, жертвы феномена «управляемой свободы».

5. В условиях информационного хаоса и утраты массовой коммуникацией аутентичности и онтологической составляющей возрастает опасность манипуляции сознанием как аудитории, так и журналиста.

6. В связи с этим особую важность приобретает необходимость появления нового типосиндрома ведущего публициста – медиатерапевта, способного осуществлять массовую коррекцию психики, снимать зависимость от пропаганды и контрпропаганды как у своих коллег, так и у аудитории.

Феномен «майдана» зафиксировал ключевую для данного исследования тенденцию: активное использование методов социальной инженерии и сетевых технологий вкупе с технологическими возможностями СМИ ставят под угрозу сущность журналистской деятельности, а именно – процесс творчества. Из мыслящего субъекта и активного коммуникатора журналист может превратиться в механического ретранслятора

идей и таким образом рискует стать объектом психотехнологических манипуляций²³.

По мнению экспертов, осуществлявших мониторинг украинской журналистики в период президентских и парламентских выборов 2004 и 2006 г., СМИ выступали в роли «ретранслятора идей или технологий политических штабов»: «В новостной журналистике было мало политической аналитики в виде журналистских расследований и подачи мнений независимых экспертов. Журналисты, как правило, понимали политическую аналитику как собственный комментарий»²⁴.

Отмеченные явления свидетельствуют об утрате современной массовой коммуникацией своих оптимальных позиций и искажении ее предназначения: массовая коммуникация перестает быть способом коллективного осмысления действительности и жизненной ориентации в прагматическом плане, теряет возможность организации и соединения индивидов в коллективном психосоциальном проекте, утрачивает функцию стабилизации и активизации общественного мнения, способствует негативному перерождению личности журналиста и изменению характера его профессиональной деятельности, что проявляется в журналистских текстах. Изначальная срежиссированность спонтанного и аутентичного процесса коммуникации может лишить журналиста главной ценности профессии – творческой основы: возникает опасность, что работники СМИ вместо адекватного осмысления событий и оперативного отражения подлинной действительности следуют заранее заданным установкам, тогда как в психологическом плане данное явление имеет для журналиста последствия, сравнимые с катастрофическими.

²³ Из украинских телезрителей делают зомби? URL: <http://frazz.com.ua/news /02.02.06/ 19583.html>; Украинское ТВ душит зрителей ретрансляцией грязи. URL: <http:// www.nr2.ru/54556.html>

²⁴ Каналы Ахметова и Порошенко больше всех перекручивают информацию. URL: <http://www.obozrevatel.com/news/2006/4/5/104241.htm>

- 436 Недавние события в Северной Африке показывают, что роль социальных технологий в массовой коммуникации возрастает: революцию в Тунисе активизировал *WikiLeaks* публикацией секретных депеш американского госдепартамента, посвященных супруге президента страны. В Египте основными средствами коммуникации протестующих стали *Facebook* и *Twitter*, а революция получила название «твиттерной». Поэтому происходящее также требует осмысления в русле медиапсихологии.

Ю. М. Кузнецова

Картина мира и современные технологии: «легкость бытия» в Интернете

Термин «картина мира» (КМ) широко используется в качестве одной из основных категорий современного научного познания. Исследователи отмечают, что, как и многие другие сложные понятия, понятие КМ, до известной степени продолжая оставаться метафорой, не имеет устойчивого и однозначного толкования¹. Однако при этом, как ни парадоксально, данный термин «обречен» оставаться частью научного, философского и культурного словаря², поскольку занимает позицию важнейшего рабочего понятия. В отечественной психологии начало исследованиям КМ положило введение А. Н. Леонтьевым понятия «образ, картина мира», что позволило по-новому поставить вопрос о соотношении в психике человека чувственного, амодального и «сверхчувственного», то есть отражающего в идеализированных формах – значениях – «всю совокупность человеческой практики»³. К проблеме

¹ *Погосова К. О.* Картина мира и ее виды. URL: <http://www.viu-online.ru/science/publ/bulleten17/page40.html>; *Садыкова М. А.* Сопоставление понятий «картина мира» и «модель мира»: архетип – миф – религия – наука // Современные проблемы науки и образования. – 2007. – № 3. – С. 118-121; *Сыров В. Н.* Значение «картины мира» в современной науке и философии. URL: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_14.htm; *Чеботарева Н. Д.* Интернет-форум как виртуальный аналог психодинамической группы. URL: www.library.by/portalus/modules/psychology

² *Сыров В. Н.* Значение «картины мира» в современной науке и философии. URL: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_14.htm

³ *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 251-261.

438 целостного отражения реальности обращались А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, В. П. Зинченко, С. Д. Смирнов, Е. Ю. Артемьева, В. В. Петухов, В. Ф. Петренко, Б. М. Величковский, Е. В. Улыбина, рассматривавшие различные вопросы, связанные с природой, строением, функционированием и развитием образа мира. В психологическом отношении важнейшей функцией, атрибутируемой КМ, является ее участие в реальной деятельности индивида и общности: она составляет «необходимую основу, условие деятельности»⁴, служит «программой поведения для личности и коллектива, определяя набор операций, применяемых человеком для воздействия на мир, правила их использования в деятельности и их мотивировку»⁵.

Не менее многочисленными, чем определения КМ, являются и варианты классификации ее разновидностей. В качестве критериев классификации могут служить такие особенности, как происхождение, состав, организация КМ. Например, можно выделять научную, философскую, концептуальную, наивную и художественную КМ. Культурная (понятийная, концептуальная) КМ – это «отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное». Концептуальная КМ этноспецифична, т. е. обусловлена рядом факторов: географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и т. п. Концептуальная КМ соотносится с языковой, при этом первая оказывается «богаче» второй, поскольку тесно связана, помимо языковых феноменов, с отношением к действительности и психическим отображением действительности как сложным процессом интерпретации мира человеком⁶.

⁴ Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1984. – № 4. – С. 13-20.

⁵ Погосова К. О. Указ. соч.

⁶ Там же.

Состоя из концептов, культурная КМ не сводится к их совокупности, а включает в себя эмоционально-оценочный, мотивационный и другие аспекты сознания. Она складывается в предметной и познавательной деятельности индивида и на основе текстовой деятельности социума, в которой запечатлены многочисленные дескрипции данного образа мира⁷. Поэтому существенные изменения в условиях деятельности больших групп людей, тем более фиксируемые в вербализуемом виде, не могут не отражаться в изменениях или привнесениях в существующую КМ.

В исследовании, проведенном нами вместе с Н. В. Чудовой⁸, мы исходили из представления об Интернете как о факторе преобразования КМ, поскольку в наше время и задачи адаптации к условиям изменяющегося мира, и задачи личностного функционирования требуют от человека развитой способности к перестройке концептуальной модели реальности. Существенное расширение содержательных рамок и пространственно-временных параметров деятельности, опосредуемой Интернетом, не может не проявляться в смещении границ возможного, изменении ощущений пространства и времени и т. д. Например, известно, что для многих пользователей Интернета виртуальная география, по крайней мере, не уступает в значимости реальной, и, в частности, географическое (связанное с национальным) самоопределение утрачивает значимость для идентичности: ее компонентом становится не место проживания, а адрес или имя в Сети⁹.

В настоящей статье обсуждается обратная связь – воплощение компонента КМ в технологии или средстве. Известно, что производство специализированных орудий «имеет в качестве своей цели именно трудовую операцию, ту, которая

⁷ Там же.

⁸ См.: Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Психология жителей Интернета. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

⁹ Mizrach, S. Lost in Cyberspace: A Cultural Geography of Cyberspace Introduction. URL: <http://www.fiu.edu/~mizrachs/lost-in-cyberspace.html>

440 овеществлена в данном орудии»¹⁰. Поэтому любое средство следует рассматривать как ответ на необходимость повышения эффективности реальной деятельности человека. В орудии заложенная в нем функция реализуется, воплощается, вещно оформляется – и по его характеристикам можно восстанавливать тот образ действия и, соответственно, тот желаемый результат применения, которые экстерииоризованы в данном орудии. Предоставляя возможности достигать результатов, желаемых огромным количеством людей, Интернет как орудие должен обладать свойством, которое является привлекательным для многомиллионной армии пользователей, очевидно различающихся по своим личностным, мотивационным, коммуникативным, когнитивным и прочим особенностям. Мы полагаем, что помимо того, что у Сети обнаруживаются качества частных орудий для реализации таких традиционно упоминаемых в связи с нею потребностей человека, как познавательная, профессиональная, коммуникативная, рекреационная, ее можно рассматривать как новое средство удовлетворения потребности в более широком (или глубоком) смысле, потребности, которую можно описать как стремление испытывать максимум комфорта, что соотносится с одним из базовых концептов КМ – качеством «легкости» в физическом и нефизическом мире.

«Легкость» в Интернете

При описании тех последствий, которые имеет широчайшее распространение Интернет, можно выделить два основных момента: снятие привычных ограничений и удобство протекания деятельности. Неслучайно, что, судя по результатам онлайн-опроса, проведенного среди европейских пользователей исследовательской компанией *Gallup Organization*, 96% респондентов считают, что Интернет в целом улучшил их жизнь¹¹.

¹⁰ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 309.

¹¹ <http://www.psyhelp.ru/texts/news>

Возьмем типичные описания тех последствий, которые всеобщая интернетизация имеет в различных сферах деятельности.

- **Профессиональная деятельность.** Высокая адресность информации, возможность *моментальной* обратной связи, невысокая стоимость делают *эффективность* информационного воздействия существенно *выше*, чем при использовании других способов и каналов.
- **Познавательная деятельность.** *Безграничность* информационных ресурсов частного, научного или общественного характера; возможность получения информации в *любой* из технически существующих форм – текст, аудио, видео и т. д.; возможность для *каждого* пользователя размещать в Сети и делать доступной для *неограниченного* числа других пользователей собственную информацию *без привлечения* значительных материальных ресурсов¹².
- **Коммуникация.** *Теряет* свое значение ряд *барьеров* общения, обусловленных полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью, а также невербальной составляющей коммуникативной компетентности партнеров; возникает возможность создания о себе *любого* впечатления, самораскрытия и конструирования образа по своему выбору¹³. Вместе с анонимностью приходит состояние, обозначаемое как *«расторможность»*¹⁴. В условиях *отсутствия внешних ограничений*, регулирующих поведение в реальном социальном мире, – материальных ограничений, моральной цензуры, художественной критики, политических и конъюнк-

¹² Романов О. В. Философия Интернета (генезис и синтез фундаментальных идей). – Самара: Перспектива, 2003.

¹³ Жичкина А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy>

¹⁴ Карделлан К., Грезийон Г. Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых. / Пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

турных влияний – практически *беспрепятственно* могут реализовываться самые разные замыслы (от создания «художественных» произведений до опробования транссексуальной идентичности)¹⁵. В условиях субъективной *безопасности исчезает детерминированность* поступков, человек делает не то, что должен, а то, что хочет; *отсутствие ответственности*, случайность встреч и существующая возможность в *любой* момент прервать связь и навсегда исчезнуть в *не имеющей границ* Сети позволяет людям быть более *откровенными*, чем в реальности¹⁶. В конференции *отменяется иерархический уклад* и все связанные с ним формы страха, благоговения, пietetа, этикета и т. п., то есть все то, что определяется социальным и всяким иным (в том числе возрастным и физическим) неравенством людей. Иерархия в конференции существует, но она основана на авторитете, определяемом словами и поведением участника, и этот авторитет потенциально уязвим. Это создает ощущение *карнавала*, *веселой относительности* всякого иерархического положения, всякого строя и порядка. При этом участник всегда ощущает *безопасность* своего положения. Он может в *любой* момент безболезненно выйти из ситуации и вернуться в нее вновь под другим именем, в другой роли, *не неся на себе груз* прошлого, вины и не опасаясь последствий своих поступков¹⁷. В Интернете формируется новый тип общения, характеризующийся как «*легкая социальность*», – особая форма отношений,

¹⁵ *Пережогин Л. О.* Интернет-аддикция в подростковой среде. URL: www.rusmedserv.com/psychsex

¹⁶ *Нестеров В.* Что выплавляют из «тонн словесной руды», или попытка реабилитации чатов. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy>

¹⁷ *Тираспольский Л., Новиков В.* К вопросу жанра виртуальной конференции. URL: <http://www.computerra.ru/offline/2000/362/4482/>

которая ни к чему не обязывает и не имеет никаких последствий¹⁸.

- **Рекреационная деятельность.** В сетевых играх создается *вне-телесная* реальность с *обратимым* ходом событий. Геймер (игрок) «проигрывает» свою фантазию, проверяет ее на «жизнеспособность» в *безопасной* для тела виртуальной среде¹⁹ и т. д.

Выделение курсивом позволяет увидеть, как густо располагаются в текстах выражения, в которых отражаются свойства безграничности ресурсов Сети и удобства их использования.

Собственные качества людей, тяготеющих к интернет-среде, как показано в работе²⁰, также можно описывать через стремление к физически необременительной и социально менее регламентированной среде обитания. Для них характерны низкие значения по шкале «застревание» Опросника черт характера Русалова, что интерпретируется как отсутствие эгоцентрических побуждений, отрицание в себе честолюбия, мстительности, ревности, обидчивости. Критические замечания в свой адрес такие люди не воспринимают как личное оскорбление. Границы психического образа я не очерчены, не выработано стабильное самоотношение. Одновременно типичные активные пользователи Сети имеют низкие показатели по шкале «педантичность», что означает склонность к безответственности и стремление к вседозволенности, сниженный самоконтроль и неаккуратность.

Исследование структуры ценностей²¹ выявило, что для профессионалов-интернетчиков («разработчиков») привле-

¹⁸ Карделлан К., Грезийон Г. Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых: Пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

¹⁹ Гудимов В. Психология киберигр. URL: http://medicinform.net/comp/comp_psych23.htm

²⁰ Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Цибульский Н. П., Чудова Н. В. Специфика агрессии в интернет-среде // Психологический журнал – 2006. – Т. 27. – № 6. – С. 65–72.

²¹ Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Указ. соч. – С. 179–181.

444 кательны в первую очередь такие действия, отношения и ситуации, которые дают возможность пребывать в состоянии аффективно-приятного возбуждения. В последнюю очередь значимым для них оказывается то, насколько при этом могут быть реализованы ценности, связанные с «традициями» и «благожелательностью». Однако они не отвергаются, но просто имеют относительно низкую значимость.

У активно общающихся в Сети («жителей») выявляется направленность на получение удовольствий, связанных, прежде всего, с потворством своим желаниям, то есть ценным оказывается то, что позволяет ощутить свободу от ограничений и регламентации. Относительно незначимыми оказываются типы ценностей «конформность» и «традиции», которые в своем сочетании выражают необходимость самоограничения, покорности и подчинения.

Итак, в Интернете создаются специфические условия, которые оказываются в наибольшей степени комфортными для людей с соответствующими личностными качествами. А именно: в нем многие вещи можно делать удобнее, проще, без оглядки на ограничения. По определениям толковых словарей, слово *удобный* означает: такой, которым пользоваться удобнее, *легче*, ловчее, способнее (Даль); *вполне подходящий, приспособленный для чего-нибудь, такой, которым хорошо, легко или приятно пользоваться* (Ушаков).

Следовательно, преимущества, которые имеет более совершенное средство, заключаются прежде всего в энергетической составляющей: она дает возможность либо достигать большего эффекта при равных усилиях, либо равного эффекта меньшими усилиями.

По полученным нами данным²², выбирая из предложенных характеристик пригодные для описания таких персонажей, как «Я сам в Интернете», «Приятный человек в Интернете», «Я сам в обычной жизни», «Приятный человек в обычной жизни», активно общающиеся в Сети молодые люди склонны использовать в отношении представителей

²² Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Указ. соч. – С. 171–177.

интернет-среды определения «легкие», «мягкие» и «яркие», а в отношении тех же персонажей в обычной жизни – «теплые», «мягкие» и «яркие». Как видим, общение в Сети отличается особой легкостью, которая как бы замещает теплоту, значимую для непосредственных контактов. При этом наши испытуемые к персонажам Я (в жизни и в Интернете) относят характеристику «легкий» реже по сравнению с персонажами Приятный человек, т. е. как ценность рассматривают качество «легкости» партнера по общению, но не свою собственную.

Легкость в Интернете, согласно известной формуле, не дана, а задана, ее достижение обусловлено, по крайней мере, двумя условиями – объективного и субъективного характера:

- Во-первых, объективное условие – необходимость надежности, устойчивости средства. В самом деле, длительное пребывание пользователя в Сети становится возможным только при гарантированной высокой надежности доступа и работы собственного компьютера. Для того чтобы пользователь мог не ощущать ограничений в этом отношении, вся сложнейшая система должна работать отлаженно, значит, кто-то должен старательно поддерживать ее функционирование. В данном случае легкость обеспечивается благодаря надежности орудия; это легкость, основанная на незыблемой устойчивости. Можно сказать, что здесь наблюдается асимметрия, разделение: легкость – для Я, устойчивость – для Ты, Предмета, Мира.

В качестве факта, свидетельствующего о наличии в Сети асимметрии Я – Ты, можно привести результаты исследования, в котором применялась методика ЦТО Эткинда. 55% пользователей ассоциируют с партнером по общению в Сети радостное возбуждение, стремление к переживанию «легкости бытия», театральность (выбор красного, желтого и фиолетового цветов)²³. Как уже говорилось, для представителей интернет-

²³ Там же. – С. 151.

культуры качество «легкий» в идеале должно принадлежать именно партнеру, но не самому субъекту. Это может значить, что человеку важно испытывать легкость в общении с партнером, партнер поэтому желателен «легкий»; что испытывает при этом собеседник, насколько легок процесс общения для него – не важно.

Точной иллюстрацией асимметрии Я – Предмет (средство) является реклама офисного оборудования: девушка за рабочим столом выдувает мыльные пузыри, которые парят вокруг нее, на первом плане – громоздкий, с широким основанием серый агрегат. Когда на заре развития Интернета приходилось пользоваться зависающими телефонными модемами, оплачивать большие счета и дожидаться ночи, чтобы попасть в более-менее устойчивый трафик, немногочисленные пользователи составляли замкнутые сообщества, функционировавшие «как королевский двор, населенный аристократами и придворными», и с крайней осторожностью допускавшие новичков²⁴. О вовлечении большинства населения речи быть не могло – по причинам и мотивационным, и когнитивным, и финансовым.

По-видимому, случаем проявления асимметрии Я – Мир можно считать то особое качество общей легкости существования, привлекающее пользователей Сети, которое является предметом рассмотрения в данной работе.

- Во-вторых, условие субъективного характера: для того чтобы извлекать максимум удобства из такого сложного средства, пользователь должен им удовлетворительно овладеть. При этом, разумеется, происходит перестройка функционирования того психофизиче-

²⁴ Дрейфус С. Компьютерный андеграунд: истории о хакерах, безумии и одержимости. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – С. 63.

ского аппарата, который задействован во взаимодействии человека с Интернетом.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в любом случае, когда речь идет об овладении орудием. Хрестоматийный пример – приобретение ребенком навыка пользования ложкой²⁵. Необученной руке удобнее схватить черенок ложки в кулак, но при этом снижается эффективность использования этого орудия: наполненной ложкой, зажатой в кулаке, трудно совершать точные действия. Рука должна усвоить «логику орудия», подчиниться ей, ложку нужно научиться держать так, как изначально неудобно, потому что «неестественно». Только при утрате части «естественности», таким образом, можно достигать максимальной эффективности при применении орудия. Необходимо добавить, что, когда ребенок, овладев «логикой ложки», затем приобретает навыки застегивания пуговиц, рисования, письма, игры на музыкальном инструменте и т. п., – все эти полезные навыки изменяют руку. Разумеется, и овладение таким сложным средством, каким является Интернет, не может происходить без изменений: пользователь должен не столько научиться чисто техническим приемам (например, процедуре ведения переписки или поиска), сколько в достаточной для его уровня пользования мере понять логику, определяющую функционирование самой Сети и человека в Сети.

Невозможно отрицать тот факт, что для «поколения *Net*», появившегося на свет в период 1977-1997 гг., компьютеры, видеоигры и Интернет стали частью домашнего быта, и это не может не проявляться в особых свойствах субъекта²⁶. Технология Интернета форми-

²⁵ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

²⁶ Leung, L. Net-Generation Attributes and Seductive Properties of the Internet as Predictors of Online Activities and Internet Addiction // *CyberPsychology & Behavior*. – 2004. – Vol. 7. – No. 3. – P. 333-348.

рует новую технику существования (ее основные черты: вневещность, доступность, интерактивность, массовость коммуникации), новую форму сознания и новый тип я – асенсорное я²⁷. Говорят о возникновении принципиально новой для европейской культуры парадигмы мышления²⁸, о трансформации таких базовых понятий, как «живое», «идентичность», «знать»²⁹. Е. Е. Пронина постулирует возникновение специфического *Net*-мышления, отличного от других типов не только по своим операциональным характеристикам, но и по критериям истинности³⁰. Использование Интернета сказывается на развитии и преобразовании личности и деятельности: возникают новые навыки, операции и способы выполнения действий, новые целевые и мотивационно-смысловые структуры, новые формы опосредствования и новые виды деятельности³¹.

²⁷ Strangelove, M. Cyberspace and the Changing Landscape of the Self. URL: <http://www.fiu.edu/~mizrachs/cybgeog.html>

²⁸ Романов О. В. Философия Интернета (генезис и синтез фундаментальных идей). – Самара: Перспектива, 2003.

²⁹ Turkle, S. Life on the screen: Identity in the age of the Internet. – New York: Touchstone Books, 1995.

³⁰ Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

³¹ См., например: Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. – 1998. – № 1. – С. 89–100; Белинская Е. П. Человек в информационном мире. URL: <http://psynet.carfax.ru/texts/bel3.htm>; Бусурина Л. Ю. Компьютерный диалог как психоразвивающая технология: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2003; Jackson, L. A., von Eye, A., Biocca, F. A., Barbatsis, G., Fitzgerald, H. E., & Zhao, Y. Personality, cognitive style, demographic characteristics and Internet use – Findings from the HomeNetToo project // Swiss Journal of Psychology. – 2003. – Vol. 62(2): Special Issue, Studying the Internet: A challenge for modern psychology; Magid, L.J. Child Safety on the Information Highway. URL: http://www.safekids.com/child_safety.htm и др.

В нашей работе³² приводятся и обсуждаются многочисленные сообщения о психологических эффектах применения Интернета. Там же приводятся и данные нашего собственного исследования. Так, в частности, показано, что люди, профессионально занимающиеся Интернетом («разработчики»), имеют более высокие показатели интеллектуального развития, диагностируемые с помощью теста Равена, по сравнению с теми, кто использует его в основном для общения («жители»). В свою очередь, «жители» показывают результаты лучшие, чем те, кто пользуется Сетью чисто утилитарно – для решения повседневных проблем (поиск информации, заказ товаров, краткие деловые переговоры и т. д.).

Выявлены также значимые различия между группой «новичков» (стаж пребывания в Сети от полугода до трех лет) и группой «долгожителей» (стаж – более четырех лет) вне зависимости от характера осуществляемой деятельности:

- со стажем растет аналитичность когнитивных процессов, о чем свидетельствуют показатели методик Гарднера и Черемошкиной. Это значит, что интернет-активность способствует готовности субъекта выявлять скорее различие в ряду объектов, нежели ориентироваться на их сходство. Возможно, эта тенденция обусловлена «физическими» параметрами современного интерфейса: любая более или менее длительная деятельность, опосредствованная компьютером, требует от пользователя регулярного применения операции категоризации, причем, как правило, нет необходимости создавать единую классификацию (например, процедуру создания «папок», поиск с помощью поисковой системы, выбор в «меню» и т. п.). Другим объяснением выявленной закономерности может служить изменение по типу децентрации, когда человек,

³² Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Указ. соч.

длительно взаимодействующий с миром чужих мнений и классификаций (как выраженных открыто, например, в чатах, так и содержащихся имплицитно в самой организации сайтов), приобретает склонность проводить категоризацию по множеству оснований;

- со стажем растет эффективность когнитивного поиска, что выявляет анализ данных методики Кагана, диагностирующей импульсивность/рефлексивность. Для группы «новичков» характерно относительно большое количество неэффективных решений тестовых заданий – «медленно и неточно», а в группе «долгожителей» появляется подгруппа тех, чей стиль можно охарактеризовать как «быстрое и точное» решение;
- со стажем снижается эзотеричность мышления, диагностируемая с помощью методики «Опросник конструктивности мышления» Эпштейна. Данная динамика является позитивной, поскольку проблема человека с высокими баллами по шкале эзотерического мышления ОКМ имеет не содержательный, а стилевой характер. Оставляя в стороне право современного человека верить в загадочные, не поддающиеся научному толкованию феномены, например, полтергейст, астрологические предсказания, способность читать мысли и т. п., мы должны учесть, что эзотеричность мышления подразумевает недостаточную критичность и опору в поведении на тонкие необъяснимые ощущения, что может приводить к утрате связи с реальностью.

Таким образом, выявленные различия могут быть интерпретированы как следствие адаптации к специфическим условиям среды, то есть дают основание говорить о том, что овладение Интернетом подразумевает определенную настройку когнитивного аппарата пользователя. Приобретая необходимые навыки, человек открывает для себя возможность построения с помощью Сети особых отношений с Миром, при которых Мир подстраивается под субъекта, становится

именно таким, чтобы субъекту в нем было легко и удобно.

«Легкость» в психическом отражении и культуре

А. Я. Гуревич определяет картину мира как «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира. Среди компонентов КМ перечисляются, в частности, универсальные понятия и категории: время, пространство, изменения, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение части и целого и т. д.³³ В. Н. Топоров указывает, что модель мира не относится к числу понятий эмпирического уровня (то есть носители могут не осознавать ее во всей полноте)³⁴. При развертывании своего содержания КМ опирается во многом на принцип ценностной ориентированности, который выступает в ней как главный принцип иерархизации предметов³⁵. Известно, что ценностное отношение определяет не только рефлексивную, но и содержательно-мотивационную структуру активности человека. Таким образом, мотивирующий потенциал составляющих КМ концептов не связан со степенью их осознанности, поэтому отсутствие осознанного представления о причинах формирования тех или иных жизненных, деятельностных или эстетических приоритетов не является свидетельством их «навязанности» субъекту извне.

На особое положение оппозиции «легкий vs тяжелый» в картине мира обращают внимание многие авторы. Так, в психосемантическом эксперименте соответствующая шкала дает испытуемым наиболее «богатые» возможности для отражения того эмоционального впечатления, которое производят на

³³ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – С. 14-15.

³⁴ Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 161-166.

³⁵ Дьяконов И. М. Введение // Мифология древнего мира. – М.: Наука, 1977. – С. 30.

452 них оцениваемые объекты³⁶. По мнению Г. И. Кустовой, *тяжесть*, представляя собой вид дискомфорта, является «очень важным отрицательным ощущением человека», и сфера охвата ситуаций, характеризующихся этим ощущением, чрезвычайно велика: «трудно назвать другие экспериенциальные характеристики предметов и окружающей среды, которые имели бы такую широкую сферу приложения». Соответственно, и противоположная *легкость* – это тоже чрезвычайно широкое по степени охвата обозначение «положительного» состояния и самочувствия и вообще «положительных» ситуаций: «как “облегчение” в русском языке интерпретируется не только освобождение от тяжести, но и вообще улучшение самых разных типов внутренних состояний и внешних условий»³⁷. О том, что противоположность «тяжесть/легкость» есть самая загадочная и самая многозначительная из всех противоположностей, пишет М. Кундера³⁸.

Лингвисты следующим образом описывают логику создания фрагментов КМ, отражающих нематериальный мир: нефизическое концептуализируется в терминах физического³⁹; человек «моделирует новые объекты и ситуации с помощью уже имеющихся у него семантических структур, «подводя» под освоенные модели новые элементы опыта. Такого рода «расширение», продвижение от простого к сложному, от наглядного, наблюдаемого к абстрактному, ненаблюдаемому – общий принцип когнитивной деятельности человека»⁴⁰.

Общее прототипическое значение слова «легкий» – не представляющий тяжести, незначительный по массе или

³⁶ См. об этом подробнее: *Артемова Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики. – М.: Наука; Смысл, 1999.

³⁷ *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 292.

³⁸ *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия / Пер. с чеш. – СПб: Азбука-классика, 2006. – С. 11-12.

³⁹ *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

⁴⁰ *Кустова Г. И.* Указ. соч. – С. 23.

весу: *Легкий чемодан. Легкая ноша*. Отсюда расширение, создающее переносные значения: достижимый, нетрудный, несложный в решении или исполнении: *Легкая задача. Легкий вопрос*; вызывающий ассоциации с чем-то изящным или ловким: *Легкая походка*; свободный, не ограниченный и не напряженный: *Легкое дыхание*; приобретаемый без труда, не причиняющий затруднений: *Легкая жизнь*; не создающий проблем, спокойный, уживчивый: *Легкий характер*; неопасный: *Легкое недомогание* (источники: ВИКИСЛОВАРЬ и *Kernerman Russian Learners Dictionary*).

Качество «легкий» участвует в образовании оппозиций, имеющих в основании: предметное свойство («легкий – много весящий»), метафорическое свойство («легкий – неуклюжий»), субъективное свойство «для меня» («легкий – трудный в общении»), «воздействующие» свойства объекта («легкий – затрудняющий жизнь»). Выделены также цепочки разноосновных оппозиций, в которых в отношении эквивалентности друг другу находятся все правые и, соответственно, все левые части. Сведя их воедино, получаем следующие констелляции: «легкий = хороший = демократичный = радующий = стройный = изящный = парящий» vs «тяжелый = плохой = авторитарный = раздражающий = неповоротливый = неуклюжий = приземленный»⁴¹.

Итак, через идею тяжести в русском языке концептуализированы самые разные по своему происхождению и природе отрицательные, дискомфортные для человека состояния и ситуации – начиная с физиологических ощущений и реакций и кончая сферой межличностного взаимодействия. Общим для них, по мнению Г. И. Кустовой, является состояние пассивности вследствие давящей тяжести: «Тяжесть не просто давит – она сковывает, ограничивает свободу человека – вообще жизненную активность... Пассивность – условная, но вполне адекватная характеристика ощущения и вообще положения человека в ситуации воздействия тяжести, которая определяет интерпретацию энергетических затрат и энергетиче-

⁴¹ Артемьева Е. Ю. Указ. соч. – С. 144–148.

454 ческих потерь в этой ситуации и является едва ли не главным источником семантических рефлексов тяжести в русском языке». Переживанию тяжести противостоит на психологическом уровне ощущение легкости (свободы, раскованности, подъема), «когда человек может «выпрямиться», «разогнуться»⁴². Именно поэтому наличие энергетического выигрыша, который отражается в слове «удобный» можно считать признаком присутствия у описываемого с его помощью объекта качества «легкости», и именно поэтому «удобство» Интернета мы рассматриваем как следствие некоей присущей ему «легкости».

Однако метафорически слово «тяжелый» в русском языке может употребляться и в положительном смысле, когда речь идет о большой массе чего-либо прагматически ценного: например, «тяжелая кисть винограда», «тяжелые колосья»; иногда – эстетически привлекательного, например, «тяжелые косы»⁴³. А «легкий» может означать малую выраженность прагматически ценного или внутренне присущего объекту качества, например, не обильный (о еде): *Легкий завтрак*; незначительный: *Легкое увлечение*; незаметный: *Легкая улыбка*; неглубокий: *Легкий сон*; не крепкий: *Легкое вино* (по: ВИКИСЛОВАРЬ и *Kernerman Russian Learners Dictionary*).

Итак, если на уровне телесного переживания «легкость» является несомненно предпочтительным состоянием по сравнению с «тяжестью», при метафорическом употреблении появляются признаки амбивалентности и значений слова «легкий», и значений слова «тяжелый». «Собственно оценочная сема, потенциально возможная для данного прилагательного, может появляться в высказывании в целом, на основе его общего смысла и ситуации: *легкая работа* может оцениваться и как “хорошо”, и как “плохо”»⁴⁴.

Метафора рассматривается в качестве одного из способов формирования языковой КМ, которая, в свою очередь, служит

⁴² Кустова Г. И. Указ. соч. – С. 286.

⁴³ Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев: Наукова думка, 1992.

⁴⁴ Мичкова Е. Прилагательные со значением положительной и отрицательной оценки физических и нравственных качеств человека. URL: depfolang.kubsu.ru/michkova.html

прежде всего целям выражения концептуальной картины. В основе механизмов метафоризации лежит антропометрический принцип, согласно которому «человек – мера всех вещей». Этот принцип проявляется в создании эталонов, или стереотипов, которые служат ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности, ее семантического членения (*mapping*)⁴⁵. Благодаря унифицирующему действию антропоцентрического принципа метафоризации создается основа для самого широкого интермодального «расширения» исходного значения, а ядерная структура производных значений отражается в возникновении особых культурноспецифических ментальных образований – культурных (лингвокультурных) концептов.

По определению С. Г. Воркачева, лингвокультурный концепт может быть описан по следующим параметрам: понятийная составляющая, отражающая его признаковую и дефиниционную структуру; образная составляющая, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании; значимостная составляющая, которая определяется местом, занимаемым именем концепта в лексикограмматической системе конкретного языка, куда входят также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени. Кроме того, немаловажным аспектом изучения концептов является их топология – определение и описание бытования этих ментальных сущностей при функционировании в основных областях общественного сознания (в научном, быденном/языковом, религиозном и пр. сознании). Внутреннее семантическое пространство концепта образуется совокупностью бытующих в определенном социуме представлений о сущности явлений, которые концепт отражает⁴⁶.

Исходно отражая кинестетические ощущения субъекта, качество тяжести-легкости посредством действия механизма метафоризации распространяется на другие модальности

⁴⁵ Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира . URL: <http://linguistic.ru/index.php?id=146&op=content>

⁴⁶ Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – С. 46.

456 чувственного отражения мира и становится компонентом концептуальной КМ, то есть культурным концептом. Визуальное воплощение и культурная концептуализация оппозиции «тяжелое-легкое» явились предметом исследования Л. И. Таруашвили, который описывает такие противоположные качества зрительных образов, как тектоника и атектоника. Под тектоникой понимается «чувственно-наглядный образ стабильности», которая, в отличие от статичности, «не предполагает обреченности предмета на неподвижность, но указывает лишь на его способность к неподвижности. ...Соответственно, в тектоническом образе <...> неподвижность явлена зрителю как его – этого образа – самоопределение». Атектоничность предстает как «чувственно-наглядный образ неустойчивости и, как следствие, особой подверженности внешним механическим воздействиям». Автор показывает, что «тенденция к тектонике есть культурно-историческая универсалия, происходящая из того, что тектонические образы потребны, в сущности, любому обществу ради его самосохранения: во-первых, в их мнемонической функции, как средство закрепления коллективной традиции в памяти индивидов; во-вторых, как средство воспитания самого духа социальной стабильности»⁴⁷. Образы сохраняющих стабильное положение, массивных, устойчивых объектов зримо воплощают концепт «хорошей тяжести», противоположностью которой является, соответственно, «плохая легкость».

Приведем примеры проявления в литературе отношения к легкости как негативному качеству.

«Плохая» легкость = легковесность vs «хорошая» тяжесть = устойчивость

Автор знаковой формулировки «Невыносимая легкость бытия» и одноименного романа М. Кундера не может дать

⁴⁷ Таруашвили Л. И. Тектоника визуального образа в поэзии античности и христианской Европы: К вопросу о культурно-исторических предпосылках ордерного зодчества. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 13-14.

однозначный ответ на вопрос, что же предпочтительнее: тяжесть или легкость? Однако считает, что «...абсолютное отсутствие бремени ведет к тому, что человек делается легче воздуха, взмывает ввысь, удаляется от земли, от земного бытия, становится полуреальным, и его движения столь же свободны, сколь и бессмысленны»⁴⁸.

Ощущение зловещей легкости, испытываемой в ситуации катастрофы, передается в тексте Б. Гребенщикова «500»: «Падающим в лифте с каждой секундой становится легче».

Первая глава «Мертвых душ» Н. В. Гоголя содержит сравнение «двух типов мужчин»: «Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят. ... Наконец толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уважение, оставляет службу, перебирается и делается помещиком, славным русским баринном, хлебосолом, и живет, и хорошо живет. А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро».

Ф. Искандер сообщает об открытии им «болезни века – комплекса Пизанской башни»: «Современный человек чувствует неустойчивость всего, что делается вокруг него. У него такое ощущение, что все должно рухнуть и все почему-то держится. Окружающая жизнь гнетет его двойным гнетом, то есть и тем, что все должно рухнуть, и тем, что все еще держится» («Дядя Сандро и раб Хазарат»). Размышляя о сущности «отвращения к неустойчивости», Ф. Искандер пишет: «...такая хрупкая вещь, как человеческая жизнь, может иметь достойный смысл, только связавшись с чем-то безусловно прочным, не зависящим ни от каких случайностей. Только сделав ее частью этой прочности, пусть самой малой, можно

⁴⁸ Кундера М. Указ. соч. – С. 11.

458 жить без оглядки и спать спокойно в самые тревожные ночи. ...От одной прочности к другой, более высокой прочности, как по ступеням, человек подымается к высшей прочности. Но это же есть ... то, что люди издавна называли твердью. Хорошее, крепкое слово! Только в той мере мы по-человечески свободны от внутреннего и внешнего рабства, в какой сами с наслаждением связали себя с несокрушимой Прочностью, с вечной Твердью» («Чегемская Кармен»).

Дополнить этот ряд могут представления некоторых внешних по отношению к Сетевой культуре наблюдателей, которые с негодованием указывают на «чрезмерную легкость» совершения определенных операций или установления и поддержания определенных социальных контактов с помощью Интернета. В этой легкости видится признак некоего обмана, то, что происходит в пространстве Сети, приобретает оттенок не настоящего, а сама эта Сеть предстает ловушкой, в которую попадают люди, стремящиеся избавиться от необходимости серьезных усилий для достижения прочного результата. Например, нередко доводится слышать, что отношения, опосредованные Интернетом, порочны, поскольку своей поверхностностью и необязательностью уничтожают необходимость уступать и подчиняться, а отсутствие этих умений, необходимых для семейной жизни, делает невозможным устойчивый брак.

Однако концепту «легкость», как и любому компоненту КМ, в полной мере присущ потенциал амбивалентности. Наряду с отношением, отражающим базовую потребность в устойчивости и стабильности, современная культура в целом, как показывает исследование Л. И. Таруашвили, ориентирована на ценность атектоничности и легкости. По его данным, общечеловеческая потребность в тектоническом «полно и последовательно реализовала себя лишь в античном мире, ибо наложилась там на эстетическую, иначе говоря, бескорыстную, незаинтересованную и совершенно спонтанную потребность в тектоническом эффекте. <...> Ни в одной другой исторической культуре не произошло ничего похожего: нужда со-

циума в тектонике неизменно наталкивалась на безотчетную потребность образующих его индивидов в атектоническом, а потому проявлялась либо непоследовательно и слабо, либо в амбивалентных формах застылости и оцепенения». Анализ литературных памятников послеантичной Европы показывает, что «атектоничность воспринималась их авторами либо как признак позитивной (нравственной или интеллектуальной) ценности, либо как позитивная (эстетическая) ценность сама по себе. ... Эстетические предпочтения, отражающие ценностные приоритеты, отданы не физической тяжести, прочности и устойчивости, а противостоящим легкости, неустойчивости и текучести визуальных объектов»; соответственно телесная легкость и даже головокружение становятся желательными состояниями субъекта⁴⁹. В связи с этим напомним, что именно состояние аффективно-приятного, радостного возбуждения является тем, которого ожидают от присутствия в Сети ее активные пользователи.

Поскольку проведение рекламных акций подразумевает отчетливое представление о том, какие именно образы, в том числе визуальные и кинестетические, целесообразно задействовать для достижения максимального эффекта воздействия на массы потенциальных потребителей, в интересующем нас вопросе показательной является тенденция использовать образы, связанные с ощущением легкости, при продвижении самых разнообразных товаров. Например:

- слоган в рекламе канцелярских товаров: «Легко купить. Легко работать»;
- реклама напитка, который «окрыляет»;
- рекламный ролик пива, из-за «легкости» которого все окружающее предметы теряют вес;
- рекламный плакат стиральной машины: слоган «Легко» и изображение двух людей, жонглирующих машинами, изображенными в натуральную величину.

Очевидно, что постоянство эксплуатации образа особенной легкости в рекламе является косвенным подтверждением

⁴⁹ Таруашвили Л. И. Указ. соч. – С. 14, 226.

460 его привлекательности и востребованности для массового сознания.

В литературе нетрудно найти доказательства позитивного отношения к качеству «легкость». Обратим особое внимание на то, что один и тот же автор может демонстрировать противоположное отношение к обсуждаемому качеству, воплощаемому в различных объектах. По-видимому, в этом проявляется описанный выше эффект асимметричного распределения «хорошей» легкости.

«Хорошая» легкость = подвижность, изящество vs «плохая» тяжесть = тяжеловесность, неуклюжесть

Н. В. Гоголь, «Невский проспект»: «Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над черными жуками мужеского пола. Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим овладеет робость и страх, чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства. А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательных шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским». Напротив, описание неэлегантных дам, жительниц города N, в восьмой главе «Мертвых душ» пропитано иронией: «Талии были обтянуты и имели самые приятные для глаз формы (нужно заметить, что вообще все дамы города N были несколько полны, но шнуровались так искусно и имели такое приятное обращение, что полноты никак нельзя было приметить). ... Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительные части рук повыше локтя, которые

у многих дышали завидною полнотою; у иных даже лопнули лайковые перчатки, побужденные надвинуться далее, – словом, кажется, как будто на всем было написано: нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!».

Ф. Искандер, «Умыкание, или Загадка эндурцев»: «...высшим женским свойством ...продолжает считаться до сих пор степень легкости, с которой женщина обслуживает свой дом, и особенно гостей. И, давая оценку той или иной женщине или девушке, абхазцы вообще, а чегемцы в особенности, прежде всего ценят это качество. Высший тип женщины – это такая женщина, которая все свои обязанности выполняет не только хорошо, этого мало нашим взыскательным дегустаторам женского обаяния, но и радостно, даже благодарно за то, что окружающие дают повод, или, еще лучше, много поводов, заботиться о них.

– С лица-то она хороша, – говорят чегемцы про ту или иную женщину, – да что толку-то – тяжелоада.

И тут – конец красоте. Полная гибель. Или, совсем наоборот, про другую женщину:

– На вид-то она неказистенькая – зато летает!

И все – восхищенное определение полностью снимает некоторые недоработки природы во внешнем облике женщины и как бы распаивает красоту ее крылатой души. ...Нос длинноват?! Не надо никаких операций, поворачивайся быстрее, и ты на лету похорошеешь!».

В современной культуре вырабатываются специальные средства, позволяющие реализовывать напряженную потребность в чувственном переживании легкости. Речь идет, по выражению П. Брюкнера, о модных «скользящих» видах спорта: «серфинг, где надо приноравливаться к волнам, чтобы на них покататься; ролики, благодаря которым асфальтовая дорога превращается в гладкую ленту с изящно проносающимися по ней и легко огибающими препятствия теньями; или горный фрирайд, где лыжник уподобляется птице, способной танцевать в воздухе, взлетать с каменных уступов, взметать крылом снежную пыль». Человек, который занимается ими, вступает в особые отношения с миром: «Феноменальная телесная лов-

462 кость позволяет чудесным образом преодолеть телесность, достичь невесомости. Рождается царство призраков, эльфов, проходящих сквозь стены духов, которые презирают законы тяготения и обращают материю в зыбкий поток флюидов. Здесь нет падения, есть только парение. Настоящий рай для неприкаянного, ничем не обремененного человека, предпочитающего ощущение знанию и касание укоренению. Плотность реального мира нужна здесь лишь для того, чтобы от него оттолкнуться»⁵⁰.

Наблюдение со стороны за людьми, занимающимися такими видами активности, также дает ощущение фантастической, головокружительной свободы и легкости. Вот описание скейтбордистов из повести У. Ле Гуин «Морская дорога»: «Из мощных зарослей рододендрона, покрытого пурпурными цветами, вдруг вылетел ребенок. Вылетел в буквальном смысле этого слова. Потом он исчез, но вскоре появился снова и полетел в прежнем направлении. Это было такое замечательное зрелище – летящий в солнечном свете ребенок, – что Уоррен в своем усталом оцепенении решил воспринять это просто как данность. Второй ребенок ... тоже перелетел через заросли рододендрона и резкими нырками, точно ласточка, двинулся по воздуху в том же направлении. Уоррен легонько вздохнул и встал. ... Третий ребенок проплыл мимо него, когда он шел через заросшую травой лужайку, чтобы заглянуть за зеленую стену рододендронов. ...Летающие дети были прекрасны и молчаливы».

П. Брюкнер считает моду на «скользящие виды спорта» не случайной, но выражающей присущий современной культуре общий «принцип *fun*»: «своеобразный критерий отбора, помогающий извлечь из потока повседневности квинтэссенцию удовольствия, не чрезмерного и не слишком слабенького, такого, которое не чревато никакими последствиями и доставляет нам только приятные ощущения. ... Средство, при помощи которого я могу наслаждаться приятной стороной жизни,

⁵⁰ Брюкнер П. Вечная эйфория: Эссе о принудительном счастье. – СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. – С. 100-101.

не позволяя ей карать или уязвлять меня. ...Все шероховатости жизни сглаживаются, нет ни глубин, ни вершин – сплошная ровная поверхность, а на ней фигурки и картинки. Раз ничто не имеет значения, можно все попробовать. Таков мир сквозь призму *fun*, иллюзия облегченной реальности, в которой все наслаждения доступны и все беды смягчены. Жизнь в таком мире – игра, да еще и бесплатная»⁵¹. Особо выделим следующую мысль автора: принцип *fun* – феномен, современный виртуальности и обязанный своим появлением тяге к нереальному миру, желанию сдвинуть границы пространства и времени.

Однако, по-видимому, можно говорить не столько о порождении эпохой виртуальности «принципа *fun*», сколько о том, что описываемое под его именем стремление получает в наше время и особое обозначение, и новые средства реализации, среди которых самым мощным являются интернет-технологии. Особо следует подчеркнуть, что культурологическое исследование Л. И. Таруашвили демонстрирует поистине универсальный характер стремления к переживанию легкости, вне зависимости от принадлежности носителей КМ к определенному этносу или конкретной исторической эпохе.

Представление о том, что массовое рекрутирование в пользователи Интернета отражает глубинную предрасположенность, имеет, по крайней мере, то преимущество, что позволяет рассматривать наблюдаемый процесс широчайшей интернетизации как внутренне детерминированный, то есть осуществлять по отношению к данному явлению научный подход. В моделях социальной реальности объяснение феномена факторами, которые не входят в предварительно очерченный предмет рассмотрения, определяется как апелляция к «теории заговора». При этом подразумевается, что изучаемое явление вызывается к жизни воздействием неких субъектов, преследующих свои цели.

По отношению к Интернету в предельно негативном варианте злонамеренные манипуляторы становятся хозяевами

⁵¹ Там же.

464 Матрицы, полностью лишаящей людей не только свободы, но и собственно человеческой жизни. Возможна и более оптимистичная картина, в которой Сети приписывается цивилизаторская функция и Интернет рассматривается как средство управляемой интеллектуальной и социальной эволюции объединенного человечества, проводимой, разумеется, в его интересах.

Например, десять лет назад Дж. Катц воочию наблюдал признаки «умирания существующей политической системы» и «возникновения постполитического Виртуального государства», создающего новый социальный класс. Его гражданами тогда, в 1997 г., были люди молодые, более образованные и богатые, чем средний гражданин, среди них было больше мужчин и представителей белой расы, чем в целом в популяции. Они жили повсюду, но их было больше в технологически развитых районах. Они работали в университетах, компьютерных компаниях и телекомах, в СМИ, банках и финансовых корпорациях. У них не было недостатка в свободном времени. Они получили образование в элитных заведениях и продолжали учиться постоянно; им были доступны почти все мировые информационные ресурсы. Поэтому их ценности, в отличие от ригидной политической идеологии, постоянно эволюционировали. Однако некоторые из их наиболее общих ценностей были неизменными: свобода, материализм, толерантность, рационализм, технологичность, отказ от традиционных противопоставлений левые/правые, республиканцы/демократы, либералы/консерваторы. Эти люди отвергали требования политкорректности, отрицали догмы, считая, что проблемы надо решать адекватно реальности, предпочитали дискутировать, а не принимать программы. Отказываясь от устаревших догматических систем, постполитическая идеология вычленила из них то, что представлялось действительно ценным: гуманизм из либерализма, экономические возможности из консерватизма, объединяя их с отчетливым осознанием личной ответственности и страстным стремлением к свободе.

Новая культура, предсказывал Дж. Катц, будет основана на этике индивидуальности, а не лидерства: системы, в которых информация распространяется нерегулируемо, не поддерживают производство лидеров.

Граждане страны Интернет смогут, если захотят, создать более цивилизованное общество, новую политику, основанную на рационализме, свободе информации и стремлении к истине, новые формы общности. Если они решат сформировать политическое движение, то в какой-то момент они сумеет перевернуть мир⁵².

Не обсуждая вопрос о том, насколько точными оказались предсказания, отметим, что такой взгляд, основанный на утилитарном использовании Сети, не учитывает важного свойства – субъективной желательности, удобства, приятности использования нового средства. Формирование нового, надполитического образования могло бы стать целью определенной группы людей, но вовлечение в Сеть миллионов людей такой, мягко выражаясь, небытовой целью объяснить нельзя.

Как указывает Л. И. Таруашвили, ряд осмысленных действий – телесных или ментальных – тогда только становится для людей какой-либо исторической эпохи системой легко усвояемых и передаваемых навыков – системой, понастоящему глубоко укорененной в их общей жизни, – когда эти действия для них эстетически приемлемы, а следовательно, когда людьми движет не только сознание необходимости этих действий, но и стремление испытать не зависящую от результата радость их совершения. Речь идет о том, что система используемых в деятельности человека средств должна гармонизировать с общей системой вкусовых предпочтений, некоей определенной латентной эстетикой, которая, в свою очередь, неизбежно будет тяготеть к проявлению во внешних, чувственно воспринимаемых формах, включая и визуально-пространственные⁵³.

⁵² Katz, J. Birth of a Digital Nation. URL: <http://www.wired.com/wired/archive/>

⁵³ Таруашвили Л. И. Указ. соч. – С. 321.

466 Специалисты в сфере массовой информации знают, что «внести нечто совершенно новое в массовое сознание – дело практически безнадежное... Никакая пропаганда не может быть действенной, если она не опирается на определенные ожидания и запросы массового сознания, если она не адекватна уже имеющимся представлениям, легендам, стереотипам понимания происходящего»⁵⁴. При наличии соответствующих базовых установок имеет смысл применять специальные средства для направления активности в желаемое русло, однако «очень мало подтверждений возможностей этих средств в плане изменения установок»⁵⁵.

Гротескная иллюстрация тщеты усилий по насильственному развитию человека содержится в рассказе С. Лема о двадцать восьмом путешествии Йона Тихого. Предок знаменитого астронавта Игорь Себастьян Тихий пришел к выводу о том, что *«источник всякого зла – животные атавизмы, пагубные для индивидов и общества. ... Человек... должен воцариться духом там, где до сих пор безраздельно владычествовало тело»*. Стремясь помочь человечеству, Игорь Себастьян изобрел препарат «омерзин», микроскопическая доза которого делала акт зачатия до крайности неприятным – «в отличие от установившейся практики». Благодаря действию этого средства у человека открываются глаза, ранее замутненные похотью; «не ослепляемый поминутно животным влечением, он постигает истинную иерархию вещей. У него появляется масса свободного времени, да и сам он, сбросив оковы сексуального принуждения и отрешившись от уз половой неволи, которыми опутала его эволюция, наконец-то обретает свободу». Для того чтобы освободить человека от похоти, Игорь Себастьян

⁵⁴ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. – М.: ОГИ, 2005. – С. 7–79.

⁵⁵ Лазарфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований: Хрестоматия. 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 138–149.

зарядил омерзином все колодцы своего городка, но – увы! – вместо ожидаемого одухотворения результатом эксперимента стал «возмутительный самосуд», который совершила над ним разъяренная толпа, избив своего благодетеля до смерти.

Итак, проникая практически во все сферы жизни и опосредуя многочисленные виды деятельности, Интернет на настоящий момент наиболее полно, по сравнению с другими средствами, поддерживает ценностную доминанту легкости бытия, которая не является порождением ни самой глобальной Сети, ни нашей, ни какой-либо другой эпохи, но отражает на деятельностном уровне один из базовых концептов картины мира.

Степень выраженности в поведении человека стремления к легкости может быть различной. Не все «зависают» в Интернете, как не все катаются на скейтбордах. Однако ценностная доминанта «легкости» в противоположность не только «тяжести», но и «устойчивости», благодаря развитию Интернета получает возможность достаточно полной реализации – возможность, которая обеспечивается соблюдением принципа асимметричного распределения «легкости = свободы = подвижности» vs «надежности = ответственности = устойчивости». И то и другое оказывается «хорошим», если первое относится к я, а второе – к Миру, виртуальным аналогом которого становится Интернет.

Е. Т. Соколова

Современный нарциссизм как медийный и клинический социокультурный феномен

...обращенные на самих себя,
на самих себя обреченные...

Лоренс Даррел, «Жюстин».

Обращение к проблеме нарциссизма в современной психологической и психотерапевтической практике стимулировано становлением «культуры нарциссизма», имеющей не только клиническую, но и социокультурную обусловленность. Превратности жизни, наполненной нестабильностью, неопределенностью, природными и техногенными катаклизмами, способны в массовых масштабах породить в людях беспомощность и, как реакция, усиливают нарциссическую озабоченность поддержанием собственной самооценки и самоидентичности. Иными словами, нарциссизм наших дней («неонарциссизм») рассматривается не столько как расстройство характера, сколько как ответ на непереносимую социальную непредсказуемость и консуматорные культурные ценности.

Подобно тому, как утрачивает целостность, фрагментируется современное общество потребления, так и нарциссическое я современного человека подвергается процессу фрагментации, вследствие избыточной поглощенности эгоцентрическими интересами, эмоциональной сосредоточенности на самом себе и изобилия предлагаемых социальными институтами способов «самоублажения». Неонарциссизм – явление, безусловно, интернациональное, однако нельзя отрицать культурной специфики и национальных менталитетов. Про русских говорят, например, что они с легкостью ставят перед

собой завышенные цели и столь же быстро демотивируются, когда они *хоть как-то не сбываются*¹.

Для нас не существует «полуполных стаканов», мы максималисты и перфекционисты. Современный отечественный нарцисс демонстрирует постоянную душевную борьбу между конформизмом своего внутреннего «буржуа» и негативизмом внутреннего «анархиста»: часть его душевных устремлений связана с неистовым желанием быть примерным (идеальным) социальным человеком, и он с готовностью впитывает в себя предлагаемые масс- и поп-культурой клише; но другая ипостась неонарцисса, напротив, направлена на разрушение всех и всяческих устоев, саботаж, трансгрессию и поиск любых способов проявления «инакости» и крайнего индивидуализма. В этих своих душевных метаниях он, безусловно, маргинал, чужак, и в этом своем качестве представляет удобную мишень для критики и общественного остракизма со стороны сторонников традиционистов-славянофилов, со страхом и осуждением взирающих на это «дьявольское» воплощение рыночного общества и результат «тлетворного влияния Запада».

Нарциссическая заинтересованность повышением самооценки и «самоусовершенствованием» вынуждает непрерывно развивать активность по реструктурированию собственного я. Личность превращается в «биографический конструктор»², бесконечно трансформирующийся и произвольно собирающийся под влиянием многообразных социальных ролей, постоянно меняющихся рекомендаций специалистов, ученых и экспертов, журналистов и популяризаторов, целителей и провидцев. Внимая этим рекомендациям, нарциссическая личность чувствует себя обязанной находиться на передовых рубежах науки и техники, проверяя на себе новые и новые современные и модные методы самоусовершенствования, пропагандируемые рекламой и средствами массовой инфор-

¹ Коровкин В. О наших полупустых головах // Новая газета. Свободное пространство. – 2008. – № 38. – 03-09 окт.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

470 мации. «Худея с “Рублевской таблеткой”, мы выглядим моложе», «Великолепный секс – регулярно, успех у женщин – всегда!» – примеры некоторых из культурных императивов, широко эксплуатируемых «глянцевыми» средствами масс-медиа. Внушающее воздействие подобных стереотипов, их активное внедрение в упрощенные когнитивные структуры сознания и мировосприятие индивида создает и поддерживает нереалистические стремления к «трансгрессии» – иллюзорному переживанию всемогущества, преодолевающего любые границы – пола (его можно оперативно изменить), времени и возраста (стволовые клетки омолодят!), телесных явных и мнимых недостатков (возможности эстетической хирургии и трансплантологии безграничны!). Подобные эмоциональные состояния, граничащие с паранойяльной манией и размытостью границ я, чреватые, кроме всего прочего, прямым суицидом; но даже и в более «мягких» своих проявлениях несут в себе отпечаток глубокого недовольства собой и разрушительный потенциал.

На службу нарциссическим целям поставлены и средства массовой информации, фетишизирующие идеальное, вечно молодое, сексапильное, стройное и подтянутое тело. Само физическое, телесное благополучие становится синонимом успешности, жизненной состоятельности, счастья и удовлетворенности собой. Культ совершенства превращается в массовую, лихорадочную погоню за идеалом, в новую манию, зависимость, которую можно назвать нарциссическим перфекционизмом. Погоней за престижными атрибутами влиятельности и власти достигается идентификация с omnipotentной «частью» собственного я, но одновременно порождаются и противоположные состояния – мучительное недовольство собой из-за ревнивого и завистливого соперничества с объектом идеализации, потеря уверенности в своих силах, сомнение в оправданности собственного существования. Страсть к совершенству (недостижимому в реальности) в моделировании собственного тела, устройства жилища, организации бизнеса или собственной семьи в качестве оборотной стороны, таким образом, имеет жестокие разочарования, так называемую

«нарциссическую рану», вследствие несостоятельности фантазий о собственном превосходстве.

Человек, увлеченный массовой погоней за совершенством, стремится не отставать от тенденций времени, всегда оставаться в мейн-стриме моды, и у многих это стремление кристаллизуется в определенный стиль жизни, суть которого можно передать заголовком одной газетной статьи: «*Красота требует жертв. Страшных*». Чтобы уподобиться звездам кинематографа, подиума и спортивной арены, люди готовы лечь под нож пластического хирурга, полностью изменить размеры и форму собственного тела. Они до изнеможения занимаются бодибилдингом и фитнесом, падают в обмороки от непреходящего чувства голода, вызывают рвоту, чтобы избавиться от «лишней» пищи в желудке, становясь хроническими аноректиками; в угоду моде способны пожертвовать гендерной ориентацией или даже готовы изменить пол. Эти феномены сигнализируют о кризисе переживания человеком собственной идентичности. Современный постмодернистский человек постепенно теряет внутреннюю определенность устоев, становится «хамелеонообразным» по своей сути; он исповедует моральный релятивизм, готов к смене телесных оболочек, равно как мировоззрений; его чувство я диффузно, расплывчато и неопределенно, а экспансивная «безграничность» самоидентичности диктуется довлеющим желанием везде поспеть, поучаствовать, засветиться, потусоваться.

Людей, личность которых устроена таким образом, что главным смыслом их жизни является поддержание самоуважения, психоаналитики называют нарциссическими³. Термины «нарциссическая личность» и «нарциссический перфекционизм» применяются именно к такой диспропорциональной степени озабоченности собой (своего рода психологической

³ См., например: Кохут Х. Восстановление самости. – М.: Когито-Центр, 2002; Фрейд З. О нарциссизме // Я и Оно. Труды разных лет: В 2 т. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Т. 1. – С. 107–133; Green, A. Life Narcissism Death Narcissism // Free Association Books London. – New York, 2001.

472 зависимости), а не к обычной чувствительности к одобрению или критике социального окружения и завышенности притязаний. Сущность нарциссического самоутверждения состоит также в непрестанной шлифовке манипуляций, заставляющих других людей обращать внимание на «блестящий фасад» и не замечать ужасающей внутренней пустоты, нищеты и порочности я. Создавать у других (и у самих себя) впечатление совершенства и превосходства («грандиозности») при глубинном страхе дезавуирования окружающими «голового короля», беспомощного, «импотентного» я – вот основа мотивации неонарцисса и секрет его поглощенности всем «внешним»: телесным обликом, жилищем, блестящим окружением знаменитостей и бой-/герл-френдов, щедро запечатленных в картинках модных журналов или телешоу. Чем сильнее предвосхищение стыда за потенциальный «позор» разоблачения, тем изощреннее уловки и манипуляции, тем более «блестящим» должен выглядеть фасад и имидж репрезентируемого вовне социального я. Контролируя то, как мы выглядим в глазах других, – замечает один из исследователей этого феномена, – мы стараемся контролировать то, как мы выглядим в собственных глазах, и то, что чувствуем по этому поводу⁴.

Требования совершенства, действуя как жесткий внутренний императив (рудимент инфантильной зависимости от ригористических родительских ожиданий), при принципиальной недостижимости идеала, вырастают в постоянную обесценивающую критику себя самого или «других» и в конце концов приводят к неспособности получать какое бы то ни было удовольствие от жизни, одновременно принимая естественную ограниченность человеческого существования. Перфекционистская защита нарциссической идентичности, по сути, является фантомом: недостижимые идеалы создаются, чтобы компенсировать дефекты я, однако никакой успех все равно не может принести желанную уверенность в себе; следовательно, жизненные усилия (как и сама жизнь) лишены

⁴ Килбурн Б. Исчезающие люди. Стыд и внешний облик. – М.: Когито-Центр, 2007. – С. 26.

смысла, зато собственные разочарования кажутся абсолютно уникальными и исключительными. Беда таких людей в том, что, претендуя на исключительность во всем, даже в тяжести собственных страданий, они действительно «исключают» себя из человеческой общности; по сути, это люди-изгои.

Постоянно истязаяющие себя, «мазохисты», они невыносимы для окружающих. В обыденной жизни про таких людей говорят, что им недостает мужества стойко переносить не только исключительные, но даже обычные жизненные невзгоды. Они производят впечатление слишком хрупких и не приспособленных для жизни, и в этом смысле окружающие чувствуют себя неловко, рискуя стать для них невольной угрозой разрушения, «слоном в посудной лавке». Но это только одна ипостась присущей нарциссам двойственности. В них причудливо переплетаются противоречивые черты характера: чрезмерная зависимость от внимания и похвалы окружающих, от которых они «расцветают», и подчеркнутые отстраненность, высокомерие, холодность. Они малопредсказуемы и подвластны перепадам настроения; им трудно совладать со своими эмоциями, особенно гневными и довольно бурными, чаще всего истинные чувства и страсти им приходится маскировать или скрывать; они чрезвычайно самолюбивы и ранимы, но подчас бестактны и даже жестоки; их восхищение и идеализация могут при малейшем разочаровании смениться пренебрежением и обесцениванием. Отчаянно нуждаясь во внимании и поддержке, испытывая «эмоциональный голод» в поглаживании их самолюбия, они тем не менее редко способны преодолеть собственную гордыню, попросить о помощи и еще реже – принять ее, испытывая искреннюю благодарность: узы привязанности их страшат.

Демонстрирующие подчас необычайную щедрость и великодушие, они, отдавая себе сознательного в том отчета, подвержены приступам жгучей зависти и ненасытной жадности; полученного же всегда оказывается недостаточно, да и оно чаще всего легко утекает меж пальцев. В совместном деле на них трудно полагаться: они могут искренне мечтать быть

474 полезными, порой строят грандиозные планы и верят в свою способность к великим свершениям (меньшее их не прельщает), но малейшая неудача способна обескуражить настолько, что они чувствуют себя абсолютно недееспособными; им не хватает силы воли для того, чтобы длительно и постепенно идти к намеченным целям, для них более характерна мгновенная и кратковременная мобилизация сил с последующим истощением и апатией.

Они предпочитают жить рискуя, балансируя по острию бритвы, не чувствуя края, игнорируя опасности, преодолевая болезни, пренебрегая ограничениями – так, как будто они «выше этого»; обычные правила общежития и этические нормы кажутся им невыносимыми и бессмысленными. Их часто одолевают скука и ощущение пустоты собственной жизни, в которой они не видят ни радости, ни ценности, альтруизм же им чужд. При всей своей сензитивности они подчас нуждаются в сверхсильных и даже болевых раздражителях (в рабскую зависимость от которых быстро впадают), чтобы пробудить в себе хоть какие-то ощущения и возродить хоть на миг вкус к жизни. Безмерно страдающие и одновременно бесчувственные, они заставляют страдать других; они и жертвы и палачи попеременно. В общем, в них все – крайности и противоречия, сложности и запутанность. Им присуще неизъяснимое очарование совершенства и порочности, они окружены ореолом тайны, у окружающих они вызывают все что угодно, но только не равнодушие. Они раздражают, шокируют, внушают восхищение и ужас, притягивают и отталкивают одновременно; близкие же их не столько искренне любят и ценят, сколько вынужденно терпят или жалеют; в социальной жизни они занимают крайние позиции: либо изгоев, либо звезд – тиранов с манией величия и непогрешимости.

Распространенность в современном обществе различных вариантов «распада самости» и деструктивности заставляет относиться к феноменам нарциссизма и сопутствующего ему перфекционизма как к «пограничным» между нормой и клинической психопатологией, как к своего рода «социокультур-

ной патологии». Формы нарциссической разрушительности многообразны, она, наподобие раковой опухоли, пронизывает все сферы жизнедеятельности и проявляется в негативистически враждебном отношении к себе и другим, соответствующих формах социальной практики, таких как погружение в безудержные злоупотребления («пороки») – пищей, алкоголем, наркотиками, работой, информационными технологиями, сексом, системами духовного и телесного самосовершенствования, личной гигиеной и косметикой, фитнесом, пластической хирургией, – список объектов злоупотребления бесконечен. Парадоксальность и абсурдность подобного образа жизни состоит в несовпадении двух острых желаний – достижения ощущения полноты и совершенства жизни, ее гармонии, близкой к идеалу, и одновременно мгновенного избавления от индивидуально непереносимых трудностей, естественно присущих жизни как таковой, путем нанесения ущерба себе, своему душевному и/или телесному я или бунтарского освобождения от них – в суицидальной попытке.

Возможно, существуют люди, чья душевная организация столь хрупка, что не выносит обычных, присущих жизни несовершенств, противоречий, неопределенностей и разочарований, люди, предпочитающие реальности вымышленный идеальный мир, люди столь категорично бескомпромиссные, что саморазрушение становится единственным выходом из неразрешимой экзистенциальной дилеммы. Может быть, неслучайно христианство относит гордыню и самоубийство к семи смертным грехам наряду с унынием, алчностью, завистью, чревоугодием, высокомерием, тщеславием на том хотя бы основании, что порок предполагает выход за пределы всех мыслимых и немыслимых установленных (Богом или культурой) человеческих границ и пределов? Приходится признать, что существует загадка нарцисса, и более всего к ее пониманию, на наш взгляд, приблизился психоанализ с его интересом к драматической борьбе инстинктов жизни и смерти, инфантильности и зрелости, привязанности и свободы в человеческих отношениях. Собственно изучение типичного и

476 особенного, нормального и патологического в современном человеке, ощущающего себя трагически лишенным доверия и любви, одновременно отчаянно защищающегося от сознания собственной пустоты и ущербности и ради этого цепляющегося за любые суррогаты, составляет контекст для понимания психологии нарциссизма. Жажущий немыслимого блаженства и постоянно терзающий и убивающий себя, он является «героем нашего времени» весь XX век, его портрет рисуют философия и искусство, а клинические психологи называют пограничным и/или нарциссическим пациентом. «Подобно тому, – замечает Х. Кохут, – как недостаточно стимулированный ребенок, не получивший достаточных эмпатических ответов, дочь, лишенная идеализируемой матери, сын, лишенный идеализируемого отца, стали отныне олицетворением центральной проблемы человека в нашем западном мире, так и разрушенная, декомпенсированная, фрагментированная, ослабленная самость такого ребенка, а затем хрупкая, уязвимая, опустошенная самость взрослого человека и есть то, что изображают великие художники нашего времени – звуком и словом, на холсте и в камне – и что они пытаются исцелить. Композитор беспорядочного звука, поэт расчлененного языка, живописец и скульптор фрагментированного зримого и осязаемого мира – все они изображают распад самости и, по-новому собирая и komponуя фрагменты, пытаются создать структуры, обладающие цельностью, совершенством, новым значением»⁵.

Люди подобного типа склонны к катастрофическому мировосприятию даже обычных повседневных неурядиц; они «теряются» или испытывают всеохватывающий гнев. Встреча с трудностями жизни активизирует инфантильно-архаические защиты, обнажая погранично-нарциссически неустойчивую личность с нестабильной и расплывчатой («диффузной») самоидентичностью, с тщательно скрываемым чувством неполноценности и оскорбленного самолюбия. Чтобы справиться с

⁵ Кохут Х. Восстановление самости. – М.: Когито-Центр, 2002. – С. 268.

разочарованиями, которые воспринимают как сокрушительный удар по их самооценке, они используют инфантильные защиты: регрессию к младенческой иллюзии о состоянии гармонии и покоя (смерти – в том числе), расщепление, отрицание и гиперидеализацию себя или реальности. Погружение в ипохондрию, фантазии о вечной молодости, презрение к смерти и мечта о триумфе над беспомощностью и одиночеством в суициде также представляют собой типичные примеры патологически нарциссических защитных реакций на жизненные фрустрации и потери.

Неспособность смириться и принять известные ограничения реальности и несовершенства себя и других, особая приверженность к переживанию обиды, стыда и оскорбленного самолюбия толкает к неустанным попыткам «сокрытия» нарциссической слабости в избегании реальности путем наркотической эйфории или иных измененных аддикциями состояний сознания, к попыткам испытать магический триумф над постыдным чувством неполноценности.

Феномены телесного нарциссизма

Забота о своем телесном я занимает особое и чрезвычайно важное место во внутреннем мире нарцисса: ценность красоты, внешнего облика, физиологических отправления и соматического здоровья гипертрофирована, а оценка их наличного состояния никогда не удовлетворяет.

Стоит вспомнить, что одной из важнейших функций культуры всегда являлось осуществление надзора за всеми проявлениями телесности, их социальная оценка, разработка способов регламентации и социального контроля. Понятно, что оценка общественной значимости человека, его «веса» и меры влияния, «высоты» или ранга тесно слиты с буквальным и метафорическим значениями восприятия размеров тела и его места в пространстве, включая как физическое, так и символическое пространство отношений. Функции власти во многом состоят в манипулятивном использовании архетипических образов, бессознательно ассоциированных с боже-

478 ственными или родительскими фигурами, например, путем указания человеку на ограниченность занимаемого им места («всяк сверчок знай свой шесток»), иерархию и очередность отношений («поперед батьки в пекло не лезь»). Кроме того, восприятие своего внешнего облика подвергается субъективным искажениям в гораздо большей степени, чем восприятие находящихся вне человека объектов реальности. Даже несмотря на изображения, предоставляемые фотографиями, зеркалами, съемками на видео и проч., образ физического или телесного я остается нечетким, легко искажается под влиянием обратной связи от значимых других, сравнения себя с эталонными образцами, успеха-неудачи, а также под влиянием соматического состояния и настроения. Образ телесного я людей, находящихся под влиянием сильной зависимости от требований и мнений своего социального окружения, особенно подвержен патологическим флуктуациям. В этом смысле можно утверждать о наличии синдрома «размытости границ я», предполагающего высокую стрессодоступность в целом и виктимность, в частности обнаруженную нами у венерически инфицированных проституток, у лиц, переживших физическое и сексуальное насилие, а также у пациентов с погранично-нарциссической личностной организацией. Границы образа телесного я в силу их высокой «проницаемости» не справляются со своими «материнскими» функциями защитного «барьера», «буфера» против внешнего насилия и невыносимых внутренних перенапряжений. Внутреннее пространство телесного я претерпевает метаморфозы: оно то «размывается» до безграничности (нарциссическая экспансия), то «сплющивается», теряет «объемность», полнокровную чувственность, девитализируется.

Ищущие «совершенства» во всем, нарциссические личности демонстрируют черты безудержного перфекционизма и в сфере телесности: ипохондрики, они неустанно пекутся о здоровье, лечатся новомодными (дорогими или экзотическими, но можно и народными) лекарствами и чудодейственными аппаратами, неустанно «улучшают» себя, изнурая разно-

образными диетами и физическими нагрузками. Они становятся завсегдатаями и ярыми поклонниками фитнес-клубов, косметологических салонов, получая искусственное и мнимое удовлетворение от разнообразных манипуляций с собственным телом, которое их, впрочем, никогда полностью не устраивает. Они готовы на любые пластические операции (и повторяют их, приобретая еще один вид зависимости), лишь бы обрести все более совершенные внешние данные. И нередко эта страсть превращается в неуправляемую манию, сверхзависимость самоотношения от телесного состояния и манипуляций с ним. Отсюда наблюдаемая и в обыденной жизни психопатология – неумная страсть к злоупотреблению всем, что может способствовать созданию и сохранению чувства собственного совершенства: от дорогого парфюма до экзотических диет, от фитнеса до хронических пластических операций. Доведем этот пример до парадокса, сформулированного когда-то Станиславом Лемом в одной из своих новелл: можно ли считать астронавта, которому после многочисленных космических катастроф хирурги последовательно заменяют разные (в итоге почти все) части тела и внутренние органы, самой себе тождественной личностью? Однако подобное поклонение своему телесному я и обожествление его – только одна из «частей» нарциссической самоидентичности, потому что противоположную ее «часть» составляет аффективный комплекс хронического недовольства собой, глубокого стыда и даже ненависти к себе, что мы видим у определенной части пациентов эстетической хирургии, у хронических суицидентов и людей с фиксацией на проблеме питания – нервной анорексии-булимии.

Люди с так называемыми пищевыми зависимостями испытывают навязчивое стремление худеть, чтобы соответствовать идеальным размерам, при этом эталонный образ тела превращается в деструктивного тирана с неумолимыми требованиями к себе, беспощадными самообвинениями, презрением к себе, самоистязанием и самоуничтожением. Подобные деструктивные эмоции влекут за собой грубые искажения са-

480 мовосприятия: многие клинические наблюдения показывают, что девушкам с синдромами анорексии-булимии присуща грубая деформация образа своего телесного я. Они практически не осознают, насколько истощены длительным голоданием, худы до безобразности, физиологически и внешне лишены женственности; даже в состоянии смертельно опасной кахексии они продолжают видеть себя «толстыми». Одна из пациенток известного американского психиатра Хильды Брух не могла увидеть разницу между двумя фотографиями самой себя, несмотря на то что на одной из них она весила на 30 кг больше. Другая говорила, что может увидеть, насколько истощенным стало ее тело, когда смотрит в зеркало, но стоит ей отойти от него, как ей снова начинает казаться, что она толстая. По мнению специалистов, зависимость от еды («оральная аддикция») представляет собой лишь частный случай потребительских пристрастий, каталогизировать которые не представляется возможным и разумным, поскольку их объекты производны от материальной культуры и человеческой индивидуальной истории, но психологический механизм аддикций остается единым. Отсутствие во внутреннем мире репрезентаций надежного, постоянно поддерживающего материнского объекта заставляет навязчиво искать его вовне и находить суррогатное замещение утешения в искусственных объектах симбиотической привязанности-зависимости.

Отношение нарциссов к самому себе и другим людям можно было бы описать «комплексом мальчика Кая» из известной сказки Андерсена, которого попавшая в глаза льдинка лишила любви и сострадания. Это явление бесчувственности, эмоциональной холодности, которое охватывает все сферы душевной жизни, проявляясь в блеклости ощущений и душевной обедненности, своеобразной эмоциональной тупости. Как говорит одна пациентка: «Я понимаю, что я *должна* чувствовать, но я на самом деле этого не чувствую», – рациональное и эмоциональное в их душе расщеплено. Подобно героине фильма режиссера Михаэля Ханеке «Пианистка», такие люди как будто не чувствительны к боли, скорее испытыва-

ют тягу к нанесению себе телесных увечий, но и это не возрождает их способности чувствовать, они остаются все так же странно чуждыми, «посторонними» наблюдателями «как будто» своих телесных отправлений. Они отождествляют себя с тем или иным органом или частью тела, но не в силах создать целостное, а не фрагментарное представление о себе.

Им не знакомы подлинно интимные отношения, в любви и сексе они прежде всего ищут подтверждение своей неординарности, превосходства над партнером, но не доверия и единения – глубокую привязанность они путают с удушающей зависимостью и бегут от нее. Богатство, безудержность и экзотичность их эротических фантазий (часто пронизанных садомазохизмом и другими разнообразными перверсиями) причудливо соседствует с эмоционально выхолощенными реальными отношениями, техничностью, но механистичностью секса. Они одиноки и здесь, в сущности, им не нужен партнер в сексе или же он легко заменяем. С этим, по-видимому, связаны для них притягательность ампула Казановы, а также сексуальная всеядность и неразборчивость (промискуитетность), где мастурбация, фетишизм и гомосексуальность фактически одинаково уравниены в своей отчужденности и от я, и от объекта чувств, пронизаны холодностью и мертвенностью.

Нарциссическая алекситимия

Свои переживания они с большим трудом облачают в слова, значительная часть их душевной жизни протекает на довербальном уровне бессознательного, в смутных, но мощных по аффективному заряду ощущениях и влечениях, а душевное неблагополучие обнаруживает себя исключительно на языке телесных психосоматических симптомов, под маской на первый взгляд чисто соматического заболевания. В качестве иллюстрации сошлемся на описанный нами случай пациентки М., в течение восьми лет страдавшей хроническим невынашиванием беременности. В процессе длительной психотерапии нам удалось достичь осознания, что мучившие ее неукротимые рвота и тошнота из частного психосоматического симп-

482 тома (токсикоза беременности) давно переросли в стереотипную и генерализованную реакцию на «насилие и мерзости жизни»: «изгаженные» отношения с людьми преследовали ее с раннего детства, и все время «немоты» своего я она была «беременна ненавистью»⁶.

Как мы указывали выше, телесность сама по себе является «фокусом» избирательного, глубоко пристрастного и повышенного самоинтереса неонарцисса, ядром его самоотношения, что намного превосходит и интерес к другим аспектам я, и интерес к другим людям. Можно утверждать, что на восприятие телесности проецируется специфичность нарциссической самоидентичности, с присущими ей расщепленностью, фрагментарностью, доминированием репрезентаций телесного я в ущерб всем остальным аспектам я. Внутренняя противоречивость репрезентаций телесности (возникающая вследствие расщепления) обуславливает полярность эмоционального отношения к своей телесной жизни, простирающейся от горделивого эксгибиционизма и перфекционизма до своего рода телесного мазохизма, экстремизма и терроризма. Речь здесь идет о преувеличениях, почти карикатурных излишествах, с помощью которых нарциссическая личность пытается достичь и сохранить атрибуты телесного совершенства, а переживая неминуемый крах, садистически карает себя. Показательно, что это касается видимых «другим» аспектов внешности, «фасада я», а не его сущности (образ Дориана Грея здесь вспоминается неслучайно и с многочисленными ассоциациями). Гламурность фасада как будто призвана замаскировать внутренне ощущаемый распад, тлен и порочность.

В историко-культурной перспективе чувства, испытываемые в адрес своего телесного я, как и когнитивные представления об образе тела и границах телесности, являются кон-

⁶ Соколова Е. Т. Изучение личностных особенностей и самосознания при пограничных личностных расстройствах // Соколова Е. Т., Николаева В. В. Особенности личности при пограничных расстройствах личности и соматических заболеваниях. – М.: Аргус, 1995. – С. 27-206.

денсатом интериоризованных отношений с родительскими объектами любви-ненависти; они интересубъективны, диалогичны по своему происхождению и внутренней структуре. Рассматриваемая с точки зрения своей коммуникативной функции репрезентация телесности, таким образом, предполагает в качестве своего адресата обращенность во внутреннем диалоге к фигуре значимого другого, образ которого в значительной степени несет в себе отпечаток так называемых первичных объектов – материнской и отцовской фигур. Франц Кафка, вспоминая о детстве, с горечью и стыдом пишет о сохранившемся навсегда ощущении своей ничтожности в сравнении с отцовской фигурой, мощной и безупречной в своей непосредственной телесности, подавляющей уже самой своей плотью, буквально заставляющей терять дар речи, отдающей сына и делающей сближение недоступным и недостижимым. Крупнейший писатель XX века, Кафка и в зрелые годы продолжал страдать от мысли о своей физической непривлекательности, стеснялся и избегал интимных отношений, оставаясь до конца своей жизни в эмоциональной изоляции и «немоте». Подобная травматически поврежденная способность символизации чувственно-телесных и аффективных состояний сохраняется в зрелом возрасте в качестве устойчивой predisпозиции в общении, ограничивает спектр доступных средств саморегуляции конверсионными и ипохондрическими психопатологическими механизмами.

**Современные культурные технологии
воплощения нарциссического перфекционизма.
Тело как объект нарциссических манипуляций
и перевоплощений**

Развитие высокотехнологичного производства, появление новых средств масс- и мультимедиа, рост доходов определенных слоев населения, доминирование урбанистической среды обитания, успехи пластической хирургии и генной инженерии, возникновение и распространение новых форм религиозности – все это коренным образом изменяет человеческую

484 жизнь в целом. Культурные трансформации, связанные с коммерческим и потребительским отношением к человеческому телу, развитие высокотехнологичной медицины поднимают сложные философские вопросы о статусе человеческой чувственности и самоидентичности.

Современный человек все более остро переживает опыт одиночества, преходящей молодости и привлекательности, временности полноты бытия, что может порождать идею необязательности собственной социальности, архаичности и неуместности четкого самоопределения и, как следствие, – поиск альтернативных форм поведения и перевоплощений идентичности. Расширяющиеся горизонты ролевых выборов социального я далеко не обязательно используются индивидом в качестве адаптивного ресурса и, напротив, могут создавать условия возрастания субъективной неопределенности, хаоса, дестабилизирующих самоидентичность, ослабляющих чувство собственной уникальности и цельности, что увеличивает риск дробления и диффузии идентичности.

Новый культурный контекст порождает иллюзию о всеисилии и вседозволенности. Человек начинает мнить себя «импресарио» собственного имиджа, внешнего облика, стратегии своего собственного жизненного маркетинга, рекламы и PR, но далеко не всегда способен контролировать этот имидж, который начинает жить своей жизнью, превращаясь в тирана я. Выставляемый напоказ публичный образ не отражает суть личности, ее идентичность, а является искусственным созданием, имитацией подлинности, своего рода «личностью-для-других», скрывающей тайну возраста, этничности, пола, нравственности и идеологии. Между тем, известно, что анонимность снижает личную ответственность, способствует размыванию нравственных императивов, избавляет от чувства стыда и вины, но и создает риск антисоциальности. Парадокс: ориентированные вовне, на «других», неонарциссы глубоко индивидуалистичны.

По сути, новейшие технологии «самопрезентации» и «харизмейкерства» (термин В. П. Зинченко), столь высоко цени-

мые и широко востребованные в современном обществе, дополнительно провоцируют и подпитывают эту человеческую слабость, вольно или невольно способствуя процветанию культуры деперсонализации и «псевдо».

В наши дни, когда ускоренно развивается рынок социальных услуг, позволяющих произвольно моделировать внешность, а тело рассматривается как товар на продажу, и его ценность можно и нужно всемерно повышать, эстетическая хирургия может использоваться наряду с другими инновационными технологиями ради удовлетворения «подпитывающих» потребностей человеческого я. Эстетическая хирургия начинает обслуживать нарциссические потребности, создавая новые культурные орудия-средства потакания нарциссической заботе о безграничном благополучии и совершенствовании «фасадного», «публичного» образа я.

Растущая доступность и демократизация эстетической хирургии, наряду с подогреваемым СМИ паническим ужасом перед старостью, морщинами и потерей физической привлекательности, избыточным весом и угрозой потери престижного социального статуса, рекрутирует в число зависимых от нее пациентов все более широкие слои населения. В России, согласно некоторым источникам, число обращений ежегодно увеличивается на 200%. По данным французской и американской статистики, самой востребованной эстетической хирургической помощью является липосакция, тогда как в нашей стране – пластика век и подтяжка (лифтинг) кожи лица и шеи. Эстетическая хирургия, прежде находившаяся под известным моральным запретом, теперь все больше воспринимается как никого не шокирующий метод и вполне законный способ трансформирования своей внешности по образу и подобию любого идола. Путем этой примитивной идентификации-имитации удовлетворяется эмоциональный голод в чужой яркой и блестящей судьбе взамен собственной, кажущейся обычной и невыразительной. Для нарциссической личности методы эстетической хирургии становятся еще одним манипулятивным приемом сокрытия изъянов и создания обманчи-

486 вой иллюзии неподвластной времени вечной красоты и молодости, реализацией извечной мечты об эликсире молодости. И здесь не может быть и речи о стремлении к саморазвитию, напротив, речь идет о навязчивом иррациональном желании избавления от собственного (живого, аутентичного, но не безупречного) я, о магическом обретении вместо него другого я, лишенного каких бы то ни было несовершенств и слабостей, но выдуманного и нереалистичного.

Специфика эстетической хирургии заключается в том, что хирургическое вмешательство не связано с витальными показателями, а инициируется исключительно потребностью клиента в усовершенствовании своей внешности. Это обстоятельство ставит эстетическую хирургию в один ряд с новшествами в других сферах социально-технического прогресса, которые не только открывают новые возможности, недостижимые на предыдущих этапах культурно-исторического процесса, но и порождают не существовавшие ранее проблемы человека и его будущего. Складывается ситуация, провоцирующая радикальную трансформацию самосознания и этики человеческого вида в целом, например, когда тело превращается в предмет, который довольно легко переделать, а то и сменить. Тело и гендер утрачивают статус базовой идентификации и превращаются лишь в одну из возможных идентификаций я человека, зависящих от социально-культурных факторов, статуса, моды и пр. Все это способно привести к деформациям и утрате самости, делает человека не только предельно восприимчивым, но безрассудно «всеядным», создает различные формы «культурной патологии». Среди них – нарциссизм с его притязаниями на безграничность, всемогущество и бесчеловечность, его презрением к природе с ее естественными ограничениями и убежденностью во всевластии технологий, их фетишизацией. Его «расколотое я» испытывает бессознательную нужду в потреблении и идентификации с ними как олицетворении утраченных всемогущих родителей и обретении своего идеального я. Современный нарцисс рабски зависим от презируемого и обожествляемого социума и в то же время

парадоксально одержим стремлением возвыситься над ним, расширить или даже сломать его условности и границы. Он способен развить необычайную активность, однако движет им страсть к самоутверждению и самозащите; в этом смысле нарцисс асоциален и склонен скорее «потреблять» социальные институты, чем «вкладываться»; «социальный интерес» (в адлерианском понимании) ему недоступен.

В эпоху торжества потребительского менталитета и либерального индивидуализма, развития и совершенствования биотехнологий в западных странах, и особенно в Соединенных Штатах Америки, эстетическая хирургия становится неотъемлемой частью культурного контекста. Степень влияния эстетической хирургии на общественное сознание показывают следующие данные Американского общества пластической хирургии: в 2000 г. было проведено 1,3 млн операций – на 198% больше, чем в 1992 г.

По результатам проведенного вместе с Л. Т. Баранской исследования⁷, у значительной части пациентов эстетической хирургии обнаруживается специфическая нарциссическая динамика мотивации: панический страх утраты привлекательности, непереносимый стыд за дряхлость и дряблость, за несоответствие телесного облика перфекционным социально-профессиональным и культурным стандартам. Они склонны использовать хирургическую пластику в качестве архаического защитного механизма – бессознательного телесного отреагирования непереносимого чувства стыда. Как в русских сказках, они грезят о том, как пилинг, лифтинг и проч., подобно сказочному кипящему молоку, поможет сбросить «змеиную» кожу старости, «удариться об пол», и тогда обернутся они немедленно добрым молодцем или красной девицей, а тут уж и Жар-птица их поджидает в виде романтических отношений.

⁷ См. об этом подробнее: Соколова Е. Т., Баранская Л. Т. Клинико-психологические основания эффективности эстетической хирургии // Социальная и клиническая психиатрия. – 2007. – № 3. – С. 26–37.

488

Типичными потребителями услуг в этой сфере становятся женщины (а в последнее время и мужчины), занимающиеся административной, высококвалифицированной деятельностью и менеджментом, звезды шоу-бизнеса и кинематографа, разведенные и незамужние, а также люди, озабоченные здоровьем и часто обращающиеся за какой-либо медицинской помощью. Обычно это люди со сверхзависимым складом личности, внушаемые, лишенные четких внутренних ориентиров и склонные к социальному конформизму. Они автоматически и некритически интериоризируют активно пропагандируемые средствами массовой информации ценности и социокультурные стереотипы о неприемлемости в современном обществе каких бы то ни было признаков старения и несовершенства, подталкивающие людей к «спасительному» хирургическому вмешательству.

По утверждениям заинтересованных лиц и специалистов, эстетическая хирургия призвана улучшить психологическое и психосоциальное благополучие пациентов. Действительно, позитивные изменения физического облика влияют на улучшение психологического статуса, уровень самооценки и уверенности в себе. Однако независимые исследователи обращают внимание также и на побочные психологические эффекты от хирургического вмешательства, а именно: расстройства сна, тревожность, симптомы депрессивных состояний и неспецифические соматические жалобы. Риск длительных психических нарушений возрастает при следующих факторах: юный возраст, мужской пол, нереалистичные представления о процедуре, неудовлетворенность ранее проведенными хирургическими вмешательствами, минимальные физические недостатки, принятие решения об операции с целью улучшения отношений с партнером, а также наличие в анамнезе депрессии, тревожности или личностного расстройства; особой предпосылкой негативного исхода операции является дисморфофобия. Но и при наилучших исходах операций многие из пациентов, добившиеся высокого социально-профессионального статуса, общественного признания, ма-

териального благополучия, чувствуют себя разочарованными и обманутыми оттого, что реальная жизненная ситуация или интимно-личностные отношения не изменились: ведь операция, вопреки ожиданиям, не снабдила их достаточными внутренними ресурсами.

Напомним, что для нарциссической личности я, не подтвержденное значимыми другими, становится «плохим», а переживаемые разочарования воспринимаются как жесточайшая «нарциссическая рана», как полная жизненная катастрофа. Обращающиеся к помощи эстетической хирургии наивно полагают, что, преобразенные, они вместе с новым телесным обликом приобретают страховку от измен, расставаний и прочих разочарований. Поскольку разрешение внутренних конфликтов достигается ими почти исключительно путем видимых внешних изменений, поскольку нарцисс по-детски «материалистичен» – символическая проработка интрапсихических конфликтов затруднена или заблокирована. Его не может удовлетворить и утешить ничто, кроме немедленного и желанного изменения *конкретно* «невыносимых» обстоятельств. Если же не удастся «заставить» ситуацию или окружающих людей выполнять его желания, тогда в качестве наиболее приемлемого способа выхода из ситуации невыносимого жизненного кризиса и выступает импульсивное действие, например, эстетическая операция, как нарциссическая иллюзия мгновенного обретения прекрасного будущего. Мотивом является не просто достижение совершенства, а желание *избавиться* от собственного я, обремененного грузом неудач и разочарований, и обретение вместо него другого, нового и младенчески чистого я. На хирурга возлагается та же миссия, что и на всех окружающих людей, которая, как химера, не может быть достижима в принципе. Нереалистичные ожидания таких пациентов связаны как с перфекционными требованиями к себе и другим, так и с присущим им полным или частичным нарушением «тестирования реальности», неспособностью к рациональному анализу и принятию объективности, отличной от фантазий, «безграничностью» их требований

490 и инфантильное нетерпение перед напором желания. Несмотря на удачно проведенную операцию, такой человек продолжает чувствовать себя «недостаточно удовлетворенным», сфокусированность на «плохом» участке тела не исчезает, побуждая к дальнейшим поискам «лучшего» пластического хирурга и «лучшей» клиники. Нарастает депрессия, обусловленная нарциссическим центрированием на «прекрасном» будущем и невозможностью принять «ужасное» настоящее.

Одним из значимых маркеров «нарциссической личности» является склонность к манипулятивному стилю общения, стремление подчинить своему контролю других, включая врача, непринятие социальных правил и сопротивление социально регламентированному поведению. У пациентов группы «риска» сотрудничество с врачом (комплайентность) носит парадоксальный и манипулятивный характер, в нем сочетаются интенсивная идеализация и зависимость с разочарованием и обесцениванием и самого сотрудничества, и всей врачебной помощи и нередко имеет нежелательные исходы в виде судебных исков и суицидального шантажа. В отношениях с хирургами такие пациенты повторяют сложившиеся паттерны интенсивного и нестабильного эмоционального взаимодействия с окружающими, манипулирование другими в формах поведенческого отреагирования, самобичевания, вербальной агрессии и открытого выражения гнева, саботажа врачебных рекомендаций, психологического давления, обесценивания помощи и суицидального шантажа. Из-за расплывчатости и мифологичности мотивации обращения к эстетической хирургии они ориентированы на «мгновенное» телесное преобразование, за которым «безусловно» и немедленно должны последовать социально-профессиональный успех и личное благополучие. Поэтому послеоперационный период сопровождается болезненными переживаниями гнева, неудовлетворенности результатами операции, нарциссическим «крахом» и возвратом к чувству собственной малоценности, своеобразной депрессии поражения. Врач оказывается тем персонажем проекции, кто, «как и все и всегда, предает», наносит нарцис-

сическую рану, а следовательно, «наказание» его шантажом или судебным иском вполне правомерно. Манипулятивно-провокативное поведение таких пациентов изматывает врача и способствует его «эмоциональному выгоранию» с расшатыванием его профессионального самоуважения и втягиванием в параноидно-сутяжные отношения.

Нарциссический стиль отношения к себе и другим

Обратимся к пониманию специфической организации психической жизни нарциссического человека, его аффектов и когнитивных структур, системы его представлений о себе и межличностных отношениях. Репрезентация телесности, ее внутренняя структура, или паттерн, определяется специфической аффективно-когнитивного стиля, соотношением аффективных и фантазийных содержаний и их взаимодействием с более осознаваемыми, символически опосредствованными представлениями, понятийной организацией сознания. Это подтверждается многими эмпирическими данными. Согласно нашим исследованиям, слабая внутренняя когнитивная дифференцированность системы репрезентаций, ее внутренняя рассогласованность и непоследовательность, недостаточная целостность и интегрированность в сочетании с заряженностью полярными по знаку аффектами коррелирует с соответствующими параметрами аффективно-когнитивного стиля. При дефиците способности к рациональной и рефлексивной оценке себя вне зависимости от актуальных аффективных состояний и фрустраций представление о себе неустойчиво и подвергается постоянным флуктуациям и искажениям. Этим «качелям», присущим погранично-нарциссической личностной организации, способствует эмоциональная нестабильность и глубокая уязвимость самооценки, «грандиозность я», а также неспособность к ментализации и символизации и преимущественно психосоматический способ изживания и регуляции психотравм (алекситимический синдром).

Стиль личности, как устойчивый индивидуальный паттерн познавательных установок и схем, механизмов аффек-

492 тивной регуляции (защит и копингов) и конфигураций отношения к себе и значимым другим, детерминирует склонность субъекта ориентироваться на сложившуюся систему эталонов в новых, трудных, неопределенных или кризисных ситуациях. Стиль моделирует эмоциональные отношения и процессы социального познания, способность человека в зрелом возрасте избирательно создавать и длительно поддерживать доверительные отношения с близкими людьми, вступать в отношения ответственного и равноправного сотрудничества. Если же человек не может придать осмысленность и эмоциональную насыщенность этим жизненным обстоятельствам и воспринимает их исключительно как фактор тревоги, как неопределенность, превышающую его возможность совладания с ней или представляющую угрозу устоявшейся и связной картине мира, целостности самоидентичности, его «ответом» вызову окружения или внутреннему конфликту, скорее всего, станет автоматическое воспроизведение ранее сложившегося (и, скорее всего, устаревшего) стереотипа психического реагирования.

Между тем, неординарные ситуации, особенно те, в которых человеку открывается смысл и конечность жизни, ставится под сомнение правильность избранного пути, преданность близких или ценность его личности, способны заставить работать творческий потенциал я, или же, напротив, спровоцировать столь мощное «внутреннее землетрясение», что единственным выходом субъекту может показаться суицид. Для клинического психолога важно точно опознавать симптомы «безвыходности», оценивать суицидальный риск находящегося в состоянии отчаяния человека, понимать, на какую систему представлений о человеческих отношениях он явно или неявно опирается, какая система саморегуляции активируется в чрезвычайных обстоятельствах, в какой мере эти системы являются «рудиментами» его прошлого и определяют (иногда ошибочно) его ориентацию в настоящем, каков ресурс его способности справляться с трудностями путем их рациональной и творческой переработки.

Из сказанного ясен наш интерес к исследованию тех стереотипных представлений о себе и межличностных отношениях, которые существуют в душевном, ментальном, в широком смысле слова, мире человека, переживающего неопределенность, нестабильность и жизненный кризис, когда, как к своей «единственной» опоре, он обращается к хранящемуся в бессознательной памяти репрезентационному опыту отношений с первыми близкими ему людьми. Эти представления – то зыбкие, неадекватные, неполные, то гиперболизированные и сверхобобщенные, порой фантастические, иногда остро эмоциональные и прозорливо точные – могут служить утешением, руководством к действию (как помочи для начинающего ходить малыша), но могут и постоянно подтачивать уверенность в себе, склонять к беспомощности и импульсивным, опасным и рискованным решениям.

В современной психологии проблема происхождения «наивного» знания о человеческих отношениях ставится как проблема генеза, внутренней организации и функционирования устойчивых систем ментальных репрезентаций детско-родительских, «объектных» отношений, их детерминации как со стороны аффективных факторов (к которым традиционно относят всю мотивационную систему, ценности, собственно аффективные состояния), так и со стороны когнитивных процессов, среди которых выделяют индивидуальные познавательные способности и вербальные средства конструирования картины межличностного взаимодействия. Предполагается также, что последовательная, целостная и непротиворечивая картина мира может развиваться в детском возрасте и, стабильно функционируя, защищать в дальнейшем от превратностей судьбы только благодаря отзывчивому отношению заботящегося о ребенке взрослого, т. е. внутри своеобразного «контейнера» отношений безопасной привязанности. Таким образом, ранние отношения между ребенком и взрослым служат «пространством», обеспечивающим аффилиативную, подпитывающе-созидательную или, напротив, «токсичную», инвалидирующе-разрушающую среду, в которой форми-

494 руются все психические функции, в том числе регуляторные системы, когнитивные способности, язык и символические средства переработки «невыносимого» аффективного состояния. Приобретенные в детстве «рабочие модели привязанности», или «репрезентативные модели объектных отношений» (вариативность терминов диктуется рамками соответствующих теорий), ответственны за бессознательную диспозиционную готовность к специфической организации актуальных взаимодействий и оказывают влияние на аффективную валентность («тональность») их восприятия, доброжелательную или враждебную⁸.

Абстрагируясь от конкретных терминологических различий, здесь можно легко опознать традиционные проблемы психологической науки. Речь, конечно же, идет о социальных детерминантах развития, о роли *общения* и *приобщения* ребенка к культуре человеческих отношений, о социализации и ее психологических механизмах, а также о влиянии прошлого опыта и об индивидуальном присвоении системы культурных эталонов, на которую ориентируется субъект как на «фрейм», выстраивая текущие жизненные отношения и принимая решения действовать определенным образом.

Данный контекст и является ориентирующим для наших исследований, направленных на изучение психологических закономерностей, определяющих формирование, строение и функционирование когнитивных структур, обобщенно-схематизированных представлений о межличностных отношениях (о *себе* и *другом* в них), которые функционируют в качестве некоего системно организованного установочного механизма социального познания.

⁸ См., например: *Фонаги П.* Точки соприкосновения и расхождения между психоанализом и теорией привязанности // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 1, март (журнал электронных публикаций). URL: <http://psyjournal.ru/j3p/par/php?id=200200105>; *Соколова Е. Т., Коршунова А. Р.* Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений Я-Другой у лиц с суицидальным поведением // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2007. – № 4. – С. 48–63.

Стиль личности, как устойчивый индивидуальный паттерн, состоит из трех блоков: а) взаимодействующих подструктур познавательных predispositions и схем, осуществляющих селективные функции, а также прогноз и контроль социальной активности; б) защит и копингов аффективной регуляции; в) конфигураций отношения к себе и значимым другим. В единстве и взаимодействии образующих его подструктур он детерминирует склонность индивида ориентироваться на сложившуюся систему эталонов в новых, трудных, неопределенных или кризисных ситуациях. Мы полагаем, что индивидуально-стилевые особенности репрезентативной системы оказывают существенное влияние на характер актуальной коммуникации, определяя (иногда искажая) социальную перцепцию и образ я. Они задают также механизмы переработки опыта фрустрации в межличностных отношениях, включая эмоциональный опыт потери «значимого другого» и опыт жизненных неудач, подвергающий сомнению устойчивость самоуважения. При этом структурные и содержательные характеристики репрезентации отношений связаны между собой и определяются аффективно-когнитивным стилем личности, под которым понимается индивидуальная конфигурация аффективных и познавательных процессов, включающая в себя способы познания, имеющие различную степень эмоциональной пристрастности, и интра- и интерпсихические механизмы регуляции аффективных состояний, отличающиеся уровнем психологической дифференциации/интеграции и степенью зависимости/автономии. Таким образом, можно говорить об аффективно-когнитивном стиле репрезентаций отношений Я – Другой, т. е. об индивидуальной системе представлений о человеческих отношениях, системе их категоризации и регуляции, с разным уровнем когнитивной сложности, символической опосредованности и эмоциональной пристрастности.

Предлагаемый теоретический ракурс позволяет рассматривать их не только как отражение прошлого опыта эмоциональных связей, но и как своеобразную рабочую модель

496 *конструирования* нового опыта общения, регулирующую его интериоризацию и задающую алгоритмы переработки травматических состояний в настоящем и будущем, что в конечном итоге будет определять уровень толерантности к фрустрации в межличностных отношениях. Такие способы аффективно-когнитивной репрезентации межличностного взаимодействия активируются прежде всего при разрыве эмоциональных связей, сепарации или потере *значимого другого* и определяют генерализованный способ переработки травматического эмоционального опыта потери. Толерантность к эмоциональному опыту потери, таким образом, будет определяться индивидуальной конфигурацией всего комплекса переживаний, фантазий, аффектов, представлений о себе и *другом*, вместе с репертуаром способов рационально-рефлективной и смысловой проработки этого опыта, защит и копингов.

Неонарциссизм и деструктивность в межличностных отношениях и девиантном поведении

Существуют ли специфические типы личности, имеющие повышенную предрасположенность к суицидальному поведению и другим видам аутодеструкции, таким как разные виды самоповреждения, аддикции, гендерные перверсии и др.? Результаты наших исследований показывают, что, по крайней мере, для оценки суицидального риска валидны критерии оценки когнитивной дифференцированности самосознания и соответствующего типа личности. Так, людям с низким уровнем когнитивной дифференцированности и семантической «оснащенности» самосознания в целом соответствует пограничный тип личностной организации; они обнаруживают неопределенность, размытость и временную нестабильность репрезентативной системы, низкий уровень обобщения представлений о себе и значимых других в единое целое. Типичная конфигурация защит включает по преимуществу примитивные операции (идеализация-обесценивание, отрицание, обращение агрессии на себя и др.), что способствует закрепле-

нию симбиотической зависимости в отношениях, недостатку целостности самоидентичности, расщепленности отношений на «любовные» «хорошие» и «плохие» агрессивные части, спутанности межличностных границ, склонности к диффузной тревоге, импульсивному отреагированию «невыносимых» эмоций в поведении, в суициде в том числе.

Таким образом, слабая когнитивная дифференцированность и выраженная полезависимость соотносятся с целостным синдромом расстройства самосознания, включающим: нестабильность и фрагментарность структурно-функциональной организации самоидентичности, тенденцию к инвертированности гендерного самосознания; низкую толерантность к неопределенности и фрустрации отношений привязанности, гиперкомпенсируемую интрапсихическими и межличностными манипулятивными стратегиями защиты; доминирование примитивных, «натуральных» защитных операций (отреагирования в импульсивном действии) при дефиците участия процессов когнитивного опосредствования и символизации, высокой пристрастностью я- и объект-репрезентаций, их негативной аффективной валентностью.

Когнитивная полезависимость кроме всего прочего означает сверхконкретность, сужение возможностей выхода за пределы наличного, эмпирического и непосредственно данного, в том числе путем отстраненного размышления или воссоздающего воображения, мечты; она препятствует антиципации будущего, метафорической реконструкции недостающего, утраченного и тем самым существенно снижает восстановительные ресурсы личности, поддерживая состояние хронического «эмоционального голода», постоянной неудовлетворенности. Низкая дифференцированность («когнитивная простота», недостаток средств анализа и упорядочивания) проявляется в неспособности подмечать тонкие различия и изменения, отличать главное от второстепенного (особенно в сфере социальных отношений и самовосприятия), в «глобальности» и «дихотомичности» суждений и представлений, антидиалектичностью познания в целом.

498

В психотерапии люди подобного типа относятся к так называемым «трудным»; их когнитивные особенности являются одним из провоцирующих психологических механизмов генерализованного сопротивления излечению, саботажу отношений сотрудничества, а также накладывают ограничения на способность испытывать облегчение и хотя бы частичное удовлетворение от слов и ментальных преобразований, а не действий или «вещей».

Вторая группа людей, обнаруживающая склонность разрешать кризисные ситуации покушением на самоубийство, представлена лицами с чрезмерно высокой (и, как было показано, «ложной») когнитивной дифференцированностью и характеризуется избыточной детализированностью, расчлененностью, взаимной несогласованностью и фрагментарностью представлений о себе и других. При выраженной склонности к анализу мышлению не хватает беспристрастной рефлексивной позиции, последовательности и самоконтроля, главный же дефект состоит в нехватке теоретического синтеза. Относительно высокий уровень когнитивного функционирования существует параллельно и несвязно с интенсивными, но трудно вербализуемыми аффектами; образ себя и другого расщеплен на обесцениваемые и отчуждаемые «плохие» телесные и идеализируемые, грандиозные «хорошие» духовные аспекты. В общей конфигурации защит в этой группе доминируют механизмы расщепления, обесценивания и гиперсимволизации с преобладанием чрезмерно абстрактных символов превосходства, исключительности и грандиозности, способствующих отвержению и деструкции отношений с другими. Суициденты этой подгруппы могут быть сопоставлены с так называемой нарциссической личностной организацией с расщеплением я на грандиозное и реальное. Суицидальное поведение в этой подгруппе активируется в ответ на нарциссические обиды, «крах» перфекционистических ожиданий и самооценки, субъективно воспринимаемых как катастрофа, глобальный личностный провал.

Морально-нравственные регуляторы жизнедеятельности, такие как вина и стыд, для личностно зрелого человека слу-

жащие средствами морально-нравственной саморегуляции, у людей с нарциссической уязвимостью самоуважения и трудностью символизации с легкостью обращаются в «телесное самоедство» – так душевные терзания защитно соматизируются, преобразуясь в терзания тела. Человек в подобном состоянии теряет не только способность испытывать радость, наслаждаться жизнью, но и утрачивает способность играть, изобретать, инсайтно видеть привычное в новом свете; утрачивается также связность и последовательность мышления. Аналогия с младенческой безучастностью и задержкой когнитивного развития в ответ на длительную депривацию материнской любви и внимания здесь вполне уместна. Отсутствие объекта в реальности, не компенсируемое его символически поддерживающей репрезентацией во внутреннем мире, приводит как к безвозвратной утрате эмоционально-отношенческих связей, так и к когнитивному дефициту, потере связности ментальных репрезентаций в единое целое. Мир внутри я и мир снаружи предстают в первозданном хаосе и тотальной неопределенности, вне пространственных и временных координат, без возможности выразить себя в словах, обрести структуру и упорядоченность, что не может не внушать чувства растерянности и глобальной беспомощности. Защитная система вынуждена функционировать в упрощенном режиме, возвращаясь к более примитивному уровню когнитивного опосредствования (когнитивной простоте) или утрачивает вовсе способность к рациональности, способность мыслить и выражать переживания в словах.

Иначе обстоит дело, когда переживание «утраты» доступно разделению с «другим», символизации, работе воображения и вербализации, благодаря чему оно проходит через разработанные культурой ритуалы «траура» и «контейнируются» ими. «Слова, – замечает Макдугалл, – замечательные контейнеры»⁹. Психотерапевтическое «контейнирование» может стать успешным копингом, послужить объединению

⁹ Макдугалл Дж. Театры тела. – М.: Когито-Центр, 2007. – С. 86.

500 и достижению непротиворечивого единства эмоционального отношения и ментальной интеграции, «собираанию себя» в единую, осмысленную и целостную самоидентичность, сохраняющуюся несмотря на все превратности жизненного опыта и опирающуюся на человеческие связи. Сложность в том, что именно помощь сопереживающим словом, предполагающим созданное в терапии промежуточное пространство «игры», «мечты», условности, с трудом разделяется пациентом. В определенном смысле слова, он – слишком материалист, а не идеалист, он жаждет зримого и «вещного» изменения жизни; условности и «искусственности» замещения его не могут утешить; а большего терапевт не может ему дать.

Таким образом, «парасуицидальный стиль» для личностной патологии обоих типов включает дисгармоничность в восприятии себя и других и, соответственно, парадоксальность и неустойчивость отношений (от «прилипчивой» зависимости с потерей себя до отчуждения и пустоты на месте значимого другого), систематический сдвиг в сторону негативной эмоциональной окрашенности образа себя и значимых других, примитивные защитные механизмы, соединение недостаточности и избыточности средств осознанной семантико-смысловой саморегуляции аффективного опыта.

Превалирование расщепления над интеграцией приводит к тому, что травматический эмоциональный опыт, будь то потеря другого или нарциссическая рана, хронически дестабилизируют способность к переживанию и рефлексивной проработке кризисных состояний, препятствуют сохранению собственной стабильной идентичности и «удержанию» связей со значимыми другими.

Диффузия границ патологии и нормы

Современное понимание феномена нарциссизма требует его изучения совместно с другими проявлениями деструктивного самоотношения, символического парасуицида (аддикции, проституции и промискуитета, маниакального стремления с помощью хирургического вмешательства добиться

совершенства, вплоть до смены пола), самоповреждающего поведения (пирсинг, шрамирование, самоприжигание, татуирование и др.) в качестве единого синдрома, внутри системного нарушения личности с общим генезом, связанным с непроработанным травматическим эмоциональным опытом, отсутствием системы основанных на символическом опосредствовании механизмов самоконтроля. Сложившаяся в патологических условиях общения, личность ребенка рискует сохранить и транслировать своего рода стигму «пожизненной виктимности», что находит специфическое отражение в погранично-нарциссическом строении самоидентичности, низком уровне когнитивного и символического опосредствования механизмов саморегуляции и паттернов репрезентации отношений со значимыми другими.

Жизнь подобных людей превращается в непрекращающиеся попытки бессознательного отыгрывания трагически неразрешимой дилеммы между хроническим эмоциональным голодом и постоянным страхом разрушающей зависимости от объекта привязанности с последующими разочарованиями и потерями; порождает хаотично сменяющиеся диаметрально противоположные неразборчивые («промискуитетные») копинг-стратегии компенсации глобально переживаемой ненадежности межличностных связей и нестабильности самоидентичности. Повторяющиеся суицидальные попытки и являются садомазохистическим бессознательным механизмом восстановления связи с другими людьми путем непосредственного эмоционального заражения их собственными деструктивными аффектами посредством проективной идентификации; они являются примитивно-инстинктивным способом пробуждения ощущения жизни в противовес хроническому чувству внутренней омертвелости, механистичности, подвергающей сомнению реальность собственного существования.

Парасуицидальное поведение свидетельствует также об инструментальном дефиците в средствах саморегуляции; среди последних доминируют примитивные защиты преимуще-

502 ственно импульсивного моторного отреагирования невыносимых бессознательных переживаний в поведении при явной недостаточности процессов когнитивной опосредованности и символизации. Больше шансов выжить у тех, кто обладает счастливой способностью находить удовлетворение и переживание собственной полноты и целостности в замещающих процессах фантазии, творческом воображении, созерцании, альтруизме, как у героя Рубена Гальего в его автобиографическом романе «Белое на черном». Нарциссические же личности редко достигают внутренней интеграции я, переживание гармонических отношений, единства души и тела, человеческой солидарности им недоступны. Одни из них, рабы идеи и утопий, избирают путь расщепляющего и фрагментирующего псевдоанализа или сверхабстрактных построений космического масштаба, где нет места «грязной телесности», где собственное тело (как и другие люди) воспринимается лишь как объект отстраненного экспериментирования. Другие предпочитают бегство во всепоглощающие фантазии о собственной магической грандиозности, преодолевающей все границы (жизни и смерти в том числе). Тогда суицид, как и другие трансгрессивные эксцессы, переживаются как бунт против удушающей власти социального порядка, как триумф над рутинной обыденностью и обезличивающей обычностью.

Пограничная же личность, как более зависимая, стремится в пьянящем погружении и растворении (не важно, в чем или в ком) обрести иллюзорное слияние с потерянным раем, как герой «Голубой бездны» Люка Бессона или как персонаж «Обещания на рассвете» Ромена Гари (Эмиля Ажара), который, выполнив все завещанное ему матерью на «рассвете» жизни, уходит в море-океан, этот вечный символ безбрежной материнской любви, прощения и воссоединения.

Феномен неонарциссизма, как мы видим, выходит далеко за пределы узко-клинической проблематики; напротив, в нем, как в зеркале, отражаются всеобщие, наши проблемы, которые ради собственного успокоения мы атрибутируем «другим». Мы живем в поразительно расколоте мире: для

одних Москва – один из самых дорогих и гламурных городов мира, центр культуры и безграничных возможностей самоутверждения; для других – город морально растерянных и почти нищих людей, с обостренными межнациональными противоречиями, засильем «полой» изнутри, как кукла Барби, поп-культуры¹⁰.

Сегодняшний культурный контекст представляется наилучшей средой для порождения и расцвета неонарциссизма. Глобальные потрясения и финансовые кризисы ставят под удар нашу самодовольную уверенность в способности контролировать мир, предвидеть и предотвращать его удары, однако меняющие перспективы нанотехнологий сулят сказочное изобилие и почти вечную жизнь. Обилие рекламы создает иллюзию безграничности потенции¹¹. Она обещает, соблазняет, и вот мы уже на верху райского блаженства, мгновенно и без усилий. Однако встает вопрос: если реклама и все масс-медиа – «нежные насильники», то кто же такие мы, которые столь неосмотрительно и безгранично открываем для них свои души и тела? Неонарциссы?

¹⁰ Горалик Л. Полая женщина. Мир Барби изнутри и снаружи. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.

¹¹ Улыбина Е. Реклама как инцестуозная реальность // Исследования по психоанализу культуры. – М.: Аграф, 2004. – С. 465–493.

Е. И. Пронин, Е. Е. Пронина

Experimentum crucis¹, или Начала и перспективы медиапсихологии

В 1991 году на пюпитре в бывшей Большой Богословской, бывшей Коммунистической, а ныне Большой Академической аудитории Московского университета (бывшая улица Моховая, бывший проспект Маркса, а ныне снова улица Моховая, 9) кто-то, должно быть не совладав с вдохновением, стремительной скорописью запечатлел:

*Дуют ветра четыре.
Волнуется семь морей.
Все неизменно в мире,
Кроме души моей.*

¹ Experimentum crucis (лат. опыт креста, арх. испытание, просветление и наставление крестом) – 1) опыт, имеющий важнейшее, решающее значение, контрольный эксперимент, практическое доказательство: «...Если бы мне требовались еще какие-то подтверждения тому, что упорство духа реально существует, – концлагерь является в этом отношении experimentum crucis». Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 143; 2) бесспорный образец, надежный указатель (связано с обычаем ставить на перекрестках т. н. «путный крест» для указания дороги): «пример креста, берущий название от тех крестов, что ставятся на перекрестках, указывая разделение путей». Бэкон Ф. Новый органон, 1, 36; 3) проф. Навигация в шхерах по путным крестам, установленным на скалах, как это сложилось в живой традиции малого каботажна на Кольском полуострове и в Белом море.

Восходит изначально к ставшей молитвенным песнопением евангельской притче об одном из разбойников, который был распят одновременно с Христом, но уже на кресте уверовал, благодаря чему ему незамедлительно прощены были все грехи, и удостоился он Царствия Небесного («Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи, и мене дровом крестным просвети и спаси мя». Цит. по: Христов Борис. Български и руски църковни песнопения. – София: Балкантон, 1976).

Чем круче заворачивалась в России спираль катаклизмов, тем очевиднее становилось: не происходит ничего такого, что не произошло бы раньше в размышлении людском. Как если бы мир пребывал неизменным, но все новые смыслы открывались в нем для изменяющихся душ, и жизнь переворачивалась как в *salto mortale*. Может, каждый и хотел как лучше, но то, что получалось, не назовешь иначе, чем *новое смутное время*. Роковой в своей повторяемости феномен человеческой истории. «Нет ничего труднее, чем жить в эпоху перемен», – сетовал Конфуций. И шекспировский Гамлет погиб, пытаясь «вправить вывихнувшееся время». Но если прав Булгаков, что «разруха начинается в головах», то и исхода из смуты нет, пока не найдено адекватное состояние души.

Умы чуткие и смелые уходили в поиск загодя, положив и жизнь, и талант на свой собственный *experimentum crucis*. Мир не менялся от их усилий. Но менялись они сами. И теперь их судьбы, словно путные кресты на развилках самопознания, предостерегают: «Прямо пойдешь ...»; «Налево пойдешь ...»; «Направо пойдешь ...»; «Назад повернешь...».

А в эпицентре – четыре знаковые фигуры. Как четыре стороны света. Как четыре фольклорных ветра. Как четыре квадранта декартовых координат:

В. Высоцкий ... Вен. Ерофеев ... М. Павич ... В. Пелевин...

В этом научном эссе много личного. Авторы – люди двух поколений XX века. И, к примеру, когда на прогулке по осеннему лесу старший не без чувства пропел:

«Только кто мне придумает новый Тайшет?

Кто другую найдет Ангару?»², –

младшая не без ехидства уточнила: «Чтобы и эту испоганить?».

Впрочем, до банального конфликта отцов и детей никогда не доходило. Психологический итог тоталитаризма в том и

² Строки из популярной в 60-70-х гг. прошлого столетия песни о добровольцах – строителях Братской ГЭС на реке Ангаре, железной дороги Абакан-Тайшет и других великих строек Сибири. Музыка А. Пахмутовой, слова Н. Добронравова.

506 состоял, что, словно к общему знаменателю, подводил нравственное чувство всех советских поколений к одному и тому же неписаному принципу: «Если уж никак нельзя делать то, что хочется, нужно, по крайней мере, не делать то, чего не хочется никак»³.

Разумеется, в такой остроте и ясности осознавали свою этическую позицию не все и не сразу. Но нетерпение сердца, своего рода идиосинкразию ко всем официальным ценностям, переживало огромное число людей. Причем число, а не масса. Не сословия, классы или социальные группы, а сами по себе люди – конкретные индивиды и неповторимые личности. Те, кто изнемогал посреди марксистской идеологии, ленинской национальной политики и литературы социалистического реализма. Их духовное самоопределение начиналось с приобщения к тому публичному *experimentum crucis*, каким стало для страны творчество и личная судьба Владимира Высоцкого. А дальше – как от одного путного креста к другому: «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева – «Хазарский словарь» Милорада Павича – «Проблема верволка в средней полосе» Виктора Пелевина – траектория жизни людей, для которых эстетические потрясения и приключения мысли значили не меньше, чем перипетии собственной судьбы.

Авторы бесконечно благодарны тем, кто в разное время помогал приобщиться к этой удивительной коллективной духовной жизни. Во-первых, Лене Подлущкому, толковому инженеру и лихому мотоциклисту, который не только предоставил в распоряжение авторов полную фонотеку собственных записей В. Высоцкого, но и делал специальные тонфильмы, то монтируя встык исполнения разных лет одной и той же песни, то перемежая их пояснениями поэта или шумовыми картинками залов, чтобы ничего не упустить и все-все-все подчеркнуть. А также Анне Сидоровне Соболевой, которая

³ Этот вариант изустной максимы морального протеста экспромтом сформулировал в 1974 г. на одной из кухонных московских посиделок признанный уже в то время философ-экзистенциалист и бард-шестидесятник Э. Ю. Соловьев.

со всей щедростью благотворителей-старообрядцев подарила авторам собранные личными усилиями вырезки из местных газет и заграничных журналов – заметки о Высоцком, рецензии, фоторепортажи и все такое: чтоб для сведения. Во-вторых, подругам-журналисткам Алле Верещагиной и Миле Сумкиной, у которых совершенно одинаково теплели глаза, когда они говорили о Веничке Ерофееве, хотя каждая по-своему толковала поэму «Москва-Петушки» и хотя знали они не понаслышке о проблемах и судьбах своих друзей и коллег – талантливых ребят, как в безвременье уходивших в запой. В-третьих, студентам-отличникам из МГУ Антону Николаеву и Ольге Пановой, пригласившим на модный интернет-форум о творчестве Павича. В-четвертых, Роману Фанталису, беспечному бизнесмену и вдумчивому рыболову, нивесть с чего подарившему книгу своего любимого Виктора Пелевина с эпатазирующим названием «Generation 'П'».

С их легкой руки авторы почувствовали себя как свои в кругу тех, кто не просто слушал, читал, переживал, но и высказывался, искал подоплеку и задавал вопросы себе, своим друзьям, неформальным лидерам, а при возможности и самим Высоцкому, Ерофееву, Павичу, Пелевину. Получалось, что в недрах тоталитарного режима уже произошел какой-то слом и сложилась принципиально новая сфера массового общения, в себе самой несущая защиту как от гипнотических эффектов массовой пропаганды, так и от бездумной эйфории массовой культуры. Словом, это было не пассивное «потребление шедевров» и не просто обмен информацией, а коллективное, чтобы не сказать «всенародное», философствование, неофициальное, но мощное продвижение общественной мысли. И что было всего важнее, так это то, что оно не прерывалось, длилось и, подхватив, несло, словно упругие восходящие потоки становящуюся на крыло птицу.

Если вдуматься, это был самый важный социально-психологический процесс XX в. Народное философствование в труху перемальвало партийное искусство, казенную литературную критику, марксистское мировоззрение... К моменту

508 «перестройки» коммунисты остались, в сущности, без идеологии, без беллетристики, без литературоведения. И тоталитаризм рухнул от первого же толчка, не сохранив даже принцип наследования.

Народное философствование разрасталось, соединяя традиционные формы неофициальных коммуникаций (слухи, анекдоты, скоморошество, площадной фольклор и т. п.) с новейшими техническими средствами и организационными ухищрениями (грамзаписи на рентгеновских пленках, портативные магнитофоны, самиздат, бардовские слеты и т. п.), и стало в конце концов самой новой для своего времени информационной технологией. Так открывала и утверждала себя принципиально новая *интерактивная массовая коммуникация*, исторически первая *мультимедиа*⁴, предвосхищавшая многие функции Интернета духовного плана. Теперь это самоочевидно. А тогда просто возникало необъяснимое ощущение безмерного расширения интеллекта, обнимавшего разом извивы судьбы корифеев контркультуры и высший смысл их шедевров, словно личный, для каждого свой, *experimentum crucis*, проверявший правду жизни и крепость души.

Профессиональные критики и близко не подходили к такой дотошности анализа поэтики новейшей литературы. Мешали вызубренные правила и стереотипы теории социалистического реализма. В народном же философствовании идеологические условности отлетали, как дым от лица огня, и роль практически каждого стиливого приема, поэтического тропа, композиционного сброса раскрывалась с такой наглядностью, что становилось заметно, как творчество плеяды писателей поднимает на новый уровень художественное мышление человечества. И возникало чувство личной сопричастности к сотворению нового стиля. В этом смысле народное философствование было и конкретной практикой, и абстрактной

⁴ Подробнее см.: Пронина Е. Е., Пронин Е. И. Предтеча мультимедиа (феномен В. Высоцкого и новейшие информационные технологии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 35–55.

теорией искусства. Сквозь интерактивную массовую коммуникацию проступали строгие каноны принципиально новой поэтики принципиально новой литературы.

Само по себе народное философствование не претендовало на то, чтобы непосредственно «изменять мир». Оно изменяло людей, продолжавших жить в неизменном мире. В отличие от привычных для XX века средств массовой информации и пропаганды, которые могли, в лучшем случае, достичь «эффекта присутствия»⁵, вновь возникающая интерактивная массовая коммуникация способна была обеспечить устойчивый и широкоформатный «эффект участия»⁶. Погружение в народное философствование не «формировало», а раскрепощало личность. Люди мыслили, говорили и действовали без оглядки на регламент и субординацию, следуя собственным интенциям, видя мир в свете личных интересов и предвкушая свое духовное освобождение. Их суждения обретали смелость, прямоту и четкость, различимо резонировали в живых настроениях окружающих

⁵ «Эффект присутствия» – ощущение у читателя его «присутствия» на месте события. (Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики. – М.: Союз журналистов России, 1998. – Т. 2. – С. 237.)

⁶ По аналогии с общепринятым определением «эффекта присутствия» (см. выше) «эффект участия» может быть охарактеризован как возникающее у читателя субъективное ощущение лично своего участия в разворачивающемся объективном общественном процессе вплоть до непосредственного влияния на общее понимание и оценку происходящего. Это в принципе иное (по сравнению с «эффектом присутствия») психическое состояние. Человек не просто поглощает сведения, а оперирует с информацией, находя дополнительные данные в других каналах и источниках, в прошлом опыте и образовании, в собственной ментальности. Он высоко ставит свои суждения и настаивает на том, чтобы их принимали в расчет. Тем самым человек включается в процесс коллективной проработки решения, а при удачном стечении обстоятельств и в реальные действия, стимулируемые журналистскими публикациями, – принимает действительное участие в голосовании, в митингах, демонстрациях, протестах и т. п. (Подробнее см.: Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – С. 276-278.)

510 и встречали очевидную поддержку единомышленников. Как будто это было коллективное осмысление на глазах разворачивающейся серии *experimentum crucis* выдающихся испытателей жизни, расплачивающихся судьбой и талантом. Процесс одновременно интеллектуальный и этический, коммуникативный и поведенческий – по жесткости сравнимый с реальным опытом.

Кто-то, хотя бы на время участия в народном философствовании, забывал о привычных предпочтениях. Кто-то и на дальнейшие обстоятельства собственной жизни начинал реагировать в стиле народного философствования. Вряд ли каждый осознавал, как меняется строй его внутренних установок, алгоритмов умозаключения, паттернов общения и поведения... Но на массовом материале все более было заметно, как начинают складываться новые характеристики личности, новый *психотип* человека.

Для авторов оказалось большой удачей, что они вглядывались в одни и те же феномены высокого искусства и одни и те же фантомы массовой коммуникации – каждый со своей стороны, с точки зрения своего поколения и своей профессии: один – как филолог и практикующий журналист, другая – как психолог и практикующий психотерапевт.

И если для профессионального филолога сквозь интерактивную массовую коммуникацию проступали строгие каноны новой поэтики и новой литературы, для практического психолога – черты нового строя мышления и новые характеристики личности. Возникал психо-филологический стереозффект, от которого захватывало дух. Как будто на слуху необратимо менялся русский язык, закрепляя небывалый ход мышления. Как будто на глазах в небывалом общении и поведении необратимо менялся психотип советского человека.

Как будто вживе шел навстречу гипотетический Человек будущего. Но явно не тот, какого обещали Маркс или Ленин, и даже не тот, кого ожидал Горбачев, предлагая свою «концепцию нового мышления для России и всего мира»⁷, и вовсе не

⁷ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для России и всего мира. – М.: Политиздат, 1988. – С. 143-146.

тот, кого авансом живописали неореформаторы как «новых русских»⁸. Мог ли он не знать, через что прошли деды, отцы и старшие братья? Их поздний ум, не востребованные мечты и неутоленные желания должны были с неизбежностью сформировать в нем отвращение к прошлому, идиосинкразию на официоз, глубокую разочарованность в «социальных усилиях» и, как последнюю надежду, расчет только на внутренний ресурс личности. Теперь реальный Человек будущего предъявлял свое право перевернуть последнюю страницу кровавого XX века...

И что замечательно, в движение пришли все слои общества. «Перестройка», как стыдливо именовалось поначалу идейно-хозяйственное банкротство развитого социализма, открывала множество направлений для личной инициативы, предпринимательской активности и свободы самовыражения.

В науке теперь параллельно с теоретическим поиском, а часто и обгоняя его, шло практическое моделирование и прямое использование идей в реальной деятельности. Авторы тоже организовали из аспирантов и студентов МГУ независимую исследовательскую группу, которая вошла в состав редакции ежедневной газеты «Российские вести»⁹ как специальная Психологическая служба. Ученые начали вести мониторинг психической напряженности в обществе и оперативно публиковать результаты замеров на страницах газеты. Редакция предоставила деньги, компьютеры и юридическую поддержку для проведения массового тестирования читателей, организации аналитических фокус-групп, экспериментирования с типами текстов и других сложных и затратных научно-исследовательских процедур. Средний возраст исследователей

⁸ Характерно в этом отношении программное заявление редакции новой газеты «Коммерсантъ-DAILY»: «Модель “Коммерсантъ-DAILY”, пилотный номер которого вы держите в руках, была сознательно разработана и стопроцентно ориентирована под интересы и информационные потребности “new russians” – “опережающей группы” российского общества» (Коммерсантъ-DAILY. – 1990. – № 0. – 12 авг.).

⁹ Учредители: Администрация Президента РФ и журналистский коллектив редакции. Гл. ред. В. Н. Кучер.

512 не достигал и 20 лет. С искренним восхищением вспоминается теперь в чем-то даже наивная неумелость Саши Киреева, Ксении Мигачевой, Тани Невзоровой, Ксении Титовой, Влада Коваленко, Иры Фроловой, Лены Чурсиновой, Лены Шевченко. Их юношеское любопытство и обаяние даже стандартную процедуру анкетирования запросто превращало в личное знакомство, а сеанс тестирования – в доверительный разговор. И словно бы устанавливался непосредственный контакт со множеством людей, не скрывавших ни своих «завиральных идей», ни собственных «предосудительных поступков».

Однако, как оказалось, прямая коммуникация стала совсем другой по тону общения. Это был уже не поток коллективного философствования, а водоворот индивидуальной активности. Заполненные тест-анкеты, протоколы фокус-групп, пленки фокусированных интервью, самотеком поступающие письма и звонки в редакцию – все было переполнено сугубо личными мнениями и инициативами: собственными оценками и притязаниями, самостоятельными решениями, самоуверенными утверждениями и самонадеянными начинаниями, как будто все-все-все, даже те, кто пребывал в явной растерянности, боялись отстать от «судьбоносных» перемен в жизни.

По науке, это должно бы сильно облегчить анализ и прогнозирование. Появлялась возможность судить о человеке не только по философическим мечтаниям, но и по хватательным рефлексам, и видеть не только его перспективность, но и способность удерживаться в рамках закона. А по жизни, многие из этих «утверждений»-«решений»-«начинаний» невозможно было ни принять, ни одобрить. Таков уж общий психологический закон всех смутных времен, который еще Н. М. Карамзин, описывая времена Бориса Годунова и всех трех Лжедмитриев, определил как «остервенелость злых и холодность добрых»¹⁰.

Казалось, каждый тянет одеяло на себя. Смутное время это – хаос, в котором все перемешалось в кучу: социальные типы и общественные роли, группы и страты, классовая соли-

¹⁰ Карамзин Н. М. История государства российского. – М.: Книга, 1989. – Кн. III. – Т. XII. – Гл. II. – С. 75.

дарность и партийная принадлежность... Но *кто* же теперь становился кем посреди безоглядной сшибки мнений, беспощадного конфликта интересов и оголтелой разборки притязаний?

Психологическая служба редакции, фиксируя объективные показатели – возраст, пол, доход, образование своих респондентов, сосредоточивалась на субъективных суждениях и личных чувствах людей, на их индивидуальном поведении. Накапливавшийся массив данных проходил качественно-количественную обработку, включая факторный и дискриминантный анализ по программе SAS плюс дополнительные процедуры типологии устойчивых комбинаций в их системном взаимодействии. На эту работу был приглашен математик-психолог Олег Раульевич Маслов, и, благодаря его математической эрудиции и пластичности психолога, компьютерная обработка информации шла без проблем.

Бесстрастная машина выявляла в хаотическом потоке данных все новые типологические страты, достаточно однородные по реакциям на реальные ситуации, отношению к «деятелям» и «звездам», информационным предпочтениям, сфере притязаний, уровню активности и даже по психологическим особенностям своих членов. Как будто перестроечная пертурбация достигла, образно говоря, критической массы, и пошла цепная реакция внутриличностного взрыва прежнего «советского человека», с коротким периодом полураспада ценностных установок и стихийной кристаллизацией новых «типических характеров в типических обстоятельствах» смутного времени.

В типобразующих личностных характеристиках спонтанно формирующихся страт на первый план выходила поведенческая компонента, вроде: «главное – вера в благо земного возмездия и готовность лично его осуществить», или «всегда можно получить больше, чем имеешь», или «чтобы оказать влияние на избирателей, можно пренебречь нормами законодательства»¹¹. К этому времени в реальности еще не про-

¹¹ Подробнее см.: Граждане, послушайте себя (результаты социально-психологических исследований аудитории) // Политическая среда. – 1995. – № 2. – С. 6.

514 явили себя во всей красе роковые социально-психологические типы 90-х гг.: «братки», «олигархи», «террористы», «полит-технологи»... Но сразу было видно, что на подобных идейно-поведенческих установках могут сформироваться только новые разновидности беспредела.

Конечно, после заскорузлой эпохи застоя и «вера в благо земного возмездия» может показаться знаком прогрессивных перемен. Но пахнет от всего этого тем же кровавым XX веком, по-прежнему, говоря словами В. И. Ленина, «веет духом классовой борьбы», и на знаменах тотально-радикального либерализма, как череп и скрещенные кости, проступают сговор, диктат, экспроприации, репрессии, большая ложь и т. п., буд-то прямо по Екклесиасту: «Возвращается ветер на круги своя» (Екк. 1, 6).

Но очень скоро, и в немалом числе, выявились люди и социальные группы, каких до «перестройки» и быть не могло. Как мог советский человек, к примеру, «отказываться брать на себя ответственность за всеобщее благо» или быть «терпим к инакомыслию»? Его бы немедленно перевоспитали! И откуда в простом советском человеке такая сложность мотивов и расчетов, чтобы, «ясно осознавая свой потенциал, использовать его, прежде всего, в личных целях, но не в ущерб другим», а «принимая решения, предвидеть их отдаленные последствия»? Давно ли ото всех требовалось «ставить общественное выше личного» и запрещалось отклоняться от линии партии в оценке последствий? А теперь в случайной выборке респондентов стали попадаться вполне успешные люди, которые в суждениях, в поступках, в делах, в намерениях отрешились уже от совковых стереотипов, но и в соблазны беспредела не впадали. По комплексу коррелирующих признаков компьютерная программа выделяла единый кластер таких людей, которые при любых обстоятельствах смутного времени сохраняли корректность, в высоком понимании этого нравственного императива, всегда и везде означавшего одно и то же: «Делай чуть больше, чем обязан, требуй чуть меньше, чем имеешь право».

Все аналитики подчеркивали: «Среди респондентов старше 50 лет этот тип не зафиксирован». А машинная обработка данных показывала, что данная страта близится к 19% общего массива и что 20% из них – моложе 25 лет. Это уже не гипотетический Человек будущего! Живые люди. Во плоти и крови. Каждый – сам по себе. Неповторимо индивидуальный. С именем, фамилией и адресом. Можно пойти и познакомиться. А вместе – самые обычные граждане. В том смысле, что так же, как все, они совершенно неожиданно для себя ввергнуты были в смутное время и полной мерой зачерпнули хаоса, неопределенности и беспредела. Но эти – справились. И много чего приобрели, не теряя себя и не рискуя будущим страны. Как будто они уже заранее знали, что в конце концов будет и как себя вести, когда социализм наконец рухнет. Или как если бы кто со стороны подсказывал им безошибочные решения. И действовали они так, словно воочию видели подлинный «свет в конце туннеля», а не сполохи и обманки смутного времени.

Сразу и сильно захотелось идти к ним, жить среди них, вести с ними дела. Но боязно было принять желаемое за действительное, впасть в литературщину, настроить иллюзий. К тому же прямые контакты ничего не проясняли. Попасть под личное обаяние столь незаурядных людей проще простого. А тогда как подмечать и как понимать, откуда они «заранее узнавали», чем обернется кавардак постсоциализма, и кто продолжал «подсказывать» им верные решения? Только и останется, что удивляться феноменам «чудесной прозорливости», «звериного чутья», «необъяснимого ясновидения» и прочим уникальным способностям, которые в поп-науке выдают за «печать гения» или «мощь экстрасенса».

Самое время вспомнить, что речь шла о 19% (!) репрезентативной статистической выборки. Что же, у нас каждый пятый – то ли гений, то ли экстрасенс?! Тут был бы повод не для радости, а для тревоги. В XX веке столько явилось миру гениев, типа Сталина или Пол Пота, и столько экстрасенсов, типа Григория Распутина или Алана Чумака, что уповать на

516 какого-то из таких или на всех них вместе взятых было бы теперь даже как-то глупо.

Честно говоря, уж если что и вселяло надежду, то только ясная очевидность: *это – обыкновенные люди, хотя и не такие, как все.*

А какие? – вот в чем теперь был вопрос.

Полевые исследования в русле Психологической службы газеты «Российские вести» удалось дополнить параллельными психологическими экспериментами, проводившимися на базе кафедры практической психологии Московского института открытого образования, благодаря содействию зав. кафедрой профессора В. М. Астапова. Счастливым обстоятельством стало и то, что декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова профессор Я. Н. Засурский предоставил широкие возможности для развертывания конкретных психологических исследований, публикации результатов, апробирования идей и их профессиональной и методической реализации на одной из самых авторитетных интеллектуальных площадок страны. Особо нужно отметить незаменимую помощь в исследовании нового психотипа человека со стороны тех, кто в той или иной степени уже нес в себе характерологические черты современного поколения: слушателей курсов, участников фокус-групп, испытуемых психологических экспериментов. В большинстве своем это были люди очень молодые и, как теперь говорят, продвинутые. Благодаря их активности, самоотчетах, рефлексии, размышлениям, творчеству не просто находили объяснение «странные образы» компьютерной проработки данных тест-анкетирования, а словно бы сам собой складывался мозаичный портрет человека, которому народное философствование привило иммунитет к соблазнам и затмениям смутного времени и который находил теперь пространство для развития личности в новейших информационных технологиях. Как будто овладение современными средствами и алгоритмами переработки информации настолько изменяло характер познания и творчества, что возникало особое мироощущение и особый склад личности. А вскоре еще

один поисковый проект убедил авторов в том, что так оно на самом деле и есть.

В московской школе № 1158 при заинтересованном внимании первого директора Г. И. Метлик и сменившей ее на этом посту Т. Г. Кирковой был факультативно развернут инновационный курс развития коммуникативных способностей школьников с использованием в качестве тренажеров электронной газеты, коллективных и личных сайтов, «живых журналов», а также организовано наблюдение за спонтанным использованием учащимися информационных технологий и цифровых устройств. Не хочется называть это контрольным экспериментом, но было в продолжавшемся 15 лет (1991-2006 гг.) проекте нечто напоминающее о классическом *experimentum crucis*, который определяется как «*опыт, имеющий важнейшее, решающее значение*»¹². Легкость, с которой все больше школьников с каждым годом проникались новейшими информационными технологиями, впитывали непредставимые эвристические алгоритмы и продуцировали нетривиальные обобщения, непринужденно отстраняясь от дидактических стандартов, – эта легкость просто радовала как фактическое подтверждение того, что сетевое мышление-общение-поведение практически общедоступно и, значит, вполне может стать нормой уже в самом начале XXI в. А по участникам факультатива видны были и новые типологические черты, и новые психологические проблемы людей будущего в прямом, не метафорическом значении слова.

*Небывалые черты!
И проблемы – неминуемые.*

Если бы новейшими информационными технологиями, Интернетом и мультимедиа овладевали бы только такие люди, то дальше не о чем было бы беспокоиться. Но те же расчетные данные Психологической службы «Российских вестей» в цифрах и кластерах предупреждали, что ни «братки», ни «террористы», ни «олигархи», ни «политтехнологи» отнюдь не рас-

¹² См.: Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. – Л.: Лениздат, 1981. – С. 456.

518 сасываются, а крепнут, жируют и стараются наложить лапу на информационную инфраструктуру общества. И то, что для одних становилось психотехникой просветления, для других превращалось в технологию соблазна, а третьими использовалось как оружие массового поражения.

Аналитики подчеркивали, что «братки», к примеру, «в критические моменты способны вовлечь в круг своего “психологического заражения” до 20-25 процентов населения»¹³, а поведение «олигархов» вообще «ведет к отчуждению и деградации имиджа “состоятельного человека” и “крупного деятеля” в общественном мнении страны... Политические последствия данного социально-психологического процесса могут оказаться разрушительными»¹⁴. «Политтехнологи» постепенно захватывают почти что все основные каналы массовой информации¹⁵. А «террористы» свивают «пулеметные гнезда» на неуязвимых сайтах Интернета...¹⁶ И притом все самозванно говорят от имени грядущего. И каждый психотип настолько красочен и напорист, что про любого можно подумать: «Вот оно, истинное лицо нового поколения...». И про «братка»... И про «олигарха»... И про «террориста»... И про «политтехнолога»... А значит, мало не покажется при любом раскладе. Никому.

Даже Е. Т. Гайдар, которого нередко называли «отцом нового российского капитализма» (того самого, в просторечии именуемого «бандитским» – с «олигархами» сверху и «братками» снизу), в телевизионном выступлении заявил: «Мне тоже не нравятся “новые русские”. Да кому же они могут понравиться?»¹⁷. Хотя комплекс Тараса Бульбы у самого Егора Тимуровича и предполагать-то нелепо. Но, видно, и ему в Миллениум небо с овчинку показалось.

¹³ Граждане, послушайте себя... // Политическая среда. – 1995. – № 2. – С. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См., в частности: Час пикейных жилетов // Российские вести. – 1998. – 09 янв.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Цит. по: Граждане, послушайте себя... // Политическая среда. – 1995. – № 2. – С. 6.

Не мудрено, что чуткий художник, властитель и выразитель дум последнего поколения XX века Виктор Пелевин впадает в апокалипсическое символотворчество. В легендах разных стран и народов ловит он мотивы светопреставления. Но мифического пса о пяти лапах, от которого-де и наступит конец всему и всем, нарекает русским бессмысленно-матерным словом, обозначая его заглавной буквой П с двумя запятыми. Чтобы потом главный герой мог произнести ключевые слова романа:

«Я вот подумал, а может, наше поколение, которое выбрало “Пепси”... Мне даже довольно жуткая мысль пришла в голову – может быть, все мы вместе и есть эта собачка с пятью лапами? И теперь мы, так сказать, наступаем?»¹⁸.

И что характерно, в заглавие романа В. Пелевин вместо родного и теплого понятия «поколение» ставит английский биологический термин *generation*, но сохраняет для обозначения кошмарного пса о пяти лапах большую русскую букву. Получилось занятно и многозначительно – «Generation ‘П’». Ирония пополам с безнадежностью. Но было бы ошибкой видеть в этом только эпатаж и постмодернистскую игру в символику.

Ориентация на «братков» и «олигархов» и на самом деле привела к таким стилям жизни и таким темпам распада личности, что изгнанный в 1978 г. из СССР крупный ученый-диссидент А. Зиновьев, приехав на родину в 1995 г., назвал увиденное в России «постчеловеческой цивилизацией».

Только вот дорога назад тоже не вдохновляла. Разномастные «политтехнологи» наперебой предлагали программы «возрождения»: кто по Жириновскому, кто по Березовскому, кто по Зюганову, кто по еще какому доморощенному или приглашенному авторитету. Но у всех у них, как первородный грех, проступала манипуляторская подоплека. Не каждый замечал ее. И многих удавалось затянуть в те или иные сети. Но не было недостатка и в трезвых голосах. Те, кто не хотел забывать, что «единственно верные» идеи слишком

¹⁸ Пелевин В. Generation ‘П’. – М.: Вагриус, 1999. – С. 297.

520 легко превращаются в «социально опасный психоз, раздуваемый с помощью тотальной пропаганды и навязываемый всему обществу посредством тотального террора», на дух не принимали никаких «политтехнологов», предупреждая: «Что бы они ни говорили и как бы ни думали, при первом же удобном случае делать будут антиконституционно, тоталитарно и террористически»¹⁹.

Но ни к кому «политтехнологи» не относились с таким подобострастием, как к тем, кому предстояло образовать особый социальный тип конца XX в. – к «террористам». И красноречивее всего тут были бессознательные, по теории Фрейда, «мелкие детали».

...Всего за четыре месяца до захвата заложников в районной больнице города Буденновска Шамиля Басаева презентировали на НТВ, как рекламный постер, во весь экран: суровый прищур черных глаз, волнистая черная борода, черная вязаная шапочка и огромный «дедовский» кинжал, на треть обнаженный...²⁰ А от природы террорист № 1 был и мелковат, и лысоват, и пошловат... Но даже прямые репортажи из Чечни не могли замутить красивый и чистый образ, так сказать, борца за народную справедливость и национальную независимость.

А вот пресс-конференция в разгар уличных боев в Грозном:

– Встречались с Дудаевым? – спрашивает корреспондент гипердемократической газеты «Аргументы и факты» Уполномоченного по правам человека С. Ковалева, как некогда спрашивали ходоков про Ленина.

– Встречался, – с видимой удовлетворенностью отвечает официальный правозащитник и профессиональный психиатр. – Он держится, как подобает военному(?!).

Звучали, конечно, и предупреждающие голоса:

¹⁹ Вечно живой анекдот // Российские вести. – 1997. – 25 июня.

²⁰ Масюк Е. Репортаж из Чечни // НТВ, Сегодня. – 1995. – 12 февр.

«Это до-правовая и даже до-нравственная, биологическая, в сущности, форма самоорганизации общины, которая <...> способна привести любое общество к психологической регрессии, то есть к спусканию массового поведения на, так сказать, элементарно-биологический уровень реагирования... У них нет другой базы, кроме “родо-общинных отношений”. Дай им волю, они всю Россию опустят до элементарно-биологических способов “самоуправления”. Честнее было бы напомнить друг другу о судьбе Кубы, Анголы, Ливана, Афганистана, чьих бойцов вот так же подзуживала “прогрессивная мировая общественность”, пока не заговорили те же самые деятели о саморазрушении государств и самогеноциде народов...»²¹.

Сколь многое все-таки становится ясным именно в смутное время! Привычное упование – мол, ни на что не смотря, «новое поколение» вывезет – плавно переходит в ясное понимание, куда именно вывезет новое поколение, если верх в нем возьмет какой-то из четырех доминирующих социальных типов. И не вывезет, а опустит. До прежнего, кроваво-идеологического XX века. А то и ниже – до первобытных нравов и кинжального права. И любой вариант все еще теоретически возможен. До тех пор, пока очередные «новые поколения», как палочка-выручалочка, будут идти в расход, чтобы спасти страну и культуру во времена смут и провалов.

Как-то уж очень сильно не везло России с вождями, царями и предводителями. Кроме Александра II да, может, еще Олега Вещего, не найдешь, кого добрым словом вспомнить. Многие даже военных побед добивались одним и тем же поразительным способом: доводили дело до полного развала и тем ставили на карту национальное существование; тогда народ поднимался на подвиг и ценою практически полной гибели молодых поколений выкупал спасение, а власть и слава доставались царям да воеводам. Как было и в 1612 г., и в 1812 г., и в 1941. И потому в русской традиции «поколением» называли обычно тех, кому в юности выпало на своих плечах вынести страну и

²¹ См.: Месть и лесть // Политическая среда. – 1995. – № 3. – С. 4.

522 культуру из очередной волчьей ямы истории. Но штука в том, что с середины XX века в России чуть ли не каждая сельскохозяйственная кампания или крупная стройка оборачивалась таким перенапряжением народных сил, что приходилось говорить о «поколении стахановцев», о «поколении целинников», о «поколении БАМ» и прочее, и прочее, и прочее... Сакральное понятие стало расхожим политическим ярлыком.

А теперь вдруг пришла ясность, что на самом деле нет поколений. Есть люди. Каждый – неповторимая личность, с неотъемлемыми правами человека и самоценной судьбой. И если подростку приходилось стандартизироваться до уровня единообразного «поколения», то лишь потому, что он вынужден был решать свои возрастные проблемы в безнадежно всеобщих, насильственно навязываемых стандартных обстоятельствах жизни: индустриализация, целина, застой... Десятилетие за десятилетием лучшие из лучших – цвет нации (кто по «призыву партии», кто по «зову сердца») – беззаветно клали свою молодость на затыкание идейных и хозяйственных прорех. Так, словно по кругу, оно бы и шло. Но в 1985 г. беззаветной молодежи вдруг как бы и не оказалось. А на «призыв партии» явились расторопные мóлодцы, которые, при всей разношерстности, по «зову сердца» стремились исключительно к мародерству. И хотя некоторые из них прогремели потом как меценаты и филантропы, поколением перестройки ни «олигархов», ни «братву», ни «политтехнологов» называть никому и в голову не приходило... Перестройка пошла так, как она пошла – из куля в рогожку, из монолита в хаос. Спасительное поколение явить себя отнюдь не поспешало. Становилось ясно, что его не просто нет, а что и жалеть о том не надо.

В истории всех стран и всех народов неоднократно формировались монолитные тотальности, типа «Старшие братья идут в колоннах, каждому двадцать лет»... И ничего хорошего ни для стран, ни для народов из этого ни разу не получилось. А выручало везде и всегда только то, что при всем при том в глубине души каждый сохранял личную суверенность. Творческий потенциал человека всегда оказывался богаче,

чем требовал любой исторический типаж. Психоэнергетика индивида всегда была избыточна по отношению к любой навязанной обстоятельствами социальной роли. И потому в любых обстоятельствах сохранялся внутренний ресурс саморазвития личности. У одних это стимулировало все более тонкую дифференциацию способностей мышления. В других укрепляло чувство чести посреди коллективной замороченности и государственной безнравственности. Третьим придавало сил превратить в тайное убежище контркультуры дружеское общение и личную жизнь... И это было неистребимо. Ничего с этим не могли поделать ни власти, ни идеологии, ни традиции, ибо, как сказал поэт, «сапогами не вытоптать душу!»²². И только в бесконечном разнообразии душевной избыточности людей, не желающих брать на себя грехи властей держащих, способен был самоактуализироваться тот непредставимый загодя новый психотип человека, который и запустил новый виток развития цивилизации...

Неистребимая суверенность личности оставалась единственной, но неугасающей светлой точкой в конце тоннеля, имя которому – XX век. И вот в 1995 г. компьютерная программа обработки данных выделяет уже в отдельный кластер людей, которых отличает социальная взыскательность²³. Сре-

²² *Высоцкий В.* Песня о земле // Соч.: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1. – С. 266.

²³ «Они ясно осознают свой потенциал и стремятся использовать его в личных целях, но не в ущерб другим. Брать на себя ответственность за всеобщее благо они не собираются, однако готовы участвовать в общественных проблемах лично или путем пожертвований. Терпимы к людям. Принимая решения, умеют предвидеть их отдаленные последствия. Политику «грязным делом» не считают, однако сторонятся ее, чтобы не иметь дело с «грязными людьми». Подобные красивые предрассудки мешают им стать лидирующей стратой общества. В этом, может быть, их ущербность. Но таких респондентов уже 19(!) процентов. А раньше, как показывает ретроспективный зондаж, почти не было. Среди респондентов старше 50 лет этот тип не зафиксирован» (Граждане, послушайте себя... // Политическая среда. – 1995. – № 2. – С. 6).

524 ди них были мужчины и женщины и 40, и 30, и 20 лет, интеллектуалы и предприниматели, чиновники и богема, военные и студенты. Их соединяли не возрастные или житейские устремления, а духовно-интеллектуальные свойства личности. Для них не прошел даром опыт народного философствования, и они не упустили шанс, который предоставил Интернет.

Только вот не так-то просто поверить, что это и есть «люди XXI века». Жидковато они смотрятся на фоне «братков» да «олигархов». И «политтехнологи» еще не таких вокруг пальца обводили...

Да и кто они такие есть-то, в самом деле? Откуда взялись? Что за душой приберегают? И каково-то с ними придется всем остальным?

Это вопросы отнюдь не риторические. Наоборот, глубоко личные. И без прямых ответов ни с другими не поладишь, ни в самом себе не разберешься. Вот почему все, что удалось разузнать и понять, а потом научно проанализировать и экспериментально проверить, хотелось «разложить на множители» и «привести к общему знаменателю» в итоговом умозаключении.

Однако с «общим знаменателем» возникла проблема. Тут невозможно было применить термин *поколение*. Нельзя было сказать ни как у В. Даля: «Одно колено, наличные люди или животные в данный срок. *Потомки Чингиса насчитают ныне от него девятнадцатое поколение*»²⁴, ни как в академическом словаре: «Совокупность людей близкого возраста, связанных общей деятельностью, общими интересами. *Новое поколение летчиков было выдвинуто войной*»²⁵, ни, тем более, как в Советском энциклопедическом словаре: «Люди с общими ориентациями и настроениями (*“потерянное поколение”*)»²⁶. Сакральная со времен тургеневского романа «Отцы и дети» категория уже не проясняла, а затемняла суть дела. Потому

²⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб. – М., 1882. – Т. 3. – С. 243.

²⁵ Словарь русского языка: В 4 т. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 3. – С. 340.

²⁶ Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 1036.

и зазвучал так интригующе заголовок программного романа В. Пелевина «Generation 'П'», что английский аналог слова «поколение», имея дополнительное (четвертое) значение технико-производственного плана²⁷, придавал затерто-благодарному символу угрожающий оттенок. Только не в помощь были ни надежды, ни страхи вчерашнего дня. Не поколенческие функции, а принципиально иные способы решать личностные проблемы, невзирая на политическую погоду, – вот что выделяло людей в особый психотип, непривычный и многообещающий.

Они появились как-то враз, в числе весьма значительном, и были психологически схожи, как сверстники²⁸. Да они и были сверстниками, как бы ни различались друг от друга возрастом, образованием или достатком. Потому что их склад мышления, тип общения, стиль жизни совпали по времени проявления, вектору распространения и практической эффективности с развитием новейших информационных технологий. Они не были единым поколением ни в биологическом, ни в социально-политическом смысле. Просто они оказались сверстниками относительно одного и того же глобального феномена, каким стал Интернет.

²⁷ «*generation n ... 4. [U] the process of producing something or making something happen: the generation of electricity / Longman Dictionary of contemporary English. 3-d edition. – P. 588.*

См. также: «*generation n ... 4. тех. генерация, образование (пара)*» // Англо-русский словарь – М.: Русский язык, 1983. – С. 325.

²⁸ «*Сверстник, -ница, ровня, однолесток; ровесник годами либо летами службы, званием и чином, пребыванием где-либо и пр. Мы были товарищами, мы сверстники по службе, да далеко он от меня ушел. Он со сверстниками (ровнями) хорош, а противу старших дерзок*».

Происходит от: «*сверстывать, сверстать что у- (по-, вы-, с-) ровнять или равнять, приводить в одну меру с чем, убавляя и прибавляя по надобности. Сверстать кого с кем поставить за одно, ценить одинаково или сравнивать окладом, жалованием, доходами и пр.... Сверстаться чином с кем, получить равный с ним чин*» // Даль В. Словарь живого великорусского языка. – СПб – М., 1882. – Т. 4. – С. 147.

В науке на сей счет два мнения. Одни рассматривают развитие электронных каналов связи как расширение нервной системы человека²⁹. Другие подчеркивают, что в электронных системах нет ничего такого, что не сложилось бы раньше в человеческой голове³⁰. А у авторов данной статьи в руках скопился материал, с одной стороны, подтверждавший, что в народном философствовании методы интерактивной переработки информации и тексты мультимедийного типа родились раньше, чем появились соответствующие электронные устройства, с другой – раскрывавший, как под влиянием новейших информационных технологий люди начинали мыслить, говорить и действовать вариативнее, быстрее, продуктивнее. И что было всего интереснее: самый, с точки зрения авторов, важный социально-психологический процесс XX века – народное философствование – и самая мощная в истории человечества развивающаяся машина – всемирная паутина – представляли как взаимодополняющие факторы все еще продолжающейся эволюции человека и одновременно как практическая самореализация нового психотипа личности.

Так пришло определение – «Сверстники 'Net'».

Переключка с апокалипсической метафорой В. Пелевина – очевидна. Авторы тем самым отдавали должное таланту писателя, который принудительным сопряжением значений родного и иноязычного слова (*поколение* – *generation*) в контексте просторечного выражения (Generation 'П'), визуально закрепляемого сочетанием двух алфавитов (латиницы и кириллицы), не только создал шокирующий символ, но и угадал порождающую модель речемыслительной глобализации, начавшейся в перестройку. По той же модели теперь верстаются газетные шапки, провозглашаются партийные лозунги, оформляются рекламные слоганы, разворачиваются широко-вещательные ток-шоу, обсуждаются общественные проблемы, индексируются православные сайты, принимаются лич-

²⁹ См.: McLuhan, M. *Understanding media: The Extension of Man.* – N.Y., 1965.

³⁰ См.: *Винер Н.* Творец и робот. – М.: Прогресс, 1966.

ные решения... Не использовать этот дополнительный ресурс выразительности было бы глупо. Однако, по мнению авторов, главным глобализирующим элементом современного мышления, общения и поведения является всемирная информационная сеть, а национальная ментальность отнюдь не законсервирована в матерщине, но исторически эволюционирует вместе с психотипом человека. И потому не деградирующее «*generation 'T'*», а народившиеся «сверстники *'Net'*» стоят перед почтительного внимания. И это вовсе не вопрос социального оптимизма. В литературные антиутопии до конца не верят даже сами писатели. Но ничто не тревожит сильнее, чем неопределенность: с кем-то завтра придется реально и конкретно вести дела? Это как в частушке 90-х гг.:

*Оптимисты загалдели:
«Виден свет в конце тоннеля!»
Только что там? – вот вопрос.
Может, встречный паровоз?*

Найдутся люди, и немало таких, кому «сверстники *'Net'*» покажутся пострашнее встречного паровоза. И такие, что пойдут бежать впереди паровоза, улещая и прославляя. А все больше и больше – тех, кто просто захочет понять, как паровозом пользоваться. Суть же в том, чтобы и первые, и вторые, и третьи, и любые другие «...надцатые» лично и воочию увидели, чего они пугаются, чем соблазняются, как меняется сам «пользователь», даже если в жизни перемен не заметно. Во весь рост встала проблема презентации полученных данных, когда информация остается адекватной реальности, с чьей стороны на нее ни взгляни. Как бы в свете бестеневого хирургической лампы. Но, хотя в деталях все делалось очевидным, процесс в целом уходил из сферы уверенного прогнозирования. Ни одна из признанных концепций социологии, социальной психологии и теории журналистики, ни все они вместе не охватывали, к примеру, такой вот прецедент. Когда на президентских выборах (1996 г.) возникла гипотетическая опасность, что во второй тур выйдут Г. Зюганов и

528 В. Жириновский, рейтинги которых были заметно выше, чем у Б. Ельцина, политтехнологи начали раскрутку дополнительного кандидата – генерала А. Лебеда, чтобы, оттянув на него «патриотический электорат», просто снять «проблему ЛДПР». Тогда имиджмейкеры из команды Б. Березовского выпустили на телеэкраны два рекламных ролика, структурно похожих, как однояйцовые близнецы.

Первый: Широкая лента реки. В пойме костерок. Варится уха. Группа плотных мужчин, видимо довольных, улыбчивых, уверенных в движениях... Кто-то из них не очень внятно, как бы про себя, проговаривает: «Вот все у нас есть! Теперь только еще бы человека...». Проникновенный голос диктора: «Есть такой человек! И ты его знаешь». Крупно портрет Александра Лебеда, плотного мужчины, с апломбом атамана.

Второй: Широкая лента реки. Пароход. На палубе под проливным дождем упоенно отплясывает плотный мужчина. Не очень внятно, как бы сказанные про себя, звучат слова: «Вот все у нас есть! Теперь только еще бы человека...». Проникновенный голос диктора: «Есть такой человек! И ты его знаешь». Крупно портрет Александра Лебеда, плотного мужчины, с апломбом атамана.

Тут каждая деталь восходит к архетипам русской ментальности. Река – символ дороги, пути, судьбы, жизни. Костер – символ своей охоты, свободного привала, независимого существования. Ладья, корабль – символ казацкой доли, надежды и удачи, активности и успеха. И, наконец, диалог голосов о главном человеке, предводителе, атамане. Что он значит в русской ментальности, можно понять хотя бы по песне «Любо, братцы, любо», а лучше – по пронзительным строкам поэмы Сергея Есенина «Пугачев»: «Проведите! Проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!».

Тут расчет не на идеологию, общественные интересы или политические программы, а на ментальные структуры, базовые влечения и страхи массовидного человека. Текст провоцирует личное переживание (в соответствии с собственным вариантом ментальности индивида) в самом широком спек-

тре от полного принятия до крайнего осуждения. И тем лучше, чем разнообразнее и нетерпимее реакции реципиентов. Общественное мнение по этому вопросу резко расслаивается, приходит в состояние хаоса. Но зато возбуждается целенаправленная активность некоторой страты аудитории, в групповой ментальности которой возникает эффект резонанса. И если таких людей окажется достаточно много, их действия изменят социальную практику. Это еще можно и понять в замысле, и уяснить в теории, и проследить в деталях технологии. Но точно прогнозировать отдаленные последствия, как в реальной жизни общества, так и в ментальности социума, уже не удается.

Хотя на тех достопамятных президентских выборах В. Жириновский потерял большую часть электората и с тех пор уже не воспринимается как политик первого ряда, хотя А. Лебедь занял в первом туре почетное третье место, чем способствовал выходу Б. Ельцина во второй тур, а затем, порекомендовав своим избирателям отдать голоса действующему Президенту, обеспечил ему победу, – генерал недолго продержался на предоставленной ему, словно бы в знак благодарности, должности секретаря Совета Безопасности РФ. Впрочем, А. Лебедь и за короткий срок успел-таки наделать немало трудно исправимых ошибок, которые вызвали глубокое разочарование прежде всего у тех людей, которые «голосовали менталитетом».

Хотя сам Б. Березовский остался, по-видимому, доволен результатом и, единственный из постсоветских олигархов, продолжал и дальше без стеснения разыгрывать в России «русскую карту», вряд ли он четко просчитывал, где может сам же и оказаться. На очередных выборах в Государственную Думу (1999 г.) политические тяжеловесы Лужков и Примаков сформировали патриотический блок «Отечество», а потом, по примеру национальной политики советских еще времен, укрепили свою электоральную базу путем включения в политсовет также президентов Татарстана, Башкортостана и других автономий РФ, а новое объединение переименовали в «Отечество – Вся Россия», рейтинг которого очень скоро перевалил за 60%. Возникла реальная угроза политическим, да и имуще-

530 ственным, интересам Б. Березовского и его окружения. Срочно организовался «совершенно альтернативный», но тоже патриотический и тоже объединяющий избирательный блок, который назвали «Межрегиональное движение “Единство”», рассчитывая, что словно бы непроизвольно складывающаяся по первым двум буквам трех слов аббревиатура «Медведь» будет резонировать в русской ментальности до тех глубин, когда этот мощный зверь был тотемом славянских и близких им племен, населивших когда-то Восточно-Европейскую равнину. Хитроумный олигарх снова выиграл. Лужков и Примаков вкупе с Шаймиевым и другими региональными президентами потерпели обидное фиаско. Однако странным образом очень скоро политики из конкурирующих группировок «Отечество – Вся Россия» и «Межрегиональное движение “Единство”» сошлись в партию «Единая Россия», приняв в качестве общего знамени геральдическое изображение медведя. А впавший в опалу Б. Березовский почел за благо эмигрировать в Англию...

Получается, что новейшие информационные технологии превращают массовую коммуникацию в специфическую медиареальность. В сущности, любой журналистский текст, любая PR-акция становится теперь (точнее, стремится стать) органической частью социальной практики, ее функциональным элементом, который одним наличием своим вызывает реальную трансформацию общественной жизни. И многое при этом возникает бессознательно, а разворачивается спонтанно, как объективный процесс. Журналистам кажется, что они просто «продают новости». Людям кажется, что они просто «удовлетворяют свое любопытство». Но потом оказывается, что поток сообщений подспудно и непредвиденно изменил их переживания и поведение и породил совершенно новые формы социальной практики, которых никак не ожидали и сами журналисты.

И не в том даже странность, что и «олигархи», и «политтехнологи» раз за разом расписывались в неадекватности и некомпетентности, что «братки» гибли в разборках, как

при коллективном суициде, а «террористы», кроме личного злодеяния, никаких резонансов не имели. Было бы, наоборот, странно, если бы не случилось, к примеру, дефолта 1998 г. или кризиса 2008 г., если бы иссяк поток заказных убийств, если бы в Чечне после победы клики Масхадова-Басаева воцарились благополучие и благоволение. На самом деле поразительно то, что после самых крутых переговоров, PR-акций, разборок и терактов, готовых обратиться в хаотическую кучу обломков и государственную власть, и уголовное право, и самую народную нравственность, общество хотя и погружалось в смуту, но возможность регенерации ценностей сохранялась, и целостность как никак, а восстанавливалась. И не было в этом ничьей особой заслуги. Вверху – не более чем «метод проб и ошибок», внизу – в лучшем случае «голосование ногами». Парадоксально, но самым стойким балансером социальных пертурбаций оказывалась как раз медиареальность, которая, подобно мифическому Протею, принимала формы любых «застоев», «перестроек», «приватизаций» или «цветных революций». Однако, мимикрируя с быстротой хамелеона, она сохраняла глубинный абрис архетипов и потому в любых обстоятельствах представала амбивалентно, не без вариантов на выбор, как если бы вечно оставался актуальным знаменитый софизм Протагора: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют»³¹.

Медиареальность одновременно и предстает как одна на всех, и разворачивается как для каждого своя. В этом ее феноменологическое отличие от научной «картины мира», формирующейся как система абстрактных знаний, которые истинны *всегда и везде*. Но абстракции не имеют ни вкуса, ни цвета, ни запаха, ни риска. Это как типовый проект, который на стройплощадке нужно еще «привязать к местности», прежде чем возводить здание. Медиареальность составляют вещи настолько конкретные, что неизбежен ни вкус их, ни

³¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. – С. 348.

532 цвет, ни запах. И коллизии здесь сугубо практические: когда что ни сделаешь, чем-то рискуешь. Тут требуется не абстрактное знание, а оперативная информация, которая оптимальна *здесь и сейчас*. Только что ее не было. Вот-вот появится другая. Но в данный конкретный момент это именно то, что пригодно для адекватного мышления и поведения в данных реальных обстоятельствах. Она будет считаться истинной ровно настолько, насколько окажется эффективной. Поэтому ей не обязательно быть полной, необходимо только быть достаточной для принятия решения с приемлемой степенью риска. А главное – она должна появляться своевременно, как ложка к обеду, и при этом быть удобной для незамедлительного использования по прямому предназначению. И действует она как «отгадка» к «загадке», открывающая смысл вещей и суть дела. Психологически это все равно как «АГА-переживание», «инсайт» или «переструктурирование гештальта». Но одновременно это и логический посыл, корректирующий поведение. Это не только «сведения о...», но и «алгоритм как...», не просто информация, а новейшая для своей эпохи информационная технология, то есть одновременно и дискретный, подобно корпускуле, смысловывявляющий «месседж» (от англ. *message* – послание, поручение, весть, зов), и непрерывная, подобно волне, «медиа» (от англ. *medium plural media or mediums* – 1. средство (путь, способ, технология) передачи информации и новостей в массовой аудитории, такое как газеты, телевидение и др. *Politicians prefer to use the medium of television*; 2. средство (путь, способ, технология) выражения мыслей (порождения текста), особенно для писателя или художника. *The novel as a medium for satire*)³², посредством которой индивид осваивается в реальности и включается в коллективное освоение реальности. Так что знаменитые *The Medium is the Message* и *The Medium is the Massage* Маршалла Маклюэна – не эпатаж и не парадоксы, а логические постулаты, которые следует понимать буквально. Такова, если хотите, формула

³² Longman dictionary of contemporary English. – Barcelona, 1995. – P. 891.

сращивания в единый духовно-практический процесс работы глубинных механизмов и коллективной, и индивидуальной психики. В этом плане медиареальность есть процесс и результат (*The Medium is the Massage*) массовой коммуникации, в которой реализуется динамика коллективной психики при непрерывном взаимодействии всех форм коллективного сознания (вплоть до идеологии и права) и всех механизмов коллективного бессознательного (вплоть до архетипов, табу и тотемов) в режиме дискретной интерактивности (*The Medium is the Massage*) со множеством людей, в индивидуальной психике каждого из которых есть и ясные идеи индивидуального сознания, и смутные комплексы индивидуального бессознательного.

Как будто шестым чувством предощущая за приоткрывшейся медиареальностью психологическую *terra incognita*, в расширившееся коммуникативное пространство, словно конкистадоры в поисках Эльдорадо, хлынули журналисты и психологи, на лету перехватывая друг у друга исследовательские методы и приемы изложения. Оказалось, что сугубо психологические методики организации материала можно использовать в качестве новых публицистических жанров: фокусированное интервью, очерк на основе глубинного тестирования, обозрение с психоаналитической проработкой символики и т. п. Доходило до курьезов. По национальному ТВ прошла серия интервью ведущих политиков страны с использованием «детектора лжи», к которому знаменитостей подключали прямо на глазах у многомиллионной аудитории. Со своей стороны, психологи, используя журналистские методы, расширяли свое воздействие до уровня средств массовой коммуникации типа телевизионных ток-шоу или глянцевого журналов. Тут тоже не обошлось без курьезов, вроде телевизионных сеансов Кашпировского или Чумака. Курьезы, равно как и жанровые удачи, красноречивы уже сами по себе. И говорят они о том, что новейшие информационные технологии создают необходимые условия для фактического сращения журналистики и психологии в единое поле практических действий и

534 научных измерений. И настолько единое, что раздельное воздвигание его в теоретическом аспекте – неоднозначно, а в практическом плане – небезопасно. Теория журналистики несколько раз поменяла фокусировку концепций, представляя прессу то как «коллективного пропагандиста, коллективного агитатора и коллективного организатора», то как манипулятивные масс-медиа, то как всеобщую «четвертую власть», то как форму обслуживания непритязательных и даже низменных запросов аудитории, хотя авторитета публицистике это так и не прибавило. Параллельно предпринимались попытки научного моделирования в области массовых коммуникаций. И тут в полной мере оправдалась горькая ирония Норберта Винера: «Иллюстрированная газета будет продаваться благодаря некоторой, точно установленной смеси религии, порнографии и псевдонауки... Для определения рецептов этих смесей имеется механизм радиоопросов, предварительных голосований, выборочных обследований общественного мнения и других психологических исследований, объектом которых является простой человек; и всегда находятся статистики, социологи и экономисты, готовые продать свои услуги для этих предприятий»³³. Запрограммированные с самой, казалось бы, благородной целью, газеты, журналы, теле- и радиоканалы развернули информационную гражданскую войну, нанося невосполнимый ущерб и государственным программам, и народной нравственности. А в ходе неустанный «зомбирования аудитории» у самих журналистов стали обнаруживаться черты необратимой зомбированности³⁴. Да и наука как таковая несла некомпенсируемый урон. Ее академические методики низводились до обеспечения теоретически все более ничтожных, а практически все более одиозных манипуляций. Вплоть до пресловутого «эффекта двойников». Да и личные судьбы ученых существенно изменились. Раньше от них требовали

³³ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Радио, 1957. – С. 197.

³⁴ Подробнее об этом см.: Аксиома служения // Государственная служба. – 2001. – № 1. – С. 10–18.

«повысить идейное влияние», теперь – требуют «расширения продаж». И те, кто раньше соглашался «задрать штаны бежать за комсомолом», точно так же, задрать штаны, побежали за «олигархами», а потом, когда и олигархи стали сдавать, так и остались стоять, задрать штаны, в рассуждении, за кем бы побежать еще. Поневоле пожалеешь, что наука не имеет холостого хода. Этически ущербные, но методологически изощренные изыскания в психологии рекламы, технике PR, прикладной коммуникативистике, сетевом маркетинге и т. п. вызвали к жизни, должно быть, самый зловещий феномен современной науки – так называемую политтехнологию, которая, вырастая из коммерческих программ продвижения залежалого товара, развилась и усовершенствовалась до уровня стратегии и тактики, к примеру, «невооруженного государственного переворота», типа «революции роз», или «превентивного укрепления государственности», типа «управляемой демократии». Утрированные рекомендации имиджмейкеров, промоутеров, продюсеров и политологов, определяя точки приложения и способы применения денег, электроники, коррупционного сговора, административного ресурса и т. п., стали задавать тон, стиль и перспективу общественной жизни. Триумфальное шествие «цветных революций» производило гипнотический эффект. Но ни одному государству так и не удалось конструктивно решить свои национальные проблемы. В Грузии за победой «революции роз» последовали погромы независимых телестудий и редакций газет, акции геноцида нацменьшинств, военная авантюра, массовые репрессии... На Украине перманентная «оранжевая революция» плавно перешла в ползучий коллапс... Политтехнология – это действительно оружие массового поражения, и большой разрушительной силы. И прежде всего поражается система духовной самоорганизации социума. «Массовая коммуникация перестает быть способом коллективного осмысления действительности и жизненной ориентации в прагматическом плане, теряет возможность организации и соединения индивидов в коллективном психосоциальном проекте, утрачивает функцию стабили-

536 зации и активизации общественного мнения...» – обобщает свои наблюдения современный украинский исследователь и предупреждает об угрозе «дегуманизации журналистики и деперсонализации журналистского творчества»³⁵.

Но в том то и штука, что все равно просто «выйти из массовой коммуникации» – невозможно. Полностью отключаться от нее нельзя. Это вызывает либо регресс личности (в случае индивидуальном), либо распад общества (при массовых вариантах).

И наоборот, полное слияние с массовой коммуникацией, бездумное вовлечение в ее паттерны мышления, общения и поведения оборачивается профанацией чувства ответственности, что привносит в жизнь нравственные девиации вплоть до уголовно наказуемых деяний, а в высшие ценностные категории – привкус сомнения и глума. И так происходит не только с наивными читателями или забубенными журналюгами, но и с глубоко мыслящими людьми безупречной репутации. Классик мировой литературы Марк Твен был также практикующим журналистом. И даже в его юмористическом обобщении звучит остро профессиональное, почти циничное, понимание асоциальной эффективности прессы: «Я сказал, что сделаю вашу газету интересной для всех слоев общества, – и сделал. ...И я дал вам самый избранный круг читателей, какой только может быть у сельскохозяйственной газеты, – среди них нет ни одного фермера, среди них не найдется ни одного человека, который мог бы отличить дынный куст от персиковой лозы даже ради спасения собственной жизни»³⁶. Но есть в его публикациях и трезвая самооценка: «По собственному опыту я знаю, что журналисты склонны ко лжи. Несколько лет тому назад я сам ввел на Тихоокеанском побережье особый и весьма живописный вид вранья, и он не выродился там и

³⁵ Вербицкая Ю. А. Массовая коммуникация как творческая проблема: текст и личность: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2006. – С. 4; 10.

³⁶ Твен М. Как я редактировал сельскохозяйственную газету // Марк Твен. Избранное. – М.: Госиздат, 1958. – С. 408.

до сих пор... И – ведь привычка вторая натура – по сей день мне приходится все время следить за собой, чтобы не отклониться от правды. ... Не стоило бы в этом признаваться, но я и сам печатал злостные, клеветнические статьи о разных людях и давно заслужил, чтобы меня за это повесили»³⁷. И при всем том Марк Твен не забывал подчеркнуть: «У газеты есть свои недостатки, и их немало, но тем не менее она способна поднять из гроба мертвую нацию, и никогда не следует забывать об этом. Без газеты вам мертвой нации не воскресить: иного средства нет»³⁸.

Все эти парадоксы не удастся снять или объяснить ни в парадигме классической риторики Квинтилиана, ни в свете вольнодумств Вольтера, ни в рамках железной триады «пропаганда – агитация – организация» В. И. Ленина, ни в русле какой-либо из четырех «теорий прессы» Уилбура Шрамма. Но надежда оживает, если принять, что в медиареальности исследователю предстает воочию динамика коллективной психики при непрерывном взаимодействии всех форм коллективного сознания и коллективного бессознательного. Глобальная история медиа всех видов и любых сообществ – это длинный статистический ряд фактов, феноменов и фантомов, которые четко зафиксированы, проанализированы в их причинно-следственных связях и позволяют, как по прецеденту, установить адекватность категорий, концептов и экспериментальных данных психологии глубинным механизмам массовой коммуникации. И в ответ на вопрос вопросов: «Почему политтехнологии 90-х годов ни разу не дали расчетного результата и общество все-таки сохраняло возможность регенерации?» – сама собой кристаллизуется мысль: «Потому что сопротивление коллективного бессознательного непреодолимо, пока жизнеспособны предвечные ментальные структуры национальной идентичности»³⁹. Не случайно самые

³⁷ Твен М. Разнузданность печати // Там же. – С. 417-418.

³⁸ Твен М. Янки при дворе короля Артура // Марк Твен. Собр. соч.: В 12 т. – М.: Художественная литература, 1960. – Т. 6. – С. 359.

³⁹ Краеугольный прецедент – Белоруссия в годы Великой Отечественной войны.

538 коварные идеологи и самые отпетые политтехнологи главный удар нацеливали именно по национальной идентичности и действовали в этом направлении, не считаясь ни с гуманностью, ни с чувством чести⁴⁰. И нужно видеть, что такой нажим может подавить жизнеспособность ментальных структур, сменить их ориентацию, ибо в коллективном бессознательном добро и зло легко меняются местами, и тогда национальная идентичность оборачивается устремленностью к самоотвер-

⁴⁰ Характерный эпизод полемик времен «парада суверенитетов»: «Но, заимствуя у коммунистов риторику о «самоопределении вплоть до отделения», неплохо бы помнить, к чему это привело, а главное, понять, наконец, почему же так вышло. Тут ведь важны не лозунги, а реальные механизмы. Однажды, раздосадованный тем, что на переговорах грузин-большевик Орджоникидзе ударил по лицу грузина-меньшевика, В. И. Ленин поспешил назвать, говоря по-нынешнему, «кавказскую разборку» «русским (!) рукоприкладством» и раскрыл собственный замысел: «интернационализм со стороны угнетающей нации или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей то неравенство, которое складывается в жизни фактически»... Грубые оскорбления национального достоинства большинства населения в устах вождя психологически знаменательны. Истерический напор должен был подавить, парализовать самосознание того народа, который один из всех, хотя бы в силу численного преобладания, мог отринуть большевизм, если бы остался в русле национальной традиции. Чтобы властвовать, коммунистам недостаточно было по правилам римских рабовладельцев разделить народы. Тогда они предъявили моральные и материальные претензии к «великой» нации от лица «малых», ото всех вместе и от каждой по отдельности. 70 лет одному из народов федеративного государства решительно и неотступно внушали деморализующий комплекс вины, провоцируя и нагнетая чувство национальной неудовлетворенности у всех остальных. Судьбы «русскоязычных» в Эстонии, Латвии, Молдавии, Таджикистане, Казахстане... показали, что образ «врага внутреннего» удалось создать и более жгучий, и более действенный, чем образ «врага внешнего», типа «германского фашизма» или «американского империализма» (Идея типа «принять вину» // Российские вести. – 1997. – 05 сент.).

жению, похожему на самогеноцид⁴¹. Дальше – только разложение морали, разрушение культуры, смутное время, гибель цивилизации, гуманитарная деградация, как если бы спираль эволюции сплющивалась в замкнутый круг... Однако тверже, чем национальная идентичность, проявляет себя идентичность личности⁴². И прежде всего потому, что, согласно законам пси-

⁴¹ Швейцарский психолог Карл Густав Юнг распознал в психике человека архетипы ценностных ориентаций, которые не вырабатываются людьми лично, а приходят через бессознательный коллективный опыт, передаются генетически. Используя пример гитлеровской Германии, он доказал, что теоретически возможно и практически несложно связать острые жизненные проблемы с древнейшими глубинными комплексами и символами и на этой психологической основе возбудить массовый энтузиазм, несгибаемый и саморазрушительный одновременно... В 1992 г. на Международной конференции по проблемам ментального здоровья красноярский ученый В. К. Васильев определил раскол национального сознания как синдром гражданской войны. «Демонстрационным материалом, – говорил он, – могут послужить телевизионные трансляции со съездов и заседаний Верховного Совета, других политических собраний. Словно в стеклянной банке или аквариуме, видно, что каждый каждого как бы ментально приговаривает к смерти, а потом выжидает, когда создадутся объективные условия, позволяющие действовать. И становится ясно, что однажды ментальные приговоры начнут практически претворяться в жизнь. А уж тогда придется браться за оружие. Тогда эту ментальную болезнь увидят все. И не только по телевизору». Вроде бы умозрительные построения. Но через полтора года после этого «телевизионного диагноза» страну потрясли трагические события октября 1993 г. (Цит. по: Зачем он нужен, этот Ленин? // Российские вести. – 1997. – 17 июня).

⁴² После первой мировой войны люди ощущали себя на развалинах цивилизации. В 1920 г. стала философским бестселлером книга О. Шпенглера «Закат Европы», предрекавшая гибель культуры и «наступление нового варварства». Книга К. Ясперса «Духовная ситуация эпохи» (1931) была даже реалистичнее в анализе и жестче в прогнозах. Изучая состояние массового сознания, К. Ясперс пришел к выводу о неизбежности тоталитаризма, но сохранил философский оптимизм. Он понял, что тоталитаризм в конце концов рухнет, встретив неодолимое препятствие в самом феномене личности, потому что человек, даже когда не в силах предотвратить

540 динамики, энергия индивида всегда избыточна по отношению к социальной системе, а интеллектуальный, эмоциональный и волевой потенциал личности больше, чем необходимо для приспособления к общественным установлениям. Более того, человек способен сознательно пойти наперекор всему и вопреки архетипам и влечениям бессознательного⁴³, чтобы в полную меру своего таланта и на собственный страх и риск на себе самом поставить жизнеосмысляющий *experimentum crucis* и на глазах у всех подняться к новому уровню самосознания и самообладания. И нередко под влиянием такого личного примера, наглядного урока, живого поучения мгновенно кристаллизуется новый аспект миропонимания, новый способ мышления, новый стиль чувствования, новая манера поведения и, в конечном счете, новый психотип личности, а иногда на целые тысячелетия закрепляются ментальные черты нации⁴⁴, подобно

трагические повороты истории, в глубине души верен своим убеждениям, живет и действует так, как будто отстаиваемые им принципы могут восторжествовать в будущем. В этом человек – каков он есть, в отличие от того, что думают о нем другие и чем он кажется себе самому. Отсюда уверенность философа в экзистенциальной готовности личности к подвигу отказа и преодоления.

⁴³ В. Франкл, великий психолог и узник трех нацистских концлагерей – Тирезиенштадта, Дахау и Освенцима, имел личные основания писать: «Человек, в конечном счете, преодолевает самого себя, человек – это самотрансцендирующее существо... То, чем он станет, – это наряду с ограничениями, накладываемыми его способностями и окружением, определяется тем, что он сделает из самого себя. В концентрационном лагере, например, в этой живой лаборатории и в испытаниях на этой земле, мы были свидетелями того, что некоторые из наших товарищей вели себя как свиньи, в то время как другие были святыми. Человек имеет в себе обе эти возможности, и то, которая из них будет актуализована, зависит от его решения, а не от условий» (Цит. по: Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 261).

⁴⁴ Можно сказать, что, когда родился Конфуций (551 г. до н. э.), как такового Китая еще не было. А Поднебесной называли заселенную огромным числом людей огромную равнину, на которой карликовые царства и княжества вели бесконечную междоусобную войну всех против всех. Общим у этих лоскутных государств были только язык и детали фольклора.

Конфуций начинал как чиновник в царстве Лу. Однако, достигнув высшей должности – первый советник царства, вдруг подал в отставку, чтобы стать первым в истории частным учителем. В основу своих поучений (СЮЭ) Конфуций ставил человеколюбие (ЖЭНЬ), долг (ЛИ), заботу (ШУ), почтительность (СЯО), верность (ЧЖУН), справедливость (И), честность (СИНЬ). Но дело не в содержании категорий (аналогичные ценности упоминаются во многих учениях древности), а в их, как можно сказать сейчас, взаимодополнительности. Все вместе, как система требований, они трудно исполнимы. Но ими очерчивался новый и жизненно необходимый психотип. И что характерно, Конфуций требовал такого не от простолюдинов, и даже не от правителей-богдыханов, а прямо и непосредственно от «менеджеров среднего звена»: мандаринов, чиновников, служивых людей и вообще от каждого образованного человека, способного претендовать на государственную должность. И это были не благие советы, а нравственные запреты, более жесткие, чем царские указы. Но именно те, от кого Конфуций не требовал совсем ничего, – высшие сановники, первосвященники, знаменитые философы и пр. – встретили его учение в штыки. 13 лет Конфуций вел жизнь странствующего философа, всюду встречая гонения и покушения на жизнь и свободу. В царстве Сунн пытались его убить, срубив дерево, под которым он предавался размышлениям; в царстве Чэнь он едва избежал самосуда толпы; спасался бегством из княжества Вэй; в царствах Шан и Чжоу жил в нищете. Но неукоснительно исполнял строгие, как воинский устав, нормы личного поведения, хоть перед лицом гневных властителей, хоть посреди раздраженной толпы, так что путь его – своего рода *experimentum crucis* длиной в жизнь. И к нему стекались молодые грамотеи со всех концов Поднебесной.

По преданию, школу Конфуция прошли три тысячи учеников. Но мыслитель вел собственные подсчеты: «Тех, кто изучил мои наставления и постиг их, было 77 человек, выдающихся по своим способностям». Среди них нашлись, конечно, и такие, кому не хватило сил строго исполнять заветы учителя. Известно, что разгневанный Конфуций публично отрекся от своего любимого ученика Цю, когда тот, став министром, отступил от принципа заботы о простолюдинах (ШУ). Но имена 72 его слушателей вошли позднее в золотой список мудрецов Китая. Им тоже выпадали собственные *experimentum crucis*. По указу кроваво-знаменитого императора Цинь Ши-хуарди (259-219 гг. до н. э.) были казнены 460 ученых-конфуцианцев и книги их сожжены. Но число тех, кто считал себя учеником и последователем Конфуция, продолжало расти. Книга «Лунь Юй» («Беседы и высказывания», законспектированные слу-

542 тому, как бесформенные груды железных опилок в индуцируемом магнитом поле перестраиваются в строго упорядоченный узор силовых линий. И всегда наготове пример того, как новый психотип появляется враз и в совершенном виде, словно Афина из головы Зевса: «Пушкин есть пророчество и указание»⁴⁵, провозгласил Ф. М. Достоевский, а Сергей Есенин увидел уже

шателями его школы) стала в Поднебесной в полном смысле слова учебником жизни, который наизусть заучивали дети и к авторитету которого апеллировали взрослые в делах семейных и политических. Медленно, в течение столетий, но сложилась-таки новая, а главное, общая для всех лоскутков Поднебесной конфуцианская ментальность. Образованный человек из срединного слоя Поднебесной, деревенский староста Лю Бан возглавил повстанческую армию, свергшую династию Цинь, и был провозглашен первым императором династии Хань. Новый император посетил могилу Конфуция и принес жертвы. Китай стал Китаем. Единой державой от Тихого океана до Средней Азии. И династическое имя Хань стало самоназванием китайцев.

Через тысячу лет после смерти был присвоен окончательный титул: Совершенный Мудрец Первоучитель Кун. И великий богдыхан Канн-си трижды простерся ниц перед изображением Конфуция. Последующие тысячелетия неизменно показывали, что конфуцианская основа национальной идентичности не противопоставлена ни упорному терпению, ни массовому энтузиазму, ни трезвому рационализму, ни бесцеремонному прагматизму сменяющих друг друга времен, а сам Совершенный Мудрец остается действующим лицом китайской истории. Уже в XX в. (н. э.!) коммунистические доктринеры вступили с ним, как с живым, в прямое противоборство. В 1974 г. Председатель Мао Цзэдун провозгласил, что «критика ... Конфуция» будет завершающей задачей культурной революции в Китае. Жертвами репрессий стали 53000 ученых, 142000 учителей и преподавателей, 2600 деятелей искусства... Результат в духе конфуцианской традиции. Самого Мао Цзэдуна после смерти забальзамировали и поместили в мавзолей. Но главных его помощников по культурной революции судили как «Банду четырех». А правительство КНР теперь по всему миру рассылает гранты для организации «Университетов Конфуция», чтобы люди судили о Китае не по Председателю Мао, а по Первоучителю Куну.

⁴⁵ *Достоевский Ф. М. Пушкин // Собр. соч.: В 10 т. – М.: Художественная литература, 1958. – Т. 10. – С. 442.*

в Пушкине «того, кто русской стал судьбой»⁴⁶, и сейчас вряд ли кто станет спорить, что «Пушкин – это наше все!», так что все чаще имя национального гения сановные политики пытаются утилизировать как собственный рекламный бренд. Чтобы не утратить чувства реальности, современный литературовед сосредоточивается на том, что Пушкин сыграл решительную роль в развитии русского духа и становлении национальной идентичности не только своим изысканным стихосложением, но и своим темпераментным поведением, своей красивой любовью, своей исполненной трагизма судьбой. В общем, выходит так, будто Пушкин стал для России первой, как теперь называется, «суперзвездой», «звездное притяжение» которой все еще длится⁴⁷. Однако необходимо еще, чтобы вдохновения и повороты судьбы «властителей дум» резонировали в приливах и отливах духовной активности современников. Этапными для массового человека становятся только те *experimentum crucis*, в которых чуть ли не все поучаствуют лично: кто-то уверует, кто-то предаст, кто-то «умоет руки», кто-то посочувствует или позлорадствует в толпе зевак... В такого рода коллективных «контрольных экспериментах» открывается для анализа и массовая коммуникация, и глубинные механизмы взаимодействия индивидуальной и коллективной психики. При этом каждый *experimentum crucis* уникален, хотя бы потому, что единичен и ограничен временем, пространством и поворотом судьбы. И по масштабу они не соизмеримы: одни переустраивают мир, как Виттенбергское выступление Лютера с тезисами против индульгенций, с которого началась Реформация в Германии, другие позволяют изменить участь одному только человеку, как в старину объявление себя Иваном родства не помнящим. Но это всегда послание (*the Message*) о новом качестве мыслей, чувств и действий «некоторых из всех», и всегда это – опосредованная информационная технология (*the Medium*) для

⁴⁶ Есенин С. А. Пушкину // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1977. – Т. 1. – С. 229.

⁴⁷ См.: Абрам Терц (Андрей Синявский). Прогулки с Пушкиным. – Лондон, 1975.

544 «каждого из всех», которая акцентирует новые интеллектуальные, коммуникативные и деловые возможности и муслирование которой (*the Massage*) провоцирует мутацию психотипа «любого из всех».

Таков, в принципе, элементарный механизм коэволюции социума и личности, который в массовой коммуникации, реализующей взаимодействие коллективной и индивидуальной психики, проявляется спонтанно и универсально. Но на институциональном уровне его постоянно пытаются политически утилизировать и «научно программировать» для «построения нового общества и формирования нового человека». Да все как-то невапад и шиворот-навыворот. Чем глубже проникла наука в смысловое содержание и чем тоньше анализировала выразительные средства *the Massage*, тем изощреннее и циничнее становилась политическая цензура⁴⁸. Когда новейшие информационные технологии *the Medium* достигли столь

⁴⁸ В XIX в. даже Карлу Марксу приходилось «диалектически» расценивать цензуру как «абсолютную свободу слова для... цензора» (см., в частности: Маркс К. Дебаты о свободе печати // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – 2-е изд. – М., 1968. – Т. 1. – С. 331). В начале XX в. знаменитый обозреватель Уолтер Липпманн отмечал: «Без некоторых форм цензуры пропаганда в строгом смысле невозможна» (Lippmann, W. Public Opinion. – N.Y., 1961. – P. 43). А вот образчик поведения чиновных журналистов уже в конце XX в.: «...в речи мятежного генерала целый абзац, содержащий угрозы и оскорбления в адрес Президента и народа России, был заменен на благородно-трогательный текст диктора, который звучал до тех пор, пока Дудаев не впал в более спокойный тон, и его голос разрешалось снова запустить в эфир. Элементарная технологическая операция – и общественность России введена в заблуждение, лишена возможности правильно оценить и личность Дудаева, и планы сепаратистов... Внедрена новая цензурная технология. Прежде цензура примитивно вырезала кое-что из текстов. Фигурально говоря, информацию кастрировали для безопасности, от греха подальше. Теперь цензура не вырезает из текстов это самое кое-что, а частично заменяет на нечто прямо противоположное. Фигурально говоря, информацию трансвестируют. Эффект двойной: и полная безопасность, и грехи сколько влезет» (См.: Час пикейных жилетов // Российские вести. – 1997. – 30 июля).

высокого совершенства, что «мультимедиа непосредственно включаются в “рефлекторную дугу” ($St - R$) одновременно и как “стимул условный” (символ, только запускающий реакцию), и как “стимул безусловный” (сам по себе дающий удовольствие или огорчение), способный стать “подкреплением” возникающего рефлекса»⁴⁹, в «обществе потребления» порнография набрала такую «впечатляющую силу», что в странах с развитой рыночной экономикой пришлось к борьбе с педофилией в Интернете подключать Интерпол. А репрезентативные изыскания социологов в массовой аудитории создали в конце концов политтехнологическую базу тотально манипулятивных *the Massage*, типа «танцующей оппозиции» в Белграде или «Майдана» в Киеве. И все-таки не это главное в массовой коммуникации. Тут феномен природный, для которого ни поддержка политиканов, ни исступление толп, ни прибыли медиамагнатов самоцелью быть не могут. Иное дело, что здесь и таким путем в практическом взаимодействии индивидуальной и коллективной психики заостряется актуальный стиль мысли, проходят огранку актуальные ценности, инсталлируются актуальные алгоритмы общения и поведения, а значит, актуализируются и, тем самым, открываются для перекройки ментальные структуры личности. Правда, в массовой коммуникации актуализируется что угодно, а потому кажется чрезмерным утверждение, что «новый человек» выходит в мир из лона массовой коммуникации. В социализации индивида чрезвычайно значимы и семейное воспитание, и школьное обучение, и клубные посиделки, и служебная субординация, и прочее, вплоть до уголовно-процессуальной практики. Массовая коммуникация задействуется во всех этих процессах, но всегда стоит особняком, потому что тут не регулярное управление, а стихийная взаимоадаптация, и не планомерная кампания с предначертанным результатом, а открытая ситуация с непредсказуемым финалом. Чтобы выйти из строя «одурачи-

⁴⁹ Актуальные проблемы обеспечения культурно-информационной безопасности населения московского мегаполиса. – М.: Серебряные нити, 2008. – С. 60.

546 ваемых масс», бывает достаточно разоблачить манипулятивный прием официальной пропаганды. Но чтобы превалировать в массовой коммуникации, необходима принципиально новая информационная технология, которая в разы повышает пропускную способность сознания, быстроту мышления, гибкость общения, радикализм поведения, и свободное владение ею легче дается людям, вместе с ней приходящим на историческую арену. Привычные информационные технологии со временем сводят массовую коммуникацию к тавтологии и эхололии, что в плане психологической коэволюции для индивида таит угрозу стагнации и деградации психотипа, а для социума чревато застоєм и смутой. Тем значимее в плане психологической коэволюции предстает феномен интериоризации⁵⁰ новейших информационных технологий. В свое время М. Маклюэн предложил рассматривать развитие электронных каналов связи как расширение нервной системы человека⁵¹. Тогда это воспринималось как чересчур смелая метафора. Теперь очевидно: такова психическая реальность в информационном пространстве социума⁵². Но если электронные каналы

⁵⁰ *Интериоризация* (от лат. *interior* – внутренний) – формирование внутренних структур человеческой психики благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности. В психоанализе используется при объяснении того, каким образом под влиянием структуры межиндивидуальных отношений, переходящих «внутрь» психики, формируется структура бессознательного (индивидуального или коллективного), в свою очередь определяющая структуру сознания (См.: Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985. – С. 124). В отечественной науке особо подчеркивается, что интериоризация не количественное накопление и хранение знаковой информации «извне», а качественное переструктурирование алгоритмов психодинамики личности «изнутри».

⁵¹ McLuhan, M. *Understanding media. The Extension of Man.* – N.Y., 1965.

⁵² В 1987 г. Европейская Комиссия выпустила «Зеленую книгу» по телекоммуникациям, в которой утверждалось, что телекоммуникационные сети составляют нервную систему современной экономической и социальной жизни (Цит. по: Мелюхин И. С. Информационное общество и баланс интересов государства и личности // Информационное общество. – 1997. – № 4. – С. 5).

связи суть расширение нервной системы человека, то именно поэтому в них, как утверждал «отец кибернетики» Н. Винер, нет ничего такого, что не сложилось бы раньше в человеческой голове⁵³. Мультимедиа продолжают расширение нервной системы человека. «Коммуникация с использованием всех современных технических средств практически устраняет границы между массовым и индивидуальным общением⁵⁴. Тектонический, казалось бы, сброс в информационных технологиях, да и в самом мироощущении людей. Но штука в том, что необходимый для такого прорыва тип текста родился раньше, чем соответствующие технические устройства. Изначально как продукт творческого озарения великих художников и ученых, мысливших по-новому задолго до компьютеризации всего и вся⁵⁵.

И снова, как в пушкинские времена, под влиянием *experimentum crucis* современных «властителей дум» «новый психотип» являет себя миру в готовом виде, словно Афина Паллада, выходящая из головы Зевса в полном вооружении с экстагическим кличем воинственного танца. Однако «новый человек», как понятие собирательное, собирается с бора по сосенке, и почти неразличим, пока не соберется критическая масса, после которой

⁵³ См.: Винер Н. Творец и робот. – М.: Прогресс, 1966.

⁵⁴ Актуальные проблемы культурно-информационной безопасности населения московского мегаполиса. – М.: Серебряные нити, 2008. – С. 59.

⁵⁵ Одни даже не задумывались, как это все у них выходит, другие, похоже, понимали, что за чем. «Если бы 150 лет назад были магнитофоны, – импровизировал на эстраде В. Высоцкий, – возможно, какие-нибудь стихи Александра Сергеевича тоже были бы записаны только на магнитофоны. Так что будем считать, что по теперешним временам это своего рода литература. Просто раньше ее не было, а теперь она есть. Потом появится что-нибудь другое. Может быть, будем телепатически песни друг другу передавать: кому хочу – тому и передал стихотворение или спел, а он сидит и ловит кайф. А другие все вокруг скучают. Кстати, это идея. Надо будет про это написать. Это очень хорошо» (*Высоцкий В. О песнях, о себе // Четыре четверти пути. – М.: Физкультура и спорт, 1990. – С. 129*).

548 цепная реакция уже неостановима: новейшая информационная технология усваивается со скоростью, близкой к импринтингу, те, кто был пассивным объектом воздействия, входят в роль инициативного субъекта ретрансляции, аудитория овладевает массовой коммуникацией и, наперекор политтехнологам, накладывает на медиареальность собственный отпечаток.

Подытоживая, можно сказать, что человек в массовой коммуникации воленс-ноленс активизирует коллективную интериоризацию новейших информационных технологий, а массовая коммуникация в человеке спонтанно инсталлирует высшие функции нового психотипа. И каким будет «новый человек», зависит от того, как ложится на душу новейшая информационная технология. А новейшая информационная технология строем и смыслом своим, словно многократное эхо или поисковая система, отзывается на оклик тех *experimentum crucis*, которые ставят на себе таланты и их поклонники, чье восхищение, философствование, подражание и поддержка превращают в особое средство массовой коммуникации самую публику. Выход на подобный уровень научного абстрагирования бросает обратный свет на конкретные факты, наблюдения, поисковые эксперименты, уточняющие гипотезы и контрольные замеры многолетнего исследования, очерчивая теоретические начала медиапсихологии и намечая ее дальнейшую перспективу.

Тут многое самоочевидно. И уже не в таком далеком будущем журналисты по жизни столкнутся с тем, что психологическая компонента массовой коммуникации – это не манипулятивные трюки, а ответственный выбор между духовным подъемом или депрессивным раптусом нации, а также вопрос их собственного духовного здоровья и творческого долголетия. А психологи на практике убедятся, что журналистика – не место дополнительного приработка, а мощнейший социальный усилитель, в котором, словно в естественно-историческом синхрофазотроне, душевные порывы людей достигают таких скоростей и энергий, что могут открыться для наблюдения, описания и измерения глубинные механизмы индивидуальной и коллективной психики. Но актуальнее, чем повыше-

ние эффективности социальных институтов или укрепление консолидации социальных групп, развитие медиапсихологического мироощущения, чтобы посреди всех каждый сразу и воочию видел, что становление нового психотипа было и остается глубоко индивидуальным, внутриличностным делом отдельного человека, в том числе и его самого.

Это мощное переживание. В сущности, прорыв из оцепеняющих идеологий XX века, каждая из которых навязывала свой идеал личности: «советский человек», «стопроцентный американец», «шахид» и т. п., – оставляя для непримиримо несогласных, как последний аргумент, только трагическую альтернативу⁵⁶ и, разом, выход в открытую перспективу коллективного самостановления и индивидуального саморазвития тех, без кого XXI век не состоится.

Может быть, не всем и не всегда удастся в полной мере прочувствовать, а то и просто заметить подобный момент расширения сознания. Каждому, разумеется, выпадает своя доля. В меру личного опыта и жизненных проблем. Но того, кто углубится, – подхватывает прилив социального оптимизма и личной уверенности. Авторы это знают, в том числе и по себе.

Так было, когда еще в самом начале исследования с непреложностью факта открылось: тоталитаризм рухнет, и совсем скоро, потому что «простой советский человек» (как психотип) исчезает по мере того, как люди отторгают его в глубине души, и советская власть крутится уже на холостом ходу.

⁵⁶ Об этом – самое, может быть, пронзительное стихотворение XX в., законченное Мариной Цветаевой 11 мая 1939 г., вскоре после вторжения гитлеровских войск в Чехословакию:

*...Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.*

(Цветаева М. Стихи и поэмы. – Вильнюс, 1988. – С. 273.)

550 Так было, когда под обломками рухнувшего тоталитаризма, казалось, гибло все живое, а исследование обнаружило вполне успешных людей, которые напрочь отрешались от совковых стереотипов, но и преступлениями беспредела себя не пятнали.

И когда в поле исследовательских процедур появились совсем молодые люди, брезгливо безразличные к суетливым вожням и их куцым идеям, пришла уверенность, что на этих ребятах сколется смутное время и всенепременно восстановится адекватное состояние души. В общем, как в песне Высоцкого:

*«...И вдруг я заметил,
когда прокусили проход, –
Еще несмышленный,
зеленый,
но чуткий
подсолнух
Уже повернулся
верхушкой
своей
на восход...
...Восхода не видел,
но понял:
вот-вот –
и взойдет!»⁵⁷*

Однако в этом действительно мощном переживании нет эйфории. Даже «человеку будущего» трудно будет остаться самим собой в окружении «братков», «олигархов», «террористов» и «политтехнологов». «Сверстники 'Net'» нужны им всем. Позарез. Каждого будут пытаться соблазнить, подчинить, закабалить или хотя бы нейтрализовать. Так или иначе. И что характерно, не в массовом порядке, а *индивидуально и лично*. Тот или иной соблазн будет предложен каждому. Тот или иной нажим почувствует каждый. Тот или иной наезд ожидает каждого. Как будто на «сверстников 'Net'» идет охота.

⁵⁷ *Высоцкий В.* Черные бушлаты // Соч.: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1. – С. 409.

Но все-таки на самом деле охотятся как раз они сами.

«Сверстники *'Net'*» выходят в XXI век, словно в фольклорное «Дикое поле», где бесчинствуют соловьи-разбойники, змеигорынычи, идолища поганые, коты-баюны и прочие кощеи-бессмертные; выходят, чтобы отстоять и свою сущность, и общую будущность. Вот только в жизни не как в фольклоре. И добро не всегда побеждает зло. И герой не всегда без страха и упрека. И нет волшебных помощников, что приходят на выручку в последнюю минуту... И живая вода так и не изобретена. И только словно путные кресты: «Прямо пойдешь...»; «Налево пойдешь...»; «Направо пойдешь...»; «Назад повернешь...», – остерегают их на развилках самопознания четыре знаковых *experimentum crucis*: В. Высоцкий... Вен. Ерофеев... М. Павич... В. Пелевин...⁵⁸

⁵⁸ Парадоксально, но никто из них не имел официального признания, не был удостоен, к примеру, Нобелевской премии или высших орденов государства. Профессиональные литературоведы и художественные критики весьма скептически относились к их творчеству. Так что обращение к авторитету В. Высоцкого, Вен. Ерофеева, М. Павича и В. Пелевина было предопределено не своекорыстными рукоплесканиями политических группировок и не субъективными амбициями «экспертов», а исключительно народным философствованием, бескорыстным и потому объективным. Личный вклад каждого из четырех великих в развитие от этапа к этапу общечеловеческой способности художественного освоения действительности и значимость их жизненных *experimentum crucis*, последовательных, словно эстафета, устанавливались по специальным методикам медиапсихологического анализа. Результаты исследований регулярно обсуждались в секции медиапсихологии ежегодной Международной научно-практической конференции факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова и оперативно публиковались в научных журналах. (См., в частности: Пронина Е. Е., Пронин Е. И. Предтеча мультимедиа (феномен В. Высоцкого и новейшие информационные технологии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 35–55; Пронина Е. Е. Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 5–30; Пронина Е. Е. Последний из хазар: словарь Милорада Павича // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 162–175; Пронина Е. Е. Последняя электричка (Венедикт Ерофеев. «Москва – Петушки») // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 154–165.)

Но в жанре эссе вопрос вопросов все-таки неотступно личный и профессиональный: «Так что же здесь и теперь делать мне, человеку в возрасте переходном от века XX к XXI, да к тому же еще психологу, к примеру, или журналисту?»

Прежде всего – не пытаться делать вид, будто точно знаешь, как и чем обернется все это в преобразующейся России, охваченной глобализацией. И вообще понять и заявить, что один на всех безразмерный ответ тут вряд ли уместен. А затем попробовать найти приложение своим силам через личный опыт и живой контакт с людьми, несущими в себе неведаль-вированные черты нового психотипа. И тогда место и дело найдется для каждого.

«...Ты видишь перед глазами весь список возможностей, интуитивно выбирая необходимое, – пишет в дневнике самонаблюдения испытуемая Наталия А., продвинутый «юзер» и начинающий журналист. – Ты скользишь намеренно по поверхности, чтобы не провалиться и выхватить то нужное, что первоначально искал. Интернет щадит тебя, соответствуя твоим задачам и способу понимать. Он предлагает тебе только самое главное, дополнительное оставляя в ссылке (надо – посмотришь, нет – все равно поймешь из контекста...). Мы не пойдем в специальные библиотеки и отделы за парой абзацев, которые нам “прояснят ситуацию”. Но мы очень уважаем систематизаторов, которые еще остались и носят в голове все эти объемы информации»⁵⁹.

В том и видят авторы перспективу медиапсихологии, что разбираться в динамике индивидуальной и коллективной психики и овладевать массовой коммуникацией в XXI веке человеку нужно будет сугубо лично и очень глубоко. Речь идет об обретении новой идентичности огромным числом (числом, а не массой) людей (и обыкновенных, и выдающихся). По сравнению с этим любые финансовые пирамиды, PR-кампании, цветные революции и всякие другие политтехнологии – величины либо мелкотравчатые, либо мнимые и вымороченные.

⁵⁹ Цит. по: Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – С. 275-276.

Раздел III

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ



С. Н. Ениколопов

Насилие и массовая коммуникация

Исследователи, занимающиеся проблемой агрессии и насилия, отмечают важную роль средств массовой коммуникации, в первую очередь телевидения, в распространении этих форм поведения. Интерес, проявляемый к СМК в современном мире, связан с тем, что им отводится особая роль: они осуществляют функцию социального общения в масштабах всего общества. Содержание сообщений средств массовой коммуникации охватывает весь спектр воздействия – от информирования и обучения до убеждения и внушения. Благодаря этому СМК удается интегрировать общество и формировать общественное сознание. С массовой коммуникацией тесно связан феномен массовой культуры.

Обсуждение проблем, связанных с ролью средств массовой коммуникации в распространении насилия в современном мире, связано в первую очередь с двумя проблемами: а) легитимизацией насилия и б) влиянием демонстрируемого средствами массовой коммуникации насилия на изменение уровня агрессивности у потребителей, в первую очередь у детей и молодежи.

Первая проблема проявляется в феномене культурного насилия. Имеются в виду те аспекты культуры – символической сферы человеческого существования, представленной идеологией и религией, языком, искусством, наукой, – которые могут быть использованы для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия¹.

Вторая проблема давно вызывает большой интерес ученых. Первые исследования влияния кино на поведение и ценности молодежи начали проводиться в США еще в конце

¹ Galtung, J. Cultural Violence // Journal of Peace Research. – 1990. – Vol. 27. – P. 3, 291–305.

556 1920 гг. Предпринятые в последующие годы многочисленные исследования старались в первую очередь проанализировать четыре основных круга вопросов: во-первых, обучаются ли зрители (особенно дети и подростки) новым формам агрессивного поведения, наблюдая за экранном насилием (эффект научения), и как долго длится это воздействие; во-вторых, способствует ли насилие в СМК снижению эмоциональной чувствительности к насилию и влияет ли снижение эмоциональной чувствительности к насилию на вероятность актуального агрессивного поведения в реальной жизненной ситуации (эмоциональные последствия); в-третьих, ведет ли наблюдение агрессии, боли, ужаса, страдания к катарсису; и, в-четвертых, имеются ли при наблюдении сцен насилия какие-либо условия, которые могут служить как подавлению (торможению), так и усилению агрессии.

Среди большинства исследователей агрессивного поведения практически нет расхождений при ответе на первый вопрос². Как показали многочисленные работы, дети действительно обучаются новому для них агрессивному поведению при показе такого в кино и по телевидению. Ответы на другие вопросы позволяют выделить три основных подхода, или модели, изучения отношения кино и телевидения к последующему агрессивному поведению. Первую объясняющую модель можно условно назвать «способствующей». Среди исследователей существуют разногласия по вопросу о том, какие психологические механизмы и процессы способствуют тому, что просмотр сцен насилия повышает вероятность реального агрессивного поведения. Одни авторы акцентируют роль обучающе-модулирующих процессов, другие – «ключевого» процесса, когда реальное агрессивное поведение вызывается «ключевыми» стимулами, совпадающими с виденными ранее в кино и по телевидению; третьи подчеркивают, что наблюдаемая в фильмах агрессия становится легитимизированной, т. е. узаконенной.

² См. об этом подробнее: *Крэйхи Б.* Социальная психология агрессии. – СПб: Питер, 2003.

Вторую модель, существенно отличающуюся от первой, активно разрабатывают С. Фешбах и Д. Сингер. Ее можно назвать моделью «катарсиса». Центральным постулатом данного исследования является наличие у каждого индивида врожденного агрессивного влечения, которое варьируется лишь в степени интенсивности и уменьшается при участии в актах насилия. С. Фешбах утверждает, что врожденная агрессивная фантазия служит способом контроля над открытым выражением агрессии, и те, кто испытывает недостаток во внутренних ресурсах фантазии, могут использовать внешнюю фантазию агрессивного телевидения для этой цели.

Третья объяснительная модель, «возбуждающая», основывается на работах С. Шехтера и других психологов, которые показали, что если некоторой возбуждающей процедурой вызывается усиление какого-либо влечения, то индивид объясняет это возбуждение определенными социальными и личностными причинами, то есть опирается на взаимодействие между физиологическим состоянием и когнитивными процессами. В данной модели существуют два механизма связи наблюдаемого с агрессией: а) эмоциональное возбуждение, которое зависит от контекста наблюдаемой программы; б) возбуждение, связанное с неопределенностью стимулов.

Модель катарсиса часто используется защитниками показа сцен насилия. Однако большинство исследователей, пытаясь повторить работы С. Фешбаха, получают результаты, опровергающие концепцию катарсического действия просмотра сцен насилия. Они отмечают противоречащее положением катарсической модели возрастание частоты и степени агрессивности после просмотра сцен насилия. В настоящее время нет доказательств того, что наблюдение насилия, боли, ужаса и страдания приводит наблюдателя к катарсису. В своих ответах на поставленные выше вопросы ученые, опирающиеся на «способствующую», «катарсическую» и «возбуждающую» модели, существенно расходятся. Кроме принятия или полного отрицания катарсического эффекта насилия, обнаруживаются различия и в экспериментальных подходах, и в акцентированных исследователями характеристиках изучаемого явления.

«Способствующая» модель существенно продвинула вперед наше знание о том, при каких условиях возникают или не возникают агрессивные следствия. Так, в рамках этой модели показано: средства массовой коммуникации помогают детям определить свое отношение к другим людям, способствуют образованию у них представлений о вероятном поведении других людей. В результате просмотра кинофильмов и передач у подростков, как обнаружила американская комиссия по изучению преступности несовершеннолетних, формируются представления относительно того, каким способом лучше всего решать проблемы, возникающие между людьми (это чрезвычайно важно учитывать, обсуждая проблемы вредного влияния просмотра как сцен насилия и жестокости, так и порнографии).

Более того, выяснилось, что почти треть подростков, особенно из семей с низким доходом, полагала, что изображаемые в телевизионных передачах персонажи абсолютно аналогичны людям из реальной жизни, а, согласно проведенному анализу содержания телевизионных передач за год, большинство персонажей при решении своих проблем прибегают к насилию и редко наказываются за свои действия. Больше половины персонажей применяли насилие к другим людям независимо от того, были ли это «хорошие парни» или «плохие парни». В большинстве случаев агрессивное поведение персонажей приводило к счастливому концу, то есть насилие являлось действенным средством для достижения желаемой цели.

Кроме того, в телепередачах люди редко подвергаются аресту за насильственные действия и сравнительно немногие жертвы насилия испытывают физические страдания или умирают. Насилие, демонстрируемое по телевидению, не только эффективно, но и безболезненно. Таким образом, роль кино и телевидения заключается не только в обучении насильственным действиям, но и в том, что с их помощью у молодежи могут сформироваться такие способствующие насильственным, агрессивным действиям ощущения, как предубеждение, враждебность, подозрительность и т. д.

Естественно, что как легитимизация насилия, так и демонстрация насилия средствами массовой коммуникации взаимовлияют друг на друга.

Термин *легитимизация* происходит от понятия *легитимность*, которое было введено М. Вебером³. Он выделяет легитимность в качестве необходимого условия для соблюдения обществом определенного порядка. Легитимность есть статус, означающий правомерность определенного порядка, т. к. он сознательно одобряется, принимается и соблюдается значимым большинством членов общества. Длительность сохранения легитимности определенного социального порядка в интересах господствующей группы людей зависит от мотивации граждан на его соблюдение. Описанные М. Вебером процессы атрибуции легитимного статуса являются способами легитимизации. Таким образом, легитимизация – это процесс обоснования человеком приемлемости и оправданности действия, мнения или отношения, путем приписывания им легитимного статуса на основе соответствия закону, традициям или нормам определенной субкультуры.

Под легитимизацией насилия мы подразумеваем процесс обоснования социальным субъектом (личностью, группой людей) приемлемости и оправданности различных форм насилия путем приписывания им легитимного статуса на основе соответствия социальным нормам, существующим в обществе (закон, традиции, нормы определенной субкультуры и др.). Иллюстрацией могут служить насильственные действия солдата на войне, которым он приписывает легитимный статус согласно профессиональным нормам («я исполняю приказ») и гражданскому долгу («я защищаю родину»).

Проявления насилия наделены легитимным статусом в различных сферах культуры: в спорте (действия боксера на ринге); в СМИ (трансляция насилия); в политической сфере

³ Вебер М. Типы господства. – М.: Социологические исследования, 1988; Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

560 (использование вооруженных сил, закон о смертной казни); в сфере традиций и т. д.

Выделение феномена легитимного насилия в самостоятельную исследовательскую задачу обусловлено эмпирически обнаруженными взаимосвязями легитимного насилия в обществе, легитимизации насилия и агрессии отдельных членов данного общества с динамикой численности девиантных агрессивно-насильственных поступков. Высокий уровень убийств в южных районах США послужил поводом для многочисленных научных дискуссий вокруг причин данного феномена и стал причиной изучения легитимного насилия в качестве фактора, определяющего рост агрессивных форм поведения в обществе.

На основании полученных результатов был сделан вывод, что в культуре существуют ценности и нормы, косвенно способствующие использованию человеком таких форм поведения, как принуждение, агрессия, насилие. Легитимные агрессивные проявления могут быть «культурным излишком», повышающим вероятность противозаконной агрессии отдельных членов данного общества. Примером малых групп с субкультурным излишком легитимного насилия являются криминальные группировки.

В психологии взаимосвязь легитимного насилия и реального агрессивного поведения подтверждается в исследованиях различных сфер-носителей легитимного насилия: СМИ, спорт, семейные отношения, традиции, политическая и профессиональная сфера и др.

М. Хогбен и его коллеги экспериментально продемонстрировали связь между уровнем легитимизируемого насилия и числом агрессивных актов сексуально-принудительного характера. Данная связь была характерна для мужчин, принуждавших физической силой, и женщин, использовавших положение власти⁴.

⁴ Hogben, M., Byrne, D., Hamburger, M. E., & Osland, J. Legitimized aggression and sexual coercion: Individual differences in cultural spill-over // *Aggressive Behavior*. – 2001. – Vol. 27. – P. 26-43; Hogben, M., Byrne, D., Hamburger, M. & McGowan, S. From Conversation to Construct: The Development of Legitimized Aggression in the Psychological Domain // *Advances in Psychology Research*. – 2002. – Vol. 11.

Наиболее яркой иллюстрацией взаимосвязи легитимизируемого насилия и реального агрессивного поведения является лонгитюдное исследование Л. Хьюсмана и Л. Эрона⁵. Данный проект отличался не только своей длительностью (22 года), но и масштабом (США, Австралия, Израиль и Польша). Авторы изучали связь между предпочтением телепрограмм, демонстрирующих насилие, и реальным агрессивным поведением. Исследование началось с учеников начальной школы в возрасте 8 лет, последующие возрастные срезы – 18 и 30 лет. Уровень агрессии в поведении определялся на основании самоотчетов, оценок со стороны сверстников и родителей, числом зафиксированных правонарушений и уголовных дел агрессивно-насильственного характера. В результате была обнаружена значимая связь между временем просмотра восьмилетними любителями агрессивных телепрограмм и уровнем зафиксированной агрессии в поведении. К 18-летнему возрасту уровень поведенческой агрессии у любителей медианасилия был выше, чем в возрасте восьми лет. Важным результатом является тот факт, что именно пристрастие к просмотру транслируемой по телевидению агрессии в 8-летнем возрасте оказалось предпосылкой к демонстрации высокого уровня поведенческой агрессии в 18 и 30 лет, вне зависимости от изменений пристрастия к «агрессивным» телепрограммам. Л. Эрон предположил, что существует сензитивный период для формирования агрессивных сценариев в возрасте 8-12 лет. К 30-ти годам на многих из тех, кто любил медианасилие

⁵ Eron, L., Huesmann, R., Walder, L., Lefkowitz, M. Does TV violence cause aggression? // *American Psychologist*. – 1972. – Vol. 27. – P. 253-263; Eron, L., Huesmann, R. The cross-national approach to research on aggression: measures and procedures // *Developmental Psychology*. – 1984. – Vol. 20; Eron, L., Huesmann, R. The development of aggression in children of different cultures: Psychological processes and exposure to violence. *Television and the aggressive child: A cross-national comparison*. – Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1986; Huesmann, L. R., Eron, L. D. Childhood aggression and adult criminality. Facts, frameworks and forecasts // *Advances in criminological theory*. – 1992. – Vol. 3.

562 в восьмилетнем возрасте, были заведены криминальные дела.

Проблема легитимизации насилия стала самостоятельным предметом для изучения в рамках социокультурного и социально-когнитивного подходов. В социокультурном подходе данная проблема рассматривается в рамках гипотез «культурного излишка»⁶ и «мифов о насилии»⁷. В социально-когнитивном подходе проблема легитимизации насилия экспериментально исследована в русле концепции «скриптов»⁸, модели «социального процессинга»⁹, социально-когнитивной теории моральных мыслей и действий¹⁰.

Социокультурный подход. Гипотеза «культурного излишка» предполагает, что в культуре существуют ценности и нормы, косвенно способствующие использованию человеком

⁶ Baron, L., Straus, M. A., & Jaffe, D. Legitimate violence, violent attitudes and rape: A test of the cultural spillover theory // *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 1987. – Vol. 528. – P. 123–132.

⁷ Burt, M. Cultural myths and support for rape // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1980. – Vol. 38. – P. 217–230.

⁸ Eron, L. The development of aggressive behavior from the perspective of a developing behaviorism // *American Psychologist*. – 1987. – 42,5. – P. 435–442; Huesmann, L. R., Moise, J. Media violence: A demonstrated public threat to children // *Harvard Mental Health Letter*. – 1996. – Vol. 12; Hogben, M., Byrne, D., Hamburger, M. & McGowan, S. From Conversation to Construct: The Development of Legitimized Aggression in the Psychological Domain // *Advances in Psychology Research*. – 2002. – Vol. 11.

⁹ Dodge, K. A., Coie, J. D. Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – 53,6. – P. 1146–1158; Dodge, K. A., Somberg, D. R. Hostile attributional biases among aggressive boys are exacerbated under conditions of threats to the self // *Child Development*. – 1987. – 58,1. – P. 213–224.

¹⁰ Bandura, A. The Role of Selective Moral Disengagement in terrorism and counterterrorism / In F. M. Moghaddam & A. J. Marsella. *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions*, Washington DS: American Psychological Association Press, 2004. – P. 121–150; Bandura, A. *Social Cognitive Theory of Mass Communication* // *Media effects: advances and research*. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 2008. – P. 121–153.

таких форм поведения, как агрессия и насилие¹¹. Легитимные агрессивные проявления на юге США могут быть «культурным излишком», повышающим вероятность противозаконной агрессии отдельных членов данного общества. Проверка гипотезы заключалась в исследовании связи между индексом легитимного насилия и коэффициентом агрессивно-насильственных преступлений по 50-ти штатам США и округу Колумбия.

Индекс легитимного насилия (*Legitimate Violence Index*)¹² определялся на основании 12 переменных, объединенных в три фактора. Фактор *легитимного насилия в СМИ* представлен двумя переменными: показателем читаемости журналов агрессивно-насильственной тематики и рейтингом популярности телепрограмм, посвященных насилию, в течение квартала. Второй фактор – *легитимное насилие в политической сфере* – определялся по пяти переменным: 1) число законодательных актов, разрешающих телесные наказания в школах со стороны учителей; 2) соотношение числа вынесенных приговоров за убийство и общего числа зарегистрированных убийств за период 1940-1959 гг.; 3) то же соотношение за период 1960-1978 гг.; 4) соотношение «чернокожих», приговоренных к смертной казни за убийство, и общего числа «чернокожих, осужденных за убийство» в течение года; 5) предыдущее соотношение, применительно к «белым». Фактор *личного участия в общественно санкционированных насильственных действиях* являлся результирующим по пяти переменным: 1) число лицензий на охоту, выданных на 1000 чел./год; 2) число школьников, занимающихся в секции американского футбола; 3) число вступивших в Национальную гвардию на 100 000 чел./год; 4) расходы Национальной гвардии на служащего за год; 5) численность лиц, подвергшихся линчеванию

¹¹ Baron, L., & Straus, M. A. Cultural and economic sources of homicide in the United States // *The Sociological Quarterly*. – 1988. – 29. – P. 371–390.

¹² Baron, L., Straus, M. A., & Jaffe, D. Legitimate violence, violent attitudes and rape: A test of the cultural spillover theory // *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 1987. – Vol. 528. – P. 123–132.

564 за период 1882-1927 гг. По сумме трех факторов определялся интегральный индекс легитимного насилия в обществе.

В качестве показателей насильственных преступлений были использованы коэффициенты убийств и сексуальных насильственных преступлений, зафиксированных по отчетам ФБР.

Результаты исследований подтвердили наличие достоверной связи между индексом легитимного насилия и коэффициентом убийств¹³, а также показателем сексуальных насильственных преступлений¹⁴. Помимо этого, было обнаружено, что высокий уровень легитимного насилия наблюдался, как правило, не в одной общественной сфере, а сразу в нескольких.

Апеллируя к результатам проведенных исследований, Л. Берон и М. Страус говорят о необходимости переоценки легитимного статуса насилия в различных сферах общественной жизни и повышении эффективности механизмов социального контроля¹⁵.

Другие представители социокультурного подхода обратили внимание на существование в обществе культурных представлений («мифов о насилиии»), которые легитимизируют различные формы насилия. По мнению М. Барта, «мифы о насилиии» представляют собой ложные убеждения или стереотипы, которые отрицают факт совершения реального насилия¹⁶. Одним из таких мифов является идея о том, что хорошие события происходят в жизни хороших людей, а плохие – в жиз-

¹³ Baron, L., & Straus, M. A. Cultural and economic sources of homicide in the United States // *The Sociological Quarterly*. – 1988. – 29. – P. 371–390.

¹⁴ Baron, L., Straus, M. A., & Jaffe, D. Legitimate violence, violent attitudes and rape: A test of the cultural spillover theory // *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 1987. – Vol. 528. – P. 123–132.

¹⁵ Baron, L., & Straus, M. A. Cultural and economic sources of homicide in the United States // *The Sociological Quarterly*. – 1988. – 29. – P. 371–390.

¹⁶ Burt, M. Cultural myths and support for rape // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1980. – 38. – P. 217–230.

ни плохих людей. Следуя логике этого мифа, причины сексуального насилия следует искать в действиях жертвы, которые рассматриваются в качестве провоцирующего фактора.

М. Барт выделяет несколько факторов, определяющих существование мифов о насилии: традиционные представления о половой роли; противоречия в сексуальных убеждениях (нет оснований для классификации поведения как насильственного, если «жертва» не считает себя жертвой насилия); необходимость оправдания межличностного насилия¹⁷.

Исследователи полагают, что отношение к существующим в культуре мифам о насилии должно быть изменено. Ведущая роль в реализации этой задачи отводится программе семейного воспитания и трансляции норм поведения в СМИ¹⁸.

Социально-когнитивный подход. Существенный вклад в изучение проблемы легитимизации насилия был сделан представителями социально-когнитивной теории «сценария».

Скриптовая модель, разрабатываемая Л. Хьюсменом и его коллегами¹⁹, базируется на идеях теории социального научения.

В этой модели получили свое развитие идеи А. Бандуры: взаимный детерминизм среды и индивида; викарное научение и основные когнитивные процессы, лежащие в его основе (селективность внимания, кодирование информации и др.); мотивационные аспекты поведения (способность к предвидению последствий, «самоподкрепление», «самоэффектив-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Burt, M. Cultural myths and support for rape // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1980. – 38. – P. 217–230; Burt, M. R. & Albin, R. S. Rape myths, rape definitions, and probability of conviction // *Journal of Applied Social Psychology*. – 1981. – 1. – P. 212–230.

¹⁹ Huesmann, L. R. Cross-national communalities in the learning of aggression from media violence // *Aggressive Behavior*. – 1984. – 10. – P. 243–251; Huesmann, L. R., Eron, L. D. Childhood aggression and adult criminality. Facts, frameworks and forecasts // *Advances in criminological theory*. – 1992. – Vol. 3; Huesmann, L. R., Moise, J. Media violence; A demonstrated public threat to children // *Harvard Mental Health Letter*. – 1996. – Vol. 12.

566 ность»); изменения поведенческой реакции на ситуацию при отсроченном реагировании и другие²⁰.

Согласно теоретической модели Л. Хьюсмана, социальное поведение во многом определяется когнитивными структурами – «сценариями» (*script*), которые субъект начинает приобретать в процессе социализации на ранних этапах онтогенеза. Содержанием сценариев являются знания, описывающие программы поведения, приобретенные в определенных ситуациях, и ключевые характеристики этих ситуаций. Формируются сценарии в процессе vicarious научения или в непосредственном опыте. С одной стороны, сформированные сценарии являются руководящим принципом для выбора и реализации программы поведения, с другой стороны, они могут претерпевать изменения, если намеченная программа не достигла желаемой цели. Согласно Л. Эрону, наибольшей пластичностью сценарии обладают в период их активного формирования, соответствующий возрастному диапазону 8-12 лет²¹.

По мнению Л. Хьюсмана, процесс научения или формирования сценариев детерминирован многочисленными факторами среды (культура, семья) и реализуется в соответствии с теоретическими разработками принципа научения.

Первоначальный этап научения детерминирован селективностью внимания. Субъект выбирает для себя модели поведения, которые, с одной стороны, могут привести его к

²⁰ Eron, L., Huesmann, R. The cross-national approach to research on aggression: measures and procedures // *Developmental Psychology*. – 1984. – Vol. 20; Huesmann, L. R., Moise, J. Media violence; A demonstrated public threat to children // *Harvard Mental Health Letter*. – 1996. – Vol. 12; Huesmann, L. R. Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer // *Journal of Social Issues*. – 1986. – 42. – P. 125–139; Huesmann, L. R. & Miller, L. S. Long-term effects of the repeated exposure to media violence in childhood // Huesmann L. R. (et. al.). *Aggressive behavior: Current perspectives*. – New York: Plenum Press, 1994. – P. 153–186.

²¹ Eron, L. D. Parent-child interaction, television violence and aggression in children // *American Psychologist*. – 1982. – 37. – P. 197–211.

намеченной цели, а с другой – не являются порицаемыми в обществе, и в первую очередь в социальных группах, к которым он себя причисляет. Например, выбор модели агрессивного поведения обусловлен не только достижением цели, но и положительным подкреплением или отсутствием отрицательного. Другими факторами, влияющими на выбор, являются частота встречаемости модели поведения и субъективное отношение к носителю модели (идентификация со значимым другим).

Следующим этапом является кодирование информации о модели поведения в памяти. Под кодированием понимается формирование репрезентаций модели поведения в системе памяти. А. Бандура выделяет два вида кодирования: образное и вербальное. Образное кодирование является наиболее значимой формой запоминания на ранних этапах онтогенеза, когда недостаточно развиты навыки оперирования понятиями (словесно-логическое мышление). Вербальное кодирование является более универсальным, так как позволяет формировать словесный образ без непосредственного наблюдения за моделью поведения.

Помимо информации о последовательности действий, в сценарии кодируется информация о последствиях данной формы поведения, оценка данной модели поведения и ее последствий в соответствии с нормативными убеждениями субъекта и ключевые характеристики ситуации, где произошло научение. Ключевые характеристики способствуют возникновению ассоциативной связи между актуальной ситуацией и существующим у субъекта сценарием, что приводит к его актуализации.

Согласно Л. Хьюсмену, далеко не все актуализируемые в сознании сценарии реализуются в реальном поведении. Выбор и легитимизация конкретного поведенческого репертуара зависит не только от ожидаемых последствий и соответствия модели поведения существующим у субъекта нормативным убеждениям, но и от когнитивной оценки ситуации и намерений субъектов по интеракции, а также от оценки собственных

568 возможностей в эффективной для реализации модели поведения.

Л. Эрон полагает, что оправдание агрессии в поведении может быть результатом дефицита знаний о социальных нормах поведения. Он говорит о том, что дезадаптивные агрессивные формы поведения, часто наблюдаемые у подростков, могут быть обусловлены низким уровнем их «компетентности»²².

Л. Хьюсмен считает, что убеждения субъекта о приемлемости агрессивных форм поведения в широком спектре ситуаций может быть следствием жесткой закреплённости агрессивных сценариев в системе памяти, которые актуализируются в сознании в первую очередь. Такого рода сценарии обладают низкой пластичностью и плохо поддаются коррекции. Существованием таких сценариев исследователь объясняет устойчивость склонности к агрессивному поведению во времени, наблюдаемую у отдельных членов общества. На примере научения агрессивным моделям поведения, транслируемым в СМИ, Л. Хьюсмен описывает две группы условий, способствующих формированию и жесткому закреплению агрессивных сценариев. К первой группе относятся индивидуальные особенности и опыт субъекта: а) возраст, соответствующий сензитивному периоду формирования сценариев; б) агрессивность как черта характера; в) мужской пол; г) низкий уровень познавательных способностей; д) идентификация с агрессором; е) неспособность дистанцироваться от транслируемого насилия; ж) повторение агрессивных моделей поведения на символическом уровне или в реальном поведении. Вторая группа условий представлена особенностями наблюдаемого материала: а) реалистичность транслируемого материала; б) позитивные последствия агрессии; в) доступность наблюдаемой модели для использования в реальном поведении; г) высокий уровень детализации наблюдаемой

²² Eron, L. The development of aggressive behavior from the perspective of a developing behaviorism // American Psychologist. – 1987. – 42,5. – P. 435–442.

программы поведения; д) контекст, в котором транслируемая агрессия оправдана благой целью.

Таким образом, одним из когнитивных элементов «сценария» является оценочная информация, определяющая перечень ситуаций, где может быть использована заложенная в «сценарии» модель поведения. При этом оценочная информация формируется субъектом в соответствии с его представлениями о нормативных формах поведения. Последние развиваются в процессе онтогенетического развития и являются результатом взаимной детерминации, с одной стороны, индивидуальных особенностей (в первую очередь, когнитивных) и индивидуального опыта субъекта, а с другой стороны – влияния средовых факторов. Что касается индивидуальных особенностей, основное внимание исследователи отводят специфике перцепции, когнитивной переработке, сохранению информации в памяти и ее актуализации в фокусе сознания. Кроме того, представители сценарной модели учитывают особенности сензитивности субъекта. Роль средовых влияний изучается, в первую очередь, на моделях семейных взаимоотношений и моделях поведения, транслируемых в СМИ.

Метааналитический обзор исследований влияния СМИ на рост агрессивных форм поведения позволил М. Хогбену²³ выделить ряд свойств легитимного медианасилия, способствующих росту агрессии в обществе:

- легитимное насилие в СМИ является источником научения конкретным формам агрессивного поведения и программам их реализации;
- легитимное медианасилие способствует агрессивному поведению, либо повышая вероятность актуализации агрессивных мыслей и действий, либо ослабляя функцию самоконтроля со стороны «нормативных убеждений» (Л. Хьюсмен) или «моральных самосанкций» (А. Бандура);

²³ Hogben, M., Byrne, D., Hamburger, M. E., & Osland, J. Legitimized aggression and sexual coercion: Individual differences in cultural spillover // *Aggressive Behavior*. – 2001. – 27. – P. 26–43.

- легитимное медианасилие оказывает десенсбилизирующий эффект, то есть снижает эмоциональную чувствительность к восприятию насилия и страданий жертвы;
- легитимное медианасилие является источником формирования нормативных убеждений об агрессивном поведении и способах его легитимизации.

Исследователи определили ряд психологических особенностей, характерных для лиц с высоким уровнем легитимизированного насилия. Мужчины, легитимизирующие широкий диапазон агрессивных проявлений в обществе, отличались: 1) склонностью к физической агрессии; 2) авторитарными установками; 3) гипермаскулинной полоролевой идеологией; 4) в их «сценариях» отношений между мужчиной и женщиной наблюдалось изобилие насильственных тенденций сексуального характера. Женщины с высоким уровнем легитимизированной агрессии отличались авторитарными установками и склонностью к вербальной агрессии. На основании результатов исследования авторы предположили, что выраженность гипермаскулинной идеологии в полоролевом самосознании способствует социальным отношениям по принципу безусловного доминирования и легитимизации агрессивно-насильственных форм поведения.

Более обстоятельно роль когнитивных особенностей при оправдании и использовании агрессивного поведения исследована в рамках концепции «социального процессинга» К. Доджа. Данная теоретическая модель была направлена на изучение специфики процесса принятия решения в проблемной ситуации у лиц с дезадаптивными формами поведения. Ведущая роль отведена изучению когнитивных особенностей у лиц, легитимизирующих и демонстрирующих агрессивно-насильственные формы поведения в реальной жизни²⁴.

²⁴ Dodge, K. A., Coie, J. D. Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – 53, 6. – P. 1146–1158; Dodge, K. A., Somberg, D. R. Hostile attributional biases among aggressive boys are exacerbated under conditions of threats to the self // *Child Development*. – 1987. – 58,1. – P. 213–224.

Изучение специфики процесса принятия решения в проблемной ситуации осуществлялось на модели *социального процессинга*, включающей пять шагов: 1) перцепция стимулов; 2) интерпретация и представление в сознании этих стимулов, 3) выбор цели, 4) поиск или конструирование вариантов решений, 5) выбор решения и поведенческая реакция. Многогранность социального взаимодействия может быть объяснена одновременным нахождением субъекта на разных ступенях циклически повторяемого процессинга.

В результате многочисленных исследований на каждом этапе модели были выделены особенности когнитивной деятельности субъектов, склонных к оправданию и использованию агрессивных форм поведения.

Первый шаг – перцепция стимулов. В условиях избыточного стимульного воздействия, характерного для каждой жизненной ситуации, субъекту необходимо проявлять избирательное внимание к одним стимулам, игнорируя другие, тем самым повышая эффективность реагирования. Исследователи полагают, что избирательное реагирование во многом обусловлено существованием у субъекта когнитивных схем (сценариев), упрощающих социальную реальность. Источником сценариев считается прошлый опыт, почерпнутый в том числе из СМИ, который генерализируется в виде когнитивных схем и хранится в долговременной памяти. Таким образом, генерализованный в сценариях прошлый опыт и эмоционально-мотивационная сфера помогают субъекту определять значимость стимулов.

Достаточно интересным и перспективным подходом к изучению проблемы легитимизации насилия является социально-когнитивная теория моральных мыслей и действий А. Бандуры. Автор теории рассматривает проблему легитимизации насилия в терминах «нивелирование морали» (*moral disengagement*), «моральное оправдание» (*moral justification*).

Автор теории полагает, что любая форма поведения регулируется двумя главными источниками: социальными санкциями и самосанкциями. Под влиянием контроля социальных

572 санкций люди воздерживаются от девиантного поведения потому, что они способны антиципировать негативную социальную реакцию и неблагоприятные последствия. Влияние самоконтроля на склонность к просоциальным формам поведения обусловлено антиципируемым чувством удовлетворения собой, повышением чувства собственного достоинства. Наибольшее влияние на поведение имеют самосанкции. Саморегуляция поведения реализуется в трех функциях: самоконтроль поведения, оценка поведения на основе личных моральных стандартов и обстоятельств окружающей среды, эмоциональная самореакция.

Согласно А. Бандуре, эффективная саморегуляция поведения обеспечивается не только наличием навыков саморегуляции, но и силой убежденности в своей способности к самоконтролю. Высокая убежденность в эффективности самоконтроля повышает устойчивость моральной саморегулирующей системы к социальному давлению.

По мнению автора, система моральной саморегуляции обусловлена влиянием трех факторов: социальной среды, поведения, индивидуальными особенностями, в первую очередь когнитивными. Социальная среда оказывает влияние на систему моральной саморегуляции тремя способами: 1) определяет формирование моральной компетентности (содержание моральных стандартов); 2) обеспечивает социальную поддержку приверженности субъекта моральным стандартам (в формировании моральных стандартов признается не только активность социального влияния, но и активность самого субъекта, его когнитивные особенности и др.); 3) облегчает функционирование моральной системы, принятие решения в ситуации моральной дилеммы, благодаря трансляции способов нейтрализации «моральных самосанкций»²⁵. Влияние поведения на систему моральной регуляции осуществляется через социальные и самооценочные реакции, которые оно

²⁵ Bandura, A. Social Cognitive Theory of Mass Communication // Media effects: advances in theory and research. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 2008. – P. 121–153.

вызывает. Каждая из этих реакций подкрепляет изменения моральной системы и поведения или способствует им. Если социальные последствия серьезны, это может способствовать переоценке поведения или его реализации в безопасной ситуации.

Особое внимание в своей теории А. Бандура уделяет существованию механизмов, ослабляющих или нейтрализующих систему моральной саморегуляции. Исследователь описывает несколько механизмов, которые могут нейтрализовать влияние моральных санкций на уровне: 1) *девиантного поведения* (моральное оправдание; выгодное сравнение; присваивание эвфемистического значения; смещение или размывание ответственности), 2) *последствий девиантного поведения* (смещение или размывание ответственности; минимизация, игнорирование или неверное истолкование последствий), 3) *жертвы девиантного поведения* (приписывание вины, дегуманизация).

Исследователи продемонстрировали достоверную связь между опытом агрессивно-насильственного поведения, наблюдением за насилием, в том числе в кино и ТВ, и склонностью к нейтрализации санкций моральной системы. Также было обнаружено, что маркерами опыта агрессивно-насильственных форм поведения, в первую очередь, являются следующие механизмы нейтрализации морали: дегуманизация, экономический фактор, смещение ответственности, фактор социальной безопасности. Функционирование механизмов нейтрализации моральных санкций прошло успешную экспериментальную проверку на различных моделях агрессивно-насильственных форм поведения в правоохранительных органах, в армии, в тюремной среде, в террористических и контртеррористических группах²⁶.

В нашей стране воздействие кино- и видеонасилия на поведение практически не изучается. Визуальная информация,

²⁶ Bandura, A., Zimbardo, P., Osofsky, M. The Role of Moral Disengagement in the Execution Process // Law and Human Behavior. – 2005. – 29,4.

- 574 которая уже больше десятилетия на Западе фильтруется специально созданными для этого комитетами, в нашей стране не подвергается практически никакой критике со стороны. Подобное явление, с нашей точки зрения, не может пройти бесследно, но любые законодательные решения должны предваряться серьезными отечественными исследованиями этой важной проблемы.

Ю. П. Зинченко

Масс-медиа как эффективный инструмент профилактики социально-психологических факторов развития терроризма¹

Среди причин социально-психологического характера, способствующих возникновению терроризма, исследователи чаще других называют общую нестабильность общества в период социальных преобразований, порождающую ряд новых социальных явлений; большое количество массовых социальных движений с радикальными векторами; возникновение внутри этих групп и движений «групп риска» с тенденциями к экстремизму.

В связи с этим весьма актуальны исследования, создающие научно обоснованные рекомендации для выработки методов, направленных на коррекцию подобной идеологии. Эти рекомендации могут касаться различных аспектов социальной действительности:

- экспликация опасности тенденции поиска «образа врага», особенно в группах молодежи и группах риска;
- адекватная интерпретация соотношения таких факторов, как *глобализация* и *терроризм*, и их влияния на экономические факторы развития общества и конкретного гражданина;
- транспарентное обсуждение актуальных социальных проблем, например занятости молодежи, имуществен-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Методологические проблемы применения современных информационных технологий в области психологии безопасности» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы».

576

ного неравенства в современном обществе (причины, средства преодоления и пр.);

- социально-профилактическое взаимодействие гражданского общества с маргинальными группами (дискуссии о понимании критериев социальных ценностей, соотношении свободы и закона и пр.);
- особое внимание к системе образования и ее поддержке;
- эффективное развитие политической культуры (например, возможности ненасильственных форм решения социальных противоречий);
- целенаправленное формирование позитивных моделей поведения;
- формирование позитивного образа страны и чувства гордости при идентификации собственной гражданственности.

Трансформации собственной личности и образа мира у лиц, вовлеченных в террористическую деятельность, являются предметом исследования нескольких социально-гуманитарных отраслей знания, в том числе психологии.

Формирование и закономерности структурирования и функционирования комплексного психического образования, обозначаемого в психологической школе А. Н. Леонтьева как «образ мира», у лиц, вовлеченных в террористические организации, имеет существенное сходство с «образом мира» лиц, характеризующихся либо отдельными чертами зависимости, либо зависимостью в психопатологическом смысле этого слова. Технология порождения террориста не уникальна, это лишь одна из современных технологий, посредством которых структурируется образ мира, самоидентификация подвластного этим технологиям субъекта, что может стать основой для построения теоретических моделей и практических методик диагностики лиц, входящих в группы риска, проведения эффективной профилактической работы и формирования системы психологически ориентированного мониторинга антитеррористической деятельности.

Для создания научно обоснованных собственно психологических критериев, позволяющих диагностировать и классифицировать характерные для групп риска способы построения образа

мира, самоидентификации, целеполагания, а также процесса формирования патологических форм социальной и психологической адаптации на основе теоретического анализа проблемы, в первую очередь следует обратить внимание на некоторые моменты, которые характерны для личности, уже вовлеченной в террористическую деятельность, или для потенциального террориста:

- превалирование иллюзорно-компенсаторного способа удовлетворения потребностей по отношению к деятельностно-созидательному;
- направленность на быстрые и «окончательные» простые решения сложных вопросов;
- упрощенная мифологизация и знаково-символическое опосредствование ведущей деятельности с обязательным акцентом на списке «врагов»;
- терминальная, предельная, искусственная драматизация ситуации;
- манипулятивно снижаемый с помощью специальных психотехник порог агрессивного поведения;
- высокая импульсивность и склонность к немедленным действиям;
- героизация террористической деятельности с непременным элементом жертвенности;
- примитивность и ригидность картины мира и когнитивных стилей;
- высокая внушаемость;
- специфическое состояние массового сознания и менталитета:
 - «неосвоенная» толерантность, отсутствие стандартов ведения продуктивных переговоров;
 - вера в эффективность насильственных действий и в право на них;
 - «метаморфозы» исторической памяти различных этнических групп, политических партий и пр.;
 - несформированность адекватных представлений о демократии, в частности, о правах человека;
 - бинарная, архаическая картина мира.

578

Отметим, что перечисленные проблемы требуют специального осмысления для выявления роли каждого из названных факторов в формировании устойчивой идеологии терроризма.

Проведенный анализ существующих исследований дает основания утверждать, что терроризм является мультидисциплинарной, в том числе психологической, проблемой, поскольку вовлечение в террористическую деятельность основывается на использовании драматически актуализированных потребностей в идентификации существенной части населения и манипулировании ими, и в этом качестве терроризм должен быть соответствующим образом исследован.

Мотивационно-ценностной и идейной основой терроризма являются внутренняя субъективная убежденность в служении абсолютной, высшей, единственной истине, отсюда вытекает фанатизм и готовность утверждать эту истину любыми средствами. По мере того, как террорист проникается идеологией своей организации, он усваивает абсолютистскую риторику. Объекты окружающего мира предстают для него через призму простых и однозначных характеристик: *свои и чужие, правильное и неправильное*. При этом нивелируется возможность для проявления сомнения.

Один из возможных источников становления террористической организации – *радикализм*. Конечно, не все радикалы становятся террористами, но многие террористы начинали свою деятельность с радикализма. Приоритетной задачей является выявление психологических условий трансформации радикальных политических движений в экстремистские. Радикализм обычно связан с идеями и представлениями о необходимости кардинального и решительного переустройства существующих социально-политических отношений в обществе. Он предполагает отрицание существующей структуры общественных отношений и выдвижение новой, альтернативной структуры, которая рассматривается как единственно возможная и правильная для выхода из сложившейся несправедливой и неприемлемой социально-политической действительности.

Среди основных функций радикализма исследователи выделяют следующие:

- 1) информационная (свидетельствующая о нестабильности социальных процессов);
- 2) снижение социальной напряженности;
- 3) давление на политические институты;
- 4) корректировка социально-политических представлений;
- 5) стимулирование социальных преобразований;
- 6) достижение целей, не всегда совпадающих с декларируемыми.

Психологически корректный ответ на вопрос, почему люди хотят быть вовлеченными в террористическую деятельность, может содержать в себе некоторую часть ответа на вопрос, что они делают (или что им разрешают делать) в качестве террористов и как они приобретают и сохраняют мотивационную вовлеченность в специфически террористических мероприятиях и действиях.

Члены террористических групп – это выходцы из разных социальных слоев общества. Поэтому мотивации, определяющие их радикально настроенное поведение, достаточно разнообразны. Вместе с тем можно говорить о трансформации личности террористов и о тенденции к доминированию у них определенных личностных черт. Прежде всего это агрессивность, которая развивается в том числе и как реакция на фрустрацию – субъективно невозможную ситуацию удовлетворения важных потребностей и склонность к экстернализации – возложению ответственности за неудачи на внешние обстоятельства и поиск внешних факторов для объяснения неадекватности собственного поведения объективно предписанным условиям. Потребность в аффилиации (принадлежности к определенной группе) относится к одной из базовых. Благодаря этой потребности обеспечивается социализация человека и формирование у него чувства самоидентичности. Поэтому часто членами террористических организаций становятся выходцы из неполных семей, а также люди, которые по тем или

580 иным причинам испытали трудности адаптации к существующим социальным институтам (в частности, потеряли или вообще не имели работу). Чувство отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, становится основой для маргинализации ценностно-смысловой сферы личности человека. Это приводит к трансформации исходной потребности в аффилиации и заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему родственной. Таким образом, характерной чертой личности террористов является сильная потребность во включенности в группу подобных людей, обеспечивающая процесс самоидентичности. Террористами не становятся сразу, в одночасье. Прежде чем стать частью террористической группы, человек зачастую проходит через утрату смысловых ориентиров собственной жизни, апатию, депрессию, вызванные социальной дезадаптацией.

Среди факторов, определяющих формирование террориста, исследователи выделяют:

- раннюю социализацию;
- нарушения нарциссического типа;
- конфликтные ситуации;
- личные связи с членами террористических организаций.

Существенное значение в формировании личности террориста в начале этого сложного процесса, психологически еще невидимом, как правило, имеет так называемое «событие-катализатор» – конкретное драматическое происшествие, связанное с вопиющим злоупотреблением, несправедливостью, безнаказанным злодейством, потерпевшим участником или свидетелем которого был будущий террорист. Раз за разом извлекаемое из памяти, это событие служит аналогом химического катализатора, эффективно способствующего ходу процесса, в данном контексте – процесса формирования личности террориста через идентификацию себя с безвинно наказанными соплеменниками, сотоварищами по социальному классу, группой родственников (основа кровной мести) или с самой собой в качестве жертвы «очень плохих людей». В автобиогра-

фиях террористов отчетливо проявляется закономерность: по мере углубления стадии и степени вовлеченности в террор событие-катализатор становится все более ярким, страшным, драматическим, обрывает художественной и мистической конкретностью, которой оно не имело в такой степени при первых воспроизведениях в начале инициализации.

Однако террористы редко артикулируют, то есть словесно формулируют таким же образом ответы на вопросы о соблазнительности, привлекательности и ожидании личных выгод, которые ассоциируются у них с принятием решения о вступлении в террористическое движение. Анализ ответов на эту группу вопросов обнаруживает, что в основе принятия личного решения лежат такие понятия как:

- сила, мощь;
- высокий статус;
- чувство товарищества и надежной самоидентификации;
- наслаждение, «кайф», почти наркотический, сопровождающий радостное возбуждение от принятия новой роли и новой жизни;
- обожание более широкого, чем до вступления, движения поддерживающего сообщества.

И в отдельных случаях даже прекращение забот о личном финансовом благополучии.

Концепция «предрасполагающих событий»

Особенно плодотворной, вероятно, окажется дальнейшая разработка концепции «предрасполагающих событий», основанной на индивидуальном опыте и специфике когнитивной сферы личности. Предметом исследования в рамках этой концепции являются:

1. Индивидуальный опыт, характер и степень воздействия релевантных контексту процесса вовлечения в террор предшествующих событий (например, опыт бросания камней в полицейских или в представителей других официальных служб безопасности, который

может послужить основой формирования чувственной ткани состояния протеста и накопления опыта соответствующих переживаний, в том числе и на эмоциональном уровне (через испуг, радостное возбуждение и т. д.), степень предшествующей энергичным действиям осведомленности и понимания конфликтных ситуаций и их подоплеку, сила воздействия на индивида соблазнов, сопутствующих размышлениям о возможности более активного включения в террористическую деятельность).

2. Специфика релевантного процессу раннего опыта (личный опыт пребывания в роли жертвы, пострадавшей от служб безопасности, или восприятие себя в качестве жертвы через идентификацию себя с группой или сообществом, подвергшимся гонениям и преследованиям могущественных враждебных сил).
3. Структура и влияние общественного мнения внутри релевантной группы, в том числе в отношении возможных последствий вступления в организацию, т. е. соотнесение возможности такого поступка с системой ценностей, разделяемых данным сообществом (например, внутри сообщества особым уважением и почетом могут пользоваться люди, имеющие и применяющие оружие).
4. Специфика социализации в зрелом возрасте, которая может как способствовать, так и препятствовать вовлеченности индивида в террористическую деятельность. (Например, многие террористы-смертники оказываются неженатыми мужчинами в возрасте 17–22 лет. У них нет ни обязательств перед семьей, ни ответственности, ни горечи расставания с родными, потому что у них нет семьи. Это обстоятельство, при прочих равных условиях, облегчает задачу вербовщиков.)
5. Чувство неудовлетворенности, утраты иллюзий, неприятие собственной персоны или актуальной системы активности. Это свойство часто интерпретируется

аналитиками как следствие особого личностного дефекта, особой уязвимости, ранимости. Но в контексте данного дискурса, возможно, более полезно рассматривать стойкую неудовлетворенность как признак, делающий индивида *более открытым для влияния*, воздействия извне, задающего его личности движение в каком-либо направлении, но только прочь от актуального неудовлетворительного статуса. Этим направлением движения легко может оказаться постепенное, все более глубокое погружение в террор.

6. Соревнование воздействующих на психику индивида альтернатив и возможностей жизненной перспективы при движении к или *от* более глубокого погружения в образ жизни члена тайной боевой организации. Например, обязанности членства, которые индивид должен будет выполнять, всегда будут зависеть от лидера, формирующего внутри организации не только распределение ролей, но и психологический климат, который может оказаться невыносимо суровым или непредсказуемо переменчивым. С другой стороны, действует и страх возможных обвинений и преследования со стороны служб безопасности, и этот страх может предостеречь некоторых от дальнейшего развития нелегальной активности и положить предел их включенности в эту активность на определенном рубеже. В общем, действуют многие факторы, включая предшествующий опыт и особенности социализации, которые могут быть закономерно транслированы в страх потери работы, семьи, ареста источников дохода и т. п.

Большинство специалистов сходятся во мнении, что пытаться обнаружить некие общие, подобные архетипическим образом, события-катализаторы даже для одной группы террористов в качестве несомненных «подталкивающих» факторов – значит идти по ложному пути исследования, т. к. здесь еще есть место индивидуальным различиям

584 ям. Унификация личности террориста происходит на более поздних стадиях.

Традиционные подходы к проблеме безопасности различают два главных аспекта, связанных с терроризмом, – криминальный аспект и угрозу национальной безопасности, так же как локальную и международную безопасность. Однако современный терроризм приводит к необходимости рассмотрения безопасности на более глобальном уровне, в рамках целого мира.

Принципиально важный момент в противодействии терроризму – правильное понимание мотивации террористических организаций. В реальности это представляется сложной задачей, так как в начале своей деятельности все националистические и террористические группировки имеют идеальные цели, достижение которых не всегда предполагается осуществить силовыми методами.

Необходимо учитывать, что обычные критерии успеха неприменимы к борьбе с терроризмом. То, что кажется успешным в ближайшей перспективе, может иметь негативные последствия в перспективе долгосрочной. Некоторые террористические группы имеют долговременные стратегические цели, и в своих планах они учитывают и допускают наличие кратковременных неудач. Поэтому сложности в предотвращении террористических актов и жертв не должны восприниматься только как неудачи в контексте разработки долговременной стратегии борьбы с ними.

Гипотеза «фрустрация-агрессия»

Многофакторная природа терроризма требует построения модели, которая позволила бы учесть влияние каждого фактора на возникновение и развитие данного явления в обществе. Построение адекватной модели, являющееся необходимым условием достижения успехов в антитеррористической деятельности, предполагает учет различных существующих подходов к проблеме терроризма, которые в совокупности раскрывают движущие силы терроризма. Гипотеза «фрустрация-агрессия» в наибольшей степени учитывает взаимодействие

внешних (политических, социальных) и внутренних (психологических) факторов при объяснении терроризма. Согласно данной гипотезе, поведение террориста представляет собой ответ на фрустрацию различных политических, экономических и личных потребностей или целей. Эта гипотеза может играть основополагающую роль в создании модели, так как способна раскрыть взаимовлияние внешних и внутренних факторов. Ее значимость выражается в том, что она указывает на наличие внешних факторов как триггеров и позволяет понять механизм возникновения групп риска. Другие психологические концепции дают возможность выделить дополнительные характеристики, которые под влиянием внешних факторов приводят к формированию личности, способной быть вовлеченной в сферу влияния террористических и экстремистских организаций, а также черты и характеристики личности, которые при возникновении фрустрации трансформируются в агрессию.

Индивидуальные особенности. 1) *Физиологические параметры.* Если принять факт, что нейрофизиологическая модель агрессии реалистична, то отпадают основания утверждать, что при исключении социальных факторов терроризм также будет устранен. Нельзя отрицать факт наличия террористов-одиночек, чье поведение в большей степени опосредствовано их физиологией. Антитеррористическая деятельность против такого рода террористов должна строиться скорее на выявлении и контроле над поведением, чем на управлении идеологией или социальными факторами.

2) *Макиавеллизм.* Для террористов характерно желание манипулировать как своими жертвами, так и прессой, публикой, властью. Исследователи подчеркивают, что потенциальному террористу достаточно только увидеть результат террористической деятельности, направленной против других, и его агрессивность возбуждается.

3) *Нарциссизм.* Терроризм представляет специфическую форму нарциссического гнева в контексте нарциссической

586 травмы. Нарциссический гнев выражается через стремление приобрести или поддерживать власть посредством унижения. Нарциссизм может проявляться и через желание защищать одну социальную группу перед другой, будь то реальный или воспринимаемый враг. Следует отметить, что подобное желание представляет собой один из фундаментальных мотивов, который способен привлечь к террористическим группам большое количество людей. Это желание может быть подкреплено неадекватными мерами правительства в ответ на действия этих групп.

4) *Идеализм*. Образованные молодые люди могут присоединиться к террористическим группировкам из-за своих искренних политических или религиозных убеждений. Люди, имеющие идеалистические взгляды, более склонны к разочарованию в реальности и, как следствие, к переживанию фрустрации.

5) *Фрагментарная личностная идентичность*. Для членов террористических организаций характерно отсутствие целостной личностной идентичности, наличие противоречивых ценностей, взглядов, установок. Такая личность способна далеко зайти в своих действиях, может отреагировать на действия служб безопасности и полиции более жестоко и более активно.

Методические приемы для эффективного выявления групп риска направлены на выявление вышеперечисленных индивидуальных особенностей. Некоторые из них (например, случаи нарциссических травм) выявляются через биографические данные, другие – при внешнем наблюдении поведения.

Внешние факторы. 1) *Традиции*. Семейные и культурные традиции насильственных протестов – благоприятная почва для возникновения радикальных настроений молодого поколения в ответ на социальные проблемы школы, религиозные группы и другие социальные институты, где могут придерживаться экстремистских взглядов, со своей стороны способствуют появлению террористических групп и помогают пополнять их ряды. Большой потенциал терро-

ризма скрыт там, где годами и поколениями существовала ненависть и вражда, как в Северной Ирландии или в Стране Басков.

2) *Социальные условия.* Терроризм редко возникает только на основе разжигания политической или религиозной розни. Всегда есть более глубокие, даже основные причины возникновения террористической угрозы. Такими факторами выступают: социальное неравенство, дискриминация, политическая слабость, бедность и депривация, чувство несправедливости и результирующее чувство безнадежности, создающие внешние условия, которые способствуют появлению или оживлению террористических групп.

3) *Фундаментализм.* Данный фактор намного сложнее, чем простое объяснение террористических стремлений как претворения шариатского закона. Идеологический экстремизм, религиозный или национальный, имеет особый призыв, потому что, с одной стороны, позволяет вылиться гневу, фрустрации и безнадежности и предлагает, с другой стороны, привлекательное утопическое будущее в данной жизни или после смерти. Даже если идеология террористической группы не основана на религии, группа тем не менее подвержена влиянию религиозных экстремистов. Террористы мотивированы как идеологией, так и человеческим фактором. При этом ни в коем случае нельзя демонстрировать двойные стандарты. Террористическое противодействие должно опираться на существующий закон.

4) *Ускоряющие факторы.* Помимо основных, социально-экономических факторов есть еще и дополнительные факторы, которые катализируют переход к насилию, такие как неадекватные действия правительства в ответ на беспорядки и террористические акты. Так, например, война испанского правительства против *ETA* оказала отрицательное влияние не только на территории автономного сообщества Страны Басков, но и на действия террористов во всем мире. Израильское давление на Палестину имело такой же негативный эффект, усилив террористические настроения. В случае ИРА таким фактором

588 послужило превращение мирных организованных протестов за гражданские права в кровавые беспорядки, когда ИРА объявила себя единственным защитником прав республиканцев. Очевидно, что террористы всегда будут искать способы подтолкнуть правительство к неадекватным действиям. Реакции недовольства на эти действия служат основой для вербовки новых членов в террористические группы. Потенциально террористом может стать тот, кто вначале лишь симпатизирует террористическим группам. От симпатий всего один шаг к пассивной поддержке. К террористам часто примыкают те, кто не в ладах с законом. Родственные связи или дружественные отношения с террористами также повышают вероятность стать самому членом группы. Однако для того, чтобы стать членом террористической группы, необходимо пройти отбор.

Меры противодействия трансформации групп риска в потенциальные террористические организации. Одна из основных мер в этой области – *контроль за идеологией*. Идеология – это верование, ценности, принципы и цели, с помощью которых некоторая группа идентифицирует себя, свои задачи и цели. Идеология подразделяется на сепаратистскую, религиозную, либеральную, анархическую, коммунистическую, консервативную, фашистскую, организованного криминала.

Некоторые виды идеологии – особенно сепаратистские – могут включать в себя элементы истории, полумифические и сверхъестественные верования. Что важно для идеологии – это то, что она имеет мотивационную силу и очерчивает рамки деятельности. Следует заметить, что идеология группы и личные верования членов группы могут отличаться. Например, если лидеры политических групп имеют четкую идеологию с ясными политическими целями, то члены группы могут примкнуть к группе из-за чувства групповой принадлежности или нелюбви к «общему врагу». Понимание мотивации и идеологии террористической группы позволит построить эффективную идеологическую борьбу с ними.

Одна из основных задач в этой борьбе – убедить население не помогать террористам и убедить террористов изменить насильственные методы достижения своих целей и задач на альтернативные.

Образование и воспитание. Особое внимание необходимо уделять воспитанию национальной и культурной толерантности в школах. Опыт Северной Ирландии в отмене системы, которая разделяла школы на протестантские и католические, стал жизненно важным в разрушении связей террористов с общественностью.

Масс-медиа. Обширные публикации могут поляризовать общество, спровоцировать группы риска на протест и насилие. Террористы ищут возможности использовать средства массовой информации в собственных целях. Только контроль СМИ в этой области позволит предотвратить негативные последствия, внедрить информационную стратегию, не позволяющую экстремистским организациям брать информационную инициативу.

Что могут СМИ?

Один из важных вопросов в контексте медиаосвещений терроризма заключается в том, как СМИ представляют эти события. Предвзятость репортеров в установках и неправильное восприятие ситуации может быть результатом небрежного выбора слов. Называя группу, совершившую акт политического насилия, «повстанцами», СМИ создает образ, отличный от образа террориста. Со стороны террористов существует постоянное желание манипулировать масс-медиа через навязывание журналистам своей терминологии. Не стоит недооценивать способность террористов вселять в людей иллюзии, и журналисты не составляют исключения. Не случайно многие журналисты признают, что в описании террористических действий надо быть более сдержанными.

Журналист обладает необходимыми ресурсами для влияния на восприятие и установки аудитории. Одно из первых правил, которое должен усвоить начинающий журналист, –

590 избегать стандартных формулировок и собственных суждений. Нужно давать только факты, не пытаясь приукрасить реальность эпитетами. Когда, помимо информации, журналист дает «подсказки» – будь то анализ создавшегося положения, или выявление причин, или прогноз на будущее, он оказывает на аудиторию определенное влияние. Это могут быть логические методы воздействия – факты, цифры, цитаты авторитетных для аудитории лиц. К числу эмоциональных методов относится авторская оценка происходящего, обращение журналиста к теме общечеловеческих ценностей. В профессиональной журналистской среде известно выражение, что хороший аргумент должен быть незаметен, но максимально эффективен. При освещении материалов о терроризме данный метод незаметной аргументации может сыграть на руку террористам, чего собственно они и добиваются.

Для журналиста очень важно выбрать «правильный» вид доказательства или эмоционального воздействия на аудиторию в зависимости от цели его материала. Представляя социально-политическое прошлое террористов, объясняя на своих страницах мотивы жестокости и насилия, направленных против невинных жертв, СМИ часто рационализируют терроризм. Известно, что террористы руководствуются политическими, социальными или культурными традициями, но такая рационализация может способствовать появлению симпатий к террористам.

Современное техническое развитие средств массовой информации требует от властей изменить свои подходы по взаимодействию с ними. Старый метод прикрытия доступа к информации может негативно повлиять на отношение к правительству, особенно в странах с демократическим устройством. Невозможность представителей масс-медиа присутствовать непосредственно на местах событий и передача им контролируемой и порционной информации, которая не может быть подтверждена другими источниками, также утрачивают свою эффективность. Более современным подходом представляется привлечение масс-медиа на свою сторону. При аргументиро-

ванных просьбах о снятии того или иного материала следует сделать акцент на патриотические чувства журналистов. Так, сразу после атаки 11 сентября 2001 г., советники Буша обратились ко всем американским телекомпаниям с просьбой не давать в эфир материал о Бен Ладене. Были опасения, что в нем может быть зашифрована информация, которая даст сигнал пособникам террористов на проведение новых акций. Большинство телекомпаний прислушались к просьбе правительства.

Необходимость освещения в средствах массовой информации терроризма и актов насилия и жестокости не вызывает сомнения, поскольку население страны должно иметь четкое представление об истинных ценностях и намерениях террористов. Только воспринимая их реальную опасность, население может отказаться от сочувствия террористам и помогать правительству и специальным органам бороться против терроризма. Эта помощь может выражаться как активными действиями, так и пассивными (так, если какой-нибудь указ президента вносит временное ограничение в изъявление свободной воли граждан, то последние с пониманием отнесутся к этим ограничениям во имя борьбы с террористами).

Освещение событий в прямом эфире требует от руководителей СМИ в современных условиях большей ответственности, чем ранее. Материал, который передается в прямом эфире, должен быть обязательно представлен в адекватном контексте. Материал вне контекста может быть интерпретирован неправильно, и даже более того, – прямо противоположно (после трагедии 11 сентября по всему миру прошли кадры, где были показаны палестинцы, празднующие это событие. Этот материал прошел без комментариев, хотя исламский мир в основном осуждал теракт).

Передачу информации в СМИ можно сравнить с передачей информации от одного человека другому, со всеми недостатками и неточностями человеческой коммуникации. Реципиент получает уже интерпретированную коммутатором информацию, которая соответствует или не соответствует

592 фактам, отражая ценности и установки самого коммуникатора. Освещение политического терроризма посредством медиа включает в себя процессы сбора информации, обработки и распространения. Исследования показывают изобилие искажений во время обработки и распространения информации. Результатом этих искажений является формирование у аудитории неточных представлений о происходящих событиях.

Широкий доступ аудитории к информации – это журналистский идеал. Читатель должен сам проанализировать, какая информация правдива и полезна, чтобы сформулировать собственное мнение и принять решение (нежелательно, чтобы СМИ или конкретные журналисты брали на себя полномочия бороться за то или иное «правое дело» или выступать в роли третейского судьи). Террористы достаточно часто стремятся представить себя в роли современных «робин гудов», ведущих справедливую борьбу с врагом. Однако, показывая насилие, жестокость террористов, масс-медиа развеивают этот миф борцов за справедливость (здесь, несомненно, важное значение имеют фотографии, видеоматериалы).

Ответственное и точное освещение в средствах массовой информации инцидентов и событий поможет усилить бдительность граждан. С практической точки зрения, СМИ могут передать предупреждения гражданам от спецслужб и инструкции, как вести себя в чрезвычайных ситуациях.

Важный момент связан с возможностью масс-медиа выступать в качестве площадки для обсуждений и проведения форумов, посвященных проблемам контртеррористической деятельности, соблюдения законов, прав и социальной справедливости. Позитивная роль СМИ в борьбе против террористов, на наш взгляд, недооценена или игнорируется до сих пор.

В вопросе освещения терроризма в средствах массовой информации возникает немало вопросов. Как балансировать между желанием и правом аудитории получать полную информацию и знанием, что служит непосредственным целям террористов (напомним, что одна из основных функций масс-

медиа – информировать)? Должна ли быть навязанная извне цензура для таких материалов или должна присутствовать «цензура» собственно журналистская, внутренняя? Однозначных ответов, наверно, нет. Каждый отдельный случай, каждая публикация, каждый выход в эфир требуют своего ответа. И каждое конкретное СМИ может по-своему оценить возможность выхода или невыхода материала, подачи информации в полном или сокращенном виде. Главное, как бы высокопарно это ни звучало, – служить на благо обществу.

Литература

1. *Вартанова Е. Л., Зинченко Ю. П.* Актуальные проблемы безопасности в информационном пространстве // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. – Т. II: Феномен «разорванной коммуникации»: Сб. статей / Под ред. Я. Н. Засурского, Ю. П. Зинченко, Л. В. Матвеевой, Е. Л. Вартановой, А. И. Подольского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 9–15.

2. *Вартанова Е. Л., Ткачева Н. В., Пронина Е. Е.* СМИ и терроризм: взаимоотношения, стратегии антитеррора, роль саморегуляции // Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения. / Под ред. В. В. Яценко. – М.: МЦНМО, 2007. – С. 53–74.

3. *Зинченко Ю. П.* Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2007. – № 4. – С. 3–7.

4. *Зинченко Ю. П.* Современный образ России: перспективы развития // Мат-лы Всерос. конф. «Современный образ России: проблемы и решения» / Под ред. А. В. Очировой, Ю. П. Зинченко, Л. В. Матвеевой. МГУ имени М. В. Ломоносова. 31 января 2008 г. – М.: МГУ, 2008. – С. 6–16.

5. *Зинченко Ю. П., Сурнов К. Г., Тхостов А. Ш.* Мотивация террориста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2007. – № 2. – С. 20–34.

6. *Зинченко Ю. П., Шилко Р. С.* Выявление групп риска, представляющих ресурсы развития терроризма, и обоснование

594 принципов антитеррористической деятельности на этом направлении // Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения. – С. 35–52.

7. *Зинченко Ю. П., Шилко Р. С.* Психологические аспекты информационной безопасности и противодействия терроризму посредством медиа // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. – Т. II. – С. 199–226.

8. *Карбанова О. А.* Телевидение и СМИ как фактор социализации в детском и подростковом возрасте // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. – Т. II. – С. 66–82.

9. *Подольский А. И.* От психологической теории к реальной практике // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. – Т. II. – С. 58–65.

10. *Petrenko V. F., Mitina O. V.* Using Psychosemantic Methods in Political Psychology // Психология в России: современное состояние. Psychology in Russia: State of the Art / Под ред. Ю. П. Зинченко и В. Ф. Петренко / Ed. by Y. Zinchenko & V. Petrenko. – Moscow: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. – P. 239–264.

11. *Zinchenko Y. P.* Psychology of Safety and Resistance to Terrorism // Психология в России: современное состояние Psychology in Russia: State of the Art / Под ред. Ю. П. Зинченко и В. Ф. Петренко / Ed. by Y. Zinchenko & V. Petrenko. - Moscow: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008.

12. *Zinchenko Y. P.* Mass media as an Effective Tool for Prevention of Socio-psychological Factors in Development of Terrorism // Psychology in Russia: State of the Art, 2009. Scientific Yearbook. Moscow: Russian Psychological Society, 2009. – P. 459–476.

И. Н. Карицкий

Эпоха тотального господства СМИ: воспитание и саморазвитие – манипуляция и потребление?

Материализовались вымыслы фантастов и предсказания футурологов: мы уже лет двадцать как существуем в информационном обществе – обществе, в котором средства массовой информации не только составляют важнейший компонент его организации, но и тотально господствуют во всех сферах¹. Значение традиционных социальных институтов все более и более уменьшается, на их место приходят новые механизмы, динамично возникают и развиваются совершенно неожиданные социальные сферы и формы социального взаимодействия². На этом фоне кто-то пророчесствует о конце света и крахе цивилизации, кто-то, наоборот, уверен в будущем процветании всего человечества, а кто-то (и, похоже, их большинство) просто борется за выживание в этом перманентно транзитивном современном обществе.

Эпоха тотального господства СМИ уже низвергла прежние точки опоры в социальном пространстве, но не смогла сформировать новую устойчивую и общезначимую систему

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330-342; Засурский Я. Н. Испытание свободой. Российская журналистика: 1990-2007. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004.

² Язык массовой и межличностной коммуникации. – М.: МедиaМир, 2007.

596 ориентации³. И социальный корабль в целом, и суда всех социальных водоизмещений дрейфуют в океане общественного процесса без руля и без ветрил, подверженные всем случайным водным течениям и дуновениям ветра. Нельзя сказать, что сама ситуация неясности целей существования необычайна для человечества, скорее, наоборот – она его относительно постоянная спутница, сменяемая более короткими эпохами профессиональной навигации по отчетливо различаемым небесным светилам, хотя многие из них, как показала история, оказались иллюзорными. Тем не менее люди нуждаются в определенных социальных, моральных и нравственных реперах: абсолютных или относительных, постоянных или временных, хотя бы на текущий момент, чтобы исходя из этих ориентиров выстроить свое поведение и отношение к конкретным ситуациям, сделать выбор, а не зависнуть наподобие операционной системы компьютера, потерявшей способность как-либо действовать и ждущей своего спасителя, который ее перезагрузит и даст новую жизнь. В прежние эпохи эта задача решалась воспитанием и саморазвитием. Но существуют ли воспитание и саморазвитие в наше время, в эпоху информационного социума, во времена тотального господства СМИ, когда «информационный капитализм» (М. Кастельс) навязывает манипуляцию массовым сознанием и усиленно формирует общество потребления (уже не только материальных, но и информационных благ)?

Еще не так давно по историческим масштабам, сначала в пылу западноевропейского социального романтизма (XVIII-XIX вв.), а затем и российского (XIX - начало XX в.), идеалы гуманного воспитания и личного совершенствования составляли существенную часть представлений о построении справедливого общества и формировании совершенного че-

³ Знаков В. В. Ценности как проблема психологии человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. – М.: Ин-т психологии РАН, 2008. – С. 83–93; Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990-2007; Теория и социология СМИ. – М.: Изд-во «ВК», 2006.

ловека. Даже на фоне всевозрастающего скепсиса двадцатого столетия эти идеи не угасли, а трансформировались в концепции индивидуации К. Г. Юнга, интегральной йоги Ауробиндо, идентичности Э. Эриксона, самотрансценденции В. Франкла, самоактуализации К. Роджерса и А. Г. Маслоу, психосинтеза Р. Ассаджиоли, продуктивной ориентации Э. Фромма, бытия-в-мире Р. Мэя, предельного Сознания К. Уилбера, холотропных состояний сознания С. Грофа, духовного организма А. А. Ухтомского, диалогичности бытия М. М. Бахтина, человеческой индивидуальности Э. В. Ильенкова, души В. П. Зинченко, мистического опыта С. С. Хоружего, христианской психологии Б. С. Братуся, внутренней свободы личности Ф. Е. Вассилюка и т. д.

Тем не менее сегодня в мировом масштабе господствуют совсем другие тенденции, и СМИ их активно обслуживают. Эти тенденции можно свести к двум узловым пунктам: манипуляция сознанием и навязывание психологии потребления. И в том и в другом случае чужая воля стремится подчинить себе суверенную личность ради собственных интересов. И, как результат, личность либо свободно осуществляет свое бытие, если находит в себе силы преодолеть чуждые влияния, либо попадает в многообразные сети манипуляций и потребления, теряя свою собственную жизнь в угоду посторонним ей целям.

Собственно, этими двумя линиями обозначены два полюса человеческой жизни: бытие по истине и существование во лжи. Но нет никакой внешней и определенной границы, которая разделяет людей по данным модусам жизни: эти полюса – крайние точки напряжения самой человеческой души, именно в ней происходят все сражения, в ней развернуты и бездны падения, и вершины достижения, и еще не предreshено, за кем останется поле битвы: каждый день душа свершает тяжкий труд выбора, нащупывая в полумраке ступени духа или теряя точки опоры. Никто из людей не может избежать этого труда, чем бы он ни занимался, как бы ни избегал этой работы: всякое дело в конечном итоге – это работа души над

598 собой. Но есть внешние силы, которые участвуют в этой битве на стороне одного из этих двух начал. Эти силы многообразны и не всегда однозначны. Среди них воспитание и саморазвитие принадлежат одному полюсу, манипуляция и потребление – другому.

Как известно, воспитание – это процесс сознательной социализации одним человеком другого, обычно взрослым – ребенком (в качестве субъекта и объекта воспитания, понятно, может также выступать и группа лиц). А саморазвитие – это воспитание самого себя, самовоспитание. Всякое воспитание протекает в определенных условиях, часть этих условий (факторов) подвластна воспитателю, часть – нет. В то же время все внешние условия выступают детерминантами процесса социализации. В значительной степени возможность процесса воспитания связана с соотношением управляемых и неуправляемых факторов той социальной среды, в которых протекает процесс социализации индивида. С другой стороны, часть неуправляемых факторов может быть вполне адекватна целям воспитания и, значит, выполнять позитивную функцию социализации. Успешность/неуспешность воспитания, таким образом, обусловлена, в частности, тем, насколько неуправляемые факторы внешней среды соответствуют или противоречат целям воспитательного процесса и каков их суммарных вклад в этот процесс.

В традиционном обществе факторы внешней среды задавали тот же вектор формирования личности, что и семейное воспитание. Ребенок с ранних пор был включен в такие условия социальной среды, которые затем сопровождали его всю жизнь, и, став взрослым, он уже сам воспроизводил эти условия. Если он рос в семье крестьян или ремесленников, то с раннего детства имел определенные трудовые обязанности, которые росли вместе с ним, пока естественно не становились образом его жизни. Если ребенок принадлежал более высоким сословиям, то и там преобладающими влияниями были, с одной стороны, условия самой жизни, которые становились и условиями его жизни, с другой – воспитание, ориентирован-

ное на условия этой жизни. По большому счету, традиционное общество не могло иметь коллизий, основанных на противоречиях между сознанием индивида и условиями его жизни.

Советский период российской истории также выработал свою цельность и согласованность условий жизни и воспитания. Воспитательный процесс базировался на единой идеологической основе, с которой человек имел дело с детсадовского возраста и которая сопровождала его всю жизнь. Всегда было ясным различие между должным и не должным, даже если должное не реализовывалось на деле. Те социальные отклонения, которые имели место в последние лет двадцать существования Советского Союза, с точки зрения современного этапа существования российского общества (и особенно периода девяностых годов) не кажутся столь уж существенными, а скорее представляются естественными аберрациями достаточно устойчивой социальной жизни. Между детским садом, школой, другими учебными заведениями, условиями жизни и профессиональной деятельности, а также другими влияниями – средств массовой информации, искусства и т. п. – не существовало кардинальных противоречий. Та несогласованность правды жизни и официального клише о ней, которая имела место, легко адаптировалась сознанием большей части советских граждан и не вызывала особых проблем. Это большинство было вполне адекватно и непротиворечиво вписано в советский образ жизни. Государство и общество были достаточно согласованы, что бы об этом ни говорили несогласные с ними в то время или нынешние «исследователи» той эпохи.

Современное российское общество предлагает подрастающему поколению совсем другие условия. И государство, и общество устранились от эффективного влияния на процесс социализации. По анонимному мнению, демократия предполагает избегание государством вмешательства во многие и многие сферы общественной жизни, чтобы не быть обвиненным в недемократичности. Государство тщится доказать эту свою демократичность. Общество же не только не имеет развитых институтов формирования общественного сознания и

600 управления социальными процессами, но не обладает, по существу, самим сознанием – развитой и убедительной идеологией (философией, мировоззрением, верой), составляющей основу здоровой жизни социального организма. Современные публичные кумиры не обладают ни развитым сознанием, ни систематическим мировоззрением, ни нравственным чувством, не имеют никакого представления о духовности (за редчайшим исключением). Им нечего сказать своему народу. Народ, и в первую очередь дети, находится под перманентным давлением мощнейшего пресса разнородных и, по сути, патологичных воздействий современной, так называемой массовой культуры. Можно ли избежать этого влияния? Возможно ли воспитание и саморазвитие в этих условиях?

Традиционное общество не пыталось придумать свои ценности – принципы организации своей жизни. Эти ценности являлись отражением непосредственного процесса жизни, который формировался многие сотни и тысячи лет. Нововведения очень медленно проникали в общественный уклад того или иного народа, и общество успевало выработать адекватные механизмы принятия их в существующую систему организации жизни таким образом, чтобы она не была разрушена. В силу ясности существующего жизнеустройства не было необходимости обосновывать его правильность, она доказывалась самим существованием этого строя жизни. Общественное сознание народа являлось только отражением образа его жизни. Воспитание сводилось к тому, чтобы подрастающий член общества усвоил существующие образцы и нормы, альтернативы которым не было, а значит, и не было никакого отворачивающего от них влияния.

Индустриальная эпоха привела где к постепенному, где к ускоренному разрушению традиционного уклада. Новый образ жизни предлагал уже не единственный возможный способ бытия личности, а реальные альтернативы, отражаемые амбивалентностью сознания. Если индивид был способен сделать между ними выбор, то он более или менее безболезненно принимал новые условия, поскольку они все же создавали устой-

чивость жизни, хотя и не привычную, но достаточно ясную. В дальнейшем новый уклад жизни по мере его постоянного воспроизводства поддерживал сам себя. В то же время для ряда индивидов эта внутренняя противоречивость сознания никогда не была преодолена и создавала постоянную основу для психических напряжений, разрешаемых тем или иным – конструктивным или деструктивным – образом. Так в индустриальную эпоху в процесс воспитания вмешались мощные внешние факторы. Уже не было полного соответствия между образом жизни родителей и их детей, между прежней правдой жизни родителей и новой правдой жизни детей. Но авторитет родителей по большей части оставался высоким. На ранних стадиях развития ребенка вклад семьи в его формирование был определяющим. Внешние факторы – улица, школа, в ряде случаев работа – еще конкурировали на равных с силой семьи.

На определенной стадии развития индустриального общества возникла новая проблема воспитания. В массовом порядке в производство стали вовлекаться женщины. По этой причине стали создаваться ясли и детские сады. Значение семьи резко понизилось. Но воспитатели по большей части являлись носителями того же сознания, что и родители. А значит, воспитуемые все же воспроизводили достаточно цельное сознание, основанное на общих ценностях эпохи. Хотя новые идеи все больше проникали во все социальные институты, вызывая различные подвиги.

В двадцатом веке сформировалось общество массовой культуры, технически основанное на средствах массовой информации. Все большее распространение во всех социальных слоях получали газеты, журналы, книги, радио, кино, затем телевидение, аудио, видео, наконец, Интернет. Отдельные регионы постепенно утрачивали свою оригинальность и самобытность, жизнь и образ мыслей людей все более унифицировался. В то же время в недемократичных обществах существовали доминирующие идеологии, которые способствовали созданию общности народов на уровне сознания. В демокра-

602 тических государствах основой их общности служили в основном политические, экономические и юридические факторы, в какой-то степени общность культуры, истории, языка, другие нематериальные факторы. В области идеологии в этих странах получал развитие все больший плюрализм⁴.

Россия конца XX – начала XXI вв. не имеет собственной идеологии, ясных целей, веры в себя. Ее относительная устойчивость – это устойчивость механизма, работающего по инерции. Ее народ испытывает действие всех возможных разрушительных тенденций и постепенно свыкается с мыслью, что это и есть правда жизни. Телевидение, Интернет, газеты и журналы тиражируют психологию потребления, секса, насилия и разного рода фантазий – от мильных опер до инопланетных вторжений и «мистических прозрений». Устраниться от их влияния не могут взрослые, дети – не способны.

По существу, воспитание направлено на формирование такой личности, которая бы соответствовала по своим качествам, умениям, характеру, мировоззрению тому обществу, в котором происходит ее социализация. Тем самым эта личность способна воспроизводить своей деятельностью данное общество. Это – объективный смысл воспитания, он не зависит от субъективной воли воспитателей, хотя они, безусловно, могут его подправлять или искажать. Традиционное общество, в принципе, давало адекватные образцы для воспитания, поскольку ребенок имел дело непосредственно с реальным обществом, и все воздействия на него окружающих людей в основном задавали один и тот же вектор воспитания – стать полноценным членом данного общества. Современное общество дает множество противоречивых, несовместимых друг с другом, часто неадекватных реальности образцов поведения и мировоззрения, в первую очередь, через средства массовой информации. СМИ не только на равных конкурируют с

⁴ *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. – СПб: Питер, 2005; *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. – Л.: Советский писатель, 1990; *Уэбстер Ф.* Указ. соч.

семьей, детским садом, школой по силе воздействия на подрастающие поколения, но зачастую их влияние сегодня на психику детей является определяющим. Поэтому вопросы о взаимодействии общества и СМИ, о социальной ответственности СМИ и формах контроля над СМИ со стороны общества становятся кардинальными вопросами современности, от которых зависит существование самого общества. Но эти вопросы могут быть решены только на научной базе исследований такого взаимодействия⁵.

Как известно, все постоянно или сильно действующие факторы внешней среды в процессе онтогенетического развития становятся внутренним содержанием личности в процессе ее социализации. Эти факторы сегодня многообразны. Имеет смысл рассмотреть некоторые из них.

Ребенок в первую очередь усваивает образцы поведения, которые предъявляют ему его близкие. Эти близкие – взрослые и другие дети – объективно не могут устраниться от ответственности перед младшим ребенком, что бы они об этом ни думали. Ребенок непосредственно усваивает ситуацию, как он ее воспринимает. Пренебрежение им, раздражительность родителей, их усталость, попытки чем-нибудь занять, как и, наоборот, чрезмерная опека, – это не безобидные случайности, а важнейшие факторы, формирующие личность ребенка. Нельзя отложить на потом воспитание примером, поскольку это естественный и ведущий метод воспитания.

⁵ См.: Белл Д. Указ. соч.; Богомолова Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации. – М.: Аспект Пресс, 2008; Гринберг Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама. – М.: Аспект Пресс, 2006; Засурский Я. Н. Указ. соч.; Ильченко С. Н. Отечественное телевидение постсоветского периода: история, проблемы, перспективы. – СПб: ИВЭСЭП; Знание, 2008; Кастельс М. Указ. соч.; Олешко В. Ф. Психология журналистики. – СПб: Изд-во В. А. Михайлова, 2006; Петренко В. Ф. Указ. соч.; Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Российский журналист и журналистское образование (социологическое исследование). – М.: Изд-во «ВК», 2006; Теория и социология СМИ. – М.: Изд-во «ВК», 2006; Уэбстер Ф. Указ. соч.; и др.

604 Если родители (воспитатели) не дают позитивного примера ребенку, они все равно дают пример, но отрицательный, который становится для него нормой жизни. Таким образом, семейный уклад – это первый и важнейший фактор социализации. Он имеет стихийный характер, если ему не уделяется специальное внимание. Или носит сознательный характер, если родители прилагают особые усилия по формированию своих детей. В обоих случаях результат может быть как позитивным, так и негативным, поскольку результат воспитания не прямолинейная функция намерения воспитателя, а сложное сочетание реальных возможностей, осознаний, усилий и обстоятельств.

Воспитатель, прежде чем воспитывать, сам должен быть воспитан. Он, конечно, всегда как-то воспитан. Традиционное общество было цельным, непротиворечивым в своих основных проявлениях и формировало цельную личность (достаточно обратится к литературным памятникам данных эпох, чтобы это понять), в отличие от переходных и переломных исторических периодов с их надломленной и противоречивой личностью. Цельная личность сознательно или бессознательно, в свою очередь, осуществляла цельное воспитание. Современное общество не имеет, по большому счету, цельных и сильных характеров, ясных и непротиворечивых мировоззрений. Уже в силу этого оно не может осуществлять цельного воспитания. Поэтому воспитатель (будь то родитель, учитель или еще кто-то) не способен сформировать цельную натуру у воспитуемого. Воспитание носит скорее случайный характер. О сознательном воспитании в этих условиях говорить сложно, т. к. время от времени проявляемая рефлексивность по поводу задач воспитания в свою очередь касается случайных представлений воспитателя о должном и недолжном. Только систематическое и цельное мировоззрение могло бы служить основанием действенного воспитания.

По мере роста ребенка помимо семьи и более или менее сознательных усилий ближайших родственников в процессе его социализации появляются новые факторы. Это улица,

ясли, детский сад, потом школа и, наряду с ними, – средства массовой информации. Первый ряд факторов социализации (улица, ясли, детский сад, школа) представлен реальными людьми: их поведением, характерами, мировоззрением, действиями или бездействием в отношении ребенка как объекта воспитания. В чем-то этот ряд факторов аналогичен фактору семьи по своему суммарному эффекту воздействия, представляя собой реальный процесс жизни с ее сложностями и противоречиями. Он формирует личность ребенка в связи с обычными для данного общества ситуациями и обстоятельствами (хотя сегодня и это не обстоит однозначно таким образом, поскольку уже несколько поколений в массовом порядке потребляют продукцию СМИ). Вместе с развитием сознания и самосознания ребенка открываются и возможности саморазвития. Но возможность еще должна быть реализована, чтобы стать действительным атрибутом личности.

Средства массовой информации (в первую очередь – телевидение, затем кино, радио, Интернет, печать) сегодня не представляют желательных для общества образцов поведения, характера, мировоззрения (если, конечно, не предполагать, что обществу сознательно навязываются потребительская психология, криминальные способы решения проблем, низкие формы чувственности, ложные потребности, сомнамбулическое существование некритических сознаний и т. п.). Под желательными образцами мы понимаем такие, которые задают следующие векторы формирования ребенка: развитая, самостоятельная личность, имеющая сильный характер, широкое социально ориентированное мировоззрение, позитивные моральные устои, действительные (а не ложные) ценности, трудолюбие. Такая личность по определению не может рассматривать пиво, «Сникерс», «Пепси-колу», мобильный телефон, sms-ки, «Ауди», красивую грудь, походку модели и сексуальные потребности в качестве высших ценностей и смысла своей жизни. Но сегодня можно наблюдать во все больших масштабах, как рекламные или кинообразцы воплощаются в реальном поведении молодых людей, как общество

606 в бессознательном ажиотаже все больше устремляется в погоню за материальными благами.

Телевидение, Интернет, радио, журналы достаточно быстро становятся бесконтрольными со стороны взрослых. Ребенок может проводить ежедневно по несколько часов в потреблении продукции данных СМИ. Хорошо известно: постоянно повторяемое вовне переносится во внутренний план и становится частью психического содержания, сутью личности. Личность берет для своего формирования материал извне, и если этот материал представлен рекламой, криминалом и сексом, то именно такая личность будет сформирована в результате – словно карикатура на человека, лишенная теплоты души и силы духа.

Поскольку в рекламе представлены сугубо материальные интересы производителей рекламируемых продуктов и услуг, рекламодателей и владельцев СМИ, то их меньше всего интересуют социальные и личностные последствия рекламы, зато более всего – тот материальный (финансовый) эффект, который она им дает. Производителей, рекламодателей и владельцев СМИ не волнует вопрос формирования личности как таковой (хотя для производителей и значим вопрос формирования потребности в определенном товаре), но в конечном итоге они создают определенную личность в соответствии с содержанием рекламных роликов, блоков, баннеров и т. п.

На телевидении непропорционально много в сравнении с реальной жизнью представлены сцены насилия, кошмара, секса, роскоши, фантастических удач, ложных проблем, психопатических акцентуаций и т. п. Почему-то телережиссеры считают, что именно это привлекает зрителя (как будто зритель делает выбор! В советское время зритель почему-то делал другой «свободный» выбор). Соответственно, это содержание телевизионных передач также становится частью психической жизни ребенка, а затем взрослого человека. Ребенку не просто (если не сказать – невозможно) разделить правду и вымысел, социально приемлемое и неприемлемое, полезное и вредное для него лично. Тем самым уже телевизионные об-

разы и образцы формируют общество, потребности, представления, ценности людей. Людей, которые ориентированы на материальное потребление, труд для которых является необходимым злом, секс в жизни которых занимает неоправданно большое место, которые полагают, что голый расчет и насилие есть норма, а также склонны к психопатии и внутренней амбивалентности. Людей, которые лишены души, совести, человеколюбия, ответственности, трудолюбия, мужества, веры.

Таким образом, современное общество во все больших масштабах производит противоречивые характеры, такие личности, которые испытали множество разнородных влияний и не имеют ни ясных перспектив собственной жизни, ни понимания самих себя. Психологическая помощь для таких людей может быть только паллиативом, поскольку в исправлении нуждаются социальные условия их жизни, а они сами должны пройти драматичный процесс рождения заново. Возможно ли воспитание в этих обстоятельствах, возможно ли саморазвитие? Что такое воспитание и какая личность должна быть сформирована в процессе воспитания? И ответом на эти вопросы может быть только вопрос о высших ценностях человеческого бытия: жить по правде или во лжи?

В начале статьи мы определили воспитание как процесс сознательной социализации. Далее рассмотрели условия, способствующие и препятствующие воспитанию. Показали, что сегодня в социуме присутствуют такие мощные факторы, которые доминируют над сознательными усилиями воспитателя. В статье также был поставлен вопрос о дегуманизации современного общества, об отсутствии в нем тех культурных ориентиров, которые бы способствовали формированию здоровой и цельной личности. К чему все это ведет?

Поскольку современное общество не дает безусловных образцов правильной социализации, постольку встает вопрос о том, на какие образцы, представления, идеалы ориентируется реальный воспитатель. Во-первых, существует

608 условно воспитательный процесс, когда воспитатель как бы воспитывает, основываясь на своих несистематических представлениях, актуальных состояниях, возможностях времени и т. п. Это случайное воспитание, близкое по своим объективным результатам к действию стихийных факторов среды. Во-вторых, в основе воспитательного процесса может лежать некоторая субъективная установка воспитателя, которую он вывел из опыта собственной жизни, часто трагичных обстоятельств своей судьбы. Отец может воспитывать бойца, крепкого парня. Мать может нацеливать дочь на выгодный брак. Детей могут отдавать в соответствующие спецшколы, где развиваются нужные способности и умения (как известно, образование и воспитание тесно переплетаются). Родители могут акцентировать внимание детей на нужной дружбе; учить своей правде: не верь никому, не давай в долг, не лезь в чужие дела, своя рубашка ближе к телу, не обижай маленьких, защити слабого и т. п. В основе такого воспитания могут лежать представление о том, как лучше устроиться в жизни, иметь меньше трудностей, какие-то идеалистические установки или что-то еще. Проблема такого воспитания состоит в том, что ребенок воспринимает совсем не то, что знает родитель в силу своего опыта, а непосредственно те ограниченные выводы и правила, которые ему предложены. Другими словами, ему в любом случае придется на личном опыте апробировать эти установки, формируя собственное реальное представление о жизни и замещая им абстрактные родительские формулы.

В основе воспитательного процесса могут лежать разные модели (бегло представим некоторые из них: сентиментальная, эпикурейская, прагматическая, коммерческая, коммуникационная, гуманистическая, экологическая, идеалистическая, религиозная, мистическая, спортивная, этическая, эстетическая, познавательная, натуральная, научная и т. д.). Но, как уже отмечалось, любая из этих воспитательных стратегий рано или поздно столкнется с мощной противостоящей силой средств массовой информации. И чем раньше начнет

действовать эта грубая сила, тем меньше шансов у воспитателя достичь лелеемого результата. Возможно ли воспитание и саморазвитие в наше время? Вероятно, в весьма ограниченных пределах. Сознательным усилиям воспитателя и самой личности оппонирует множество других, и весьма действенных, сил, которым нет дела до идеальной личности, но которые молятся своему жестокому молоху, манипулируя сознанием людей и возвращая в их душах все большее вождение.

Е. Е. Проница

Национальная идентичность как проблема медиапсихологии

Бурное развитие современных электронных средств массовой коммуникации привело к синхронизации и глобализации всех общественных процессов, в том числе экономических, политических, культурных и психических, столкнув человечество со стихией коллективной гиперпсихики. Снеожиданной остротой встал вопрос личностного самоопределения и идентичности. Интернет¹, научные, общественно-политические² и даже глянцевого³ издания запестрели названиями статей со словом *идентичность*. Вдруг оказалось, что в эпоху глобализации сохранение или обретение идентичности – одна из центральных проблем. Даже государство, не имеющее идентичности, не может добиться успеха ни в одной сфере своей деятельности: ни в экономике (в условиях передела рынков и ресурсов), ни в политике, ни на международной арене, ни во внутренних делах.

¹ Около 2 млн ссылок на слово «идентичность» в поисковой системе Яндекс.

² Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123; Миллер А. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. – 2007. – № 1 (33). – С. 84–96; и др.

³ Напр.: Осипов А. Ford Explorer как образец национальной идентичности // Мой автомобиль. URL: <http://www.ma.by/?q=privet-amerika>: «Сохранятся ли в характере и внешнем облике автомобилей их национальные особенности в эпоху глобализации и предельной унификации? Вопрос, как говорится, интересный. Но я его вспомнил не для того, чтобы на страницах «АИ» порассуждать о шведском минимализме, японской функциональности или итальянском темпераменте. А чтобы просто сказать: вот новый Ford Explorer, который пронизан американским духом, как сигарета никотином. Прежде чем забраться в него, хочется пару дней не бриться, надеть мягкие ковбойские сапоги и прослушать хотя бы один диск с песнями в стиле *country*».

Свидетельством тому стала, в том числе, дискуссия в редакции «Российской газеты» «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность», состоявшаяся в 2006 г. в преддверии выборов. Именно понятие национальной идентичности было выдвинуто тогда в качестве краеугольного камня концепции «суверенной демократии»: «Не умея сформулировать национальную идею, народ не может обеспечить суверенитет страны»⁴. По словам одного из авторов концепции «суверенной демократии», замглавы Администрации Президента РФ Владислава Суркова, «жить и развиваться может только тот народ, который имеет целостное представление о себе, о том, кто он и что он, куда он идет...»⁵. Справедливость этого суждения была вскоре подтверждена в серьезных испытаниях, выпавших на долю Российского государства, значительной части которых, возможно, и не было бы, если бы проблема национальной идентичности была решена (достаточно вспомнить грузино-осетинский конфликт, газовый скандал, экономическую дискриминацию России, препятствующую ее вступлению в ВТО, расширение НАТО на Восток, размещение новых американских баз и т. д.).

Таким образом, ответ возник раньше, чем был поставлен вопрос. Психология, в свое время выдвинувшая понятие идентичности, никак не осмыслила и фактически не заметила глобальной трансформации идентичности на рубеже нового тысячелетия. Хотя основоположник теории идентичности Э. Эриксон уделял много внимания социальной, коллективной природе идентичности⁶, психология XX века, находясь в

⁴ См. материалы дискуссии «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность» в редакции «Российской газеты». URL: <http://www.og.ru/articles/2006/08/31/15843.shtml>.

⁵ Там же.

⁶ Э. Эриксон подчеркивал, что, говоря об идентичности, мы имеем дело с процессом, «локализованным» в ядре индивидуальной, но также и общественной культуры, процессом, который в действительности устанавливает идентичность этих двух идентичностей» (Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – С. 31.)

612 русле доминирующей с конца XIX века парадигмы индивидуализма, фактически продолжала, вслед за просветителями, рассматривать коллективность психики как препятствие к становлению индивидуальности. Формирование глобального информационного пространства и глобальной гиперпсихики показало всю невозможность для индивида дистанцироваться от коллективных явлений, а значит, и неизбежность трансформации личной идентичности в целях самозащиты индивидуальности. Примером деструктивного влияния управляемых коллективных процессов на личность и общество служат глобальные информационные войны последних лет, многочисленные факты манипулирования общественным мнением в политтехнологических акциях и вызванные этим геополитические изменения и социальные потрясения. Отсутствие подлинного понимания происходящего грозит углублением политического и духовного кризиса общества.

К счастью, несмотря на возрастающие угрозы суверенности личности, а может быть, именно вследствие этого, возникает спонтанный прорыв психики на новый уровень функционирования, к новой форме идентичности как *личной нелокальности*, позволяющей индивиду овладеть процессами коллективной психики. Драматический процесс становления новой идентичности практически не изучен, но идет достаточно давно и отражается в реальных прецедентах социальной практики и художественном творчестве. Этот реальный прорыв сделал возможным и необходимым также и научный прорыв в области психологии, что привело к формированию медиапсихологии – научной парадигмы, способной рассматривать нелокальные процессы взаимодействия индивидуальной и коллективной психики. Естественно, ценнейшим материалом для анализа становятся реальные проявления нового типа мышления.

Первым, кто лично пережил и описал глобальный кризис идентичности, возвестив миру о надвигающейся неминуемой катастрофе задолго до геополитических потрясений, был сербский писатель Милорад Павич. В благополучном 1973 году в са-

мой благополучной из социалистических стран – Югославии – был опубликован его рассказ «Икона, которая чихает», фактически предсказавший будущую балканскую катастрофу. Следует вспомнить, что в 1970-е гг. Югославия олицетворяла собой идею мирного соседства и взаимодействия двух противоположных политических систем и была своего рода связующим звеном между ними, пользуясь преимуществами обоих укладов, а также всеми выгодами своего независимого положения. Экономическому благополучию и политической свободе в Югославии завидовали граждане всех остальных социалистических государств. Казалось, что уж кому-кому, а Югославии будет легче всего перешагнуть невидимую границу, разделяющую мир на две системы. Однако писатель увидел другое. Неслучайно сборник, в котором был опубликован рассказ «Икона, которая чихает», назывался «Железный занавес». В центральном рассказе этого сборника с одноименным названием «Занавес» говорится о непреодолимом барьере между двумя мирами, о страстном, но тщетном стремлении одной культуры соединиться с другой и о нарастающем психологическом отчуждении со стороны окружающего мира. Герои сюрреалистического рассказа, всю жизнь играющие перед неведомым зрителем, однажды все-таки разрывают занавес, отделяющий их от наблюдателей. «Они снимают с себя свою одежду, меняют имена, становятся такими же, как люди с другой стороны занавеса, братаются с ними, говорят на их языке, наряжаются в их костюмы и начинают понимать толпу, теснящуюся вокруг. И уже очень давно не замечают, что, пока они продолжают повторять свои обычные действия, перед их домами возникает новый, молодой занавес; другого цвета и вида, на другом месте, но снова – занавес. Они и понятия не имеют о том, какими странными именами называют все происходящее с ними те, кто находится по другую сторону разделяющего их барьера, и ни одна из двух сторон не знает, какая из них настоящая. Они не знают, что между ними железный занавес»⁷.

⁷ Павич М. Занавес // Железный занавес. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 32–36.

614

В рассказе «Занавес» герои напрасно стремятся уничтожить разделяющий их барьер – он становится только толще, превращаясь в некий абсолюте, вроде сказочной неприступной «железной горы», нестираемого «железного посоха», неснашиваемых «железных башмаков», смертоносных «железных когтей» и т. д. Сюрреализм описанных событий обнажил глубинную психологическую подоплеку пресловутой политики «железного занавеса», выросшую из ментального неприятия и отчуждения.

Что происходит с людьми, попавшими в ситуацию последовательного и принципиального отвержения, психологам хорошо известно. Слова *отчаяние* и *ужас*, используемые Павичем для описания морального состояния своих героев, дают лишь самое общее представление о той душевной муке, которая в реальной жизни приводит людей к глубокому неврозу и даже самоуничтожению... Но прежде физической гибели наступает духовная катастрофа.

Сюжет небольшого рассказа «Икона, которая чихает» пронизывает 12 веков, соединяя в единый тезаурус эпохи, судьбы отдельных людей и целых государств. Это история чудесной иконы, охранительницы Сербии. По завету, она должна находиться в королевской обители до тех пор, пока существует Сербское государство. Несколько веков она действительно хранится в Сербии, но исчезает из обители в 1389 году. Автор никак не объясняет смысл этого числа, поскольку оно слишком хорошо известно тем, кто знаком с сербской историей и культурой. 1389 год – дата национальной трагедии, год сокрушительного поражения сербских войск от турок на Косовом поле. Семидесятитысячное христианское войско, собранное и возглавляемое сербским князем Лазарем, было наголову разбито султаном, войско которого было в два раза больше – 140 тысяч воинов. Сербия стала вассалом Османской империи. Сам князь Лазарь погиб на Косовом поле и с тех пор почитается сербами как мученик и национальный герой. Сербия лишилась свободы почти на 500 лет.

В день этого страшного поражения икона таинственным образом оказывается в Греции, в Хиландарском монастыре.

С тех пор монахи монастыря ожидают, что икона снова вернется в Сербию, как только сербское государство возродится. Но икона не возвращается ни в 1912 году, когда сербская армия освободила Косово, ни позже, когда возникло новое государство – Югославия. Все попытки вернуть ее в Сербию оказались безрезультатными. Она снова и снова чудесным образом оказывается в Греции в Хиландарской обители и только простуженно чихает, когда монахи открывают дверь трапезной, чтобы ей легче было вернуться на Родину. Но раз икона не возвращается в Сербию, значит, Сербского государства нет, хотя оно и существует. Парадокс?

Когда в 1912 году икона почему-то не вернулась в освобожденную от турецкого владычества Сербию, удивленные монахи отправили туда своего посланца. По его возвращении многое стало им ясно: «После года скитаний монах вернулся и сказал, что видел на Косовом поле памятник турецкому султану Мурату, а в Газиместане – надгробный памятник в честь разбитого турецкого войска, но не сумел отыскать памятников ни на месте, где был убит сербский князь Лазарь, ни там, где рядом с церковью Самодреже погребен величайший сербский герой Милош Обилич. Неудивительно, решили монахи, что “Троеручица” не покидает своего места в хиландарской трапезной...»⁸.

Но икона не вернулась и позже, когда в 1950 году на Косовом поле социалистическое правительство Югославии воздвигло большой обелиск в память о погибших сербских воинах. Монах, безуспешно пытавшийся вернуть икону в Сербию, рассудил так:

«Кто его знает, эти сербы, может быть, теперь уже не сербы. Вон, у них и язык уже давно не настоящий. Судя по всему, это какие-то новосербы, а уж там, за границей, может, и нет больше никого из наших...»⁹. При этих его словах икона громко чихнула, как бы в подтверждение догадки. Ведь на этот

⁸ Павич М. Икона, которая чихает // Железный занавес. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 151-152.

⁹ Там же. – С. 154.

616 раз все двери и окна были закрыты и никакого сквозняка не было...

Получалось, что икона не возвращается в Сербию, потому что *настоящего* Сербского государства нет, как нет *настоящих* сербов. Так впервые проблема идентичности была осознана художником как основа и условие существования государства.



Рассказ заканчивается не то напоминанием о прошедшем, не то предзнаменованием будущего: «Место того, кто уходит, никогда не остается пустым»¹⁰. И словно указатель, предупреждающий об опасности, камень на распутье или круглая печать, возводящая в закон сказанное, – дорожный знак в конце рассказа «Разворот запрещен». И это

единственная картинка на весь сборник.

Дальнейшая история раздела Югославии и отторжения Косова придала мрачный пророческий смысл этому рассказу. Получилось, что развал государства, потеря колыбели сербской государственности – Косова, массовый исход коренного сербского населения с исконной территории были фактически предсказаны писателем, исходя из состояния национальной идентичности, за 30 лет до начала трагических событий. С точки зрения художника, национальная катастрофа назрела и, возможно, произошла задолго до военных действий.

Однако Павич не был бы великим писателем, если бы не искал глубинных причин трагедии. Его интересовал вопрос, почему гибнет национальная идентичность. Ответ на этот важнейший вопрос можно найти в знаменитом романе Павича «Хазарский словарь», вышедшем в 1984 г.

Роман повествует о жизни и обычаях некоего исчезнувшего народа. Можно подумать, что роман состоит из одних мистификаций: народа такого давно нет, и история его явно

¹⁰ Павич М. Икона, которая чихает. – С. 155.

вымышленная. Но единственная и главная мистификация романа в том, что народ, описанный в романе, на самом деле существует и история его вполне аутентична, только зовется он не «хазары». Имя «хазары» и есть единственная фикция романа, призванная скрыть подлинные имена реальных участников коллективной истории. События и факты, описанные в романе, с детства известны каждому, кто учился в русской, югославской или болгарской школе: приглашение ко двору верховного правителя представителей трех великих религий, выбор веры, многоконфессиональное и полиэтническое устройство государства – все это слишком узнаваемо, чтобы не понять прозрачных аллюзий автора.

Хазарское государство – это, конечно, Сербия, но не только. Это и Россия, и все славянские государства в целом, возникшие на скрещении дорог, мировых религий и цивилизаций. Вспомним, что, например, славянское население бывшей СФРЮ принадлежало к трем разным конфессиям: католицизму, мусульманству и православию, так же, как и славянское население Восточной и Южной Европы. Но существенно, что по трем версиям, представленным в романе, хазары приняли сразу три разные веры, поскольку каждая версия утверждает, что выбор был сделан в пользу той конфессии, которую эта версия представляет. Что означает для самого этноса существование в лоне трех разных религий, можно представить, зная тревожную историю Балкан, многочисленные гражданские войны, а также самоубийственную гражданскую войну в Югославии под занавес XX века, вовлекшую почти все славянские государства, выступившие на разных сторонах. Провидчески звучат рассуждения одного из персонажей романа: «Не живут ли в моих душах три веры вместо одной? <...> Не знаю, но я ясно прочувствовал, что три мои души воюют во мне, и одна из них, с саблей, уже в Царьграде, другая сомневается, плачет и поет, играя на лютне, а третья ополчилась против меня»¹¹.

¹¹ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. – СПб: Азбука-классика, 2000. – С. 268.

И все же не в этом главная проблема. При всем взаимном противоречии это все же одна, триединая душа: «Или же всегда, как и в книге о сотворении света, – продолжает рассуждать герой Павича, – необходима троица, а кто-то один недостаточен, и поэтому я не случайно стремлюсь найти двух других, как и они, вероятно, стремятся найти третьего. <...> Мои души для своего совершенства ищут содействия других душ, так души помогают друг другу»¹². Настоящая беда не в этом.

Беда в том, о чем Павич вынужден писать эзоповым языком в духе памфлетистов XVIII века – Свифта, Вольтера, описывавших современное им общество в виде вымышленных стран и народов: лилипутов, гуингмов и т. д.

«Устройство хазарского государства было довольно сложным, а его подданные делились на родившихся под ветром (хазары) и всех других, которые родились над ветром, то есть пришли в страну хазар из других мест (греки, евреи, сарацины или русские). Большинство населения царства составляли хазары, все остальные были представлены лишь небольшими группами. Административное деление царства, однако, было таково, что это почти не бросалось в глаза. Государство делилось на округа, которые там, где есть еврейское, греческое или арабское население, называлось их именем, в то время как самая большая часть страны, в которой жили только хазары, была разбита на несколько округов под разными названиями. Таким образом, только один из этих округов носил имя хазарского, остальные же имя и место в государстве получили на другой основе. На севере, например, был выдуман целый новый народ, который *согласился отказаться* от своего хазарского имени и хазарского языка и, соответственно, свой округ называл по-другому. С учетом всех этих обстоятельств и вообще *незавидного положения хазар в их царстве*, многие из них *действительно отказывались* от своего происхождения и языка, от своей веры и обычаев, *скрывали, кем они являются* на самом деле, и выдавали себя за греков или арабов, считая, что таким образом больше преуспеют в жизни. <...>

¹² Там же. – С. 268-269.

Количество посланников от каждого из округов при дворе было непропорционально размерам населения, которое они представляли, оно зависело от числа округов, из чего следует, что хазары, составляющие большинство населения страны, *оказывались при дворе в меньшинстве*. Продвижение по службе в такой ситуации и при таком соотношении сил было обусловлено слепой преданностью нехазарам. Достаточно было *отказаться называться хазаром*, и это сразу открывало дорогу при дворе и позволяло сделать первые шаги в карьере. Следующие шаги требовали *антихазарской позиции и подчинения хазарских интересов интересам греков, евреев, туркмен, арабов или готов, как там называли славян*¹³ [выделено мной. – Е.П.].

Дальнейшее описание внезапно (и ненадолго) переходит с языка бесстрастной хроники на более характерный для Павича глубоко метафорический, почти аутистический (как внутренняя речь) язык образов и символов, в котором вдруг прорывается безмерная горечь:

«Один мой ровесник, хазар, сказал мне недавно странные слова: “До нас, хазар, доходит лишь часть будущего, самая твердая и неудобоваримая, с которой труднее всего справиться, так что нам приходится пробиваться сквозь него, как сквозь сильный ветер, боком. Это будущее состоит из забродивших отбросов, и оно, как болото, затягивает нас все глубже и глубже. Нам достаются только заплесневелые и обгрызенные куски, только то из будущего, чем уже пользовались, что обтрепали и изгадили, а кто получает лучшие куски при общем дележе и растаскивании будущего – мы даже не знаем...”¹⁴.

Внешне абсурдная картина, когда именно большинство подвергается дискриминации, а меньшинство пользуется привилегиями, поначалу кажется очередным парадоксом, продолжением мистификации. Однако сами собой вдруг всплывают слишком хорошо известные факты и гораздо менее известные широкому кругу цитаты, вроде:

¹³ Там же. – С. 225–227.

¹⁴ Там же. – С. 227.

620

«...интернационализм со стороны угнетающей нации или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 359).



Этническая карта Югославии
(цвет обозначает национальное большинство,
проживающее в данной местности)

Новый лидер социалистической Югославии Броз Тито (выходец из Хорватии) проводил национальную политику в

полном соответствии с ленинским учением. Государство стало федерацией, состоящей из шести автономных республик: Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Македонии. Из состава Сербии кроме того были выделены два автономных края – Косово и Метохия с Войводиной. При этом территории с традиционным сербским большинством в Хорватии, Боснии и Черногории не получили автономии. Так, Сербская Крайна и Далмация были просто присоединены к Хорватии. Не смогли они добиться автономии и после отделения Хорватии от Югославии.

Край Косово был историческим и культурным центром Сербии, но после войны албанцы, проживающие на территории Косово, получили все права автономии, даже несмотря на то, что принимали участие в войне на стороне фашистской Германии. Сербам, потерявшим более полутора миллионов человек в борьбе с фашизмом, было запрещено возвращаться в Косово в 1945-48 гг., поскольку Тито планировал создать Балканскую федерацию с участием Албании. Но и после разрыва отношений между Югославией и Албанией (в 1948 г.) Тито привлекал в Косово албанцев, бежавших от режима Энвера Ходжи. Доля албанского населения в крае постоянно росла, и в 1974 г. краю Косово был придан статус практически равный с союзными республиками.

Таким образом, по примеру СССР Тито последовательно проводил социалистическую «национальную политику» по усилению автономий, способствовал переселению малых национальностей в автономные республики, поощрял возвращение «национальных кадров». (Ср. у Павича: «каган не допускал к власти молодое поколение, пока оно не достигало пятидесяти пяти лет, причем это правило действовало только в отношении хазар. Остальные продвигались быстрее... Так что когда через год-другой новому поколению пятидесятипятилетних хазар приходил черед получать государственные должности, все они бывали или заняты, или настолько теряли значение и вес, что не было никакого смысла на них

622 соглашаться»¹⁵). Однако последовательная дискриминация государствообразующей нации привела к ослаблению самого государства.

Сакраментальные вопросы представителей этнического большинства – «Почему?», «За что?» – мучили не одно поколение. «Арабский хронист» Павича дает очень простой ответ: потому что каган считал, что «те, другие, не представляли для него опасности ввиду своей малочисленности»...

Вследствие своего незавидного положения хазары больше не могли и *не хотели* быть хазарами. Бесперспективную и безнадёжную жизнь они готовы были променять на что угодно.

«В хазарской столице Итиль было такое место, где два человека (это могли быть и совершенно незнакомые люди), пройдя один мимо другого, получали имя и судьбу этого другого и продолжали жить дальше, обменявшись жизненными ролями, как шапками. Среди тех, кто ждет возле этого места очереди поменяться судьбой с другим, все равно с кем, толпилось больше всего хазар»¹⁶.

В первую минуту кажется, что сюрреализм достигает в этой точке апогея. Поражаешься непредсказуемому ходу мысли и необычной фантазии автора. Но... вдруг вспоминаешь слова солдатской песни из кинофильма «Щит и меч», в одночасье ставшей популярной после выхода фильма на экраны страны:

*Что пожелать тебе сегодня перед боем,
Ведь мы в огонь и дым идем не для наград?
Давай с тобою обменяемся судьбою,
Махнем не глядя, как на фронте говорят...*

Ф. М. Достоевский в «Записках из мертвого дома» описывает обычай, бытовавший среди ссыльных заключенных в России, когда они в буквальном смысле слова менялись местами на очередном этапе и затем шли каждый по новому маршруту, не надеясь что-то выгадать, просто стремясь, как они говорили, «сменить судьбу».

¹⁵ Там же. – С. 227-228.

¹⁶ Там же. – С. 228.

Таким образом, психологический портрет, созданный Павичем, оказался абсолютно достоверным. Писатель хорошо знал «хазарский народ». В силу особенностей своей ментальности именно хазары положили начало государству и затем обеспечивали его существование: именно они производили хлеб, который продавался за бесценок во всех округах, кроме хазарских, именно они, «как самые многочисленные, несли на себе основной груз воинской повинности, хотя среди военачальников все народы были представлены равноправно». «...Обязанностью хазар являлось поддерживать целостность всего государства и воевать за него, пока евреи, арабы, греки, готы и персы, жившие в Хазарии, тянули свой край одеяла на себя, а вернее, на те страны, откуда они происходили»¹⁷. По вполне понятным причинам в случае военной опасности описанные отношения менялись. Хазарам предоставлялось гораздо больше свободы, на них смотрели сквозь пальцы, начинали воспевать их славные победы в прошлом ...»¹⁸.

При этих словах невольно вспоминается, как во время Великой Отечественной войны большевики, до этого разрушав-

¹⁷ Примечательны аналогии с историей самой Югославии:

После нападения Германии на Югославию во время второй мировой войны сербы остались практически в одиночестве перед лицом фашистской коалиции. Хорваты мечтали о «Великой Хорватии», обещанной им Гитлером. Албанцы – о «Великой Албании», провозглашенной Муссолини. Боснийские мусульмане организовали 12-ю СС «ханджар дивизию». Сражаясь на нескольких фронтах, сербы удерживали на Балканах от 12 до 15 немецких дивизий. Во второй мировой войне погибло 11% населения Югославии, из которых 90% - сербы. Всего война унесла полтора миллиона сербских жизней. Но от рук итальянских и немецких фашистов погибло не более полумиллиона. Остальных вырезали хорватские усташы, зверства которых потрясли даже немецких эсэсовцев, боснийские мусульмане и албанские фашисты (*Скворцов А. Косово и Метохия: можно ли защищать права человека посредством насилия. URL: <http://www.hrono.info/libris/kosovo00.html>*).

¹⁸ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. – СПб: Азбука-классика, 2000. – С. 229.

624 шие церкви, жестоко преследовавшие верующих и священников¹⁹ и практически не признававшие дореволюционной русской истории, в тяжелую для них минуту, опасаясь лишиться не только власти, но и жизни, учредили ордена в честь Святого благоверного князя Александра Невского и графа Александра Васильевича Суворова.

Парадоксально, но, отдавая должное хазарам, явно гордясь их мужеством и смелостью, Павич говорит о них совсем не с сочувствием, как можно было бы ожидать, а с гневом и яростью. Безжалостно и даже с каким-то мучительным удовлетворением писатель перечисляет нелепости и глупости, которые неизбежно приведут «больного» к летальному исходу. Это даже не боль и отчаяние, это – аутоагрессия, неприятие самого себя. Ведь Павич – тоже хазар. (В одном из своих интервью М. Павич как-то сказал, что чувствует себя похожим на принцессу Атех, хазарскую правительницу и верховную жрицу. По сюжету романа ей суждено пережить свой народ. Кстати, личный сайт Павича назывался при его жизни и на-

¹⁹ Эта установка лидеров большевиков ясно выражена в известном ленинском письме («Членам Политбюро. Строго секретно») от 19 марта 1922 г.: «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (Архивы Кремля: В 2 кн. – Кн.1. Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг. – М., Новосибирск: Сибирский хронограф. – 1997. – С. 143).

К 1939 г. по всей стране оставалось незакрытыми менее 100 храмов из 60 000 действовавших в 1917 г. В брошюре «Крестный путь Церкви в России» (изд-во Посев, 1988) говорится о 320 000 пострадавших священнослужителях. И практически неразрешимой задачей предстает сбор сведений о большей части пострадавших за Церковь мирян. Таким образом, счет пострадавшим шел на сотни тысяч: по разным оценкам, их было от 500 000 до миллиона человек (По материалам сайта: Библиотека Якова Кротова. Статистика гонений: Н. Е. Емельянов. URL: <http://www.krotov.info/history/20/emel1996.html>).

зывается поныне «Милорад Павич Khazars.com»²⁰.) Как и все хазары, Павич *не хочет* быть хазаром.

«Интересно, что хазары, оказавшись за пределами своего государства, стараются скрыть, кто они такие, и скорее пройдут мимо своего соотечественника, не показав ему своего происхождения, чем признают перед ним, что говорят и понимают по-хазарски»²¹.

Бесстрастно отражая реальность, выявляя все изъяны и гибельные мутации, Павич не перестает быть частью этой реальности, потому что отражает и самого себя. Это анфилада самоотражений, набор матрешек, озеро в озере (как в одном из рассказов Павича «Сборник Романа Мелода»²²). Он остается самим собой, а значит, хазаром, вплоть до того, что вынужден писать эзоповым языком, поскольку не может нарушить запрет, не позволяющий хазарам заниматься собственной историей:

«В хазарском государстве можно встретить ученых евреев, греков или арабов, которые очень хорошо знакомы с прошлым хазар, с их книгами и памятниками. Они отзываются о них с похвалой, и их знания весьма подробны, некоторые из них даже пишут о хазарской истории, однако самим хазарам это не разрешено, они не имеют права рассказывать и писать книги о собственном прошлом»²³.

Итак, мы видим не только описание хазарских проблем, но и их отражение в психическом складе и мироощущении самого автора. Его идентичность так же поражена и так же истекает кровью, как у хазар.

²⁰ См.: <http://www.khazars.com/ru/>

²¹ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. – СПб: Азбука-классика, 2000. – С. 306.

²² «На одном из озер в Словении есть озеро с островом посреди леса. Озеро в озере» (Павич М. Сборник Романа Мелода // Железный занавес. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 138.)

²³ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. – С. 304.

«Что касается захоронений в Челареве, то венграм хотелось бы, чтобы это были венгры или авары, евреям – евреи, мусульманам – монголы, и никто не заинтересован, чтобы они были хазарами. А, скорее всего, это именно они... Захоронение насыщено осколками гончарных сосудов с изображенными на них менорами. Ввиду того, что у евреев расколотый гончарный сосуд означает пропащего, конченого человека, это кладбище представляет собой могилы *пропащих, конченных людей, каковыми и были хазары на том месте, а возможно, и в то время*»²⁴ [выделено мной. – Е.П.].

Это повесть погибающей идентичности о самой себе. Но несмотря на это, а может быть, вследствие этого, находясь одновременно внутри и снаружи проблемы, писатель очень ясно видит существо болезни. Он видит, что именно отказ от идентичности – причина гибели хазар. Хазары не исчезли, не вымерли, они просто *перестали быть хазарами*. Об этом – в заключительной сцене романа. Хазарская принцесса Атех, верховная жрица, покровительница ловцов снов и хазарского языка, будучи бессмертной, работает официанткой в стамбульском отеле. Она выступает свидетельницей на суде по делу об убийстве двух ученых, исследователей хазарской истории, и обвинитель задает ей вопрос: «А кто вы по национальности, мадемуазель или мадам Атех?»

«Свидетель: Это трудно объяснить.

Обвинитель: Постарайтесь, будьте добры.

Свидетель: Я хазарка.

Обвинитель: Как вы сказали? Я не слышал о таком народе. Какой у вас паспорт? Хазарский?

Свидетель: Нет, израильский.

Обвинитель: Прекрасно. Это-то я и хотел услышать. Как же так – хазарка, и с израильским паспортом? Вы изменили вашему народу?

Свидетель (смеется): Нет, скорее наоборот. Хазары переродились в евреев, и я вместе с другими приняла иудаизм и

²⁴ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. – С. 140.

получила израильский паспорт. *Что мне делать одной на свете? Если бы все арабы стали евреями, разве вы остались бы арабом?»*²⁵ [выделено мной. – Е.П.].

Концовка романа без надежд, без иллюзий. Последние хранители словаря, так самоотверженно восстанавливавшие его, погибают от рук шайтанов, принявших образ людей. Хазарский словарь «дошел до нас» только благодаря последней жертве своего последнего владельца. У доктора Сука, хранившего словарь, было волшебное яйцо, разбив которое с острого конца, можно было миновать, не проживая, один несчастливый день, избежав тем самым неприятностей, например, собственной смерти. А если разбить яйцо с тупой стороны, то можно было сберечь от уничтожения какой-либо предмет, книгу. Доктор Сук предпочел сохранить книгу, и в момент опасности разбил яйцо с тупой стороны.

Хотя роман, как выяснилось, очень детально рассматривает проблемы конкретного этноса, он нашел широкий отклик во всем мире и вызвал мощный резонанс среди представителей разных культур. Поднявшаяся волна общественного интереса и внимания была так велика, что автор в одночасье стал всемирной знаменитостью. Дело не в том, что проблемы крошечной Сербии пробудили общее сочувствие. Национальная принадлежность автора скорее могла бы вызвать предубеждение в накаленной атмосфере нараставших на Балканах сепаратистских настроений, активно поддержанных Западом. Сам Павич удивлялся своей судьбе: «Моим книгам было бы лучше, если бы их написал какой-нибудь турок или немец. Я же был самым известным писателем самого ненавидимого народа – сербского народа»²⁶. Мировая литературная критика говорила о нем как о первом писателе XXI века, а в 2004 г. он был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

²⁵ Там же. – С. 376-377.

²⁶ Павич М. Автобиография // Персональный сайт Милорада Павича. URL: <http://www.khazars.com/ru/>

Писатель впервые показал гибель этноса не как физическое вымирание, а как гибель этнокультурной идентичности, тем самым перенеся проблему из социально-политической плоскости в психологическую. Открытие Павича состояло и в том, что процессы, протекающие на всех уровнях социальной жизни изоморфны (подобны), как фрагменты фрактала. Потеря личной идентичности обернулась гибелью этноса и развалом государства, а на общечеловеческом гиперуровне грозит распадом и самоуничтожением «большого социума»²⁷ – Адама (в терминологии «Хазарского словаря»).

Пример Югославии явился зримым воплощением «материальности» духовных процессов идентичности в глобализирующемся социуме и вящим доказательством правоты Павича.

²⁷ Амбивалентность и неустойчивость складывающейся социальной системы довольно неожиданно представлена в следующем фрагменте романа:

«Мальчик был, как всегда, в перчатках, и доктор Муавия спросил его, почему он их никогда не снимет.

– Потому что мне здесь противно, – ответил мальчик.

– Противно? – спросил доктор Муавия. – Что?

– Вся ваша демократия! – сказал мальчик слово в слово. – <...> Посмотри, каковы результаты этой демократии – раньше большие народы угнетали малые. Теперь наоборот. От имени демократии малые народы терроризируют большие. Посмотри, что делается в мире: белая Америка боится негров, негры – пуэрториканцев, евреи – палестинцев, арабы – евреев, сербы – албанцев, китайцы боятся вьетнамцев, англичане – ирландцев. Маленькие рыбы отгрызают уши большим рыбам. Теперь терроризированы не меньшинства, демократия ввела новую моду, и под гнетом оказалось большинство населения этой планеты... Ваша демократия – это просто фигня...» (Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. – С. 375).



Предсказание Павича сбылось. Государство рухнуло, сокрушив судьбы сотен тысяч людей. Причиной этого явился отказ государствообразующей нации от своей идентичности в условиях, когда этническая идентификация стала ловушкой, отнимающей все шансы на сколько-нибудь достойную жизнь. Государственная политика, направленная на размывание национальной идентичности и скрытую дискриминацию этнического большинства, принесла закономерные плоды. Однако загадка остается. Она в том, почему хазары *терпели* такое положение в собственном государстве? Почему они так долго соглашались себя эксплуатировать? Ответ кроется в особенностях идентичности государствообразующих наций в многонациональных государствах (таких, как государство «хазар»).

Дело в том, что до определенного момента социум выживал исключительно посредством жертвы индивидов и самого этноса в пользу государства. Индивид – отдавал собственные права распоряжаться собой, даже жизнь ради общего процветания, а этнос – платил своей численностью и риском полного уничтожения при очередном походе. И до определенного момента развития цивилизации не было другого способа и шанса выжить в борьбе за существование. Времена изменились, но жертвенность осталась. Осталось

630 слияние этноса и государства в коллективном сознании, отождествление блага государства и блага народа, интересов вождя и государства, путаница с понятиями «отечество» и «ваше превосходительство»²⁸ и т. д. Эти особенности дольше всего сохранялись и целенаправленно культивировались у государствообразующих наций, позволяя эксплуатировать национальную идентичность в корыстных целях правящей верхушки, давно отстранившейся от интересов этноса. Анализируя историю Югославии в XX в., сербский исследователь Веселин Джуретич считает, что причиной нынешнего бедственного положения сербов и их разрушенной государственности является то, что сербы трижды (в 1918, 1945 и 1991 гг.) поддались соблазну создания наднациональной империи, вместо того чтобы строить собственное национальное государство²⁹. История показала, что государство, лишённое идентичности, становится добычей структур, обладающих выраженной идентичностью.

Но трагедия «хазар» этим не исчерпывается. Парадокс состоит в том, что отказ от идентичности не спасает этнос от исчезновения, а личность – от угасания. Пройдя через горечь самоотрицания, Павич как никто другой понял, что коллективная идентичность – нечто большее, чем общая судьба, воспоминания или даже чувство сыновнего долга. Коллективная идентичность и есть иррациональное я, без которого жизнь теряет смысл и бессмертие. Разрушение государства – катастрофа, но гибель я – еще страшнее. Принять идентичность эксплуатируемого большинства – значит влачить жалкое

²⁸ Известное выражение М. Салтыкова-Щедрина из очерка «За рубежом»: «Под “бонапартистом” я разумею вообще всякого, кто смешивает выражение “отечество” с выражением “ваше превосходительство” и даже отдает предпочтение последнему перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай» (Цит. по: <http://www.saltykov.net.ru/lib/sb/book/3094/page/18>).

²⁹ Джуретич В. Развал Югославии. Основные течения 1918-2003 гг. – М.: Кобекс интернэшнл, Кристи инжиниринг, ООО «СтройСпецМонтаж», 2003.

существование и потерять уважение к себе, а отказаться от идентичности – значит совсем исчезнуть. Тупик был очевиден: отказ от идентичности означал гибель этноса, но и принятие идентичности означало то же самое.

Не зная еще, как преодолеть неразрешимую антиномию, выдерживая мучительную боль самонеприятия, Павич понял одно: «Место того, кто уходит, никогда не остается пустым». Роман заканчивается странными цифрами, записанными на подобие счета на обороте фирменного бланка отеля, где произошла мистическая развязка драматических событий³⁰:

$$1689 + 293 = 1982.$$

Расшифровать эту последнюю загадку, оказывается, не так уж сложно. 1689 – год гибели первых составителей «Хазарского словаря». 1982 – год убийства современных его собирателей. Но если дата 1982 понятна (это год окончания романа писателем), то чем обусловлена дата 1689? В Википедии на соответствующую дату среди прочих событий мировой истории (восшествие на престол Марии II, принятие Конвентом «Декларации прав» и проч.) имеется запись:

«1689 – Конец года – Австрийцы стали терпеть поражения от турок и отступили. Из Сербии бежало в австрийские владения около 60-70 тыс. чел. Подавление турками восстаний в Сербии и Македонии»³¹ [курсив мой. – Е.П.].

Дальнейший поиск дает дополнительную информацию: до XVII века Косово – центр средневекового сербского государства. Здесь находится резиденция сербских православных архиепископов и патриархов. Большинство населения составляют сербы. После австрийско-турецкого сражения при Кладове в 1689 г., где Австрия потерпела поражение (именно в этой битве погибают первые составители словаря), сербский патриарх Арсений III (Черноевич), многие его священнослужители, а также часть населения, которая выступила в под-

³⁰ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. – С. 379.

³¹ См. Википедия, 1689 год. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/1689_год

632 держку австрийцев, переселились вместе с ними из Косова в южную часть Венгрии. Со временем их владения и дома захватили мусульмане-албанцы. Привилегии мусульманам в Османской империи привели к исламизации албанцев. К концу XIX в. сербы составляли уже только около половины населения края³².

Значит, именно эту дату, дату осознанного духовного и физического ухода, а не дату трагической битвы на Косовом поле считал писатель поворотной в судьбе «хазар»... Именно эту дату не мог им (себе) простить³³. Вот почему «хиландарский монах» в рассказе Павича 1973 г. говорит: «Место того, кто уходит, никогда не остается пустым». Круг замкнулся.

Знаменательный факт: почти все прижизненные биографии Павича, всегда очень лаконичные, заканчивались короткой фразой – «Живет в Белграде»³⁴ (там Павич и родился). Несомненно, будучи писателем мировой известности, нобелевским номинантом, Павич мог бы выбрать для своего проживания более привлекательное и безопасное место, чем страна, находящаяся на положении «мирового изгоя», по отношению к гражданам которой давно не соблюдаются международные правовые нормы и обязательства. Павич оставался в Белграде и во время бомбардировок Сербии. По этому поводу он грустно напишет в своей автобиографии: «Новое тысяче-

³² Косово. История многострадального края. По материалам сайта NEWSru.com. URL: <http://www.newsru.com/background/30mar2006/kosmet.html>.

³³ В новом свете предстает в этом плане решение русского духовенства в 1917 г. сохранить церковь и возродить патриаршество в России, несмотря на победу большевиков, разрушение церквей, физическое уничтожение духовенства, преследование верующих. Решение это часто повергалось критике за вынужденные компромиссы, на которые должна была идти церковь в условиях террора. Однако церковь пережила трудные времена и сохранилась, и кто знает, что было бы сегодня с государством и национальной идентичностью, если бы не это. Ведь «место того, кто уходит, никогда не остается пустым»...

³⁴ См., напр.: Биография Милорада Павича. URL: Сфера online <http://www.sferamm.ru/books/authorbio225.html>

тие началось для меня в 1999 году (три перевернутые шестерки) с третьей в моей жизни бомбардировки, когда самолеты НАТО стали сбрасывать бомбы на Белград, на Сербию. С тех пор Дунай – река, на берегу которой я живу, – перестал быть судоходным»³⁵.

Решение остаться и было ответом Павича на антиномию XXI века. Остаться, чтобы сохранить свою идентичность, и *сохранить идентичность, чтобы остаться*. В этом одновременно ответ на самые острые геополитические проблемы современности (социальный, мезоуровень) и залог восстановления способности индивида к самотрансцендированию (индивидуально-личностный, микроуровень), а значит, условие сохранения человечества как вида *homo sapiense* (глобальный, гиперуровень). Это универсальный ключ к проблеме на всех социальных уровнях от индивида до человечества – Адама (в терминологии «Хазарского словаря»).

Появление «Хазарского словаря», органично соединившего геополитический масштаб и проблемы личностного самоопределения, свидетельствовало о рождении нового мышления. Такой способ многоуровневого видения был недоступен никогда ранее. Павич действительно является первым писателем третьего тысячелетия, непосредственно ощутившим и описавшим нерасторжимую иррациональную связь двух ипостасей человеческой психики. В условиях острого конфликта личной и коллективной идентичности он понял, что одно без другого не существует и уничтожение одной стороны антиномии повлечет за собой безвозвратное уничтожение и другой, а их простое отождествление в то же время неотвратимо приведет к взрыву, как непосредственное сближение противоположных полюсов – к короткому замыканию.

Сегодня становится ясно, что тот, кто сумеет соединить эти полюсы, получив сияющую «электрическую цепь», а не взрыв, проложит путь к сокровищам и могуществу нелокальных феноменов психики. И это будет равнозначно подчине-

³⁵ Павич М. Автобиография // Персональный сайт Милорада Павича. URL: <http://www.khazars.com/ru/>

634 нию квантовой энергии. Решения, принимаемые в сфере нелокальных медиафеноменов психики так же опасны и порой фатальны, как и работа первых исследователей в области атомной физики, и требуют такого же уровня интеллекта. Понять, что сходство не означает тождества, не так просто, особенно в условиях борьбы за существование, когда речь идет о жизни и смерти. Вся сложность стоящего перед молодежью выбора, глубокий политический и духовный раскол в самой Сербии хорошо видны в следующих заметках, сделанных двумя сербскими студентками, одна из которых (условно *N.N.*) уверенно и без колебаний определила свое место на «баррикадах», а вторая (*T.T.*) – нет.

N.N.: «Совсем недавно в Белграде у подружки случайно нашла значок с изображением Шешеля³⁶. Улыбнувшись, я подумала, что это шутка такая, и спросила: “Ну почему же ты в доме держишь говно?”, на что получила вполне серьезный ответ: “Не трогай его!”. Спустя несколько дней и бутылки Пелинковца я не сдавалась и решила понять, почему 20-летняя девушка хочет голосовать за “Радикалну странку”? Неужели она не понимает, что за политику ведет этот человек и к чему она может привести? И тут, совсем для меня неожиданно, она сказала: “Я не голосую за политику, я голосую против Гаагского суда!”.

³⁶ Воислав Шешель – Президент Сербской радикальной партии, профессор, доктор. С 2003 г. находится в тюрьме Гаагского трибунала. Он сам явился в суд через 10 дней после предъявления ему обвинения. В тюрьме ему запрещалось видеться с родственниками, самому себя защищать в суде и т. д. Лишь после его голодовки эти ограничения были сняты.

В 2009 г. против Шешеля было выдвинуто новое обвинение – в неуважении к суду. Что интересно, оно было выдвинуто всего лишь за 18 рабочих часов (часов заседаний) до конца процесса над сербским политиком. Таким образом, Гаагский трибунал оставил Шешеля в Гааге даже после его недоказанной вины в основном процессе, начав дополнительный процесс. Члены Сербской радикальной партии считают, что Трибунал просто старается всеми доступными способами не дать Шешелю вернуться в Сербию. (Шешель Воислав // Википедия http://ru.wikipedia.org/wiki/Шешель,_Воислав)

Что? Что? Что-о-о-о? Еле собрав мысли, я спросила – почему? “Потому что меня бесит то, что там так много сербов, но нет ни одного боснийца, хорвата или шиптара!” – ответила она, краснея от злости.

Спрашивать, откуда она это взяла, и объяснять ей, что это не так³⁷, у меня уже не было сил. Не было сил даже говорить, поэтому я пошла спать, хотя заснуть не могла. Я поняла, почему все так плохо. Страна в руках людей, которых даже не интересует политика. Народ так устал ждать “лучших времен”, что теперь готов выбрать самое большое зло как самый последний и непроверенный вариант. А ведь когда-то “Радикална странка” была – как ЛДПР в России – бесплатным цирком. Шешель бросался в парламенте на всех, ругался матом, его выводили, он угрожал, обливал людей водой. Неужели сербский народ отдает предпочтение клоуну, который при любом удобном случае надолго закроет двери в Европу?

Когда я попыталась намекнуть подруге, какие ограничения и какая жизнь ее ожидает, если вдруг, не дай Бог, к власти

³⁷ Всего за время существования трибунала было проведено 142 судебных процесса, в том числе 92 против сербов, 33 против хорватов, 8 против косовских албанцев, 7 против боснийских мусульман и 2 против македонцев (Международный трибунал по бывшей Югославии // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/МТБЮ>). *Полностью оправданы*: Рамуш Харадинай, бывший премьер-министр Косово и один из командиров Освободительной армии Косово (ОАК), обвинявшийся в изгнании с мест проживания, убийствах, пытках, изнасилованиях и избиениях мирных жителей – сербов, цыган и не сочувствовавших ОАК албанцев; его помощник, командир спецназа «Черные орлы» Идрис Баляй; Сефер Халилович, высокопоставленный боснийский генерал. С бывшего командира отрядов боснийских мусульман Насера Орича сняты все обвинения в убийствах и пытках в Сребренице (погибли более 1,5 тыс. сербов). *Приговоры гаагского трибунала*: бывший сербский генерал Драгомир Милошевич приговорен к 33 годам тюрьмы, лидер хорватских сербов Милан Бабич – к 13 годам тюрьмы, бывший президент Республики Сербской Биляна Плавшич – к 11 годам тюремного заключения, боснийский серб Момир Николич – к 27 годам, генерал армии боснийских сербов Видое Благоевич – к 18 годам ... (По материалам прессы.)

636 придут радикалы, она сказала очень просто: “Не хочу ничего знать!”

Когда-то мне было очень стыдно из-за того, что в Белграде можно было купить либо политические журналы, либо желтую прессу. Теперь мне стыдно из-за того, что, по ходу дела, все перешли только на желтую прессу и больше никто “ничего не хочет знать”» (работа выполнена в рамках спецсеминара для иностранных студентов 24 декабря 2007 г.).

В этом рассказе все предельно ясно: радикалы «надолго закроют двери в Европу», и потому они – «самое большое зло». Так думают очень многие молодые люди в Сербии. Не случайно основная роль в «бархатной революции», как позже и в «оранжевой», отводилась молодежи.

Стремление «жить, как в Европе» оказалось мощным стимулом для начала революционных брожений. Молодежная организация «Отпор!» была создана в Сербии в 1998 г. К 2000 г. она уже насчитывала 100 000 человек. Цель организации с самого начала была определена вполне конкретно – свержение Милошевича. Предполагалось воспользоваться техникой «ненасильственного сопротивления». В качестве визуального символа был избран сжатый кулак на черном фоне со сменными лозунгами: «*Gotov je!*» (Конец ему!), «*Dosta je!*» (Довольно ему!), «*Vreme je!*» (Его время истекло!)³⁸. Несмотря на то что организация явно субсидировалась и патронировалась из-за рубежа (в 2000 г. накануне решительных действий в качестве консультанта открыто приезжал известный специалист по подрывной работе бывший полковник американской армии Роберт Хелви), популярность движения только росла. Однако весы общественного сочувствия резко ушли в другую сторону уже в 2003 году, после победы «бархатной революции» и ее зримых результатов. Тогда движение потерпело поражение на выборах с жалким результатом 1,6%.

³⁸ По тому же принципу образованы названия молодежных организаций последующих «цветных» революций: грузинская «Кмара!» (Хватит!), украинская «Пора!», киргизская «Бирге!» (Вместе), «КелКел!» (Давай!).

Причины подобных резких колебаний становятся более ясны при чтении заметок другой сербской студентки – Т.Т. (Далее приводятся выдержки из ее работы «Отражение национальной идентичности в СМИ», май 2008. Сохранены грамматические особенности оригинала).

Т.Т.: «Сербия, которая долго находилась на перекрестке двух культур, и сейчас является внутренне разрозненной и условно находится между выбором Запада и Востока. Этому ощущению необходимости выбора во многом способствуют и СМИ. <...> Особенно показательны в связи с этим сегодня сообщения СМИ о Косово и входе в Европейский союз. Именно эти вопросы сейчас представляются важнейшими для национальной идентификации. При этом происходит деление среди людей. <...> Настоящими сербами СМИ косвенно называют то тех, которые готовы бороться за Косово, то тех, которые готовы на все, чтобы страна оказалась в ЕС.

Косово в сознании сербов является мифом, святой землей. Становление сербской культуры происходило на Косово, под власть османов сербы подпали также после битвы на Косово, о которой написано много песен, картин, создано множество фильмов. Можно сказать, что для каждого серба Косово является центром при его размышлении о собственном народе и его культуре.

На общественном телевидении Косово представляется в том же свете. Часто показываются передачи о разрушенных монастырях, памятниках культуры, о человеческих жертвах со стороны сербов. Совершенно другие послышки у канала Б92, где говорится о благах жизни в ЕС и о преступлениях сербов против человечности. Здесь жертвы других национальностей оказываются возведенными в ранг мучеников, а за все, что происходит с сербами, оказываются виноваты они сами. Телеканал Б92 при этом создает у зрителей чувство вины и презрения к собственному народу. Создается впечатление, что любить и защищать свой народ нельзя, а чтобы наконец жить хорошо, его надо наказать. СМИ как бы разрывают у нации ее самосознание. Очень сильно подрывают чувство собственного досто-

638 инства у людей и вообще желание отнести себя к этой нации. Что, с другой стороны, также у отдельных групп подогревает националистические идеи. При этом показательны результаты последних парламентских выборов, где партии за ЕС одержали победу над Радикальной партией с небольшим отрывом.

Обобщенно можно сказать, что сегодня в СМИ сербы представлены, с одной стороны, как жертвы, к которым всегда все несправедливо, а с другой стороны, как преступники, которые много причиняли зла другим. И почти ни одни СМИ не говорят о возможностях гармоничного развития страны. Людям кажется, что какой-то части своей личности им все же придется лишиться, потому что такую картину они видят в СМИ...» (май 2008 г.).

Как видно, у автора этих заметок нет ответа на вопрос, с кем быть. И, похоже, нет особого желания примкнуть ни к одной из противоборствующих сторон, которые «разрывают самосознание нации», заставляя сербов отказаться от «части своей личности».

Так, одни приравнивают интересы личности и нации к возможности «жить, как в Европе» (крайне индивидуалистический полюс), другие – готовы лить реки крови в истерическом порыве, не сообразуясь с реальностью (крайне коллективистический полюс). Первые считают национальную идентичность помехой и стараются как можно скорее от нее избавиться, провоцируя чувство стыда и аутоагрессии, вторые – возрождают самую архаическую, сверхжертвенную, самоубийственную форму идентичности, как в Средние века у тех самых «хазар». В условиях катастрофы, стимулирующей упрощенное, черно-белое мышление, у человека, охваченного отчаянием, может сложиться впечатление, что существуют только эти две возможности. И тогда люди становятся по разные стороны баррикад и, говоря словами очевидца, больше «не хотят ничего знать». И одни, закрыв глаза и заткнув уши, меняют «первородство на чечевичную похлебку», не замечая промена, а другие в экстатическом, отчаянном самопожертвовании идут на самозаклание. И то и другое равно гибель-

но для нации и личности. Необходимо формирование новой идентичности, свободной как от чувства неполноценности, так и от ложного миссионерства, толкающего на сверхжертвы то во имя государства, то во имя идеологии, то во имя всеобщего светлого будущего, коммунистического рая, идеалов гуманизма и т. д., и т. п. И ловушка всегда срабатывает так, как показано в романе Павича. Ответом на очередную мобилизацию для современного человека становится осознанный отказ. Нечто похожее происходило и происходит в России. Приходят на ум слова известной песни «Поезд в огне» культовой группы 1980-х и перестройки – «Аквариум»:

...А кругом горят факелы,
Идет сбор всех погибших частей.
*И люди, стрелявшие в наших отцов,
Строят планы на наших детей.*
Нас рожали под звуки маршей,
Нас пугали тюрьмой.
Но хватит ползать на брюхе,
Мы уже возвратились домой.

Этот поезд в огне, и нам не на что больше жать.
Этот поезд в огне, и нам некуда больше бежать.
Эта земля была нашей, пока мы не увязли в борьбе.
*Она умрет, если будет ничьей, пора вернуть эту землю себе*³⁹.

Сегодня, в условиях глобализации, для больших государствообразующих этносов наступает важный момент осознания антиномии личности и социума, социума и государства. И выясняется, что это не одно и то же, что пересечение интересов в определенных пунктах не означает тождества. С точки зрения социально-практической соединить коллективную (национальную) идентичность и индивидуальную, государственные интересы и интересы этноса, общесоциальные и личные цели, не смешивая и не разрывая их, – все равно что

³⁹ Цит. по: <http://www.dix.ru/1885>

640 соединить качества волны и частицы, но это единственный способ быть в современном обществе, единственный шанс сохранить душу живую в условиях ассимилирующего влияния глобальных институтов.

Провидения Павича заставляют думать, что ему все же удалось соединить зрелую индивидуальность и глубокую коллективность, не смешивая и не разрывая их («не закорачивая» контактов), и он действительно получил личный, индивидуальный доступ к неисчерпаемым ресурсам и охранительной силе коллективного сознания человека-человечества.

Своим личным выбором, волей быть сербом Павич (по закону нелокальности) способствовал укреплению коллективной идентичности, преодолению остракизма со стороны мирового сообщества, реабилитации после ран, нанесенных бомбардировками Сербии, «бархатной» революцией, потерей Косова, близорукостью лидеров, человеческим малодушием и прочими факторами, «работающими» против национальной ментальности. Только войдя в живую связь с коллективной ментальностью, можно изменить ее. Национальная идентичность не является чем-то застывшим, раз и навсегда данным. На самом деле это живой процесс самостановления нации посредством индивидуального самоопределения ее представителей. О нелокальной связи, единстве поколений в каждом человеке говорил замечательный русский поэт Арсений Тарковский. Его ощущение глобальности (нелокальности) я, пронизывающего времени и поколения, очень близко к мироощущению «Хазарского словаря» и других произведений Павича:

*Живите в доме – и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, –
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.*

*Я каждый день миновавшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал⁴⁰.*

Примечательно, что поэт получил заслуженное признание благодаря своему сыну, всемирно известному кинорежиссеру Андрею Тарковскому, который часто цитировал произведения отца в своих фильмах. Сегодня становится понятно, что это не было просто данью сыновней любви и гордости, что фильмы Андрея Тарковского о том же, о чем и многие стихи его отца: о разрушении и поиске дома, о гибели прежней и поиске новой идентичности («Иваново детство», «Зеркало», «Ностальгия», «Жертвоприношение»). И духовный диалог отца и сына здесь не случаен. И даже парадоксальная обратная связь причины и следствия – не отец прокладывает дорогу сыну, а сын прокладывает дорогу отцу – является проявлением нелокальности. Она была описана Павичем в «Хазарском словаре» в числе прочих парадоксов времени. «Вечность притупляет чувство того, что во времени происходит раньше, а что позже» (Павич)⁴¹, «грядущее свершается сейчас», «стол один и прадеду, и внуку» (Арсений Тарковский)⁴² – все это реальность нелокальности.

Новый тип личности еще ждет своих исследователей. Ясно одно: что это должна быть идентичность, способная противостоять мощным поглощающим коллективным процессам, связанным с формированием глобального информационного пространства и гиперпсихики, идентичность, способная защитить важнейшее достижение предшествующей эволюции – индивидуальную психику, а также и достойные формы социальной жизни. И для этого индивидуальных механизмов само-

⁴⁰ Тарковский Арсений. Жизнь, жизнь // Стихи разных лет. – М. : Современник, 1983. (Цит. по: <http://lib.ru/POEZIQ/TARKOWSKIJ/stihi2.txt>)

⁴¹ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. – С. 155.

⁴² Тарковский А. Жизнь, жизнь // Стихи разных лет. – М. : Современник, 1983.

642 совершенствования может не хватить. Необходимы не менее мощные коллективные процессы самоорганизации индивидов (при сохранении всех атрибутов зрелой индивидуальности) в противостоянии попыткам размывания ценностей и границ личности⁴³. А противостоять нелокальным психическим процессам может только нелокальное я, как синтез зрелой индивидуальности и национальной идентичности.

Чтобы это произошло и хазары-человечество не исчезли как вид, они должны понять, что Хазария не каганат, а сами хазары. Пока есть хазары, будет и Хазария. Ради этой Хазарии существует государство и каган. Их можно сменить хоть тысячу раз, а Хазария останется, пока есть хоть один хазар.

Урок, преподнесенный Павичем и историей наших дней, вполне конкретен.

Без хазар нет Хазарии. Благополучие государства обусловлено благополучием хазар. Каждый хазар должен почувствовать, что он и есть Хазария. И многие уже так и думают и говорят⁴⁴. В этом центральная особенность новой идентичности

⁴³ Примеров коллективной самоорганизации свободных индивидов в настоящее время уже достаточно много. К таковым, например, можно отнести деятельность организаций родителей, учителей, независимых журналистов по защите молодежи от бесконтрольного обращения опасной информации (как, например, Некоммерческое партнерство Родительский комитет www.r-komitet.ru, НП Социальное здоровье России, НП В защиту семьи, детства и личности, Союз православных педагогов, Национальный клуб прессы и многие другие). Благодаря деятельности этих организаций привлечено внимание общественности к проблеме защиты информационного пространства от бесконтрольной коммерческой эксплуатации, начата прокурорская проверка ряда СМИ в связи с незаконным распространением порнографических материалов, вынесено предупреждение со стороны органов Росохранкультуры в отношении молодежных журналов «Молоток» и «Cool Girl» и т. д.

⁴⁴ Именно такими словами объясняет один из персонажей романа Пелевина «Чапаев и Пустота» суть национальной идентичности главному герою Петьке: «Но ведь не бывает ничего происходящего с народами и странами, что не повторялось бы в форме символа в жизни каждого из людей, живущих в этих странах и составляющих эти народы. Россия – это ведь и есть Вы» (*Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 2000. – С. 189*).

и главный залог сохранения коллективной (государственной, национальной) и личной суверенности в эпоху формирования глобальных социальных институтов.

643

Национальная идентичность – такой же инструмент выживания личности, как личность – источник и гарантия выживания нации (и государства). Это верно на всех уровнях социальной организации. В конце концов, человечество существует, пока жив хоть один человек.

А. Е. Войскунский

Актуальные проблемы психологии Интернета¹

Закономерен вопрос: а вправе ли мы говорить о психологии Интернета, ведь как-никак ни соединенные средствами связи компьютеры, ни технические протоколы обмена сообщениями и маршрутизирующие программы, ни браузеры или сервисные программы – например, так называемые «интеллектуальные агенты» – психикой не обладают. Однако не стоит даже на мгновение забывать, что главное в Интернете – это люди, миллионы и даже миллиарды людей: их (правильнее, вероятно, сказать – нас) именуют пользователями Интернета. При работе в Интернете у нас, наряду с индивидуальными, возникают и общие или хотя бы частично общие интересы, ценности и цели; мы образуем определенные группы, вступаем в имеющиеся сообщества и покидаем их; несмотря на немалую удаленность друг от друга, мы активно взаимодействуем между собой. А уж коли люди наличествуют, то можно говорить о психической деятельности. Тем самым, «наполненный» людьми глобальный Интернет, как представляется, вполне может характеризоваться с психологической точки зрения.

Любопытно, что еще до широкого распространения знаний об Интернете к сетевым метафорам, столь популярным в настоящее время, прибегал отечественный специалист в области философии и психологии общения А. А. Брудный (1972): он сравнивал медиакоммуникацию с запуском невода в водоем: попадают все, кто заинтересовался запущенным сообщением; если никто не попался, то можно выбрать невод с более узкими ячейками, как поступили бы и рыбаки, и медиамаркетологи. Коммуникация такого рода была названа

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РФНФ, грант № 11-06-00647а.



А. А. Брудным *ретиальной* (от греч. *rete* – сеть). В настоящее время М. Кастельс заявляет, что современный мир превратился в «общество сетевых структур», и обосновывает предложенное понимание посредством тщательного экономического, экономико-географического и социологического анализа².

Вызванный стремительным развитием Интернета «культурный шок», или «футурошок», если воспользоваться выражением О. Тоффлера, повсеместно сравнивается с потрясениями основ культуры, сопровождавшими изобретение и развитие сначала письменности, а впоследствии книгопечатания и, наконец, телевидения. В настоящее время трудно оценить, насколько правомерно проводить такое сопоставление.

Появление и развитие письма придало колоссальный стимул эволюции материальной и духовной культуры, в том числе развитию психики и, в частности, интеллектуальных функций³. При этом не обошлось без противодействия, имеющего принципиально психологический характер, как это явствует из описанного Платоном в «Федре» недовольства, высказанного фараоном по поводу изобретения письма: теперь, мол, у людей ухудшится память, поскольку отпадет и необходимость запоминать, и способность к запоминанию и припоминанию. На самом-то деле, как это хорошо известно психологам, новые формы опосредствования наряду с интериоризацией все более совершенных знаковых систем способствуют преобразованию натуральной мнестической функции и, вопреки утверждениям фараона, превращают человеческую память в надежный и управляемый инструмент. В качестве примера можно привести мнемониста С. В. Шерешевского или секретарей Л. Н. Толстого, запоминавших и впоследствии записывавших высказывания писателя, в том числе достаточно пространные. В конечном же счете образцом опосредствованного

² См.: Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.

³ См. об этом подробнее: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта. – Киев: Вища школа, 1985.



646 и переопосредствованного запоминания является каждый человек, даже тот, кто склонен сетовать на плохую память.

Развитие книгопечатания вызвало к жизни «галактику Гутенберга», по выражению М. Маклюэна. В средневековой Руси книгопечатание послужило толчком для перехода от бытовавшей ранее «культуры святости» к «культуре многознания», т. е. от многократного перечитывания одного сочинения с целью все более полного вычерпывания из него сокровенного смысла к погоне за эрудицией, к составлению обширных личных библиотек. В конечном счете, обусловленный книгопечатанием «футурошок» привел русское общество к значительным культурным потрясениям: церковному расколу XVIII в., отходу от самоизоляции, развитию образовательных учреждений западноевропейского типа и др.

Что же касается «галактики Гутенберга», то во второй половине прошлого века М. Маклюэн высказал мысль, что электронные медиа свидетельствуют о ее закате – мол, на смену человеку читающему, или «типографскому человеку», пришел массовый потребитель аудиовизуальной продукции, или попросту телезритель. Анализируя феномен Интернета, У. Эко заметил, что «наши общества в скором времени расщепятся (или уже расщепились) на два класса: те, кто смотрит только ТВ, то есть получает готовые образы и готовые суждения о мире, без права критического отбора получаемой информации, и те, кто смотрит на экран компьютера, кто способен отбирать и обрабатывать информацию»⁴. Вполне вероятно, оба прославленных мыслителя несколько поторопились в своих прогнозах, высказанных в нарочито яркой форме: трудно воспринять их слова как программу исследований для психологов.

Так это или нет, однако нетрудно сделать вывод, что возникновение письменности, как и развитие книгопечатания или воцарение телевидения, послужило мощным катализатором духовного и собственно психического развития. Если Интернет и впрямь ведет к сопоставимым последствиям, то было бы недальновидным вовсе не заниматься психологиче-

⁴ Эко У. От Интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 8.

ским изучением деятельности человека, опосредствованной Интернетом. Не следует также закрывать глаза на то, что опосредствованную Интернетом активность проявляют миллионы и миллиарды людей, т. е. Сеть – на самом деле Всемирная.

Для сторонников разработанной Л. С. Выготским культурно-исторической психологии проблематика изучения деятельности человека в Интернете представляется естественным продолжением работы, которая велась задолго до появления и широкого распространения Интернета. Связано это со значением процессов опосредствования и переопосредствования осуществляемой человеком деятельности, на универсальности которых настаивали Л. С. Выготский и его последователи.

Согласно одному из краеугольных положений культурно-исторической психологии, деятельность опосредствована внутренними и внешними орудиями. Именно орудийное опосредствование представляет собой одно из самых существенных условий и одновременно характеристик развития психики; не менее значимым, особенно на сегодняшний день, является механизм переопосредствования, т. е. включения уже опосредствованных форм деятельности в новые системы опосредствования. Актуальным, на наш взгляд, является намечающееся смещение акцентов в исследовательских проектах с традиционного изучения процессов интериоризации, т. е. «присвоения» внешних орудий и «вращения» их во внутренние структуры деятельности, к психологическому анализу процессов экстериоризации и, в частности, эффективному – отличному от поверхностного манипулирования «симулякрами», в понимании Бодрийяра, – применению внешних орудий (в том числе компьютеров, Интернета, мобильной связи и разнообразных гаджетов).

Психолого-генетический анализ показывает, каким образом предназначенные для подчинения внешней среды орудия способствуют развитию психических аналогов и внутренних (психологических) орудий, опираясь на которые человек преобразует собственную психику. Еще в начале 1930-х гг. Л. С. Выготский в теоретических построениях и в практической деятельности проразумно отводил наиболее значимое место се-

648 миотическим орудиям, или знакам, – притом что в те времена семиотика только складывалась, а до появления достаточно совершенных (с сегодняшних позиций) знаковых орудий должны были пройти десятилетия. Такими орудиями являются, к примеру, компьютеры, а основой компьютеров и производных от них устройств являются микрочипы, т. е. устройства бинарные и знаковые. Управляющие программы также, несомненно, представляют собой знаковые структуры. В итоге Интернет, понимаемый как социотехническая система взаимосвязанных компьютеров, программных продуктов и ряда других элементов цифровых технологий, целиком опирается на традиционные знаковые системы. Тем самым, с психологической точки зрения применение Интернета представляется современным этапом знакового (семиотического) опосредствования деятельности.

Усложняющиеся знаки и семиотические системы способствуют развитию и трансформации высших психических функций. Проблематика развития и усложнения строения высших психических функций в результате освоения и применения человеком компьютеров, а впоследствии наряду с ними и Интернета и других гаджетов, приобрела определенную актуальность. В середине 1970-х гг. О. К. Тихомиров⁵ выдвинул концепцию преобразования опосредствованной применением компьютеров деятельности; одновременно он заложил основы психологии компьютеризации как раздела общей психологии⁶. Исходя из этого круга идей в последующие годы было проведено изучение личностной, эмоциональной и мотивационной регуляции деятельности, процессов принятия решений, специфики осуществления трудовой, познавательной, игровой, коммуникативной деятельности в условиях опосредствования их компьютерами.

Ускоренное развитие информационных технологий знаменует, как представляется, *новый этап* в развитии психоло-

⁵ «Искусственный интеллект» и психология. – М.: Наука, 1976. – С. 5–40.

⁶ Подробнее см.: Войскунский А. Е. От психологии компьютеризации к психологии Интернета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2008. – № 2. – С. 140–153.

гии компьютеризации⁷. Если предшествующий этап можно охарактеризовать как изучение особенностей *преобразования психических процессов и функций* под влиянием компьютеров, то современный этап психологии компьютеризации – это изучение психологических аспектов *преобразования культуры*, связанного с широким применением информационных технологий. Это отнюдь не обесценивает задачи предшествующего этапа, скорее, акцентирует их значимость.

Современный мир во многом трансформировался под влиянием бурно развивающихся сетевых информационных технологий: для него характерны, по мнению целого ряда специалистов, такие явления и процессы, как глобализация производства и потребления, электронные средства ведения бизнеса и отчасти политики, виртуализация и формирование «общества сетевых структур»⁸; перспектива расцвета гражданского общества и вместе с тем ранее не встречавшиеся угрозы такому обществу и частной жизни в нем⁹; ускоренная циркуляция знаний, мнений и попросту слухов за счет мгновенной передачи на любое расстояние произвольного объема мультимедийных текстов, изображений и звуков¹⁰; возникновение связанных с применением и развитием информационных технологий новых профессий, новых стилей жизни, массовых увлечений и способов проведения времени в дистантных сообществах и «группах по интересам»¹¹; миниатюризация компьютеров и других элементов информационных технологий,

⁷ Там же.

⁸ Иванов Д. В. Виртуализация общества. – СПб: Петербургское востоковедение, 2000; Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.

⁹ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Академия, 1999; Интернет в общественной жизни. – М.: Идея-Пресс, 2006.

¹⁰ Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

¹¹ Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004; Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

650 распространение наряду с компьютерами игровых приставок и домашних роботов; широкая доступность и востребованность бытового электронного оборудования – прежде всего средств мобильной связи, пространственной ориентации и фотовидеофиксации изображений; развитие глобальных СМИ, электронных библиотек, возникновение медиаискусств и новых форм функционирования рекламы¹². Психологи склонны добавлять такие моменты, как угрожающее развитие стрессов и фобий, связанных с применением информационных технологий, патологические формы сетевого поведения (включая, скажем, проявления зависимости и со-зависимости), утрата жизненной перспективы, попытки частого изменения идентичности и др.¹³

Неудивительно, что такие разительные перемены вызвали серьезный профессиональный интерес у психологов. Вместе с тем не забудем, что за довольно короткое время к числу высокоактуальных добавились новые исследовательские области, среди которых можно отметить анализ подходов к реализации практических систем дистантного образования, изучение гендерных особенностей применения компьютеров и Интернета, изучение психологических особенностей не известных ранее сообществ (т. н. хакеров, геймеров, киберпанков и др.), выявление и изучение особенностей новых видов одаренности (к примеру, можно говорить о детско-подростковой одаренности в сфере программирования, веб-дизайна и т. п.). Вероятно, будет справедливо сказать, что исследовательская работа в данном направлении приобрела

¹² Интернет и российское общество. – М.: Гендальф, 2002.

¹³ Ван Поведская Е., Масейра А. Д. Человек и новые информационные технологии: завтра начинается сегодня. – М.: Речь, 2007; Гуманитарные исследования в Интернете. – М.: Terra-Можайск, 2000; Керделлан К., Грезийон Г. Дети процессора: как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006; Тхостов А. Ш., Сурнов К. Г. Культура и патология: побочные эффекты социализации // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра. – М.: Смысл, 2006. – С. 187–204.

существенно бóльшую социальную значимость, нежели это считалось характерным для первого исследовательского этапа, отмеченного выше. И такая работа действительно ведется. Поскольку затруднительно объять необъятное, отметим далее те основные направления исследовательской работы, которая ведется силами сотрудников факультета психологии МГУ, последователей психологической школы О. К. Тихомирова¹⁴.

Одним из первых итогов такой исследовательской работы явился сборник «Гуманитарные исследования в Интернете»¹⁵, в котором были опубликованы материалы сотрудников МГУ и переводы статей зарубежных коллег, в том числе написанных специально для данного сборника. Задачей данного сборника было предложить вниманию заинтересованных читателей некоторые результаты ведущихся в мировой науке разработок, а также обозначить перспективные направления актуальных исследований. В данном сборнике высказана и обоснована мысль, что компьютеры, WWW и Интернет опосредствуют весьма разнообразные виды деятельности, причем в первую очередь – коммуникативную, познавательную и игровую (в настоящее время следовало бы, по-видимому, говорить скорее о рекреационной деятельности, отнюдь не исчерпывающейся игрой, хотя и включающей ее), а также трудовую деятельность. Там же было высказано и обосновано убеждение, согласно которому компьютеры и Интернет, как орудия деятельности, амбивалентны относительно направлений психического развития человека: это развитие может пойти как по позитивному, так и по негативному направлению (если вообще считать уместными такого рода оценки применительно к психическому развитию). Орудия

¹⁴ См. подробнее: *Войскунский А. Е.* От психологии компьютеризации к психологии Интернета // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.* – 2008. – № 2. – С. 140–153; *Корнилова Т. В., Тихомиров О. К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

¹⁵ *Гуманитарные исследования в Интернете.* – М.: Терра-Можайск, 2000.

652 деятельности, как это чаще всего бывает и как это известно психологам, не определяют направление психического развития.

Гендерные аспекты применения Интернета получили развитие в эмпирическом цикле работ, в котором было показано, что достаточно распространенные стереотипы, связанные с использованием Интернета по-разному мужчинами и женщинами, в значительно меньшей степени характеризуют отечественных пользователей, чем пользователей в других странах¹⁶. Данное эмпирическое исследование выполнено в психосемантической парадигме.

Широко обсуждаемая в последнее десятилетие проблема компьютерной и интернет-зависимости, впервые рассмотренная в выпущенном в 2000 г. сборнике, гораздо более подробно рассмотрена в нашей теоретико-проблемной статье¹⁷ и в одном из разделов монографии по детской одаренности¹⁸, где получила развитие впервые поднятая в мировой психологической литературе проблема наличия новой разновидности одаренности – а именно одаренности в сфере применения современных информационных технологий.

Значимый цикл научных работ посвящен новым, ранее неизвестным видам общностей. Наряду с одаренными в применении информационных технологий детьми и подростками, такие общности очевидным образом включают игроков в

¹⁶ Войскунский А. Е. Пол. Гендер. Интернет // Вестник Российского Гуманитарного научного фонда. – 2004. – № 1. – С. 169–178; Митина О. В., Войскунский А. Е. Интернет в гендерном измерении // Введение в гендерные исследования / Под общ. ред. И. В. Костиковой. – М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 204–216; Mitina, O. V., Voiskounsky, A. E. Gender Differences of the Internet-Related Stereotypes in Russia // Psychology Journal. – 2005. – vol. 3 – #3. – P. 243–264.

¹⁷ Войскунский А. Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 1. – С. 90–100.

¹⁸ Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е. Одаренный ребенок за компьютером. – М.: Сканрус, 2003.

компьютерные игры (геймеров) и хакеров. В начале текущего века было выполнено комплексное и массовое эмпирическое исследование мотивации хакеров¹⁹. Его итогом явилась возможность выстроить динамическую модель развития мотивации хакеров. На основании данного результата продемонстрирована перспектива развертывания целенаправленного обучения подростков из «группы риска» (например, одаренных в применении информационных технологий), с тем чтобы по возможности не допустить гипертрофированного развития характерных для хакеров мотивационных комплексов²⁰.

Другое сообщество, которое привлекло внимание психологов из МГУ, – это пользователи, играющие в распространенные компьютерные игры (равно как и в специально адаптированные исследовательские игры). Проведенные эмпирические исследования имели целью выявить характерный для игроков деятельностно-мотивационный комплекс. Действительно, у игроков может быть зафиксирована связанная с высокой степенью поглощенности игрой мотивация – т. н. мотивация потока, причем можно высказать предположение, что усилия разработчиков компьютерных игр специально нацелены на активацию подобной мотивации. Поскольку компьютерные игры – явление международное,

¹⁹ Войскунский А. Е., Петренко В. Ф., Смылова О. В. Мотивация хакеров: психосемантическое исследование // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 104–118; Войскунский А. Е., Смылова О. В. Мотивация потока и ее изучение в деятельности хакеров // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 244–277; Войскунский А. Е., Смылова О. В. Роль мотивации «потока» в развитии компетентности хакера // Вопросы психологии. – 2003 – № 4. – С. 35–43; Smyslova, O. V., Voiskounsky, A. E., Petrenko, V. F. Hackers' Motivation: Empirical Study // Psychology in Russia: State of the Art / Ed. by Y. Zinchenko & V. Petrenko. – Moscow: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. – P. 224–238.

²⁰ Voiskounsky, A. E., Mitina, O. V., Avetisova, A. A. Playing Online Games: Flow Experience // Psychology Journal. – 2004. – v. 2. – № 3. – P. 259–281.

654 то сделана попытка провести кросскультурное изучение мотивационных паттернов, характеризующих игроков разных стран – китайских, российских и французских²¹. Факторный анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что эти мотивационные паттерны имеют общие элементы, однако при этом обладают определенной этнокультурной спецификой.

Выше были кратко рассмотрены исследования эмпирического характера. Наряду с этим ставятся вопросы методического и процедурного характера, предлагаются решения таких вопросов и выдвигается обоснование. Это относится и к обоснованию правомерности и целесообразности т. н. онлайн-нового исследования, т. е. исследования, опосредствованного Интернетом²². Опыт показывает, что такого рода онлайн-исследования (опрос, эксперимент и квазиэксперимент, тестирование, фокус-группы и др.) все шире входят в практику отечественных и зарубежных психологов.

²¹ Войскунский А. Е., Митина О. В., Аветисова А. А. Феномен переживания опыта потока в групповых ролевых играх, опосредствованных Интернетом (на материале деятельности французских игроков) // Когнитивные исследования / Отв. ред. В. Д. Соловьев. – М.: Ин-т психологии РАН. – 2006. – С. 207–224; Voiskounsky, A. V., Mitina, O. V., Avetisova, A. A. Flow experience and interaction in online gaming: Comparative study of Russian and Chinese MUD players // Sixth International Conference on Cultural Attitudes Towards Technology and Communication, 2008 / Ed. by F. Sudweeks, H. Hrachovec, Ch. Ess. – School of Informational Technology, Murdoch University, 2008. – P. 410–421.

²² Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Специфика психологических методов в условиях использования компьютера. – М.: Изд-во МГУ, 1995; Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е., Смылова О. В. Интернет в психологическом исследовании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2003. – № 3. – С. 79–96; Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е., Смылова О. В. Психологические исследования, опосредствованные применением Интернета // Эксперимент и квазиэксперимент в психологии: Учебное пособие / Под ред. Т. В. Корниловой. – СПб: Питер, 2004. – С. 214–233.

Не следует полагать, что они ведутся в ущерб анализу теоретических вопросов. Так, на основе обширного актуального материала поднимается психологическая проблематика виртуальности: делается попытка разобраться, в чем состоит психологическая природа виртуальной реальности²³. Данное исследовательское направление получило уже определенное эмпирическое развитие, здесь видится одна из наиболее актуальных для психологии сознания линий развития. Более того, современная виртуалистика с потенциальным, а отчасти и реальным воздействием на развитие процессов познания и развлечения (такого рода системы находят все более широкое применение в кинотеатрах, музеях, в системе обучения и повышения квалификации и т. д.) представляет собой поистине общекультурный феномен. Проведена подготовительная теоретико-методическая работа и подготовлено эмпирическое исследование в такой актуальной, судя по зарубежному опыту, области, как применение компьютерных систем виртуальной реальности для психотерапевтических задач (избавление от фобий, помощь при посттравматических расстройствах и т. п.). Данная работа выполняется в сотрудничестве с коллективом признанных специалистов в области компьютерной разработки систем виртуальной реальности. Рассмотрены преимущества и недостатки подобной методологии, возможные направления психологической безопасности субъектов, иммерсивно погруженных в «виртуальную» реальность. Разработано также более общее представление о психологии компьютерной безопасности как отдельном разделе очень актуальной проблематики информационно-психологической безопасности.

²³ Войскунский А. Е., Меньшикова Г. Я. О применении систем виртуальной реальности в психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2008. – № 1. – С. 22–37; Войскунский А. Е., Селисская М. А. Система реальностей: психология и технология // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 119–130; Архитектура виртуальных миров / Под ред. М. Б. Игнатьева, А. В. Никитина, А. Е. Войскунского. – СПб: ГУАП, 2009.

Анализируются особенности вызванных развитием Интернета способов работы с текстами²⁴ (а также с т. н. гипертекстами и гипермедиа) – чтения, просматривания, оценки и выбора значимых или незначимых информационных элементов. Показано, что широкий доступ к Интернету и трудноотделимым от него поисковым системам обуславливает спонтанное видоизменение и развитие практикуемых людьми всех возрастов, включая ранний подростковый возраст, своеобразных методов и способов работы с текстами, причем такое развитие практически не координируется и даже не изучается психологами или педагогами. Представляется, что такое положение должно получить большую рефлексию со стороны психологической науки.

Современные исследования в данной области являются не только междисциплинарными, но и комплексными внутри психологической науки: они требуют теоретических и методических знаний, к примеру, в области возрастной психологии (ранняя одаренность и возрастная специфика в применении компьютеров и Интернета), социальной психологии (опосредствованные компьютером и Интернетом общение и групповая деятельность), клинической психологии (т. н. тревожность при применении компьютеров, зависимость от Интернета, применение систем виртуальной реальности для терапии фобий), педагогической психологии (групповое и индивидуальное обучение посредством компьютеров, дистантное обучение, игровые обучающие программы), организационной психологии (специфика новых форм занятости и организационного поведения в условиях применения информационных технологий), дифференциальной психологии (сопоставление личностных типов в условиях непосредственного и опосредствованного Интернетом общения), когнитивной психологии (изучение особенностей восприятия информационных блоков WWW, рас-

²⁴ Войскунский А. Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 1. – М.: Смысл, 2002. – С. 82–101.

пределения объемов внимания, оперирования «внешней» памятью), психологии общения и психолингвистики (синхронное и асинхронное общение, общение в форме полилога, речевые особенности мобильной связи) и т. п. Объединение достаточно разнородной проблематики в рамках единого научного направления возможно, на наш взгляд, именно со всемерной опорой на методологию общей психологии. Не случайно психология компьютеризации понималась О. К. Тихомировым как раздел общей психологии. Подобный подход не только не устарел, но и приобрел дополнительное содержание.

Л. Л. Ефимова

Зарубежный опыт экспертизы информационной продукции в целях возрастной классификации

Во всем мире, в особенности в странах Западной Европы, придается большое значение защите несовершеннолетних от вредной информации в целях обеспечения их нормального физического и психологического развития. По мнению множества зарубежных специалистов, развитие детей и молодежи может быть нарушено или существенно повреждено ставшей для них доступной неподходящей информацией. Одной из мер, направленных на защиту детей, является информирование родителей и иных лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, о том, какой вред может нанести содержание информационного продукта находящимся под их попечительством. В этих целях осуществляется возрастная классификация информационной продукции (экспертиза информационной продукции, в результате которой информационному продукту присваивается возрастная категория) согласно различным факторам, связанным с обеспечением информационной безопасности детей.

Началом возрастной классификации информационной продукции следует считать введение в 1968 г. США возрастной классификации кинофильмов. В дальнейшем она стала осуществляться в отношении видеозаписей (в том числе на *DVD*), телепередач, электронных компьютерных игр, в том числе онлайн-игр, рекламы и т. п., как способ информирования родителей о содержании информационной продукции и ее приемлемости для детей различных возрастов. Эта способ защиты детей от вредной для них информации был поддержан Европейским союзом и получил широкое

распространение в Западной Европе и в других странах по всему миру.

За рубежом возрастная классификация используется как в целях запрета предоставления детям определенной информации, так и в качестве рекомендации родителям, позволяющей им определить, стоит ли знакомить своих детей с конкретным информационным продуктом.

В первом случае соответствующий фильм или, например, телепередачу могут смотреть только люди старше определенного возраста, так как содержание таких программ может нанести вред психологическому и физическому развитию более юных лиц. Во втором случае фильм рекомендуется детям с конкретного возраста, потому что только с этого возраста они могут воспринимать его содержание. Эти два основания классификации могут отличаться друг от друга: например, фильм может быть полностью вредным, с одной стороны, а также одновременно непонятным для детей, с другой стороны.

Возрастная классификация лежит в основе различных правовых инструментариев, разработанных для защиты детей. Эти инструментарии направлены на обеспечение того, чтобы несовершеннолетние соответствующего возраста были защищены от просмотра вредного для них контента. Например, в отношении кинофильмов такой правовой инструмент может устанавливать правило, согласно которому дети младше определенного возраста не могут быть пропущены в кинотеатр на демонстрацию конкретных фильмов.

Что касается видео и *DVD*, возрастные ограничения устанавливаются в розничной торговле и видеопрокате. Для защиты несовершеннолетних от вредного контента, распространяемого посредством электронно-цифрового оборудования, могут применяться специальные технические и программные устройства, например фильтры. В целях защиты детей от вредной для них информации на эфирных общедоступных теле- и радиоканалах устанавливается «водораздел», отделяющий дневное, доступное для детей вещание от ночных передач, предназначенных преимущественно для взрослых.

660 Для реализации таких мер по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних в целях определения возрастных ограничений за рубежом выработаны соответствующие критерии, учитывающие психологические особенности детей разного возраста, на основе которых осуществляется присвоение информационной продукции конкретной возрастной категории.

Нередко возрастная классификация зависит от специфики области применения, так как различные средства массовой информации могут оказывать различное воздействие. Напряженные моменты фильма способны значительно сильнее напугать маленького ребенка в большом темном зале кинотеатра, чем при просмотре по домашнему телевизору, который может быть выключен в любой момент. С другой стороны, гораздо легче предотвратить просмотр детьми того или иного фильма в кинотеатре, чем дома посредством видеомагнитофона или DVD-плеера. Если дети имеют неконтролируемый доступ к этим домашним устройствам, они могут просматривать потенциально вредные сцены столько раз, сколько им захочется, при этом умножается наносимый здоровью ребенка вред.

В настоящее время почти во всех странах мира на внутригосударственном уровне производится классификация различных видов информационной продукции (кинофильмов, телепрограмм, компьютерных игр и пр.) согласно системам классификации, принятым в соответствующей стране. Эти системы основываются на определении возрастных особенностей детей с учетом национальных традиций и культурных ценностей. Таким образом, критерии защиты детей от вредной для них информации отличаются в зависимости от культурных различий между странами.

Отдельно от указанных традиций и культурных ценностей, каждое общество имеет свое собственное фундаментальное представление об основных принципах образования и воспитания детей. Например, если в США принято считать, что защита детей от вредной информации в СМИ является





исключительно обязанностью родителей, которые предоставляют своим детям доступ к средствам массовой информации, тогда информирование родителей путем предоставления возрастных рекомендаций и нанесение этикеток, говорящих о содержании информационного продукта, может являться достаточным для обеспечения детей такой защитой. Если же способность родителей выполнять эту роль находится под сомнением и если принимается решение возложить эту обязанность на государство (например, в Германии или Великобритании), возрастные ограничения становятся обязательными и дети не допускаются к просмотру запрещенного контента.

Защита детей от контента, который оказывает вредное воздействие на их развитие, по мнению европейской общественности, несмотря ни на что, остается важной целью, достижение которой не должно подвергаться опасности в связи с техническим прогрессом и ускоряющейся глобализацией. Поиск новых путей защиты детей от вредной информации при использовании ими новых технологий осуществляется во всех странах Западной Европы, США и в большинстве стран на других континентах. Совершенствование систем классификации информационной продукции является одним из направлений работы специалистов в области обеспечения информационной безопасности детей. Например, на европейском форуме «Безопасный Интернет», проходившем в Люксембурге 25-26 сентября 2008 г., несколько пунктов программы были посвящены обсуждению проблем возрастной классификации информационной продукции, в том числе вопросу создания единой для всех средств информации и для всех государств – членов Европейского союза европейской системы возрастной классификации. Не следует ожидать, что такая система будет быстро введена в Европе. Между государствами – членами Европейского союза имеются определенные политические разногласия, обусловленные желанием защитить свою национально-культурную идентичность. Но эти проблемы не должны мешать России изучать и использовать зарубежный







662 опыт в интересах обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних граждан нашей страны.

На наш взгляд, лидером в области использования научно-го подхода к экспертизе информационной продукции являются *Нидерланды*. Там используется единая система классификации для телевизионных программ, кино- и видеофильмов и электронных игр.

Применяются следующие символические изображения возрастных категорий:

1.  для всех возрастов;
2.  для детей моложе 6 лет;
3.  для детей моложе 12 лет;
4.  для детей и подростков моложе 16 лет.

Более того, помимо символов возрастных категорий, для характеристики содержания кинофильмов, видеофильмов и электронных игр используются специальные знаки (пиктограммы):

1.  насилие;
2.  ужас;
3.  секс;
4.  дискриминация (по национальному, расовому, религиозному и т. п. признакам);
5.  наркотики или алкоголь;
6.  грубый язык.

Kijkwijzer – система классификации, используемая Нидерландским институтом классификации аудиовизуальных средств массовой информации – *NICAM* (*Nederlands institut voor de classificatie van audiovisuele media*). *NICAM* был учрежден при поддержке правительства Нидерландов в 1991 г. как независимый орган, представляющий все общественные вещательные организации и коммерческих телевещателей, а также организации киноиндустрии, производителей компьютерных игр и индустрии видеозаписи на кассетах и *DVD*. Целью этого института было обеспечение потребителей, в особенности родителей, стандартизированной информацией относительно того, подходит ли аудиовизуальный продукт для детей.

Система *Kijkwijzer* используется в Нидерландах начиная с ноября 2001 г. для классификации кино- и телевизионных фильмов, видео и *DVD*.

Система классификации была разработана группой независимых экспертов по поручению *NICAM*. *Kijkwijzer* основывается на осуществляемой посредством компьютера классификации, производимой поставщиком продукции самостоятельно. Служащий компании (кодировщик) заполняет вопросник, подготовленный *NICAM*, и пересылает его по компьютерной сети в институт. Вопросник представляет собой список формализованных признаков вредной для несовершеннолетних информации.

Он содержит вопросы о жанре анализируемого информационного продукта, о наличии в нем демонстрации насилия (его интенсивности), сексуальных действий (степени их натуралистичности), использовании грубого языка и других факторов, способных оказать вредное воздействие на детей. Пример такого вопросника представлен на сайте *NICAM*¹.

Затем производится оценка исследуемого продукта с использованием компьютерной программы, которая его классифицирует. Классификационные коды обрабатываются специалистами *NICAM* в целях обеспечения того, чтобы инфор-

¹ См.: <http://www.kijkwijzer.nl>

664 мация, собранная в вопроснике, наиболее точно отражала контент классифицируемого продукта. Если возникают сомнения, служащие могут получить помощь в специальном инспекционном органе, назначенном *NICAM*.

Классификационные категории, установленные компьютером, включают в себя как возрастные ограничения, так и описания контента в форме пиктограмм. Как показано выше, используются следующие возрастные категории: «подходит для всех возрастов», «не рекомендуется детям до 6 лет», «не рекомендуется детям до 12 лет» и «не рекомендуется детям до 16 лет». Пиктограммы отражают уровни насилия, ужаса, секса, злоупотребления табаком и алкоголем, использования бранных выражений и дискриминации, содержащиеся в классифицируемом продукте, среди которых насилие, ужас и секс являются наиболее важными показателями. По каждому из этих показателей каждому продукту присваивается определенная возрастная категория; окончательная возрастная категория продукта определяется по наиболее жесткой возрастной категории, присвоенной продукту по одному из перечисленных показателей. Продукту в целом присваиваются одна возрастная категория и не менее двух пиктограмм. Присвоенные продукту характеристики предоставляются общественности: размещаются на упаковке видеокассет и *DVD*, видимы на экране при демонстрации фильма, размещаются в рекламных клипах и на телеэкране при демонстрации продукта, публикуются вместе с телепрограммами в печатных изданиях, теле-тексте и электронных обзорах телепрограмм на телевидении.

NICAM периодически проводит проверку компьютерной системы классификации по мере поступления жалоб от потребителей информационной продукции. Тем не менее эффективность всей системы ежегодно оценивает главный орган по контролю над СМИ Нидерландов – Комиссариат по СМИ (*CvdM*). Хотя государственные органы не включены в процесс проведения классификации, существуют определенные связи между частным образом управляемой системой и государственным регулированием защиты детей. Государство явля-

ется одним из учредителей *NICAM*, а система *Kijkwijzer* инкорпорирована в национальную систему регулирования защиты детей. Например, действует базовое правило, что кинопродукция, которая потенциально может нанести вред детям, не может транслироваться по телевидению до тех пор, пока не проведена ее оценка каким-либо независимым органом классификации. Это оказывает определенное давление на поставщиков продукции, заставляя их вступить в *NICAM* и пользоваться системой классификации *Kijkwijzer*. Законодательство Нидерландов устанавливает «водораздел» между дневным и ночным вещанием, то есть ограничивает по времени демонстрацию по телевидению фильмов возрастных категорий для лиц старше 12 и 16 лет, установленных посредством системы *Kijkwijzer*.

В Великобритании классификацию ряда видов информационной продукции осуществляет уполномоченный правительством Великобритании экспертный орган – Британский комитет по классификации фильмов (БККФ), который производит возрастную классификацию кинофильмов, видеозаписей на магнитной ленте и *DVD* и в отдельных случаях – электронных видеоигр. БККФ (*The British Board of Film Classification, BBFC*) является независимым неправительственным органом, финансируемым за счет платы, взимаемой с тех, кто представляет на классификацию фильмы, видеофильмы, *DVD* или компьютерные игры. БККФ производит классификацию от имени местных органов, осуществляющих лицензирование кинофильмов в соответствии с Законом «О кинематографии» 1985 г. БККФ также классифицирует видеозаписи, *DVD* и некоторую цифровую продукцию согласно закону «О видеозаписи» 1984 г. Исходя из требований Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, у БККФ существует конкретная обязанность обеспечить ясные формулировки критериев классификации².

² Ознакомиться с указанными критериями, опубликованными в форме руководства, можно на сайте БККФ в сети Интернет. URL: <http://www.bbfc.co.uk>.

В 1984 г. парламент Великобритании одобрил закон «О видеозаписи». Этот закон устанавливает, что для получения лицензии на распространение видеозаписи посредством продажи или коммерческого проката в Великобритании необходимо провести ее классификацию в органе, сформированном министром внутренних дел. В следующем году были назначены президент и заместитель президента БККФ, и им было вменено в обязанность применить новый тест «стабильности для домашнего просмотра».

Экспертизу и классификацию соответствующей информационной продукции осуществляет экспертный отдел БККФ. Старший эксперт БККФ отвечает за наем работников и визирует день за днем рекомендации экспертов. Рядовые эксперты просматривают материал и рекомендуют принять решение о присвоении ему соответствующей категории, произвести вырезку или другое действие. Принимаемые на работу эксперты должны иметь опыт работы в какой-либо из следующих областей: в социальной сфере, образовании, журналистике, какой-либо научно-исследовательской области или маркетинге.

В настоящее время Управляющий совет БККФ осуществляет контроль за его работой. Совет назначает главных служащих: президента, директора и заместителя директора. В целях обеспечения его независимости БККФ не получает субсидий ни от киноиндустрии, ни от правительства. Его доход определяется платой, получаемой им за выполнение своих функций, и рассчитывается исходя из времени, потребовавшегося на классификацию информационного продукта и выдачу сертификата. Размер этой платы (тариф) утверждается соответствующим департаментом правительства Великобритании. БККФ создан не для коммерческой деятельности, и стоимость его услуг определяется исходя из затрат на проведение работ.

Закон «О видеозаписи» 1984 г. обязывает БККФ обратить особое внимание на вероятность просмотра продукции в домашних условиях, на возможность нанесения вреда тем, кто будет это смотреть, а также нанесения вреда обществу поведением зрителей после просмотра.

Законодательством Великобритании выделены следующие элементы, которые могут нанести вред детям и чувствительным взрослым: преступное (криминальное) поведение; использование запрещенных законом наркотиков; жестокое поведение или происшествие; наводящее ужас поведение или происшествие; сексуальные действия людей.

В большинстве случаев опасения, связанные с нанесением вреда, касаются возможности просмотра продукции маленькими детьми или подростками. Политика БККФ направлена на то, чтобы посредством возрастной классификации ограничить возможность нанесения вреда детям. В некоторых случаях БККФ вправе потребовать подвергнуть вырезке представленную для классификации продукцию. В экстремальных случаях БККФ не имеет другого выбора, кроме как отказаться от проведения классификации.

Закон «О кинематографии (животные)» 1937 г., устанавливает, что противозаконным является демонстрация сцен, «организованных или направленных» на включение натуралистической (фактической) жестокости в отношении животных. В соответствии с Законом «О защите детей» 1978 г. является противозаконной демонстрация непристойных изображений с участием детей (до 16 лет). Закон «О непристойных публикациях» 1959 г. устанавливает, что противозаконной является и демонстрация непристойных произведений.

БККФ должен также принимать во внимание другой материал, являющийся противозаконным по своему контенту или представленный комиссии в результате совершения противоправного деяния.

В соответствии с Законом «О видеозаписи» БККФ разрабатывает Руководство (Кодекс практики) по классификации кино-, видео- и иной компьютерной продукции в Великобритании, в котором определяются основные принципы и критерии возрастной классификации. Последняя версия Руководства датирована февралем 2005 г. Следующие темы были добавлены к числу подлежащих рассмотрению при проведении классификации как темы, которым придается особое значение:

668

- подстрекательство к расовой ненависти или насилию;
- бранные выражения с расистским контекстом;
- язык, который оскорбляет чувства уязвимых групп населения (меньшинств);
- суицид и нанесение себе вреда;
- акцентирование на легкодоступном оружии;
- сексуальное насилие и изнасилование;
- поддержка или восхваление курения, пьянства или других злоупотреблений.

При осуществлении классификации фильмов, видеозаписей и цифровых (компьютерных) средств информации БККФ принимает во внимание следующие *базовые принципы*:

- взрослые вправе самостоятельно выбирать, что им смотреть, их выбор не подлежит правовому регулированию и не несет потенциальной опасности для общества;
- произведение вправе получить такую широкую аудиторию, которой интересна эта тема и способ ее представления;
- контент, в котором представлены некоторые аспекты (секс или насилие), является центральным при решении вопроса о его приемлемости для детей;
- Руководство по работе БККФ изменяется в соответствии с изменениями общественных вкусов, предпочтений и потребностей.

В Великобритании применяются следующие возрастные категории:

U, Uc и PG, 12/12A, 15, 18 и R18.

Если произведение соответствует месту между двумя категориями, при принятии окончательного решения БККФ учитывает намерения создателя фильма, ожидания ответственности и особенности аудитории произведения, а также некоторые особые свойства произведения.

Классификационные решения, принимаемые в отношении видео, могут быть более строгими, чем решения, касающиеся кинофильма. Это обусловлено повышенной возмож-

ностью их просмотра детьми, признаваемой Законом «О видеозаписи», с учетом того, что отдельные фрагменты произведения могут быть повторно воспроизведены и просмотрены. Соответственно, произведение в видеозаписи может получить более высокий уровень возрастной классификации либо потребуется произвести большее количество изъятий (купюр).

Наиболее строгими являются классификационные решения, принятые в отношении анонсов и рекламы. Это связано со сложным содержанием, которое может служить связующим звеном с содержанием оригинального произведения и производить более сильный эффект в лаконичном и неподготовленном контексте анонса (рекламы).

Классификационные решения могут быть менее строгими, когда они оправданы содержанием. То, что не было разрешено в Руководстве БККФ в отношении конкретной категории (от *PG* до *18*), неприемлемо для всех предшествующих более низких категорий. И наоборот: то, что было разрешено на одном уровне, приемлемо для всех более высоких уровней.

Руководство БККФ устанавливает некоторые общие правила, применяемые в большей или меньшей степени на всех уровнях классификации от уровня *U* вплоть до уровня *18*.

Тема. Приемлемость темы определяется ее интерпретацией, а именно – содержанием и впечатлением от ее представления. Однако наиболее проблематичные темы (например, употребление наркотиков, педофилия) не являются подходящими для юных зрителей, которым соответствуют нижние уровни классификации. Соответственно, в принципе нет таких причин, по которым любая тема, даже сложная, не может быть удовлетворительным образом представлена для уровня *18* или даже *15*.

Язык. Некоторые люди чувствуют себя глубоко оскорбленными, когда слышат грубые выражения, включая использование словечек, ассоциируемых с религиозными взглядами. Степень этого оскорбления варьируется в зависимости от возраста, предшествующего жизненного опыта и верований. Различные группы (например, этнические меньшинства) имеют

670 свои собственные, особые стандарты и представления о допустимости подобных выражений. Кроме того, жесткость конкретного слова или выражения зависит от контекста, в котором оно используется.

По этой причине невозможно составить список допустимых слов и выражений, который может удовлетворить все общественные группы. Представление в общем Руководстве рекомендаций для различных уровней классификации осуществлено со ссылкой на специфические термины только в том случае, когда имеется соответствующий консенсус мнений.

Нагота. Естественная нагота, не имеющая сексуального содержания или подтекста, допустима на всех уровнях классификации.

Секс. Демонстрация сексуальных действий людей запрещена для уровней *U*, *Uc*, или *PG*. В видеопроизведениях категории *12* и кинематографических произведениях категории *12A* они могут подразумеваться. Постепенно все больше графических изображений может быть включено в продукцию категорий *15* и *18* в зависимости от значения, придаваемого ответственности, нежности и развитию отношений. Имеется равенство в применении терминов и стандартов (требований), установленных для правомерного гетеросексуального и гомосексуального поведения.

Категория *18* установлена в соответствии с Законом «О видеозаписи» в первую очередь для видеопродукции, включающей демонстрацию сексуальных действий между взрослыми. Видеозаписи категории *R18* могут поставляться только в торгующие по лицензии специализированные магазины для взрослых (*sex-shop*), в которые не допускаются лица моложе 18 лет.

Насилие. Насилие было элементом развлечения для детей и взрослых со времен появления первых преданий. Разработана методика определения уровня и природы насилия для всей системы классификации.

При принятии решений учитываются следующие факторы, влияющие на характер представления насилия:

- демонстрация насилия как нормальный способ решения проблем;
- героями являются те, кто причиняет боль и ранения;
- безжалостность в отношении жертв;
- поощрение агрессивных отношений;
- получение удовольствия от страдания и унижения;
- работы, которые прославляют или восхваляют насилие, должны получать более высокую ограничительную классификационную категорию и могут нуждаться в исключении отдельных эпизодов.

Сексуальное насилие. БККФ проводит жесткую политику в отношении демонстрации изнасилования и сексуального насилия. В случае показа эротического или подтвержденного (очевидного) сексуального насилия Комитет, вероятно, потребует его исключить на любом уровне классификации. Это более вероятно для видео, чем для кинофильма, потому что видеосцены можно просматривать многократно.

Любые ассоциации с сексом без обоюдного согласия, связанные с принуждением, страданием или унижением, БККФ может потребовать удалить.

Приемы имитации. БККФ также рассматривает вопросы, связанные с детализированным изображением приемов совершения преступлений и насилия и прославления оружия. Использование оружия, которое легко доступно для молодежи, ограничивается. БККФ может потребовать вырезать фрагменты, содержащие имитацию боевых приемов.

Любые действия, которые, вероятно, могут провоцировать противоправное и асоциальное поведение в реальной жизни, подлежат особому рассмотрению. Имитируемая деталь приемов совершения преступления может быть признана недопустимой на любом уровне классификации. Потенциально опасная деятельность, представленная как безопасная и реально существующая, подлежит особому рассмотрению в произведениях, предназначенных для детей.

Ужас. Фильмы ужасов подлежат согласно Руководству таким же ограничениям, как и все другие фильмы. БККФ при-

672 знает, что люди платят за просмотр таких фильмов, потому что им нравится быть напуганными. БККФ не требует исключения эпизодов только потому, что они тревожат или шокируют, напротив, он производит их классификацию, чтобы юные и ранимые были защищены.

Наркотики. Ни одно произведение, взятое в целом, даже категории 18, не может содействовать распространению или поощрять использование запрещенных законом наркотиков. Инструктивные подробности недопустимы для всех уровней вплоть до 15. Даже для категории 18 такие подробности допустимы, только когда имеются исключительные соображения, касающиеся содержания. Восхваление подробностей приема наркотиков является предметом особого внимания.

Опасность демонстрации инструктивных подробностей особенно сильна для видеопродуктов, когда сцены могут повторно просматриваться не один раз.

Информирование общественности о содержании любого классифицируемого произведения обеспечивается БККФ и компаниями, производящими кино- и видеофильмы. Такая информация должна включать сведения о насилии, языке, наркотиках и других вопросах, имеющих значение для общественности. Предоставление этой информации в рекламе или на этикетках видеопродукции является обязанностью кино- и видеоиндустрии.

Иногда в классификации (в присвоении возрастной категории) может быть отказано. Сцены в кинофильмах и иной видеопродукции, которые являются незаконными или потенциально вредными, там, где это возможно, должны вырезаться. Если это невозможно или неприемлемо для распространителя, указанному произведению может быть отказано в классификации. Запрещенные («табу») темы приемлемы, только если их освещение не несет вероятности нанесения вреда как отдельным зрителям, так и всему обществу в целом. Следующие моменты подлежат особому изучению:

- графическое изображение изнасилования или мучений;
- садистское насилие или терроризм;

- незаконное или инструктирующее употребление наркотиков;
- материал, способный возбуждать насилие на расовой почве;
- демонстрация детей, связанная с сексом или насилием;
- секс, сопровождающийся не связанной с сексом болью, ранением или унижением;
- копрофагия, некрофилия или другие материалы, которые могут быть признаны судом непристойными.

Итак, БККФ представляет собой специализированную организацию, для работы в которой в качестве эксперта нужно иметь высшее образование и специальные знания в области классификации информационной продукции.

В *Германии* действует сложная система органов, обеспечивающих защиту детей в информационной сфере.

Часть 2 статьи 5 Основного Закона ФРГ устанавливает, что свобода мнений, информации и печати «может быть ограничена... законоположениями о защите молодежи»³. В соответствии с этим в 1953 г. бундестаг принял Закон «О распространении материалов, вредных для молодежи» (ЗРМВМ). Он вступил в силу 14 июля 1953 г. ЗРМВМ призван, как и другие законы, защищающие интересы молодежи, содействовать соиздательной работе с молодежью.

На вопрос о том, какие материалы могут быть вредным для детей и подростков, отвечает статья 1 Закона «О распространении материалов, вредных для молодежи»:

«Необходимо включать в список материалы, способные нанести ущерб нравственности детей и подростков. К ним в первую очередь относятся материалы, отличающиеся безнравственностью, грубостью, подстрекающие к насилию,

³ См.: Право радио и телевидения России. На пути к новой организации электронной прессы. – Баден-Баден/Гамбург: Номос; СПб: Невское время, 1994. – С. 438.

Barend, E. M. Broadcasting Law. A Comparative Study. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – P. 114.

674 преступлению или расовой ненависти, а также прославляющие войну».

Для практического осуществления правовой защиты молодежи от вредного воздействия СМИ законом предусмотрено создание высшего федерального органа – Федерального ведомства по проверке материалов, вредных для молодежи (ФВПМВМ) (*Bundesprüfstelle für jugendgefährdende Medien (BPjM)*). Учредительное заседание этого ведомства состоялось 15 июня 1954 г.

Контроль над деятельностью ФВПМВМ осуществляет федеральное министерство по делам семьи, престарелых, женщин и молодежи. ФВПМВМ – это федеральный орган с функциями, аналогичными судебным. При рассмотрении вопросов о включении материалов, вредных для молодежи, в специальный список его члены, включая председателя, не связаны никакими указаниями.

В соответствующий список включаются, например, книги, прославляющие режим национал-социалистов, с целью противодействовать неонацизму и затруднить влияние правых радикалов на молодежь. В последние годы ФВПМВМ занимался преимущественно включением в список видеофильмов, проповедующих жестокость, и компьютерных игр, прославляющих войну или расизм. Кроме того, начиная с 1991 г., ведомству пришлось во все большей мере заниматься обработкой заявок на включение в список звуконосителей с праворадикальным содержанием.

ФВПМВМ имеет право действовать только тогда, когда ему будет подана соответствующая заявка. Право на подачу заявки имеют высшие земельные органы по делам молодежи, земельные ведомства по делам молодежи, местные ведомства по делам молодежи и федеральное министерство по делам семьи, престарелых, женщин и молодежи. После воссоединения Германии в Федеративной Республике насчитывается свыше 800 органов, имеющих право подавать заявки.

Решение по поводу того, вреден тот или иной представленный на рассмотрение материал, принимается советом

в составе 12 человек. В него входят председатель ФВПМВМ, 8 членов от общественно-значимых групп и 3 члена от федеральных земель.

Договоры между федеральными землями Германии, учреждающие общественные телерадиокомпании, предусматривают, что передачи, нарушающие благополучие детей и подростков, не могут быть допущены к показу до тех пор, пока вещатели не примут меры, обеспечивающие малую вероятность их просмотра детьми или подростками соответствующих возрастных групп. Это относится к программам, предполагаемым к показу между 23 часами ночи и 6 часами утра. Фильмы, которые не должны смотреть дети в возрасте менее 18 лет, можно показывать только в эти ночные часы, в то время как фильмы, запрещенные для детей моложе 16 лет, могут демонстрироваться после 22 часов.

Защита детей на телевидении

Общественно-правовые вещательные организации Германии, вещание которых распространяется на территорию более чем одной земли, обязаны иметь штатного работника, ответственного за обеспечение защиты детей. Это требование распространяется и на коммерческих телевещателей, однако в отношении небольших вещательных организаций такая обязанность не установлена.

Созданный в соответствии с внутригосударственным Договором о защите молодежи (ДоЗМ) между федеральными землями Германии новый орган – Комиссия по защите молодежи (КЗМ) (*Die Kommission für Jugendmedienschutz – KJM*) и органы федеральных земель в сфере СМИ утвердили основные правила защиты детей. Органы земель в сфере СМИ 25 ноября 2003 г. одобрили «Положение об обеспечении защиты детей при цифровом распространении программ частного телевидения», которое устанавливает обязательность специального кодирования сигнала цифрового телевидения. Указанный документ конкретизирует положения ДоЗМ. В соответствии с ДоЗМ, контроль над деятельностью телевещателей и про-

676 изводителей телепрограмм осуществляют соответствующие органы земель по контролю в сфере СМИ. В целях контроля телевещателями, осуществляющими свою деятельность на территории более чем одной земли, и был создан специальный вышеупомянутый орган – Комиссия по защите молодежи в электронных СМИ – КЗМ. В полномочия КЗМ входит в целях обеспечения информационной безопасности детей и молодежи контроль над деятельностью органов классификации и самоклассификации информационной продукции, пересмотр результатов классификации, лишение соответствующих органов права осуществлять классификацию и др. (§ 16 ДоЗМ).

КЗМ состоит из двенадцати членов, шесть из которых - директора органов федеральных земель по контролю за деятельностью СМИ, и шесть других – эксперты, назначенные федеральным правительством и правительствами федеральных земель.

Органы саморегулирования

Органы саморегулирования играют важную роль в процессе обеспечения защиты детей от вредной информации в Германии. В задачи органов саморегулирования входят осуществление возрастной классификации контента и обеспечение требований законодательства Германии по защите детей и молодежи от вредного воздействия информации. Органы саморегулирования могут принимать решения об ином размещении в сетке программ кинофильма, чем это предписывается присвоенной ему возрастной категорией, при условии, что прошло уже значительное время с момента присвоения указанному кинофильму возрастной категории общегерманским органом саморегулирования в области кино (*Die Freiwillige Selbstkontrolle der Filmwirtschaft – FSK*).

В целях обеспечения более эффективной защиты детей федеральным землям предоставлено право принимать нормативные акты, касающиеся деятельности саморегулируемых организаций. Кроме того, органы саморегулирования должны проходить сертификацию, что особенно важно.

Согласно статье 19(3) ДоЗМ сертификат предоставляется, если:

- обеспечена независимость и надлежащий уровень компетентности указанного органа саморегулирования (Комитета по СМИ);
- гарантировано адекватное финансирование со стороны нескольких вещателей и (или) поставщиков услуг по передаче видеoinформации;
- правила работы, утвержденные решением Комитета по СМИ, на практике обеспечивают эффективную защиту детей;
- разработаны необходимые процедурные правила для проведения экзамена по вопросам обеспечения обязанности поставщика услуг по передаче видеoinформации предоставлять соответствующий контент органу саморегулирования, а также порядок применения санкций и проверки принятых решений (организации, ответственной за обеспечение защиты детей, должно быть предоставлено право требовать проведения проверки);
- обеспечены права поставщиков услуг по передаче видеoinформации быть выслушанными до принятия окончательного решения, а также чтобы им предоставлялось в письменной форме обоснование принятого решения, а также обеспечение доступности обоснования для заинтересованных лиц;
- учрежден орган, обязанный рассматривать жалобы.

Сертификация действительна в течение четырех лет и может быть продлена КЗМ, которая может отозвать сертификат, если орган саморегулирования не отвечает установленным требованиям.

Если распространение видеoinформации осуществляется в соответствии с решениями имеющего сертификат органа саморегулирования, действующего в рамках своих полномочий, то в соответствии со статьей 20 ДоЗМ органы контроля федеральных земель в сфере СМИ не вправе налагать санкции

678 на вещателей и поставщиков услуг по передаче видеoinформации. При этом органы земель в сфере СМИ вправе утверждать правила по защите детей, которые должны принимать во внимание органы саморегулирования.

Порядок лицензирования информационной продукции, осуществляемый органом саморегулирования, определяется организациями, сфера деятельности которых по вопросам лицензирования установлена в статье 5.1 Закона о защите молодежи (ЗоЗМ). Информационная продукция, прошедшая возрастную классификацию в получившем лицензию органе саморегулирования не может быть отнесена Федеральным ведомством по проверке материалов, вредных для молодежи (ФВПМВМ) к информации, являющейся вредной для молодежи, за исключением случаев, когда такое решение принимает КЗМ.

***PEGI* – Панъевропейская система информации о компьютерных играх**

Согласно Резолюции Совета ЕС 2002 г. о защите потребителей путем маркировки конкретных видео и компьютерных игр⁴ во всех государствах – членах ЕС должна применяться ясная и простая система возрастной классификации с учетом приемлемости контента и возрастной категории для определенных возрастных групп для обеспечения прозрачности и свободного распространения видео игр.

В соответствии с указанной Резолюцией была разработана и введена в действие в апреле 2003 г. Панъевропейская система информации о компьютерных играх *PEGI*. Система была разработана под эгидой Федерации интерактивных программ в Европе совместно с национальными торговыми организациями и европейскими структурами, в сотрудничестве с академиями, национальными органами классификации аудиовизуальной продукции, государственными органами,

⁴ Council Resolution on the protection of consumers, in particular young people, through the labelling of certain video games and computer games according to age group, 1 March 2002 (OJ C 65, 14.3.2002, p. 2).

объединениями потребителей и другими заинтересованными группами.

Возрастные категории (рейтинги) *PEGI* разделяют информационную продукцию на пять возрастных категорий.

Регион	3+	7+	12+	16+	18+
Европа					
	www.pegi.info	www.pegi.info	www.pegi.info	www.pegi.info	www.pegi.info

Помимо обозначения возрастных категорий, в *PEGI* используется семь символических изображений (дескрипторов) содержимого:



«Ненормативная лексика». Игра содержит грубые и непристойные выражения.



«Дискриминация». Присутствие в продукте сцен или материалов, которые могут порочить или дискриминировать некоторые социальные группы.



«Наркотики». В игре упоминаются нелегальные наркотические вещества или пропагандируется их использование.



«Ужас». Материалы игры могут оказаться страшными и пугающими для маленьких детей.



«Азартные игры». В игре есть возможность сыграть в азартные игры и сделать ставку, в том числе реальными деньгами.



«Непристойности (секс)». В игре присутствует обнажение и (или) встречаются сцены с сексуальными отношениями.



«Насилие». Игра изобилует сценами с применением насилия.

PEGI является системой добровольного саморегулирования, разработанной для обеспечения того, чтобы дети не подвергались воздействию игр, не подходящих для их конкретной возрастной группы. *PEGI* заменила большое число действовавших национальных систем возрастной классификации единой европейской системой.

Систему *PEGI* поддерживают большинство производителей игровых консолей⁵. Она применяется в подавляющем большинстве стран – членов Европейского союза⁶, хотя не все из этих стран имеют соответствующее внутреннее законодательство⁷.

К числу государств – членов ЕС, применяющих *PEGI* и имеющих или готовящихся к принятию соответствующих законов⁸ о возрастной классификации, относятся Финляндия, Греция, Италия, Латвия, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия и Великобритания. Законодательство Нидерландов и Польши предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил предоставления детям компьютерных игр.

Индустрия компьютерных игр Великобритании использует *PEGI* для возрастной классификации большинства видеоигр. Видеоигры, содержащие материал сексуального характера и большое количество насилия, проходят проверку в Бри-

⁵ E.g. *Nintendo, PlayStation, Xbox*.

⁶ Австрия (частично), Бельгия, Болгария, Чешская Республика, Дания, Эстония, Испания, Финляндия, Франция, Греция, Венгрия, Италия, Ирландия, Латвия (законодательство основывается на системе *PEGI*), Нидерланды, Польша, Португалия (законодательство основывается на системе *PEGI*), Словакия, Швеция, Великобритания.

⁷ См.: COMMUNICATION FROM THE COMMISSION to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions on the protection of consumers, in particular minors, in respect of the use of video games. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52008DC0207:EN:NOT>

⁸ Such as Act on the Classification of Audiovisual Programs, Video Recording Act, Law on Consumer Protection, Law on Public Information.

танском комитете классификации фильмов (*The British Board of Film Classification – BBFC*), который присваивает отличные от *PEGI* возрастные категории.

Во Франции *PEGI* используется для классификации и маркировки видеоигр. Поправки во французский уголовный кодекс (*The French Criminal Law*) 2007 г.⁹ применяются к возрастной классификации и маркировке видеоигр с учетом возрастных групп.

Бельгия, Болгария, Дания, Эстония, Венгрия, Ирландия, Испания и Швеция применяют *PEGI*, не имея соответствующего законодательства. В Чешской Республике нет официальной системы, но *PEGI* используется всеми крупными производителями, хотя и не для всех распространяемых в стране игр.

Законодательства половины государств – членов ЕС¹⁰ содержат специальное гражданско-правовое и уголовно-правовое регулирование розничной продажи видеоигр, содержащих вредную для детей информацию, предусматривающее различные виды ответственности за нарушение установленных правил¹¹.

Другой подход к решению проблемы защиты детей от вредной информации, основанный исключительно на саморегулировании, демонстрируют *Соединенные Штаты Америки*.

В целях защиты детей от вредной для них информации в США используются несколько систем классификации¹² различных видов информационной продукции, которые

⁹ Loi no 98-468 amended by Loi no 2007-297.

¹⁰ Австрия, Бельгия, Испания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Словакия, Швеция, Великобритания.

¹¹ In Legal acts such as Children’s Protection Act, Act of Classification of Audiovisual Programs, Law on Consumer Protection, Regulation on Distribution of Computer Games, Youth protection law, Criminal Law.

¹² Для обозначения возрастной классификации информационной продукции в США используется термин «*rating*» или «*age rating*».

682 приняты соответствующими саморегулируемыми организациями.

CARA – организация, аффилированная с Американской ассоциацией производителей кинофильмов *MPAA*. На ее веб-сайте находится информация о возрастных категориях фильмов начиная с 1968 г.

ESRB – организация классификации предназначенных для развлечения компьютерных игр и электронных программ, учрежденная Американской ассоциацией производителей развлекательных компьютерных программ. На ее сайте размещена информация о возрастных категориях компьютерных игр и видеопродукции.

RIAA – Ассоциация американской индустрии аудиозаписи. Ее сайт содержит информацию относительно того, рекомендуется ли музыкальная запись для детей или нет.

TV Parental Guideline (организация мониторинга телевидения) предоставляет родителям рекомендации по возрастной категории просмотра телепрограмм. Родители могут использовать специальный *V-chip* – кодовый замок, встроенный согласно закону во все продаваемые начиная с 2000 г. в США и Канаде телевизоры, позволяющий отключать определенные передачи, если их возрастная категория превышает заданную. Потребители, недовольные проведенной классификацией, вправе обращаться в Федеральную комиссию по связи США (*FCC*).

В апреле 1968 г. Верховный суд США принял решение о том, что действия властей штатов по предупреждению доступа детей к книгам и фильмам, которые предназначены преимущественно для взрослых, являются конституционными. Чтобы предупредить введение цензуры, Американская ассоциация кинопроизводителей (*The Motion Picture Association of America – MPAA*), объединившись с Национальной ассоциацией владельцев театров (*The National Association of Theatre Owners – NATO*) и Комитетом импортеров иностранных фильмов и американских распространителей фильмов (*Committee of the International Film Importers & Distributors of America –*

IFIDA), 1 ноября 1968 г. объявила о рождении новой системы добровольной возрастной классификации кинофильмов.

Возрастную классификацию кино- и видеопродукции и театральных спектаклей в США осуществляет расположенный в Лос-Анджелесе постоянно действующий Комитет по классификации (*CARA*), в состав которого входят от 8 до 13 членов. Их работа финансируется за счет платы за экспертизу информационной продукции, производимой создателями (распространителями) кинофильмов, и другой соответствующей информационной продукции. Президент Американской ассоциации кинопроизводителей Америки (*МРАА*) назначает председателя Комитета по классификации. Никто из представителей киноиндустрии не имеет властных полномочий или прав оказывать давление на Комитет или иным способом влиять на его решения.

Производится возрастная классификация кинофильмов, видеофильмов и театральных спектаклей. Возрастная категория театрального спектакля размещается на афише. Ее можно узнать в кассе театра при покупке билетов.

Любой продюсер (распространитель) вправе выйти на внутренний рынок США без какой-либо классификации контента или разместить на упаковке кинофильма дескриптор или символ по своему выбору, но такой символ не должен совпадать или быть похожим до степени смешения с присвоенными Комитетом по классификации визуальными изображениями возрастных категорий: *G*, *PG*, *PG-13*, *R* и *NC-17*. Символы возрастной классификации являются официально, на федеральном уровне, зарегистрированными знаками *МРАА* и не могут проставляться самостоятельно.

Порядок работы Комитета по классификации кинофильмов МРАА

Комитет просматривает каждый фильм. Члены Комитета оценивают, какую возрастную категорию большинство родителей сочтет соответствующей этому фильму. После совместной дискуссии Комитет голосованием решает вопрос о

684 присвоении возрастной категории. Каждый член Комитета заполняет классификационную форму, в которую заносится обоснование его (ее) мнения по вопросу соответствующей возрастной категории. Каждая возрастная категория утверждается большинством голосов.

Продюсер (распространитель) фильма имеет право узнать, почему представленному им фильму присвоена конкретная возрастная категория. Продюсер (распространитель) фильма имеет также право, основанное на обосновании возрастной категории, отредактировать фильм по своему желанию и повторно обратиться в Комитет за получением менее жесткой возрастной категории. Отредактированный фильм возвращается в Комитет, и процедура его рассмотрения повторяется.

Обжалование присвоенной возрастной категории

Продюсер (распространитель) фильма, по каким-либо причинам оказавшийся недовольным присвоенной фильму возрастной категорией, может обжаловать принятое решение в апелляционном Комитете по классификации (тоже формируемым МРАА), который является последней инстанцией в процессе возрастной классификации. Решение апелляционного Комитета является окончательным и не подлежит пересмотру.

Контроль над деятельностью Комитета по классификации кинофильмов

Для контроля над деятельностью Комитета по классификации кинофильмов Американская ассоциация кинопроизводителей (МРАА) и Национальная ассоциация владельцев театров (NATO) создали Комитет по контролю за политикой (классификации), состоящий из представителей МРАА и NATO. Члены последнего Комитета утвердили основные принципы, которым должен следовать в своей деятельности Комитет по классификации (CARA). Так как программа классификации фильмов является частью системы саморегулирования киноиндустрии, важно, чтобы в соответствии с установленными принципами ни один член Комитета по классификации не

ставил авторитет «руководителя» выше дисциплины или установленной системы самоограничений.

Контроль над рекламой компьютерных игр

Еще одним примером заботы о защите детей от вредной информации является действующая в США система контроля над рекламой компьютерных игр, которую реализует Совет по контролю над рекламой.

Совет по контролю над рекламой (*The Advertising Review Council – ARC*) – осуществляет мониторинг всей рекламы, упаковки и рекламных материалов, предназначенных для реализации интерактивного развлекательного программного обеспечения.

Целями деятельности *ARC* является обеспечение того, чтобы издатели интерактивных развлекательных программ следовали стандартным требованиям размещения информации о возрастной классификации и чтобы содержание их рекламы было достойным доверия, соответствующим контенту, правдивым и точным. *ARC* утверждает правила рекламирования, которые запрещают издателям и распространителям игр рекламировать свою продукцию среди лиц, для которых она не подходит.

ARC был учрежден 31 января 2000 г. и во исполнение своих целей разработал систему добровольных принципов и правил практики ответственной рекламы, которые были одобрены индустрией развлекательных программ. В дополнение к этому в 2000 г. Совет по контролю над рекламой объявил о проведении программы поддержки торговых организаций, применяющих принципы и правила *ARC*.

Следующий знак позволяет потребителям узнать, что торговая организация является участницей программы *ARC*:



686

Для того чтобы участвовать в программе ARC, медиакомпания должна выразить свое согласие на соблюдение принципов и правил практики ответственной рекламы ARC. Если участник программы заметит нарушение установленных программой требований, он должен немедленно сообщить об этом ARC. Совет определяет, действительно ли нарушены требования индустрии, и, если это подтверждается, рекламное объявление не публикуется.

Присоединившись к программе ARC, медиакомпания рассылает сообщение своей аудитории о принятом на себя обязательстве обеспечивать достойное доверия содержание ее рекламы, а также соответствующий – правдивый и точный – контент.

Принципы рекламирования компьютерных игр:

- Реклама должна точно отражать природу и содержание продукта, который она продвигает на рынке, и его возрастную категорию (реклама не должна вводить потребителя в заблуждение относительно истинного характера продукта).
- Реклама не должна восхвалять или эксплуатировать возрастную категорию продукта.
- Реклама должна создаваться в духе уважения к публике.
- Никакая реклама не должна иметь содержание, которое оскорбляет потребителя.
- Компании не должны предназначать рекламу продуктов возрастных категорий «Для подростков» («Teen»), «Для совершеннолетних» («Mature»), «Только для взрослых» («Adults Only») потребителям, для которых этот продукт не рекомендован.

Руководство по подготовке рекламы компьютерных игр

Руководство предназначено для помощи компаниям при создании достойной доверия и точной рекламы. Оно не направлено на ограничение или препятствование созданию

креативной и/или инновационной рекламы и позволяет определить те виды контента, которых следует избегать при создании рекламных объявлений, а именно:

- Контент, связанный с обеспечением правдивости и точности в рекламе:
 - неправильное представление характера и (или) возрастной категории продукта;
 - неточный или ложный контент;
 - эксплуатация информации о присвоенной *ESRB* возрастной категории.
- Контент с насилием:
 - натуралистичное и/или чрезмерное изображение насилия;
 - натуралистичное и/или с применением насилия изображение применения оружия;
 - натуралистичное и/или чрезмерное изображение свежей и/или запекшейся крови;
 - упоминание и/или изображение актов вербального или физического насилия над детьми;
 - упоминание и/или изображение актов насилия и унижения достоинства в отношении женщин;
 - упоминание и/или изображение пыток или других насильственных актов в отношении животных;
 - упоминание и/или изображение пыток, увечий или садизма;
 - насилие по отношению к политическим или иным публичным лицам;
 - упоминание и/или изображение актов поджога или игры с огнем.
- Контент сексуального характера:
 - упоминание и/или изображение актов сексуального насилия;
 - упоминание и/или изображение актов некрофилии или других сексуальных актов;
 - натуралистичное и/или чрезмерное изображение наготы или сексуальных ситуаций;

688

- саркастические (юмористические) упоминания и/или изображения отдельных лиц с заболеваниями, передаваемыми половым путем.
 - Упоминание алкоголя и наркотиков:
 - упоминание об употреблении запрещенных наркотиков и/или изображение запрещенных наркотиков или сопутствующих фармакологических средств;
 - восхваление, поощрение и/или изображение употребления алкоголя и или наркотиков.
 - Оскорбительные вербальные выражения или жесты:
 - грубый или оскорбительный язык;
 - оскорбительные или издевательские изображения основных физиологических функций организма;
 - юмор, основанный на упоминании экскрементов, или изображение оскорбительного «юмора ванной комнаты» (туалетный юмор).
 - Сочувствие или препятствование человеческим верованиям.
 - Святотатство, кощунство.
 - Унижение или осмеяние беспомощных (искалеченных) лиц.

Законодательство США запрещает распространение непристойных материалов, устанавливает ограничения на использование в информационной продукции грубой речи, посредством «водораздела» ограничивает распространение вредной для детей информации в телепрограммах, устанавливает обязательность для школ и библиотек обеспечивать защиту детей в сети Интернет.

Представленный в настоящей статье материал является лишь фрагментом проведенного автором исследования американской практики обеспечения информационной безопасности детей. Законодательство США в этой сфере интенсивно развивается, что обусловлено изменением общественного мнения в связи с углублением знаний о влиянии информации на психическое здоровье и нравственное развитие несовершеннолетних, а также появлением новых доступных для де-

тей способов распространения информации посредством новейших информационных технологий, особенности влияния которых на развитие детей требуют специального подхода к регулированию допуска несовершеннолетних к различным видам информационной продукции.

В Австралии система правового регулирования защиты детей от вредной для них информации в телепрограммах была введена в 1992 г. Законом «О вещательном обслуживании»¹³. Этот Закон учреждал новый регулирующий орган – Австралийскую службу по контролю за вещанием (*Australian Broadcasting Authority – ABA*). Ключевым аспектом обеспечения информационной безопасности детей в Австралии являются системы регулирования контента в соответствии с разработанными соответствующими отраслями информационной индустрии кодексами практики, утвержденными их регулирующим органом ABA, и обеспечение функционирования системы работы с жалобами зрителей.

Свободное Австралийское телевидение (*FTA*), Коммерческое радио Австралии (*CRA*), Австралийская ассоциация радио и телевидения, осуществляемого по подписке (*ASTRA*), Ассоциация вещателей Австралии (*CBAA*), представляющие сектора информационной индустрии, определили соответствующие группы специалистов для создания таких кодексов.

Защита детей – одна из важнейших целей этих кодексов. В соответствии с ними в Австралии проводится возрастная классификация кино- и видеофильмов, телепрограмм, интерактивных электронных игр, книг, журналов, создана система обеспечения защиты детей при пользовании сетью Интернет.

Конституция Австралии предоставляет федеральному парламенту право регулировать коммуникации. Правительство Австралии может, основываясь на законе, осуществлять регулирование вещательных организаций (телевидения и радио), Интернета, экспорт и импорт печатных материалов, аудио- и видеозаписей и компьютерных игр. Производство и

¹³ The Broadcasting Service Act, 1992.

690 продажа печатных материалов, аудио- и видеозаписей и компьютерных игр находятся в области полномочий не федеральной власти, а властей штатов Австралии.

Однако для того чтобы избежать дублирования и в целях обеспечения национального единства, штаты, территории и правительство Австралии договорились о совместном применении единой национальной схемы возрастной классификации информационной продукции. В соответствии с этой схемой Служба классификации фильмов и литературы (*The Office of Film and Literature Classification – OFLC*) осуществляет классификацию информационной продукции. Федеральное законодательство обеспечивает правовую основу такой классификации, включая требования к работе таможенной службы и услугам, предоставляемым в сети Интернет. Передачи вещательных средств массовой информации не проходят предварительной классификации в Службе классификации фильмов и литературы, эту работу осуществляет особое федеральное агентство – Австралийская служба по коммуникациям и средствам массовой информации (*The Australian Communications and Media Authority – ACMA*).

Федеральный парламент не вправе устанавливать уголовную ответственность за продажу или демонстрацию печатных материалов на территории Австралии. Такая ответственность устанавливается на уровне законодательства штатов и территорий Австралии, которые передали свои полномочия по классификации на федеральный уровень, зарезервировав за собой права в особых случаях для:

- повторной классификации произведений;
- запрета произведений, которые были разрешены для распространения Службой классификации фильмов и литературы;
- разрешения распространения произведений, которые были запрещены Службой классификации фильмов и литературы.

Служба классификации фильмов и литературы учреждена в соответствии с Законом Австралии 1995 г. «О классифика-

ции (публикаций, фильмов и компьютерных игр)». Иногда Служба отказывает в классификации, что означает запрет на распространение информационного продукта в Австралии. Все фильмы, видеозаписи и журналы, которые содержат сексуальный контент и предназначены для коммерческого использования, должны быть представлены на рассмотрение в этот орган, сформированный правительством Австралии из «представителей общественности» со сроком полномочий два года.

Некоторые фильмы, предназначенные, например, для образовательных целей, освобождены от классификации при определенных условиях. Кроме того, на кинофестивалях могут демонстрироваться фильмы, которые не прошли классификацию, при условии, что на просмотр запрещен вход лицам, не достигшим 18 лет.

В дополнение к деятельности Службы классификации фильмов и литературы Австралийская служба по коммуникациям и средствам массовой информации активно утверждает рекомендации и руководства по ограничению распространения некоторых видов информационной продукции.

Служба классификации фильмов и литературы не производит классификацию телевизионных передач. Деятельность телевидения регулирует Австралийская служба по коммуникациям и средствам массовой информации, а контент эфирного наземного коммерческого телевидения регулирует организация саморегулирования индустрии в соответствии с Кодексом практики коммерческого австралийского телевидения. При этом Служба классификации фильмов и литературы осуществляет классификацию предназначенных для продажи в частные руки телевизионных программ, используя те же правила, что и при классификации художественных фильмов.

Возрастная классификация контента в Австралии осуществляется в соответствии с Законом о классификации (фильмов, публикаций и компьютерных игр) 1995 г.¹⁴

¹⁴ The Classification (Films, Publications and Computer Games) Act, 1995.

692 Служба классификации (*Classification Board*) осуществляет возрастную классификацию контента различных развлекательных средств информации:

- контент, который транслируется наземными вещателями;
- контент, который передается по каналам платного телевидения;
- музыкальные записи на *CD* без визуального компонента.

Служба классификации может одобрить или отказать в одобрении рекламы публикации, фильма или компьютерной игры. Существует схема того, когда и как можно рекламировать не прошедший классификацию фильм.

Проблемы обеспечения информационной безопасности детей в Российской Федерации

В настоящее время в правовой системе *Российской Федерации*, в отличие от стран Европы и США, не представлен комплекс правовой защиты информационной безопасности детей, который обеспечивал бы необходимую защиту их здоровья и нравственности и включал бы в себя как нормативно-правовую, так и организационно-техническую базу.

Хотя статья 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»¹⁵ признает злоупотреблением свободой массовой информации «использование средств массовой информации <...> для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ жестокости и насилия, <...> а также распространение иной информации, распространение которой запрещено Федеральными законами», законодательством Российской Федерации не установлена ответственность за ее несоблюдение.

Федеральным агентством по культуре и кинематографии в соответствии с Федеральным Законом «О государственной поддержке кинематографии в Российской Федерации»

¹⁵ Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».

осуществляется возрастная классификация кинофильмов и видеофильмов, порядок проведения которой определен приказом агентства от 15 марта 2005 г. № 112 «Об утверждении Руководства по возрастной классификации аудиовизуальных произведений, положения и состава Экспертного совета по возрастной классификации аудиовизуальных произведений».

Согласно указанному Руководству, «вводится возрастная классификация аудиовизуальных произведений (именуемых далее «Фильмы» и «Программы»), соответствующая психовозрастным особенностям восприятия зрительской аудиторией:

- фильм разрешен для показа в любой зрительской аудитории;
- детям до 12 лет просмотр фильма разрешен в сопровождении родителей.

С 2005 г. в Комитете Государственной Думы по делам семьи и детей находится разработанный Институтом укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре проект федерального закона «О защите детей от информационной продукции, причиняющей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию»¹⁶, в котором определены основные принципы проведения возрастной классификации информационной продукции, разработанные с учетом международного опыта в этой сфере. Предлагается также установить «водораздел» в российском телеэфире, как это давно уже сделано в европейских странах, а также исполнять другие тре-

¹⁶ В статье анализируется текст законопроекта, опубликованный Общественным советом Центрального федерального округа в июне 2008 г. (См.: Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности. Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, Комитет Государственной Думы по культуре, Комитет Государственной Думы по делам молодежи, Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по социальной и демографической политике, Общественный совет Центрального федерального округа. – М., 2008. – Часть II. – С. 144).

694 бования к распространению и маркировке предназначенной для распространения информационной продукции.

Законопроект устанавливает общие требования к экспертизе информационной продукции, предназначенной детям или доступной детям, а также предусматривает три вида экспертизы:

- добровольная экспертиза;
- обязательная экспертиза;
- экспертиза, осуществляемая в соответствии с законодательством о судебно-экспертной деятельности.

Согласно законопроекту добровольная и обязательная экспертиза информационной продукции должна проводиться специалистами, экспертными организациями с использованием специальных методик, утвержденных Правительством Российской Федерации. Собственник информационной продукции, владелец прав на нее, производители и распространители, экспертные органы и организации вправе привлекать штатных и внештатных экспертов, создавать экспертные комиссии, состоящие из экспертов разных специальностей (в том числе специалистов в области детской психиатрии и детской психологии, детской физиологии, педагогики, кинематографии, лингвистики и др.), имеющих высшее профессиональное образование и специальные знания в соответствующей области знаний. Расходы на проведение добровольной экспертизы возмещаются ее заказчиком.

Если экспертиза информационной продукции осуществляется в рамках уголовных или гражданских дел или дел об административных правонарушениях, она проводится в соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами. Государственным судебным экспертом, согласно Закону, может являться аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей.

С учетом зарубежного опыта можно предложить, чтобы возрастная классификация информационной продукции в целях обеспечения единообразия используемых экспертных критериев и методик производилась, по возможности, централизованно. Добровольную экспертизу всех официально демонстрируемых, продаваемых или предоставляемых в прокат (в аренду) за плату в Российской Федерации кино- и видеофильмов или компьютерных игр можно производить в одном центре, с выдачей соответствующего прокатного удостоверения, в котором указывались бы их возрастные категории:

- фильм разрешен для показа зрителям, достигшим 14 лет;
- фильм разрешен для показа зрителям, достигшим 16 лет;
- фильм разрешен для показа зрителям, достигшим 18 лет.

В соответствии с Руководством, «классификация фильмов предназначена для того, чтобы защитить в первую очередь детей и подростков от аудиовизуальных произведений, которые могут нанести вред их здоровью, эмоциональному и интеллектуальному развитию, а также с должным уважением отнестись к мнению той части взрослой аудитории, которую беспокоит жестокость и насилие и его воздействие на членов общества против их воли».

Ежегодно на российский рынок выходит около тысячи новых компьютерных игр и примерно столько же новых кино- и видеофильмов. Один центр вполне способен справиться с проведением их возрастной классификации. Другое дело – радио- и, особенно, телепередачи.

К сожалению, информация о возрастной категории доводится до потребителей только через ее публикацию на афишах фильмов, демонстрируемых в кинотеатрах. Однако в случае необходимости сведения о возрастной категории фильма или иного аудиовизуального произведения можно получить в Федеральном агентстве по культуре и кинематографии.

696

Представляется необходимым в соответствии с Руководством по возрастной классификации аудиовизуальных произведений, утвержденным приказом Министерства культуры РФ от 5 марта 2001 г. № 192, разработать и утвердить художественные изображения знаков возрастных категорий и обязать производителей и распространителей кино- и видеофильмов размещать их вместе с разъясняющими комментариями на упаковке предназначенных для распространения видеозаписей фильмов, а также на самой видеозаписи в углу экрана вместе с названием фильма.

Продажа, прокат и реклама видеопродукции, которая может оказать вредное воздействие на детей, должны осуществляться в специализированных, не доступных для детей местах, например, в магазинах, предназначенных для торговли эротической продукцией.

Реклама кино- и видеофильмов должна содержать сведения об их возрастной категории.

Публикуемые в газетах, журналах или в сети Интернет телепрограммы или анонсы должны содержать сведения о возрастной категории упомянутых в них кино- и видеофильмов.

При демонстрации кино- или видеофильмов, телепрограмм телеканал перед трансляцией должен быть обязан:

- предупреждать визуально и вербально зрителей об их возрастной категории;
- по решению законодателя в одном из углов телеэкрана в течение всей трансляции необходимо размещать знак их возрастной категории.

Возрастную классификацию телепрограмм должны осуществлять специально уполномоченные сотрудник или группа сотрудников общедоступного эфирного телеканала, прошедшие необходимое обучение и имеющие соответствующее удостоверение на право проведения таких работ, в соответствии с официально утвержденными методиками. Ответственность за правильность проведения возрастной классификации должна быть возложена на руководителя телеканала. Обучение экспертов и выдачу удостоверений должен организовывать феде-

ральный орган, обладающий полномочиями по контролю за соблюдением законодательства в области телевидения.

При выявлении случаев неправильного присвоения (занижения допустимого возраста просмотра) возрастной категории в течение года удостоверение на право проведения возрастной классификации может быть отозвано, а соответствующий работник лишен права заниматься этим видом деятельности.

Необходимо законодательное установление «водораздела» – периода дневного времени, в течение которого на эфирных телеканалах нельзя транслировать кино- или видеofilмы и телепрограммы, которые могут оказать вредное воздействие на детей. В это время необходимо ограничить размещение в эфире рекламы и анонсов информационной продукции и услуг, предназначенных только для взрослой аудитории.

В целях большей эффективности обеспечения информационной безопасности детей при осуществлении телевидения, с учетом зарубежного опыта, следует установить две категории классификации информационной продукции для взрослых — 18 и 18+. Если возрастная категория 18 означает, что информация предназначена для лиц старше 18 лет, то категория 18+ должна свидетельствовать о том, что имеющий эту категорию информационный продукт содержит особо вредную для детей информацию (жесткую эротику, чрезмерную жестокость, очень грубый язык и пр.), которая ни в коем случае не должна быть им доступна. Для этого в ряде европейских стран, таких, например, как Великобритания, ФРГ, Франция и другие, показ информационной продукции этой категории по общедоступным телеканалам запрещен. Ее распространение возможно только путем продажи через специализированные магазины «для взрослых» либо путем демонстрации по платным кабельным каналам «для взрослых» в ночное время.

Необходимо законодательное установление периода дневного времени, во время которого на радиоканалах нельзя транслировать программы и рекламу, которые могут оказать вредное воздействие на детей.

698 В области электронных игр необходимо разработать и утвердить художественные изображения знаков возрастных категорий электронных игр и обязать законом производителей и распространителей размещать их вместе с разъясняющими комментариями на упаковке предназначенных для распространения электронных игр, а также на самой видеозаписи игры в углу экрана вместе с ее названием.

В целях обеспечения единообразия возрастную классификацию электронных игр целесообразно проводить в едином центре за счет юридических лиц – их производителей и распространителей.

Продажа, прокат и реклама таких электронных игр, которые могут оказать вредное воздействие на детей, должны осуществляться в специализированных, не доступных для детей местах, например, в магазинах, предназначенных для торговли «эротической» продукцией.

Реклама электронных игр должна содержать сведения об их возрастной категории. На электронных носителях, на которых размещены электронные игры для детей, нельзя размещать рекламу предназначенной для взрослых информационной продукции.

Возрастную классификацию необходимо также проводить и среди предназначенных для коммерческого распространения аудиозаписей и размещать сведения о возрастной категории на упаковке, на носителях и в рекламе; следует установить законом запрет на размещение на упаковке и носителях информации рекламы информационной продукции, не предназначенной для детей того возраста, для которого предназначен основной контент аудиозаписи.

Следует осуществлять возрастную классификацию книг и периодической печатной продукции, указывая на обложке возрастную категорию информационного печатного продукта.

Важно запретить размещение рекламы информационной продукции на обложке, на страницах или в тексте самого произведения информационной продукции, не подходящей для

детей того возраста, для которого предназначено основное печатное издание.

В области Интернета и мобильной телефонии необходима интеграция Российской Федерации в международную борьбу с преступлениями, совершаемыми с использованием новейших технологий, а также разработка и принятие внутригосударственной целевой программы, направленной на обеспечение защиты детей от вредной и противозаконной информации как в сети Интернет с учетом перспектив развития не только «всемирной паутины», так и в мобильной телефонии, передовые технические образцы которой предоставляют возможность доступа к интернет-ресурсам, включая как позитивные, так и негативные последствия использования такого доступа.

В целях усиления защиты детей от вредной информации в сети Интернет возможно установление законом нормы, обязывающей владельцев веб-сайтов в российской части Сети осуществлять их индексацию, если их сайты могут содержать информацию, способную оказать вредное воздействие на детей. При этом необходимо также обязать интернет-провайдеров, предоставляющих хостинг, информировать своих пользователей о необходимости индексации сайта и о методике ее осуществления. Представляется, что такая мера может быть эффективной, поскольку, как правило, сайты, содержащие вредную для детей информацию, предназначены для ее продажи или предоставления ее взрослым покупателям. Подобная индексация сайтов не будет противоречить коммерческим интересам их владельцев. Ввод системы индексации позволит легко выделять и при необходимости отфильтровывать в Сети не предназначенную для детей информационную продукцию.

Разработана международная система добровольной классификации интернет-контента и индексации сайтов ICRA, по аналогии с которой предлагается создать упрощенную систему индексации только с одним показателем (реквизитом), свидетельствующим о возможном наличии на веб-сайте не подходящей для детей информации.

Следовало бы также ввести аналогичную британской или американской системе индексации коммерческого контента в мобильной телефонии.

Установление законом обязательности индексации сайтов с вредной для детей информацией или коммерческих услуг мобильной связи не будет противоречить международно-правовым принципам и конституционным гарантиям свободы слова, так как такая индексация не ограничивает распространение информации, а, наоборот, добавляет дополнительную информацию о характере содержания сайта.

В рамках международного сотрудничества возможно заключение международного договора об обеспечении защиты детей в сети Интернет, который обязывал бы государства – участники договора использовать единую международную систему индексации сайтов и коммерческих услуг мобильной телефонии, что позволило бы создать более эффективную систему информационной безопасности детей как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Основываясь на зарубежном опыте, можно с уверенностью заявлять о необходимости осуществления возрастной классификации рекламы, которую могли бы выполнять органы, осуществляющие возрастную классификацию других видов информационной продукции.

Если рекламируется некий информационный продукт, возрастную категорию его рекламе или анонсу могла бы присвоить та же организация, которая осуществляет возрастную классификацию самого рекламируемого продукта.

Если рекламируется не информационный продукт или услуга, а предназначенный для реализации товар, то возрастную классификацию рекламы можно возложить на организацию, которая классифицирует информационную продукцию того средства распространения информации, посредством которого будет распространяться соответствующая реклама.

Через несколько месяцев после обсуждения на парламентских слушаниях в Государственной Думе в апреле 2005 г. концепции законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, когда стало ясно, что такая защита детей необходима и обеспечивается практически во всех странах мира, и в особенности в государствах Западной Европы и США, руководители крупнейших телекомпаний России подготовили и подписали Хартию телевещателей против насилия и жестокости. (Хартия подписана 8 июня 2005 г. в Госдуме руководителями шести федеральных каналов – «Первый», «Россия», НТВ, ТВЦ, СТС и REN TV; впоследствии к ним присоединились другие эфирные телеканалы.)

Явился ли этот документ проявлением доброй воли телевещателей реально обеспечивать информационную безопасность детей, или же это был сговор в целях демонстрации фиктивной готовности обеспечивать саморегулирование в целях воспрепятствования принятию Государственной Думой соответствующего федерального закона, могло показать только время. Сейчас, по прошествии ряда лет с момента подписания указанной Хартии, можно провести некоторый анализ ее соблюдения.

В Хартии перечислены ограничения и обязательства, которые добровольно налагают на себя подписавшие ее телекомпании и которые в основном уже установлены действующим законодательством. Однако все благие пожелания, содержащиеся в Хартии, дезавуируются ее последним абзацем, разрешающим демонстрацию материалов, «способных причинить вред умственному или моральному развитию детей», если они содержатся «в программах новостей, в том числе в репортажах, ведущихся с мест событий и лишь в пределах, обусловленных информационной целью, а также в телевизионных, документальных, художественных фильмах или иных аудиовизуальных произведениях – в соответствии с творческим замыслом авторов и сюжетными линиями фильмов». Та-

702 ким образом, телекомпании, не нарушая Хартии, могут продолжать наносить серьезный вред физическому, умственному и моральному развитию детей. Так зачем же, как говорится, копыя ломать?!

Часть вторая статьи 10 европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированная Российской Федерацией и ставшая, согласно части 4 статьи 14 Конституции Российской Федерации, частью ее правовой системы с мая 1998 г., устанавливает, что осуществление свободы слова налагает «обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе ... для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц» и др.

Частью 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, устанавливаются пределы осуществления прав и свобод во избежание злоупотребления ими: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

В части 3 статьи 55 это требование еще более конкретизировано: «Права и свободы граждан могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Это установление в постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 4 апреля 1996 г. квалифицируется в качестве принципа, соразмерного конституционно значимым целям ограничения прав и свобод.

Как следует из приведенных выше цитат, и международное право, и Конституция Российской Федерации признают допустимость ограничения свободы слова в целях защиты здоровья и нравственности. Таким образом, установление законом ограничений на распространение определенной информационной продукции в целях защиты здоровья и нравственности

детей не противоречит требованиям международного права и Конституции РФ.

Так как Хартия не препятствует, как следует из ее последнего абзаца, демонстрации насилия и жестокости на телевидении, несложно увидеть, что указанная демонстрация продолжается примерно в тех же масштабах и с тем же успехом, что и до ее подписания, в том числе продолжается практика повтора жестоких, предназначенных исключительно для лиц старше 18 лет фильмов и передач в дневное, «детское» время. Нарастание разрушительного воздействия на детей информационной продукции отрицательно сказывается на духовно-нравственном развитии детей, на отношении подрастающего поколения к существующим социальным институтам, в том числе институту семьи; является одной из причин высокого уровня детской преступности. Российское медиасообщество продемонстрировало свою неспособность к самоограничению и саморегулированию. Как показывает зарубежный опыт, помимо саморегулирования должны существовать законодательное регулирование ограничения демонстрации эротики и насилия на телевидении и государственный контроль соблюдения законодательства, как это принято во всех цивилизованных странах мира.

Российской Федерации потребуются значительные усилия для создания соответствующей правовой и организационно-технической базы обеспечения информационной безопасности детей. Необходим закон, который заложил бы правовые основы экспертизы информационной продукции, определил требования к квалификации экспертов, их права и обязанности, способы пересмотра или отмены принятых экспертных заключений, ответственность за заведомо ложные экспертные заключения. Принятие закона «О защите детей от информационной продукции, причиняющей вред их здоровью развитию» позволило бы создать в Российской Федерации современную цивилизованную систему защиты детей от вредной для них информации.

В. В. Сорокина

Детские игры и игрушки как форма массовой коммуникации

Подытоживая опыт работы в психологической службе начальной школы за последние 20 лет, следует отметить изменение содержания запросов к психологу как со стороны родителей, так и со стороны педагогов и воспитателей. Если в доперестроечное время родители в основном жаловались на неуспеваемость и плохое поведение детей, то наиболее распространенная проблема, с которой в последнее время родители обращаются к психологу в начальной школе, – это детские страхи, и это не боязнь каких-либо реальных объектов или событий, а преимущественно страх иррационального: привидений, монстров, вампиров. Педагоги и воспитатели обращаются с проблемами детской жестокости, немотивированной агрессивности, а также гипертрофированного интереса к вопросам пола, начиная с первого класса, играми в «секс». Острота и глубина детских негативных переживаний, опасность деформации развития личности младшего школьника делает вопрос об охране психического здоровья детей все более значимым.

Стремительно меняется психологическое окружение ребенка в глобальном обществе. Мощнейшее влияние средств массовых коммуникаций с их агрессивным навязыванием новых образцов псевдокультуры не осознается вполне ни педагогами, ни родителями – общественное самосознание слишком инертно и не поспевает за скоростями электронных технологий. Да и увлекаются дети «электронным раем» уже с 3-4 лет, осваивая его быстрее, чем родители успевают заметить и запретить что-либо как несоответствующее возрасту. Массовая коммуникация, способная конкурировать с родителями и педагогами по силе своих воздействий, погружает ребенка в

особый медиамир, который живет по своим законам и в соответствии со своими ценностями.

Одним из факторов воздействия на детей становится внедрение моды на новые, нетрадиционные для нашей культуры виды игрушек. В глобальном обществе расширяются области влияния средств массовой коммуникации. Применительно к детям, наряду с телевидением к ним можно отнести электронные игрушки и компьютерные игры.

Традиционно в нашей стране школьники большую часть досуга проводили во дворах домов, собираясь большими разновозрастными группами и играя в различные игры с правилами, требующими дисциплины, внимания, самоограничения, находчивости, быстроты реакции, умения выигрывать и терпеть неудачи. Все эти качества, столь необходимые для взрослой жизни, развивались, оттачивались в игре. Дети также часто приходили друг к другу домой, чтобы вместе играть. Сейчас эти формы детского общения, так же, как и традиционные игрушки, уходят в прошлое. Даже дни рождения с детсадовского возраста уже начинают отмечать не в теплой домашней обстановке, а в модных кафе, где праздник детей будет кем-то организован.

Характерной особенностью развития современных детей в больших городах становится дефицит детского неорганизованного, спонтанного общения. Опустевает ниша, куда врывается игровая коммуникация. Игры во дворах заменяются компьютерными играми. Даже собираясь вместе, дети садятся перед компьютером, и они не смотрят друг другу в лицо, а находятся параллельно друг другу. Как отмечает японский педагог Сиро Мураяма, «диалоги между компьютерами начинают заменять диалоги непосредственно между людьми; в домах, переполненных информационной техникой, перестает звучать человеческий разговор. Все пропитывается одиночеством»¹.

Практически весь период учебного года младшие школьники (7-11 лет) развиваются *вне игры* со сверстниками. Ре-

¹ Мураяма С. Дети и школа в обществе изобилия. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – С. 36.

706 бенок после школы, как правило, предоставлен родителями электронному окружению и погружен в мир телевизионных передач, компьютерных игр и своих игрушек.

«К тебе приходят домой друзья?» – «Нет». – «Почему?» – «Не знаю. Все далеко живут». – «Когда же ты последний раз встречалась с подружками?» – «Летом на даче». – «А ты бы хотела играть вместе?» – «Очень хотела!» – Вот типичный диалог с учениками начальных классов.

Времени для спонтанного общения друг с другом не остается. Это не может не привести к эмоциональному неблагополучию, замкнутости, нарушению социализации и другим негативным последствиям в развитии личности. Многие психологи отмечают, что современные дети «недоиграли» в дошкольном возрасте. Ранняя заорганизованность детей, посещение многочисленных дошкольных секций и кружков не оставляет времени для спонтанной детской игры, а ведь игры, помимо множества важных функций, которые они имеют для развития детей, выполняют — в нашем контексте — главную: они канализируют негативные детские эмоции, «отреагируют» их, помогают избавляться от эгоцентризма, страхов, переживаний семейных неурядиц.

Развитие речи детей также претерпевает серьезные изменения: дети поздно начинают говорить, количество логопедических нарушений у школьников возросло более чем в два раза. Логопеды связывают это нарушение с тем, что практически исчезает из воспитательного воздействия семьи диалог с ребенком, игры-потешки, песни-забавы – те самые «Ладушки», которые «были у бабушки» и на которых дети, играя, отработывали четкое произношение звуков родного языка. Речь школьников существенно отстает от возрастных норм: снижается уровень понимания и возможность употребления сложных грамматических конструкций; нередко из предложений выпадают подлежащее или сказуемое, фразы становятся односложными, «рублеными», резко снижается словарный запас. Проводя собеседование с детьми, поступающими в гимназию для интеллектуально одаренных детей (!), невольно задаешь

вопрос, а на родном ли языке говорит ребенок, – настолько трудно бывает детям подобрать нужное слово и выразить свою мысль. Опрос родителей проясняет положение дел: дошкольное детство прошло в мультиках и компьютере, а родителям было не до игр и уж тем более не до бесед с ребенком.

Американские специалисты в области массовой информации уже выражают обеспокоенность тем, что их «медиаиндустрия взрастила поколение «видиотов», не способных к принятию разумных решений или слишком пассивных, чтобы воплощать их в жизнь»². Похоже, что эта же перспектива угрожает и нашему подрастающему поколению, вскармливаемому масс-медиа.

Серьезной проблемой становятся современные игрушки. По данным экспертизы учебно-методического центра игры и игрушки Московского городского психолого-педагогического университета, 80-90% игрушек, импортируемых в нашу страну и заполонивших все полки детских магазинов, игрушками не могут считаться, это антиигрушки: монстры, отрицательные персонажи голливудских фильмов, уродливые куклы – одним словом, носители зла. И если ребенок с 2-3 лет играет в них и они становятся для него привычными, обычными, любимыми, значит, он отождествляет себя с ними. В будущем ему будет трудно определить, каким силам – добрым или злым – принадлежит и кому служит этот герой. Этические и эстетические нормы размываются.

Новое поколение игрушек выпускается тематическими сериями, что подталкивает детей не столько играть, сколько коллекционировать их и обмениваться ими. Повсеместность их распространения, а также сюжетный сплав *фильмы – компьютерные и электронные игры – игрушки – комиксы – наклейки всех видов* позволяют отнести их к средствам массовой коммуникации. При этом идеи, заложенные производителями в сюжет, образ мира, который в них содержится, распространяются миллионными тиражами и становятся основой массового детского сознания.

² *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М.: Ультра. Культура, 2003. – С. 18.

Новомодные игрушки не выполняют своего психологического предназначения: они не развивают игровой деятельности, фантазии, воображения, а, будучи чрезмерно конкретизированными и изобилующими мельчайшими деталями, сводят игру к примитивным манипуляциям, как правило, уже запрограммированным разработчиками подобной продукции.

Российские девочки уже практически не играют в «дочки-матери», где главный персонаж – это кукла-младенец, о которой надо заботиться, пеленать, кормить, т. е. развивать материнские чувства *заботы о другом человеке*. Модные куклы, навязываемые детям современными коммерческими системами, призваны развивать совсем иные чувства, они концентрируют внимание на внешней сексуальной привлекательности и потребительстве.

Как следует из рекламы в интернет-магазине, одежда модных сейчас кукол-подростков создается на основе новейших молодежных клубных тенденций, эти куклы красят волосы и ходят на дискотеки. «Разнообразие аксессуаров и нарядов, их взаимозаменяемость и сочетаемость позволяют девочкам развивать свой вкус, учиться составлять модные ансамбли, находить новые темы для общения, коллекционировать и обмениваться ими». Но дети начинают играть в них с 2-3 лет. И с этого же возраста впитывают «клубный стиль одежды и поведения», а также ценности подростковой субкультуры. Неподчинение старшим, независимость и низвержение всяческих авторитетов при полной социальной и личностной незрелости – весь этот комплекс подростковых проблем пытаются перетащить на себя дети начальной школы. В 7-10 лет, посмотревшись рекламы и усвоив образцы соблазняющего поведения, они задают вопросы родителям и учителям, удивляя их несвоевременностью. А если, следуя стилю поведения своих любимых игрушек, третьеклассники объединяются с первоклассниками в «Секс-клуб», спохватившиеся и теперь уже разъяренные родители спешат жаловаться во все инстанции, включая прокуратуру, но не на средства массовой коммуникации, которые развратили детей, а на учительницу, ко-

торая на уроках математики и чтения не привила ученикам должной нравственности.

Детям всего мира коммерческая сеть навязывает моду на производимый товар, развивая вкус к деструктивной демонической антиэстетике. 20-30 лет назад трудно было себе представить, чтобы российские дети играли в Кощея Бессмертного или Бабу-Ягу. Их боялись, ими пугали. Изредка подобные куклы можно было найти лишь в наборе для кукольных театров. Даже в советское атеистическое время «нечистой силы» боялись, сторонились ее суеверно. Кто бы догадался подарить малышу шоколадное яйцо, внутри которого спрятан персонаж «нечистой силы»? А сейчас – более половины киндер-сюрпризов начинены монстрами, т. е. чудовищами, если выражаться по-русски, – ближайшими родственниками Кощея Бессмертного. И ведь эту нечисть, обрамленную шоколадом, дарят детям! Трудно уберечь ребенка от моды на вампиров, скелетов или кукол-мутантов – выйти из массовой коммуникации не удастся: популярную игрушку подарят знакомые или предложат сверстники, и дети все равно будут в контакте с уродством, со злом, со смертью. Часто уродливые персонажи «украшают» уже детскую одежду.

Опыт работы в разных видах школ и выступление перед различными родительскими аудиториями показывает, что родители не берут на себя ответственность за то, во что играет или что смотрит по телевизору ребенок. Суть превращения игр и игрушек в массовую коммуникацию не осознается. Взрослые, как правило, не вникают в содержание детской телепродукции, по привычке, по инертности считая ее несерьезной и безобидной. «Но ведь все же играют!», «Что же нам теперь – телевизор не смотреть?!» – это типичные родительские реплики. Мало кого из родителей настораживают предостережения психологов и врачей до тех пор, пока ребенок не поразит их какой-либо эксцентричной выходкой.

Многие родители восклицают: «Где найти альтернативу новомодным игрушкам?!» Положительных персонажей для игр не остается. Традиционные детские игрушки становятся

710 редкостью, их вытеснили с полок более яркие, динамичные, шумные образцы масс-медиа. «Старомодные» игры и игрушки становятся слишком пресными и скучными на фоне постоянных взрывов и трансформаций электронных игр, будоражащих и без того неустойчивую психику детей. Но ведь в игре ребенок настраивается на то, что у него будет в будущем, формируется и усваивается определенная модель поведения. И вот камертоном развития становятся куклы *Bratz*, роботы-трансформеры и монстры всех видов.

Современные игрушки перестают быть средствами игры, а становятся, скорее, элементом коллекционирования, способом выражения престижа и средством самоутверждения для ребенка. У детей собираются дома целые коллекции кукол и нарядов и аксессуаров для них. (Одна ученица 2-го класса хвалилась коллекцией в 36 *Bratz*, у другой – 32, да и у третьей сверстницы их 16, – это не мало!) Но при этом психологическое содержание игровой деятельности выхолащивается. Нет полноценной игры – не развивается воображение, абстрактное мышление, творчество. Дети поступают в школу не готовыми к учебной деятельности, психологически инфантильными, у большинства из них не сформировались необходимые навыки, которые традиционно должны развиваться в сюжетно-ролевых играх, играх по правилам, которые обучают детей контролю за своей импульсивностью, умению действовать по образцу. Детей постоянно ругают за невнимательность, несобранность, расторможенность. А чему учат их любимые компьютерные игры, от которых детей трудно оторвать, какую картину мира они представляют детям?

Автору пришлось оказывать психологическую помощь 11-летнему мальчику из математической школы. Он был эмоционально неблагополучным ребенком, неуравновешенным, срывал уроки, чтобы привлечь к себе внимание. Так же он вел себя и в музыкальной школе. Над ним постоянно нависала угроза, что его выгонят из школы, несмотря на выраженную математическую одаренность. Мальчик был погружен в иррациональный мир фантазий, в котором действовали ужасные

существа. По ночам и днем, если он оставался один, его мучили страхи привидений или монстров. Он боялся того, что их ничто не остановит, они пройдут сквозь стены и набросятся на него. Он боялся смерти родных и своей собственной смерти. В процессе обследования оказалось, что мальчик увлекается компьютерными играми, где действуют кровоточащие скелеты, очень натурально изображенные, которых он передвигает по экрану, осуществляя с ними какие-то взаимодействия. Мысль о том, что нет преграды для монстров, была мучительна для него. Тем не менее он продолжал играть в эти игры, хотя очевидно, что это могло привести к патологическим последствиям.

В подобных случаях в преодолении негативных переживаний детям требуется уже квалифицированная психологическая помощь.

Российским детям доступны все каналы и программы телевидения. К концу детсадовского возраста малыши успевают познакомиться со всеми жанрами телепередач: из «мыльных опер» они впитывают модели семейных и супружеских отношений (одно время в детском саду была очень популярна игра в «роды с асфиксией»), из боевиков для них делается привычным вид крови и смерти (в школах на переменах даже девочки отрабатывают удар прямой ногой в живот), а для ролевых игр вполне годятся рекламные сюжеты. Если ребенку предложить задание, в котором требуется проявить фантазию, воображение, то в ответ очень часто мы получим рекламное клише или образ монстра из мультфильма, настолько «оккупировано» сознание ребенка телевизионным потоком.

Происходит расшатывание психики и психопатологизация детей. У школьников появляются тяжелейшие негативные переживания, страхи, о которых взрослые – родители, учителя, воспитатели – обычно ничего не подозревают или значение которых совершенно недооценивается, но об этих страхах свидетельствуют проективные рисунки детей. «Когда игрушки оживают» – это рисунок, выполненный 11-летним школьником на предложение нарисовать свой страх. На нем он изо-

712 бразил себя, лежащего на кровати с широко раскрытыми от страха глазами, а вокруг движутся его ожившие игрушки: нависает красное одноглазое чудовище – персонаж мультфильма, на лицо спускается паук, под кроватью ездит радиоуправляемый вездеход, динозавр раскрывает свою пасть, скорпион движется к кровати, на шкафу танцует робот, птица-мутант направляется к кровати, многоголовые чудовища появляются в углу, а из шкафа выходит, сверкая глазами, огнедышащее привидение. На вопрос, адресованный ученикам начальной школы, бывает ли им так же страшно, как изобразил мальчик, подавляющее большинство детей ответили, что им бывает так страшно после просмотра телепередач, а некоторые сообщили, что им бывает даже еще страшнее, чем нарисовано. Следует отметить, что страхи присущи детям и некоторыми психологами рассматриваются как нормальные явления, свойственные возрасту, но переживания угрозы жизни со стороны различных чудовищ, навязчивый характер этих страхов, их частая повторяемость в снах – симптомы выраженного эмоционального неблагополучия. Все эти образы являются метафорическим выражением неосознаваемого чувства угрозы в мире, страха быть поглощенным всепожирающим существом, т. е. страха смерти.

Многие дети скрывают от старших свои переживания, опасаясь, что их будут стыдить или попросту не поймут. Как одолеть монстра, родители, как правило, тоже не знают. Зрительные образы чудовищ, запечатленные с экранов телевидения, сильнее воздействуют на психику, чем последующие объяснения родителей. Ребенок боится иррациональных сил, против них рациональные рассуждения бессильны помочь. Кто или что может защитить от чудовища, которое обладает необычайными способностями проходить сквозь стены, читать человеческие мысли и убивать лучами? И ребенок верит в это, ведь не верить в сверхъестественное он не может – таково свойство детского мифологического, мистического восприятия. Но в страшном мультфильме об этом ничего не говорится. Способов и средств преодоления страхов телевидение не дает.

Часто родители задают вопрос о влиянии традиционных детских волшебных сказок на возникновение страхов.

В традиционных сказках из поколения в поколение передаются способы борьбы с силами зла. Тема смерти постоянно присутствует в сказках, ведь Баба-Яга и Кощей Бессмертный – это олицетворения зла и смерти. Но в сказках дается и способ избежать смерти. Герой сказки исполнен храбрости и бесстрашия: чудовище нападает, но герой не испытывает смертельного ужаса перед ним, а вступает в борьбу, проявляя отвагу. Это персонаж, с которым себя отождествляют мальчишки. А в сказках «Гуси-лебеди» или «Морозко», например, главная героиня – девочка, которая открыта и доброжелательна к тем, кто к ней обращается за помощью. Кротость и доброта воспитываются в девочках. Мало заметные, казалось бы, незначительные персонажи, которым главные герои когда-то не раздумывая помогли (мышка, щука, яблоня, печка и т. п.), вдруг неожиданно появляются в самый опасный момент и спасают от гибели. Бесстрашие, храбрость, самообладание, с одной стороны, а с другой – бескорыстная доброта, открытость, нерасчетливость, доброжелательность – нравственная чистота героев всегда вознаграждается удачей, везением в жизни. Поэтому сказки необходимо читать детям и подробно разбирать их содержание. Сказка вводит в воспитательный процесс нравственные законы мира, нравственные способы поведения, которые тысячелетиями вызревали в культуре народа, и ребенок с младенчества приобщается к ним. Формируется устойчивый, позитивный образ мира.

Современные мультсериалы, непрерывно транслируемые специальными телеканалами, по внешним выразительным средствам маскируясь под сказку, по своим функциям и смысловой направленности представляют собой *антисказку*: они иронизируют и глумятся над основополагающими нравственными ориентирами, ценностями и традициями, что угрожает в итоге полной дискредитацией базовых ориентиров личности и принципов цивилизации. 84% мультсериалов эксплуатируют сексуальную тему, в 92% ведущей является

714 тема насилия и жестокости и при этом в 100% сериалов дискредитируются социальные нормы поведения.

Большинство зарубежных высокодинамичных мультфильмов сеют в детях страх и создают искаженную, угрожающую картину мира: разрушение, агрессия, непрерывные трансформации персонажей (обычное насекомое, например, вдруг становится привидением); ненормальные, уродливые выражения лиц; резкие, судорожные движения; постоянные взрывы – все это приучает маленьких зрителей к ощущению расшатанности мира, отсутствию в нем опоры. Разрушения, уродства становятся «нормой» происходящего, обыденностью, впитываются детьми доверчиво и некритично. У ребенка создается представление, что мир нестабилен, непредсказуем и страшен, мир иррационален.

Часто детские фильмы содержат скрытые идеи, так называемые медиавирусы, направленные на разрушение традиционных культурных норм. Как отмечает Дуглас Рашкофф, детские программы – это удобная упаковка для обсуждения жизни геев или воплощения психоделического восприятия. «Фактически детское телевидение и MTV – удобнейшие точки для запуска “контркультурных баллистических ракет”»³.

Аналогичное представление о мире внушают детям и многие компьютерные или электронные игры.

Учителя жалуются психологам на то, что ребята черпают из фильмов способы поведения, стили общения между собой: резкие движения, односложную, обрывистую речь, грубость. Школьники, ежедневно получая подобные «уроки» с экранов, некритично их усваивают, стараясь подражать героям фильмов: становятся дерзкими с родителями, грубят учителям.

По своему техническому развитию Япония давно уже опережает развитые страны, и те же вопросы сохранения культурного достояния нации волнуют ее педагогов. Говоря об огрублении детей, притуплении их чувствительности, которая приводит к жестокости и насилию, японский педагог профессор Мураяма призывает изменить взгляды на совре-

³ Рашкофф Д. Указ. соч. – С. 5.

менную систему коммерции, которая способствует формированию извращенных желаний. В своей книге «Дети и школа в обществе изобилия» он пишет: «Человеческие чувства, будь то вкус или зрение, также становятся объектом управления посредством потребления товаров. Из-за усиления атаки на чувства человека способность тонко чувствовать ослабевает в силу мягкости, присущей всему естественному»⁴.

О каких чувствах может идти речь, когда ребенку предлагаются леденцы и мармелад в виде глаза дракона с прожилками кровеносных сосудов, или человеческая челюсть с запломбированными зубами, имеющая вкус яблока, или язык монстра со вкусом вишни? Что можно сказать о чернокожей кукле, к которой прилагается пара белых ног в ажурных розовых чулках?

Идея расчленения человеческого тела, которая вызывает содрогание у нормального в психическом отношении человека, теперь, по замыслу производителей подобной продукции, должна стать привычной, обыденной для наших детей. А что уж говорить о фильмах ужасов, которые тоже доступны школьникам!

Детям всего мира глобальное общество навязывает моду на производимый товар, развивая вкус к деструктивной демонической антиэстетике. Все это не может не воздействовать на психику ребенка, расшатывая ее основы, потому что, просматривая фильм или играя, ребенок вольно или невольно отождествляет себя с уродливыми персонажами инфернального мира и впитывает те идеи, которые они в себе воплощают.

Чрезмерная занятость родителей на работе (особенно это касается матерей) создает дефицит родительского внимания детям, своеобразную беспризорность, сиротство при живых родителях. Дети лишены теплоты, понимания, ласки, получая их от родителей на бегу, впопыхах, в суете иных родительских забот. Снятие с себя родительской ответственности, передача ее вначале детскому саду, потом школе и масс-медиа создает риск отклонения в личностном развитии детей, возникнове-

⁴ Мураяма С. Указ. соч. – С. 25.

716 ния у детей чувства потерянности, покинутости родителями, своей ненужности.

В таких условиях телепродукция, компьютерные игры и модные игрушки могут спровоцировать у детей возникновение не только страхов. Повышенная возбудимость, негативизм, грубость, агрессия и жестокость, попрание этических норм – это может быть реакцией психики на непрерывный «монстрический поток», которым окружены современные городские дети «благодаря» средствам массовой коммуникации. Как им еще реагировать, как защищаться от иррациональной угрозы мира? Теперь уже приходится удивляться другому: как они выдерживают эти атаки фантастического мира? И как нам, педагогам и психологам, в этих обстоятельствах сохранить психическое здоровье ребенка?

Психиатры рассматривают зависимость от компьютерных игр и интернет-зависимость как вид наркомании. При этом подчеркивается высокий дидактический потенциал компьютерных игр. Но, по данным экспертизы Московского Центра коммуникативных исследований, содержанием этого дидактического воздействия становится моделирование девиантного, деструктивного поведения⁵. Ребенок в состоянии воспринять зрительные образы насилия и начать подражать им с полутора лет. Дэвид Гроссман, подполковник американской армии, проводящий подготовку военных для службы спасения, в одном из интервью сравнил аркадные компьютерные игры с тренажером для развития страсти к убийству, где дети учатся поражать цель с одной попытки. «Ребенок за игрой-стрелялкой ничем не отличается от пилота за авиасимулятором: все, что в них в этот момент закачивается, потом будет воспроизведено автоматически. Мы учим детей убивать, подкрепляя убийство чувством удовольствия и призами! А еще учим ликовать и потешаться при виде реалистично изображенных смертей и человеческих страданий. Ужасает безответственность производителей игр, снабжающих детей

⁵ *Медведева И., Шишова Т.* Ребенок и компьютер. – Клин: Христианская жизнь, 2007.

армейскими и полицейскими тренажерами. Это все равно что дать в руки каждому американскому ребенку по автомату или пистолету. С точки зрения психологии – никакой разницы!»⁶.

По данным наркологов, гиперактивные, возбудимые дети представляют группу риска по раннему потреблению и быстрой зависимости от наркотиков. Да и наводка, подталкивание к наркотикам содержится уже в компьютерных играх. Детей постоянно ругают за невнимательность, несобранность, расторможенность. Но вот пример: главная героиня одной из компьютерных игр, адресованных детям 9-11 лет, – девушка-подросток, которая постоянно куда-то бежит: парк, дискотека, бар, метро; ее внимание ни на чем не задерживается. По поводу книг она иронизирует, что уж и не помнит, когда она что-либо читала. Несколько раз появляется на экране вывеска кафе «*Sextasy*», образованное от сочетания двух слов «*sex*» и «*extasy*» – названия наркотика, используемого на дискотеках. Пьяного, сидящего на земле и потягивающего пиво, сопровождает комментарий: «С утра выпил – весь день свободен». «Кликнув» мышкой на какую-то глыбу на обочине дороги, мы получим комментарий: «Камень зла – он следит за тобой».

К тому времени, когда дети должны идти в первый класс, 60-70% родителей уже разведены. Это цифры приблизительные, но они дают представление о масштабах проблем в семьях младших школьников: семья перестает быть защитой для детей. Нередко возникший телестрах усугубляется неблагоприятной семейной обстановкой, эмоциональной напряженностью родителей, их тревогой, подогреваемой теми же СМИ.

Самосознание ребенка в начальной школе развито еще крайне слабо, младший школьный возраст – это период лишь становления рефлексии, многие глубокие переживания детям трудно осознать, а тем более выразить словами. Обычно школьники, особенно мальчики, ничего не рассказывают о своих негативных переживаниях, но метафорический язык детских рисунков раскрывает их подсознание, делает зримым

⁶ Там же. – С. 141.

718 их восприятие мира. Вырванные из-под духовной защиты, которая столетиями вызревала в традиционной культуре нашего народа, и погруженные средствами масс-медиа в «новую духовность» инфернального мира, дети оказываются одинокими в своих переживаниях страха и тревоги и не защищенными от воздействия иррациональных злых сил. Как они будут преодолевать свои негативные переживания, кто придет им на помощь, кто предложит иную картину мира, – вопрос открытый.

В условиях развития глобального общества дети становятся самым незащищенным объектом манипуляции для получения сверхприбыли в руках глобальных коммерческих структур. Последствия «воспитательного» воздействия средств массовой коммуникации не осознаются родителями. Профессиональный долг всех специалистов, ответственных за психическое и нравственное здоровье детей, – педагогов, психологов, логопедов, врачей, – требовать от государства экспертизы и контроля качества информационной продукции, которая доступна детям.

Раздел IV

НА СТЫКЕ НАУК: ГРАНИ СЕМИОСФЕРЫ



В. Ф. Петренко, Е. А. Коротченко

Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов¹

Цель данной статьи состоит в попытке рассмотреть типы тропа (метафоры, метонимии, оксюморона, гиперболы и т. д.), используемые в лингвистике и литературоведении, не только как риторические фигуры и средства украшения речи, но и как формы ментальных операций, связанных с работой (деятельностью) по порождению, преобразованию и трансформации смыслов художественной реальности как одного из множества возможных конструируемых миров, и распространить анализ действий этих ментальных операторов на образную сферу визуального искусства. Так, в данной статье будут рассмотрены визуальные аналоги многих литературных тропов и дана попытка описания действия тропа на семантику психологического образа и, как следствие этого, на построение, трансформацию и преобразование смысла художественного произведения.

Хотя традиционно литература (муза эпической поэзии Каллиопа) и живопись (покровитель бог Аполлон) рассматриваются как два различных вида искусства, грань между образом, представлением и словом достаточно условна. Художник не копирует на холсте собственное восприятие, а решает, как говорил А. Н. Леонтьев, задачу на смысл, или, говоря другими словами, на осознание экзистенции человеческого бытия и его места в мироздании. Создавая замысел, тему произведения, оперируя представлениями, образами, продумывая композицию, визуальные планы, цветовые и световые решения, художник мыслит формами, красками, звуками, решая образными средствами вечные проблемы существования человека

¹ Исследование проводится при финансовой помощи РГНФ, грант № 06-06-00299.

722 (смысла бытия). Представления (или, как еще их называют, вторичные образы²), т. е. образы фантазии или памяти, возникающие у человека силой воображения и без наличия физических стимулов, вообще занимают мало изученную, в отличие от психологии наличного восприятия³, нишу перехода от образа к понятию. Это область психологии практически *terra incognita*, но, на наш взгляд, эвристичным направлением для ее изучения являются голографические модели сознания и памяти⁴.

Представления и выступают тем виртуальным, незримым материалом, в котором художник творит еще не проявленное полотно. Как композиторы часто сочиняют музыку на так называемом «немом» (не издающем звуки) пианино, так и художник вначале рисует картину не используя кисти, а в собственном воображении. Даже рисуя на пленере, он не копирует данность, а выбирает созвучное своим раздумьям, своему эмоциональному состоянию. Пейзаж выступает проекцией души художника⁵. Сознание и воображение пронизывают как творчество литератора, так и художника. «Всякое искусство есть образное мышление, т. е. мышление при помощи образа»⁶. О проблемах образа в искусстве писали П. Флоренский (1993, 1996), Р. Арнхейм (1973, 1974, 1994, 2004), А. Моль (1966), Ф. В. Басин, А. С. Прангишвили, А. Е. Шеро-

² См.: Гостев А. А. Дорога из зазеркалья: психология развития образной сферы человека. – М.: Изд-во ИРАН, 1998.

³ См.: Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: Прогресс, 1988; Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: В 2 т. – М.: Академия: Смысл, 2006; Барabanщиков В. А. Окуломоторные структуры восприятия. – М.: Ин-т психологии РАН, 1997.

⁴ Прибрам К. Языки мозга. – М.: Прогресс, 1980; Талбот М. Голографическая Вселенная. – М.: София, 2008.

⁵ См. об этом подробнее: Петренко В. Ф., Коротченко Е. А. Исследование категориальной структуры восприятия живописи (на материале пейзажа) // Современная психофизиология / Под ред. В. А. Барabanщикова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2008.

⁶ Потебня А. А. Теоретическая поэтика. – М., 1990. – С. 163.

зия (1978), В. П. Зинченко (2001, 2005), Г. Руубер (1985), С. Х. Раппопорт (1978), А. Л. Ярбус (1965), В. Ф. Петренко (1988, 1997, 2005), В. В. Знаков (2005).

В своем творчестве художник не менее рефлексивен, чем писатель, создающий нарративы, или философ, оперирующий всеобщими категориями. И если художник движется от сознательного замысла и смыслового решения к непосредственному созданию материальной плоскости картины, то зритель, отталкиваясь от визуального живописного поля, поднимается до высот замыслов и смыслов художника.

Восприятие живописи зрителем требует встречного движения, так же, как понимание речи говорящего включает активный процесс встречного порождения, коррекции и реконструкции замысла текста слушающим⁷. От покрытой красками поверхности картины (плана выражения, в терминах Ф. де Соссюра) зритель поднимается к вершинам замысла и духа творца, от относительно простого процесса зрительного восприятия цветовых паттернов – к реконструкции той системы смыслов, вопросов и ответов, которую выстраивал художник.

Читая лекции по общей психологии, А. Р. Лурия любил повторять студентам мысль о симультанности образа и сукцессивности речи (текста), видя в этом одно из их базисных противопоставлений⁸. Но и здесь, на наш взгляд, грань между образом и текстом далеко не абсолютна. В работах И. А. Мельчука⁹, Ю. Д. Апресяна¹⁰ разрабатывается модель формализации смысла текста, где содержание последовательности текста сводится к «картинке» – симультанному связанному ориентированному семантическому графу, по узлам которого стоят

⁷ Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997; Ушакова Т. Н. Психолингвистика. – М.: ПЕР СЭ, 2006.

⁸ Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. – СПб: Питер, 2004.

⁹ См., напр.: Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл-текст». – М.: Наука, 1974.

¹⁰ См., напр.: Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995.

724 базисные смыслы (слова этого глубинного языка), а ребра задаются обобщенными отношениями (предикатами этого языка). Симультанный язык смыслов, на наш взгляд, чрезвычайно перспективен в психологии, где мог бы использоваться для изучения целостных инсайтных переструктурировок гештальтов в мыслительных задачах дункеровского типа.

Использование аналогии образа и текста позволило нам дать трактовку «образа как перцептивного высказывания о мире»¹¹ и открыло возможность использовать методы психосемантики и лингвистики для анализа визуального искусства¹².

Живописные произведения имеют, как правило, литературную тему, которая в простейшем случае присутствует уже в названии полотна, задавая направление движения ассоциаций. Это утверждение справедливо, в первую очередь, для классической сюжетной живописи, которая тяготеет к развитию, но развитию уже вне произведения. «...Литературная тема обязательно выводит нас за пределы картины, требует, если можно так выразиться, развития»¹³. Чтобы понять изображенное на картине, нужно обратиться именно к ее литературному аспекту (к ее литературной теме). Р. Ингарден приводит пример: «Если, например, мы оставим в стороне всю легенду об Иисусе в том смысле, что выключим ее, рассматривая картину, из своего сознания, то картина Леонардо наверняка будет представлять для нас нечто совершенно иное, чем она “должна” представлять применительно к своему названию. Мы бы видели тогда не Иисуса и его учеников, собравшихся на последнюю трапезу, и не понимали бы вкушение хлеба и вина в духе христианского учения, а видели бы перед собой всего лишь какое-то собрание мужчин разного возраста за об-

¹¹ Петренко В. Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – С. 270.

¹² См.: Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – СПб: Питер, 2005.

¹³ Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М.: Иностранная литература, 1962. – С. 281.

щим столом, причем различные жесты и выражения лиц мы понимали бы с трудом или вообще не понимали. Но и тогда в рассматриваемой нами картине содержалась бы определенная литературная тема, хотя и совершенно иная, чем та, которая выражена в ней для нас, если мы знаем историю Иисуса и благодаря названию картины внимание наше заранее привлечено к определенному моменту этой истории»¹⁴. Великое произведение Леонардо да Винчи изображено на рис. 1.

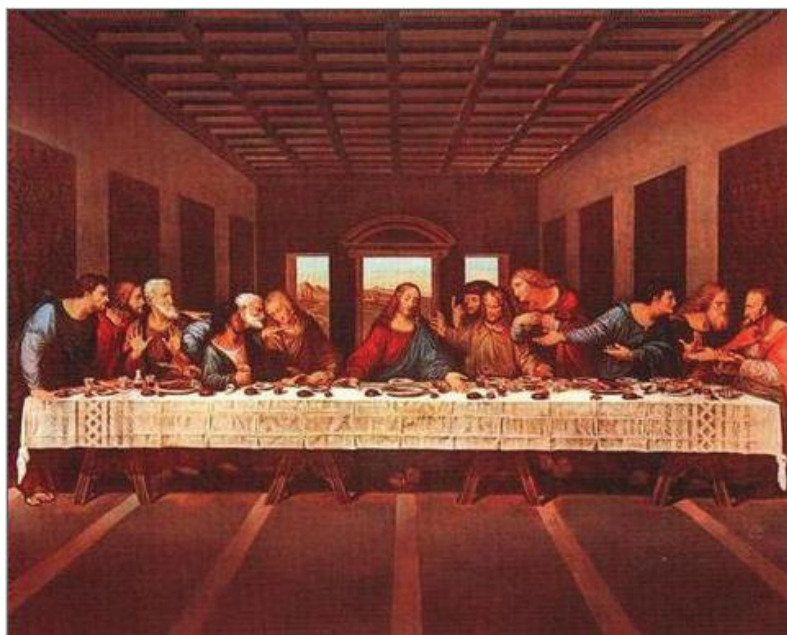


Рис. 1. Леонардо да Винчи. Тайная вечеря

Художественный образ символичен по своей природе. «Художественный образ, лишенный этой обобщающей силы (символа) и мощной символической картины этой жизни, всегда

¹⁴ Там же. – С. 283.

726 есть только бессильная натуралистическая копия жизни...»¹⁵.
Переход образа в символ, по выражению М. М. Бахтина, «придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу <...> Подлинный символ своим содержанием соотносен с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума»¹⁶.

Осознание символического значения произведения искусства, по мнению Р. Арнхейма, – это главная задача зрителя, наблюдающего картину¹⁷. Созерцая произведение, зритель переживает атмосферу, переданную в картине: изображается туманный берег реки, а переживается чувство забвения, успокоения, изображается гора – переживается чувство величия. Каждый из множества художественных (или изобразительных) символов, используемых в жанре пейзажа, имеет собственную интерпретацию и связан с собственным значением¹⁸. Если вообразить, как можно изображать, например, умиротворение, то это может быть безмятежная морская гладь и светлое небо, но вряд ли умиротворение будет выражать скопление людей в городском пейзаже.

Как элемент языка искусства, художественный образ в каждом произведении неповторим, уникален. Живописный символ многомерен: он рождает в зрителе больше, чем только, например, безмятежность. Он может навеять некоторую спокойную отстраненность, грусть; он может породить ощущение замедления хода времени или другие переживания – символ может стать резонансным состоянием, образу мысли зрителя. Сложные эмоциональные отклики зрителя на произведение – результат удачно использованных выразительных средств, служащих для создания художественного образа, которыми, в частности, являются тропы.

¹⁵ Лосев А. Ф. *Философия. Мифология. Культура*. – М.: Политиздат, 1991. – С. 251.

¹⁶ Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. – М., 1965. – С. 381-382.

¹⁷ Арнхейм Р. *Новые очерки по психологии искусства*. – М.: Прометей, 1994.

¹⁸ Петренко В. Ф., Коротченко Е. А. *Указ. соч.*

Одно из определений понятию «троп» было дано еще в античности римским оратором Квинтилианом: «Троп есть такое изменение собственного значения слова в другое, при котором получается обогащение значения»¹⁹. В теории риторики дается следующее определение понятию «троп»: «троп (от греч. “*tropos*”) – слово или фраза в переносном значении, образное выражение, сдвиг в семантике слова от прямого к переносному значению, например, метафора, метонимия, аллегория, литота, гипербола и т. д.»²⁰. В основе построения многих тропеических образований лежит «семантическая несовместимость». Порождая «парадоксальную семантическую ситуацию», тропы раздвигают границы между возможным и невозможным в языке, обеспечивают условия для проникновения в глубинную структуру реальности²¹.

Рассмотрим классическое определение тропа *метафора* (греч. *metaphora* – перенос) – «вид тропа, перенесение свойств одного предмета (явления или аспекта бытия) на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту. Примеры метафоры: *Жизни гибельный пожар* (А. А. Блок), *Русь – поцелуй на морозе* (В. Хлебников)»²². Ряд авторов²³ определяют метафору как скрытое сравнение, в котором слова *как, как будто, словно* опущены, но подразумеваются. Метафора замечательна своим лаконизмом, недоговоренностью и тем самым – активизацией читательского восприятия. В отличие от сравнения, где оба члена (то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается) сохраняют свою само-

¹⁹ Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 520.

²⁰ Александров Д. Н. Риторика: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – С. 45.

²¹ Наер В. Л. Конспект лекций по стилистике английского языка. – М.: МГПИИЯ, 1976. – С. 77.

²² Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – С. 261.

²³ См., напр.: Тимофеев А. И., Тураев С. В. Краткий словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1978; Зарецкая Е. Н. Указ. соч.

728 стоятельность (хотя ее степень в типах сравнения различна²⁴), метафора создает единый образ, как бы размывает границы между предметами или понятиями²⁵. «По отношению к метафоре такие приемы выразительности, как аллегория, олицетворение, синестезия, могут рассматриваться как ее разновидности или модификации»²⁶.

С точки зрения психологии слова, образующие метафорическую пару, являются коннотативными (смысловыми) синонимами. Возьмем, например, известное стихотворение М. Ю. Лермонтова:

*Тучки небесные, вечные странники!
 Степью лазурную, цепью жемчужную
 Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
 С милого севера в сторону южную.*

Оценим (прошкалируем) с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда образ «тучки» и образ «изгнанника», и, хотя эти понятия принадлежат к совершенно различным понятийным классам, в пространстве семантического дифференциала по ряду базисных факторов они займут близкие позиции (т. е. выступят коннотативными синонимами).

Действительно, что общего между человеком-путником и тучкой – облаком водяного пара? Но, исходя из архаической антропоморфизации, приписываемой языком неживым объектам («ветер дует», «дождь идет», «облака бегут, облака»), мы можем приписать элементам метафорической пары сходные психологические переживания и, установив тождество по ряду одних глубинных факторов, сделать перенос качеств одного объекта на другой. Например, установив близость «тучек» и «странников» по качеству одиночества, говорить об их общей отверженности.

На основе метафоризации возможно и мифологическое мышление. Так, в девяностых годах в дискуссиях о возможности

²⁴ Чернец Л. В. «Ночевала тучка золотая...» (О метафоре) // Русская словесность. – 2000. – № 6. – С. 73–78.

²⁵ Чернец Л. В. «...Плыло облако, похожее на роаль» (О сравнении) // Русская словесность. – 2000. – № 2. – С. 75–79.

²⁶ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. – М.: Просвещение, 1979. – С. 130.

свободной продажи земли в частную собственность использовался такой аргумент: Земля наша кормилица, она дает жизнь, Земля нам мать, а мать продавать нельзя. Таким образом, из коннотативной синонимии (общности одного из смыслов – порождать жизнь) переносится качество одного объекта (матери) на другой (земельный участок), а именно недопустимость продажи в собственность.

На языке метафоры разговаривают сны, поэзия, индивидуальное и коллективное бессознательное. Так, наличие аффекта уменьшает размерность семантического пространства²⁷, и категоризация объектов переходит от большего числа высоко дифференцированных предметно-денотативных характеристик к ограниченному числу глубинных, базисных коннотативных факторов. Объекты, относившиеся в нейтральном состоянии сознания к разным семантическим областям и, казалось бы, не имеющие ничего общего в предметном плане, в ситуации уплощения семантического пространства попадают в близкие координаты коннотативного пространства и тем самым становятся коннотативными синонимами, что позволяет использовать их как метафоры.

Понятия метафоры, метонимии используются рядом известных семиотиков и культурологов относительно такого визуального искусства, как кино²⁸. Визуальные аналогии с метафорой, метонимией, сравнением, противопоставлением и другими литературными приемами и тропами довольно часто встречаются как в средневековой, так и в современной живописи. «Живописная метафора», так же как и «художествен-

²⁷ См. об этом подробнее: *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. – СПб: Питер, 2005.

²⁸ *Иванов В. В.* Фильм в фильме // Труды по знаковым системам. Вып.14. – Тарту, 1981; *Иванов Вяч. Вс.* Нечет и чет // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 1998; *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973; *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990; *Шкловский В. Б.* Избранное: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 1.

730 ный образ», – понятия, хорошо известные искусствоведам, но редко применяемые в психологии. Обратимся в связи с этим к одному из интуитивных описаний метафоричности живописи в интернет-статье, посвященной юбилейной выставке работ Дмитрия Жилинского: «Ангелы Жилинского – метафоры. Язык метафор светской живописи (сакральная не в счет, ибо она – окно, раскрытое оттуда, где метафоры становятся Откровением) уместен, когда его расшифровка необязательна. Необязательность эта иллюстрирует библейское изречение: “Дух дышит, где хочет”. Вот пример из далекого прошлого. Мы смотрим на “Чету Арнольфини” Яна ван Эйка. Видим гениальный портрет. Ух! Сердце бешено колотится. На лбу испарина. И только тогда, в осознании, что привычный порядок более невозможен, что перед нами не повседневный хаос, а космическая мистерия, берем томик Эрвина Панофского и, жадно ища подтверждение нашим догадкам, принимаемся за расшифровку скрытых в бытовых мелочах эмблем и символов. Вот пример из не очень далекого прошлого. Портреты Валентина Серова. Портреты великолепные. Однако не претендующие на то, чтобы быть борхесовской каплей, в которой сверкает и дрожит Вселенная. Скрытые метафоры у Серова превращаются в остроумную живописную пантомиму. Сакрального символизма нет и следа. Зато присутствуют удачно найденные зрительные ассоциации: девочка – персики – свежесть; княгиня – ваза – роскошь и т. п. И в первом (ван Эйк), и во втором (Серов) случае зрителю предлагается выбор: хочешь – смотри без перевода на метафорический язык, хочешь – угадывай и сопоставляй»²⁹.

Построение метафоры предполагает объединение разнородных образов, что порождает поэтическую выразительность. «...Два момента, из которых она (метафора) состоит, эстетически вполне равноправны. И это равноправие доходит до того, что оба момента образуют нечто целое и неделимое»³⁰.

²⁹ Хачатуров С. Бумажные ангелы // Время – 2002. – № 90. – 23 мая. URL: <http://www.vremya.ru/print/23313.html>.

³⁰ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 59.

«Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора – это вызов природе. Источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге. Метафора не только и не столько сокращенное сравнение, как ее квалифицировали со времен Аристотеля, сколько сокращенное противопоставление»³¹.

В современных статьях можно найти несколько определенных визуальной метафоры. Теоретик кино Н. Кэрролл³² полагает, что визуальное изображение не может считаться метафорическим, если в нем нет слияния двух различных областей опыта, образующих новое, пространственно ограниченное бытие. Метафора образуется замещением ожидаемых визуальных элементов неожиданными (при этом между ними не должно быть существующей, конвенциональной связи)³³. Такие определения проясняют природу визуальной метафоры, однако, похоже, являются частными описаниями визуальных метафор. «Изобразительная метафора» глубоко отлична от метафоры словесной: «Она не порождает ни новых смыслов, ни новых смысловых нюансов, она не выходит за пределы своего контекста и не стабилизируется в языке живописи или кино, у нее нет перспектив для жизни вне того произведения искусства, в которое она входит. Сам механизм создания изобразительной метафоры глубоко отличен от механизма словесной метафоры, непременным условием действия которого явля-

³¹ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 17-18.

³² Carroll, N. A Note on Film Metaphor // Journal of Pragmatics. – 1996. – 26(6): 809-22.

³³ Forceville, C. Pictorial Metaphor in Advertisements // Metaphor and Symbolic Activity. – 1994. – 9 (1). – P. 1–29; Forceville, C. IBM is a Tuning Fork: Degrees of Freedom in the Interpretation of Pictorial Metaphors // Poetics. – 1995. – 2 – P. 189–218; Forceville, C. Pictorial Metaphor in Advertising. – London: Routledge, 1996; Zeri, F. Dali: The Persistence of Memory. – Hardcover: NDE Publishing, 1999.

732 ется принадлежность к разным категориям двух ее субъектов (денотатов) – основного (того, который характеризуется метафорой) и вспомогательного (того, который имплицирован ее прямым значением). Изобразительная метафора лишена дву-субъектности. Это не более чем образ, приобретающий в том или другом художественном контексте символическую (ключевую) значимость, более широкий, обобщающий смысл³⁴. Метафора в живописи – это источник ярких представлений, она создает образность произведения.

Визуальную и вербальную метафору следует отличать на основании того, что одна и другая метафоры имеют разные репрезентации, т. е. визуальная и вербальная метафора рассматривается как два способа выражения одного и того же. Значение и метафоричность изображения могут также быть вызваны тем, как эта мысль отражена в вербальной форме³⁵. «Мы читаем художественный текст как шифр <...> символ, знак, метафора и аллегория действительно подразумевают более или менее внятное вербально-смысловое значение»³⁶. Многие вербальные метафоры могут быть перенесены в визуальный план, то есть могут быть изображены в рисунке, на картине. С другой стороны, в вербальном плане действительно лучше (проще) выражать действия и хронологию, а в визуальном – пространственные отношения.

Рассмотрим примеры визуальных метафор (рис. 2, 3, 4). На автопортрете Ф. Кало «Сломанная колонна» автор на место своего позвоночника ставит античную, сломанную в нескольких местах колонну, а боль изображает как гвозди, которыми усыпано тело. Сломанная колонна – так ощущает себя Фрида Кало, это метафора ее состояния и переживаний. В визуальной метафоре часто сочетаются самым неожиданным обра-

³⁴ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – С. 23.

³⁵ Refaie, E. Understanding Visual Metaphor: the Example of Newspaper Cartoons // Visual Communication. – 2003. – № 2. – P. 75.

³⁶ Арабов Ю. Н. Кинематограф и теория восприятия. – М.: ВГИК, 2003. – С. 30.

зом различные объекты и их свойства, что является источником новых смыслов.

733

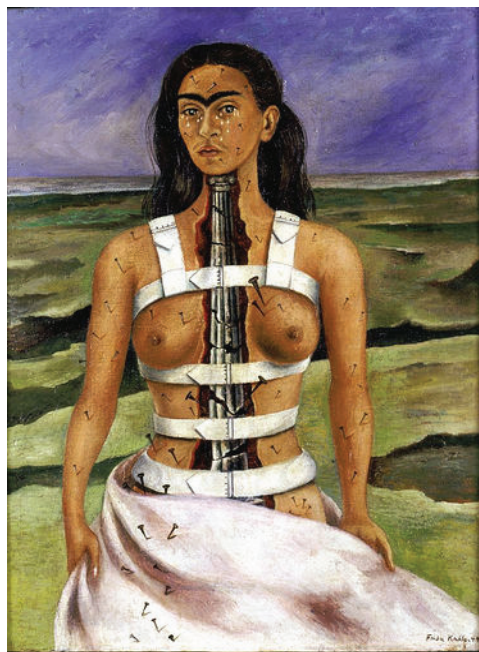


Рис. 2. Ф. Кало. Сломанная колонна

Визуальная метафора – это всегда загадка для зрителя. Часто в ней сочетаются несочетаемые признаки различных предметов, а это ведет к мгновенному перевороту привычного хода восприятия. Если вербальная метафора может быть отражена в визуальном плане и может быть легко узнана, то чисто художественная визуальная метафора является более сложной для «прочтения».

Картина «Постоянство памяти» С. Дали (рис. 3) – это визуальная метафора. Анализ и интерпретацию ее давали разные авторы³⁷. В общем, можно отметить, что эта картина является

³⁷ См., напр.: *Поперечный И.* Игры разума Сальвадора Дали. – Новосибирск, 2005.

- 734 метафорой гибкости времени, относительности времени (металлические карманные часы, изображенные рядом с «мягкими», указывают на то, что время может двигаться по-разному: плавно течь или четко идти).

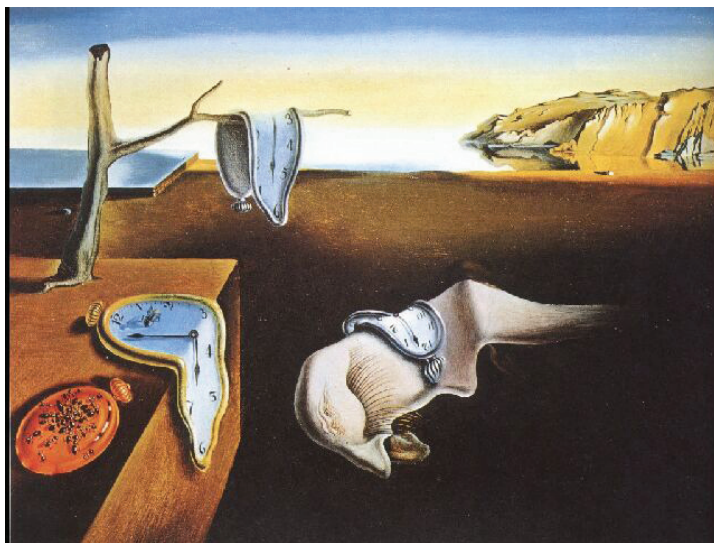


Рис. 3. С. Дали. Постоянство памяти

Другой пример визуальной метафоры – картина И. Глазунова «Больной. Последний лист» (рис. 4). Открытая клетка, в которой нет птицы, – это метафора души, отлетевшей от тела. Одинокое дерево указывает на уходящие мгновения жизни. Бюст, стоящий на подоконнике, и тяжело больной человек, изображенный на картине, входят в оппозицию как жизнь и смерть, вечное и преходящее. Зритель «читает» осеннее настроение картины по облакам, видит последний лист на сухом дереве, пустую клетку птицы, бюст: человеческая жизнь вот-вот оборвется, как вскоре сорвется с ветки этот последний лист. Данная картина пересекается с литературным произведением – рассказом О' Генри «Последний лист», что является своеобразным визуальным цитированием.



Рис. 4. И. Глазунов. Больной. Последний лист

Как и в художественном тексте, в картине часто имеет место переплетение множества выразительных средств (в данной картине можно найти как минимум две визуальные метафоры, оппозицию, а также синекдоху (о ней ниже)), создающих в целом художественный образ. Картина И. Глазунова тому пример. Вернемся к ней, рассматривая визуальные аналоги других тропов.

Метонимия (греч. *metonymia*, букв. – переименование) в лингвистическом понимании – это троп, в основе которого лежит принцип смежности. Вещь получает название другой, связанной с ней вещи. Явления, приводимые в связь посредством метонимии и образующие «предметную пару», могут относиться друг к другу самым разным способом: вещь и материал (*Не то на серебре, – на золоте едал* – А. С. Грибоедов; *Вся в тюле и в панбархате, в зал Леночка вошла* – А. А. Галич); содержимое и содержащее (*Трещит затопленная печь* – А. С. Пушкин); носитель свойства и свойство (*Смелость города берет*); творение и творец (*Мужик... Белинского и Гоголя с базара понесет* – Н. А. Некрасов); место и люди, находящиеся на этом месте (*Вся Москва об этом говорит*), и др. Метонимия как перенос

736 названия имени основывается на смежности значений, в основном пространственной, временной и причинно-следственной. Важным свойством метонимии является то, что связь между предметами предполагает, что предмет, имя которого используется, существует независимо от предмета, на который это имя указывает, и оба они не составляют единого целого³⁸. Метонимия – это яркий символический троп. Она создает и усиливает зрительно ощутимые представления, характеризуя при этом явление не прямым способом, а косвенно. Ю. М. Лотман определяет акт метонимии как выделение существенно-специфического и исключение из рассмотрения несущественного³⁹.

Рассмотрим в качестве примера метонимии в визуальном искусстве изображение куклы, лежащей на земле, на картине «Кукла» И. Глазунова (см. рис. 5). На ней не изображен ребенок, но кукла отсылает нас к образу ребенка – это аналог метонимии в визуальном плане.



Рис. 5. И. Глазунов. Кукла

³⁸ Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002.

³⁹ Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994.

Такая «визуальная» метонимия функционирует иначе, чем вербальная: здесь нет названий предметов, но остается лишь связь между, например, куклой и ребенком, который с ней играл. Таким образом, изображение куклы отсылает зрителя к воображаемому ребенку и обозначает тем самым ретроспективную направленность сюжета. Перед зрителем явлена кукла, но он может дорисовать в воображении любые (даже самые ужасные) истории, произошедшие с ребенком, который играл с этой куклой.

В живописи метонимия может переходить в скрытое *цитирование*: например, французские импрессионисты часто использовали сюжеты, темы, композиции великих мастеров эпохи Возрождения, чтобы увидеть в настоящем дне сегодняшнего вечные проблемы человеческого бытия, ввести собственное творчество в исторический контекст (хотя на то время соотнесение классических образов великих мастеров с собственными импрессионистов – ставших со временем также великими – шокировало зрителей). В картинах Гойи «Маха обнаженная» (рис. 6а) и Мане «Олимпия» (рис. 6б) усматривается цитирование знаменитой «Данаи» и «Венеры Урбинской» Тициана (рис. 6в, 6г). И Венера Урбинская, и Олимпия, и Маха изображены в домашней обстановке; и Венера Урбинская, и Олимпия одинаково опираются на правую руку, у обеих женщин одинаковое положение рук, а правая рука украшена браслетом, взгляд их направлен прямо на зрителя. На обеих картинах в ногах у Венеры Урбинской и Олимпии расположился котенок или собачка и присутствует служанка. Взгляд обнаженной Олимпии такой же прямой и открытый, как в «Махе обнаженной» Гойи.



Рис. 6а. Э. Гойя.
Маха обнаженная

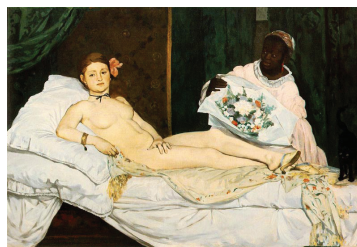
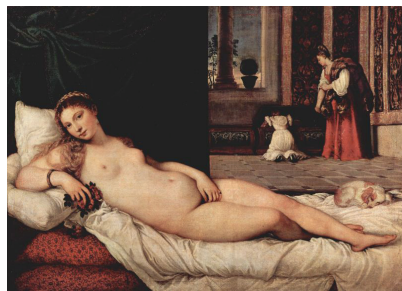


Рис. 6б. Э. Мане. Олимпия



Рис. 6в. В. Тициан. Даная

Рис. 6г. В. Тициан.
Венера Урбинская

Такое «визуальное» цитирование, как и цитирование в литературе, вводит новое произведение в уже известный контекст. Таким образом, на данное полотно переносится часть смыслов, новое осмысляется в категориях уже сложившихся. Подобное цитирование встречается не только в живописи, литературе, но и, например, в различных концертных шоу и перформансах (ср.: исполняя песню «Жить, чтобы рассказать», певица Мадонна предстает распятой на кресте и с терновым венцом).

Особым видом метонимии является *синекдоха*. Синекдоха (греч. *synekdoche*, буквально – соотнесение) – определяется лингвистами⁴⁰ как перенос значения с одного предмета, явления на другой по признаку количественного отношения между ними. Например: «Эй, борода! А как проехать отсюда к Плюшкину?..» (Н. В. Гоголь), где совмещены значения «человек с бородой» и «борода»; «И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ» (М. Ю. Лермонтов) – о жандармах. Синекдоха отличается от метонимии тем, что оба предмета состав-

⁴⁰ См., напр.: Розенталь Д. Э. Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1976; Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1999; Диброва Е. И., Косаткин Л. Л., Щеболева И. И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. – Ч. I. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

ляют некоторое единство, соотносясь как часть с целым, а не существуют автономно⁴¹.

Возьмем живописный пример: изображение ног человека, лежащего в постели на картине И. Глазунова «Больной. Последний лист» (см. рис. 4) – это аналог синекдохи в визуальном плане. Изображение части тела отсылает зрителя к целому образу человека. (О метафоре в данной картине см. выше.)

Еще один пример – картина современного художника А. Айзенштата (см. рис. 7): на картине изображены руки в разных положениях, а зритель в этом усматривает множество смыслов. С одной стороны, это руки разных людей, имеющих разные характеры (разную жестикуляцию) и беседующих между собой. С другой стороны, все они испытывают трудности (экстремальные трудности) лагерного бытия. У них разные судьбы, и одна вилка, чашка, бутылка... – одна участь.



Рис. 7. А. Айзенштат. *Feast in the camp* (праздник в лагере)

⁴¹ Зарецкая Е. Н. Указ. соч.

740

В искусстве и литературе широко используется преувеличение, преуменьшение или какое-то иное нарушение измерения. В художественных образах, писал А. И. Герцен, «для резкости... увеличивают углы и выпуклости, обводят густой краской»⁴². Рассмотрим классическое определение гиперболы в лингвистике: *гипербола* (от греч. *hyperbole* – преувеличение) – «чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления»⁴³. Этот прием используется для усиления нужного впечатления. Михайло Ломоносов, причисляя гиперболу к тропам, дает следующее определение гиперболы: «Гипербола, или превышение, есть когда представленная речь несколько натуральное понятие превосходит ради напряжения или послабления страстей, н. п.: бег скорейший вихря; звезд касающийся Атлас; из целых гор иссеченные храмы»⁴⁴. Визуальный аналог гиперболы также служит для «напряжения» или «послабления» «страстей», то есть для усиления эмоционального впечатления от изображенного предмета или явления.

В русской литературе к гиперболе охотно прибегали Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин и особенно А. К. Толстой: «Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега». Примером аналогии гиперболы в живописи будет изображение исполинской фигуры большевика, которая движется с красным знаменем по городу (картина Б. Кустодиева «Большевик», рис. 8).

⁴² Герцен А. // Русские писатели о литературном труде (XVIII–XX вв.): В 4-х т. / Под общ. ред. Б. Мейлаха. – Т. 2. – Л.: Советский писатель, 1955. – С. 38.

⁴³ Аксенова Е. Гипербола // Словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 59.

⁴⁴ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – Т. 7. – М.-Л., Изд-во АН СССР, 1952. – С. 54.



Рис. 8. Б. Кустодиев. Большевик

Очень часто приемы выразительности переплетаются как в тексте, так и в живописном тексте: на картине «Большевик» изображен русский городской пейзаж, который служит метафорой всей России в целом в дни революции⁴⁵. Гигантская фигура большевика движется по улице сквозь толпу мелких человечков, он идет и неизбежно вместе со следующим шагом раздавит кого-то; достаточно его одного неловкого движения – и он снесет церковь. Так показана необузданная сила и страх перед ней. Без обращения к мнению искусствоведов и биографов Кустодиева нам трудно оценить, насколько осознанно автор закладывал страх перед несокрушимой силой «большевизма», или же им владело амбивалентное чувство восхищения мощью всенародного подъема и неосознанный страх этой силы.

Литота (от греч. *litotes*) – «троп, противоположный гиперболе... – это оборот, в котором содержится художественное

⁴⁵ Сандомирский С. Искусство прочтения живописи // Русский глобус. URL: <http://www.russian-globe.com/N59/Sandomirsky.Kustodiev.Bolshevik.htm>

742 преуменьшение величины, силы, значения изображаемого предмета или явления»⁴⁶: «Такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить» (Н. Гоголь). Если говорить о визуальных аналогах литоты, то можно привести в пример картины И. Босха (рис. 9): изображение, например, мелких человеческих фигур указывает на ничтожность, суетность, незначительность греховной человеческой жизни. Каждая фигурка занимается каким-то своим делом, копошится, это создает впечатление хаотичности, беспорядка, это своеобразный взгляд свыше на человеческие жизни.



Рис. 9. И. Босх. Сад земных наслаждений, центральная часть триптиха

⁴⁶ Трофимов И. Литота // Словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 197.

Олицетворение (или персонификация от лат. *personification*, *прозопопея* (от греч. *prosopon* – лицо и *poiea* – творю)) – «такое изображение неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ...»⁴⁷. Это присвоение признака «духовности» объектам неживого мира, это выражение, дающее представление о каком-либо понятии или явлении путем изображения его в виде живого лица, наделенного свойствами данного понятия: *Пели пули, били пулеметы, ветер упирал ладони в грудь...; Все безрадостнее, все явственнее ветер за плечи рвет года* (Н. Асеев). Примером визуального аналога олицетворения можно считать персонажей из мультфильма «Мойдодыр» (рис. 10). Главный персонаж данного мультфильма (и сказки) наделен свойствами человека: он говорит, вздыхает, двигается, смотрит, но при этом является умывальником.



Рис. 10. И. Прокофьева. *Мойдодыр*
(Союзмультфильм, 1954, по сказке К. Чуковского)

⁴⁷ Аксенова Е. Олицетворение // Словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 252.

744 Кроме этого, олицетворение всегда есть там, где изображаются, например, античные боги или стихии в облике людей. На рис. 11 изображены ветра в человеческом облике. Поскольку при использовании приема олицетворение неживой предмет наделяется свойствами живого, зритель получает возможность ярче и живее представить данный предмет.

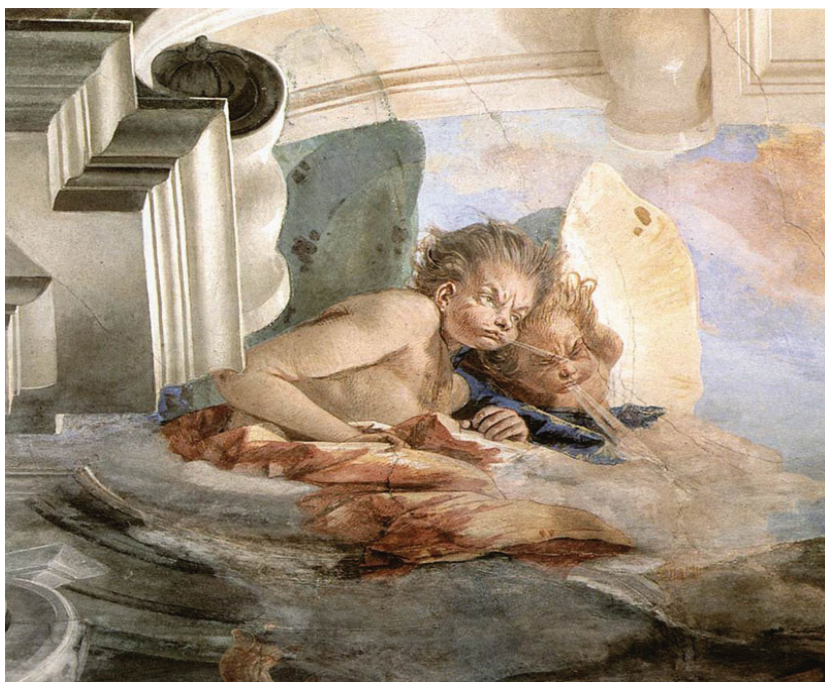


Рис. 11. Дж. Баттиста Тьеполо, 1746-47 гг.
Ветра (часть фрески)

Аллегория (греч. *allos* – иной и *agoreuo* – говорю) – это «иносказательное изображение отвлеченного понятия при помощи конкретного, жизненного образа: в баснях и сказках хитрость показывается в образе лисы, жадность – в об-

личии волка, коварство – в виде змеи и т. д.»⁴⁸. «Аллегория – конкретное изображение предмета или явления действительности, заменяющее абстрактное понятие или мысль. Зеленая ветка в руках человека издавна являлась аллегорическим изображением мира, молот являлся аллегорией труда и т. д.»⁴⁹. «Аллегория есть формально-логическая общность»⁵⁰, то есть автор, используя аллегорию, не отождествляет аллегоричный образ и изображаемое с его помощью явление: «баснописец вовсе не думает, что животные по-человечески говорят»⁵¹.

«Происхождение многих аллегорических образов следует искать в культурных традициях племен, народов, наций: они встречаются на знаменах, гербах, эмблемах и приобретают устойчивый характер. Многие аллегорические образы восходят к греческой и римской мифологии. Так, образ женщины с завязанными глазами и с весами в руках – богини Фемиды – аллегория правосудия, изображение змеи и чаши – аллегория медицины»⁵². Богиня Психея часто изображается как бабочка или сопровождается бабочкой (рис. 12). Психея, согласно греческой мифологии, – «смертная, обретшая бессмертие, стала символом души, ищущей свой идеал»⁵³. Множество примеров аллегорий можно встретить в средневековой живописи.

⁴⁸ Розенталь Д. Э. Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1976. – С. 19.

⁴⁹ Словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 12.

⁵⁰ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – С. 152.

⁵¹ Там же.

⁵² Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 35.

⁵³ Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. – М.: Мир, 1992. – Т. 1. – С. 83-84.

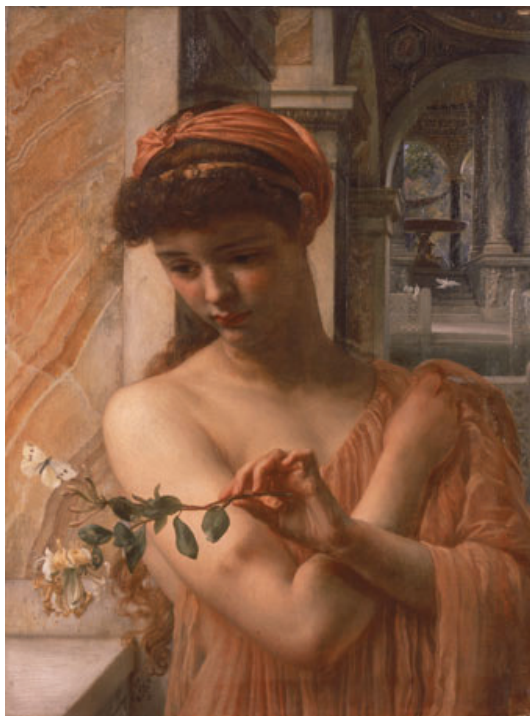


Рис. 12. Э. Дж. Пойнтер. Психея в храме любви

Аллегория как средство усиления поэтической выразительности широко используется в художественной литературе. Она основана на сближении явлений по соотнесенности их существенных сторон, качеств или функций и относится к группе метафорических тропов⁵⁴. В психологическом смысле аллегория – это возможность пережить «озарение», переживание открытия, когда некоторая идея представлена с помощью неожиданных средств. В случае с живописью переживание такого «озарения» сохраняется, но оно переживается менее остро, поскольку зритель, как правило, осведомлен о том, что греческие божества часто изображаются в человеческом облике.

⁵⁴ Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik. – Moskau, 1975; Etherington-Smith, M. Dali. A biography. – L., 1993. – С. 220.

Оксюморон (греч. *οξύμορον* – острая глупость) в лингвистическом понимании – это «сочетание противоположных по смыслу определений, понятий, в результате которых возникает новое смысловое качество»⁵⁵, это нарочитое сочетание противоречивых понятий: «Смотри, ей *весело грустить*, Такой *нарядно-обнаженной*» (А. Ахматова). Оксюморон основан на неожиданном сочетании предметов или явлений. «Если в сознание одновременно ввести логически несовместимые вещи, то механизм сознания начинает искать способ связывания их в непротиворечивое целое <...> Сознание пытается избавиться от двусмысленностей»⁵⁶.

В качестве оксюморона приведем пример анекдота советских времен прошлого века. К очередному ленинскому юбилею в рамках социалистического соревнования различные промышленные производства выпустили юбилейную продукцию: мебельная фабрика – трехспальную кровать под лозунгом «Ленин с нами»; банно-прачечный комбинат – мочало под девизом: «По ленинским местам» и т. п. Часовой завод, в свою очередь, выпустил часы с кукушкой. Ровно в двенадцать часов они начинали бой, открывалось окошко, из него выезжал на броневике, с указующим жестом Владимир Ильич и произносил: «Ку-ку».

Совмещение несовместимого в оксюмороне, объединение в одно двух противоположных частей создает, как в физике, эффект аннигиляции частицы и античастицы, сопровождающийся выбросом энергии. Объединение сакрального (образа великого вождя) и профанного (часы с кукушкой), вызывая множество амбивалентных эмоций, уменьшает исходную энергетiku эмоционально значимого объекта⁵⁷.

⁵⁵ Словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 252.

⁵⁶ Аллахвердов В. М. Психология искусства: Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. – СПб: ДНК, 2001. – С. 66–72.

⁵⁷ Интересно отметить, что этот анекдот уже не вызывает соответствующую эмоциональную реакцию у более молодого поколения. Образ вождя уже перестал быть для них сакральным, а анекдот кощунственным и, соответственно, дающим эмоциональный выброс. Очевидно, мы переживаем время не только «смерти богов» (Ницше), но и «смерти вождей».

748 По-видимому, это достаточно универсальный прием карнавальской культуры (в духе М. Бахтина⁵⁸) или смеховой (в духе Д. С. Лихачева⁵⁹), не обязательно, кстати, ведущей к десакрализации объекта осмеяния. В глубоко религиозной средневековой Испании в дни карнавала прихожане вполне могли пародировать епископов и знать шутки в духе раблезианских на тему физического низа, а в современной католической Испании свободно можно купить кукол, изображающих монахов и священников, где нажатие на рычажок, расположенный сзади кукол, поднимает ее огромный половой член. Можно вспомнить и отечественную телепередачу «Куклы» времен правления Б. Ельцина, где осмеяние политических лидеров вело скорее к их узнаванию и популяризации в народе, к приближению к народным персонажам (типа Василия Ивановича или Петьки с Анкой-пулеметчицей). В девяностых годах при вынужденной посадке правительственного вертолета с высшими государственными чиновниками где-то в глухой глубинке России, к вертолету бежали местные жители с радостными криками узнавания: «Куклы прилетели!».

Приведем пример визуального аналога оксюморона: картина Ф. Гойи «Пожилая женщина, смотрящаяся в зеркало», или «*Time Las viejas*» (эту картину часто называют разными названиями) – яркий пример оксюморона (см. рис. 13).

⁵⁸ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1965.

⁵⁹ Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Совместно с А. М. Панченко и Н. В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984.



Рис. 13. Ф. Гойя. Пожилая женщина, смотрящаяся в зеркало

В ней воплощена ирония сатирика, автору удалось создать выразительный, острый и лаконичный образ пожилой женщины с ярким макияжем, характерными кокетливыми жестами и мимикой. Одежда, аксессуары, прическа – все это не сочетается с выражением лица и возрастом. Гротесковое преувеличение не остается незамеченным для зрителя: такой портрет воспринимается с одной стороны как глубокий психологический, с другой – как юмористический.

750 *Перифраз* (греч. *perifrasis* – описательное выражение) в лингвистике – «троп, в котором название предмета, человека, явления заменяется указанием на его признаки...»⁶⁰, «стилистический прием, заключающийся в непрямом, описательном обозначении предметов и явлений...»⁶¹: «Юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном» (молодая талантливая актриса) (А. С. Пушкин). Визуальный аналог данного тропа требует того, чтобы на картине были изображены действия, атрибуты символы некоторого явления, которое само не показано. Например, иллюстрации на страницах или обложках учебников литературы, на которых изображены перо, чернильница, бумага при свете свечи. Примером визуального аналога данного тропа будет известная картина Жана Батиста Шардена «Атрибуты искусства» (см. рис. 14). На картине не изображен художник, но понятно, что все предметы на картине используются им и составляют, например, натюр-морт, над которым работает не изображенный художник.



Рис. 14. Жан Батист Шарден. Атрибуты искусства.

⁶⁰ Словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 267.

⁶¹ Большой энциклопедический словарь: Языкознание. – М.: БСЭ, 2000. – С. 371.

Антитеза (греч. *antithesis* – противоположность) – «резко выраженное противопоставление понятий или явлений»⁶². Рассмотрим пример визуального аналога антитезы – картину Э. Делакруа «Тигр, напавший на лошадь» (рис. 15). Здесь противопоставление реализуется даже на уровне цвета: сталкиваются две роли, два характера – охотник и добыча.



Рис. 15. Э. Делакруа. Тигр, напавший на лошадь

В триптихах или на иконах (при изображении житий святых) части единой идеи представляют собой нечто похожее на рассказ, такое «серийное» изображение является приемом выразительности (см. рис. 16(а), 16(б)). Рассматривая одну часть триптиха за другой, одно житие за другим, зритель имеет возможность проследить за изменениями сюжета. Триптих, изображение житий –

⁶² Крупчанов Л. Антитеза // Словарь литературных терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 18.

752 это своего рода кадры из кинофильма, в которых может быть хорошо передано развитие сюжета, так как образы развиваются.



Рис. 16(а). И. Босх. Сад земных наслаждений



Рис. 16(б). Икона Преподобного Сергия Радонежского с житием

Некоторые выразительные средства, используемые в живописи, не имеют аналогов в литературе: например, использование *противоречий предметной логики* (ср. у Пикассо – изображение скрипки в разных проекциях (рис. 17)). Изображение предмета в разных проекциях – это прием, позволяющий отойти от стереотипов, увидеть «разные правды», сравнить и сопоставить их. Такое изображение рождает новые смысловые стороны изображенного.



Рис. 17. П. Пикассо. Скрипка и виноград

В живописи, в отличие от литературы, неизбежно фиксируется *позиция наблюдателя*, как правило совпадающая с позицией создавшего произведение художника. В литературном тексте возможно несколько позиций субъекта, от имени которого ведется рассказ, – автора, рассказчика, главного героя, а также смена позиций в ходе повествования (например, герой произ-

754 ведение становится насекомым и начинает иначе видеть мир (в «Превращении» Ф. Кафки (1915) и в новелле «Общее дело «Грентон Стар» Ирвина Уэлша (1996)). В литературном тексте смена позиций растягивается во времени, тогда как на картине это дано одновременно. Так, используя прием-изображение зеркала – можно одновременно зафиксировать несколько возможных позиций наблюдателя (см., например, на картине «Смеющаяся пара (*Joking Couple*)» Ханса фон Аахена (*Aachen*) на рис. 18). Мужчина, держа зеркало, вождленно смотрит на молодую женщину. Она же, глядя в зеркало, любуется собой. Таким образом, в картине (как в полифоническом романе, по Бахтину) зафиксирована множественность позиций наблюдателя: взгляд мужчины, молодой женщины и зрителя, позиция которого, по-видимому, совпадает с позицией художника.



Рис. 18. Ханс фон Аахен (*Aachen*). Смеющаяся пара (*Joking Couple*)

Зеркало, можно сказать, типичный прием в визуальной семантике, это так называемая «матрешечность» – изображение пространства в пространстве. Живописный рассказ всегда дан зрителю в определенном ракурсе: «Предметы <...> изображенные на картине, могут быть видимыми для нас только с какой-то определенной стороны и расстояния, с той стороны, которую раз навсегда выбрал и запечатлел в своей живописи художник»⁶³; с помощью зеркала художник может изобразить больше ракурсов. В живописном произведении данные приемы дают возможность рассмотреть объект с разных сторон и открывают больше измерений в картине. В такой возможности заложена символичность: возможность увидеть скрытое, понять тайное. Этот прием вводит роль наблюдателя, которому представлено нечто неявное. Чем больше позиций наблюдателя есть в произведении (как в живописи, так и в литературе), тем более многомерна художественная реальность. В живописи острее, чем в литературе, зафиксирована позиция наблюдателя. В литературе похожим приемом является использование гипертекста, текста в тексте.

На картине С. Дали «Невольничий рынок с невидимым бюстом Вольтера» (см. рис. 19) используется психологический феномен смены *фигуры-фона*, благодаря чему зритель видит попеременно то двух монахинь (другая интерпретация – дам в голландских платьях), то бюст Вольтера (работы скульптора Гудона).

⁶³ Ингарден Р. Исследования по эстетике. – С. 280.



*Рис. 19. С. Дали. Невольничий рынок
с невидимым бюстом Вольтера*

Помимо психологического феномена смены «фигуры-фона», образующего различные смысловые фигуры (гештальты), на динамику восприятия влияет также движение глаз по плоскости картины. Переключение внимания с одного элемента изображения на другой создает их смысловое противопоставление или, наоборот, подчеркивает, создает ощущение их смысловой близости. Эта особенность человеческого восприятия наиболее целенаправленно используется в искусстве натюрморта, пейзажа, при монтаже в киноискусстве.

Рассмотрим в качестве примера образных оппозиций картину корейского художника (рис. 20), дающую несколько смысловых противопоставлений: незыблемого и постоянного (дома на скальной твердыне) и вечно изменяющегося, мягкого и пластичного (горного потока). Но здесь же присутствует и иная оппозиция: рукотворного (человеческого жилья),

а значит, подверженного тлению и распаду, и природного, непрерывно меняющегося, но остающегося вечным (горного потока).

757



Рис. 20. Картина безымянного корейского автора

Отметим также особые ментальные операции, которые используются в киноискусстве. Это, помимо монтажа, укрупнение плана, смена позиции съемки. Использование ряда из последовательно сменяющихся друг друга кадров при монтажном постро-

758 ении фильма задает смысловой дискурс, влияет на эмоциональное состояние зрителя (эффект Кулешова) и, в конечном итоге, влияет на его понимание. Монтажное построение сильнее и выразительнее по сравнению с построением «с одной точки»⁶⁴.

Картина (изображение) словно текст, который можно прочесть. Удачно использованные тропы в тексте являются источником его образности, придают ему новый смысл. Также тропы могут изменить способ восприятия содержания текста – всякий раз, когда есть возможность, опираясь на сравнение или метафору (и др.), использовать воображение и домыслить или развить сюжет. Каждый прием выразительности каким-то образом трансформирует художественный образ. Это приемы-средства (психотехники) работы с образной сферой, они подталкивают зрителя к фантазированию и меняют его эмоциональное состояние. Использование *прямой и обратной перспективы, феномена зеркала, динамики фигуры-фона, смены позиции наблюдателя, смена планов, монтаж* и др., очевидно, имеют универсальный характер в семиотике искусства.

Общее обсуждение

Когда старший по возрасту из соавторов настоящей статьи был студентом, он слушал курс общей психологии учебного с мировым именем А. Р. Лурии, который четко разделял блок когнитивных процессов, куда относил процессы памяти мышления, речи, и эмоционально-энергетический блок психики человека, куда включал потребности, эмоции, мотивы. Это противопоставление не было для Александра Романовича абсолютным, и он сочувственно цитировал мысль Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна о «связи эмоциональных и когнитивных процессов», о «единстве аффекта и интеллекта». Тем не менее, и в наши дни взаимосвязь этих сфер психического (когнитивного и эмоционального) остается мало изученной, и проблемы волевого действия, поступка, языка, творчества, эмоционального состояния чрезвычайно редко рассматриваются в едином контексте и как единый процесс.

⁶⁴ Эйзенштейн С. М. Монтаж. – М.: ВГИК, 1998.

В обстоятельной статье В. Л. Шульца и Т. М. Любимовой рассматривается, в частности, восходящая к В. Гумбольдту идея внутренней энергии языка и участие последнего в волевом действии: «Выражая волю, язык становится действием. Происхождение языка, по его мысли, следует искать в силе и воле людей и народов. Именно потенциальное действие, заложенное в вербальных формах и выражающее историческую волю, структурирует и определяет действительность. Этот тезис М. Фуко (1994) восходит к В. Гумбольдту»⁶⁵.

Оригинальным преломлением гумбольдтовских идей стала так называемая «философия имени» – самобытное течение в русской философии 10-20 гг. XX века, представленное трудами П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева. По мысли А. Ф. Лосева, внутреннее ядро имени образуется некоей силой, энергией. Слово заряжается энергией через свое инобытие в различных пластах бытия. «Уметь владеть именами – значит мыслить и действовать магически», – цитируют Кассирера Шульц и Любимова⁶⁶. Магическое слово не описывает вещи и отношения между вещами; оно стремится производить действия и изменять явления природы, магическая функция слова явно доминирует над семантической функцией. Миропощение немецких романтиков, французских символистов, упомянутых выше русских философов и православных экзистенциалистов, их представления о магии слова, о символическом образе как отображении трансцендентального находят свое выражение в русской поэзии символистов и акмеистов серебряного века (Блока, Гумилева, Ахматовой):

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонил лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

⁶⁵ Шульц В. Л., Любимова Т. М. Язык как метареальность и прогностическая структура // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 45.

⁶⁶ Там же. – С. 42.

*И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

.....
*Не забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог⁶⁷.*

Представление о тексте, об образном искусстве как способных нести внутреннюю энергию, как меняющих эмоциональные состояния не только самого творца произведения искусства, но зрителя, или, еще шире, как способных трансформировать энергетику (эльгрегор) местности и социума, вдохновляло и нас в написании этого текста.

Рассмотрев проблемы метафоры и близкие ей формы тропов, мы попытались спроецировать эту филологическую проблематику на более широкую семиотическую область, включающую визуальное искусство, сопроводив текст статьи многочисленными иллюстрациями, позволяющими обращаться к художественной интуиции читателя и зрителя в одном лице. Нет ничего нового под луной, и глубокие мысли и наблюдения в этом направлении уже высказывались в работах Лотмана⁶⁸, Иванова⁶⁹, Арутюновой⁷⁰, Лакоффа, Джонсона⁷¹. Особенность нашего видения этой проблемы заключена в том, что, будучи

⁶⁷ Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 201.

⁶⁸ Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973; Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994.

⁶⁹ Иванов В. В. Фильм в фильме // Труды по знаковым системам. Вып. 6. – Тарту, 1973; Иванов В. В. Фильм в фильме // Труды по знаковым системам. Вып. 14. – Тарту, 1981.

⁷⁰ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры.

⁷¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.

профессиональными психологами, мы рассматриваем фигуры тропов в первую очередь как ментальные операции, конструирующие психологический образ, вводящие его в целостный контекст (дискурс) ситуации, задающие его эмоциональную окраску и порождающие и акцентирующие его смыслы.

«Искусство... обладает столь высокими художественными образами, цель которых заключается не только в том, чтобы быть самодовлеющим предметом бескорыстного удовольствия, но и быть орудиями ориентации человека в безбрежном море действительности, а также инструментом для ее творческого переделывания [курсив наш. – В.П., Е.К.]»⁷².

Рассмотрим в качестве примера психологического анализа коммуникативного воздействия работу психотерапевта в рамках подхода НЛП (нейролингвистического программирования)⁷³, вобравшего в свой методический арсенал психотехник от бихевиоральных приемов в духе условнорефлекторных методик Павлова до мягкой гипнотерапии и работы с образами Милтона Эриксона. Одна из основных работ Д. Бендлера и Р. Гриндера не случайно, на наш взгляд, называется «Структура магии», ибо в рамках этого подхода вербальный текст суггестора, переключаясь с данной выше цитатой Кассирера, рассматривается как магическое действие.

В отличие от психоанализа, где психоаналитик выступает своеобразным дешифровщиком посланий бессознательного (снов, оговорок, неадекватных поступков и т. п.) и его работа требует сложной реконструкции, вытесненного из памяти прошлого пациента, практикующий представитель НЛП может (и даже должен) интересоваться содержанием травмирующего переживания того человека, которому он помогает. Пациента просят представить (но не рассказывать) ситуацию, вызвавшую мощные негативные переживания, проецируя ее, как в кино, на плоскость воображаемого экрана и наблюдать эту ситуацию со стороны как зритель. Пациент может приблизить

⁷² Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – С. 83.

⁷³ Гриндер Д., Бендлер Р. Структура магии. – М.: КААС, 1995.

762 или удалить от себя киноэкран, приглушить или сделать более яркими краски, изменить четкость изображения и т. п. В любом случае он переходит из позиции страдающего объекта, с которым «это произошло», в позицию субъекта – наблюдателя и исследователя, осознающего еще один свой жизненный опыт. И дело не только в большей саморефлексии, переводящей личную травму в прецедент общечеловеческого опыта. Использование ментальных операций изменяет эмоциональные установки, психические состояния, общую энергетику человека (например, от эмоционально-депрессивного состояния к состоянию духовного покоя или даже творческого подъема, когда самоосмысление нуждается в заинтересованном диалоге).

В художественной литературе прием «отстранения» широко используется, например, в романах Камю, где события собственной жизни персонажа рассматриваются как бы со стороны и полностью отстраненно. Например, в романе Камю «Посторонний» главный персонаж, описывая предстоящую ему смертную казнь за совершенное убийство, переходит на эмоционально нейтральный «бихевиоральный» язык: «именем французского правительства мне должны отрезать голову». В рассказе Гоголя повествование по поводу получения чиновником долгожданного ордена ведется уже с позиции его собаки, не понимающей всей этой социальной символики и оценивающей орден с точки зрения съедобности/несъедобности.

В романе Кафки восприятие мира дается и вовсе глазами хищного насекомого, в которое превращается один из персонажей. Если прием «отстранения» позволяет снять эмоциональный накал воспринимаемой ситуации, деперсонализировать ее, то восприятие с иной точки зрения, с позиции иноязычного, инокультурного, инопланетного (как в «Солярисе» С. Лема) существа, позволяет снять привычные формы категоризации ситуации, самого себя, мира. И не просто по-другому увидеть, а построить иные миры бытия, дать, как это обозначил Карлос Кастанеда, «иные точки сборки»⁷⁴.

⁷⁴ Кастанеда К. Искусство сновидения. – Киев: София, 1994; Кастанеда К. Активная сторона бесконечности. – Киев: София, 1995.

Рассмотрение поэзии и живописи с точки зрения используемых ими ментальных операций, операциональных приемов работы со смыслами (выраженными, в частности, в тропах) необходимо требует расширения понятийного тезауруса филологических и семиотических понятий и введения в него в качестве рабочих таких понятий, как «энергия», «представление», «эмпатия» и «сопереживание», «синхроничность», «измененные формы сознания», «магия слова» и «магия образа», «мысль-действие», «мысль-образ», «опредмечивание» и «распредмечивание» представлений фантазии, построение художественных «возможных миров»⁷⁵. Как полагает А. А. Гостев, «многие люди не понимают, что их судьба зависит от содержания их воображения, что фантазии могут – к счастью или к сожалению – реализовываться произвольно. Дело в том, что образы формируют своеобразные “матрицы”, которые, притягивая психическую энергию человека, наполняются “жизненным материалом”. В результате создаются программы для реализации желаемого или нежелательного»⁷⁶.

Эта новая область изучения энергетики коммуникативного воздействия, энергоинформационной психологии, возникающая на стыке искусства (поэзии, живописи), гуманитарной науки (философии, логики, семиотики, лингвистики, языковедения, психологии, теории коммуникации) и естественных наук (физики, теории информации, теории систем, синергетики), – ждет своих первопроходцев и исследователей.

⁷⁵ См.: Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997; Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980.

⁷⁶ Гостев А. А. Дорога из зазеркалья: психология развития образной сферы человека. – М.: ИРАН, 1998. – С. 6.

Н. Е. Покровский

Границы визуальности и виртуальной реальности: есть ли они?

Мир становится визуальным. И одновременно он высвечивается гранями виртуальности. С одной стороны, наше восприятие все больше и больше нагружается яркими зрительными образами, обрушивающимися на нас с щитов наружной рекламы, проникающими в наше сознание с помощью цифровых технологий телевидения, видео и фотографии. С другой стороны, высочайший уровень фиксации и обработки изображений не приближает нас к самой действительности. Создается особая действительность – виртуальная.

В наши дни все чаще это понятие переводят в более высокий смысловой ранг, говоря о «виртуальной реальности», под которой обычно понимается Интернет и мультимедийные технологии. Однако налицо непроясненность проблемы продуцирования и характера корреляции глобальной виртуализации общества: спровоцированная развитием мультимедийных технологий, виртуализация провоцирует, в свою очередь, развитие подобных технологий. В каком смысле современный мир генерирует особую реальность? В чем ее особенность? В каком смысле она может претендовать на всеобщий характер? Или же речь идет о некоем частном явлении, незаслуженно абсолютизируемом? Виртуальность уже сегодня готова заменить большинство основных институтов общества (включая семью, образование, экономические и политические институты и пр.).

Но насколько безопасны подобные подмены? Что может принести с собой замена реальных институтов виртуальными? Кто является властителями виртуальных миров?

Виртуальность – это реальность, основанная на силе воображения, идеализации, приемах ухода от воздействия материальности и *системное* распространение этого процесса

на все компоненты социальной структуры общества и институты, это сознательное и «инженерно» сфокусированное конструирование условных феноменов, приобретающих статус основных. Процесс, который можно условно назвать «виртуализацией», становится все больше заметным и значимым не только на микро-, но и на макроуровнях. Под «виртуализацией» необходимо понимать процессы, которые создают некую «другую», идеально-фантазийную (имажинативную) реальность, замещающую повседневную жизнь и воздействие материальных факторов на жизнь общества.

В 2005 г. Американская лингвистическая ассоциация выделила ключевое, наиболее выразительное понятие, доминирующее в современном обществе (возможно, и имплицитно). И этим понятием стало *truthiness* («правдоподобность»). Это понятие лингвисты определили как «качество, присущее сформулированной концепции, которую индивидуум принимает или предпочитает принимать за действительность, вместо того чтобы верить фактам». В известной мере сконструированный имидж замещает реальность и постепенно начинает главенствовать над ней.

Виртуальность и технологии

Тесная связь виртуализации с общественно-технологическими реалиями XX века не вызывает сомнения. Однако связывать виртуализацию исключительно с развитием современных технологий коммуникации едва ли правомерно. Этот процесс в своих элементах и фрагментах уходит в глубины культуры и ретроспективу ее истории. В основе виртуализации, на наш взгляд, лежит базовая для человека способность к воображению, идеализации, интеллектуальной деятельности, основанной на продуцировании абстрактных моделей и образов. Значимость мира мыслимого, «интелигибельного», в отличие от мира, раскрываемого в ощущениях, постоянно нарастала в ходе истории человечества. В известной мере преодоление биологической природы человека было (и продолжает оставаться) вектором эволюции.

766

Развитие информационных технологий конца XX и начала XXI веков повлекло за собой качественное изменение самого статуса информации в современном мире. В различных социальных системах постепенно (и чем дальше, тем больше) информационные технологии приобретают самодовлеющий и самодостаточный характер, становясь *реальностью-в-себе* и *реальностью-для-себя*.

В теперь уже далеких от нас 1970-х гг. в Массачусетском технологическом институте для описания нового программного продукта было предложено вполне рабочее определение – «виртуальная реальность». Речь шла о разработке трехмерных пространственных моделей, которые использовали для особенно убедительной симуляции реальности, скажем, при обучении пилотирования самолетов, а также для различного рода компьютерных игр. Однако эффект создания столь жизнеподобных моделей оказался неожиданным даже для их создателей. Трехмерные пространственные компьютерные модели, снабженные для большей убедительности звуковым треком, стали «втягивать» в себя пользователей программ. Из чисто прикладных и игровых продуктов они превратились в особого рода осколки новой, виртуальной, реальности, которая обладала всеми чертами принудительности, всеобщности и универсальности. Это был реальный-нереальный мир, постепенно отсекающий пользователя от мира обыденно реального.

К концу 1990-х гг. виртуальная реальность в своих различных инвариантах распространилась на многообразный мир потребления (туризм, мода, видео, кино, компьютерные игры, реклама, Интернет, телевидение, межличностные отношения), который, с одной стороны, сохраняет свою предельную физиологичность и материальность, но, с другой стороны, основывается на виртуальных симуляциях, игре и в итоге ведет в символическое зазеркалье.

Первоначально само словосочетание «виртуальная реальность» рассматривалось как удачный слоган, основанный на парадоксальном соединении, казалось бы, несоединимого:

«мнимое-очевидное», «воображаемое-непреложное» (Жарон Ланье). Это, в свою очередь, привлекло к этому странному концепту внимание бизнеса и маркетинга. Теперь же можно говорить о том, что «виртуальная реальность» перешла из области продаваемой на рынке метафоры в общезначимый символ современной действительности. Причем одна из важнейших особенностей виртуализации состоит в ее манипулятивности, инженерной конструируемости и проектности. Фактически в общественном поле теперь возможно *интеллектуально симитировать практически любой продукт и придать ему убедительные черты бытийственности.*

«Виртуальная корпорация», «виртуальная ТВ-студия», «виртуальная демократия», «виртуальные деньги», «виртуальное обучение», «виртуальное общение», «виртуальная игрушка» и т. п. Этот список можно продолжить. Многообразие воздействия виртуальной сферы на общество дает основание ставить вопрос о тенденции возникновения в обществе нового измерения. Мир, в одном смысле становясь все более и более материальным, с другой стороны, уходит в имматериальную сферу воображаемого, сконструированного, «параллельного» и симуляционного. Пространственно-географические показатели постепенно снижают свою первостепенную роль в нашей жизни: Интернет, например, создает свое киберпространство, во многом более активное, чем пространство физическое, и резко сокращающее дистанции между людьми.

Пути научного проникновения в мир виртуального могут быть достаточно разнообразными. Основным методом по-прежнему можно считать интеллектуальное моделирование процессов виртуализации и определение внутренних смысловых граней этого процесса.

Виртуальная реальность состоит из многих «миров», симитированных нашими органами чувств. Основную роль в конструировании этих множественных миров играет язык их описания и восприятия. Изображения, зрительные ощущения, семиотика электронной коммуникации приглашают в мир виртуального, обладая при этом чертами принудительной убе-

768 дительности, доходчивости и коммуникативности. Это образы рекламы, дизайн, мультимедиа, электронный дискурс, компьютерные игры, мода, фотография и видео. Их нельзя считать некоей второстепенной оболочкой виртуальной реальности. Они входят в ее структуру в качестве значимых самостоятельных компонентов и нагружаются особым смыслом.

Освоение языка виртуального и визуального¹

Современный мир как виртуальный представляется в последние десятилетия в широком круге работ различных теоретических и философских направлений. Термин «виртуальный мир» прочно вошел в научный и медиадискурс. Кроме макросоциальных феноменов, объектом, на котором можно наблюдать виртуальные изменения, является повседневная жизнь людей. Виртуализация в виде Интернета, медиа, сотовых телефонов проникает в обыденную реальность и преобразует ее течение (см., например, работу М. Кастельса «Галактика Интернет»²). К феномену трансформации сущности времени обращается норвежский антрополог Т. Х. Эриксен в книге «Тирания момента. Время в эпоху информации»³. Сами медиа входят в жизнь современного человека и создают особую реальность. Классикой социологической мысли является книга М. Маклюэна «Понимание медиа»⁴. Современные теории созданы Ж. Бодрийяром, М. Кастельсом, Н. Луманом (см. например, книгу Н. Лумана «Реальность масс-медиа»⁵). Интересной является концепция медиавирусов⁶.

¹ Этот раздел написан с использованием материалов, подготовленных Н. А. Харламовым.

² *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

³ *Эриксен Т. Х.* Тирания момента. Время в эпоху информации. – М.: Весь мир, 2003.

⁴ *Маклюэн М.* Понимание медиа. Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.

⁵ *Луман Н.* Реальность масс-медиа. – М.: Праксис, 2005.

⁶ *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание. – М.: Ультра. Культура, 2003.

В российской социологии виртуализация стала предметом исследовательского интереса ряда видных авторов – Л. Г. Ионина, Д. В. Иванова, М. А. Бойцова, В. С. Жидкова и др.⁷ За пределами академических трудов сложились свои традиции трактовки термина «виртуализация» (иногда ее называют «имагологией», т. е. теорией создания имиджей). Так, одна из наиболее популярных версий виртуализации принадлежит писателю М. Кундере⁸. В его понимании, виртуализация оказывается теорией и практикой сотворения «кажимостей», создания вымышленной реальности, которая при всей своей искусственности в состоянии при определенных условиях затмевать реальность подлинную. В связи с этим само понятие «подлинности» (аутентичности) в значительной степени растворяется.

В журналистике, художественной критике и искусствоведении термин *виртуализация* применяется для оценки информационной стратегии, прежде всего в области телевидения и популярных искусств, направленной на массовое потребление имиджей в самых различных сферах. Сами работники средств массовой информации и PR, современной «фабрики грез», пользуются словом «виртуализация», обозначая им технологии как анализа уже существующих в средствах коммуникации образов, так и их создания⁹. Виртуализация – это за-

⁷ См., например: *Бойцов М. А.* Что такое потестарная имагология? Рукопись статьи, обсужденной на заседании ИГИТИ ГУ-ВШЭ, 24 октября 2005; *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2002; *Ионин Л. Г.* Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ГУ-ВШЭ, 2004.

⁸ *Кундера М.* Бессмертие. – СПб, 2004. – С. 126–131. Очевидно влияние на Кундере в этом пункте французской философской и социологической мысли, в частности, Ролана Барта и Бодрийера с его знаменитыми «симулякрами».

⁹ *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. Книга Уэбстера кроме собственно критического анализа интересна тем, что в ней имеется краткое изложение теорий нескольких выдающихся мыслителей, в частности Д. Белла и Ю. Хабермаса.

770 кономерный этап развития современной глобализированной культуры и технологий, имеющий объективные предпосылки своего возникновения в современном мире и столь же закономерные пути своей дальнейшей эволюции. В этом смысле заказ на виртуализацию, по нашему мнению, приходит от самого общества. Виртуализация в большей степени самостоятельно «прорастает» сквозь текстуру современной культуры, а не только искусственно создается за закрытыми дверями в среде имиджмейкеров и виртуалистов.

Виртуальная реальность и «гиперреальность» (термин Ж. Бодрийяра) под известным углом зрения составляют важный компонент сегодняшнего общества, в том числе российского. Понимание структуры смыслов гиперреальности имеет высокую прикладную ценность, например, для маркетинга и производства медиапродукции.

Постижение виртуальности невозможно без освоения и фиксации специфического концептуального языка. Полезным в данном случае могут быть такие подходы, как дискурсивный анализ¹⁰ и семиологические методы (представленные, например, в работах Р. Барта).

Для визуальной антропологии и социологии фундаментальной стала монография Джона Колльера мл. «Визуальная антропология: фотография как метод исследования»¹¹ (впоследствии доработанная и изданная новым изданием).

Одной из первых работ на современном этапе развития визуальной социологии стала статья Говарда Беккера «Фотография и социология», в которой были поставлены многие ключевые вопросы, в частности, вопрос о том, может ли фотография считаться в точности передающей информацию. Впо-

¹⁰ См., например: *Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод.* – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004; Gee, J. *An introduction to discourse analysis. Theory and method.* – New York: Routledge, 1999.

¹¹ Collier, J. Jr. *Visual anthropology: photography as a research method.* – New York: Holt, Rinehart, Winston, 1967; Collier, J. Jr., Collier, M. *Visual anthropology: photography as a research method.* 2nd ed. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1986.

следствии Беккером была написана статья «Визуальная социология, документальная фотография и фотожурналистика: (почти) все зависит от контекста»¹².

Классиком визуальной социологии также считается Дуглас Харпер. В статье «Визуальная социология: расширение социологического взгляда» предлагаются четыре основных варианта *modus operandi* визуально-социологических исследований (научный, нарративный (повествующий), рефлексивный, феноменологический). Теоретический раздел данной статьи является своего рода расширенным определением визуальной социологии. Материалы развиваются Харпером в статье «Новое прочтение визуальных методов»¹³.

Характерным для указанных работ является то, что, несмотря на акцент на фотографии, визуальная информация не сводится лишь к тривиальному фотографированию и сбору фотографических и видеоматериалов, но включает и визуальные образы в медиасфере и их смысловую интерпретацию. Впоследствии было издано несколько монографий и сборников статей, которые, собственно, и составляют ядро зарубежной, прежде всего американской литературы и, соответственно, американской традиции в визуальной социологии¹⁴.

Эмпирические исследования в рамках визуальной социологии ведутся уже более тридцати лет. Журнал «Качественная социология» (*Qualitative Sociology*) посвятил один из номеров визуальной этнографии (номер 12 (вып. 2), лето 1989 г.). Существует и пользуется популярностью в профессиональ-

¹² Becker, H. S. Photography and sociology // *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. – 1974. – № 1. – P. 3–26; Becker, H. S. Visual sociology, documentary photography, and photojournalism: It's (almost) all a matter of context // *Visual Sociology*. – 1995. – Vol. 10. – № 1-2. – P. 5–14.

¹³ Harper, D. Visual sociology: expanding sociological vision // *The American Sociologist*. – 1988. – Vol. 19. – № 1. – P. 54–70.

¹⁴ В частности, это сборники: Prosser, J. (ed.) *Image-based research: a sourcebook for qualitative researchers*. – London: Falmer Press, 1998; Wagner, J. (ed.) *Images of information: still photography in the social sciences*. – Beverly Hills: Sage, 1979.

772 ных кругах журнал *Visual Studies*, ранее называвшийся *Visual Sociology*, который целиком посвящен изучению визуальных образов, в том числе их социологическому анализу. Проведенное Хернаном Вера¹⁵ в Голландии и Германии фотографическое исследование оформления окон в частных домах позволило реконструировать такие черты культуры, как намеренно демонстрируемая внешним наблюдателям «витринная» частная жизнь, а также стиль повседневной организации жизни в жилых кварталах современного города. Статья Линды Кэлоф и Эми Фитцджеральд¹⁶ описывает результаты исследования фотографий в охотничьих журналах с точки зрения того, какими ценностями нагружены публикуемые фотографии. При всей внешней незначительности предмета визуального анализа авторы создают убедительную модель гендерных и расовых отношений, имеющих яркие визуальные индикаторы.

Виртуальность как игра

Й. Хейзинга рассматривал игру в виде деятельности, посредством которой создается культура. На основании изучения истории культуры он сделал вывод об уменьшении роли игры: культура, по его мнению, теряет игровой элемент, замещая его понятиями пользы и экономического интереса.

Однако определенные тенденции современного мира возвращают игровой элемент в культуру и возводят его на новое, возможно еще более значимое место. Некоторые уже ставшие более или менее традиционными игровые формы получают новое выражение, возникают все новые и новые ранее невозможные игровые формы, примером которых, в частности, могут быть *флеш-мобы*. Современные технологии позволили появиться новой реальности – виртуальной реальности, отличной и в то же время схожей с реальным (физическим)

¹⁵ Vera, H. On Dutch Windows // *Qualitative Sociology*. – 1989. – Vol. 12. – № 2. – P. 215–233.

¹⁶ Kalof, L., Fitzgerald, A. Reading the trophy: exploring the display of dead animals in hunting magazines // *Visual Studies*. – 2003. – Vol. 18. – № 2. – P. 112–122.

миром. Но виртуальная реальность – это не столько и не только мир, созданный посредством высоких технологий, это, в большей степени, определенная логика – игровая логика. И она переходит из виртуальной реальности в реальный мир. Условно говоря, все участники виртуальной «ситуации» прекрасно осведомлены о ее условности, конвенциональности и «нереальности». Но они соглашаются считать нереальное реальным, условное – безусловным и т. д. Однако в своих практических действиях они как раз исходят из требований и конвенций этой игровой ситуации, что прекрасно подтверждает известную теорему Уильяма Томаса: *«Если люди определяют некоторые ситуации в качестве реальных – эти ситуации становятся реальными в своих последствиях»*.

Характеристики виртуальной реальности (в частности, реальность по принципу воздействия: управляемость, условность и прерываемость) делают ее практически идеальной средой для игры. Главными составляющими игры являются имитация (игра есть имитирующая реальность система – замещение абсолютной реальности ее иллюзией) и условность (в силу конвенционального характера правил, задающих поле игры): это прерываемость, условность пространства, времени и идентичности.

Как способ проведения времени в виртуальном пространстве *онлайн-игры* занимают далеко не последнее место, в значительной степени благодаря тому, что нигде виртуальность как особый мир не имеет такой визуальной достоверности, как в играх – и особенно в графических играх последнего поколения.

Новейшие компьютерные игровые двигатели и драйверы создают миры, мало отличающиеся своей визуальной составляющей от реального (физического) мира. Современные технические средства позволяют добиться недостижимой ранее достоверности, схожести с реальным (физическим) миром: продуманная физика мира, плавные, абсолютно живые движения *аватар*, мимика, выражения эмоций, звук – все выглядит и ощущается «как живое». Одновременно с этим отчетли-

774 во виден вторичный, симуляционный характер этой игровой реальности, как в фантастических элементах, так и, прежде всего, в условности некоторых сторон игры.

Таким образом, в условиях развития графического интерфейса современных онлайн-игр они становятся интересным предметом для анализа. Скриншоты игр становятся фактически аналогом фотографий: они отображают как индивидуальные предпочтения людей, так и некоторые аспекты социальных отношений, взаимодействий и структур.

Виртуальность уже сегодня готова заменить большинство основных институтов общества (включая семью, образование, экономические и политические институты и пр.). Ее повсеместное распространение словно удваивает окружающий мир на «настоящий» и «ненастоящий». Насколько безопасны подобные подмены и удвоения? Что может принести с собой замена реальных институтов виртуальными? Кто является властителями виртуальных миров? Сегодня эти вопросы стоят особенно остро и требуют вполне реальных ответов.

Наиболее ярким проявлением виртуальной реальности является Интернет. Из специализированной компьютерной сети за короткий срок Интернет превратился в социальную систему, субъектами которой являются реальные и виртуальные личности, группы и общности, в нем полностью копируется структура реального общества, в которую переходят реальные социальные и этические проблемы, такие как социализация и социальное отчуждение посредством Интернета, самоидентификация личностей и групп и т. д. Важным представляется исследование развития социальной системы Интернета, ее социальных вызовов и угроз.

Онтологический статус виртуальности

Виртуализация – неизменный спутник и продукт культуры как таковой.

На ранних этапах становления философского рационализма, в частности у Платона, были сформулированы принципы, согласно которым мир идеальных сущностей и форм обладает

большей степенью реальности, чем мир материальных предметов. Дальнейшая история европейского идеализма и рационализма, в лице Декарта провозгласившая субстанциальный дуализм и параллелизм бытия и идеального мышления, увенчалась гегелевским абсолютным идеализмом, согласно которому мир, данный в ощущении, есть продукт саморазвития познающей себя идеальной субстанции. Другая ветвь европейской философии породила «грезящий идеализм» Беркли, уводивший человека в мир субъективных феноменов, «комплексов ощущений», не релевантных материальности.

Можем ли мы рассматривать эти и иные инварианты идеализма, делавшие главный акцент на продуктивной силе сознания, в качестве предыстории виртуализации? Разумеется, о терминах и понятиях можно и должно спорить. Но в любом случае такая постановка вопроса имеет право на существование. При этом речь идет не только и не столько об истории философии. В более широком плане культура вырабатывает общественные и широко распространенные формы *институализации идеальной сферы*. Это, прежде всего, религия, искусство, психоделические практики в своих различных вариантах. В контексте этих социальных феноменов и практик индивид и индивиды с различной степенью интенсивности погружают себя в мир имагинативного, создают свой имматериальный мир и существуют в нем – от кратковременных точечных проникновений и прикосновений вплоть до профессионально обусловленных программ коллективных действий и полной (невозвратной) идентификации с этим миром. Более того, как представляется, любые формы концентрированной продуктивной интеллектуальной деятельности фактически соприкасаются со сферой идеального как универсума. А это подразумевает, хотя бы потенциально, перспективу погружения в это идеальное.

Культура уже достаточно давно выработала инструментарий и набор образцов виртуализации. Формы фантазийной зависимости достаточно разнообразны. Они простираются от сферы художественной литературы, когда писатель силой

776 креативной воли полностью отождествляет себя с миром своих героев (Г. Флобер: «Мадам Бовари – это я»), входит в этот мир и пребывает в нем, от грандиозных виртуальных проектов в сфере политики (социалистическая теория и социалистическая революция в России XX века) до теоретической социологии, пытающейся в замкнутом круговороте продуцировать понятия, порождаемые «духом самих понятий», потерявших вектор своей корреляции с реальным социальным миром. Подчас эти формы приобретают замкнуто-сектантский характер, во многих иных случаях они становятся массовыми и тиражируемыми и тем самым порождающими саморазвивающийся миф.

Надо признать, что виртуализация в своей социальной проекции подчас соседствует и взаимодействует с такими явлениями, как сознательно применяемая общественная ложь, институализированный обман и социальное мифотворчество. В известной мере это также инструменты виртуализации, используемые с целью закрепления экономической и политической власти (вполне материальной по своей природе). Это и сознательно стимулированное – различными способами – балансирование на грани «этого» и «того» миров, связанное с уходом либо в мир прошлого (Дон Кихот как своеобразный символ виртуализации¹⁷), либо в мир футуристической фантастики (фильмы «Матрица», «Дневной дозор» и мн. др.).

Предпринятые выше попытки наметить исторические корни и традиции виртуализации, между тем, не могут снять вопрос о принципиально новом характере виртуализации XX-XXI вв., эпохи информационной революции и глобализации.

¹⁷ Сервантес создает выдающееся художественное произведение, полностью имажинативное, то есть виртуальное, как и любое другое произведение художественной литературы. Главный герой романа, Дон Кихот, рыцарь печального образа, в свою очередь, создает в своем воображении мир давно ушедшей рыцарской эпохи и живет в этом мире, болезненно соприкасающемся с реальностью. Одна виртуальность множится на другую виртуальность.

До XX века конструирование фантазийных миров, даже в своих наиболее интенсивных формах, не носило массового и стереотипно-продуцируемого характера. Оно было рассчитано на отдельные социальные группы (социальные слои и субкультурные сообщества), которые пользовались правом потреблять роскошь имагинативности в тех или иных ее формах. Пожалуй, только религия давала пример тотальной массовости.

В нашу эпоху виртуализация приобрела иной, всеобщий характер. И в этом состоит, быть может, главная особенность современной культуры. В свое время эта эпоха отдаленно началась с гутенберговского книгопечатания и широкого тиражирования художественных текстов, прошла в XIX веке этап тиражной печатной прессы, в XX веке достигла новых высот технологичности в кинематографе, радио и телевидении. Конец XX века ознаменовался всеобщим внедрением Интернета и цифровых технологий, во многом сделавших виртуализацию достоянием сотен миллионов пользователей. И то, что прежде на протяжении веков было уделом избранных, в наши дни стало всеобщим.

Развитие технологий информатизации способствовало тому, что два основополагающих понятия – время и пространство – перестали быть однозначными, они диверсифицировались и плюрализировались. *Anything, anywhere, anytime* – таков лозунг индустрии, создающей имиджи и распространяющей их¹⁸. Географические показатели пространства уже не играют столь значительную роль в жизни общества, как это было совсем еще недавно. Географическое пространство все меньше и меньше является для нас первостепенным. Оно стало пластичным, искусственно конструируемым по месту и времени, разделяемым на части и легко воссоединяемым по желанию креативщика. Интернет сокращает до минимума информационные дистанции между людьми. Время, которое также претерпело изменение, перестало быть объективным,

¹⁸ *Anything, anywhere, anytime* – слоган всемирно известной корпорации HP.

778 это уже не показатель процессов, фактов, это нечто другое для современного человека, а именно длительность между подключениями к активной «матрице» виртуализации, будь то телевизор, компьютер, иллюстрированный журнал или мегамолл в качестве храма потребления (Дж. Рицер). Развитие медиа, которое последовало за прогрессом в науке и технике, привело к тому, что сейчас информация является одним из самых необходимых ресурсов для человека.

Это повлекло за собой пришествие и нового человека, вполне соответствующего эпохе виртуализации и информатизации. Пластичность потребителя виртуальности стала ведущей характеристикой личности – *«Каждый может быть любым»* (Бодрийяр). И легкодоступность виртуализационных технологий делает это возможным практически для каждого. Современный школьник старших классов на своем домашнем компьютере может самостоятельно творить реальность компьютерных игр и компьютерного графического пространства, уходить в это пространство, подключенное к Интернету, и жить в этом чисто виртуальном мире. Синдром интернет-компьютерной зависимости постепенно становится нормой в современном обществе.

Социальная наука может изучать современное состояние общества так же, как делала это в XIX веке, но в данном случае огромная сфера изучения окажется вне поля зрения ученых, что приведет к проблемам в самом обществе. Поэтому в условиях виртуализации жизни необходим другой подход к изучению социальных явлений.

Прежде чем разработать какой-то оригинальный и эффективный подход, необходимо понять и описать все те изменения в нашей жизни, которые можно назвать «виртуализацией».

Виртуализация как реальность

Значительнее в нашей повседневной жизни становится роль образов, роль изображений, роль ощущений, которые не пытаются отражать действительность, но создают свои миры. Копия начинает обладать сходством с референтом, поскольку

строит себя по образу идеи. Постепенно *копия замещает референт и приобретает самостоятельность*. Симулякр – это копия копии, лишенная подобия. Уход от аутентичности и погружение в мир «копий копий» сопровождается возникновением соответствующих широко распространенных и всем известных языковых форм русского языка: «как бы», «на самом деле» и пр. *Виртуализация – это все «как бы» настоящее, но «на самом деле» не настоящее*. Симулякр становится нерепрезентативной моделью, не подразумевающей существование объективного референта. В итоге виртуализация приводит к тому, что симуляция становится сначала параллельной реальности, а затем и имманентной реальности. Реальность наполняется и взрывается изнутри виртуальностью.

Таким образом, средства виртуализации формируют *миры*, то есть замкнутые универсумы сколь угодно большого или локального масштаба. «Мир медиа», «мир рекламы», «мир моды» («мир кожи», «мир паркета», «мир меха») порой становится для массового потребителя первостепенным и более важным, чем сами товары, факты и люди¹⁹. Происходит потребление имажинативного, имиджевого, а не реальной потребительной стоимости, которая в известной мере становится вторичной по отношению к виртуальной стоимости. В конце концов, прежде всего потребляется бренд, а не сам товар. Процессы виртуализации и потребления симуляционного бренда во всех сферах пронизывают жизнь современных сообществ. Зафиксировать и описать эти процессы – одна из основных целей исследовательской программы.

Существенную роль в конструировании этих множественных миров играет *визуальность*. Она сокращает путь к имажинативному, она более доходчива, впечатляюща, более захватывающа. В конце концов, 80% информации, получаемой человеком, приходит через зрительные рецепторы.

¹⁹ Указанные рекламные слоганы и названия весьма характерны с социологической точки зрения. Практически каждая мизерабельная потребительская практика, получившая массовое распространение, претендует на создание своего виртуального «мира».

780 Визуальные образы (скорее, «симулякры») преследуют современного человека повсюду. Они прорываются сквозь оболочку индивидуальной защиты и оказывают мощное воздействие на психику. Сфера визуального восприятия превращается в основной канал связи с виртуальной реальностью. Казалось бы, безобидная наружная реклама, убаюкивающий восприятие гладкий дизайн интерьеров и предметов быта, плазменные панели, вещающие по спутниковым каналам в огромных объемах, – все это и есть проникновение виртуальной визуальности в мир человека наших дней.

В академическом преподавании средства наглядной визуальности (постер-сессии, программа *PowerPoint* и др.) захватывают все большие и большие пространства. Виртуальные аудитории, объединяющие по каналам *IP*-телефонии в режиме *on-line* университеты различных континентов, создают прообраз университетов будущего. Физические характеристики коммуникации в процессе образования становятся вторичными, уступая место *онлайну*. Университет завтрашнего, а отчасти и сегодняшнего дня – это виртуальное общение аудиторий и преподавателя, разнесенных в пространстве на сколь угодно большое расстояние.

Социологическое воображение и социология воображаемого

Характерная особенность современных обществ состоит и в том, что визуальные конструкты постепенно вытесняют невизуально-интеллектуальные. Так, книга и собственно чтение уступают место потреблению визуальных имиджей («картинки» любого рода, плакат-реклама, телесериал и пр.²⁰). Книга превращается в артефакт (полиграфический

²⁰ Примечательно, что даже книжная продукция теперь нагружается и перегружается иллюстративно-визуальным материалом в противовес чисто текстовому. Развитие индустрии так называемой глянцевой прессы – лучшее тому свидетельство. Все, что возможно, переносится в зрительно-изобразительную сферу. Весьма показателен и пример с учебниками по истории социологии, превращенными в сериальные комиксы.

сувенир), предмет интерьера, *подарок, сокровище*, а не источник информации. Чтение книги (а также книгоиздание и книготорговля) уходят со сцены на наших глазах. Притом, как представляется, речь идет не о временной флуктуации рынка культурных продуктов, а об изменившемся векторе развития культуры как таковой. В этом смысле и проникновение в зеркале виртуальности в значительной степени может идти по пути расшифровки визуальных имиджей.

Обостренное чувство зрительного восприятия мира присуще не всем. Это чувство не самоочевидно, оно свойственно далеко не всем. Миллионы людей смотрят вокруг себя, но не видят окружающего мира, их взгляд словно проскальзывает по поверхности визуального, не проникая вглубь. Социология, особенно т. н. *визуальная социология* учит нас не только фиксировать взгляд на мире вещей и мире людей, но постоянно искать внешние индикаторы внутренних феноменов. А это большое искусство, опять-таки свойственное не всем. Отдельные люди наделены им от рождения, другие благоприобретают его, третьи никогда не овладевают умением визуального анализа, навсегда оставаясь вне круга визуализаторов.

В социологическом мире постоянно идут дискуссии о том, насколько *визуальный анализ* адекватен целям и методам социологии как таковой. При этом задаются вопросы: на каком основании делают те или иные выводы в контексте анализа визуального ряда? Не есть ли свобода множественных интерпретаций зрительных индикаторов лишь прикрытие субъективного произвола неоправданных суждений – по принципу «Я вижу это так, а вы – совершенно иначе. И кто же прав?». Но здесь в силу вступает принцип процессуальной дискуссии. Действительно, множественность интерпретаций одних и тех же зафиксированных зрительных феноменов имеет место, притом практически всегда. Но процесс коллективного анализа (обсуждения) как раз и становится основой анализа. В столкновении точек зрения возникает социальный феномен.

Визуальный анализ обладает несомненными эвристическими свойствами. Он ориентирован на познание и понима-

782 ние социального мира с помощью объединения социальной теории и навыков работы с фотокамерой. Молодые социологи овладевают так называемым социологическим воображением. Используя визуальную информацию, социолог с помощью социологического воображения может проникнуть в суть явлений и процессов окружающего социального мира.

Sociological imagination – важное понятие современной социологии. Оно было введено Ч. Р. Миллсом²¹ для обозначения принципа социологической генерализации, то есть подведения конкретных фактов под обобщенную категорию или тенденцию, выход за пределы наивной и обыденной созерцательности и переход к аналитике социальной реальности. Социологическое воображение фактически является необходимым условием всякого социологического мышления как такового²². Социология вне социологического воображения невозможна, это основа социологии как профессии. Визуальная дидактика рассчитана на развитие социологического мышления студентов и ставит своей целью научить максимально полно использовать визуальные средства для анализа окружающего мира. Будущие социологи с помощью фотофиксации внешних признаков тех или иных явлений учатся тому, как распознавать глубинные тенденции жизнедеятельности общества. Не так давно, в 2005 г., профессор Петр Штомпка, выдающийся польский социолог, Президент Международной социологической ассоциации давал мастер-класс по визуальной социологии на кафедре общей социологии Государственного университета – Высшей школы экономики. Пустив по аудитории отпечатки фотографий, сделанные в разные годы, социолог шаг за шагом погружал аудиторию в глубинные слои социальной реальности. Визуальное на наших глазах становилось социологически реальным. Замечательными

²¹ Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / Под общ. ред. Г. С. Батыгина. – М.: NOTA BENE, 2001.

²² См. также: Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 148-149.

авторскими снимками наполнена книга П. Штомпки «Социология. Анализ современных обществ»²³, ставшая популярным учебником социологии во многих странах мира, включая и Россию²⁴.

Когда-то, впрочем совсем еще недавно, фотография была своего рода колдовством, доступным далеко не всем. В темноте домашней лаборатории, чаще всего в ванной комнате, при свете красного фонаря в ванночке с проявителем возникали на бумаге образы мира. В этом было что-то магическое. И фотографа нередко воспринимали в качестве волшебника, почетного гостя, важного человека, умеющего остановить мгновение и зафиксировать его. Со временем изобрели «мыльницы» – простенькие пленочные камеры, не требовавшие большого тщания для съемки. И тут же родился феномен *one-hour photo* – коммерческая печать любых снимков за один час. Наши дома стали стремительно наполняться стандартными цветными снимками, которые в лучшем случае хранились в альбомчиках, а в худшем – бессистемно складывались в картонные коробки из-под обуви. Посещение друзей в их квартирах превратилось в мучение. Гости немедленно нагружали кипой альбомов, в которых он вынужденно должен был рассматривать типовые фотоимиджи. Более того, всякое путешествие превратилось в нескончаемый процесс фотографирования – без цели, без эстетики, без понимания смысла визуального. Джон Урри назвал это *tourist gaze*, то есть взгляд туриста, «впертый» в реальный ландшафт и преобразующий этот ландшафт, ибо внешняя среда силами туристических дизайнеров стала все больше и больше подыгрывать туристам, словно приглашая их: «Сними меня, сними меня!» Но для чего? Ответ дает феномен, получивший название «синдром Кодака» (Н. Покровский). Турист, делая бесконечные серии снимков, стремится захватить и, в конечном счете, присвоить часть символического пространства и стать его обладателем.

²³ Штомпка П. Социология. Анализ современных обществ. – М.: Логос, 2005.

²⁴ Штомпка П. Визуальная социология. – М.: Логос, 2007.

784 Визуальные образы стали нашим символическим и виртуальным сокровищем, которое, правда, ни на что не обменивается и никому особенно не нужно, кроме самого его обладателя.

Цифровая революция все перевернула верх дном. Теперь уже каждый неопит стал способен не просто творить визуальные чудеса с помощью своей мегапиксельной цифровой камеры и последующей компьютерной обработки снимков, а создавать свою собственную реальность, переносить ее в Интернет и фактически растворяться в нем. Возникла проблема не столько захвата изображения, сколько его складирования и систематизации. Жесткие диски компьютеров наполняются тысячами цифровых изображений, которые никто и никогда не просматривает, ибо их так много и они так неинтересны. Но в этой лавине зафиксированных изображений стала находить свое новое амплуа социология. Она не ориентируется на эстетику и особенное, для социологии важна фактографичность и типичность. И потому каждый более или менее вразумительный снимок может стать в своем социальном контексте предметом для анализа. Можно сказать, что «цифра» воссоздала визуальную социологию.

В. В. Козлов

Проблема объекта в мире массовой коммуникации: автономная личность или социальная взаимозависимость

Массовая коммуникация в различных ее видах – газеты, телевидение, радио – является значимым феноменом жизни современного общества, основательно влияющим на социальное сознание и иногда формирующим его.

Структура массовой коммуникации определена еще Г. Ласуэллом и имеет в своей основе классическую схему коммуникативного акта, предложенную известным политическим психологом прошлого столетия: «Кто передает Что посредством каких Каналов и Кому?»

В нашей статье мы хотим уделить основное внимание проблеме «Кому» в конструировании реальности в процессах массовой коммуникации.

Вне сомнения, изначально главным свойством посланий, транслирующихся по массовым каналам, является общезначимость. Они предназначены для всех и каждого и должны быть интересны всем и каждому, то есть объекты послания (личность, группа) в некотором смысле должны быть одинаковыми в ценностях, мотивах, целях, установках и др.

Это находится в большом противоречии с тезисом неповторимости свойств каждого отдельного человека, популярным в современных научных психологических концепциях. В наших статьях и книгах мы также неоднократно писали, что любая личность и группа совершенны и уникальны. Они уникальны, потому что:

- имеют уникальную структуру по системе своих отождествлений с идеями, социальными статусами, цен-

ностями, тенденциями, направленностью и материальными объектами;

- имеют уникальную систему воспитания и формирования, жизненный путь;
- имеют уникальный язык взаимодействий с миром¹.

Человек и группа разговаривают с миром не только на уровне словесного языка, но и на уровне эмоций, языка символов, языка знаков, телесностью.

Единство этих трех компонентов (структура, эволюция и язык взаимодействия с реальностью) и создают личность и группу, которые бесподобны в прямом и самом непосредственном понимании этого слова. Нет ни одной личности и группы в социальной реальности, которая была бы похожа на другую.

Первое, что важно в понимании личности и групп, – это их уникальность и самоценность: каждый человек, любая человеческая общность, все человечество совершенны и уникальны в любую секунду своего существования. Такие личностные процессы, как самореализация, самоактуализация, тенденция к самовыражению, рост, расширение сознания, право быть, развитие личностного потенциала, реализация ресурса, придают личности особую автономность и исключительность.

С конца XIX в., с развитием промышленности, общего самосознания, с повышением урбанизации, европейская культура направляет развитие личности в сторону все большего отделения от других людей, стремления к независимости, уникальности и к обладанию неповторимым набором признаков. Эта тенденция проявлена в культе одиночества Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, французских экзистенциалистов в философии, в принципе реальности *эго* в психоанализе, в доминанте личностного успеха, лидерства в бихевиоризме, в идеях самореализации и самоактуализации в гуманистической психологии К. Роджерса и А. Маслоу.

¹ Козлов В. В. Измененные состояния сознания. Личностный рост. Методы и техники. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2001.

В гуманистической психологии представление о независимости *эго* зиждется на вере в целостность, уникальность структуры и внутренних признаков каждого отдельно взятого человека.

Как пишет А. Маслоу: «Для того чтобы высказывать честное мнение, человек должен быть отличным, независимым от других, должен *быть* *нонконформистом*. Если мы не можем научить наших клиентов, молодых или старых, быть готовыми к независимой от окружающих позиции, мы можем сейчас же прекратить свою деятельность. Быть смелым, вместо того чтобы бояться, – это другое проявление того же самого»². Вспоминается по ассоциации ницшеанское «Созидающие – будьте тверды».

За последние 150 лет европейская и американская культура смогла реализовать один из самых глобальных проектов рождения и воспитания независимой личности – свободной и «имеющей наглость быть» – в большей индивидуальности, с предельной палитрой личностных черт и свойств, своеобразия в поведении, в мышлении, в чувствах, отношениях с миром и другими людьми.

Ядро этого представления включает понимание себя как *автономной, независимой личности*. Этот тезис может ассоциироваться с индивидуализмом, эгоцентризмом, отделенностью от других, направленностью *эго* от общественных интересов, сепаратизмом.

Основная масса живущих на Земле людей, на наш взгляд, имеет эти выраженные *эго*-конструкты. Это отражает единственный факт, что европейская модель личности является эталонной и доминирующей во всем мире.

Существует достаточно распространенное мнение в современной социальной психологии и социологии о том, что люди неевропейской культуры имеют другую тенденцию и направленность на зависимость от социальной группы, ко-

² Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты / Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

788 торой принадлежат, даже на фундаментальную связанность всех людей по отношению друг к другу.

В модели мира таких личностей происходит связывание каждого отдельного индивида с общими социальными установками и ценностями общества и людей в обществе, поведение каждого отдельного человека определяется в связке с поведением всей массы в целом, поведение, эмоции, способы реагирования других составляют основу взаимоотношений.

В качестве классического образца приводится японская культура, в которой восприятие себя непосредственно связано с участием в одном большом общественном союзе. Ценность себя возрастает при слиянии себя с обществом, культурой. В китайской культуре на первый план выдвигаются социальные нормы и ожидания других, нежели личные желания и ожидания, а тайцы на первое место в отношениях ставят смирение, уважение, избегание травмировать других, тревожить их, самоуничтожение. В этом проявляется идея неевропейской взаимозависимой личности (в отличие от эгоцентрической европейской). Предполагается, что в различных аспектах общественной жизни личные мнения, интересы и установки играют второстепенную роль – они должны находиться в зависимости от социальных установок и следовать главным задачам социальных сообществ. В Советском Союзе было очень красивое выражение – *слуга народа*. Наверно, именно это выражение емко определяет неевропейский склад личности в данных культурах, когда поведение, деятельность индивида, установки, ценности личности продиктованы обществом и опираются на его восприятие и понимание.

Аналог таких состояний мы можем обнаружить в трансперсональной психологии: «Подобные переживания включают в себя слияние с другой личностью в состоянии, которое можно было бы назвать “двуединством”, принятие в себя самобытных свойств другой личности, отождествление с сознанием целой группы людей, такой как все матери мира, все население Индии или все узники концлагерей, либо даже пережива-

ние такого расширения сознания, которое, кажется, способно объять все человечество. И переживания такого рода описывались в мировой духовной литературе неоднократно»³.

Мотивационным ядром видения «себя» в соединении с «другими» является стремление растворения эго в групповом сознании.

Все мы существуем в некоем ограниченном пространстве своего эго, личностном одиночестве. С одной стороны, мы имеем индивидуальное сознание и ограниченное эго, с другой стороны, с самого глубокого детства у нас есть стремление трансцендировать свою индивидуальность.

Стремление трансцендировать свое одиночество, приобрести состояние целостности в другом или в других является базовым стремлением человека. Люди ищут ощущение слияния, трансцендирования себя, растворения в другом.

Мы можем вычленить определенные уровни проявления этого стремления:

- Мы хотим трансцендировать себя через ощущение целостности с другим. Не так важен объект слияния: мама, папа, ребенок, друг, подруга, муж или жена... Важно, что человек ищет эту возможность и это переживание.
- Мы хотим трансцендировать себя через ощущение целостности с другими – с группой. Стремление создать хорошую семью, работать в группе высокого уровня сплочения, коллективе, в котором возникает ощущение «Мы».
- Мы хотим трансцендировать себя через ощущение целостности с другими – со всем человечеством. Высшие состояния человеческой интегрированности в любой традиции ассоциируются именно с этим уровнем слияния. Каждый из нас помнит принципы гуманизма, равенства, братства. На самом деле, это не только и не столько принципы коммунистического общества.

³ Козлов В. В. Измененные состояния сознания. Личностный рост. Методы и техники.

790

С одной стороны, мы себя стабильно, надежно, структурированно чувствуем внутри пространства своего тела и это и жестко охраняем это пространство и чувствуем опасность, когда другой или другие нарушают его. С другой стороны, мы все время стремимся к целостности с другим человеком, с другими людьми, со всем человечеством – мы хотим слиться. И в этом заключается один из базовых конфликтов личностного бытия в мире.

И как бы получается, что этот базовый конфликт имеет две полярности решения:

- европейский – выбирающий отделенность и независимость от социума;
- неевропейский – где определяющим для личности является социальный контекст и наблюдается тяга к становлению частью целого (в качестве целого может выступать группа, этнос или любое сообщество).

Если изобразить это схематически, то получится некоторый континуум, в котором крайними точками являются:

-1 – предельный эгоцентризм европейца

+1 – максимальный коллективизм неевропейца

0 – невыраженность и тех и других качеств.

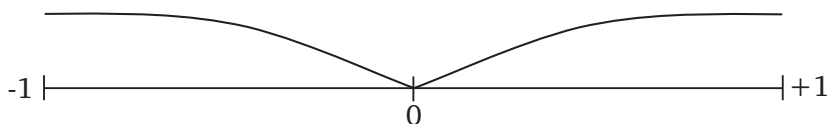


Рис. 1. Типология ориентаций личности: миф

На уровне социальной онтологии мы вроде должны усмотреть глобальный факт раскола человеческого мира с двумя типами личностей – эгоцентрической европейской и гуманистической, коллективоцентрированной неевропейской. В чем прагматический смысл этой классификации и насколько она соответствует действительности – предмет наших дальнейших рассуждений. Мы все-таки выдвинем

несколько важных положений, которые должны показать, что данная дифференциация имеет весьма искусственный характер.

Мы все взаимозависимы социально

Взаимозависимые (неевропейской ориентации) или независимые (европейской эгоцентрической ориентации) личности ориентированы на социальную среду, в которую они погружены и которой они обусловлены по всем качествам. Само существование личности напрямую и жестко связано с взаимодействием с социумом.

И тот, и другой тип личности заинтересован в стратегическом определении лучшего способа выражения или утверждения в социальном окружении. Каждая личность независимо от бинарности ориентации (эгоцентрического, внутреннего или внешнего, социального характера) в целом оценивает себя «социальными глазами» и ориентируется на социальные стандарты, положительные подкрепления социального сообщества оказывает укрепляющее влияние на самооценку личности.

Для европейского и неевропейского типа базовым регулирующим, системообразующим фактором социального эго является интегративный статус. Интегративный статус – это социальное положение, которым содержательно наполнено жизненное пространство личности и на которое направлена ее активность.

В интегративном статусе (как и в структуре любой социальной роли) мы можем вычленить несколько компонентов.

Во-первых, в интегративном статусе присутствует объективный компонент, связанный с местом, которое занимает данный индивид в социальной системе. У президента, студента вуза или бомжа – у каждого свое место в общественном организме.

Обычно позиции интегративного статуса закреплены в писаных нормах права, в уставах и других регламентирующих документах организаций. Интегративный статус – это набор

792 функциональных обязанностей личности, которые предписывает место в социальном сообществе. Эти предписания отличаются по степени жесткости и однозначности, свободы по отношению ко времени и пространству реализации функций, системе санкций поощрения-наказания и др.

Есть и другой способ закрепления интегративного статуса, который связан с неписаными нормами, с традициями. Например, в любой системе иерархии реальный вес интегративного статуса оценивается еще и по тому, какое место рядом с руководителем он занимает. Чем ближе к руководителю – тем выше реальный социальный вес. То есть интегративный статус домохозяйки имеет разный социальный вес в зависимости от того, к какому уровню иерархии власти-подчинения он приближен (домохозяйка – жена рабочего литейного цеха моторного завода, домохозяйка – жена директора завода, домохозяйка – жена губернатора).

В силу того что различным статусам соответствуют различные ресурсы власти (в самом широком смысле этого слова – экономической, символической власти, степени контроля над собственной жизнью, свободе принятия решений и реализации своих интересов в разных сферах жизни и т. д.), выбранный человеком интегративный статус определяет степень «дозволенной» ему свободы и подчинения.

Второй компонент имеет социально-психологический характер и касается характера установок, оценок реализации обязанностей интегративного статуса со стороны социального окружения. Людские ожидания, надежды, представления о том, как, где, в какой манере личность должна поступать и чего не должна делать, и формируют среду реализации статуса. Можно сказать, что это та сторона интегративного статуса, которой личность повернута к людям и которая составляет важную часть социального имиджа личности.

Этот компонент может не совпадать с реальным содержанием личности. Здесь, с одной стороны, возникают возможности манипуляций социальным сознанием, но, с другой стороны, ожидания со стороны социального окружения оказывают

и сдерживающее воздействие на поведение личности, очерчивают для него границы возможного.

Третий компонент интегративного статуса как системообразующего фактора социального *эго* – это представление личности о самом себе, его *я*-концепция, самосознание. Один и тот же интегративный статус столь по-разному исполняется людьми не столько в силу отличий их характера, темперамента, сколько в силу их собственных представлений о том, как надо это делать, какие личностные смыслы вкладываются в реализацию статуса, как понимается роль статуса в социальной системе.

Следует отметить, что сказанное относится не только к интегративному статусу, но и к вторичным статусам и ролям.

Взаимодействие личности и социальной среды подчиняется закономерностям разного уровня, которые, накладываясь друг на друга, образуют, с одной стороны, определенную ситуацию развития личности, а с другой – воздействуют на ход развития социальных организаций.

Интегративный статус определяет смыслодеятельностное поле человека и влияет на способ мышления, на оценку других людей и т. д. Вне сомнения, для личности важно, насколько интегративный статус социально значим. Но еще более важно то, как с ним человек идентифицирован. Он диктует определенный уклад жизни, круг интересов, сферу общения, направленность, основную активацию. Интегративный статус – это социальное лицо личности и способ репрезентации личности в общественной системе.

Интегративный статус, как мы указывали выше, имеет регулятивную функцию. Интегративный статус, независимо от того, к европейскому или неевропейскому типу относится человек, диктует способ жизни, мировоззрение, ценностную ориентацию, мотивацию и т. д. Интегративный статус – это та социальная структура, с позиций которой личность оценивает и выстраивает свои общественные отношения.

Мы все живем из тела

Для людей неевропейской и европейской ориентации системообразующим стержнем *эго* является тело. Оно вычленяется из действительности как *самость*, структурируется как базовый элемент сознания и личности, осознается как *я*.

Первым шагом возникновения самосознания, самоидентификации, вообще возникновения сознания является акт расчленения между *я* как телом и другим как телесным объектом. На уровне индивидуальной биографии это первичная матрица дуальности *я* и не-*я* – на уровне матери и ребенка. Когда ребенок отрывается от груди, в это время и формируется личный (личностный) *я* как некая автономная репрезентация. Появляется расчленение на «свое» и другое. Появляется свое тело как объект и тело другого как объект (объективная реальность). Происходит отторжение наблюдателя от наблюдаемого, дифференциация субъекта и объекта.

Более того, первичные чувства, которые формируются у личности (например, отношение к себе как к сверхценному объекту, или как к незначимому объекту или как к амбивалентному существу), идут в основном из взаимодействия с матерью или с телом другого референтного объекта.

Первое – это телесность и отношение к телесности и то, что человек получает из этого опыта. В силу того что это первичная, стержневая структура человеческого самосознания, то в основном на базовых отношениях к телесности формируются все другие конструкции *эго*, все другие конструкции *эго*-идентификаций.

Независимо от европейской или неевропейской ориентации, тело является для человека интегрирующей точкой, *я*-образом. Человек считает: *я* есть тело. Это происходит в силу нескольких причин.

Во-первых, сознание впервые обнаруживает себя в теле с его потребностями, которые приходится обслуживать. Наша физическая автономность ассоциируется с одиночеством. Отделенное в теле *я* порождает страх сближения с другими людьми и фобию сильных эмоций. Мы боимся впускать других слишком близко в свое интимное пространство, так как

это очень соблазнительно, но все равно плохо кончится. Опыт бесконечной близости с матерью заканчивается отлучением от нее и личной катастрофой.

Во-вторых, социализация человека начинается с отношения к нему других людей как к носителю тела. Другие люди начинают удовлетворять потребности тела ребенка и структурировать его пространство и время, используя базовые потребности тела младенца, обучение туалету, кормление ребенка по часам с соблюдением социальных ритуалов, обучение хождению, вокализации; таким образом, вся первичная социализация – социализация тела и телесных реакций. Социальное «незамечание» телесности – это бессознательный страх смерти. Презренное равнодушие – худшее отношение, которое может заслужить к себе человек.

В-третьих, тело все время напоминает о себе своими потребностями: есть, пить, спать, дышать, в конце концов. Тело своей постоянной неудовлетворенностью напоминает нам, что мы есть и кто мы есть.

В-четвертых, все базовые гедонистические удовольствия мы получаем через тело. И любая удовлетворенность тела кажется гораздо надежней удовлетворенности, например, духовной. Появляется уверенность в удовлетворенности. Когда правильно «кормишь» тело, оно становится настоящим «сосудом наслаждения».

В-пятых, человеческое тело – это единственное, что подвергается наибольшему контролю сознания и личности. Тело подвержено управлению и контролю. Тело является единственным орудием реализации деятельности, целенаправленной активности. Это единственный физический способ выразить себя. Любая потеря контроля над телом, будь то болезнь или необычная реакция тела, сходна со страхом смерти или потери возможности проявлять себя. Этим обусловлен страх болезни, старости и смерти, когда тело выходит из-под контроля.

Все эти закономерности функционирования эго в теле не зависят от других личностных ориентаций и установок. Они общие для жизни, существования личности.

Более того – закономерности функционирования телесности и существования эго тождественны, независимо от расовой, этнической или культурной идентичности.

Мы родственны экзистенциально

В духовном эго экзистенциальные составляющие, которые присущи как европейцам, так и неевропейцам, по смыслу и содержанию аналогичны. Ядро «я-духовного» – базовые экзистенции, интимные, сакральные смыслы, которые касаются стержневых проблем бытия. На наш взгляд, интегративным, системообразующим центром духовного эго является смысл жизни.

С точки зрения экзистенциальной психологии, существуют четыре основные экзистенциальные проблемы, связанные с так называемыми «конечными данностями»: смерть, свобода, одиночество, бессмысленность. Смерть (и страх смерти как неизбежно вытекающее переживание, чувство) есть самая осознаваемая конечная данность. Основным экзистенциальным конфликтом любого человека – это противостояние между сознанием неизбежности смерти и желанием продолжать жить.

Данность смерти и конфликт *жизнь-смерть* во все времена были основной темой философских размышлений, практик инициации, религиозного сознания и пр., и пр. (Эрос – Танатос, либидо – мортидо, инстинкт сохранения индивида – инстинкт сохранения вида и т. п.). С точки зрения возрастного развития индивида яркое осознание своей смертности (конечности) возникает в жизни три раза: в 6-7 лет (когда ребенок, как правило, впервые сталкивается с понятием «смерть»), но не переносит это понятие на себя самого: люди могут умирать), 13-14 лет (пик пубертатного кризиса, когда возникает новый этап осознания смерти: люди умирают, и я могу умереть), 45-55 лет (кризис второй половины жизни, когда эта данность все ближе, возникает новый этап осознания своей конечности: все люди умирают, и я скоро умру).

Страх смерти является самым основным и сильным страхом, который может вообще испытать человек, но он же дает

мощный толчок внутреннему развитию. В истории мы знаем множество случаев, когда пиковое переживание смерти (переживание клинической смерти, реальной возможности умереть или сильное присоединение к смерти близкого человека) может сразу «выбросить» человека на абсолютно иной и гораздо более высокий уровень внутреннего развития.

Страх смерти, являясь первичным и самым сильным источником постоянной экзистенциальной тревоги, может стать как самым сильным катализатором внутреннего развития личности, так и причиной социального падения или тяжелой психопатологии. Смерть как базовая конечность порождает три остальных экзистенциальных проблемы.

Во-первых, это свобода. Вопрос стоит так: если человек смертен, то можно ли вообще говорить о какой бы то ни было свободе (или, наоборот, человек свободен вообще и от всего, поскольку он смертен). Возникает психодинамическое противостояние: любой человек (сознательно или бессознательно) стремится к большей свободе, стремясь получить максимальную свободу (в частности, через деньги, власть, секс и т. п.) и одновременно «понимает», что свобода – это хаос.

С одной стороны – человек существо избыточное в выборе, бесконечно свободное в мышлении, в эмоциях, в поведении. С другой – в избыточности «застревает» человеческая воля, начинает терять силу и, в конце концов, утопает в хаосе избыточности возможностей.

Столкновение с хаосом невыносимо, и человек начинает метаться, пытаясь найти золотую середину между свободой-хаосом и несвободой-структурой. При этом потребности в свободе и структуре (несвободе) одинаково сильны. И снова человек вынужден искать нетривиальное, только свое решение, т. е. снова сделать выбор. При этом понимая, что любой выбор – ограничение свободы, но нет выбора – и нет свободы.

Более того, свобода – самая большая инфантильная фантазия человека независимо от расовой этнической или культурной идентичности, т. к. любая деятельностная эффектив-

798 ность связана с ограничением свободы, а высокая эффективность – с предельной несвободой.

Понятие экзистенциальной свободы, баланс между свободой и несвободой порождает осознание таких глубинных психологических структур, как ответственность, воля, активность, решение, выбор, плата за выбор, экзистенциальная вина. Балансирование между хаосом (ассоциативный ряд хаос – ужас – смерть...) и порядком (структурой) есть развитие личности.

Осознание своей свободы-несвободы неизбежно приводит к пониманию своего второго великого вопроса – одиночества, изоляции от всех других. Но изоляция не значит изолированность. Здоровое чувство одиночества – признак силы, автономности и зрелости, самореализации. Одиночество – остров, на котором человек делает свой первый вздох и неизбежно сделает последний выдох. В некотором смысле это единственная родина человека.

Экзистенциальный конфликт возникает между осознаваемой абсолютной изоляцией (человек изначально и бесконечно одинок в мире) и одной из самых сильных потребностей – потребностью в контакте с другими. Экзистенциальная изоляция является основанием для развития (осознавания, борьбы и т. п.) межличностной изоляции, т. е. одиночества среди людей, и внутриличностной изоляции, т. е. изоляции различных частей личности друг от друга, что – в крайнем случае – может привести к синдрому деперсонализации.

Процесс роста есть процесс постоянной сепарации, отделения (от матери, от родителей, от зависимостей и пр.). Следовательно, положительный момент дезинтеграции, вызванной изоляцией, заключается в формировании автономии, независимости, самоконтроля, индивидуации, самоуправления, самоответственности, т. е. всех характерных психологических особенностей истинно взрослой личности.

Одиночество – это плата за взрослость, зрелость, реализованность. И снова обострение переживания экзистенциального одиночества совпадает с определенными возраст-

ными зонами: все тот же пубертат, кризис самоопределения 29-33, кризис середины жизни. Значит, человек, не испытывавший одиночества по отношению к другим людям, не может по-настоящему любить, быть привязанным. Так, в словах *радость* и *страдание* один корень (рад), следовательно, тот, кто не умеет радоваться, не умеет и страдать, и сострадать.

Из всех трех экзистенциальных проблем (смерти, свободы, одиночества) логично вытекает последняя экзистенциальная проблема: проблема бессмысленности (т. е. страх потери всех смыслов). Действительно, если все равно умирать, то какой смысл что бы то ни было делать?

Смысл жизни является системообразующим, интегративным фактором деятельности человека в каждый период развития. Вне сомнения, о смысле существования человек задумывается в переломные моменты в жизни, т. е. кризисные, но они различаются по тому предикату, который стоит перед словом «смысл». Если в пубертате это «поиск смыслов» («искать»), в кризисе самоопределения «поиск новых смыслов» («обновлять, заменять»), то в кризисе второй половины жизни «потеря смыслов» («потерять»). Поэтому для многих людей кризис середины жизни является вызовом силе личности, его способности обнаружить высшие смыслы бытия.

Есть три решения в понимании смысла жизни.

- *стадное* – когда личность присоединяется к стандартным решениям обыденного сознания («все живут, и я живу», «жить ради самой жизни», «удовольствия ради», «родить сына, посадить дерево, построить дом» и др.). В этой версии человек не имеет своего смысла жизни.
- *замена смысла целью* – большинство людей начинает (в целях защиты) подменять «смысл» деятельностью «целью», что совсем не одно и то же. В качестве «смысла-цели» могут выступать любые реальные ситуативные или этапно-стадийные цели жизни (сдать экзамен – закончить школу; сдать сессию – получить высшее образование; познакомиться с парнем – выйти

замуж, вырастить детей; выйти на пенсию, бросить курить, заняться здоровьем, заработать миллион, купить машину и др.). Основная проблема – потеря смысла жизни при достижении цели, или ее девальвации, или невозможности ее достигнуть.

- *осознание своей миссии* как смысла жизни на земле – понимание глобального предназначения жизни. В некоторых смыслах миссию олицетворяют с призванием. И то и другое слово правильно отражают важные психологические конструкты этого высшего уровня понимания смысла жизни. Миссия (лат. *missio*, от *mittere* – посылать) всегда эмоционально переживается личностью как истина и интегративная смыслообразующая система ценностей бытия в мире; ощущается и принимается личностью как судьбоносное предназначение или даже предначертание онтологического характера; дает глубинное переживание «правильности» жизни и деятельности, адекватности выполнения базовой функции жизни на земле. Миссия или «снисходит», или является «духовным прозрением», или рождается личностью во время глубоких кризисных состояний как итог переоценки всех ценностей, но всегда имеет сакрализированный, интимно-личностный характер. Невыполнение миссии всегда связано с сильными угрызениями совести, мучительными переживаниями абсурда жизни, а реализация – с ощущением полноты жизни и реализованности.

Жизнь человека есть его взаимодействие с постоянно присутствующим внутренним конфликтом, который обусловлен конфронтацией индивидуума с данностью существования. Это те особенности жизни вообще, которые никто не может изменить. Таким образом, основная задача – научиться с ними жить.

На каждом новом этапе внутреннего развития с неизбежностью снова и снова возникает этот конфликт, и человек должен его снова и снова решать (так как его нельзя разрешить).

Это и есть путь внутреннего развития, становления и роста личности. Процесс подобного роста, естественно, не идет совершенно независимо от внешнего, реального, бытийного мира.

Ядром процесса индивидуации является глубинная рефлексия, осознание себя каждый раз на все более глубоких уровнях. Катализатором процесса рефлексии часто служит экстремальный опыт. Согласно многим концептуальным положениям гуманистической, экзистенциальной и трансперсональной психологии (К. Юнг, А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Ассаджиоли, И. Ялом, Ст. Гроф, К. Уилбер), процесс развития индивидуума есть постоянное движение с одного уровня развития сознания на следующий. Этот процесс идет неравномерно.

Есть периоды, когда все спокойно и понятно. В кризисологической теории развития личности мы назвали эти периоды линейными. Если представить метафору человеческой жизни как прохождение снизу вверх по многоэтажному зданию, то приблизительно это будет выглядеть следующим образом. Человек находится на первом этаже, он там живет. Со временем ему становится там все понятно, привычно, не опасно, знакомо и т. п. То есть он может по этому этажу ходить с закрытыми глазами. Так как, согласно гуманистической психологии, индивидуум находится в постоянном развитии, то человеку, говоря простым языком, становится скучно, «хочется чего-то нового», и человек начинает медленно подниматься в воздухе к потолку. Вначале он не замечает своего подъема, все как всегда, сегодня как вчера, но в какой-то момент он вдруг обнаруживает, что упирается головой в потолок. Метафора потолка точно отражает ситуацию экзистенциального кризиса. Именно в этот момент возникают вопросы: где я, кто я, зачем я здесь, как я здесь оказался, что делать дальше. Т. е. возникают классические экзистенциальные вопросы, на которые каждый должен сам искать ответы – другого варианта просто не существует в природе. И в этот момент человек понимает, что потолок надо про-

802 бить головой, это может быть больно. Но всегда есть выбор: двигаться дальше (страшно, неизвестно, интересно, ново) или вернуться назад (не опасно, знакомо, привычно, понятно, не больно, но скучно).

Проблемы экзистенционального ядра личностью разрешаются на каком-то этапе и в каком-то приближении, но, в сущности, они неразрешимы, это проблемы абсурда человеческого существования – великой тоски бытия.

Человек мало обращается в духовные области потому, что он сталкивается с экзистенциальными проблемами. Когда он их разрешает, некоторым образом структурируя пустоту, понимает, что сделал нечто важное для себя. Но затем оказывается, что колосс на глиняных ногах и опять то, что казалось незыблемым, понятным, рушится, и опять пустота и тошнота.

Проблемы экзистенции сами по себе абсурдны и неразрешимы в пределах Логоса. В этом смысле духовное эго всегда является попыткой превозмочь абсурд.

Одновременно мы должны хорошо представлять, что часто не только малые группы, но и целые страны населения, народности вовлечены в духовный поиск и именно духовная идентификация является основным интегративным образованием и смыслодеятельностным содержанием активности.

В силу наших логических доводов мы можем вполне обоснованно переделать Рис. 1 в следующий вид:

- 1 – предельный эгоцентризм европейца
- +1 – максимальный коллективизм неевропейца
- 0 – выраженность и тех и других качеств.

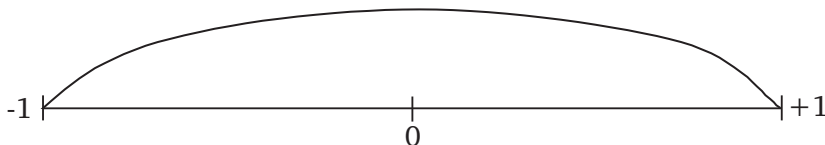


Рис. 2. Типология ориентаций личности: реальность

Таким образом, на уровне социальной онтологии мы должны усмотреть не глобальный факт раскола человеческого мира с двумя типами личностей – эгоцентрической европейской и гуманистической, коллективоцентрированной неевропейской, а единообразие личности на планете Земля. Следует понимать, что за улыбкой тайца, или японца, или китадца скрывается та же самая личность со своими мотивами, интересами, потребностями материального, социального и духовного характера. Предельный эгоцентризм и предельный коллективизм – крайности в единой глобальной социальной общности – человечестве.

А так – мы разные, но не чужие, слегка другие, но одинаково захваченные смыслами бытия в мире.

И если производство и распространение информации в массовой коммуникации ориентировано на то, что интересно всем, оно может найти наиболее полное выражение в общезначимых ценностях современной личности. Это то, что надо знать всем, это необходимый элемент бытия в мире, фундамент повседневного знания, которым располагает любой член современного общества.

А. П. Супрун

Психофонетический анализ текста¹

Вопрос о том, как возникает конкретная фонетическая номинация денотата, ставился уже более двух тысяч лет назад еще в диалоге Платона «Кратил», позднее – в трудах средневековых схоластов, а в Новое время у Я. Грима, В. Гумбольта, А. Шлейхера. Об этом же говорили поэты и литераторы; например, А. С. Пушкин писал: «Ищу союза волшебных звуков, чувств и дум». Звуковое оформление многих слов, действительно, является неслучайным и часто связано с прямым звукоподражанием: *кукушка*, *мяукать*, *хрюшка*. Слово *гром* и звуками своими «гремит», так же как *шелест* «шелестит», *писк* «пищит», а *хрип* «хрипит». Однако писатели и поэты использовали не только звукоподражательные слова, связанные со смысловым контекстом, но и предложения строили в соответствии с ним. Например, в «Слове о полку Игореве», неизвестный автор писал: «и в **пяток потопташа поганые полки половецкие**», передавая стремительную атаку конницы. Таким образом, сам выбор тех или иных слов для построения высказывания может быть не случайным, а подсознательно определяться эмоциональными и смысловыми коннотациями говорящего. В этом нет ничего удивительного, поскольку системы отдельных ярусов языковой структуры, взаимодействуя друг с другом, образуют общую единую самосогласованную систему данного языка.

Звуки (фонемы) являются материальными знаками языка, а не просто «слышимыми звуками». Звуковые знаки языка (равно как и графические) обладают двумя функциями:

- а) перцептивной² – быть объектом восприятия, и

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-06-00299.

² От *перцепция* из латинского *perceptio* – «восприятие».

б) сигнификативной³ – иметь способность различать вышестоящие, значимые элементы языка – морфемы, слова, предложения.

В начале прошлого века основатель семиотики Ч. Пирс построил классификацию знаков, основанную на различии во взаимоотношениях между означаемым и означающим знака. Таким образом, он выделил три типа знаков: иконические, индексы и символы.

Иконические знаки характеризуются фактическим *подобием* означаемого и означающего. Среди иконических знаков Пирс выделил два подкласса – образы и диаграммы. В *образах* сходство означающего и означаемого затрагивает то, что Пирс назвал «простыми качествами» означаемого, т. е. форму, цвет, манеру двигаться, издавать звуки и т. п. Примерами образов могут служить разного рода реалистические изображения (например, изображение морды собаки на воротах), некоторые жесты в танцах; изобразительные фрагменты в музыкальных произведениях (например, имитация полета шмеля и т. п.).

В знаках типа *диаграмм* означающее обнаруживает сходство со своим означаемым только в соотношении их частей. Пример знаков-диаграмм – это прежде всего диаграммы в обычном смысле – геометрические фигуры, выражающие количественное соотношение каких-либо величин.

Индексы – это знаки, основанные на отношении *смежности* между означаемым и означающим в реальной действительности. Так, дым – индекс огня, жар – индекс заболевания, покраснение кожи лица – индекс чувства неловкости, стыда.

Символы – знаки, в которых связь между означаемым и означающим устанавливается произвольно, по соглашению. Символы конституируются, создаются правилами, конвенциями и не зависят от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности между означаемым и означающим. Примеры знаков-символов – сигналы светофора: трем цветам произвольно приписаны три значения. Другой пример знаков этого типа – некоторые значки полезных ископаемых

³ От лат. *significare* – «обозначать».

806 на географической карте, математические символы вроде буквы греческого алфавита π , обозначающей отношение диаметра к длине окружности, или значок $\sqrt{\quad}$, обозначающий операцию извлечения квадратного корня.

Знаки иконические и индексальные в совокупности иногда называют *естественными*, или *природными*, поскольку в них связь между означающим и означаемым представляется естественной, произвольной, мотивированной природой обеих сторон знака. Символы же называют *условными*, *конвенциональными* знаками.

Разделив все знаки на три класса, Пирс вместе с тем подчеркивал, что *принадлежность знака к одному из указанных классов носит не абсолютный, а относительный характер*. То есть в знаке могут одновременно наличествовать и черты иконичности, и черты индексальности, и черты условности, и отнесение его к одному из трех указанных классов зависит от того, какие черты в нем преобладают. По мнению Пирса, самые совершенные из знаков – те, в которых иконические, индексальные и символические признаки смешаны, по возможности в равных отношениях.

Иконические знаки в естественном языке отнюдь не редкое явление. Знаками, которые Ч. Пирс называл образами, являются так называемые *звукоизобразительные* слова. В этих словах прослеживается неслучайная, мотивированная связь между их фонемным составом и тем, что Ч. Пирс называл простыми свойствами означаемого. Непроизвольная связь фонем слова со звуковым (акустическим) признаком того предмета/явления, которое это слово обозначает, называется *звукоподражанием* (ономатопеей). Звукоподражание можно рассматривать как имитацию звучаний окружающего нас мира. Примеры звукоподражательных слов: (*тук-тук*, *бз-з-з*, англ. *quack-quack* и т. п.). Если фонемами слова «изображается» незвуковой (неакустический) признак означаемого, то такое явление называется *звуковым*, или *фонетическим символизмом*, или короче – *звукосимволизмом*. Звукосимволические слова «изображают» различные виды движения (ср., напри-

мер, англ. *totter* «идти неверной походкой; трястись, шататься», кхмер. *totret-tottrout* «ходить, пошатываясь»), форму (ср., напр., лат. *bulla* «водяной пузырь» и индонезийск. *bulat* «круглый»), световые явления, свойства поверхности объектов, физиологическое и эмоциональное состояние человека и ряд других признаков, произвольная связь которых со звучанием основана на психофизиологических механизмах *синестезии* (связи между впечатлениями, поступающими от разных органов чувств) и *кинетики* (произвольных движениях мышц, сопровождающих ощущения и эмоции).

Иконическая мотивированность – это соответствие отношений между частями языковой структуры и частями концептуальной структуры, отражающей действительность. Проявления иконической мотивированности многообразны. Так, противопоставление простых знаков сложным знакам того же уровня языка может рассматриваться как отражение простоты/сложности соответствующих им в данном языке понятий. Если, например, в русском языке понятие ‘*пар*’ выражается простым словом «*пар*», а понятие ‘*паровоз*’ – сложным словом «*паровоз*», то, согласно гипотезе об иконичности языка, это означает, что для носителей русского языка первое понятие в некотором смысле является более элементарным, чем второе, исходным по отношению к нему. Типологическое исследование естественных языковых классификаций растений (этноботаника) и животных (этнозоология), проведенное Б. Берлином, показало, что обычно в них четко выделяется три уровня, которые он назвал уровнем «форм живого» (*life-form*), родовым уровнем и видовым уровнем. При этом во всех языках элементы родового уровня (например, *дуб, сосна, кедр и клен*) обозначаются простыми словами (ср. в английском языке *oak, pine, cedar, maple*), а элементы видового уровня – словосочетаниями, состоящими из имени родового уровня и определения к нему (ср. в английском языке *tan oak, blue oak, sugar pine, incense cedar, red cedar, bigleaf maple, vine maple*).

Совершенно независимо психолог Э. Рош показала, что в сознании человека существуют понятия, образующие «ба-

808 зовый уровень» категоризации объектов действительности, соответствующий родовому уровню Б. Берлина, и что понятия более низкого уровня (видового по Берлину) устроены сложнее.

Таким образом, оказывается, что структура означающего *иконически мотивирована структурой означаемого*: простому, базовому понятию соответствует простое (однословное) выражение, а более сложному, производному понятию – более сложное (неоднословное). Если окажется, что некоторые понятия выражаются простыми знаками во всех языках мира, то можно предположить, что именно эти понятия суть элементарные конструкты человеческого сознания, образующие «язык мысли». Попытка выявить такие понятия (семантические примитивы) в рамках одного языка, а затем обосновать адекватность проведенного анализа данными типологических исследований, предпринята А. Вежбицкой и ее последователями (см. Goddard, Wierzbicka 1994).

Одно из первых исследований связи фонетики и семантики речи было предпринято А. П. Журавлевым в 1981 г. Каждая фонема (всего выделялось 46 фонем) оценивалась испытуемыми (носителями русского языка) по шкалам семантического дифференциала Ч. Осгуда: *хороший – плохой, большой – маленький, нежный – грубый, женственный – мужественный, светлый – темный, активный – пассивный, простой – сложный, сильный – слабый, горячий – холодный, быстрый – медленный, красивый – отталкивающий, гладкий – шероховатый, легкий – тяжелый, веселый – грустный, безопасный – страшный*. Конечно, фонематическая система языка значительно сложнее, чем те основания, которые учитывал автор, однако, даже упрощенный подход дал довольно интересные результаты. Учитываемая только частотность звука в языке и слове, место звука и его ударность, он предлагает следующую расчетную формулу для расчета фонетической значимости слова F :

$$F = \frac{\sum_i f_i k_i l_i \frac{P_{\max i}}{P_i}}{\sum_i k_i l_i}, \quad (1)$$

$P_{\max i}$ - максимальная частотность звука в данном слове,
 P_i - частотность звука в слове,
 f_i - значение семантического дифференциала фонемы по i -той шкале,

$$k_i = \begin{cases} 4, & \text{если } i - \text{я фонема первая в слове} \\ 1, & \text{если } i - \text{я фонема не первая в слове} \end{cases}$$

$$l_i = \begin{cases} 2, & \text{если } i - \text{я фонема ударная} \\ 1, & \text{если } i - \text{я фонема безударная} \end{cases}$$

На данном этапе исследования мы планировали сравнить качество психофонетических интерпретаций при использовании f_i , измеренных с помощью методики семантического дифференциала Ч. Осгуда и семантических координат.

На наш взгляд, пятибалльная шкала оценок, используемая А. П. Журавлевым, является достаточно грубой для количественного измерения смысловых коннотаций. Кроме того, ограниченность измерительных шкал предельными значениями приводит к тому, что пространство свойств становится неевклидовым. При увеличении интенсивности (выраженности) измеряемого свойства, начинают сказываться нелинейные искажения масштаба шкал, связанные с релятивистскими эффектами, поскольку сложение свойств в в этом пространстве реализуется следующей формулой:

$$V_j = \frac{V_{j_1} + V_{j_2}}{1 + \frac{V_{j_1} \cdot V_{j_2}}{C_j^2}}, \quad (2)$$

V_j - интенсивность j -того свойства,
 N_j - предел шкалы j -того свойства.

Методика измерения

Для того, чтобы получить максимальный эффект от метода, измерения должны проводиться по *непрерывным* шкалам

810 и учитывать *нелинейный* характер изменения выраженности свойств объектов при приближении к пределам. Обязательными условиями использования методики являются следующие:

1. Все респонденты должны иметь представление о предлагаемых объектах исследования и хорошо понимать значения используемых для их описания дескрипторов.
2. Набор дескрипторов (шкал) должен *полноценно* описывать исследуемый класс объектов *в отношении некоторой потребности*. Все свойства должны быть применимы ко всем представленным объектам, адекватно описывать и отличать данный класс от других.

Процесс тестирования респондента включает в себя следующие *последовательные* этапы:

1. Предоставляется общий список объектов исследования (фонем), который испытуемый должен разделить на две группы, в соответствии с полюсами (положительным и отрицательным) шкалы *некоторого качества*. В один список попадут объекты, имеющие, с точки зрения респондента, положительную оценку по некоторому качеству, а во второй – отрицательные оценки по этому качеству. Предварительное разделение объектов на группы значительно облегчает последующий процесс ранжирования объектов.
2. Проводится ранжирование объектов внутри каждого из двух полученных списков по степени выраженности данного качества (V). В зависимости от группы ранжирование производится по принципу: от объекта, имеющего минимальную положительную оценку до объекта, имеющего максимальную положительную оценку или от объекта, имеющего минимальную отрицательную оценку до объекта, имеющего максимально отрицательную оценку.
3. Проводится уточнение ранговых отношений, на основании чего вычисляются *количественные* оценки вы-

раженности качеств и формирование непрерывной шкалы. Это реализуется с помощью методики, которую мы условно назвали «шкала-лестница».

Первые два этапа не требуют дополнительных разъяснений. Последний этап мы рассмотрим подробно. Третий этап может начинаться с любого из списков объектов, полученных на втором этапе, например, «положительного» (см. выше). При компьютерной реализации алгоритма на экран монитора последовательно выводятся названия объектов. Объекты представляются «тройками» в соответствии с порядком их следования внутри соответствующего списка предварительного ранжирования и в момент предъявления визуально равноудалены друг от друга. Это позволяет респонденту работать только с тремя объектами в текущий момент, а не со всем списком сразу.

В нашем исследовании для оценки основных 46 фонем мы использовали следующие шкалы: *нежный – грубый, легкий – тяжелый, женственный – мужественный, светлый – темный, пассивный – агрессивный, безопасный – страшный, некрасивый – красивый, холодный – теплый, детский – взрослый, несексуальный – сексуальный, дешевый – дорогой, заурядный – величественный, чуждый – родной, чистый – грязный, больной – здоровый, добрый – злой, грустный – веселый, гибкий – жесткий, легкомысленный – серьезный, спокойный – тревожный, трусливый – храбрый, зависимый – свободный, скучный – интересный, стабильный – изменчивый, скромный – вычурный, небесный – земной, аристократичный – демократичный, послушный – капризный, строгий – вольный, располагающий – отталкивающий.*

Фонетические изменения и жизнь слова

В компаративистике известно, что с кризисными ситуациями в обществе часто связаны фонетические изменения в языке. По всей видимости, это может приводить к тому, что новое звучание слов приводит к несоответствию семантики лексического и психофонетического значения. В качестве

812 примера сравним психофонетические значения слова *юноша* и его прежней формы – *унош*. На рис. 1 представлены результаты расчета. Видно, что по целому ряду шкал слово «юноша» приобрело «женское» звучание – стало более «нежным», «легким», «красивым», «легкомысленным», «вычурным» и «капризным». Более того, оно приобрело женский вариант окончания и практически перестало употребляться в обиходе.

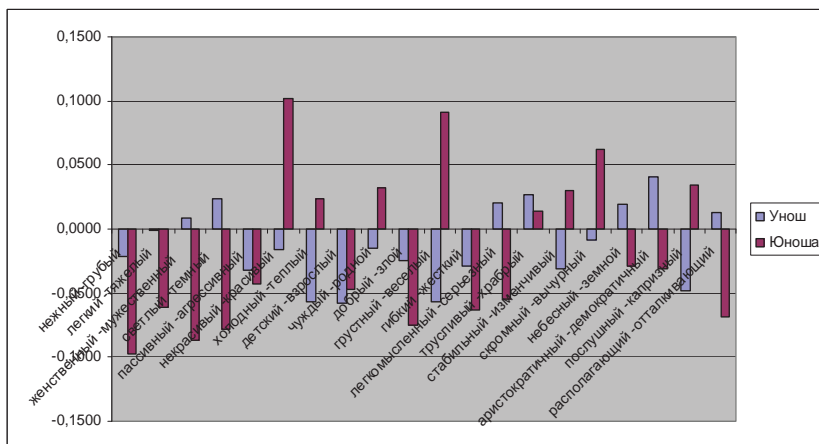


Рис. 1. Психофонетические значения звучания слов «унош» и «юноша»

На рис. 2 представлены результаты психофонетических изменений между этими словами, рассчитанные по общим шкалам в нашей методике и методике Журавлева. Основное различие касается динамического диапазона и чувствительности методик к фонетическим изменениям.

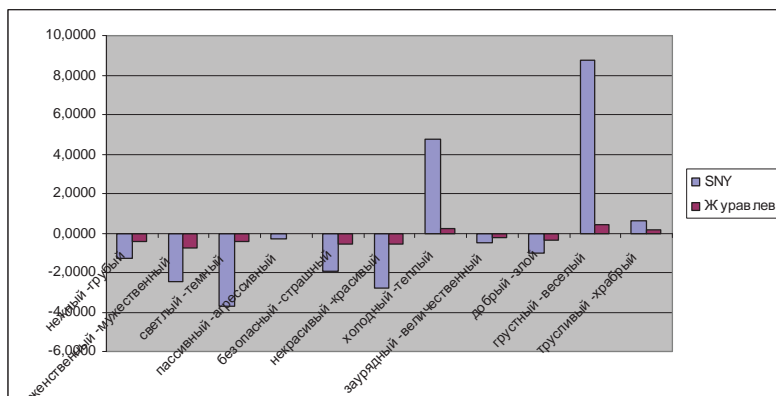


Рис. 2. Результаты психофонетических изменений между словами «унош» и «юноша», рассчитанных по релятивистским шкалам и в методике А. П. Журавлева

Нейтральная и стилистически окрашенная лексика

В каждом выработанном литературном языке словарный состав распределяется стилистически. Есть слова нейтральные, т. е. такие, которые можно употреблять в любом жанре и стиле речи (в устной и письменной речи, в ораторском выступлении и в телефонном разговоре, в газетной статье и в стихах, в художественном и в научном тексте и т. п.). Это, прежде всего, слова основного словарного фонда в прямых значениях: *лоб, глаз, земля, гора, река, дом, стол, собака, лошадь, родина, есть, работать, спать*. По сравнению с такими нейтральными, стилистически не окрашенными словами иные слова могут быть или «высокого стиля» (*чело, очи, чрево, отчизна, конь, вкушать, почивать*), или «низкого» (*одёжа, буркалы, котелок, брюхо, жрать, вздрючка, барахло, шандарахнуть, намедни*).

Таким образом, ломоносовская «теория трех штилей» не только оказывается исторически оправданной применительно к русскому литературному языку XVIII в., но и заключает в себе очень важное теоретическое зерно: стили речи соотносительны, и любой стиль прежде всего соотнесен с нейтраль-

814 ным, нулевым; прочие стили расходятся от этого нейтрального в противоположные стороны: одни с «коэффициентом» плюс как «высокие», другие – с «коэффициентом» минус как «низкие» (ср. нейтральное *есть*, высокое *вкушать* и низкое *жрать* и т. п.).

В пределах того или другого стиля (кроме нейтрального!) могут быть свои подразделения: в «высоком» – поэтический, риторический, патетический, «академический», специально-технический и т. п.; в «низком» – разговорный, фамильярный, вульгарный и т. п.

Для каждого языка бывают разные источники комплектования словаря «высоких» и «низких» стилей.

В русском литературном языке источниками «высокого» стиля могут быть прежде всего славянизмы или им подобные слова (не *лоб*, а *чело*, не *губы*, а *уста*, не *умер*, а *почил*, не *родина*, а *отчизна*, не *сторож*, а *страж*, не *ворота*, а *врата*, не *город*, а *град*, не *соски*, а *сосцы*, не *страдаю*, а *стражду* и т. п.); кроме того, в иных жанрах эту роль могут выполнять греко-латинские и иные международные слова (не *мир*, а *космос*, не *захватчик*, а *оккупант*, не *ввоз* и *вывоз*, а *импорт* и *экспорт*, не *преступный*, а *криминальный*, не *нарыв*, а *абсцесс*, не *составная часть*, а *ингредиент* и т. п.).

Значимость таких слов, как 1) *есть*, 2) *лицо*, 3) *кричать* определяется их соотношениями:

1) для *есть*: *вкушать*, *кушать*, *жрать*, *лопать*, *трескать*, *шамать*;

2) для *лицо*: *лик*, *физиономия*, *морда*, *харя*, *мурло*, *рыло*, *рожа*, *образина*, *ряшка*;

3) для *кричать*: *гласить*, *вопить*, *орать*, *реветь*. Значимость слова определяется так же, как и значимость других единиц языка (фонем, морфем...), – по соотношенности в одном ряду.

Ряд для определения значимости слова называется лексическое поле. Лексическое поле – это не область однородных предметов действительности и не область однородных понятий, а сектор лексики, объединенный отношениями параллеле-

лизма (синонимы), контраста (антонимы) и сопутствования (метонимические и синекдохические связи слов), а главное, различного рода противопоставлениями. Только в пределах лексического поля слово может получить свою значимость, так же, как и фонема – в своем. Ни в коем случае не следует смешивать понятия контекста и поля. Контекст – это область употребления слова, речи, а поле – сфера его существования в системе языка.

Проведем сопоставление психофонетических значений по релевантным шкалам следующих слов: *лик*, *лицо*, *физиономия*, *морда*, *рыло*, *рожа*. В этом ряду экспрессивный момент изменяется от максимально положительного в начале ряда, до резко отрицательного в конце. Отметим, что слово *морда* обычно относится к большинству животных (собакам, лошадям и др.), а *рыло* – к свиньям.

Результаты обработки по семантическим координатам и семантическому дифференциалу представлены на рис. 3 и 4. Сравнение графиков показывает удовлетворительное качественное соответствие: смена знака отношения в районе 3-го слова (*физиономия*) и количественный рост интенсивности свойств от первого к последнему слову.

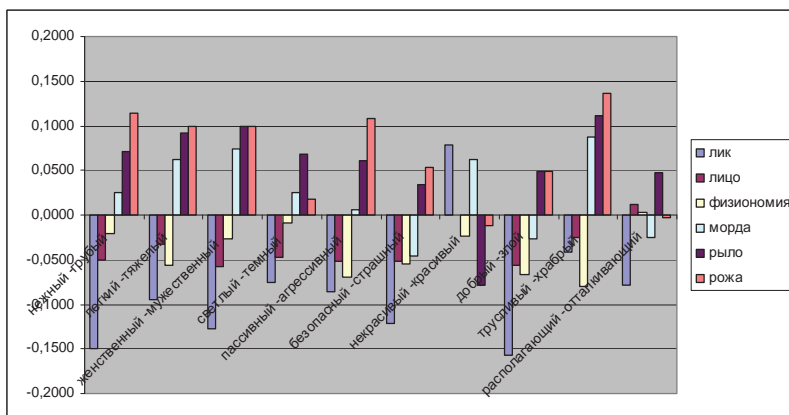


Рис. 3. Психофонетический анализ лексики.
Релятивистские шкалы

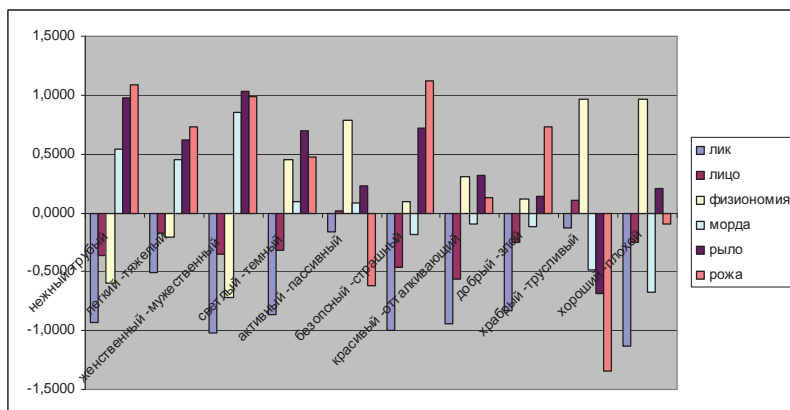


Рис. 4. Психофонетический анализ лексики
(по А. П. Журавлеву)

Следует отметить, что согласованность динамики изменения интенсивностей в первом варианте значительно лучше: между семантическими координатами обнаруживается 25 достоверных парных корреляций, а между семантическими дифференциалами всего 12.

Анализ дискурса

Наибольший интерес методика представляет в исследовании не отдельных слов, а целого текста. В качестве примера мы выбрали стихотворение А. С. Пушкина к А. Керн: «Я помню чудное мгновенье», поскольку в нем хорошо представлена эмоциональная динамика переживаний автора. Для того чтобы учесть авторскую работу над звучанием строф и привести численные значения оценок к сравнимому с другими методиками виду, мы нормировали значение каждой шкалы в строфе на дисперсию.

На рис. 5 представлена динамика изменения по следующим шкалам: *нежный – грубый*, *легкий – тяжелый*, *женственный – мужественный*, *светлый – темный*, *детский – взрослый*, *чистый – грязный*, *добрый – злой*, *гибкий – жесткий*, *небесный –*

земной, притягивающий – отталкивающий. На графиках видно, что смысловые лексические и психофонетические значения хорошо вписываются друг в друга: повышение значений к середине стихотворения и резкое падение в конце. Удивительно, что, несмотря на присутствие одних и тех же слов в четвертой и шестой строфе – *божество, вдохновенье, жизнь, слезы, любовь*, за счет того, что Пушкин как бы вычеркивает их, каждое в отдельности, с помощью предлога «без», их психофонетические значения резко различаются. По эмоциональной насыщенности четвертая строфа самая «пустая», а шестая – самая «богатая» (см. табл.):

Таблица

№	СТРОФЫ	Характеристика по максимальным психофонетическим значениям
1	Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты.	Нежный Пассивный Безопасный Родной Чистый Добрый Гибкий
2	В томленьях грусти безнадёжной, В тревогах шумной суеты, Звучал мне долго голос нежный, И снились милые черты.	Грубый Тяжелый Мужественный Взрослый
3	Шли годы. Бурь порыв мятежный Рассеял прежние мечты. И я забыл твой голос нежный, Твои небесные черты.	Грубый Тяжелый Мужественный Взрослый
4	В глуши, во мраке заточенья Тянулись тихо дни мои Без божества, без вдохновенья, Без слез, без жизни, без любви.	Тяжелый Безопасный

818

5	Душе настало пробужденье: И вот опять явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты.	Неагрессивный Безопасный Родной Чистый Добрый
6	И сердце бьется в упоенье, И для него воскресли вновь И божество и вдохновенье, И жизнь, и слезы, и любовь.	Нежный Легкий Женственный Светлый Не агрессивный Безопасный Красивый Родной

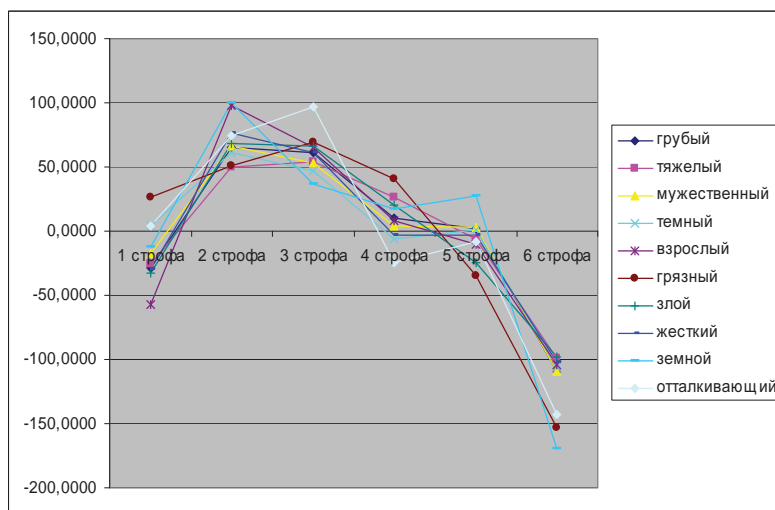


Рис. 5. Динамика изменения психофонетических значений стрóf стихотворения по релятивистским шкалам

Для сравнения приведем нормированные данные психофонетических значений по А. П. Журавлеву (рис. 6). Видно, что между первой, второй и третьей строфами существенных различий по этой методике не обнаруживается. На фоне не-

прерывного слабого падения значений от первой к шестой строфе контрастно выделяется в «положительную» область только последняя строфа.

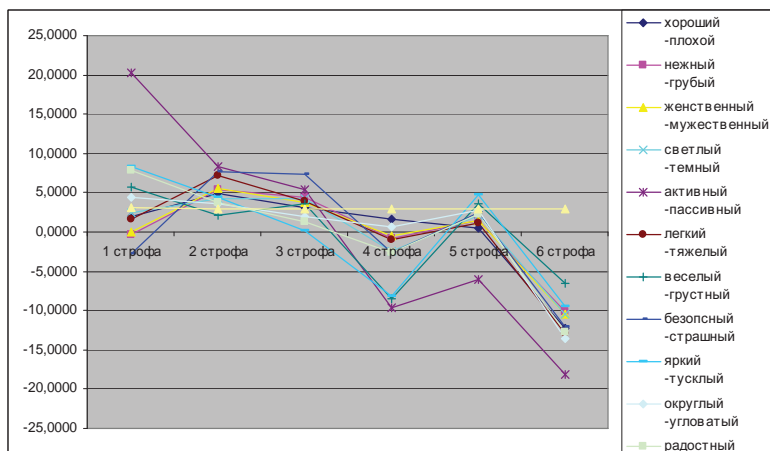


Рис. 6. Динамика изменения нормированных психофонетических значений строф стихотворения по А. П. Журавлеву

Таким образом, методика психофонетического анализа текста А. П. Журавлева действительно подтверждается. Однако возможности более точного анализа дискурса все еще не исчерпаны. Очевидна неполнота расчетных формул и коэффициентов, предложенных Журавлевым. При расчете психофонетических характеристик текста следует обратить внимание на все интонационные акценты как внутри слова, так и во всем предложении.

Об авторах

Асмолов Александр Григорьевич – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, зав. кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ.

Асмолов Григорий Александрович – магистр глобальных коммуникаций (университет Джорджа Вашингтона), магистр, докторант Лондонской школы экономики и политических исследований, научный ассистент Центра Беркмана по изучению Интернета и общества (Гарвардский университет).

Вартанова Елена Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики МГУ, зав. кафедрой теории и экономики СМИ.

Вербицкая Юлия Александровна – кандидат филологических наук, представитель в Крыму Международного медиа-клуба «Формат-А3», г. Симферополь.

Войскунский Александр Евгеньевич – кандидат психологических наук, заслуженный научный сотрудник Московского университета.

Дунас Денис Владимирович – научный сотрудник факультета журналистики МГУ, шеф-редактор информационно-аналитического бюллетеня для профессионалов «Медиа-Тренды».

Ениколопов Сергей Николаевич – кандидат психологических наук, зав. лабораторией Научного центра психического здоровья РАМН.

Ефимова Лариса Львовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права МЭСИ.

Засурский Ясен Николаевич – доктор филологических наук, профессор, президент факультета журналистики МГУ, зав. кафедрой зарубежной журналистики и литературы.

Зинченко Юрий Петрович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент Российского психологического общества, декан факультета психологии МГУ, зав. кафедрой методологии психологии.

Кабрин Валерий Иванович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, научный руководитель Лаборатории психологических практик факультета психологии ТГУ.

Карицкий Игорь Николаевич – кандидат психологических наук, ст. научный сотрудник факультета психологии МГУ.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, президент Международной академии психологических наук, академик Международной академии психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ имени П. Г. Демидова.

Коротченко Евгения Александровна – кандидат психологических наук, сотрудник лаборатории психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ.

Кузнецова Юлия Михайловна – кандидат психологических наук, ст. научный сотрудник Института системного анализа РАН.

Матвеева Лидия Владимировна – доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ, академик Международной академии телевидения и радио, председатель секции «Психология массовых коммуникаций» в РПО.

822 **Мионов Владимир Васильевич** – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ.

Назаретян Акоп Погосович – доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Евроазиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН, гл. редактор журнала «Историческая психология и социология истории».

Петренко Виктор Федорович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, профессор кафедры общей психологии, зав. лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ.

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, президент Сообщества профессиональных социологов, член Исполкома Международной социологической ассоциации (МСА), зав. кафедрой общей социологии ГУ–ВШЭ.

Пронин Евгений Иванович – доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского университета, руководитель Центра медиапсихологии факультета журналистики МГУ.

Пронина Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры практической психологии Московского института открытого образования.

Раскин Андрей Вадимович – кандидат исторических наук, доцент факультета журналистики МГУ.

Соколова Елена Теодоровна – доктор психологических наук, заслуженный профессор Московского университета, профессор кафедры клинической психологии факультета психологии МГУ.

Сорокина Вероника Васильевна – кандидат психологических наук, ст. научный сотрудник факультета информационных технологий МГППУ.

823

Супрун Анатолий Петрович – кандидат психологических наук, ст. научный сотрудник Института системного анализа РАН.

Чудова Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, ст. научный сотрудник Института системного анализа РАН.

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ МЕДИПСИХОЛОГИИ

Оформление обложки *А. Баланцевой*
Редактор *Е. Гурова*
Дизайн и верстка *Е. Сиротиной*

Подписано в печать 07.07.2011 г. Формат 60x84/16.
Гарнитура «CharterС». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 47,90 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 0971.

Отпечатано в типографии МГУ им. М. В. Ломоносова
119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 15.